

ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

3

2021

ВЕСТНИК
КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 года

2021

Том 27

№ 3

Июль – Сентябрь

VESTNIK
OF KOSTROMA
STATE
UNIVERSITY

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL

Appears since 1995

2021

Volume 27

№ 3

July – September

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ
РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ (ПЕРЕЧЕНЬ ВАК),
В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
ДИССЕРТАЦИЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК,
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК, ПО СЛЕДУЮЩИМ ОТРАСЛЯМ:
07.00.00. – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ;
10.00.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ;
12.00.00 – ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ) С 2003 ГОДА

16+

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе,
Костромской государственной университет

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
И ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ**

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук,
Костромской государственной университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственной университет

БИБИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, председатель Научного
Совета РАН по проблемам российской и мировой
экономической теории (г. Москва), Московский
государственный университет им. М.В. Ломоносова

ГЛАДКОВ АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт Всеобщей истории РАН

ДЕФЬЕ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор, Московский педа-
гогический государственный университет (г. Москва)

ЗАХАРОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ИЗОТОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА
доктор филологических наук, профессор,
директор института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

КАПУСТИН НИКОЛАЙ ВЕНАЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

КОМАРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

КОЧЕШКОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Почетный работник Высшего профессионального
образования РФ, Ярославский государственный педагогиче-
ский университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor,
prorector of science
Kostroma State University

**ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF AND
EXECUTIVE SECRETARY**

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
Doctor of Philology,
Kostroma State University

EDITORIAL BOARD STAFF

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
Kostroma State University

ALEKSANDR IVANOVICH BIBIKOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Russian Natural Sciences Academy corresponding member,
chairman of scientific council of Russian Academy of Sciences
on the issues of Russian and world economics (Moscow),
Lomonosov Moscow State University

ALEKSANDR KONSTANTINOVICH GLADKOV
Candidate of Historical Sciences, senior staff scientist,
Universal History Institute of the Russian Academy of Sciences

OLEG VIKTOROVICH DEFYE
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow Pedagogic State University

NATALIYA VLADIMIROVNA ZAKHAROVA
Candidate of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

NATALIYA VALERIYANOVNA IZOTOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
director of Philology, Journalism
and Intercultural Communication Institute,
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

NIKOLAY VENALIYEVICH KAPUSTIN
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY ALEKSANDROVICH KOMAROV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Russian Academy of National Economy
and Career Service under
the President of the Russian Federation (Moscow)

NATALIYA GENNADIEVNA KOPTELOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GENNADIY NIKOLAEVICH KOCHESHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

МАЛЬКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
директор Саратовского филиала Института государства
и права Российской академии наук (г. Саратов)

МАРКОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ
доктор филологических наук, кандидат философских наук,
профессор, ведущий научный сотрудник
Российский государственный гуманитарный университет,
Московский государственный университет

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ПЕТРОВИЧЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор исторических наук, профессор,
директор Гуманитарного института,
Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (г. Владимир)

ПОЛИЩУК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний России (г. Рязань)

ПОЛУБОЯРИНОВА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой истории зарубежных литератур,
Санкт-Петербургский государственный университет

ПОЛЫВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего образования,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

РОМАНОВСКАЯ ВЕРА БОРИСОВНА
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

ТИХОМИРОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Тульский государственный университет
им. Л.Н. Толстого (г. Тула)

ТОПОРОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

УСМАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
ведущий научный сотрудник, Институт мировой
литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук,
заведующий отделом классических литератур Запада
и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ALEKSANDR VASILIEVICH MAL'KO
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
honoured science worker of the Russian Federation,
director of Saratov branch of State and Law Institute
of Russian Academy of Sciences

ALEKSANDR VIKTOROVICH MARKOV
Doctor of Philology, Candidate of Philosophic Sciences,
Professor, leading researcher,
Russian State University for the Humanities,
Lomonosov Moscow State University

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA PETROVICHEVA
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Institute for the Humanities,
A.G. and N.G. Stoletovs
Vladimir State University

NIKOLAY IVANOVICH POLISHCHUK
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Academy of Federal
Penitentiary Service (Ryazan)

LARISA NIKOLAYEVNA POLUBOYARINOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of History of Foreign Literature,
Saint Petersburg State University

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ivanovo State University

VERA BORISOVNA ROMANOVSKAYA
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Lobachevsky Nizhny Novgorod
State University

VLADIMIR VASILIEVICH TIKHOMIROV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Leo Tolstoy Tula
State University

ANNA VLADIMIROVNA TOPOROVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY MIKHAYLOVICH USMANOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
Doctor of Philological Sciences,
Doctor of Philosophy (the USA), leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
Doctor of Philological Sciences,
head of the Department of Western Classic Literature
and Comparative Litera Studies,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ЧЕРКАСОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного суда Российской Федерации (г. Москва)

**ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ**

ЙОСИФОВА ТАНЯ НИКОЛОВА
доктор права,
Университет национального
и мирового хозяйства (г. София, Болгария)

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка и литературы
Парижский университет, Сорбонна, (г. Париж, Франция)

РОЗОВСКИЙ БОРИС ГРИГОРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Украины,
Институт экономико-правовых исследований
Национальной Академии наук Украины (г. Луганск)

KONSTANTIN VALERIEVICH CHERKASOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
judge of Supreme Court of the Russian Federation

**EDITORIAL BOARD
FOREIGN STAFF**

TANYA NIKOLOVA JOSIFOVA
Doctor of Law,
University of Economy for the Bulgarian Nation and World,
Sofia, Bulgaria

PHILIPPE COMTE
Professor of modern Russian language and literature
Pantheon-Sorbonne University, Paris, France

BORIS GRIGORIEVICH ROZOVSKIY
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Honoured lawyer of the Ukraine,
Institute of economical and legal research
National Academy of Sciences of Ukraine (Lugansk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- 7 **Исмаилова А.М.**
Социально-экономическое положение помещичьих крестьян после проведения крестьянской реформы в Грузии (последняя четверть XIX – начало XX в.)
- 15 **Лапай Д.С.**
Подготовка командно-начальствующего (технического) состава для железнодорожных войск РККА в школах военно-железнодорожных техников в первой половине 1920-х гг.
- 25 **Баринов Д.А.**
Историки и оппозиция в Ленинграде (1920–30-е гг.)
- 38 **Ильин Ю.А., Орешкин О.Ю.**
Опыт работы торговых учреждений Торгсина с населением Ивановской промышленной области в 1933–1935 гг.
- 46 **Лантухов С.С.**
Деятельность политорганов и партийных организаций ВКП(б) по усилению партийного влияния на личный состав ВВС РККА в ходе коренного перелома в Великой Отечественной войне
- 54 **Сафолов Д.С., Околотин В.С.**
Организация производства и выпуска продукции на Родниковском меланжевом комбинате «Большевик» в 1942 г.
- 61 **Столетова А.С.**
Обычай и менталитет производственного социума в реалиях повседневности 1960–80-х гг. (на примере интерпретации архивных материалов фонда РГАНИ)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 71 **Говенько Т.В.**
Александр Веселовский о мифе: концептуально-методологические аспекты дипломной работы ученого (на материалах из личного архива ученого)
- 77 **Первушин М.В.**
Идейно-художественный замысел «Повести о разорении Рязани Батыем»
- 86 **Виноградов И.А.**
Неизвестные строки записной книжки Н.В. Гоголя
- 92 **Андреева В.Г.**
Эпический роман: к проблеме освобождения термина от псевдосмыслов
- 102 **Патрикеева М.В.**
Крымская война 1853–1856 гг. в сюжетах русских басен
- 107 **Медведева Н.А.**
Жанровое своеобразие комедии А.Н. Островского «Красавец-мужчина»
- 112 **Коптелова Н.Г.**
Образ Петра I в поэзии М.И. Цветаевой
- 122 **Алексеева А.А.**
К вопросу о художественной целостности цикла С. Горюшкового «Тюремные песни»
- 128 **Абрамова В.И., Архангельская Ю.В.**
«Звезда Венера» в русской поэзии XX в.: мифопоэтическая символика
- 135 **Бондарчук Е.М.**
Символика книги и пространство культурной памяти в «финальной книге» Б. Пастернака «Доктор Живаго»
- 148 **Гузь Н.А., Бабичева Ю.Г.**
Система точек зрения в рассказах В.М. Шукшина
- 155 **Морозов А.Д.**
Предвосхищая Ж.-Ж. Руссо: естественное состояние в романе «Письма перуанки» Ф. де Графиньи (1747)
- 161 **Шмелева Т.Н.**
Проза Кейт Шопен в контексте американского трансцендентализма

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

- 7 **Ismailova A.M.**
The socio-economic situation of the landowner peasants after the peasant reform in Georgia (the last quarter of the 19th - the early 20th century)
- 15 **D.S. Lapay**
Training of commanding (technical) staff for the Red Army's railway troops at the military railway technicians' schools in the first half of the 1920s
- 25 **D.A. Barinov**
Historians and opposition in Leningrad (1920s – 1930s)
- 38 **Yu.A. Ilyin, O.Yu. Oreshkin**
Experience of trading institutions of Torgsin (trade with foreigners) with the population of Ivanovo Industrial Region in 1933-1935
- 46 **S.S. Lantukhov**
Activities of political agencies and inner organisations of the Communist Party of the Soviet Union (Bolsheviks) to strengthen the Party influence on the Red Army Air Force personnel during a radical change in the World War II East Front
- 54 **D.S. Safolov, V.S. Okolotin**
Organisation of production and release of products fabric plant "Bolshevik" in the town of Rodniki in 1942
- 61 **A.S. Stoletova**
Custom and mentality of production societies in the realities of everyday life in the 1960s-80s (An interpretation of archive materials from the Russian State Archive of Contemporary History)

SCIENCE OF LITERATURE

- 71 **T.V. Govenko**
Alexander Veselovsky on the myth: conceptual and methodological aspects of the scientist's thesis (based on materials from the scientist's personal archive)
- 77 **M.V. Pervushin**
Ideological and artistic concept of "The Tale of the Destruction of Riazan"
- 86 **I.A. Vinogradov**
Unknown lines in Nikolai Gogol's notebook
- 92 **V.G. Andreeva**
Epic Novel: to the problem of liberating terms from pseudo-meanings
- 102 **M.V. Patrikeeva**
The Crimean War of 1853–1856 in the plots of Russian fables
- 107 **N.A. Medvedeva**
Artistic features of the comedy "The Handsome Man" by Alexander Ostrovsky
- 112 **N.G. Koptelova**
The image of Peter I in the poetry of Marina Tsvetaeva
- 122 **A.A. Alekseeva**
On the issue of the artistic integrity of Sergey Gorodetsky's cycle "Prison Songs"
- 128 **V.I. Abramova, Yu.V. Arkhangelskaya**
"The Star of Venus" in Russian poetry of the 20th century: mythopoetic symbolism
- 135 **E.M. Bondarchuk**
Symbolics of the book and the space of cultural memory in the «final book» of Boris Pasternak "Doctor Zhivago"
- 148 **N.A. Guz, Yu.G. Babicheva**
The system of points of view in Vasily Shukshin's short stories
- 155 **A.D. Morozov**
Anticipating Jean-Jacques Rousseau: the state of nature in the novel "Letters from a Peruvian Woman" by Madame de Graffigny (1747)
- 161 **T.N. Shmeleva**
Kate Chopin's prose in the context of American transcendentalism

165 Таганов А.Н.

Геометрия художественного пространства в творчестве Марселя Пруста

170 Васильева Э.В.

Прием «геоцитирования» в нарративной стратегии Г.Ф. Лавкрафта (на материале романа «Случай Чарльза Декстера Варда»)

177 Полонская С.В.

«Доктор Живаго» Б.Л. Пастернака в итальянской критике 1950-х: дискуссия в журнале «Il Ponte»

183 Ковалев Б.В., Жуков А.П.

Человек отчужденный в романах А.А. Аствацатурова «Не кормите и не трогайте пеликанов» и Х.К. Онетти «Короткая жизнь»

194 Хитарова Т.А., Хитарова Е.Г.

«Журналистский криминальный роман» Трумэна Капоте «Обыкновенное убийство» в контексте проблемы «нового журнализма»

202 Ляховская Н.Д.

Судьба африканской маски в произведениях франкоязычных писателей Западной и Центральной Африки

210 Текенова У.Н.

Тема военного детства в алтайской литературе второй половины XX в. (на примере произведений Л. Кокышева, Б. Укачина, Д. Каинчина и др.)

217 Никифорова В.В.

«Пограничная ситуация»: чувашская проза рубежа XX–XXI веков

222 Ивденко Н.В.

Логос наррации в филологическом романе

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**228 Бакулина И.П., Кириллов Д.А.**

О правовой притворности в санитарно-эпидемиологической сфере на фоне пандемии COVID-19

235 Ульянов М.В.

Состояние преступности иностранных граждан в Центральном федеральном округе

244 Кобзарев Ф.М.

Досудебное соглашение о сотрудничестве по уголовному делу: о некоторых общих проблемах и роли прокурора в их решении

249 Травин Г.Д.

Понятие «добросовестности» в практике Европейского суда справедливости как инструмент регулирования гражданско-правовых отношений в Европейском союзе

257 Жевняк О.В.

Использование экономических исследований в делах о нарушениях цифровыми платформами конкурентного законодательства

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**264 Неганова Г.Д., Курцова В.Н.**

Итоги международного проекта по изданию трудов Г.З. Шкляра

269 ТРЕБОВАНИЯ**К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ****165 A.N. Taganov**

The geometry of artistic space in the works by Valentin Louis Georges Eugène Marcel Proust

170 E.V. Vasileva

“Georeferencing” and Howard Phillips Lovecraft’s narrative strategy (on the material of “The Case of Charles Dexter Ward”)

177 S.V. Polonskaya

“Doctor Zhivago” by Boris Pasternak in Italian criticism of the 1950s: a discussion in the magazine “Il Ponte”

183 B.V. Kovalev, A.P. Zhukov

An alienated person in the novels “Do not Feed or Touch the Pelicans” by Andrey Astvatsaturov and “A Brief Life” by Juan Carlos Onetti Borges

194 T.A. Khitarova, E.G. Khitarova

“The journalistic criminal novel” “In Cold Blood” by Truman Garcia Capote in the context of “new journalism” problem

202 N.D. Lyakhovskaya

The fate of African mask in the works of French-speaking writers in West and Central Africa

210 U.N. Tekenova

The topic of “WW2 rear” childhood in Altai literature of the second half of the 20th century (on the example of the works of Lazar’ Kokyshev, Boris Ukachin, Dibash Kainchin, etc.)

217 V.V. Nikiforova

“Border situation”: Chuvash prose of the turn of the 20th-21st centuries

222 N.V. Ivdenko

Logos of narration in a philological novel

JURAL SCIENCE**228 I.P. Bakulina, D.A. Kirillov**

On the legal feignfulness in the sanitary and epidemiological sphere against the background of the COVID-19 pandemic

235 M.V. Ul’janov

Migrants and crime in Russia’s Central Federal District

244 F.M. Kobzarev

Pre-trial agreement on cooperation in a criminal case: on some common problems and the role of the prosecutor in their solution

249 G.D. Travin

Notion of good faith in European Court of Justice practice as a regulatory instrument for civil matters in the European Union

257 O.V. Zhevnyak

Use of economic research in cases of violations of antitrust law by digital platforms

UNIVERSITY SCIENTIFIC LIFE**264 G.D. Neganova, V.N. Kurcova**

Results of the international project on publishing the works of Gertsel’ Shklyar

269 REQUIREMENTS**TO REGISTRATION OF ARTICLES**

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 7–14. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 7–14. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 94(479.22)''18/19''

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-7-14>

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН ПОСЛЕ ПРОВЕДЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ В ГРУЗИИ (последняя четверть XIX – начало XX в.)

Исмаилова Алмас Муса Кызы, кандидат исторических наук, Дагестанский государственный университет народного хозяйства, Махачкала, Дагестан, Россия, almaz.ismailova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3562-3032>

Аннотация. В статье проанализированы основные положения крестьянской реформы в Грузии, оказавшие дальнейшее влияние на социально-экономическое развитие помещичьих крестьян Тифлисской и Кутаисской губерний в последней четверти XIX – начале XX вв. На основе архивных источников и литературы рассматриваются причины тяжелой экономической ситуации помещичьих крестьян Грузии в исследуемый период. Анализ формировавшихся в Грузии общественно-экономических отношений дает возможность сделать вывод о том, что здесь существовали противоречия, свойственные капиталистическому способу хозяйствования. С одной стороны, крестьянская реформа способствовала более быстрому развитию капиталистического способа производства в деревне, положив начало экономическому развитию в сельском хозяйстве, внедрению торгового земледелия, росту производительности сельскохозяйственной продукции, созреванию товарно-капиталистических отношений. С другой стороны, основные средства производства находились в руках помещиков, которые привели к еще большему обширному обнищанию помещичьих крестьян. Таким образом, в Грузии пережитки крепостничества сохранились еще дольше, чем в европейских губерниях Российской империи. Сделан вывод, что причина этих пережитков заключалась в отсталости и относительно слабом развитии капиталистических отношений на Южном Кавказе, в частности в Грузии.

Ключевые слова: «Положение», крестьянская реформа, Тифлисская губерния, Кутаисская губерния, Южный Кавказ, социально-экономическое развитие, феодально-крепостнические пережитки, помещичьи крестьяне, усадебная оседлость, хизаны, выкупная операция, классовая дифференциация.

Для цитирования: Исмаилова А.М. Социально-экономическое положение помещичьих крестьян после проведения крестьянской реформы в Грузии (последняя четверть XIX – начало XX в.) // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 7–14. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-7-14>

Research Article

THE SOCIO-ECONOMIC SITUATION OF THE LANDOWNER PEASANTS AFTER THE PEASANT REFORM IN GEORGIA (the last quarter of the 19th - the early 20th century)

Almas M. Ismailova, Candidate of Historical Sciences, Dagestan State University of National Economy, Makhachkala, Russia, almaz.ismailova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3562-3032>

Abstract. The article analyses the main provisions of the peasant reform in Georgia, which had a further impact on the socio-economic development of the landowner peasants of Tiflis and Kutaisi provinces in the last quarter of the 19th – the early 20th centuries. On the basis of archival sources and literature, the author considers the reasons for the difficult economic situation of the Georgian landowners in the period under study. An analysis makes it possible to conclude that the socio-economic relations that had been formed in Georgia determined the contradictions inherent in the capitalist mode of management. On the one hand, the peasant reform contributed to the more rapid development of the capitalist mode of production in the countryside, laying the foundation for economic development in agriculture, the introduction of commercial agriculture, the growth of agricultural productivity, and the maturation of commodity-capitalist relations. On the other hand, the main means of production were in the hands of the landlords, which led to an even greater extensive impoverishment of the landlord peasants. Thus, in Georgia, the remnants of serfdom survived even longer than in the European provinces of the Russian Empire. It is concluded that the reason for these remnants included the backwardness and relatively weak development of capitalist relations in the South Caucasus, in particular, in Georgia.

Keywords: Emancipation Edict of Russia, peasant reform, Tiflis province, Kutaisi province, South Caucasus, socio-economic development, feudal-serf survivals, landowner peasants, homestead settlement, hizans, redemption operation, class differentiation.

For citation: Ismailova A.M. The socio-economic situation of the landowner peasants after the peasant reform in Georgia (the last quarter of the 19th – the early 20th century). Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 7–14 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-7-14>

Российское правительство после отмены крепостного права в центральных губерниях решило провести крестьянскую реформу и на окраинах. Одним из первых регионов, в которых была проведена крестьянская реформа, был Южный Кавказ, в частности Грузия. В основу проведения крестьянской реформы в Грузии были положены принципы «Положения» 19 февраля 1861 г., согласно которому крестьяне получали личную свободу и наделенную землю. Однако эту землю они должны были выкупать (так же, как и в центральных губерниях).

В экономической жизни предреформенной Грузии 50-х – начала 60-х годов XIX вв. шел неуклонный процесс развития капиталистического способа производства, подтачивающий устои социально-экономической основы феодально-крепостнического строя. Грузинское крестьянство, как и крестьянство России, в силу социально-экономических сдвигов начинало выступать как основа для формирования классов будущего капиталистического общества – сельского пролетариата и сельской буржуазии. В сельском хозяйстве Грузии в предреформенные годы XIX в. сложился капиталистический уклад, однако серьезным фактором, способствующим дальнейшему развитию производительных сил страны, была феодально-крепостническая система [Орджоникидзе: 6].

Крестьянское население Грузии уже с 40-х гг. XIX в. стало платить государственные подати только деньгами. Повинности были трех родов: издольные, продуктовые и денежные. В нагорных частях Грузии отбывание крестьянами повинностей помещикам, в том числе и барщины («бегара»), продолжалось по существующим обычаям, также закрепленным законом [Авалиани: 502]. Так, например, в среднем барщина составляла на крестьянский дым 29,3 дня с телегой.

Встречалась в Грузии и денежная рента, ее значение стало особенно возрастать с 30-х гг. XIX в. в результате сдвигов, имевших место в социально-экономической жизни страны [Бахтадзе: 26]. При сборе платежей помещики брали больше, чем было установлено властью, крестьян заставляли платить также и вторично. Плата взималась с крестьян помещиками в виде поборов по весьма разнообразным необычным поводам¹. Среди повинностей продуктами хозяйства главную статью составляли гала и кулухи. Гала взималась с посевов, произведенных крестьянами на помещичьих землях. В некоторых случаях эта по-

винность взималась в размере от 1/7 до 1/3 части урожая². Кулухи – винная подать. Ее отбывали крестьяне за виноградные сады на собственной или помещичьей земле. Размер колебался от 1/7 до 1/4 части полученного вина. Крестьянское население Грузии выполняло более 38 повинностей (объем нашей статьи не позволяет перечислить все те повинности, которые не были официально зафиксированы)³. Существовала еще масса «случайных» повинностей, выплачиваемых также продуктами труда. Этого рода повинности накладывались помещиками произвольно и были более или менее закреплены обычаем.

Рассмотрим кратко, как же осуществлялась крестьянская реформа в Грузии в рассматриваемый нами период и какое влияние она оказала на дальнейшее социально-экономическое развитие помещичьих крестьян изучаемого нами региона.

При проведении крестьянской реформы в Грузии были максимально учтены интересы привилегированного сословия, так же, как и в центральных губерниях Российской империи, что обусловило сохранение в пореформенный период значительных пережитков крепостнических отношений.

В 1864 г. был издан закон о крестьянской реформе для двух губерний Грузии – Тифлисской и Кутаисской. 13 октября 1864 г. император Александр II в своем Указе правительствующему сенату «Об освобождении от крепостной зависимости крестьян Тифлисской губернии» повелел обнародовать и принести «в действие утвержденные им “законоположения” крестьянской реформы» [Жордания: 237].

На крестьян распространялось действие всех общих законодательных актов 19 февраля 1861 г. с теми изъятиями, дополнениями, разъяснениями или изменениями, которые были приняты в «Положениях о крестьянах и поселениях Закавказья», изданных для Тифлисской губернии.

Изложим вкратце суть отмены крепостного права в Грузии.

Правила о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости в Тифлисской и Кутаисской губерниях.

Крепостное право на крестьян Тифлисской и Кутаисской губерний и водворенных в помещичьих владениях или на правах хизан, миндобиелей на земле другого владельца или ведомства, или живущих в городах и местечках было отменено навсегда (ст. 1)⁴. На крестьян, вышедших из крепостной зависимости, рас-

пространялись утвержденные 19 февраля 1861 года общие законоположения со всеми последовавшими изменениями, дополнениями и разъяснениями оных местным положением о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях в Закавказских губерниях.

В следующие два года крестьянская реформа была проведена в Кутаисской губернии (в 1865 г. – в Имеретии и Гурии и в 1866 г. – в Мингрелии) [Мочалов: 40]. Наделение крестьян землей в Грузии происходило на следующих основаниях. Земли, занятые под крестьянскими усадьбами и садами, оставались в пользовании крестьян, за что последние должны были выплачивать денежный оброк и нести натуральные повинности. Помимо этого крестьянам, также за соответствующие повинности, отводились в постоянное пользование полевые (пахотные и сенокосные) угодья.

Высший размер наделного полевого участка для одного дыма (двора) в Тифлисской губернии на искусственно орошаемых землях устанавливался в 5 десятин и на неорошаемых – в 10 десятин, а в Кутаисской губернии на тех и других – в 4,5 десятин. Кроме того, особо был установлен размер коренного полевого участка, составлявший половину высшего: в Тифлисской губернии – 5 десятин для неорошаемых и 2,5 десятин для искусственно орошаемых земель. В Кутаисской губернии был определен единый размер коренного участка в 1,5 десятины. Остальная часть полевого участка сверх коренного считалась добавочной (ст. 4)⁵.

Наиболее существенные изъятия в применении «Положений 19 февраля 1861 года» к Тифлисской губернии заключались в следующем:

– Все случаи спора между помещиком и крестьянами о недвижимом имуществе, приобретенном последними на свое имя, но «не по акту, в законном порядке совершенному», производились на основании ст. 32 «Общего положения» 11 февраля 1861 г. Окончательное решение споров такого рода предоставлялось наместнику кавказскому (ст. 4)⁶.

– Крестьяне могли приобрести в собственность полевые земли, усадьбную оседлость, сады и другие угодья только при согласии помещика (ст. 9)⁷.

– Без согласия помещика крестьяне могли выкупить только усадьбу при условии, если из помещичьего селения образовался посад или местечко. Крестьяне при этом сохраняли за собою право пользования выгоном (ст. 10).

– Земельный надел могли приобрести или все крестьянское общество вместе, или отдельно каждый дым (ст. 11). Помещик имел право принудить крестьянское общество к выкупу земельного надела, предоставленного ему в постоянное пользование. Выгоны и места для пастбы не подлежали выкупу до составления правил пользования ими (ст. 12). Размер суммы

за земельный надел, как и установление порядка и раскладки платежей, зависел от добровольного соглашения сторон, которое утверждалось мировым посредником (ст. 13). При образовании посада или местечка выкупная сумма за усадьбу определялась на основании денежного оброка за усадьбу, назначенного крестьянину по Уставной грамоте, с соблюдением статей 20, 22–26 «Положения» о выкупе (ст. 14)⁸.

Анализ законодательных актов 13 октября 1864 г. показывает, что крестьянская реформа в Грузии имела свои особенности. Так, например, в Восточной Грузии был установлен подымный (подворный) надел. Усадьбные, полевые (пахотные, сенокосные), садовые (виноградные, тутовые) земли предоставлялись в постоянное пользование каждого отдельного крестьянского дыма. Крестьяне не получали надела, если до реформы они не имели его. Высший размер подымного полевого участка был определен в поливных землях в десять дней (5 дес.), а в неполивных – в двадцать дней паханья (10 дес.). Закон не устанавливал минимальный размер надела [Жордания: 266].

Крестьяне Восточной Грузии были лишены важного права – права выкупать в собственность усадьбную оседлость. В вопросе о выкупе усадьбной оседлости, как и полевой земли, крестьянин был поставлен в зависимость от помещика. Крестьянин мог воспользоваться правом выкупа только в тех случаях, когда помещичье селение преобразовывалось в посад или местечко [Жордания: 268]. Помещик мог оставить за собою половину всех принадлежащих ему пахотных и сенокосных земель в том селении, где проживали его крестьяне. Леса не были включены в число наделных земель; при определении размеров помещичьей пахотной земли они в расчет не принимались. У крестьян было отобрано право бесплатного пользования лесом.

Часть крестьянства этих губерний была «освобождена» с землею, другая же, более значительная часть – без земли. «Освобождались» без земли также все крепостные крестьяне, которые принадлежали помещикам, владевшим крепостными числом менее 21 человек [Жордания: 242]. Часть же крестьян оставалась жить на помещичьих землях, но в качестве вечных арендаторов, так называемых «хизанов». Крестьян, «освобожденных» без земли, в Тифлисской губернии насчитывалось 8 200 душ, а в Кутаисской – 20 000 душ [Махарадзе: 19].

Здесь уместно также указать количество помещичьих крестьян Грузии до отмены крепостного права. В 1850–1861 гг. по камеральной переписи количество помещичьих крестьян составляло 16 409 дымов, 118 552 души обоего пола, при этом мужчин – 65 481, женщин – 53 071 [Бахтадзе: 24].

До реформы в пользовании крепостных крестьян Восточной Грузии находилось 84 655 десятин

земли (в среднем на дым приходилось 5,9 десятин), а после реформы в их пользовании осталось всего 55 667 десятин, т. е. 3,9 десятин на дым. В Тифлисской губернии из 3 927 910 десятин угодной земли в пользовании крестьян находились 1 064 674 десятины, т. е. 26 % [Авалиани: 15].

В Кутаисской губернии из 1 908 901 десятины земли крестьяне владели лишь 262 697 десятинами, то есть 13,3 %. В Кутаисской губернии (без Абхазии, Сванети и Мегрелии) накануне отмены крепостного права среднеподымный надел земли частновладельческих крестьян колебался от 1,5 до 2 десятин на дым [Материалы: 201].

Принадлежавшая 1 785 помещикам Тифлисской губернии земельная площадь после реформы составила 961 тысяч десятин, или в среднем на каждого помещика 538 десятин, что в 133 раза превышало количество земли, приходящейся на крестьянский дым.

В Кутаисской губернии из 638 474 десятин всех частновладельческих земель дворянам принадлежало 495 125 десятин удобной земли, или 77,55 %⁹. Если соотнести площадь дворянских земель с территориями каждой из губерний, то получится соответственно 26,8 и 25,9 % на долю дворянского землевладения [Исмаил-заде: 158]. Если в Восточной Грузии накануне реформы 1864 г. одну помещичью семью содержали в среднем 9,3 крестьянских двора, то в Имерети (Западная Грузия) – шесть. По имеющимся данным, в конце XIX в. и начале 1900-х гг. в Тифлисской губернии в частном владении находилось всего 1285747,77 десятин земли. Из них 992216,11 десятин, т. е. 77,17 %, являлось собственностью дворянства¹⁰.

В Тифлисской губернии числилось всего 5 884 дворянских владения, которые по размерам земельной площади П.В. Гугушвили делит на 4 группы – мелкие (от нуля до 25 десятин), средние (от 25 до 100 десятин), крупные (от 100 до 500 десятин) и очень крупные (более 500 десятин). 53,55 % (или 3 151 владение) из общего количества дворянских владений составляли мелкие, 23,3 % (или же 1 373 владения) – средние, 16,98 % (или 999 владений) – крупные и 6,14 % (или 361 владение) – очень крупные.

Таким образом, можно сделать вывод, что в Грузии в основном преобладало мелкое и среднее землевладение [Гугушвили: 32].

После крестьянской реформы в Грузии царю и государственной казне принадлежало 57,6 % всей земельной площади. Вслед за ними крупнейшими землевладельцами были грузинские князья и дворяне. В одной лишь Тифлисской губернии насчитывалось 567 крупных землевладельцев, каждый из которых владел более 500 десятин земли.

В отчете наместника о ходе крестьянской реформы в Тифлисской и Кутаисской губерниях с 8 ноября 1864 г. по 1 января 1866 г. отмечается крайне не-

удовлетворительное движение выкупной операции для двух губерний.

Заведывание выкупной операцией в Тифлисской и Кутаисской губерниях возлагалось на местные губернские по крестьянским делам присутствия.

Выкупные платежи ни в коем случае не могли быть увеличиваемы. Вся тяжесть выкупных платежей ложилась на плечи крестьян, так как в Грузии был установлен лишь размер выкупной ссуды, который был более чем в два раза меньше рыночной цены земли. Поэтому доплаты крестьян при выкупе земли наличными деньгами составляли более 50 % выкупной системы, тогда как в губерниях Европейской России они не превышали 20 % [Жордания:269].

Закон 28 декабря 1881 г. о понижении выкупных платежей и закон об обязательном выкупе наделов не коснулся Закавказского временнообязанного крестьянства.

Выкупная операция успеха не имела. За сорок лет, то есть с 1864 по 1904 гг., в Тифлисской губернии оказалось, что у 14 235 дымов с имеющимися у них 55 263 десятинами выкупленной наделной земли у 10 467 дымов, или 72 %, 16 416 десятин, или 29,4 %, то есть одна треть земель, осталась невыкупленной [Авалиани: 32].

Из общей массы крестьян, получивших личную независимость, совершенно без земли был «освобожден» 7 051 дым (3 051 в Восточной Грузии и 4 000 – в Западной [Бендиашвили:7]).

Крестьянская реформа 1864–1871 гг. мало затронула дворянское землевладение. После реформы, точнее, в 80-е годы XIX в., земли распределялись следующим образом: в Тифлисской губернии – земли бывших крепостных – 134 796 десятин; земли помещиков – 961 502 десятин. В Кутаисской губернии – земли бывших крепостных – 210 770 десятин, земли помещиков – 815 321 десятин¹¹.

В Тифлисской губернии помещичье землевладение в 7 раз превышало крестьянское землевладение, в Кутаисской губернии – в 4 раза [Семин: 35].

Таким образом, крестьянское землевладение сократилось, но увеличилось помещичье-дворянское землевладение. Условия отмены крепостного права в Грузии были настолько грабительскими, что даже наместник Кавказа гр. Воронцов-Дашков во «Всеподданнейшей записке» Николаю II писал следующее: «Отмена крепостного права в пределах Закавказья, а особенно в Грузии, была проведена в условиях, особенно льготных для помещиков и невыгодных для крестьян, причем правительство, в отступление от принятого в коренной России принципа, за прекращение личной зависимости уплатило от 25 до 50 руб. за душу бывших помещичьих крестьян дворянству Тифлисской и Кутаисской губерний, что составило сумму 7 000 000 руб. и увеличило земельные повин-

ности крестьян в пользу помещиков выше существовавшей в крепостное время нормы» [Воронцов-Дашков: 34].

Феодальная собственность разрушалась также путем массовой продажи помещичьих земель. Так, за период 1868–1878 гг. в одной только Кутаисской губернии было продано более 28 653 десятин дворянских земель, или 5,8 %. Громадное большинство среди приобретателей составляли именно крестьяне. Их удельный вес, например среди покупателей 1868–1878 гг., равнялся 66 % (а по другим данным – даже 75 %). В течение 9 лет, с 1879 по 1888 год, в Тифлисской губернии помещиками было продано 35 173 десятин. Землю продавали князья и дворяне, а покупали состоятельные крестьяне, купцы и капиталисты.

Так, например, в Кутаисской губернии, где крестьяне выкупали свои наделы без правительственной помощи, за то же время из 57 070 дымов с 207 523 десятинами выкупили свои наделы 58,8 % дымов (33 597 дымов) площадью в 114 041 десятин, или 69,8 % [Сегаль: 71].

Крестьяне вынуждены были выкупать земли любыми путями, чтобы быть независимыми от своего бывшего помещика. Отмена крепостного права и глубокое вторжение товарно-денежных, буржуазных отношений подорвали все устои барщинного хозяйства – натуральную замкнутость, самодовлеющий характер помещичьей вотчины, власть помещика над крестьянами и т. д.

До реформы, в 50–60-е гг. XIX в., в Тифлисской губернии общее количество помещичьих крестьян составляло 17 281 дым – 122 247 душ. В Кутаисской губернии было 24 136 дымов – 96 732 душ мужского пола [Бахтадзе: 25].

Так, удельный вес сельского населения в общей массе жителей Тбилисской губернии равнялся: 1865 г. – 82 %, а в 1897 г. – 79 %. В Кутаисской губернии соотношение между сельским и городским населением складывалось неизменно в пользу первого. Достаточно сказать, что жители деревень составили в ней 95,8% – в 1866 г. и 92,7% – в 1897 г. [Гугушвили: 57]. До реформы в пользовании крепостных крестьян Восточной Грузии находилось 84 655 десятин земли (в среднем на дым приходилось 5,9 десятин), а после реформы в их пользовании осталось всего 55 667 десятин, т. е. 3,9 десятин на дым. Трудящиеся Западной Грузии вследствие отмены крепостного права потеряли приблизительно 1/3 часть земель, бывших до этого в их распоряжении. Из общей массы крестьян, получивших личную независимость, совершенно без земли был «освобожден» 7 051 дым (3 051 в Восточной Грузии и 4 000 в Западной) [Бендиашвили: 7].

Развитие новых буржуазных производственных отношений в Грузии, как и в России, проходило в условиях резкого обострения классово-борьбы кре-

стьянства, вызванного дальнейшим ухудшением экономического положения непосредственных производителей материальных благ.

Крестьяне Грузии страдали под двойным гнетом: колониальной политики царизма и эксплуатации собственного дворянства. Все это не могло не вызвать протеста грузинского народа. На невыносимое социальное и национальное угнетение народ ответил мощным народно-освободительным движением [Аракский: 104]. В 1876 г. вспыхнуло восстание в Зугдидском уезде и Сванетии, в 1878 г. восстали кизикские крестьяне. Несмотря на принятые царским правительством жестокие меры, в начале 1880-х гг. антиправительственные выступления крестьян охватили всю Грузию. В результате реформы, проведенной крепостниками «сверху», грузинский крестьянин, как и русский, попал в экономическую зависимость от своего прежнего помещика [Эсадзе: 246].

Безземельные или малоземельные крестьяне вынуждены были брать в аренду землю или же перебираться в город и там искать средства для содержания себя и своей семьи. Зависимость крестьян от помещиков законом была уничтожена не полностью. Это выразилось в так называемых временнообязанных отношениях крестьян к своим бывшим владельцам. До окончательного выкупа наделной земли, предоставленной крестьянам в «постоянное пользование», они должны были платить феодальные повинности своим помещикам. Размер этих повинностей почти вдвое превысил дореформенный. Материальное положение малоземельного крестьянина было чрезвычайно тяжело. Шел отток сельского населения в города, уменьшалось количество сельского населения.

Бывали случаи, когда крестьяне были вынуждены заменить повинности денежным оброком. Документы, касающиеся этого вопроса, говорят о многочисленных случаях добровольного соглашения между помещиками и крестьянами «О замене повинностей денежным оброком». Согласно данным, содержащимся в «Сведениях о ходе крестьянского дела в Тифлисской губернии за 1873 г.», 275 дымов крестьян по их собственному желанию были переведены с продуктовой ренты на денежную. В отчете же Тифлисского губернатора за 1874 г. сказано, что «временнообязанные крестьяне, в числе 305 дымов, по добровольному соглашению с помещиками, вместо платежа повинностей земными произведениями, перешли на денежный оброк»¹².

Бывшие крепостные, числящиеся в Кутаисской губернии, по добровольному соглашению с помещиками выкупили свои наделы – 29 511 дымов на сумму 6 257 647 рублей. Без всякого содействия со стороны правительства в Тифлисской губернии, в которой на 1 января 1895 г. числилось 41 230 дымов, выкупили свои наделы только 3 164 дымов в размере

13 580 десятин земли, за которую выдано 755 109 рублей с содействия правительства, а без содействия правительства – всего лишь 690 десятин.

Согласно данным Всеобщей переписи населения 1897 г., из 131 650 частновладельческих хозяйств, имевшихся в Тифлисской губернии, 8 607 дымов, или 6,5 % [Утурашвили: 12], применяли вольнонаемный труд. Достаточно сказать, что к 1904 г. общее количество временнообязанных крестьян Грузии, равнявшееся 71 305 дымам, уменьшилось на 37 365 дымов, или 52,4 %. Грузинское дворянство добилося денежного вознаграждения за потерю своих крепостнических прав, в котором было отказано помещикам других регионов страны.

В Кутаисской губернии, где крестьяне выкупали свои наделы без правительственной помощи, за то же время из 5 7070 дымов с 207 523 десятинами выкупили свои наделы 58,8 % дымов (33 597 дымов) площадью в 114 041 десятин, или 69,8 %. Вследствие реформы в Грузии от крепостнической зависимости освободилось 75 565 дымов крестьян [Антелива, Орджоникидзе: 36].

Экономическое положение помещичьих крестьян было хуже, чем государственных. Оно обуславливалось, прежде всего, недостатком земли, малоземельем. Отмена крепостного права и глубокое вторжение товарно-денежных, буржуазных отношений подорвали все устои барщинного хозяйства – натуральную замкнутость, самодовлеющий характер помещичьей вотчины, власть помещика над крестьянами и т. д. Ни власти, ни дворянство ничего не говорили о подготовке к реформе крестьянам, кровно в ней заинтересованным. Правительство и дворянство как в России, так и в Грузии не считали крестьян настолько граждански подготовленными, чтобы они могли принять в той или иной форме участие в разрешении исключительно важного для них вопроса. По их мнению, крестьянство должно было играть роль только «пассивного пьедестала». Характерной особенностью пореформенного периода являлось развитие капитализма «вглубь» и «вширь» [Семина: 112].

Источники, касающиеся интересующего нас вопроса, говорят о крайне неравномерном распределении земельного фонда между непосредственными производителями материальных благ, о сосредоточении земли – этого главного средства производства – в руках незначительного меньшинства: «Распределение земли между казенными крестьянами, – читаем в отчете управляющего ведомством государственных имуществ Тифлисской губернии за 1885–1886 гг., – в общем крайне неравномерно, оно не только не согласуется с местными сельскохозяйственными условиями в различных районах губернии, но оно неравномерно даже в местностях с совершенно одинаковыми земельными условиями. Размеры подымных наделов

измеряются от 40 и даже более десятин до несколько квадратных саженей, не говоря уже о 2000 почти душ мужского пола, совершенно безземельных»¹³.

Глубоко зашел процесс классовой дифференциации и среди крестьян-собственников. Они владели землей от 0,6 десятин на дым до нескольких сот и даже тысяч десятин. Так, в самом конце 90-х годов XIX в. из крестьян-собственников Сигнахского уезда 35,5 % имели земли от 0,6 до 1 десятины и составляли группу бедняков, а 1,7 % располагали ею в размере от 20 до 100 и более десятин и представляли ядро кулаков¹⁴.

Число сельских тружеников, продававших свою рабочую силу и постоянно работавших только в сельском хозяйстве, очень трудно точно установить. Однако на основании той же переписи его можно определить примерно в количестве свыше 31 800 человек, или более 4,5 % к общему итогу крестьянского населения, занятого лишь сельским трудом. Если к этому добавим сезонных рабочих, насчитывавших в своих рядах десятки тысяч человек, то удельный вес наемных людей значительно увеличится и составит не менее 15–20 %. Из этого числа в земледелии было занято 15 113 человек, в животноводстве – 11 654 и в прочих видах сельского хозяйства – немногим более 4 000 человек [Кантере: 93].

Таким образом, к началу XX в. на Южном Кавказе в значительной степени был сохранен институт временнообязанных отношений. Половина крестьянского населения Грузии находилась на положении временнообязанных. Существенным моментом было личное освобождение крестьян. Это важнейшее мероприятие, обусловленное соответствующими общественно-экономическими причинами, разрушило социальную основу крепостного права. Что же касается экономической базы старого – феодальной собственности на землю, – то она сохранилась в большом масштабе и в пореформенное время, но с явной тенденцией к сокращению. Так это было в России, так это было и в Грузии. Однако отмена крепостного права, несмотря на его половинчатый, непоследовательный характер, открыла определенные возможности для развития капитализма в Грузии. Крестьянская реформа до некоторой степени смягчала противоречия между производительными силами и производственными отношениями и способствовала дальнейшему социально-экономическому развитию страны.

Все-таки следует сделать вывод о том, что имелись и положительные последствия отмены крепостного права в Грузии. Крестьяне получили личную свободу, имели право на развитие предпринимательской деятельности, а самым прогрессивным явлением, конечно, было развитие и усовершенствование капиталистических отношений в сельском хозяйстве, способствующее развитию и росту торгового земледелия и товарных отношений.

Такова в целом картина крестьянского землевладения на Южном Кавказе на рубеже XIX–XX вв., после отмены крестьянской реформы, и влияние реформы на социально-экономическое положение крестьян Грузии в исследуемый период. Процесс социального расслоения единого крестьянского класса, начатый еще в дореформенный период, углубился, как и следовало ожидать, после отмены крепостного права. Образование двух новых противоположных классов наблюдалось почти во всех сторонах социально-экономической жизни страны. Оно чувствовалось, прежде всего, в области землевладения. Крестьяне получили личную свободу, но в то же время ухудшилось их материальное положение. При этом хотя реформа и была проведена с максимальным учетом интересов помещиков, она имела все же большое значение.

Примечания

- ¹ Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией. Тифлис, 1881. 1033 с. Т. 8. С. 28.
- ² Центральный исторический архив Грузинской Республики (ЦИА ГР). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1202. Л. 12.
- ³ Центральный исторический архив Грузинской Республики (ЦИА ГР). Ф. 220. Оп. 2. Д. 1064. Л. 333.
- ⁴ Положения о крестьянах и поселениях Закавказья: (Особое приложение к IX т. Свода законов. Положение о сельском состоянии) / сост. Кучаев. Тифлис, 1886. 154 с. Ч. 1. С. 1.
- ⁵ Там же. С. 3.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. С. 7.
- ⁸ Там же. С. 8.
- ⁹ Сборник статистических сведений о частном землевладении в Тифлисской и Кутаисской губерниях / под ред. Ф.Г. Гогичашвили. Тифлис, 1910. Ч. 1. С. 30.
- ¹⁰ Сборник статистических сведений о частном землевладении в Тифлисской и Кутаисской губерниях / под ред. Ф.Г. Гогичашвили. Тифлис, 1910. Ч. 1. С. 11.
- ¹¹ Центральный исторический архив Грузинской Республики (ЦИА ГР). Ф. 220. Оп. 1. Д. 7. Л. 4–6.
- ¹² Там же. Ф. 31. Оп. 1. Д. 788. Л. 23.
- ¹³ Там же. Ф. 244. Оп. 1. Д. 44. Л. 8.
- ¹⁴ Там же. Ф. 244. Оп. 1. Д. 54. Л. 36.

Список литературы

Авалиани С.Л. Очерки по крестьянскому вопросу в Закавказье. Одесса: Техник, 1913. 192 с.

Авалиани С.Л. Крестьянский вопрос в Закавказье. Т. 1. Одесса: Славян. тип. Е. Хрисогелос, 1912. 514 с.

Антелава И.Г., Орджоникидзе Э.А., Хоштария Э.В. К вопросу о генезисе и развитии капитализма в сельском хозяйстве и промышленности Грузии. Тбилиси, 1967. 128 с.

Аракский И.О. В Закавказье: Очерки. СПб., 1910. 139 с.

Бахтадзе В.С. Очерки по истории грузинской общественно-экономической мысли: (60–90 гг. XIX столетия). Тбилиси, 1960. 301 с.

Бендианашвили А.С. Аграрные отношения в Грузии в 1890–1917 гг. Тбилиси, 1965. 270 с.

Воронцов-Даиков. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. Тифлис: Гос. тип., 1907. 164 с.

Гугушвили П.В. Возникновение и развитие капитализма в Грузии и Закавказье. Тбилиси, 1957. 246 с.

Жордания О.Р. История крест. реформы в Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1982. 287 с.

Исмаил-заде Д.И. Русское крестьянство в Закавказье: 30-е годы XIX – начало XX веков. М., 1982. 311 с.

Кантере М. Некоторые данные о рабочем классе Грузии в конце XIX века // Вестник. Орган Отделения общественных наук Академии наук Грузинской ССР. 1966. № 4. С. 89–110.

Материалы по вопросу о распространении действий Крестьянского поземельного банка на Закавказский край. Тифлис, 1904. 334 с.

Махарадзе Ф.И. Грузия в девятнадцатом веке. Тбилиси, 1933. 104 с.

Орджоникидзе Э.А. Эволюция аграрных отношений в Грузии (дореформенный период): автореф. ... докт. ист. наук. Тбилиси, 1983. 24 с.

Орест Семин. Великая годовщина. Аграрный вопрос и крестьянская (крепостная) реформа на Кавказе. Киев, 1911. 163 с.

Сегаль И.Л. Крестьянское землевладение в Закавказье. Тифлис, 1912. 154 с.

Утурашвили И.И. Классовая дифференциация крестьянства в Грузии во второй половине XIX века: автореф. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1956. 18 с.

Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. 628 с.

References

Avaliani S.L. Ocherki po krest'janskomu voprosu v Zakavkaz'e [Essays on the peasant question in Transcaucasia]. Odessa, 1913, 192 p. (In Russ.)

Avaliani S.L. Krest'janskij vopros v Zakavkaz'e [The peasant question in Transcaucasia]. Odessa, 1912, vol. 1, 514 p. (In Russ.)

Antelava I.G., Ordzhonikidze E.A., Hoshtariya E.V. K voprosu o genezise i razvitii kapitalizma v sel'skom hozyajstve i promyshlennosti Gruzii [On the question of the genesis and development of capitalism in agriculture and industry in Georgia]. Tbilisi, 1967, 128 p. (In Russ.)

Arakskij I.O. V Zakavkaz'e: ocherki [In Transcaucasia: essays]. SPb., 1910, 139 p. (In Russ.)

Bahtadze V.S. Ocherki po istorii gruzinskoj obshhestvenno-jekonomicheskoj mysli (60–90 g. XIX sto-

letija) [Essays on the history of Georgian socio-economic thought. (60–90 years of the XIX century)]. Tbilisi, 1960, 301 p. (In Russ.)

Bendianashvili A.S. *Agrarnye otnoshenija v Gruzii v 1890–1917 gg.* [Agrarian relations in Georgia in 1890–1917]. Tbilisi, 1965, 270 p. (In Russ.)

Voroncov-Dashkov I.I. *Vsepoddannejšaja zapiska po upravljeniju Kavkazskim kraem* [The most comprehensive note on the management of the Caucasus Region]. Tiflis, 1907, 164 p. (In Russ.)

Gugushvili P.V. *Vozniknovenie i razvitie kapitalizma v Gruzii i Zakavkaz'e* [The emergence and development of capitalism in Georgia and Transcaucasia]. Tbilisi, 1957, 246 p. (In Russ.)

Zhordanija O.R. *Istorija krest. reformy v Gruzii. Izd. Mecniereba* [History of the Peasant reform in Georgia]. Tbilisi, 1982, 287 p. (In Russ.)

Ismail-zade D.I. *Russkoe krest'janstvo v Zakavkaz'e. 30-e gody XIX – nachalo XX vekov* [The Russian peasantry in Transcaucasia. 30s of the XIX – early XX centuries]. Moscow, 1982, 311 p. (In Russ.)

Kantere M. *Nekotorye dannye o rabochem klasse Gruzii v konce XIX veka* [Some data on the working class of Georgia at the end of the XIX century]. Vestnik. Organ Otdeleniya obshchestvennyh nauk Akademii nauk Gruzinskoj SSR, 1966, № 4, pp. 89–110. (In Russ.)

Materialy po voprosu o rasprostranении dejstvij Krest'janskogo pozemel'nogo banka na Zakavkazskij kraj [Materials on the extension of the actions of the Peasant Land Bank to the Transcaucasian territory]. Tiflis, 1904, 334 p. (In Russ.)

Maharadze F.I. *Gruzija v devjattjadcatom veke* [Georgia in the nineteenth century]. Tbilisi, 1933, 104 p. (In Russ.)

Ordzhonikidze E.A. *Evoljucija agrarnyh otnoshenij v Gruzii (doreformennyj period)* [Evolution of Agrarian Relations in Georgia (Pre-Reform period)]: DcS thesis. Tbilisi, 1983, 24 p. (In Russ.)

Orest Semin. *Velikaja godovshhina. Agrarnyj vopros i krest'janskaja (krepostnaja) reforma na Kavkaze* [Great anniversary. The agrarian question and the peasant (serf) reform in the Caucasus]. Kiev, 1911, 163 p. (In Russ.)

Segal I.L. *Krest'yanskoe zemlevladienie v Zakavkaz'e* [Peasant land ownership in Transcaucasia]. Tiflis, 1912, 154 p. (In Russ.)

Uturashvili I.I. *Klassovaja differenciacija krest'janstva v Gruzii vo vtoroj polovine XIX veka* [Class differentiation of the peasantry in Georgia in the second half of the XIX century]: PhD thesis. Tbilisi, 1956, 18 p. (In Russ.)

Jesadze S.S. *Istoricheskaja zapiska ob upravlenii Kavkazom* [Historical note on the management of the Caucasus]. Tiflis, 1907, 628 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.03.2021; одобрена после рецензирования 28.05.2021; принята к публикации 18.08.2021.

The article was submitted 11.03.2021; approved after reviewing 28.05.2021; accepted for publication 18.08.2021.

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 15–24. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 15–24. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 357

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-15-24>

ПОДГОТОВКА КОМАНДНО-НАЧАЛЬСТВУЮЩЕГО (ТЕХНИЧЕСКОГО) СОСТАВА ДЛЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ВОЙСК РККА В ШКОЛАХ ВОЕННО-ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ТЕХНИКОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ.

Лапай Денис Сергеевич, Военный университет Министерства обороны, Москва, Россия, denis_lapay@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6717-4193>

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы подготовки командно-начальствующего (технического) состава в школах военно-железнодорожных техников в период становления системы подготовки военных кадров для железнодорожных войск РККА в первой половине 1920-х гг. Актуальность исследуемой темы обуславливается недостаточной степенью изученности проблем подготовки техников (крастехников) в условиях завершения Гражданской войны, военной реформы 1920-х гг., реорганизации системы военно-профессионального образования и стабилизации контингента кадрового состава. Раскрываются основные направления деятельности органов военного управления, руководящего и преподавательского состава школ военно-железнодорожных техников в интересах подготовки технических специалистов для железнодорожных войск РККА. Проводится анализ предпосылок к расформированию данных военно-учебных заведений, а также предпринятых контрмер по их сохранению. Делается вывод о неоправданности сплошного упразднения школ военно-железнодорожных техников с передачей функций по подготовке младшего технического состава непосредственно частям железнодорожных войск в формате полковых школ. Проводится краткое обобщённое сопоставление исторического опыта подготовки крастехников с современной системой подготовки младших специалистов и техников железнодорожных войск.

Ключевые слова: военно-железнодорожные техники, железнодорожные войска, командно-начальствующий состав, технический состав, подготовка военных кадров, военно-учебные заведения.

Для цитирования: Лапай Д.С. Подготовка командно-начальствующего (технического) состава для железнодорожных войск РККА в школах военно-железнодорожных техников в первой половине 1920-х гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 15–24. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-15-24>

Research Article

TRAINING OF COMMANDING (TECHNICAL) STAFF FOR THE RED ARMY'S RAILWAY TROOPS AT THE MILITARY RAILWAY TECHNICIANS' SCHOOLS IN THE FIRST HALF OF THE 1920S

Denis S. Lapay, Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation, Moscow, Russia, denis_lapay@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6717-4193>

Abstract. The article deals with the training of commanding (technical) staff at schools of military railway technicians' during the period of military staff training system foundation for the Red Army railway troops in the first half of the 1920s. Topicality of the study is caused by insufficient research of training problems of Red Army railway painter technicians throughout the days of the Civil War ending, the military reform of the 1920s, reorganisation of system of military professional education and stabilisation of a staff contingent. The article reveals the primary activities of the military administration, managing and teaching staff of military railway technicians' schools in the interests of training technical specialists for the Red Army railway troops. An analysis is made of the disbandment background of mentioned military educational institutions, as well as of the countermeasures taken to preserve them. The finding is about the unreasonableness of the total abolition of military-railway technicians' schools with the transfer of training junior technical personnel functions directly to the units of railway troops in the format of regimental schools. A brief generalised comparison is made of the Red Army technicians' historical experience versus the modern training system of junior specialists and technicians of railway troops.

Keywords: military railroad technicians, railway troops, commanding staff, technical staff, military staff training, military educational institutions.

For citation: Lapay D.S. Training of commanding (technical) staff for the Red Army's railway troops at the military railway technicians' schools in the first half of the 1920s. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 15–24 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-15-24>

Гражданская война и первая половина 1920-х гг. стали важным этапом строительства отечественных вооружённых сил. Созданная в тяжёлых условиях внутривойны конфликта и экономической разрухи, Красная Армия явилась прочным фундаментом обеспечения национальной безопасности молодой Советской Республики. Вобрав в себя многое из опыта военного строительства старой русской армии и её традиций, РККА тем не менее отличал ряд свойственных только ей особенностей управления, комплектования, а также построения системы обучения и воспитания личного состава.

Важную роль в обеспечении обороноспособности Советской России, развитии её промышленного и транспортного потенциала в условиях восстановления народного хозяйства и экономики страны в рассматриваемый хронологический период сыграли и железнодорожные войска.

Анализ отечественной историографии свидетельствует о том, что некоторые аспекты становления и развития железнодорожных войск РККА в указанный временной период, включая подготовку кадров, не получили глубокого и всестороннего освещения в научных трудах и публикациях.

Так, работы, относящиеся к советскому периоду истории, в известной степени изобилуют идеологическими клише. Суть таких исследований была сведена к заострению внимания на степени значимости и роли партийных органов и коммунистической партии в деле укрепления кадров железнодорожных войск, что не способствует объективному анализу и критической оценке происшедших событий и процессов со стороны научного сообщества.

Анализируя же современные научные работы, затрагивающие предметную область исследования, можно констатировать, что в них не находит отражения многоуровневый подход в подготовке военных кадров для железнодорожных войск и не происходит обособления системы подготовки младших военно-железнодорожных специалистов и техников. В этих работах организация подготовки последних даётся весьма поверхностно и интегрируется в систему подготовки командиров без учёта специфики и особенностей подготовки технического состава. Фактически выведенными из научного оборота оказались сами термины «военно-железнодорожные техники», «красноармейские (красные техники)». Тем самым, по мнению автора, занижается историческая роль младшего технического персонала в деле боевого и кадрового совершенствования железнодорожных войск.

Исходя из этого, на сегодняшний момент назрела необходимость проведения объективного анализа формирования и развития системы подготовки командно-начальствующего (технического) состава в рамках самостоятельного научного исследования.

Попытка проведения такой исследовательской работы на основе изучения значительного массива до этого не использованных архивных источников была предпринята в рамках данной статьи.

Это продиктовано и современным этапом развития Вооружённых Сил Российской Федерации и железнодорожных войск, который характеризуется формированием системы среднего профессионального образования (СПО), осуществляющей подготовку техников из числа прапорщиков и сержантов, а также повышающимся требованиями к обучению младших специалистов учебных частей железнодорожных войск. Кроме того, важным катализатором для оценки исторического опыта по подготовке военно-железнодорожных техников становится возникшая в 2021 г. потребность в оперативном накоплении большого контингента квалифицированных кадров при развёртывании новых штатных сил и средств железнодорожных войск для строительства второй ветки Байкало-Амурской магистрали (БАМ-2).

Изучение источниковой базы исследования говорит, что на протяжении Гражданской войны в России вновь сформированные железнодорожные войска республики испытывали острый кадровый дефицит как командных кадров и инженеров, так и военно-железнодорожных специалистов из числа младшего технического состава [Старостенков: 79]. При этом проблемы комплектования и подготовки кадров Красной Армии, детерминированные новым классовым типом построения вооружённых сил [Егоров: 35], были в равной степени присущи и железнодорожным войскам, однако имели свою специфику.

Во-первых, практика привлечения бывших офицеров царской армии к строительству железнодорожных войск РККА носила более чем ограниченный характер. Так, по примерным подсчётам в частях бывшего Западного фронта только около 10 % командиров, инженеров и техников железнодорожных войск изъявили желание продолжить службу в Красной Армии [Старостенков: 73], тогда как для пехотных и кавалерийских частей этот показатель был несравнимо выше [Кавтарадзе: 210].

Во-вторых, отмечалась недостаточная квалификация командного и технического состава железнодорожных войск Российской империи в целом, а также низкий процент укомплектованности их частей специалистами собственно военно-железнодорожного дела [Ушаков: 154–155].

В-третьих, ни к моменту начала Первой мировой войны [Ушаков: 154–155, 158], ни уже в ходе Гражданской войны [Когатько: 36] так и не было завершено формирование последовательной многоуровневой системы подготовки и обучения военных железнодорожников, характеризовавшейся многообразием сложных разнородных специальностей подготовки,

не присущим ни одному другому роду технических войск и создававшим достаточно трудные условия для комплектования и восполнения убыли личного состава [Опацкий: 11].

В-четвёртых, «соблазн» массового использования гражданских железнодорожников Ведомства путей сообщения в качестве источника комплектования равнозначных должностей кадра железнодорожных войск РККА был заведомо бесперспективным¹ ввиду того, что это серьёзно ухудшило бы работу железнодорожного транспорта страны, и без того находившегося в стадии глубокой дезорганизации [Кириченко: 156–157].

Все эти факторы вынуждали военно-политическое руководство страны, органы военного управления, а также командиров соединений принимать самые активные меры к организации подготовки не только командного состава (так называемых краскомов), военных инженеров, но и младшего технического персонала – военно-железнодорожных техников (красстехников).

Необходимо отметить, что если в дореволюционный период в условиях отсутствия устойчивой организации подготовки железнодорожных войск подготовку данной категории специалистов осуществляли учебные команды при железнодорожных батальонах и бригадах старой армии (со сроком подготовки до 1 года²), а с началом Гражданской войны – запасные части³ (с краткосрочной подготовкой от 4 до 8 недель) [Старостенков: 77], то на завершающем этапе Гражданской войны и в первой половине 1920-х гг. наметилась тенденция организации подготовки младших техников в рамках специализированных учебных заведений – школ военно-железнодорожных специалистов (техников), которые в свою очередь становятся самостоятельными субъектами системы военного образования⁴.

Одним из первых военно-учебных заведений подобного рода стала Школа военно-железнодорожных специалистов Западного фронта (г. Смоленск), со сроком обучения от 3 до 6 месяцев, образованная в соответствии с предписанием Начальника железнодорожных войск от 15 декабря 1919 г. № 84654⁵.

Сформированное военно-учебное заведение предназначалось для обучения младшего технического персонала железнодорожных войск (старших железнодорожных агентов – начальников станций, их помощников, дорожных мастеров, надсмотрщиков телеграфа и паровозных машинистов; младших технических агентов – десятников, ремонтных рабочих, слесарей и кондукторов) соответственно⁶. Кроме того, старшие железнодорожные агенты в военном отношении по своему статусу приравнивались к среднему командно-начальствующему составу (комвзвода и помкомроты в пехоте)⁷.

Наиболее затруднительным для только что образованного учебного заведения было отсутствие твёрдых организационных форм и необходимой нормативно-правовой базы⁸, что во многом обуславливало существовавшие проблемы учебно-методического и административно-хозяйственного характера.

Скорее всего, руководство железнодорожных войск, видя в созданной в инициативном порядке школе значительный учебно-технический потенциал по подготовке специалистов узкого профиля, пришло к выводу о необходимости дальнейшего развертывания сети таких вузов в зонах ответственности других фронтов РККА [Кочнев: 15].

Так, в соответствии с Приказом Реввоенсовета Республики (РВСР) от 31 марта 1920 г. № 505 «О создании школ военно-железнодорожных специалистов»: «...должны быть созданы с чрезвычайной быстротой и поставлены на должную высоту...» [Когатько: 14–15] несколько типов школ железнодорожных войск, в том числе фронтовые и бригадные школы. Руководствуясь этим, в частях были дополнительно сформированы:

- Школа по подготовке военно-железнодорожных специалистов Кавказского фронта (г. Саратов)⁹;
- курсы по подготовке и усовершенствованию военно-железнодорожных специалистов 2-й Особой (трудовой) армии (г. Воронеж)¹⁰;
- Военно-железнодорожная школа при Штабе железнодорожных войск Республики (с апреля 1920 г. – при Центральном управлении военных сообщений (ЦУПВОСО)) (г. Москва)¹¹;
- бригадные школы для подготовки и усовершенствования военно-железнодорожных специалистов при 1-й (г. Петроград)¹² и 10-й (г. Вологда) отдельных железнодорожных бригадах¹³.

В дальнейшем в ходе нескольких реорганизаций и переподчинений и на основании приказа РВСР от 14 января 1921 г. № 120 эти военно-учебные заведения были реформированы соответственно в 1-ю Московскую, 2-ю Петроградскую, 3-ю Саратовскую и 4-ю Воронежскую школы по подготовке военно-железнодорожных техников РККА, а смоленская школа передислоцирована в г. Петроград и перепрофилирована на подготовку комсостава [Старостенков: 403].

В учебном отношении школы военно-железнодорожных техников осуществляли подготовку практически по всем специальностям (отделам) железнодорожного транспорта (пути, тяги, движения и телеграфа) и давали знания как по общеобразовательным предметам, так и по специальным дисциплинам¹⁴.

Отличительной особенностью планирования учебного процесса в таких школах, по сравнению с системой подготовки краскомов, было либо отсутствие, либо незначительный удельный объём военных

дисциплин (тактики, стрелкового дела и т. д.) [Жогатько: 123], что в конечном итоге мешало дальнейшему продвижению крастехников по службе и требовало усовершенствования их знаний. На этот негативный момент прямо указывает критика начальника учебной части Петвуза¹⁵ бывшего генерала Д.А. Крапоткина, стоявшего у истоков создания системы подготовки военных железнодорожников: «...им <военно-железнодорожным техникам> совершенно не достаёт военного образования...»¹⁶.

Если же говорить об учебной работе в школах военно-железнодорожных техников, то какого-то системного планирования процесса обучения ни по линии Главного управления вузами (ГУВУЗ), ни по линии ЦУПВОСО фактически не было. Изучение архивных документов воронежской школы позволяет сделать вывод, что «...постановка учебного дела не была структурирована никакими руководящими указаниями центра, и вся являлась результатом разработки учебной части школы, для чего принят во внимание общий уклад современных военных школ...»¹⁷

Для поступления в школы сдавались устные и письменные экзамены по русскому языку и арифметике¹⁸. Однако вступительные испытания были осложнены несвоевременностью и интервальностью прибытия личного состава. Так, в ходе январского набора 1922 г. в саратовскую школу абитуриенты прибывали разрозненными партиями и для них в течение месяца 6 раз организовывались экзамены¹⁹.

Анализ документов и служебной переписки школ показывает, что, несмотря на необходимый критерий предварительного отбора, устанавливавший обязательный объём знаний не ниже бывшего начального училища (4–6 классов)²⁰, большинство личного состава всё-таки обладало крайне низким уровнем базовой общеобразовательной подготовки. Среди поступивших в 1920 г. в саратовскую школу большинство имело либо двухклассное низшее начальное образование (40 %), либо домашнее (48 %)²¹. Под формулировкой «домашнее образование» необходимо подразумевать преимущественно малограмотных или вообще неграмотных крестьян, познававших «азы науки» не за школьной партой, а что называется в поле и за ремёслами [9, с. 64–65].

Это отчасти компенсировалось созданием подготовительных и параллельных классов и увеличением сроков подготовки. Так, к 1922 г. она была увеличена в среднем до 16–18 месяцев²². Однако в данной связи необходимо отчётливо понимать, что в рассматриваемый хронологический период «...ресурс грамотных лиц призывного возраста в Советской России объективно был строго ограничен, тогда как потребность в красных командирах и количестве курсов неуклонно росла» [Симонов: 78]. А поэтому никакие меры мобилизационного, партийно-организационно-

го и иного принудительного характера уже не могли обеспечить дальнейшую качественную вербовку кадров, отвечавших требованиям подготовки в школах военно-железнодорожных техников.

Краткосрочность подготовки в школах кроме всего прочего приводила к компрессии преподаваемых технических предметов и вызывала значительную перегрузку в работе преподавательского состава и самих курсантов. К примеру, в воронежской школе лекционные занятия производились ежедневно в течение 7 часов, по одному часу приходилось на практические занятия по физике или химии, ещё один час уходил на строевое обучение²³. Таким образом, общая дневная учебная нагрузка составляла 9 часов, что не оставляло никакой возможности для самостоятельной подготовки курсантов.

В организационно-правовом отношении во вновь образуемые школы и курсы зачислялись лица от 18 до 30 (32) лет, достаточно грамотные и подготавливающие себя в дальнейшем к железнодорожной службе²⁴. Де-факто же за неимением другого контингента принимались юноши, в том числе 16–17-летнего возраста, а также 40-летние красноармейцы. Однако они составляли абсолютное меньшинство, вследствие чего ядром формирования, к примеру, саратовской школы стали молодые мужчины от 20 до 30 лет, составившие около 72 % (334 чел.) 1-го набора школы²⁵.

По социальному происхождению будущие военно-железнодорожные техники, сообразно классовому принципу комплектования, в подавляющем большинстве были рабочими и крестьянами (в воронежской школе их было от 65 до 70 %²⁶, а в саратовской этот показатель в отдельные периоды достигал 96 %(!)²⁷). При этом обучаемых из крестьян было в среднем в 2–3 раза больше, чем из рабочих, что говорило об относительно небольшой доле собственно железнодорожных служащих и мастеровых в общей массе личного состава и в свою очередь не могло не отразиться на качестве подготовки. В то же время подавляющее большинство поступающих прибывало из действующих частей Красной Армии и имело тот или иной боевой и служебный опыт²⁸.

В числе поступавших был выявлен значительный процент лиц «совершенно недисциплинированных и политически несознательных», в том числе с уголовным прошлым. Сложности в организации воспитательной работы с данной категорией объяснялись, в частности, невысоким процентом партполитпрослойки из числа курсантов, составлявшей не более 20–25 % коммунистов и комсомольцев. Данный показатель характеризуется как относительно низкий ещё и потому, что комсостав школ по состоянию на 1921 г. в среднем на 50 % состоял из бывших белых офицеров²⁹. Всё это отрицательно влияло на морально-психологическое состояние коллективов школ и нередко

приводило к конфликтным ситуациям. Так, в петроградской школе военным комиссаром в политдонесениях открыто отмечалось, что «...старорежимное поведение присланного из Петвуза пехотного комсостава обострило отношение непривычных к этому явлению курсантов. Новый комсостава сразу подорвал к себе авторитет...»³⁰

Процесс становления системы подготовки военно-железнодорожных техников происходил в исключительно неблагоприятных экономических условиях Гражданской войны, что не могло не сказаться и на уровне их материально-технического обеспечения. Большие сложности были в вопросах вещевого снабжения, питания и жилищного обеспечения [Когатько: 22–24]. К примеру, в политсводках комиссара 4-й Воронежской школы по подготовке военно-железнодорожных техников за октябрь 1921 г. отмечалось буквально критическое положение дел: «...продовольствием курсанты снабжаются плохо: хлеба по фронтовой норме 1,5 фунта <...> обмундированием и обувью школа снабжается очень плохо, около 25 % курсантов ходят босиком и в порванных шароварах. Денежными средствами снабжаются плохо и нерегулярно...»³¹

В последующем с завершением Гражданской войны усилиями преподавательского и руководящего состава школ предпринимались меры по налаживанию процесса обучения и развитию учебно-материальной базы, улучшению норм снабжения, оборудованию учебных кабинетов [Когатько: 24], организации общественно-научных секций³². Эта положительная тенденция отчетливо прослеживается при изучении материалов инспекторских проверок вузов за рассматриваемый период. К примеру, в ходе посещения начальником штаба Генштаба РККА С.П. Михеевым саратовской школы в июле 1922 г. отмечалось, что «...учебная часть поставлена выше всякой похвалы, учебные планы разработаны детально <...> созданы отличные кабинеты-лаборатории, преподавательский состав высокой квалификации, демобилизационных отношений нет, школа производит во всех отношениях хорошее впечатление...»³³

Однако дальнейшая практическая деятельность выпускников в процессе выполнения ими боевых и производственных задач непосредственно в частях железнодорожных войск ставит под вопрос однозначность такого рода выводов. Оказавшись в роли руководителей, неся ответственность за подчиненный личный состав и качество выполняемых работ при восстановлении и эксплуатации железных дорог, военно-железнодорожные техники далеко не всегда проявляли себя компетентными специалистами своего дела.

Так, в отзывах из войск УпВОСО Запфронта отмечалось, что прибывшие в течение 1922 г. в железнодорожные полки техники, хотя и имели дипломы

и аттестаты, но фактически своим знаниям не соответствовали³⁴. На Туркестанском фронте прибывшее пополнение из г. Воронежа и г. Саратова «...настолько не удовлетворяло тем минимальным требованиям, что были случаи, когда лицо с аттестатом дежурного по станции назначалось на должность стрелочника...»³⁵

К таким неутешительным выводам управления фронтов и округов приходили после проведения проверочных экзаменационных комиссий для вновь прибывающих техников, организуемых непосредственно в полках³⁶.

Если масштабно оценивать степень эффективности подготовки техников, то, исходя из материалов съезда командиров и комиссаров железнодорожных войск Республики, проходившего в Москве в феврале 1922 г., следует, что только 30 % выпускаемых военно-железнодорожных специалистов соответствовали предъявляемым к ним требованиям³⁷. Это во многом обуславливалось скудностью контингента обучаемых и просчётами в системе комплектования.

В итоге, по мнению руководящего состава ЦУПВОСО, неумелое комплектование «пригодными» кадрами стало самой важной проблемой организации военно-учебных заведений для подготовки техников железнодорожных войск³⁸. Мы считаем, что суть этой проблемы была обусловлена целерациональным противоречием между объективной потребностью в подготовке квалифицированных специалистов в вузах и качественным отбором личного состава для поступления в школы непосредственно в воинских частях. Об этом, в частности, свидетельствуют донесения начальников железнодорожных школ, констатирующие факт того, что железнодорожные дивизионы в подавляющем большинстве случаев командировали в школы лиц «...с крайне слабой общей подготовкой и почти без всякой технической. Почти все командированные составляли <...> худший элемент, ненужный железнодорожным войскам <...> Подобным отношением к делу извращена в корне идея военно-железнодорожных школ»³⁹. С другой стороны, воинские части железнодорожных войск в условиях необходимости выполнения задач по штатному предназначению сами серьёзно страдали некомплектом и поэтому особенно дорожили ценными кадрами и по возможности не допускали их текучести. Именно поэтому, борясь за процент укомплектованности, уже к середине 1921 г. VI отдел (железнодорожных войск) ЦУПВОСО рекомендовал железнодорожным школам ввиду «...невозможности командирования слушателей от желдивизионов и некомплекта <...> набирать посторонних...»⁴⁰ Это противоречие уже в ближайшем будущем во многом предопределило судьбу школ военно-железнодорожных техников и способствовало их расформированию.

Сначала во исполнение приказа РВСР от 9 апреля 1922 г. № 1070⁴¹ была упразднена 2-я Петроградская школа по подготовке военно-железнодорожных техников, дав последний выпуск 1 апреля 1922 г. и направив 63 курсантов младших классов на пополнение 1-й Московской школы⁴². Однако на основании Приказа РВСР от 2 июня 1922 г. № 1396 была сокращена и она, будучи слитой с 4-й Воронежской школой с присвоением порядкового номера «первая»⁴³. Все это сопровождалось постоянными попытками передислокации военно-железнодорожных школ то в Киев, то в Москву, то в Торжок⁴⁴, а также переподчинением их ГУВУЗу⁴⁵.

С одной стороны, все эти меры обуславливались попытками улучшить сложное жилищное и продовольственное положение курсантов, совершенствовать их практическую выучку на крупных железнодорожных узлах, а с другой – поиском приемлемых форм и методов управления подготовкой личного состава в условиях тяжелейшего экономического положения в стране, завершения Гражданской войны, демобилизации красноармейских масс и дальнейшей оптимизации всей системы военного строительства в ходе реформ РККА 1-й половины 1920-х гг.

Важным этапом этого комплекса мероприятий стало создание на основании предписания ЦУПВОСО от 1 декабря 1922 г. № 432376 системы батальонных, а впоследствии полковых школ (батшкол) непосредственно в войсках⁴⁶, осуществлявших подготовку такого же перечня младших технических специалистов по аналогичным программам, что и школы военно-железнодорожных техников⁴⁷. По своему служебному положению эта категория военнослужащих по-прежнему относилась к разряду среднего командного и начальствующего состава с устойчивой тенденцией планомерного понижения её статуса до уровня младшего комначсостава⁴⁸.

Решение и последовательность проведения данной реорганизации были выработаны в ходе уже упомянутого февральского съезда командиров и комиссаров железнодорожных войск Республики⁴⁹. В пользу такого способа подготовки техников и создания батшкол говорили в первую очередь следующие факторы:

1. Удешевление процесса обучения за счёт организации и проведения занятий с курсантами командным и административно-хозяйственным составом собственно самих воинских частей на уже существующих объектах учебно-материальной базы, а не штатными и приватными преподавателями, чей труд необходимо было отдельно оплачивать⁵⁰. Так, только на оборудование и благоустройство одной из военно-железнодорожных школ за зимний период 1920–1921 гг. было ассигновано свыше 400 000 р.⁵¹ В этой связи проводимое расформирование школ военно-железнодорожных техников давало явное сбе-

режение финансов. Если же сравнивать денежное довольствие, то и здесь отмечалась экономия средств: зарплата командира роты железнодорожных войск составляла 3 800 р. и была существенно ниже средней зарплаты гражданского преподавателя, которая колебалась от 6 000 до 11 000 р.⁵²

2. Увеличение ёмкости обучаемых за счёт развертывания батшкол во всех частях железнодорожных войск и сокращения сроков подготовки до 1 года⁵³.

3. Предоставление командирам возможности самостоятельного подбора личного состава в батальонные школы, в особенности из числа старослужащих, наиболее проявивших себя при прохождении 1-го года военной службы⁵⁴.

4. Возможность самостоятельного варьирования бюджетом учебного времени⁵⁵ в силу выведения системы подготовки младших железнодорожных техников из подчинения ГУВУЗа, всячески стремившегося увеличить объём военных дисциплин за счет специальных⁵⁶.

5. Повышение уровня военно-профессиональной подготовки комсостава частей железнодорожных войск, осуществлявших обучение подчинённых⁵⁷.

Однако расформирование школ военно-железнодорожных техников, обусловленное необходимостью повышения качества их подготовки, было противоречивым социальным феноменом, сопряжённым с рядом серьёзных проблем и недостатков при построении новой системы батальонных школ. В ходе проведённой исследовательской работы нами отмечаются следующие «слабые звенья» этого процесса:

1. Отсутствие достаточно подготовленных в военно-техническом и научно-теоретическом отношении кадров преподавателей из числа комсостава воинских частей ввиду того, что при демобилизации РККА из железнодорожных войск ушёл большой процент квалифицированных специалистов⁵⁸. Приходится констатировать, что командный состав, привлекаемый для проведения занятий с курсантами в образованных батальонных школах вместо специализировавшейся на педагогической деятельности профессуры школ военно-железнодорожных техников, в принципе не обладал необходимым образовательным уровнем и опытом преподавания и поэтому едва ли мог нивелировать отсутствие профессиональных лекторов.

2. Отсутствие разнообразия в методике преподавания, различное состояние учебно-материальной базы, библиотечного фонда, лабораторного имущества в различных воинских частях, приводившие к неоднородности выпускаемого контингента обучаемых по уровню и качеству их подготовки⁵⁹.

3. Сложности в организации практического обучения: если в школах военно-железнодорожных техников проводилась двухмесячная практика на железнодорожных линиях НКПС⁶⁰, то в войсках летняя

практическая учёба далеко не везде была организована на крупных узловых центрах и во многом сводилась к участию личного состава в манёврах пехотных частей [К годовщине: 43–44];

4. Упразднение школ военно-железнодорожных техников одновременно ликвидировало мобилизационный резерв для развертывания на их базе более наукоёмких военно-учебных заведений и подразделений железнодорожных войск⁶¹.

В конечном итоге, учитывая весь комплекс положительных и отрицательных факторов дальнейшего совершенствования подготовки младших технических специалистов, руководство железнодорожных войск и ЦУПВОСО сочло наиболее предпочтительным создание системы батальонных школ. В этой связи были планомерно упразднены оставшиеся две школы военно-железнодорожных техников: 20 января 1923 г. состоялся последний выпуск (154 чел.) воронежской школы⁶², а 1 апреля 1923 г. был произведён выпуск курсантов бывшей саратовской школы, на базе которой был сформирован 22-й отдельный железнодорожный батальон⁶³.

Подводя итоги и давая оценку эффективности организации обучения курсантов в школах военно-железнодорожных техников в условиях завершения Гражданской войны и новых коммунистических реалий общественного развития страны, необходимо отметить следующее:

1. Школы военно-железнодорожных техников стали единственным и безальтернативным источником пополнения частей железнодорожных войск специалистами соответствующего профиля⁶⁴ в рассматриваемом хронологическом периоде.

2. Проведенный руководящим составом РККА и ЦУПВОСО комплекс мер по развёртыванию сети вузов для обучения военных железнодорожников явился первым историческим опытом планомерного создания специализированных учреждений по подготовке технических кадров для железнодорожных войск, так как ни в периоды Русско-турецкой, Русско-японской и Первой мировой войн подобного рода шаги не предпринимались [Опацкий: 11].

3. Реализацией классового принципа комплектования железнодорожных войск и подбором лояльных к партии большевиков кадров органы государственной власти заведомо ослабляли техническую сторону подготовки военных железнодорожников. Лишившись ключевой базы пополнения – представителей технической интеллигенции и выпускников профильных железнодорожных вузов – и замещая их рабочими низшей квалификации и технически неграмотными крестьянами, железнодорожные войска ещё длительный период времени страдали от непрофессионализма и недостаточной квалификации значительного процента командного состава.

4. Несмотря на относительно невысокий уровень подготовки выпускаемых крастехников, эти школы в сжатые сроки дали Красной Армии свыше 2,5 тыс. младших технических специалистов⁶⁵, частично покрывших возникший на тот момент кадровый дефицит. Многие из выпускников школ, повысив уровень своих профессиональных знаний, в последующем заняли важные руководящие должности, а самым известным из них стал полковник И.Г. Старинов⁶⁶, получивший за успешную подрывную и разведывательную деятельность уважительное прозвище «диверсант столетия».

5. Произведённое в 1920-х гг. «поголовное» упразднение такого рода военно-учебных заведений следует считать необоснованным. По нашему мнению, это решение было продиктовано преимущественно экономическими соображениями в рамках масштабного сокращения курсов и школ РККА. Подобная оптимизация системы подготовки военных кадров без учёта специфики обучения штучных узкопрофильных специалистов в интересах железнодорожных войск и в начале 1920-х гг., и на современном этапе развития Вооружённых Сил РФ несёт контрпродуктивный характер.

6. Проводя историческую ретроспекцию, по нашему мнению, наиболее приемлемой формой подготовки младших военно-железнодорожных специалистов в начале 1920-х гг. являлась комбинированная система обучения, предусматривавшая сохранение хотя бы одной или нескольких школ военно-железнодорожных техников при наличии продуктивно функционирующей структуры батальонных школ. В пользу этого говорит возникшие в последующем проблемы дефицита квалифицированных технических работников железнодорожных войск при развёртывании Особого корпуса железнодорожных войск в 1930-е гг., увеличения численности командного состава и в ходе вооружённых конфликтов с участием СССР в предвоенные годы, вскрывшие ошибочность упразднения системы школ военно-железнодорожных техников.

7. Созданная с той или иной степенью эффективности система подготовки, воспитания, комплектования, материально-технического обеспечения процесса обучения курсантов, а также накопленный в условиях ведения Гражданской войны и построения классового общества практический опыт подготовки военных кадров заложили основы дальнейшей эволюции военно-учебных заведений железнодорожных войск послевоенного периода. Военно-политическое руководство страны и органы военного управления, учтя ошибки и просчёты предвоенных лет в подготовке личного состава, на различных исторических этапах организовывали обучение младших специалистов, как и в начале 1920-х гг. в рамках обособленных воинских формирований и заведений: отдельных учебных (запасных) полков, батальонов, центров, школы

прапорщиков при 9-х Высших офицерских курсах Железнодорожных войск, а также отделении (среднего профессионального образования) Военного института (Железнодорожных войск и военных сообщений) Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулёва [Кочнев: 75, 253–254, 262].

Примечания

¹ Архив ВИ (ЖДВ и ВОСО) ВА МТО им. А.В. Хрулёва. Инв. 1031. Л. 24.

² Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33. Оп. 9. Ед. хр. 1195. Л. 246.

³ Одним из первых приказом Реввоенсовета от 8 марта 1919 года № 518 формируется запасной ж/д батальон на 2 000 чел. переменного состава, дислоцировавшийся в г. Москве. См.: РГВА. Ф. 33. Оп. 9. Ед. хр. 216. Л. 85.

⁴ РГВА. Ф. 33. Оп. 9. Ед. хр. 216. Л. 50.

⁵ Архив ВИ (ЖДВ и ВОСО) ВА МТО им. А.В. Хрулёва. Инв. 1031. Л. 19–20.

⁶ Там же. Инв. 1031. Л. 19.

⁷ Там же. Инв. 1031. Л. 20.

⁸ Там же. Инв. 1031. Л. 23.

⁹ РГВА. Ф. 24849. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 80.

¹⁰ Развёрнуты на базе 6-месячных сапёрно-железнодорожных курсов при 2-й Особой (трудовой) армии. См.: РГВА. Ф. 24845. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 1–2.

¹¹ Не следует путать со Школой усовершенствования при Штабе ЖДВ, предназначенной для подготовки специалистов более высокой квалификации. См.: РГВА. Ф. 33. Оп. 9. Ед. хр. 216. Л. 50, 84, 92.

¹² Развёрнута на базе 4-месячных военно-технических курсов при 1-й отдельной железнодорожной бригаде. См.: Архив ВИ (ЖДВ и ВОСО) ВА МТО им. А.В. Хрулёва. Инв. 1031. Л. 45.

¹³ РГВА. Ф. 33. Оп. 9. Ед. хр. 216. Л. 77–78.

¹⁴ Для класса тяги – телеграфия, устройство и содержание железных дорог, путь, паровозы, вагоны и тормоза, тарифоведение и т. д.). См.: РГВА. Ф. 24849. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 25–26.

¹⁵ Управление военно-учебными заведениями Петроградского военного округа.

¹⁶ РГВА. Ф. 33. Оп. 9. Ед. хр. 1293. Л. 2.

¹⁷ РГВА. Ф. 24845. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 6.

¹⁸ РГВА. Ф. 24849. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 7.

¹⁹ РГВА. Ф. 24849. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 5, 8, 9, 11, 13.

²⁰ РГВА. Ф. 24849. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 31.

²¹ РГВА. Ф. 24849. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 14.

²² РГВА. Ф. 33. Оп. 9. Ед. хр. 1195. Л. 246.

²³ РГВА. Ф. 24845. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 5.

²⁴ РГВА. Ф. 24849. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 4, 5, 31; Ф. 24845. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 5.

²⁵ РГВА. Ф. 24849. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 14.

²⁶ РГВА. Ф. 24845. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 1–2.

²⁷ РГВА. Ф. 24849. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 14.

²⁸ Из лиц 1-го набора Школы по подготовке военно-железнодорожных специалистов Кавказского фронта (г. Саратов) в 1920 г. процент красноармейцев из железнодорожных войск составлял 67 %, из других войск – 26 %, гражданской молодёжи – всего 7 %. См.: РГВА. Ф. 24849. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 14.

²⁹ РГВА. Ф. 24845. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 1–2.

³⁰ РГВА. Ф. 33. Оп. 9. Ед. хр. 786. Л. 87.

³¹ По состоянию на 1922 г. оклад курсанта составлял 800 р., командира роты – 3 800 р., начальника школы – 5 200 р. См.: РГВА. Ф. 24845. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 87; Ф. 24845. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 24.

³² РГВА. Ф. 33. Оп. 9. Ед. хр. 786. Л. 4; Ф. 24845. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 87; Ф. 24849. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 8.

³³ РГВА. Ф. 33. Оп. 9. Ед. хр. 1195. Л. 183.

³⁴ РГВА. Ф. 33. Оп. 9. Ед. хр. 1293. Л. 6.

³⁵ РГВА. Ф. 33. Оп. 9. Ед. хр. 1293. Л. 10.

³⁶ РГВА. Ф. 33. Оп. 9. Ед. хр. 1293. Л. 10.

³⁷ РГВА. Ф. 33. Оп. 9. Ед. хр. 1123. Л. 12.

³⁸ РГВА. Ф. 33. Оп. 9. Ед. хр. 1123.

³⁹ РГВА. Ф. 33. Оп. 9. Ед. хр. 216. Л. 122.

⁴⁰ РГВА. Ф. 24849. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 77.

⁴¹ РГВА. Ф. 24849. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 159.

⁴² РГВА. Ф. 24849. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 157.

⁴³ РГВА. Ф. 33. Оп. 9. Ед. хр. 1195. Л. 201.

⁴⁴ РГВА. Ф. 24849. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 31; Ф. 33. Оп. 9. Ед. хр. 1195. Л. 3, 66, 201.

⁴⁵ РГВА. Ф. 33. Оп. 9. Ед. хр. 1123. Л. 13.

⁴⁶ РГВА. Ф. 33. Оп. 9. Ед. хр. 1321. Л. 18.

⁴⁷ РГВА. Ф. 33. Оп. 9. Ед. хр. 1321. Л. 27.

⁴⁸ Установлено на основе анализа штата отдельного железнодорожного батальона и фактической укомплектованности частей железнодорожных войск (на примере 2-й отдельной железнодорожной бригады) на 4 июня 1923 г. См.: Пр. РВСР от 5 марта 1923 г. № 587; РГВА. Ф. 24849. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 26.

⁴⁹ РГВА. Ф. 33. Оп. 9. Ед. хр. 1123. Л. 5, 12, 13, 15.

⁵⁰ РГВА. Ф. 33. Оп. 9. Ед. хр. 1123. Л. 1.

⁵¹ Архив ВИ (ЖДВ и ВОСО) ВА МТО им. А.В. Хрулёва. Инв. 1031. Л. 3.

⁵² РГВА. Ф. 24848. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 26.

⁵³ РГВА. Ф. 33. Оп. 9. Ед. хр. 1123. Л. 1, 28, 72.

⁵⁴ РГВА. Ф. 33. Оп. 9. Ед. хр. 1123. Л. 30.

⁵⁵ РГВА. Ф. 33. Оп. 9. Ед. хр. 1123. Л. 233.

⁵⁶ РГВА. Ф. 33. Оп. 9. Ед. хр. 1195. Л. 52.

⁵⁷ РГВА. Ф. 33. Оп. 9. Ед. хр. 1321. Л. 240.

⁵⁸ РГВА. Ф. 33. Оп. 9. Ед. хр. 1123. Л. 12, 26; Ф. 33. Оп. 9. Ед. хр. 1321. Л. 1, 18.

⁵⁹ РГВА. Ф. 33. Оп. 9. Ед. хр. 1321. Л. 15, 241.

⁶⁰ РГВА. Ф. 24849. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 19.

⁶¹ РГВА. Ф. 33. Оп. 9. Ед. хр. 1257. Л. 1.

⁶² РГВА. Ф. 33. Оп. 9. Ед. хр. 1350. Л. 1–2.

⁶³ РГВА. Ф. 33. Оп. 9. Ед. хр. 1350. Л. 4.

⁶⁴ РГВА. Ф. 33. Оп. 9. Ед. хр. 1195. Л. 3.

⁶⁵ Подсчитано по: РГВА. Ф. 24845. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 1–15, 14; Ф. 33. Оп. 9. Ед. хр. 216. Л. 84, 85, 92; Ф. 33. Оп. 9. Ед. хр. 786. Л. 4, 9, 53; Ф. 33. Оп. 9. Ед. хр. 943. Л. 1, 6, 69, 81, 83–86, 102, 137; РГВА. Ф. 33. Оп. 9. Ед. хр. 943. Л. 1–2, 4, 8; Ф. 33. Оп. 9. Ед. хр. 1257. Л. 15.

⁶⁶ Старинов Илья Григорьевич – диверсант столетия // Военное обозрение. 2010–2021. URL: <https://topwar.ru/27771-starinov-ilya-grigorevich-diversant-stoletiya.html> (дата обращения: 25.01.2021).

Список литературы

Белусов К.Ю., Яшина М.Н. Развитие семейного образования в России // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 1. С. 62–65.

Егоров Е.П. Инженерные войска Советской Армии 1918–1945 / Е.П. Егоров, В.П. Андреев, С.Ф. Бегунов и др.; под ред. С.Х. Аганова; Ин-т воен. истории Минва обороны СССР. М.: Воениздат, 1985. 488 с.

Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе республике Советов. 1917–1920 гг. / отв. ред. В.И. Петров; АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1988. 276 с.

Кириченко А.В. История военных сообщений Вооружённых Сил Российской Федерации: учебное пособие: в 2 ч. / А.В. Кириченко, И.В. Мартыненко, П.Ф. Махонько и др.; науч. ред. А.В. Кириченко, рец. В.В. Титко. СПб.: Изд-во ВСОК ВМФ, 2007. Ч. 1: История военных сообщений Российской Армии. 424 с.

Когатько Г.И. Организация подготовки и воспитания командных и технических кадров железнодорожных войск (1918–1925 гг.): монография / Г.И. Когатько, В.Г. Омельченко, Б.М. Сорокин; под общ. ред. Н.В. Кузьмина. СПб.: ВУ ЖДВ и ВОСО, 1992. 136 с.

Кочнев Д.В. Военный институт (Железнодорожных войск и военных сообщений): 100 лет на страже Отечества / Д.В. Кочнев, Д.С. Лапай, С.Н. Соловьёв; под ред. А.В. Топорова, А.А. Целыковских, И.О. Горяинова. Воронеж: ООО «Изд-во Принт», 2017. 319 с.

Опатский Н. Тактика применения, организация и подготовка Железнодорожных войск // Война и техника (Механический транспорт и Военные сообщения). 1925. № 203 (21). С. 9–16.

Опатский Н. Тактика применения, организация и подготовка Железнодорожных войск // Война и техника (Механический транспорт и Военные сообщения). 1925. № 214–215 (22–23). С. 5–14.

Симонов А.А. Комплектование военно-учебных заведений Поволжья и Урала красными курсантами во время Гражданской войны // Новый исторический вестник. 2017. № 2 (52). С. 72–84.

Старостенков Н.В. Железнодорожные войска России / под ред. Г.И. Когатько. М.: Стэха, 2001. Кн. 2: От Первой мировой до Великой Отечественной: 1917–1941. 496 с.

Ушаков К. Подготовка военных сообщений России к мировой войне / К. Ушаков. М.; Л.: Гос. изд-во; Отд. воен. лит-ры, 1928. 196 с.

К годовщине IV отдельной железнодорожной бригады: юбилей. сб. Киев: Издание политотдела 4 жел. дор. бригады, 1924. 44 с.

References

Belousov K.Yu., Yashina M.N. *Razvitiye semeynogo obrazovaniya v Rossii* [Development of the family education in Russia]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: sociology, psychology, pedagogy], 2016, № 1, pp. 62–65. (In Russ.).

Egorov E.P. *Inzhenernye vojska Sovetskoj Armii 1918–1945* [Engineer Troops of the Soviet Army 1918–1945]. Moscow, Military Publ., 1985, 488 p. (In Russ.).

Kavtaradze A.G. *Voennye specialisty na sluzhbe respublikhe Sovetov. 1917–1920 gg.* [Military specialists on duty of the Soviet Republic. 1917–1920]. Moscow, Science Publ., 1988, 276 p. (In Russ.).

Kirichenko A.V. (scientific. ed.). *Istoriya voyennykh soobshcheniy Vooruzhennykh Sil Rossiyskoj Federatsii* [History of Military communications of the Russian Armed Forces]. Saint Petersburg, Navy higher special officer classes Publ., 2017, *ch. 1: Istoriya voyennykh soobshcheniy Rossiyskoj Armii* [Part 1: History of Military communications of the Russian Army], 424 p. (In Russ.).

Kogat'ko G.I., Omel'chenko V.G., Sorokin B.M. *Organizatsiya podgotovki i vospitaniya komandnykh i tekhnicheskikh kadrov zheleznodorozhnykh vojsk (1918–1925 gg.)* [Organization of training and upbringing of Railway troops' command and technical personnel (1918–1925)]. Saint Petersburg, VU ZHDV i VOSO Publ., 1992, 136 p. (In Russ.).

Kochnev D.V., Lapay D.S., Solov'yov S.N. *Voennyj institut (Zheleznodorozhnykh vojsk i voennykh soobshchenij): 100 let na strazhe Otechestva* [Military Institute of Railway troops and Military communication service: 100 years on guard of the Fatherland]. Voronezh, Izdat-Print Publ., 2017, 319 p. (In Russ.).

Opatskiy N. *Taktika primeneniya, organizatsiya i podgotovka Zheleznodorozhnykh vojsk* [Tactics of using, organization and training of the Railway Troops]. *Voyna i tekhnika (Mekhanicheskiy transport i Voyennoye soobshcheniya)* [War and technology (Mechanical transport and Military communications)], 1925, no. 203 (21), pp. 9–16. (In Russ.).

Opatskiy N. *Taktika primeneniya, organizatsiya i podgotovka Zheleznodorozhnykh vojsk* [Tactics of using, organization and training of the Railway Troops]. *Voyna i tekhnika (Mekhanicheskiy transport i Voyennoye soobshcheniya)* [War and technology (Mechanical transport and Military communications)], 1925, № 214–215 (22–23), pp. 5–14. (In Russ.).

Simonov A.A. *Komplektovaniye voyenno-uchebnykh zavedeniy Povolzh'ya i Urala krasnymi kursantami vo vremya Grazhdanskoy voyny* [Recruitment of military educational institutions of the Volga region and the Urals with red cadets during the Civil War]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: sociology, psychology, pedagogy], 2017, № 2 (52), pp. 72–84. (In Russ.).

Starostenkov N.V. *Zheleznodorozhnye vojska Rossii* [Railway troops of Russia]. Moscow, Stekha Publ., 2001, kn. 2: *Ot Pervoy mirovoj do Velikoj Otechestvennoj: 1917–1941* [Book 2. From the First World War to the Great Patriotic War: 1917–1941], 496 p. (In Russ.).

Ushakov K. *Podgotovka voennykh soobshchenij Rossii k mirovoj vojne* [Training of Russian military commu-

nications for World War I]. Moscow, Leningrad, State Publ., 1928, 196 p. (In Russ.).

K godovshchine IV otdel'noy zheleznodorozhnoy brigady: yubileynyy sbornik [For the anniversary of the 4th separate Railway brigade: anniversary collection]. Kiev, Political department of the 4th Railway brigade Publ., 1924, 44 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 18.04.2021; одобрена после рецензирования 12.06.2021; принята к публикации 18.08.2021.

The article was submitted 18.04.2021; approved after reviewing 12.06.2021; accepted for publication 18.08.2021.

ИСТОРИКИ И ОППОЗИЦИЯ В ЛЕНИНГРАДЕ (1920–30-е гг.)

Баринов Дмитрий Андреевич, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербург, Россия, barinovdima1990@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3592-8557>

Аннотация. В 1920–30-е гг. политическая борьба в СССР в верхах была тесно связана с исторической наукой. Поиск «преступлений» перед партией, совершенных лидерами большевиков в прошлом, стал важным рычагом для получения политических дивидендов в настоящем. В этой связи истории революции уделялось особое внимание, а специалисты в этой области брали на себя большую ответственность, часто даже не осознавая этого. В историографии советской науки значительное внимание уделяется формированию канона истории большевистской партии, увенчанной Кратким курсом 1938 г. Автор продолжает исследование этой темы в другом ракурсе, ставит перед собой целью ответить на вопрос, как в условиях постепенного установления сталинского видения истории существовали его недавние оппоненты – историки-участники зиновьевской и объединенной оппозиций в 1925–1928 гг. Описывается, как они сами использовали исторические публикации в политической борьбе, а также их непосредственное участие в агитационной работе, направленной против сталинско-бухаринского курса. Важной вехой стала публикация письма Сталина в «Пролетарскую революцию», которая помимо изменения тенденций в историографии также привела к репрессиям против бывших троцкистов, работающих в области гуманитарной науки.

Ключевые слова: левая оппозиция, историческая наука, историография, Троцкий, Зиновьев, Сталин.

Благодарности. Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-011-00782А «Историческая наука Петрограда – Ленинграда (1917–1934): центры, направления исследований, коллективная биография».

Для цитирования: Баринов Д.А. Историки и оппозиция в Ленинграде (1920–30-е гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 25–37. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-25-37>

Research Article

HISTORIANS AND OPPOSITION IN LENINGRAD (1920s – 1930s)

Dmitriy A. Barinov, Candidate of Historical Sciences, Researcher, St. Petersburg Institute of History of Russian Academy of Science, St. Petersburg, Russia, barinovdima1990@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3592-8557>

Abstract. In the 1920s-1930s, the political struggle in the USSR at the Politburo was closely linked with historical science. The search for “crimes” against the Communist Party that Bolshevik leaders had committed in the past became an important lever for obtaining political dividends in the contemporaneity. In this regard, the history of the Revolution was given special attention, and specialists in this field took on a great responsibility, often without even realising it. In the historiography of Soviet science, considerable attention is paid to the formation of the canon of the history of the Bolshevik Party, crowned by the Short Course of 1938. The author continues to study this topic from a different angle. The article aims to answer the question of how, under the conditions of the gradual establishment of the Stalinist vision of history, Stalin’s recent opponents existed – historians participating in Grigory Zinoviev’s opposition and the so-called United Opposition in 1925-1928. At the same time, it describes how they themselves used historical publications in the political struggle, as well as their direct participation in campaigning against Joseph Stalin’s and Nikolai Bukharin’s course. An important milestone was the publication of Stalin’s letter to «Proletarian Revolution» newspaper, which, in addition to changing trends in historiography, also led to repression against former Trotskyists working in the humanities.

Keywords: left opposition, historical science, historiography, Leon Trotsky, Grigory Zinoviev, Joseph Stalin.

Acknowledgments. This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project 19-011-00782A “Historical science of Petrograd-Leningrad (1917–1934): centers, research directions, collective biography”

For citation: Barinov D.A. Historians and opposition in Leningrad (1920s – 1930s). Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 25–37 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-25-37>

Историография политической истории СССР 1920-х гг. убедительно показывает, как история революционного движения становилась важным инструментом внутрипартийной борьбы. Поиск политических и идейных ошибок оппозиционеров и большевиков, в разное время блокировавшихся с И.В. Сталиным, часто подменял дискуссии об актуальных проблемах, связанных с развитием социалистического государства (см., например: [Дойчер: 91–181; Фельштинский, Чернявский: 86–116]). Многие поднимаемые в ходе дискуссий темы также относились к сфере гуманитарного знания и прямо или косвенно были связаны с исторической наукой – экономика, философия, литературоведение и т. д. В данной статье мы определим место партийного исторического сообщества Ленинграда в оппозиционной борьбе 1920-х гг. Прежде всего мы изучим их политическую деятельность, затем выясним, влияли ли их политические установки на характер научных работ, и в завершение проследим их судьбу в первой половине 1930-х гг., во время разворачивания репрессивной политики и пропаганды против троцкистского «охвостья».

Историки в политической борьбе. Партийная дискуссия 1923–1924 гг., спровоцированная сочинениями Л.Д. Троцкого «Новый курс» и «Уроки Октября» (построенными в том числе на разборе политических ошибок правящей тройки Сталин – Зиновьев – Каменев), мало затронула партийные массы Петрограда – Ленинграда. Наиболее активная часть большевиков была консолидирована вокруг главы Ленсовета Г.Е. Зиновьева, пользовавшегося в городе большой популярностью, и не восприняла идей наркомвоенмора Троцкого. Вероятно, единственными заметными исключениями являются Н.И. Карпов (о нем речь пойдет ниже) и Т.И. Харечко¹ – участник Гражданской войны на Украине, автор известных работ по истории революционного движения на Донбассе [см.: Харечко 1926; 1927; 1927а]. В 1922 г. как участник рабочей оппозиции он был снят с высокой должности заведующего Агитационно-пропагандистским отделом ЦК КП(б) Украины и переведен в Петроград в качестве заведующего Петроградским отделением Центрархива и рабфака ЛГУ. В 1924 г. был снят с этих должностей и исключен из партии «как один из руководителей оппозиции среди студенчества в Ленинграде»².

Спустя год ситуация в корне поменялась, и уже Зиновьев оказался в оппозиции. Его расхождения с новым блоком Сталина – Бухарина состояли в отрицательном отношении к построению социализма в отдельной стране, продвижению идеи государственной кооперации как промежуточного пути к социалистической экономике, необходимости нажима на кулака и др. [Роговин: 223–240]. Наиболее активно борьба

развернулась в ходе подготовке к XIV съезду партии в декабре 1925 г. Тогда на страницах «Ленинградской правды» и «Красной звезды» проходила широкая кампания в поддержку тезисов новой зиновьевской оппозиции, которые были приняты в первой половине октября в ходе XXII Ленинградской партийной конференции. Характерно, что сразу вслед за Г.Е. Зиновьевым и его главными сторонниками (Г.Е. Евдокимовым, П.А. Залуцким, Саркисом и т. д.) наиболее принципиальными поборниками оппозиционной линии были историки с факультета языковедения и материальной культуры (Ямфака) ЛГУ, среди них А.И. Анишев, Сеф (С.Е. Фаермарк), И.Л. Татаров, М.М. Цвибак. Последний, возражая на страницах «Ленинградской правды» взглядам бухаринца А.И. Стецкого, писал: «На первый взгляд читателю кажется, что есть где-то в Ленинграде какие-то антиленинцы, настолько погрязшие в меньшевизме, что они не хотят признать социалистическую роль кооперации и баста. Но дело в том, что таких антиленинцев пока не встречалось (не исключена, правда, возможность, что таковых могут прислать из института красной профессуры)»³. Последняя оговорка отнюдь неслучайна, так как Институт красной профессуры был известным центром бухаринской экономико-исторической школы [см. подробнее: Никуленкова]. Интересно, что противостояние петербургской и московской исторической школы существовало и в среде партийных историков, однако очень непродолжительное время и в крайне своеобразной форме, не относящейся строго к историческим студиям.

Полемика на страницах печати, разумеется, не была единственным способом борьбы для историков в оппозиции. Большое значение имела агитация на фабричных предприятиях (ей, в частности, занимался один из наиболее активных оппозиционеров С.К. Минин⁴, партийный историк и ректор Коммунистического университета), агитация в кружках политпросвет работы, использовавших в качестве методического пособия «Философию эпохи» и «Вопросы ленинизма» Г.Е. Зиновьева. Эта кружковая работа легла в том числе и на университетских историков.

Разгром оппозиции произошел в январе 1926 г. Сеть инициативных групп, созданных присланными из Москвы сталинцами, фактически подменила собой существовавший губком и заставила (часто путем давления и угроз) партийные коллективы выразить осуждение поведению ленинградской делегации на XIV съезде партии, которая отстаивала оппозиционную повестку. Произошло это несмотря на то, что буквально за 2–3 недели до этого подавляющее большинство партъячеек высказали единодушную поддержку Зиновьеву и Ко. К сожалению, в литературе мало уделяется внимания той встряске, которую получил партийный аппарат Ле-

нинграда после поражения зиновьевцев. В течение первых месяцев 1926 г. были переизбраны все крупнейшие составы Бюро партколлективов, отстраненными от должности и переведенными в провинцию оказались многие активные зиновьевцы. Эти репрессивные меры коснулись и историков: с поста ректора Коммунистического университета и проректора ЛГУ был снят С.К. Минин, в регионы были переведены М.М. Цвибак, А.И. Анишев, И.Л. Татаров, Сеф, Н.М. Маторин и др.

Летом 1926 г. состав противников блока Сталина – Бухарина вновь поменялся. В это время Троцкий и Зиновьев решили выступить единым фронтом, объединив усилия своих сторонников. Так зиновьевцы, активно критиковавшие в 1923–1925 гг. не только Сталина, но и Троцкого, вступили в союз с последним. К этому времени распространять легально идеи оппозиции было практически невозможно. Статьи и книги оппозиционеров не публиковались, а публичные выступления лидеров всегда оканчивались скандалом. У противников сталинского курса осталось лишь несколько путей агитации. Рассмотрим основные из них.

Во-первых, выступления на общих собраниях партколлектива с вопросами или замечаниями в духе оппозиционной повестки. Например, в ЛГУ эта работа легла на историка России К.В. Нотмана и историка литературы Г.Е. Горбачева. Они пытались проводить критику докладов, посвященных текущему политическому положению, в рамках прений озвучивать оппозиционные взгляды, касающиеся расширения партийной демократии, наступления на кулака, ошибочности курса в отношении Китайской революции, осуждали репрессии против оппозиционеров и т. д.⁵ В Педагогическом институте им. Герцена роль оппозиционного агитатора исполняла историк С.А. Лотте, которая вместе с мужем, историком философии М.Л. Ширвиндтом, преподававшим в Политехническом институте, состояла в буферной группе (небольшая оппозиционная группа, близкая Троцкому, но менее радикальная во взглядах). О характере ее работы: «...участвовала в антипартийном собрании, активно выступала на партсобраниях, по словам очевидцев, приходилось сталкиваться с трибуны Лотте, на одном из собраний написала резолюцию от своей группы и выступила, предложив ее и защищая»⁶.

Во-вторых, для оппозиционеров важно было заручиться поддержкой в среде рабочих, поэтому часть агитационной работы проводилась на ленинградских фабриках и заводах. Эта сфера деятельности троцкистов и зиновьевцев в виду подпольного характера отражена в документах хуже всего. Однако можно сказать, что среди историков подобную работу вели, например, А.И. Каменгулов и И.Я. Богомольный на заводе «Красный гвоздильщик»⁷. Работу

в студенческих и заводских кружках вел универсант К.В. Нотман. Одним из лидеров группы оппозиционеров Василеостровского района был доцент Ямфака ЛГУ Г.Е. Горбачев [Стефаненко: 32].

В-третьих, оппозиционеры были вовлечены в распространение листовок и сбор подписей под Платформой 83-х, которую противники Сталина безуспешно пытались опубликовать или придать широкому обсуждению. В эту работу были в той или иной степени вовлечены все участники оппозиции. Супруги С.А. Лотте и М.И. Ширвиндт также участвовали в сборе подписей под заявлением буферной группы⁸.

Говоря о работе объединенной оппозиции, нельзя обойти вниманием фигуру Н.И. Карпова. Известный писатель и сторонник Троцкого Виктор Серж вспоминал о нем как об одном из лидеров Ленинградской оппозиционной группы. Участник Гражданской войны, делегат VIII съезда партии (1919 г.), блестящий знаток партийной истории был одним из тех, кто поддерживал Троцкого еще в дискуссиях 1923–1924 гг., за что был снят с должности преподавателя Коммунистического университета. В годы членства в объединенной оппозиции он являлся преподавателем ЛГПИ им. Герцена (1925–1928 гг.). В. Серж о работе с Н.И. Карповым писал: «Мы собирались в номере “Астории”, обычно у Н.И. Карпова, профессора агрономии⁹, бывшего армейского комиссара. Приходили: два или три рабфаковца, два старых большевика из рабочих, участвовавшие во всех революциях, которые произошли в Петрограде за двадцать лет; К., в прошлом организатор партийной типографии, скромный, не занявший синекюры из-за излишней совестливости, который и десять лет спустя после взятия власти по-прежнему жил в бедности, худой и бледный, в выцветшей фуражке; Федоров, рыжий детина, прекрасно сложенный, с открытым лицом воина-варвара, который работал на заводе и вскоре покинул нас, чтобы, в конце концов, погибнуть вместе с зиновьевцами» [Серж: 252]. Карпов также участвовал в подготовке выступления оппозиции на демонстрации в Ленинграде, посвященной 10-летию Октября¹⁰. Помогала Н.И. Карпову его супруга – преподаватель истории А.Д. Войтоловская. Хотя она не состояла в партии, но брала на себя часть забот мужа [Григоров: 408].

Вероятно, то, что Н.И. Карпов был не рядовым оппозиционером, а одним из лидеров движения, объясняет составление крайне обширной стенограммы его допроса в Контрольной комиссии 16 ноября 1927 г. Подобные документы – редкий источник, позволяющий судить о мнениях, идеях и мотивации оппозиционеров, так как материалов личного происхождения от троцкистов и зиновьевцев осталось крайне мало. Поэтому, полагаем, стоит подробнее остановиться на содержании стенограммы. Так, Н.И. Кар-

пов утверждал, что пришел к оппозиционным взглядам еще до выступлений Троцкого. В 1923 г., работая в Зиновьевском университете, он «заметил некоторый холодок, создается какая-то прослойка, которая начинает отходить от массовой боевой работы, появляется некоторый карьеризм». Тогда он выступил с докладом в университете, полагая, что партиец имеет право высказаться, но испытал на себе гонения, однако Контрольная комиссия встала на его сторону, отметив, что ничего предосудительного в его словах не было¹¹. Стараясь побороть растущий отрыв партии от рабочих масс, Н.И. Карпов, переведясь в Институт им. Герцена, сам попросил прикрепить его к партийному коллективу «Красного Путиловца» и, отказавшись от высоких постов, пошел в ячейку паровозно-котельной мастерской¹². Далее историк сокрушался о том, что в партию пролезает много приспособленцев, бывших представителей враждебных большевикам партий, которые в своих личных интересах «с пной у рта» отстаивают линию ЦК.

Представители контрольной комиссии попытались подставить под сомнения и научные заслуги Н.И. Карпова, составившего 4-томную хрестоматию по ленинизму¹³, которую один из допрашивающих назвал «неудовлетворительной». Историк парировал: «Партию они удовлетворили. Эти 4 тома выдержали 3 издания по 20 тыс. (экземпляров. – Д. Б.) каждое, партия их поглотила и партия изучала, изучает и сейчас занимается по этим книжкам»¹⁴. В ходе изучения работ Ленина, сопровождавшего подготовку издания, Карпов пришел к выводу о случившемся в 1926–1927 гг. отходе от основ ленинского учения, против которого и должны бороться «кистые» большевики, т. е. оппозиционеры.

«Когда в партии происходят такие события, что вчера (Зиновьев. – Д. Б.) был председателем Коминтерна, а теперь контрреволюционер, член партии, естественно, должен получить освещение и той и другой стороны <...> Неужели вы хотите, чтобы я не интересовался этими вопросами, принял пассивно Вашу резолюцию», – вопрошал в завершение допроса Н.И. Карпов. Однако ни предельная искренность, ни явное превосходство в знании партийной истории, обнаруженные в ходе допроса¹⁵, не спасли Н.И. Карпова от исключения из партии в декабре 1927 г.

Решения XV съезда партии в декабре 1927 г. заклеили оппозицию как меньшевистское течение, и с этого момента состоять в ней стало невозможно не только де-факто, но и де-юре. В январе – марте 1928 гг. последовало массовое исключение оппозиционеров из партии, которое затронуло и большинство историков. Одним из оппозиционеров, отказавшихся капитулировать, стал историк-германист Г.Я. Яковин, преподававший курс истории ВКП (б)

в Коммунистическом университете, Технологическом институте и ЛГПИ им. Герцена¹⁶. По воспоминаниям В. Сержа, он являлся одним из главных теоретиков ленинградских троцкистов. Вплоть до 1928 г. Г.Я. Яковин находился на нелегальном положении, по поддельным документам перемещаясь между Москвой, Ленинградом и Крымом в поисках своих сторонников. На допросах ОГПУ в октябре 1928 г. вел себя крайне мужественно: «Мне предъявлено обвинение в принадлежности к антисоветской организации без малейшей попытки подтвердить это хотя бы даже в самой общей форме какими-либо фактами. Я протестую против такого обвинения... <...> Содержание же меня, коммуниста-большевика, в советской тюрьме считаю оскорбительным не только для себя, но и для соответствующего советского органа». Столь же стойким было его поведение в феврале 1935 г., когда при аресте он, согласно обвинительному заключению, «уничтожил (порвал) документы, имеющие отношение к делу. Находясь в заключении в Сталинабаде и в Москве в изоляторе, нарушал распорядок, пытался связаться с другими заключенными. При следовании конвоем из Сталинабада в Москву рассылал троцкистским ссылкам извещения о своем аресте, предварительном допросе и известных ему арестах троцкистов» (цит. по: [Беленкин: 356–358]).

Среди других активных деятелей троцкистского подполья можно назвать историка философии А.М. Альтера и его супругу преподавательницу О.М. Танхилевич. Оба занимались оппозиционной работой вплоть до конца 1928 г. Вскоре после возвращения из ссылки в 1930 г. вступили в группу капитулянтов Н.И. Смирнова, и в 1933 г. были сосланы повторно [Баринов].

Оппозиционеры и историческая наука. История левой оппозиции была короткой, но крайне насыщенной – постоянное изменение политической конъюнктуры вело к частой перегруппировке сил, когда вчерашние враги становились союзниками. Так произошло и с зиновьевцами, которые вплоть до начала 1926 г. с открытым или сдержанным негативом относились к сторонникам Троцкого, что нашло отражение и в научных публикациях оппозиционеров. На тот момент, когда Троцкий превратился в соратника Зиновьева по борьбе со Сталиным (лето 1926 г.), оппозиционеры были лишены любой возможности для печатного выражения своей политической позиции или изложения своего видения партийной истории. В этой связи актуальные коррективы по отношению к прошлому и настоящему троцкизма так и не увидели свет. Тем не менее нам кажется важным остановиться на самом методе использования истории как орудия политической борьбы, которым пользовались и представители оппозиции в Ленинграде.

Основной «исторический» выпад Троцкого против Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева был связан с их позицией о преждевременности захвата власти в октябре 1917 г., опубликованной в печати накануне восстания. Это партийное «прегрешение» было разобрано Троцким в работе «Уроки Октября» (1924 г.), при этом автор отмечал, что эта ошибка не была случайна, а являлась продолжением политических взглядов. Г.Е. Зиновьев не остался в стороне, и в своих исторических публикациях старался парировать Троцкому. В работе «Ленинизм» он попытался оправдаться за «октябрьскую» ошибку, при этом характерно, что Зиновьев, не упоминая сути своего проступка, сразу переходит к описанию его причин. Глава Ленинграда признавался, что, находясь в подполье, не уследил за быстро меняющейся политической обстановкой и в октябре 1917 г. руководствовался сентябрьской статьей В.И. Ленина «О компромиссе». Эта статья, по словам Зиновьева, отражала позицию Ленина, стоявшего незадолго до революции за сохранение программы минимум. «Речь не идет сейчас об ошибках того или иного большевика, а о развитии большевизма в целом», – так Зиновьев пытался уйти в область абстрактного [Зиновьев 1925: 118]. В своих работах он и сам старался нападать, в частности критикуя экономические взгляды Троцкого и его теорию перманентной революции. Причем последнюю он называет теорией Троцкого – Парвуса, что является явным пропагандистским ходом, так как на тот момент за Парвусом уже давно закрепилась репутация одиозной личности [Зиновьев 1925: 133].

Статья «Большевизм или троцкизм?» была прямой реакцией на «Уроки Октября». Зиновьев утверждал, что «на VII съезде тов. Троцкий, находившийся в нашей партии тогда всего только около полугода, в первый раз создал троцкистский кризис. С тех пор, увы, эти кризисы повторяются периодически» [Зиновьев 1926: 109]. Статья была полна намеков и указаний на меньшевистское прошлое Троцкого. В частности, говорилось, что Ленин – классический тип пролетарского революционера, Троцкий – классический тип интеллигентского революционера, который только может делать вид, что сливается с рабочей массой [Зиновьев 1926: 113].

Подобная антитроцкистская линия проводилась Зиновьевым и его сторонниками (в том числе историками) даже в то время, когда они сами в 1925 г. оказались в оппозиции. Например, Г.Е. Горбачев свой краткий очерк по истории партии завершает следующей репликой: «Попытка т. Троцкого произвести ревизию ленинского учения о движущих силах русской революции, об основах союза пролетариата и крестьянства, о взаимоотношении партии и масс, извратить историю коммунистической партии, якобы научившейся чему-то и усвоившей что-то от мелкобуржу-

азного троцкизма эпохи 1905–1917 гг., не удалась». Приложением к брошюре идет осуждающая резолюция о выступлениях Троцкого, принятая пленумами ЦК РКП(б) и ЦКК 17 января 1925 г. [Горбачев 1925: 75] Куда более противоречивой было отношение Г.Е. Горбачева к Троцкому как литературному критику. О его работе «Литература и революция» он писал одновременно, что она «не пригодна ни как справочник и путеводитель, ни как учебник, ни как руководящая настольная книга для нашего студенчества» из-за своей «капризной композиции» [Горбачев 1926: 159], в заключении же утверждалось, что книга может претендовать на произведение великого литературного критика, а отдельные главы труда Троцкого должны стать образцом марксистского анализа и войти во все хрестоматии [Горбачев 1926: 160, 194].

Знаменитый труд А.И. Анишева о Гражданской войне был завершен до начала полемики 1924 г., и потому оценивал роль Троцкого в сдержанных тонах, тем не менее в предисловии автор оговаривается: «Должен, наконец, отметить, что я писал свою работу до последнего выступления тов. Троцкого с “Уроками Октября”, в борьбе с которым не только были даны некоторые новые материалы, но и теоретически оформились и стали более выпуклыми некоторые из основных проблем революции» [Анишев: 4] Очевидно, эта оговорка свидетельствует о готовности автора к пересмотру положений собственного исследования.

Борьба с Троцким коснулась и, казалось бы, такого нейтрального научного жанра, как сборник документов. «История РКП(б) в документах» составленная Зиновьевцем И.Л. Татаровым, содержит целый раздел со статьями Троцкого, написанными в период Первой мировой войны, однако вслед за ним идет блок публикаций Зиновьева за этот же период, посвященный разоблачению взглядов Троцкого. Раздел «Борьба против Троцкизма» также представляет собой подборку текстов, направленных против лидера оппозиции¹⁷.

Учреждения, связанные с историей партии и революционного движения, в малой степени испытали на себе влияние развернувшейся полемики. «Красная летопись», издаваемая Ленинградским отделением Истпарта, публиковала прежде всего воспоминания и документы, а потому мало касалась вопросов текущей политики. Однако небольшой эпизод, связанный с влиянием партийной борьбы на источниковедение, все же обращает на себя внимание. 27 апреля 1927 г. Институт Ленина при ЦК ВКП(б) велел Ленинградскому Истпарту отложить публикацию протокола Петроградского совета профессиональных союзов от 9 ноября 1917 г.¹⁸ Такая же директива вскоре последовала и относительно речи Ленина, произнесенной на заседании Петроградского комитета 1 ноября

1917 г. Это вовсе не случайно, так как в первом случае Троцкий вместе с Лениным отмечаются как главные организаторы революции: «...своим саботажем наши противники нанесут великий удар не Ленину и Троцкому и др. большевикам, а всему рабочему классу»¹⁹; а во втором содержалось следующее ленинское высказывание: относительно меньшевиков «Троцкий давно сказал, что объедин[ение] невозможно. Троцкий это понял, и с тех пор не было лучшего б[ольшевика] [Ленин: 216]. Эти документы собирались для публикации в сборнике «Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г.», но так и не были в него включены. Уже после набора корректуры от секретариата ЦК поступило распоряжение отправить эти места «в разбор». Глава Ленинградского истпарта П.Ф. Куделли в качестве причины такого пропуска назвала плохую запись документа [Троцкий 1990: 113]. Такое объяснение не видится состоятельным, так как копия этой записи активно использовалась Троцким в его пропагандистских текстах. В 1927 г. его возмущение было изложено в «Письме в Истпарт», которое получило отказ в публикации и распространялось в копиях. Впоследствии письмо стало основой изданной в Берлине в 1932 г. «Сталинской школы фальсификаций».

В остальном историки-оппозиционеры посвящали себя преимущественно нейтральным исследовательским сюжетам, не стремясь привязать их к задачам политической борьбы. К.В. Нотман занимался историей внешней политики России, С.А. Лотте и И.Я. Богомольный – историей Франции, А.М. Альтер, М.Л. Ширвиндт – историей философии, А.М. Каменев, Г.Е. Горбачев и Е.Н. Дубов – историей литературы, М.М. Цвибак – историей России нового времени, Л.Г. Райский – историей США. С.К. Минин опубликовал воспоминания о своей революционной работе в Царицыне [Минин]. К сожалению, они ограничиваются 1917 г. и не затрагивают период их совместной работы со Сталиным в годы Гражданской войны.

«Троцкистская контрабанда». К началу 1930-х гг. борьба с оппозицией в значительной мере поутихла. Большинство бывших противников сталинского курса «капитулировало» и в течение 1928 г. было возвращено в ряды партии. Многие при этом получили повышение по службе. М.М. Цвибак по ходатайству ЛГУ был возвращен из Ташкента, К.В. Нотман занял кафедру истории ВКП(б) в ЛИФЛИ, другие историки также находились на видных ролях в своих институтах и университетах. В этот же период в Ленинград переехали известные историки-оппозиционеры из Москвы – А.Г. Пригожин, С.М. Томсинский, А.И. Малышев и др.

Ситуация резко изменилась с публикацией осенью 1931 г. письма Сталина, адресованного редакции «Пролетарская революция», которое содержало призывы бороться с проявлением троцкизма в исторической

науке. Подобный выпад против «троцкистской контрабанды» не был первым в своем роде. Как едко замечал Троцкий, «если хотите узнать, чего хочет Сталин достигнуть через полгода... послушайте, что говорит Ярославский» (цит. по: [Фельштинский, Чернявский: 247]). И действительно еще в феврале 1930 г. состоялся доклад Е.М. Ярославского на собрании преподавателей обществоведов, на котором отмечалась несовместимость троцкистского и большевистского взглядов, в том числе и на историю партии [Ярославский]. Однако именно письмо генсека приобрело характер директивы и привело к гонениям на историков из числа бывшей оппозиции. В чем была суть претензий Сталина? Поводом для него послужила статья московского историка А.Г. Слуцкого «Большевики о германской социал-демократии в период её предвоенного кризиса», в которой автор говорил о недостаточно жесткой позиции В.И. Ленина по отношению к немецким социал-демократам в период Первой мировой войны [Слуцкий]. Такая трактовка событий была расценена Сталиным как клеветническая и фальсификаторская. Очевидно, размышления Слуцкого были восприняты как намек на примиренческую позицию Троцкого, которую тот долгое время занимал по отношению к фракциям РСДРП и которую занял сам Ленин в годы войны по отношению к немецким социал-демократам. Надо отметить, что статья Слуцкого дает мало оснований для подобных домыслов и параллелей, однако Сталин поставил ее в качестве примера попытки «протащить контрабандой в нашу литературу замаскированный троцкистский хлам» [Сталин 1931: 99].

В завершении статьи досталось и известному ленинградскому партийному историку В.О. Волосевичу. Его «Самая краткая история ВКП(б)», выдержавшая на тот момент 10 изданий, по мнению генсека, также не была свободна от фальсификаций. К таковым Сталин отнес суждение историка о том, что в предвоенные годы Ленин не разделял возможность перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. После крайне абсурдного опровержения этой мысли ленинскими цитатами из 1905 г. (хотя историк говорил о 1912 г.) Сталин заключает, что позиция В.О. Волосевича ведет к тому, что Ленин стал большевиком только в 1917 г., «перевооружившись» с помощью теории перманентной революции Троцкого, которая прямо не называлась, но явно имелась в виду.

Сложно однозначно ответить, каковы были истинные мотивы письма Сталина: желание активизировать борьбу с бывшими оппозиционерами, направить партийную историческую науку в нужное русло, ответ на заграничные публикации Троцкого, собственная мнительность и подозрительность, дискредитация Розы Люксембург, вокруг идей которой группировались недовольные сталинской политикой

члены Коминтерна и т. д. Так или иначе во многих вузах и научных институтах письмо было воспринято как прямое руководство к действию. В ноябре – декабре 1931 г. началась масштабная, пусть и краткосрочная, «разоблачительная» кампания против троцкизма, а фамилии Слуцкого и Волосевича стали нарицательными именами для обозначения идеологических «контрабандистов» (подробнее см.: [Barber]).

Любопытно, что менее всего в ходе разоблачений пострадал один из непосредственных адресантов сталинского письма В.О. Волосевич. Биография это крупнейшего партийного историка Ленинграда 1920-х гг. представлена в литературе только в самых общих чертах. Поэтому остановимся на ней чуть подробнее. Владислав Оттонович Волосевич родился в 1882 г. в семье участника польского восстания 1863 г., приговоренного к каторге, впоследствии замененной ссылкой. В 1901 г. поступил в Харьковский университет, откуда дважды исключался за участие в студенческих беспорядках. В 1903 г. вступил в ряды большевистской партии, с 1907 г. работал в подполье. После одного из многочисленных арестов в 1910 г. был сослан в Енисейскую губернию, д. Денисовку. Впоследствии жил в Иркутске, где работал в метеорологической обсерватории. В 1912 г. бежал за границу, жил сначала в Льеже, а затем в Лилле, где в 1918 г. окончил курс Промышленного института, но не сдавал экзамены. Во Франции занимался редакторской деятельностью в коммунистических газетах «Proletaire» и «L'humanite». В 1920 г. вступил во французскую компартию и в комитет 3-го Интернационала. В 1922 г. переехал в СССР и начал преподавательскую работу. В 1924–1925 гг. являлся заведующим Ленинградским отделением Центрального архива, с 1925 г. – руководитель кафедры истории ВКП(б) в Военно-инженерной академии, в это же время преподавал историю в областной совпартишколе Института национальных меньшинств Запада. С 1934 по 1937 гг. – в институте инженеров железнодорожного транспорта. Первый год блокады историк провел в Ленинграде, после был эвакуирован в Киров. После снятия блокады Волосевич возвратился в Ленинград, вернувшись к преподаванию в химико-техническом институте. В 1950 г. вышел на пенсию²⁰.

Волосевич подвергался нападкам и до сталинского письма. Еще в марте 1931 г. он жаловался Сталину, что его травят в Военно-технической академии, ставя в один ряд с «меньшевиками-вредителями»²¹. Тем не менее в дальнейшем за троцкистскую пропаганду, выявленную Сталиным, в 1932 г. Волосевич получил лишь строгий выговор. В январе 1935 г. в рамках «кировского потока» он оказался исключен из партии за неучастие в борьбе против оппозиции, однако уже в феврале Контрольная комиссия пересмотрела это решение, так как Волосевич никогда не состоял в оп-

позиционных группировках²². Фактически это все репрессии, которым он подвергался. Вероятно, столь мягкие наказания были вызваны тем, что Волосевич всегда был далек от любой оппозиции, а после появления письма добровольно «ушел в тень», перестал заниматься историей и переключился на преподавание математики.

Судьба действительных оппозиционеров не была столь легкой. Так, в декабре 1931 г. заседание партийки Ленинградского историко-лингвистического института (выделенного из ЛГУ) превратилось в настоящую травлю бывших участников троцкистско-зиновьевского блока – Г.Е. Горбачева, К.В. Нотмана и М.М. Цвибака (уволенного в марте). Все три дня, что длилось заседание, собравшиеся с опорой на сталинский текст упражнялись в словесных эскападах по отношению к бывшим оппозиционерам. В зависимости от выступающих менялась только радикальность предлагаемых мер: от расправы путем исключения и отсечения от партии до необходимости ознакомиться с трудами гонимых и дать развернутую критику. К.В. Нотман пытался откреститься от Горбачева, отмечая, что не знал о его «троцкистских установках», а огульно осуждать его он не мог. Обвинения в протаскивании троцкистской контрабанды он отрицал и подчеркивал, что от своих оппозиционных взглядов давно отказался. Отказывается он и принять в качестве обвинения отношения с М.М. Цвибаком, так как его «контрабанда» не доказана²³. Последнему пришлось выслушать обвинения и в Институте истории ВКП(б), где решением Бюро он был отстранен от работы в НИИ истории. Стоит обратить внимание на то, что этот институт стал единственным местом, где прозвучали реплики в защиту А.Г. Слуцкого и В.О. Волосевича, впрочем, картины всеобщего порицания они не изменили²⁴.

Примечательно, что часто именно бывшие оппозиционеры были наиболее активными проводниками сталинской линии. В институте истории Ленинградского отделения Коммунистической академии (ЛОКА) доклад о письме Сталина делал А.Г. Пригожин. Доклад был одобрен, по его завершению коллектив призвал бороться с ошибками троцкистского порядка, а также намечен план пропагандистской работы²⁵. Именно на ЛОКА легло бремя распространения сталинских идей. Работа проходила в два этапа: с 5 по 29 ноября – широкое обсуждение в ячейках; с 29 ноября по 15 января – агитационная компания, на которую было привлечено 175 человек из разных институтов (150 – для Ленинграда, 25 – для области). По итогам проработки письма Сталина партийки институтов показали «небывалую активность», «политическую зрелость», «большевистскую готовность»²⁶. В партколлективе ГАИМКа одним из критиков оппозиционеров был бывший троцкист С.Г. Томсинский.

Сталинскую критику в области истории литературы также проводил бывший оппозиционер А.Д. Камегулов, критиковавший ранние публикации другого экс-оппозиционера Г.Е. Горбачева. В 1932 г. Камегулов писал, что письмо тов. Сталина «именно потому и имеет исторически-международное значение, что оно наряду с целым рядом важнейших вопросов, связанных с изучением истории нашей партии и международного революционного движения, поставило со всей большевистской непримиримостью и ясностью вопрос о новых приемах в тактике классового врага» [Камегулов: 4]. Определив этими словами «методологию» своей работы, автор разбирает публикации Горбачева 1920-х гг. Фарсу подобной критике добавлял тот факт, что Горбачев, как мы показали выше, активно осуждал взгляды Троцкого на литературоведение, хотя и признавал его публицистический талант и силу аргументации. Но политическая конъюнктура оказалась сильнее здравого смысла. В завершении своего анализа Камегулов признает работы Горбачева троцкистской вылазкой, а также заключает, что тот не разбирается в марксистской теории, так как у него «капитализм изображен абстрактным мистическим божеством» и как «монистический магический фатум исторического русского процесса» [Камегулов: 34, 21].

В конце года с редакционной статьей выступил ленинградский историко-партийный журнал «Красная летопись». Статья призывает стоять на страже партийной истории, не допуская ее искажений: «...мы должны быть зорки и бдительны, мы должны уметь различать своего противника, в какие бы одежды он не переряжался, какими бы теориями не прикрывал свою кулацко-буржуазную сущность, и в корне пресекать малейшее извращение ленинской теории»²⁷.

Любопытно, что кампания по проработке сказала и на библиотечном деле. Резолюция партколлектива Публичной и других городских библиотек призвала разрушить монополию буржуазных специалистов в области библиотечной теории и практики, в частности Н.А. Рубакина, Л.Б. Хавкиной, В.А. Невского, А.А. Покровского, Б.В. Банк и др. Суть критики заключалась в том, что их демократическая идея свободы читателя от педагогического воздействия библиотекаря была сочтена либеральной и вредной. Библиотекарь, гласила резолюция, должен был принимать на себя также и функции агитатора и организатора просветительской работы²⁸. В отдельных учреждениях звучали и вовсе курьезные призывы. Так, в Институте политпросветработы постановили развенчать взгляды Л.Д. Троцкого на библиотечное дело. Для этого важного направления «развития» марксизма были установлены плодотворные связи с вузами других городов (Москва, Харьков, Нижний Новгород) и редакцией журнала «Красный библиотекарь»²⁹.

В январе 1932 г. И.В. Сталин развил свою позицию в отношении партийной истории в ответе на письмо слушателя Ленинградской Военно-технической академии П.О. Олехновича. Он отмечал ошибочность высказанного студентом мнения о том, что троцкизм никогда не являлся фракцией коммунизма. Генсек отмечал, что троцкизм являлся фракцией до входа в большевистскую партию и снова стал ей после изгнания оттуда за вредительскую работу в 1927 г. «Собака вернулась к своей блевотине», – в узнаваемом стиле заключил Сталин [Сталин 1932: 128]. Это письмо совпало со временем окончания кампании. Так подводили ее итоги в районном комитете ВКП(б) Петроградского района: «...проработка показала всю своевременность и актуальность письма т. Сталина, способствовала вскрытию ряда проявлений троцкистской контрабанды (Кузютин³⁰ – в ЛЭТИ, отдельн[ых] кафедрах ЛМИ, проявлению гнилого либерализма на практике и в теории (р[аб]ф[ак] ЛЭТИ, Рентгенолог[ический] институт, Травматологич[еский] институт), хвостизм отдельных коммунистов и ряда кафедр соц[иально-]эконом[ических] дисциплин вузов»³¹.

Отрывочные свидетельства позволяют судить о восприятии письма немногочисленными реальными «неразоружившимися» троцкистами. Речь идет прежде всего о группе «капитулянтов» И.И. Смирнова (1931–1932 гг.), куда вошли партийцы, формально отказавшиеся от оппозиционных взглядов, но продолжавшие критически относиться к сталинскому курсу. Из материалов о группе, собранных ОГПУ, становится видно, что капитулянты воспринимали сталинское письмо как отвлечение внимания партии от актуальных хозяйственных трудностей, и своим содержанием оно должно было бить не по извратителям истории, а именно по троцкистам; при этом подчеркивался намеченный Сталиным курс на фальсификацию истории и подтасовку исторических документов³².

Подчеркнем, что «разоблачительная» компания 1931–1932 гг. не привела к сравнительно серьезным расправам. Дело ограничилось краткосрочным исключением из партии и снятием с ряда должностей. Тем не менее все бывшие оппозиционеры сохранили основное место работы и продолжили преподавать. Однако в отличие от кампании 1927–1928 гг. сейчас им вменялись надуманные обвинения, так как никаких «вылазок» в их публикациях, конечно, не было, тем более что в своем большинстве историки-оппозиционеры на тот момент занимались исследовательскими сюжетами, отвлеченными от партийной истории.

Заключение. Историки-партийцы Петрограда/Ленинграда оказались достаточно восприимчивой средой к оппозиционным течениям. В 1925 г. вслед за партийными лидерами они оказались одними из главных «глашатаев» зиновьевской оппозиции, активно высту-

пая и на страницах печати, и в рабочих и студенческих кружках. Большинство из них летом 1926 г. продолжило борьбу в блоке с Троцким. Активное участие историков в оппозиционной работе, на наш взгляд, во многом связано с тем, что они имели должную научную подготовку для понимания основных сюжетов политических дискуссий, связанных с вопросами истории, экономики, философии и т. д. Этим же обусловлено в целом большее представительство в оппозиции ученых гуманитарных специальностей. Помимо названных нами историков, это экономисты Ф.Н. Дингельштедт, М.М. Духовный, Н.Я. Пилявин, Б.А. Кужнир, О.Б. Остроумов, педагоги О.Г. Лившиц, С.Б. Раскина, преподаватели философии О.М. Танхилевич, А.Л. Бронштейн (Соколовская), Э.Ф. Лепинь и др. Однако нельзя не отметить, что о значительном представительстве ученых-гуманитариев в оппозиции можно говорить только в сравнении со всей массой ученых в оппозиции, в целом партийная масса Ленинграда оказалась достаточно индифферентной по отношению к политической борьбе.

В отличие от Москвы ленинградские историки не смогли создать какого-либо центра сочувствия оппозиции. В столице такую роль играло Общество политкаторжан. Один из его руководителей – редактор журнала «Каторга и ссылка» В.Д. Виленский-Сибиряков – в годы борьбы допускал публикации оппозиционных текстов, что вело к серьезным стычкам со старостой общества Е.М. Ярославским [Юнге: 244–276]. Группа сторонников Л.Д. Троцкого работала в Институте красной профессуры, и в письмах из алма-атинской ссылки опальный большевик сетовал на то, что с ними не получается установить взаимодействие [Троцкий 1995: 139].

Уже к началу 1926 г. оппозиционеры по всей стране оказались отрезаны от возможности публикаций актуальных политических статей или текстов, посвященных проблемам истории партии. Подобные цензурные меры лишили их возможности публично подкорректировать собственные взгляды относительно Троцкого и его роли в революции. Тем не менее очевидно, что такая корректировка была, так как на собраниях партячеек часто поднимался вопрос о неприемлемости репрессивных мер к такому заслуженному революционеру, как Троцкий. Получив небольшую передышку в конце 1920-х гг., оппозиционеры, уже в статусе капитулянтов, вновь подверглись гонениям после упомянутого письма И.В. Сталина. Тот факт, что «разоблачительная» кампания коснулась прежде всего бывших троцкистов и зиновьевцев, позволяет говорить, что главный посыл письма генсека лежал в политической, а не историографической плоскости (так же эту кампанию воспринимали и неразоружившиеся троцкисты). Часто наиболее активными борцами с троцкистской контрабандой были

экс-оппозиционеры. Очевидно, ими двигал инстинкт самосохранения и желание сыграть на опережение, избегая преследований – так как сам посыл инспирированного Сталиным поиска «троцкизма» многим был очевиден. Тем не менее эффект от письма в «Пролетарскую революцию» оказался довольно краткосрочным, сойдя на нет к январю 1932 г., при этом пострадавшие отделались лишь незначительными взысканиями. Окончательная расправа над оппозиционерами произошла после убийства Кирова, когда с посылы Сталина, призвавшего искать виновных в среде «зиновьевцев», были арестованы сотни бывших противников сталинского курса, уже давно отошедших от политической борьбы.

Кампания 1931 г. шла в русле общего наступления сталинского курса на историческую науку. Характерно, что М.М. Цвибак, один из пострадавших в ходе проработки, в начале года сам участвовал в критических и крайне агрессивных нападках на идеи школы Платонова [Зайдель, Цвибак]. В рамках этого наступления письмо в «Пролетарскую революцию» было прежде всего по партийной истории. Разгром оппозиций и уклонов привел к появлению целого ряда табуированных тем, связанных с революционными заслугами противников сталинского курса. Однако историки партии еще сохраняли известную свободу в выборе исследовательских сюжетов, имели возможность для критических высказываний и обобщений. Последствия, спровоцированные письмом Сталина, привели к сворачиванию подобных вольностей. И если до 1931 г. правила игры (т. е. список запрещенных тем) были всем понятны и очевидны, то критерии выявления «троцкистской контрабанды» явно лежали в области субъективного сталинского восприятия и потому не могли быть четко сформулированы. Все это сформировало крайне запутанную историографическую ситуацию – запрещались не только положительные оценки и упоминания отдельных лиц, но и намеки на них. Понять, в чем заключаются эти намеки, то есть собственно сама контрабанда, было затруднительно. Однако власти требовали разоблачений, поэтому в качестве жертв были выбраны прежде всего бывшие троцкисты – как самые очевидные претенденты на мнимое протаскивание враждебных партии идей.

Письмо Сталина явно подтолкнуло власти к унификации партийной истории. В числе лиц, получивших упреки в письме 1931 г., был и Е.М. Ярославский. Однако будучи одним из приближенных генсека, он, разумеется, никаких взысканий не получил. Через два дня после публикации сталинского письма он обратился к генсеку с просьбой указать на конкретные ошибки в его Истории ВКП(б). Известно, что Сталин успел набросать только черновик ответа Ярославскому [Сталин 2006: 139–140]. Однако, очевидно, его установки

относительно партийной истории прямо и косвенно были взяты на вооружение, о чем свидетельствуют и перестановки в редакции «Пролетарской революции». Подобная политика постепенно привела к появлению в 1938 г. Краткого курса истории ВКП(б), заново определившего правила игры, которые в этот раз уже не предполагали никакой свободы и опустили партийную историю до уровня схоластики.

Примечания

- ¹ Встречается также вариант написания – Хоречко.
- ² Краткие биографические справки на членов партии, подписавших оппозиционную платформу «83-х» от 25 мая 1927 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 71. Д. 18. Л. 234.
- ³ Цвибак М. Куда привело ликвидаторство товарища А.С. // Ленинградская правда. 1925. 15 декабря. С. 4.
- ⁴ В редакцию «Правды» ЦО РКП(б) // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб). Ф. Р-1728. Оп. 1-30. Д. 237771. Ч. 2. Л. 6.
- ⁵ См.: Протокол общего собрания коллектива ВКП(б) ЛГУ. 10 февраля 1927 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 244. Л. 2.; Протокол общего собрания коллектива ВКП(б) ЛГУ. 8 июня 1927 г. // Там же. Л. 9.; Протокол общего собрания коллектива ВКП(б) ЛГУ. 8 сентября 1927 г. // Там же. Л. 11.; Протокол общего собрания коллектива ВКП(б) ЛГУ. 3 ноября 1927 г. // Там же. Л. 20.; Закрытое общее собрание по коллектива ВКП(б) рабфака ЛГУ. 3 ноября 1927 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 67. Л. 57, 58 об.
- ⁶ ГАИМК – Смольнинский район [1935 г.] // ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-43. Д. 338775. Ч. 2. Л. 2.
- ⁷ Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б). Партколлегия по Ленинградской области. 23 апреля 1935 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-57. Д. 455782. Ч. 1. Л. 1.
- ⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-43. Д. 338775. Ч. 3. Л. 15-16.
- ⁹ Н.И. Карпов также занимался проблемами молочной промышленности.
- ¹⁰ Стенограмма опроса тов. Карпова. 16 ноября 1927 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1-57. Д. 453380. Л. 60.
- ¹¹ Там же. Л. 42-43.
- ¹² Там же. Л. 45.
- ¹³ Хрестоматия по ленинизму: пособие для совпартшкол, кружков ленинизма и самообразования. Л., 1925. Ч. 1-4.
- ¹⁴ Стенограмма опроса тов. Карпова. Л. 48.
- ¹⁵ См. например: «За тем я был свидетелем на 7-м съезде, когда Ленин выступал против Бухарина,

когда последний выступал с содокладом, помню его беседы с Лениным во дворце Урицкого <голос – ведь съезд был в Москве>, нет он был здесь, плохо знаете историю партии» (Стенограмма опроса тов. Карпова. Л. 59)

¹⁶ По всей видимости, исторических публикаций он после себя не оставил. В 1920-х гг. он работал над «Очерком истории компартии Германии», который так и не был издан (Жизнеописание преподавателя Ленинградского политехнического института Г.Я. Яковина) // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб). Ф. 3121. Оп. 12. Д. 823. Л. 4).

¹⁷ История РКП(б) в документах / сост. Ш.М. Левин, И.Л. Татаров. Л., 1926. Т. 1. С. 557-566.

¹⁸ Институт Ленина при ЦК ВКП(б) – Ленинградский испарт. 7 апреля 1927 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 461. Оп. 1. Д. 159. Л. 56.

¹⁹ Протокол расширенного собрания Петр. Совета Проф. Союзов, совместно с Правлениями Проф. Союзов, от 9-го ноября 1917 г. // Петроградский Совет Профессиональных Союзов в 1917 г.: Протоколы и материалы. СПб., 1997. С. 101.

²⁰ См.: Curriculum vitae // ЦГА СПб. Ф. Р-4363. Оп. 1. Д. 683. Л. 3-4.

²¹ Жалоба В.О.Волосевича И.В. Сталину. 17 марта 1931 г. // Сталин И.В. Историческая идеология в СССР в 1920-1950-е годы. СПб.: Наука-Питер, 2006. С. 122.

²² Секретарю Ленинградского обкома КПСС. 6 января 1953 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4505. Оп. 6. Д. 417. Л. 1.

²³ Прения по докладу т. Малахова «Письмо т. Сталина и очередные задачи на литературном фронте» [1931] // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1-80. Д. 633087. Л. 3-6.

²⁴ Протокол № 15 заседания бюро коллектива ВКП(б) Историко-партийного ИКП и НИИ истории Института истории ВКП(б): [декабрь 1931] // ЦГАИПД СПб. Ф. 1307. Оп. 1. Д. 1. Л. 55, 60.

²⁵ Протокол № 11. Заседания Бюро ячейки Института истории от 8 декабря 1931 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 566. Оп. 1. Д. 82. Л. 23.

²⁶ [Резолюция, январь 1932 г.] // ЦГАИПД СПб. Ф. 566. Оп. 1. Д. 82. Л. 82.

²⁷ Письмо тов. Сталина и наши задачи // Красная летопись. 1931. № 5-6. С. 6.

²⁸ Резолюция, принятая на заседании общего собрания членов коллективов ГПБ и ЛЦОБ 9 и 11 декабря 1931 по докладам т. Малышева и Левентова: Историческое значение письма т. Сталина и классовая борьба на библиотечном фронте // Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее – ЦГАЛИ СПб). Ф. 327. Оп. 1. Д. 465. Л. 5-6.

²⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 465. Л. 2.

³⁰ Кузютин Алексей Филиппович (1906–1937) – студент, впоследствии преподаватель ЛЭТИ. Исключен из партии за участие в оппозиционной работе, расстрелян в 1937 г.

³¹ Об итогах проработки письма тов. Сталина. 23 января 1932 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 6. Оп. 2. Д. 4608. Л. 6.

³² ОГПУ – секретарю ЦК ВКП (б) тов. Сталину. 3 января 1933 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 139. Л. 115.

Список литературы

Анишев А.И. Очерки истории Гражданской войны. 1917–1920 гг. Л.: ВПАТ, 1925. 288 с.

Баринов Д.А. Альтер Исаак Маркович // Биография СПбГУ. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/hist-pg-ld/3401-alter-isaak-markovic.html> (дата обращения: 29.04.2021)

Беленкин Б.И. Репрессированные троцкисты – организованная политическая группа левого сопротивления сталинскому режиму (1927–1938): борьба как норма жизни. На материалах следственных дел Г.Я. Яковина // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР: материалы VI Междунар. науч. конф. Краснодар, 2010. С. 352–367.

Горбачев Г.Е. 1917–1925 гг.: сб. материалов для агитаторов. Л.: Прибой, 1925. 180 с.

Горбачев Г.Е. Два года литературной революции. Л.: Прибой, 1926. 200 с.

Григорьев Г.И. Повороты судьбы и произвол: воспоминания, 1905–1927 годы. М.: ОГИ, 2005. 526 с.

Дойчер И. Троцкий. Безоружный пророк. 1921–1929. М.: Центрполиграф, 2006. 493 с.

Зайдель Г.С., Цвибак М.М. Классовый враг на историческом фронте. Тарле, Платонов и их школы. М.; Л.: ОГИЗ, 1931. 232 с.

Зиновьев Г.Е. Большевизм или троцкизм? // Об «Уроках Октября»: статьи и речи. Л., 1926. С. 96–141.

Зиновьев Г.Е. Ленинизм: введ. в изучение ленинизма. Л.: Госизд, 1925. 400 с.

Камегулов А.Д. Троцкизм в литературоведении: (Об историко-чит. и критич. работах Г. Горбачева). М.: ГИХЛ, 1932. 79 с.

Ленин В.И. Выступление на заседании Петербургского комитета РСДРП(б). 1 (14) ноября 1917 г. // Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 2017. С. 215–216.

Минин С.К. Город-боец. Шесть диктатур 1917 года: (Воспоминания о работе в Царицыне). Л.: Прибой, 1925. 248 с.

Никуленкова Е.В. Подготовка экономистов-марксистов в институте красной профессуры в 1920-е годы // Вестник Рязанского государственного университета. 2018. Вып. 4. С. 47–55.

Роговин В.З. «Троцкизм»: взгляд через годы. М.: Терра, 1992. 399 с.

Сердж В. От революции к тоталитаризму: воспоминания революционера. М.: Праксис, 2001. 686 с.

Слуцкий А.Г. Большевики о германской социал-демократии в период ее предвоенного кризиса // Пролетарская революция. 1930. № 6.

Сталин И.В. О некоторых вопросах истории большевизма: Письмо в редакцию журнала «Пролетарская Революция» // Сталин И.В. Сочинения. М., 1951. Т. 13. С. 84–102.

Сталин И.В. Ответ Олехновичу и Аристову: По поводу письма в редакцию журнала «Пролетарская Революция» «О некоторых вопросах истории большевизма» // Сталин И.В. Сочинения. М., 1951. Т. 13. С. 128.

Сталин И.В. Схема статьи-ответа на книгу «История ВКП(б)» под редакцией Ярославского [конец 1931 – начало 1932] // Сталин И.В. Историческая идеология в СССР в 1920–1950-е годы. СПб.: Санкт-Петербург – Наука. С. 139–140.

Стефаненко А.Ю. Внутривластная борьба в Ленинградской организации ВКП(б) (1926–1928 гг.): структура и практики деятельности оппозиционных групп // Петербургский исторический журнал. 2020. № 4. С. 21–35.

Троцкий Л.Д. Письмо Палатникову. 30 августа 1928 // Троцкий Л.Д. Письма из ссылки / ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. М., 1995. С. 139.

Троцкий Л.Д. Сталинская школа фальсификаций. М.: Наука, 1990. 331 с.

Фельштинский Ю.В., Чернявский Г.И. Лев Троцкий. Кн. 3. Оппозиционер. 1923–1929. М.: Центрполиграф, 2013. 451 с.

Харченко Т.И. 1905 год в Донбассе. Л.: Прибой, 1926. 143 с.

Харченко Т.И. Борьба за Октябрь в Донбассе // Летопись революции. 1927. № 5–6.

Харченко Т.И. Из истории РСДРП в Донбассе // Летопись революции. 1927а. № 1–3.

Юнге М. Революционеры на пенсии. Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1921–1935. М.: АИРО-XXI, 2015. 636 с.

Ярославский Е.М. К вопросу об изучении истории партии // Пролетарская революция. 1930. № 2–3. С. 31–55.

Barber J. Soviet historians in crisis, 1928-1932. London, Macmillan Press in association with Centre for Russian and East European Studies, University of Birmingham, 1981, 194 p.

References

Anishev A.I. *Ocherki istorii Grazhdanskoy voyny. 1917-1920 gg.* [Essays on the history of the Civil War]. 1917-1920. Leningrad, VPAT, 1925, 288 p. (In Russ.)

Barinov D.A. *Alter Isaak Markovich*. Biografika SPbGU. [Biography of St. Petersburg State University]. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/hist-pg-ld/3401-alterisaak-markovic.html> (access date: 04.29.2021). (In Russ.)

Belenkin B.I. *Repressirovannyye trotskisty – organizovannaya politicheskaya gruppa levogo soprotivleniya stalinskomu rezhimu (1927–1938)* [Repressed Trotskyists - an organized political group of leftist resistance to the Stalinist regime (1927-1938)]. *Problemy istorii massovykh politicheskikh repressiy v SSSR* [Problems of the history of mass political repressions in the USSR: materials of the VI International scientific conference]. Krasnodar, 2010, pp. 352–367. (In Russ.)

Gorbachev G.E. *1917-1925 gg. Sbornik materialov dlya agitatorov* [1917-1925 Collection of materials for agitators]. Leningrad, Priboy, 1925, 180 p. (In Russ.)

Gorbachev G.E. *Dva goda literaturnoy revolyutsii* [Two years of the literary revolution]. Leningrad, Priboy Publ., 1926, 200 p. (In Russ.)

Grigorov G.I. *Povoroty sud'by i proizvol : vospominaniya, 1905-1927 gody* [Twists of Fate and Arbitrariness: Memories, 1905-1927]. Moscow, OGI Publ., 2005, 526 p. (In Russ.)

Deutscher I. *Trotsky. Bezoruzhnyy prorok. 1921-1929* [Trotsky. An unarmed prophet. 1921-1929]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2006, 493 p. (In Russ.)

Zeidel G.S., Tsvibak M.M. *Klassovyy vrag na istoricheskom fronte* [The class enemy on the historical front]. Leningrad, OGI Publ., 1931, 232 p. (In Russ.)

Zinoviev G.E. *Bol'shevizm ili trotskizm?* [Bolshevism or Trotskyism?] *Ob «Urokakh Oktyabrya»* [About the “Lessons of October”]. Leningrad, 1926, pp. 96–141. (In Russ.)

Zinoviev G.E. *Leninism* [Leninism]. Leningrad, Gosizd Publ., 1925, 400 p. (In Russ.)

Kamegulov A.D. *Trotskizm v literaturovedenii* [Trotskyism in literary criticism]. Moscow, GIKHL Publ., 1932, 79 p. (In Russ.)

Lenin V.I. *Vystupleniye na zasedanii Peterburgskogo komiteta RSDRP(b). 1 (14) noyabrya 1917 g.* [Speech at a meeting of the St. Petersburg Committee of the RSDLP (b). 1 (14) November 1917]. Lenin V.I. *Neizvestnyye dokumenty. 1891–1922*. [Unknown documents. 1891-1922]. Moscow, 2017, pp. 215–216. (In Russ.)

Minin S.K. *Gorod-boyets. Shest' diktatur 1917 goda* [Fighter city. Six dictatorships of 1917]. Leningrad, Priboy Publ., 1925, 248 p. (In Russ.)

Nikulenkov E.V. *Podgotovka ekonomistov-marksistov v institute krasnoy professury v 1920-ye gody* [Training of Marxist economists at the Institute of Red Professors in the 1920s]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Ryazan State University], 2018, iss. 4, pp. 47–55. (In Russ.)

Rogovin V.Z. *«Trotskizm»: vzglyad cherez gody* [“Trotskyism”: a look through the years]. Moscow, Terra, 1992, 399 p. (In Russ.)

Serge V. *Ot revolyutsii k totalitarizmu: vospominaniya revolyutsionera* [From revolution to totalitarianism: memoirs of a revolutionary]. Moscow, Praxis Publ., 2001, 686 p. (In Russ.)

Slutskiy A.G. *Bol'sheviki o germanskoy sotsial-demokratii v period yeye predvoyennogo krizisa* [The Bolsheviks on German Social Democracy in the Period of its Pre-War Crisis]. *Proletarskaya revolyutsiya* [Proletarian Revolution], 1930, no. 6. (In Russ.)

Stalin I.V. *O nekotorykh voprosakh istorii bol'shevizma: Pis'mo v redaktsiyu zhurnala «Proletarskaya Revolyutsiya»* [On some questions of the history of Bolshevism: Letter to the editor of the journal “Proletarian Revolution”]. Stalin I.V. *Compositions*. Moscow, 1951, vol. 13, pp. 84–102. (In Russ.)

Stalin I.V. *Otvét Olekhnovichu i Aristovu: Po povodu pis'ma v redaktsiyu zhurnala «Proletarskaya Revolyutsiya»* [Reply to Olekhnovich and Aristov: Regarding the letter to the editorial board of the journal “Proletarian Revolution”]. Stalin I.V. *Compositions*. Moscow, 1951, vol. 13, pp. 126–132.

Stalin I.V. *Skhema stat'i-otveta na knigu «Istoriya VKP(b)»* [Scheme of the article-answer to the book “History of the CPSU (b)”], ed. by Yaroslavsky. Stalin I.V. *Istoricheskaya ideologiya v SSSR v 1920-1950-ye gody* [Historical ideology in the USSR in the 1920s-1950s]. St. Petersburg, St. Petersburg-Science, pp. 139–140. (In Russ.)

Stefanenko A.Yu. *Vnutripartiynaya bor'ba v Leningradskoy organizatsii VKP(b) (1926–1928 gg.): struktura i praktiki deyatelnosti oppozitsionnykh grupp* [Internal party struggle in the Leningrad organization of the CPSU (b) (1926–1928): the structure and practices of opposition groups]. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal* [St. Petersburg historical journal], 2020, no. 4, pp. 21–35. (In Russ.)

Trotsky L.D. *Pis'mo Palatnikovu. 30 avgusta 1928* [Letter to Palatnikov. August 30, 1928]. Trotsky L.D. *Pis'ma iz ssylki* [Letters from the banishment]. Moscow, 1995, pp. 139–140. (In Russ.)

Trotsky L.D. *Stalinskaya shkola fal'sifikatsiy* [The Stalin school of the falsification]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 331 p. (In Russ.)

Felshtinsky Yu.V., Chernyavsky G.I. *Lev Trotskiy. Kniga tret'ya. Oppozitsioner. 1923-1929* [Leon Trotsky. Book three. Oppositionist. 1923-1929]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2013, 451 p. (In Russ.)

Kharechko T.I. *1905 god v Donbasse* [1905 in the Donbass]. Leningrad, Priboy, 1926, 143 p. (In Russ.)

Kharechko T.I. *Bor'ba za Oktyabr' v Donbasse* [Struggle for October in Donbass]. *Letopis' revolyutsii* [Chronicle of the revolution], 1927, № 5–6. (In Russ.)

Kharechko T.I. *Iz istorii RSDRP v Donbasse* [From the history of the RSDLP in Donbass]. *Letopis' revolyutsii* [Chronicle of the revolution], 1927a, № 1–3. (In Russ.)

Junge M. *Revolutsionery na pensii. Vsesoyuznoye obshchestvo politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev, 1921-1935* [Retired Revolutionaries. All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers, 1921-1935]. Moscow, AIRO-XXI, 2015, 636 p. (In Russ.)

Yaroslavsky E.M. *K voprosu ob izuchenii istorii partii* [On the question of studying the history of the party].

Proletarskaya revolyutsiya [Proletarian revolution]. 1930, № 2–3, pp. 31–55. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.04.2021; одобрена после рецензирования 29.06.2021; принята к публикации 18.08.2021.

The article was submitted 23.04.2021; approved after reviewing 29.06.2021; accepted for publication 18.08.2021.

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 38–45. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 38–45. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 339.1

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-38-45>

ОПЫТ РАБОТЫ ТОРГОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ТОРГСИНА С НАСЕЛЕНИЕМ ИВАНОВСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ОБЛАСТИ В 1933–1935 ГГ.

Ильин Юрий Александрович, доктор исторических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, ilyin37@mail.ru

Орешкин Олег Юрьевич, учитель истории, Школа им. И.С. Полбина, Москва, Россия, vicit1945@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1338-5053>

Аннотация. Статья посвящена изучению основных форм взаимодействия торговых учреждений Торгсина с населением Ивановской промышленной области в 1933–1935 гг. Исследован вопрос об эволюции собственных денег Торгсина, выдаваемых клиентам в обмен на сданные ценности. Указаны этапы замены товарных ордеров торгсина (ТОТ) на товарные книжки. Представлены данные по ценам на основные продовольственные и промышленные товары в магазинах Торгсина, динамика продажных цен, факторы, влиявшие на политику снижения и повышения цен. Рассмотрены правовые документы, способствовавшие улучшению снабжения населения товарами, вопрос о соотношении продажных цен Торгсина и отпускных цен советской промышленности. Представлен ассортимент отечественных и импортных товаров. Особое внимание уделено ценам колхозных рынков крупнейших городов ИПО. Рассмотрено соотношение рыночного и официального курсов золотого и советского рубля. Исследование позволило рассмотреть преимущества и недостатки в работе Торгсина с населением области. Изучена направленность покупательского спроса. На основе сравнительного анализа цен Торгсина и вольного рынка области сделаны выводы об уровне доступности различных групп товаров для покупателей.

Ключевые слова: Ивановская областная контора Торгсина, Ивановская промышленная область, скупочный пункт, торговая точка, товарная книжка, товарный ордер Торгсина.

Для цитирования: Ильин Ю.А., Орешкин О.Ю. Опыт работы торговых учреждений Торгсина с населением Ивановской промышленной области в 1933–1935 гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 38–45. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-38-45>

Research Article

EXPERIENCE OF TRADING INSTITUTIONS OF TORGSIN (TRADE WITH FOREIGNERS) WITH THE POPULATION OF IVANOVO INDUSTRIAL REGION IN 1933-1935

Yuri A. Ilyin, Ivanovo, Russia, Doctor of History, Professor, Head Department of Russian History, Ivanovo State University, ilyin37@mail.ru

Oleg Yu. Oreshkin, Moscow, Russia, Teacher of History SBEI School named Polbina, vicit1945@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1338-5053>

Abstract. The article is devoted to the study of the main forms of interaction between Torgsin (trade with foreigners) trading institutions and the population of Ivanovo Industrial Region in 1933–1935. The question of the evolution of Torgsin's own money issued to customers in exchange for surrendered values was investigated. The stages of replacement of trade orders with commodity books are indicated. Data on prices for basic food and industrial goods in Torgsin stores are presented, the dynamics of sales, factors that influenced the policy of lowering and raising prices. Legal documents were considered that contributed to improving the supply of goods to the population, as well as the issue of the ratio of Torgsin sales prices and Soviet industry selling prices. An assortment of domestic and imported goods is presented. Special attention is paid to the prices of collective farm markets of the largest towns of Ivanovo Industrial Region. The ratio of market and official rates of the gold and Soviet rouble was considered. The study allowed to consider the advantages and disadvantages in Torgsin's work with the population of the region. The direction of consumer demand has been studied. Based on a comparative analysis of Torgsin prices and the free market of the region, an idea of the level of accessibility of various groups of goods for buyers is made.

Keywords: Ivanovo regional office of Torgsin (trade with foreigners), Ivanovo Industrial Region, buying-up point, trade point, commodity book, trade order.

For citation: Ilyin Y.A., Oreshkin O.Yu. Experience of trading institutions of Torgsin (trade with foreigners) with the population of Ivanovo Industrial Region in 1933-1935. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 38–45 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-38-45>

Политика коллективизации и индустриализации, проводимая в СССР в 1930-е гг., привела к серьезным социальным и экономическим последствиям. Одна из проблем – это вопрос об обеспечении населения важнейшими продовольственными и промышленными товарами. Подтверждением ограниченности предложения товаров стало введение в Советском Союзе карточной системы. Возникший дефицит снабжения товарами население компенсировало различными способами.

Одним из источников снабжения населения стало Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами в СССР (Торгсин), созданное в 1931 г.

На первоначальном этапе эта работа проводилась через торговлю с иностранцами, посещавшими нашу страну. С июня 1931 г. Торгсин разрешил приобретать товары, реализуемые через свою торговую сеть, за царский золотой чекан и в счет переводов валюты из-за границы советским гражданам. С конца 1931 г. в этот список добавилось право обмена на бытовое золото. Со временем Торгсин стал принимать от населения серебро, платину, бриллианты и др. драгоценные камни и произведения художественного искусства [Осокина: 11–12]. В обмен на сданные ценности население приобретало необходимые товары в Торгсине.

В 1929 г. была образована Ивановская промышленная область (ИПО), в ее состав вошли территории бывших Ивановской, Ярославской, Костромской и Владимирской губерний.

Постановлением Президиума ВЦИК от 10 июня 1929 г. «О составе округов и районов Ивановской промышленной области и их центров» была введена окружная система административно-территориального деления ИПО. Документ определил создание 7 округов (Александровский, Владимирский, Кинешемский, Костромской, Шуйский, Ярославский, Рыбинский) [Околотин: 223]. В 1930 г. решением ЦИК и СНК СССР окружная система была ликвидирована [Околотин: 227]. Территории бывших округов составили основу ИПО, на которой действовала Ивановская областная контора Торгсина (ИВОК).

Выбор периода 1933–1935 гг. обусловлен временем деятельности конторы. Она была создана в мае 1933 г. и действовала до конца 1935 г.

Взаимодействие Торгсина с покупателями включало несколько аспектов. Первый из них – это сдача валютных ценностей. Для этого клиенты обращались в скупочные пункты. Можно составить общее мнение о скупочных пунктах ИПО по данным Владимирского универмага. Сведения об обслуживании сдатчиков в скупочных пунктах мы находим в акте комиссии от 31 августа 1933 г., в составе которой были представители Госбанка, РКИ и директор Владимирского универмага.

Комиссия указывала: «Помещение скупочного пункта находится в самом универмаге в центре города. Удобство для сдатчиков в этом отношении налицо. В части внешнего состояния скупочного пункта. Его занимаемой площади в магазине следует желать много лучшего. Скупочный пункт находится на 2 этаже магазина и представляет из себя не что иное, как прилавок с четырьмя сидящими за ним работниками, это два оценщика и два контролера. За этим прилавком и производится прием драгметалла. Прилавок этот не остеклен и даже ничем не отгорожен от того прилавка, где расположен товар. Таким образом, пыль от металла оседает на рядом лежащий товар. Место расположения этого прилавка близко (на расстоянии одного метра) к барьеру входной наверх лестницы, и когда массовый наплыв сдатчиков на этом участке, получается нечто вроде толкучки, т. е. две очереди (с золотом и серебром) на метровом и того меньшем расстоянии явно свободно поместиться не могут. Кроме того, эта толкотня загораживает вход следующим посетителям по упомянутой выше лестнице, как сдатчикам, а также уходящим с верхнего этажа магазина в нижний. Очереди сдатчиков в части массового наплыва образуются для ликвидации, которых приемка ведется в трое весов. Кассовый наплыв сдатчиков больше всего образуется в базарные дни (воскресенье, вторник, четверг, пятница) с 9 ч. до 2 ч. дня и выходные дни предприятий и учреждений с 2 ч. до 5 ч. дня. Случаев ухода сдатчиков обратно из-за необходимости ожидания очереди не установлено. Драгметаллы принимаются всех проб, как указано на сей счет в циркуляре Правбанка за исключением 60-й и 80-й, по которой до сих пор не было сдачи металлов»¹. Прием драгоценных металлов оценщиками-приемщиками Госбанка осуществлялся с 9 ч. до 16-30 ч.²

Другой способ получения ценностей от клиентов – это иностранные переводы. Руководство требовало создания необходимых условий для их получения. Однако не все переводы благополучно доходили до Торгсина.

Одна из причин заключалась в халатности со стороны работников. В приказе ИВОК № 100 от 1 ноября 1933 г. сообщалось: «15 июня 1933 г. в адрес Галичского универмага поступило уведомление Внешторгбанка за № 25/40 о поступлении для отоваривания 5 американских долларов на имя Жаткиной, которая должна была получить ей принадлежавшее. Дирекция универмага уведомление продержала до октября месяца. Учитывая важное значение в политическом отношении американского перевода и благодаря политической близорукости директору Галичского магазина объявлен строгий выговор»³.

Косвенным подтверждением особой значимости иностранных переводов является копия письма ИВОК

своим торговым точкам от 20 января 1935 г., где указывалось: «Обращаем внимание на отправку за границу расписок по отоваренным переводам с препроводительными письмами, написанными неразборчиво карандашом на клочках оберточной бумаги. Препроводительные письма за границу должны писаться на хорошей бумаге и обязательно на машинке по установленной форме»⁴.

После сдачи ценностей клиенты получали разовые квитанции, товарные ордера Торгсина (ТОТ) или товарные книжки для их дальнейшего обмена на товары в магазинах.

Распространённым явлением были хищения, подделки квитанций и иных финансовых документов Торгсина. Серьезным нарушением правил торговли был прием советских рублей в качестве оплаты за товар. Одновременно действовали спекулянты, которые скупали у населения серебро, товарные книжки и реализовывали данные ценности в Торгсине [Алексеев: 135].

ТОТ были введены в сентябре 1932 г. и действовали до марта 1933 г. Их главные недостатки – это слабая защищенность от подделок, неудобство в размене на мелкие деньги и отсутствие данных о владельце.

В этих условиях в марте 1933 г. было принято решение о замене ТОТ на товарные книжки. Новые документы содержали отрывные талоны различных номиналов, что создавало удобство для расчетов с населением. Другое отличие книжек – это то, что они стали именованными, тем самым обеспечивалась их дополнительная защита от подделок.

В этих условиях одним из аспектов внимания Торгсина к своим клиентам является поэтапный подход к изменению сроков обмена ТОТ на товарные книжки. Первоначально замену ТОТ должны были завершить к 1 апреля 1933 г.

Однако распоряжением правления Торгсина от 30 апреля 1933 г. в адрес региональных контор сообщалось: «В случаях, когда клиентура представляет товарные ордера и, не желая получать товарную книжку, требует отпуска товаров на всю сумму, не видим необходимости выписывать товарную книжку, и разрешаем в целях удобства клиента отпускать товары на всю сумму ТОТ, предоставляемых клиентом, без сдачи и оставления у него остатка на руках»⁵.

В декабре 1933 г. ИВОК вновь информировала торговую сеть, что окончательные сроки замены – 30 ноября 1933 г. Тем не менее в документе указывалось, что даже после установленных сроков существовала дополнительная процедура замены при наличии соответствующего разрешения: «Клиент Торгсина обращается в местный универмаг с соответствующим заявлением и прилагающимися к нему документами». Представленные документы отправлялись в Москву. Решение принималось

специальной комиссией при Народном комиссариате финансов⁶.

В письме директора Ивановского универмага в ИВОК мы обнаруживаем практические примеры взаимодействия с клиентами. В документе указывается просьба директора: «При сем препровождается заявление гражданки Зоннельбург с просьбой обменять ей книжку старого образца на 18 копеек, и справка о правильности, не выплаченной суммы 18 копеек по данной книжке. Просим дать распоряжение об обмене таковой на новую как иностранке, не знакомой с порядком обмена и срока»⁷.

Аналогичный подход присутствует в письме ИВОК в правление Торгсина от 1 августа 1934 г.: «При сем посылаем заявление гражданки Креницкой и товарную книжку старого образца за № 788283 с документами, подтверждающими причину необмена. Просим дать указание о возможности обмена на товарную книжку существующего образца. Приложение: переписка на 5 листах»⁸.

В апреле 1934 г. в условиях закрытия части торговых точек ИВОК Торгсин демонстрировал внимательное отношение к покупателям. Местные торговые отделения получали указания: «В тех случаях, когда в городе после передачи торговых точек не остается магазинов и имеются на руках населения неотоваренные книжки, то через местную печать оповестить владельцев книжек с указанием адреса, куда они могут обратиться для окончательного отоваривания книжек»⁹.

После сдачи валютных ценностей и получения документов, подтверждающих данный факт, клиенты имели несколько способов для отоваривания. Самым распространённым вариантом приобретения товаров было посещение местных торговых точек.

Таким образом, система Торгсина рассматривается не только как один из дополнительных источников накопления валютных ценностей для целей индустриализации, но и как одна из форм открытого снабжения населения товарами, наряду с коммерческой и колхозно-базарной торговлей [Алексеев: 110].

С другой стороны, методы управления Торгсином, специфика товарно-денежных отношений, вопросы ценообразования позволяют исследовать Торгсин с точки зрения рыночного элемента государственной экономики СССР в 1930-е годы [Грошкова: 98–99].

Покупатели проявляли интерес к различным группам товаров. В конъюнктурном обзоре по Вязниковскому универмагу отмечалось: «Спрос со стороны покупателя главным образом на пшено, муку ржаную, пшеничную 50 %, сахарный песок, соленую рыбу, кондитерские изделия, растительное масло, хлопчатобумажные и шерстяные ткани». Среди промышленных товаров спрос согласно обзору был на «стеклянно-оконные товары, электропринадлеж-

ности, лампочки, провода, кровельное железо, строительные гвозди и т. д.»¹⁰.

Период с декабря 1932 г. по март 1933 г. оказался самым сложным в вопросах снабжения населения продуктами питания. Интерес жителей ИПО к товарам Торгсина в данный период объяснялся ухудшением ситуации с доступностью продовольствия в городах области.

Рассмотрим сведения об обострении положения в розничной торговле в 1932 г. на примере г. Владимира. В сводке о выполнении плана всех видов заготовок в 1932 г. сообщалось о росте цен: «Городские базары создаются стихийно без всякой организационной подготовки. Вследствие отсутствия организованных выездов на базары колхозы и колхозники влились в общую стихию базаров и вместе с единоличниками вздувают цены на сельскохозяйственную продукцию – картофель по 25 рублей, мясо до 17 рублей кг., масло сливочное 18 руб. кусок, молоко до 10 руб. четверть,

мука ржаная до 110 руб. и пшеничная до 180 руб. кг. (за пуд), горох 110 руб. и овес 60 рублей»¹¹.

В апреле 1933 г. Торгсин впервые пересматривает цены в сторону снижения. Необходимость изменения цен была сформулирована на заседании правления Торгсин 29–30 марта 1933 г. по вопросу «О пересмотре в сторону снижения преискурантных цен городской сети». В протоколе заседания причина снижения была сформулирована следующим образом: «Учитывая серьезные заминки в реализации товаров, вызвавшие изменение рыночной конъюнктуры и связанные с этим резким несоответствием цен»¹².

Снижение затронуло большинство групп товаров. Особенно заметными были снижения цен на ржаную муку. Сложности вызывает анализ данных по товарам промышленной группы. В изучаемых документах сведения о них имеют отрывочный характер. В условиях снижения цен в Торгсине возрастал разрыв с отпускными ценами промышленности. Так, если

Таблица 1

Динамика изменения цен на товары в Торгсине по СССР и торговым точкам ИВОК на 1933–1935 гг. (в золотых копейках) (см.: [Осокина: 535–536])

Наименование товара	1 кв. 1933 г.	апрель 1933 г. ¹³	4 кв. 1933 г.	2 кв. 1934 г.	3 кв. 1935 г.	декабрь 1935 г.	Динамика сокращения цен за 1933–1935 гг.
Ржаная мука (кг)	20	13	5	8	6	8	3,3
Подсолнечное масло (кг)	90	от 60 до 90	30	50	52	55	3,0
Яйца (десяток)	50	40	18	24	н/д	н/д	2,8
Мясо (говядина) (кг)	60	от 25 до 50	25	37	38	42	2,4
Сахар кусковой (кг)	н/д	50	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
Сахар-песок (кг)	46	45	25	28	21	22	2,2
Масло сливочное (кг)	160	от 40 до 90	50	60	75	86	4,0
Обувь кожаная (пара)	600	н/д	300	н/д	н/д	н/д	2,0
Х/б ткани (м)	220	120	н/д	н/д	н/д	н/д	1,8

Таблица 2

Динамика цен на товары растениеводства и продукты их переработки в городах ИПО на колхозных рынках в 1933–1935 гг. (в советских рублях)¹⁴

Наименование товара	Город ИПО	Март 1933 г.	Июнь 1933 г.	Март 1934 г.	Март 1935 г.	Коэффициент сокращения цен за период с 1933 по 1935 гг.
Пшено (кг)	Иваново	11	12	6,0	3,3	3,6
	Кострома	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
	Ярославль	9,0	10,0	5,0	н/д	2,0
Ржаная мука (кг)	Иваново	6,3	6,9	3,0	2,0	3,5
	Кострома	5,9	6,9	2,5	1,9	3,6
	Ярославль	5,7	6,5	2,7	1,9	3,4
Сахар (рафинад) (кг)	Иваново	27	28	18	н/д	1,6
	Кострома	н/д	35	20	н/д	1,8
	Ярославль	28	25	18	н/д	1,6
Подсолнечное масло (литр)	Иваново	40	30	22	18	2,2
	Кострома	н/д	28	18	12	2,3
	Ярославль	40	28	20	15	2,7

в 1933 г. соврублевые цены промышленности в среднем были в 3,2 раза выше продажных цен Торгсина, выраженных в золотых рублях, то в 1934 г. они были в 4,6 раза, а в 1935 г. – более чем в 9 раз выше [Осокина: 231].

Практика снижения цен в Торгсине в 1933 г. объясняется улучшением снабжения населения через систему колхозной торговли.

Однако в ценовом отношении цены колхозного рынка оставались значительно выше торгсиновских. В то же время в период с марта по июнь 1933 г. на рынках ряда городов области наблюдается незначительный рост цен. Тенденция к снижению отмечена лишь в отношении подсолнечного масла.

Наиболее оптимистичной выглядела картина по животноводческой продукции. К июню 1933 г. снижение цен по говядине и яйцам в колхозной торговле наблюдается по крупнейшим городам ИПО. Особенно заметным было снижение стоимости яиц в Иваново, где цены упали более чем в 2 раза. Намечившиеся процессы могут свидетельствовать об очень незначительном, но все же сокращении дефицита на отдельные товары в колхозной торговле.

Развитию колхозной торговли в ИПО в 1933 г. способствовала так называемая политика «неонэпа», направленная на развитие частной инициативы крестьян и их самостоятельности. Правовую основу данной политики составили несколько ключевых документов.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 6 мая 1932 г. «О плане хлебозаготовок из урожая 1932 г. и развертывании колхозной торговли хлебом». Документ предоставил право колхозам и колхозникам с 15 января 1933 г. в случае выполнения плана на беспрепятственную продажу излишков своего хлеба на базарах и рынках¹⁶.

Постановлением ЦС СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 12 января 1933 г. такую возможность получили государственные и кооперативные организации в Горьковском, Средне-Волжском краях, Ленинградской, Ивановской областях и Крымской АССР¹⁷.

Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 19 декабря 1932 г. «О заготовках масла, молока и сыра» определило право колхозников на оставление излишков молока для продажи и для личного потребления¹⁸.

Второй этап политики ценообразования в Торгсине и на колхозных рынках охватывает период с марта 1934 г. по декабрь 1935 г. Весной 1934 г. цены на все основные виды продовольствия в Торгсине были повышены [Осокина: 197].

Одновременно на рынках, напротив, сохранялась тенденция к дальнейшему снижению цен. Этому способствовали решения на общесоюзном уровне. Решением Политбюро ВКП(б) СССР № 4 от 29 марта 1934 г. (п. 91/67) была разрешена свободная торговля хлебом в следующих пунктах Ивановской области: Лежнево, Родники, Кохма, Селиваново, Тутаево, Южа, Ростов, Кольчугино, Переславль, Меленки¹⁹.

Решением ПБ ВКП(б) СССР № 5 от 15 апреля 1934 г. (п. 89/71) свободная торговля хлебом была распространена на новые населенные пункты области: Тейково, Александров, Собинку, Нерехту и Середу²⁰.

Стабилизации на рынках области по товарам животноводческого комплекса способствовало решение Политбюро ВКП(б) СССР № 8 от 9 июня 1934 г. (п. 120/108) «О снижении розничных цен на молоко, продаваемое в порядке свободной торговли в магазинах Наркомснаба СССР». Была разрешена свободная сезонная продажа молока в Иваново по 1 р. 50 к. за литр²¹.

В этих условиях в августе 1934 г. в Торгсине был поднят вопрос о снижении цен на сахар, муку низших сортов, крупу и кондитерские изделия и сельдь. В ноябре 1934 г. были снижены цены на муку. Снижения продолжалась до декабря 1935 г. В декабре 1935 г. правительство опубликовало постановление о скором закрытии Торгсина, что привело к активной скупке промышленных товаров [Осокина: 198].

В изучаемый период в Торгсине наибольшее сокращение цен произошло на муку, подсолнечное и сливочное масло. Минимальным было сокращение на сахар и яйца. В среднем сокращение составило 2,8.

Таблица 3

Динамика цен на товары животного происхождения в городах ИПО на колхозных рынках в 1933–1935 гг. (в советских рублях)¹⁵

Наименование товара	Город ИПО	Март 1933	Июнь 1933	Дек. 1933	Март 1934	Март 1935	Дек. 1935	Коэффициент сокращения цен за период 1933–1935 гг.
Говядина (кг.)	Иваново	18	15	11	12	11	6,0	3,0
	Кострома	16	16	8	10	9	5,0	3,2
	Ярославль	14,3	13,0	9,2	11,0	8,8	5,2	2,8
Яйца (десяток)	Иваново	15	7	8,0	9	5,5	5,0	3,0
	Кострома	8,0	7	6,5	8,0	5,5	4,0	2,0
	Ярославль	9,3	6,3	7,2	8	5	4,1	2,3

На колхозных рынках области за период с 1933 по 1935 гг. по товарам растениеводства сокращение цен варьировалось от 1,6 до 3,6. Наиболее заметным было снижение на пшено и ржаную муку. Наиболее сдержанным было сокращение цен сахар. В среднем цены на товары данной группы сократились на 2,6.

На животноводческую продукцию в период с 1933 по 1935 гг. цены рынка в среднем сократились на 2,9. Сокращение произошло по всем видам мяса и в среднем составило 3,1. Чуть скромнее было снижение цен по яйцам, в среднем – на 2,4. В Торгсине сильнее, чем в колхозной торговле, упали цены на подсолнечное масло.

В целом ситуация с ценами в Торгсине и на колхозных рынках была схожей. Совпадали группы товаров, на которые цены были одинаково высокими, в частности сахар и подсолнечное масло. Схожим было положение по крупам, после улучшения снабжения населения данными товарами в 1934 г. цены на них были стремительно снижены и в Торгсине, и на базарах области.

Вместе с тем данная статистика является условной, так как цифры приведены только по отдельным, хотя и самым значимым товарам.

Таким образом, одна из причин сворачивания торговли Торгсина заключается в стабилизации системы государственного снабжения населения продуктами питания. Это привело к снижению интереса со стороны советских граждан к товарам (прежде всего продовольственной группы) Торгсина [Косякова: 164].

Отдельно необходимо рассмотреть вопрос о соотношении цен в торгсиновской и колхозной торговле. Официальный курс между золотым рублем и советским рублем составлял 1 к 6,6 [Осокина: 196] соответственно, таким же было соотношение торгсиновского и советского рубля в течение всего периода существования объединения.

Рассмотрим доступность цен на важнейшие продовольственные товары Торгсина, колхозных рынков и пайкового снабжения на примере жителей г. Ивано-

во в 1933 г. Сравним ситуацию, когда у гражданина имелись валютные ценности. В таком случае соотношение стоимости товаров в Торгсине к рынку и пайковому снабжению будет строиться на основе официального курса 1 к 6,6, а в ситуации, когда гражданин, не имея ценностей, приобретал торгсиновский рубль на черном рынке – по курсу 1 к 60 [Осокина: 196].

Таким образом, при расчете цен по официальному курсу цены Торгсина могут конкурировать с пайковыми распределителями. Цены обеих организаций близки по своему значению или незначительно, в сравнении с ценами рынка, отличаются в ту или иную сторону.

В отделах рабочего снабжения для жителей Иванова самыми низкими были цены на ржаную муку. Она стоила в 3,9 раза ниже, чем в Торгсине. Доступнее были и отдельные сорта подсолнечного масла. Однако количество товаров, приобретаемых в пайковых ценах, было ограничено, поэтому возникший дефицит мог быть удовлетворен либо в Торгсине, либо на рынке.

В Торгсине покупателю было значительно выгоднее, чем в распределителях, приобрести яйца и сахар. Яйца в Торгсине были одним из самых дорогих товаров, но стоили значительно дешевле, чем в пайковых распределителях. Такие различия в стоимости могли использоваться покупателями для спекуляций. В основе такой предприимчивости – разница в стоимости промышленных и продовольственных товаров в Торгсине и в открытой торговле.

Клиент Торгсина мог приобрести яйца за 2,25 рубля и реализовать их на колхозном рынке за 10 рублей. Аналогичные операции можно было произвести и по другим товарам. Рассмотрим различия в приобретении промышленных и продовольственных товаров на примере хлопчатобумажных тканей. В 1933 г. ткани были самым ходовым товаром в Торгсине среди товаров непродовольственной группы. Так, получив на рынке 10 рублей, можно было купить х/б ткани по средней цене в 1933 г. – 2,22 рубля²³, а в Торгсине

Таблица 4

Цены Торгсина, пайка и рынка в 1933 г. в г. Иванове (см: [Осокина: 537])

Наименование товара	Торгсин								Пайк Москва-Иваново	Колхозные рынки ²²
	В золотых рублях		В советских рублях						(средняя цена по году в соврублях)	
	1 кв.	4 кв.	1 кв. (1:6,6)	1 кв. (1:60)	4 кв. (1:6,6)	4 кв. (1:60)	Средняя (1:6,6) (1:60)		Москва-Иваново	Иваново
Яйца (десяток)	0,50	0,18	3,3	30,0	1,2	10,8	2,25	20,4	8,50-10,00	10,0
Ржаная мука (кг)	0,20	0,08	1,32	12,0	0,53	4,8	0,93	8,4	0,23-0,24	6,6
Сахар (кг)	0,46	0,25	3,04	27,6	1,65	15,0	2,35	21,3	2,60-3,40	27,5
Подсолнечное масло (литр)	0,90	0,30	5,94	54,0	1,98	18,0	3,96	36	3,20-4,25	35,0

покупка обошлась бы при средней стоимости 170 золотых копеек, то есть 11,22 советских рублей при соотношении 1 к 6,6.

Вместе с тем самыми дорогими были товары на рынках, они превосходили торгсиновские цены от 4,4 (на яйца) до 11,7 (на сахар).

Если же у покупателя не было возможности получить торгсиновские деньги законным путем, то есть через сдачу валютных ценностей, то для него потенциальная покупка в Торгсине становилась значительно дороже – из соотношения 1 к 60. При таком соотношении курсов цены в Торгсине были значительно выше цен рынка и распределителей по всем видам товаров, представленных в таблице. Исключение касалось сахара, он был не значительно дешевле цен рынка. В тоже время близким по значению были соотношения цен Торгсина и рынка на подсолнечное масло. Самыми дорогими для населения в Торгсине были затраты на яйца: их стоимость была в два раза выше рыночных цен. Продававшиеся в Торгсине х/б ткани по 170 золотых копеек в советских рублях обошлись бы покупателю в 102 рубля вместо 2,2 рубля на рынке.

Вместе с тем возможность свободного приобретения товаров в Торгсине стала выходом для советских граждан, не попадавших под категорию обеспечивавшихся нормированным снабжением. Тем самым Торгсин выполнил важную социальную миссию, дав миллионам людей возможность выжить в голодные годы первых пятилеток [Твердюкова: 91–92].

Содействовала интересу потребителей к Торгсину и открытая информация о его работе в периодической печати, радиопередачах, текстовых плакатах в магазинах, общественном транспорте и других местах массового пребывания людей. Наиболее распространенным способом информирования были сообщения в периодической печати. В частности, такая информация регулярно публиковалась в газете «Призыв». Прежде всего, это делалось для удобства клиентов Торгсина. В них печатались сообщения о местонахождении, распорядке и условиях работы скупочных пунктов и магазинов систем Торгсина и Мосторга, сроки отоваривания ТОТ и т. д.

Таким образом, на территории ИПО Торгсин стал одним из источников снабжения населения необходимыми товарами в 1930-е гг. Взаимодействие с покупателями, политика ценообразования напрямую зависели от конъюнктуры свободного рынка. Наибольших показателей в торговле и получении валютных ценностей Торгсин на территории области добился в 1933 г. За 1933 г. торговая сеть ИВОК приобрела у населения в обмен на товары валютных ценностей на общую сумму 2 245637,6 рублей [Орешкин 2020: 63]. Для сравнения: в следующем 1934 г. цифра скупки ценностей по области составила всего 1 047 209 ру-

блей [Орешкин 2020а: 85]. Свёртывание торговли Торгсина связано с улучшением обеспечения населения товарами и одновременно с поэтапным сокращением его торговой сети.

С одной стороны, жители расставались с важными для себя ценностями (фамильными драгоценностями, обручальными кольцами и т. д.), отдавали последнее. С другой стороны, торговая сеть ИВОК в условиях дефицита и дороговизны цен колхозного рынка обеспечила население ИПО важнейшими промышленными и продуктовыми товарами.

Вместе с тем работа региональной конторы с населением является примером взаимоотношений государства с частным сектором в СССР. Опыт такого взаимодействия указывает на необходимость осторожного и взвешенного подхода в государственном регулировании экономики.

В целом опыт работы Торгсина сохраняет свою актуальность на современном этапе. Он позволяет увидеть возможные отрицательные социально-экономические последствия для российского общества в ситуации зависимости отечественного хозяйства от товаров импортного производства. Важнейшим выводом по исследуемой проблеме является осознание необходимости укрепления самостоятельности важнейших отраслей экономики от иностранного присутствия.

Примечания

¹ Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 2. Л. 44.

² ГАВО. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.

³ ГАВО. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 3. Л. 18.

⁴ ГАВО. Ф. Р-1950. Оп. 3. Д. 2. Л. 22.

⁵ ГАВО. Ф. Р-1950. Оп. 1. Д. 1. Л. 87.

⁶ ГАВО. Ф. Р-1950. Оп. 1. Д. 2. Л. 58.

⁷ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. Р-1485. Оп. 2. Д. 90. Л. 44.

⁸ ГАВО. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 6. Л. 22.

⁹ ГАВО. Ф. Р-1950. Оп. 2. Д. 1. Л. 103.

¹⁰ ГАВО. Ф. Р-1950. Оп. 1. Д. 8. Л. 20.

¹¹ ГАВО. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 65. Л. 14.

¹² Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4433. Д. 64. Оп. 1. Л. 16–20.

¹³ ГАИО. Ф. Р-1485. Оп. 2. Д. 16. Л. 5–9, 13 об.

¹⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 12. Д. 1918. Л. 3–3 об., 8–8 об., 12–13 об., 43–43 об., 48–48 об.

¹⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 12. Д. 1918. Л. 12–13 об., 34–35 об.

¹⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 883. Л. 77–79.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 913. Л. 42.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 912. Л. 45–53.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 942. Л. 23.

- ²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 943. Л. 18.
²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 946. Л. 27.
²² РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 12. Д. 1918. Л. 3, 34 об., 43, 48.
²³ РГАЭ Ф. 1562. Оп. 329. Д. 62. Л. 17–18.

Список литературы

Алексеев О.Г. Торговля и снабжение населения в городах Восточной Сибири в период карточной системы (1928 г.): дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2007. 236 с.

Грошкова Н.А. Социальное распределение и элементы рынка в государственной экономике, 1931–1935 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2000. 157 с.

Косякова Е.И. Городская повседневность Новоноколаевска – Новосибирска в конце 1919 – первой половине 1941 г. Новосибирск, 2006. 266 с.

Околотин В.С. ИПО (1929–1936 гг.) Уроки экономической истории. Иваново: ИГТА, 2009. 528 с.

Орешкин О.Ю. Дополнительные источники финансирования индустриализации СССР (на примере деятельности Торгсина в Ивановской промышленной области в 1933–1935 годы) // Преподавание истории в школе. № 7. 2020. С. 62–65.

Орешкин О.Ю. Некоторые особенности деятельности Ярославской межрайонной базы Всесоюзного объединения по Торговле с иностранцами в СССР (Торгсин) в 1933–1935 гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2020. № 3. С. 81–86.

Осокина Е.А. Золото для индустриализации: Торгсин. М.: РОССПЭН, 2009. 592 с.

Твердюкова Е.Д. Внутренняя торговля и ее государственное регулирование в СССР (конец 1920-х – середина 1950-х гг.): дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2011. 486 с.

References

Alekseev O.G. *Torgovlia i snabzhenie naseleniia v gorodakh Vostochnoi Sibiri v period kartochnoi sistemy (1928-1935)*: dis. ... kand. ist. nauk [Trade and supply of the population in the cities of Eastern Siberia during the card system 1928-1935]. Krasnoiar'sk, 2007, 236 p. (In Russ.)

Groshkova N.A. *Sotsial'noe raspredelenie i elementy rynka v gosudarstvennoi ekonomike, 1931-1935*: dis. ... kand. ist. nauk [Social distribution and market elements in the state economy, 1931-1935]. Kursk, 2000, 157 p. (In Russ.)

Okolotin V.S. *Ivanovskia promushlennaia oblast' (1929-1936). Yroki ekonomicheskoi istorii* [Ivanovo Industrial Region (1929-1936). Lessons of Economic History]. Ivanovo, ISTA. Publ., 2009, 528 p. (In Russ.)

Oreshkin O.Yu. *Dopolnitel'nye istochniki finansirovaniia industrializatsii SSSR (na primere deiatel'nosti Torgsina v Ivanovskoi promyshlennoi oblasti v 1933-1935)* [Additional sources of financing for the industrialization of USSR (on the example of Torgsin's activities in the Ivanovo Industrial Region in 1933-1935)]. *Prepodavanie istorii v shkole* [Teaching History at School], 2020, № 7, pp. 62-65. (In Russ.)

Oreshkin O.Yu. *Nekotorye osobennosti deiatel'nosti Iaroslavskoi mezhraionoi bazy Vsesoiuznogo ob"edineniia po Torgovle s inostrantsami v SSSR (Torgsin) v 1933-1935* [Some features of the activities of Yaroslavl inter-district base of the «Torgsin» (Trade with Foreigners) in 1933-1935]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2020, № 3, pp. 81-86 (In Russ.)

Osokina E.A. *Zoloto dlya industrializatsii: Torgsin* [Gold for industrialization: Torgsin]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009, 592 p. (In Russ.)

Tverdyukova E.D. *Vnutrenniaia torgovlia i ee gosudarstvennoe regulirovanie v SSSR (konets 1920-kh – sredina 1950)*: dis. ... d-ra ist. nauk [Internal trade and its state regulation in the USSR (late 1920s - mid- 1950)]. SPb., 2011, 486 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 02.05.2021; одобрена после рецензирования 19.06.2021; принята к публикации 18.08.2021.

The article was submitted 02.05.2021; approved after reviewing 19.06.2021; accepted for publication 18.08.2021.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИТОРГАНОВ И ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВКП(Б)
ПО УСИЛЕНИЮ ПАРТИЙНОГО ВЛИЯНИЯ НА ЛИЧНЫЙ СОСТАВ ВВС РККА
В ХОДЕ КОРЕННОГО ПЕРЕЛОМА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ**

Лантухов Сергей Сергеевич, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия, 89150869555@mail.ru

Аннотация. В статье представлены основные направления и результаты деятельности политических органов Военно-воздушных сил Красной армии по усилению партийного влияния на военнослужащих в целях повышения боевой готовности авиационных соединений во время коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны. Рассмотрены мероприятия по совершенствованию организационной структуры партийных организаций, пополнению рядов членов ВКП(б), изменению качественного состава и проведению политико-воспитательной работы среди коммунистов. В ходе проведения исследования установлены причины количественного расширения партийной прослойки в рядах ВВС, упрощения вступления в ряды коммунистов наряду с качественным изменением состава партийных рядов. Подробно рассмотрена реорганизация ВЛКСМ и её значение в ходе коренного перелома в Великой Отечественной войне. Научная статья написана с использованием источников Центрального архива Министерства обороны РФ, часть из которых публикуется впервые. Изучение данной проблематики позволяет использовать накопленный опыт военного времени, который может найти применение в условиях беспартийности современных Вооруженных сил России.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, члены партии, партийно-политическая работа, роль партийных организаций.

Для цитирования: Лантухов С.С. Деятельность политорганов и партийных организаций ВКП(б) по усилению партийного влияния на личный состав ВВС РККА в ходе коренного перелома в Великой Отечественной войне // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 46–53. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-46-53>

Research Article

**ACTIVITIES OF POLITICAL AGENCIES AND INNER ORGANISATIONS
OF THE COMMUNIST PARTY OF THE SOVIET UNION (BOLSHEVIKS) TO STRENGTHEN
THE PARTY INFLUENCE ON THE RED ARMY AIR FORCE PERSONNEL DURING A
RADICAL CHANGE IN THE WORLD WAR II EAST FRONT**

Sergey S. Lantukhov, Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation, Moscow, Russia, 89150869555@mail.ru

Abstract. The article presents the main directions and results of the activities of the political bodies of the Air Force of the Red Army to strengthen the Communist Party influence on servicemen in order to increase the combat readiness of aviation compounds during a fundamental change during the World War II. The measures to improve the organisational structure of the Party organisations, replenishing the ranks of Bolsheviks in the army, a change in the qualitative composition and conduct of political and upbringing work among the party members. During the study, the reasons for the quantitative expansion of the Party layer in the ranks of the Air Force, simplifying the entry into the ranks of the Communists, along with a qualitative change in the composition of the Party series are disclosed. The reorganisation of the Komsomol is considered in detail and its importance during the fundamental change in the World War II. The scientific article is written using the sources of the central archive of the Ministry of Defence of the Russian Federation, some of which has been published for the first time. The study of this problem allows the use of accumulated military experience, which can be used in the face of non-party principle of the modern Armed Forces of Russia.

Keywords: World War II (East Front); Communist Party members; communists' political work, role of Communist Party organisations in Soviet Union.

For citation: Lantukhov S.S. Activities of political agencies and inner organisations of the Communist Party of the Soviet Union (Bolsheviks) to strengthen the Party influence on the Red Army Air Force personnel during a radical change in the World War II East Front. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 46–53 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-46-53>

Великая Отечественная война 1941–1945 гг., 80-летие начала которой отмечается в этом году, стала тяжелым испытанием для советского народа. Одним из важнейших факторов победы в этой войне стала многогранная организаторская, идеологическая и военно-политическая деятельность Коммунистической партии, что постоянно подчёркивалось в советское время. В 90-е годы XX в. роль коммунистической партии в обществе, в том числе и в 1941–1945 гг., жесточайше критиковалась. История ВКП(б) подверглась очернению, а вместе с ней – и действия десятков тысяч коммунистов, самоотверженно выполнявших свой партийный долг на самых трудных и ответственных участках фронта и тыла. Вместе с тем сегодня назрела необходимость объективно и всесторонне оценить деятельность Коммунистической партии в годы войны на основе научного анализа её роли в достижении общей победы над фашистской Германией и её сателлитами. Этого требует и современный этап развития Вооружённых сил России, характеризующийся возвратом к военно-политической работе, как одному из важнейших направлений военного строительства, как это и было в советское время.

Анализ отечественной историографии свидетельствует о том, что деятельность партийных организаций ВКП(б) неоднократно являлась предметом изучения историков как советской эпохи, так и современного времени. В целом исторические труды по данной тематике условно можно разделить на три группы. К первой группе относится огромный пласт литературы, изданный в советское время, часть которой несет в себе отпечаток диктуемых сверху идеологических установок ВКП(б). Организующая роль партийных организаций освещалась в исторических трудах данной группы весьма однобоко, лишая исследователей возможностей объективно рассматривать происходившие события. Вторая группа публикаций берет свое начало от указа Президента РФ Б. Ельцина от 6 ноября 1991 г. о запрете деятельности КПСС, что спровоцировало антисоветски настроенных историков издавать свои труды, лишённые таких постулатов, как объективность и непредвзятость [Лапай: 194]. Принимая во внимание современные идеологические установки государства, целесообразно выделить третью группу публикаций, для которых характерно переосмысление роли партийно-политических организаций в годы войны.

В настоящей статье предпринята попытка показать значимость партийного влияния на личный состав Военно-воздушных сил (ВВС) во втором периоде Великой Отечественной войны (19 ноября 1942 г. – декабрь 2021 г.). Характерной чертой данного периода стало проведение Красной армией (КА) и её составной частью – Военно-воздушными силами – череды

крупных наступательных операций. Захват и удержание советской авиацией господства в воздухе позволил ВВС КА разгромить основные вражеские группировки люфтваффе. Успешные действия ВВС КА в ходе контрнаступления советских войск под Сталинградом получили продолжение в боях в небе над Кубанью и в ходе битвы на Курской дуге. В ходе Сталинградского контрнаступления в небе сражались 2, 16, 17 и 8-я воздушные армии с общим количеством 1 414 боевых самолетов против самолетного парка фашистской Германии в 1 216 машин [Виниченко: 704].

Изучение исторической литературы показало, что к основным направлениям партийно-политической работы, проводимой в Военно-воздушных силах в период коренного перелома в Великой Отечественной войне, следует отнести:

1. Совершенствование организационной структуры политорганов.
2. Увеличение количества кандидатов и членов партии, членов ВЛКСМ.
3. Качественное изменение состава партийных рядов.
4. Политико-воспитательная работа, проводимая в партийных рядах.

Предлагается рассмотреть каждое из вышеуказанных направлений подробнее.

Одной из первостепенных организационных задач, стоявших перед Главным политическим управлением Красной армии в начальном периоде войны, был поиск оптимальной организационной структуры и управления политорганами [Чертополох: 19]. Это объяснялось сложностью обстановки на фронтах, преимущественно оборонительными операциями Красной Армии, а также поиском эффективных форм и методов партийно-политической работы [Марченков: 1].

В рамках данной статьи больший интерес представляет система комплектования партийно-политических кадров ВВС во II периоде Великой Отечественной войны. Именно тогда произошло коренное изменение организационной структуры политорганов: после установления единоначалия в Вооружённых силах, упразднения института военных комиссаров и введения должностей заместителей командиров (начальников) по политической части.

Партийно-политическое руководство в Военно-воздушных силах во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. осуществлялось ЦК ВКП(б) через Главное политическое управление Рабоче-крестьянской Красной армии (ГПУ РККА) и Военный совет ВВС, который являлся коллективным органом военно-политического руководства авиацией. Политические отделы действовали как организаторы политической работы в воздушных армиях, корпусах резерва и авиационных дивизиях. В авиационных

частях данной работой руководили заместители командиров по политической части. Помощником партийных организаций в воспитании авиаторов был Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи (ВЛКСМ).

Установление единоначалия в Военно-воздушных силах в конце первого периода Великой Отечественной войны, позволившее освободить авиационных политработников от административных и командных функций, и способствовало, на наш взгляд, улучшению партийно-политической работы в авиационных соединениях и частях во втором периоде войны. В то же время командиры авиационных частей, став единоначальниками, приняли активное участие в политико-воспитательной работе, что значительно повысило результативность работы командиров.

Партийное руководство страны ставило перед собой задачу по увеличению партийных рядов в авиационной среде, что являлось неременным условием повышения боеспособности авиационных частей и подразделений. Количество принятых в члены партии в Военно-воздушных силах только за два последних месяца 1942 г. составило 4 056 человек, в том числе на фронте – 2 262¹. Общее количество членов и кандидатов партии в ВВС по состоянию на 1 января 1943 г. составляло 123 102 человека, или 6,7 % всех коммунистов Вооруженных сил². Низкий показатель процентного соотношения партийных авиаторов к общему количеству коммунистов в рядах Вооруженных сил обусловлен немногочисленностью Военно-воздушных сил в сравнении, к примеру, с сухопутными войсками.

Важно отметить, что нахождение в составе ВКП(б) не давало на фронте никаких преимуществ, за исключением необходимости исполнения самых сложных боевых задач. В то же время командование ВВС КА осознавало высокий по степени воздействия мобилизующий фактор членства военнослужащих в партии. Так, участие авиаторов в партийных собраниях позволяло им находиться на более высоком уровне осмысления характера освободительной войны против немецко-фашистских захватчиков, сплачивало идейно и морально-политически все категории военнослужащих. Партийное членство дисциплинировало воина даже на подсознательном уровне, требовало от него быть образцом самопожертвования и преданности советскому Отечеству. Летчики, воздушные стрелки, штурманы, выполнявшие сложные боевые задания над вражеской территорией, после партийных собраний, как правило, проявляли высокую ответственность в решении поставленных задач. Своим примером они воодушевляли беспартийных товарищей, и не случайно в авиационной среде стали обычны случаи, когда летчики, не успевшие вступить в партию, пресли считали их коммунистами в случае гибели.

Напряженные бои вносили корректировку в работу самих партийных комиссий. В целях беспрепятственной боевой работы авиаторов парткомиссии проводили заседания на аэродромах, где вручали вступившим в ряды коммунистов партийные документы. Практика вручения партийных документов на аэродромах, около самолета и в присутствии боевых товарищей имела большое эмоциональное воздействие, поднимало боевой дух воинов. Примером может служить вручение партийного билета около самолета летчику 40-го гвардейского истребительного полка 5-го истребительного авиакорпуса, Герою Советского Союза, гвардии лейтенанту Новикову после успешного выполнения им боевого задания, в котором он сбил 2 вражеских самолета. При получении партбилета лейтенант Новиков сказал: «Буду драться с врагом, как подобает большевику». На следующий день лейтенантом Новиковым было сбито ещё три вражеских самолета³.

Анализ архивных документов показывает, что после Сталинградской битвы происходил дальнейший рост партийных рядов. Например, за май 1943 г., в период активных боевых действий на Северо-Кавказском фронте, партийные организации 4-й воздушной армии приняли в члены партии в два с половиной раза больше авиаторов, чем в марте 1943 г. Подобным образом росли партийные организации других воздушных армий. Несмотря на потери в боях, ряды партии пополнились 16 960 кандидатами и 9 540 членами партии только за первое полугодие 1943 г.⁴

К 1 июля 1943 г. общее количество членов и кандидатов партии составило 141 035 человек, а количество коммунистов выросло на 17 938 человек (14,5 %), что, безусловно, являлось результатом грамотно проводимой военно-политической работы: в партию шли лучшие летчики, стрелки, механики и техники. Думается, что стремление стать членом ВКП(б) обуславливалось не только желанием уничтожить ненавистного врага, но и осознанием стратегического перелома в войне, наконец, долгожданной победы Красной армии. В Военно-воздушных силах наибольшее количество принятых в партию пришлось на июль – август 1943 г., в период наиболее ожесточенных боев, позволивших нашей авиации установить стратегическое господство в воздухе⁵.

Более половины всех кандидатов и членов партии Военно-воздушных сил (55,7 %) в это время находилось на фронте. Анализ исторических данных свидетельствует, что увеличение партийных рядов в авиачастях Воронежского, Центрального, Юго-Западного, Западного, Южного и др. стратегических направлений не было случайным. Именно на этих направлениях целенаправленно проводилась военно-политическая работа, поскольку данным авиачастям предстояло сыграть решающую роль в опера-

циях летне-осенней кампании 1943 г. Политорганы были проинформированы о тяжести предстоящих боев и для повышения морально-психологической устойчивости авиационных частей, действовавших на главных направлениях удара Вермахта, увеличивали в них партийную прослойку.

Так, в Курской битве (июль – август 1943 г.), в одном из решающих и переломных сражений Великой Отечественной войны, основную роль в завоевании господства в воздухе сыграла 2-я воздушная армия Воронежского фронта. Особенности подготовительного и начального периодов битвы указывают на то, что обе противостоящие авиационные группировки (2-я воздушная армия Воронежского фронта ВВС КА и 8-й авиакорпус люфтваффе) не имели значительного превосходства друг над другом по количеству самолетов (1 тыс. самолетов и 1,1 тыс. самолетов соответственно), что требовало от военно-политического руководства принятия максимально исчерпывающих мер по повышению морально-психологической устойчивости авиаторов, и прежде всего летного состава [Шамрай: 1].

Помимо увеличения партийной прослойки среди авиаторов, проводилась работа по упрощению процесса вступления в ряды воинов-коммунистов, что стало возможным после издания в начале войны постановлений ЦК ВКП(б) от 19 августа и 9 декабря 1941 г., которые облегчали вступление в ряды партии воинов, особо отличившихся в боях с врагом. Авиаторов, проявивших героизм в воздушных сражениях, принимали в члены партии на льготных условиях. Для рассмотрения в качестве кандидата в члены партии достаточно было представить рекомендации трех членов партии с партийным стажем от одного года. Отличившихся в боях авиаторов допускалось принимать в члены партии после трехмесячного стажа в роли кандидатов. Для сравнения: необходимо отметить, что ранее уставом предусматривалось от рекомендуемых не менее трехгодичного членского стажа. Необходимость сокращения кандидатского стажа до одного года, а в отдельных случаях до трех месяцев была продиктована условиями военного времени, огромными безвозвратными потерями личного состава, в особенности авиаторами основных специальностей, непосредственно принимавших участие в воздушных сражениях.

К началу третьего периода Великой Отечественной войны Военно-воздушные силы страны состояли из 165 701 кандидата и члена партии (6,6 % от общего числа коммунистов в Вооруженных силах страны). Ежемесячно в Военно-воздушных силах в кандидаты в члены ВКП(б) принимали 4 430 человек, а в члены партии – 2 999 человек, что позволило увеличить общую численность коммунистов в авиации с начала войны в 2,8 раза. Как показывают архив-

ные документы, партийные ряды воздушных армий, действовавших на самых важных стратегических направлениях, стабильно росли: Западный фронт – 3 257 человек (41 %), Белорусский фронт (бывший Центральный) – 1 205 человек (15 %), 4-й Украинский фронт (бывший Южный – 1 560 (22 %), что свидетельствует о высокой эффективности проводимой военно-политической работы⁶.

Важным направлением партийно-политической работы являлось качественное изменение состава партийных рядов. Ряды партии пополнялись преимущественно авиаторами ключевых специальностей, которые играли основную роль в борьбе с врагом: летчиками, воздушными стрелками, штурманами, стрелками-радистами. Обязательным требованием при принятии в ряды партии было отличие в боях, героические поступки, совершённые в воздушных сражениях с врагом. В качестве примера целесообразно привести работу политотдела 8-й воздушной армии, где от 60 до 70 % принятых в партию составлял летный состав, отличившийся в боях за освобождение Донбасса⁷.

Усиление влияния партийных организаций на жизнедеятельность ВВС не представлялось возможным без перестройки структуры самих партийных организаций, что было сделано в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 24 мая 1943 г. Данная реорганизация была вызвана следующими обстоятельствами:

- ростом партийно-политической работы в рядах авиаторов в целях завершения начавшегося коренного перелома в войне;
- сближением партийного руководства с рядовыми членами партии в ходе ожесточённых боев второго периода войны;
- повышением эффективности партийно-политической работы в летных подразделениях в связи с упразднением института заместителей командиров эскадрилий и рот по политической части.

Главное политическое управление Рабоче-крестьянской Красной армии предложило установить структуру партийных организаций частей и подразделений ВВС применительно к их функциональным особенностям и специфике выполняемых боевых задач. В то же время по указанию Центрального комитета партии уставное правило выборности секретарей партийных организаций было отменено и введена практика назначения парторгов в полковых, батальонных, эскадрильных и ротных организациях. Условия военного времени требовали быстрой замены выбывавших из строя парторгов и обеспечения непрерывности организационно-партийной работы.

В Военно-воздушных силах директивой от 4 июня 1943 г. № 5 «О структуре партийных организаций Красной Армии» и специальным указанием к ней Главным политическим управлением была установ-

лена следующая структура партийных организаций: в полках авиационных дивизий истребительной и штурмовой авиации и полках запасных авиабригад – первичные партийные организации во главе с партторгом, в эскадрильях – партийные организации эскадрилий во главе с партторгом. В полках бомбардировочной и авиации дальнего действия – партийные бюро полка на правах комитета во главе с партторгом. Первичные партийные организации создавались также в отдельных корректировочных эскадрильях, эскадрильях летных авиашкол и запасных полков, в батальонах аэродромного обслуживания. Подобная структура была установлена и для комсомольских организаций Военно-воздушных сил⁸.

Большое внимание политорганов было уделено подбору кандидатур на должности партторгов, отвечающих за успех работы партийных организаций. На данные должности назначались бывшие секретари партийных бюро и заместители командиров эскадрилий и рот по политчасти. Однако значительное количество партторгов, не имевших опыта руководства партийными организациями, сами нуждались в обучении, которое осуществлялось путем организации семинаров при политорганах соединений, проведения совещаний различных категорий партийного актива и в ходе личных бесед с партийными руководителями. Впоследствии семинары партторгов по вопросам партийно-политической работы в политотделах соединений и частей стали носить регулярный ежемесячный характер. Одновременно с обучением партийного актива требовалось проводить работу с командирами эскадрилий и рот. Опытные политработники прививали командирам навыки воспитательной работы с личным составом, умение опираться в своей работе на партийные и комсомольские организации.

Перестройка структуры партийных организаций Военно-воздушных сил, завершённая к середине второго периода Великой Отечественной войны, привела к определённым результатам: количество первичных партийных организаций в воздушных армиях действующих и недействующих фронтов к 1 июля 1943 г. увеличилось с 1 818 до 2 055 (13 %)⁹.

Низкий показатель роста первичных партийных организаций (13 %) был обусловлен тем, что указания ГлавПУР РККА требовали их создания только в эскадрильях бомбардировочной авиации, удельный вес которой в Военно-воздушных силах был невелик. Основная часть Военно-воздушных сил в Великой Отечественной войне состояла из подразделений штурмовой и истребительной авиации, которые были приравнены к ротам, поэтому первичные партийные организации в них не создавались. Однако сама перестройка свою задачу по расширению и укреплению первичных партийных организаций Военно-воздуш-

ных сил выполнила, поскольку во многих организациях в результате было созданы партийные бюро, к руководству которых пришло большое количество опытных коммунистов.

Боевым резервом партии являлся ленинский комсомол. Реорганизация структуры комсомольских организаций в составе Военно-воздушных сил проводилась по аналогии с перестройкой партийных организаций, в ходе которой было оптимизировано руководство комсомолом. Многочисленная сеть комсомольских организаций, объединявшая тысячи членов ВЛКСМ, была создана и усилена к летним боям 1943 г. Численность членов ВЛКСМ в Военно-воздушных силах по состоянию на 1 июля 1943 г. насчитывала 137 519 человек, которая активно увеличивалась в результате принятия в свои ряды более тысячи молодых авиаторов ежемесячно. К концу второго периода Великой Отечественной войны общее количество комсомольцев в ВВС составляло 150 590 человек, что было на 13 071 комсомольца больше, чем в середине рассматриваемого периода¹⁰.

Результаты перестройки партийных и комсомольских организаций были проинспектированы проверкой, инициируемой Главным политическим управлением Красной армии, с последующим подведением итогов работы на совещании начальников организационно-инструкторских отделов в середине августа 1943 г. и на Совете военно-политической пропаганды при ГлавПУ РККА в сентябре 1943 г.¹¹ Советом военно-политической пропаганды было отмечено повсеместное оживление работы партийных и комсомольских организаций в Красной армии. В тоже время указывалось и на бюрократические тенденции, мешающие работе партийных организаций. Приводились конкретные факты препятствия со стороны партийных организаций работе командиров путем вмешательства в служебную деятельность последних. Нередки были случаи, когда работники политорганов авиационных соединений вместо руководства партийными организациями на местах занимались частыми проверками под видом сбора различных сведений и «туристических» посещений авиачастей.

Ответной реакцией Главного политического управления Красной армии на несовершенство работы партийных и комсомольских организаций стала директива, изданная в соответствии с решением Совета военно-политической пропаганды от 7 сентября 1943 г. № 10. В данном документе, адресованном всем политорганам Красной армии, акцент был сделан на требование для всех политработников улучшения обучения и воспитания партторгов, партийного актива, сосредоточения основного внимания на изменении содержания работы партийных организаций, направлении всех ресурсов на «воспитание из коммунистов подлинных вожakov красноармейской мас-

сы, сознающих свою ответственность за железную дисциплину, высокое политико-моральное состояние личного состава, за боевые успехи своей части, подразделения, умножение их боевой славы»¹². Во исполнение решения директивы политорганами Военно-воздушных сил были организованы и проведены осенью 1943 г. десятидневные сборы партторгов первичных партийных организаций, на которых удалось обменяться опытом работы, получить необходимую информацию в ходе лекций о партийно-политической работе и выступления командующего 4-й воздушной армией генерала К.А. Вершинина.

Вместе с тем проводимая политорганами Военно-воздушных сил работа по приему в партию не была лишена серьезных недостатков. К их числу следует отнести несвоевременность рассмотрения политорганами поступивших от авиаторов заявлений о приеме их в партию, в результате чего многие военнослужащие не успевали получить кандидатскую карточку или партийный билет, выбывая из строя в ходе ожесточенных боев. Не менее важным недостатком работы политорганов был большой разрыв между приемом в члены партии и приемом в кандидаты. Это наглядно прослеживается на примере 17-й воздушной армии, где за один и тот же период в члены партии приняли 3 352 человека, что в 1,8 раза меньше принятых в кандидаты (5 949 человек)¹³.

Причины указанных недостатков носили как объективный, так и субъективный характер. В условиях военного времени перемещения авиаторов, подавших заявления в кандидаты или члены партии из одной авиачасти в другую, в тыловые госпитали и т. п., а также безвозвратные потери серьезно осложняли работу политорганов и партийных организаций. Такой же эффект имел и человеческий фактор, выражавшийся в низкой оперативности работы самих партийных организаций, тормозящих процедуру своевременного оформления документов в кандидаты и члены партии. Тем не менее поставленная политорганам и парторганизациям задача по увеличению количественного и качественного состава рядов партии в условиях ожесточенных боев второго периода войны была выполнена, большинство руководящего состава авиационных частей и соединений Военно-воздушных сил были либо членами, либо кандидатами в члены партии.

Статистические данные показывают, что почти 100 % старшего и высшего командного и штурманского состава являлись членами или кандидатами в члены партии. Также высокий процент коммунистов наблюдался среди командиров эскадрилий, их заместителей и командиров звеньев (94,1 %, 86,2 % и 71,8 % соответственно)¹⁴. В годы Великой Отечественной войны именно эта прослойка летного состава являлась наиболее значимой – во многом потому,

что именно они были основными участниками воздушных боев, занимались обучением летного состава и стали идейными вдохновителями в борьбе с фашистским захватчиками.

Высокий процент коммунистов среди всего летного состава (58,2 %) и всего штурманского состава (58,5 %) подтверждает избирательность при приеме в члены партии преимущественно тех авиаторов, которые были задействованы непосредственно в боевой работе. Учитывая, что в среднем по Военно-воздушным силам партийность составляла не более 25,3 %, среди летного состава каждый второй член экипажа фронтовой авиации был коммунистом или кандидатом в члены партии. К тому же следует отметить, что среди летного и штурманского состава беспартийными были только 7,6 % и 9,3 % соответственно. Оставшаяся часть летного и штурманского состава состояла в комсомольских организациях (34,2 % и 32,2 %), являющихся хорошей базой для пополнения партии.

Политико-воспитательная работа, проводимая с членами партии, ставила перед собой цель разъяснения молодым коммунистам основных задач, стоящих перед советским народом в Великой Отечественной войне, осмысления благородной задачи освобождения страны от немецко-фашистских захватчиков, воспитания чувства ненависти к врагу-агрессору. Обучение в условиях фронтовой обстановки не всегда отличалось регулярностью, однако для изучения вопросов защиты социалистического Отечества, ключевых положений теории и истории большевистской партии, места и роли Советского государства на мировой политической арене и др. находилось время и место. Основными формами проведения занятий были лекции, доклады, индивидуальные и групповые беседы. Широко применялась практика прикрепления опытных коммунистов к молодым авиаторам, вступившим в кандидаты в члены партии, а также создание партийных школ для обучения молодых членов ВКП(б). В последних, объединявших молодых коммунистов и комсомольский актив, занятия проводились один-два раза в месяц, в ходе них читались лекции о советском патриотизме, моральном облике коммуниста и пр.

Действенным средством вовлечения коммунистов в активную партийную работу являлась система разнообразных поручений. Среди данных заданий широко были распространены, например, такие, как выступление на летно-технической конференции или партийном собрании, где опытным летчикам поручалось поделиться навыком ведения воздушных боев.

Выполнение особо трудных задач, возникавших перед авиаторами, возлагалось в первую очередь на членов и кандидатов в члены партии и только за-

тем на беспартийных авиаторов. Так, при проведении ночных полетов в дни Курской битвы на штурмовиках Ил-2 партийное собрание обязало коммунистов показать пример остальным летчикам в выполнении данного задания. Вскоре, после упорных ночных тренировок, летчиками-коммунистами Федоровым, Жуковым, Сериковым поставленная задача была выполнена и их примеру последовали остальные авиаторы [Маресьев: 23].

История воздушных боев авиационных частей показывает, что у партийных летчиков была обязанность быть всегда впереди, увлекая за собой комсомольцев и беспартийных. В реальности так и было. В частности, статистика сбитых вражеских самолетов в оборонительных боях на Белгородском направлении свидетельствует, что в 5-м истребительном авиакорпусе 2-й воздушной армии из 40 летчиков, сбивших по три и более вражеских самолета, 30 являлись коммунистами, 7 – комсомольцами и только 3 – беспартийными. Из 541 награжденного авиатора с 3 по 27 августа 1943 г. во 2-й воздушной армии 275 человек были коммунистами, 170 – комсомольцами и 96 человек – беспартийными. В 5-й гвардейской истребительной авиадивизии 6-й воздушной армии за период с 1 января по 15 ноября 1943 г. из общего количества награжденных орденами и медалями коммунисты составляли 70 %, комсомольцы 25 %, а беспартийные – 5 % военнослужащих¹⁵.

Большой эффективностью обладали заседания партийного бюро и партийные собрания, которые в результате каких-либо авиационных происшествий проводились без промедления, по горячим следам. Подтверждающим примером является авиационное происшествие 8 июля 1943 г., когда в боях на Орлово-Курском направлении был сбит истребителем неприятеля отставший от своего ведомого молодой летчик лейтенант Егоров. На созванном в тот же день партийном собрании был заслушан и рассмотрен доклад командира 517-й истребительного авиаполка 16-й воздушной армии «О дисциплине боевого полета и взаимной выручке в бою», который оказал позитивное влияние на молодой летный состав¹⁶.

Великая Отечественная война потребовала создания развитой системы политорганов, нацеленной на проведение политической работы по воспитанию патриотизма и достижению победы над немецко-фашистскими захватчиками.

Принимаемые органами военно-политического руководства страны и политорганами ВВС КА меры способствовали непрерывному росту рядов ВКП(б), изменению структуры партийных организаций и дальнейшему усилению их роли в войсках, повышению авторитета среди авиаторов, что в свою очередь в условиях борьбы за господство в воздухе являлось одним из важнейших факторов повышения боеспособности

отечественной авиации и ее успехов в ходе коренного перелома в Великой Отечественной войне.

Партийно-политическая работа, проводимая среди коммунистов в годы Великой Отечественной войны в Военно-воздушных силах, позволяла выполнять наиболее сложные ответственные боевые задачи силами авиаторов – членов ВКП(б). Все направления проводимой работы отвечали требованиям военного времени, будь то совершенствование организационной структуры и увеличение количества кандидатов и членов партии или качественное изменение состава партийных рядов, их политическое воспитание.

Опыт, приобретенный в военный период, активно использовался в послевоенное время в работе командиров и их заместителей по военно-политической работе в Вооруженных силах СССР. В ходе исследования установлено, что в тяжелых условиях второго периода войны работа политорганов и партийных организаций ВКП(б) стала одним из факторов Победы в Великой Отечественной войне. Полученный опыт может быть полезен при определенных обстоятельствах и в настоящее время, в рамках военно-политической работы в ВС РФ.

Примечания

¹ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 32. Оп. 11289. Д.960. С. 212–225.

² ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11289. Д. 960. С. 179.

³ ЦАМО РФ. Ф. 302. Оп. 4207. Д. 31. С. 104, 114.

⁴ ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11289. Д. 1266. С. 1–244.

⁵ ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11289. Д. 1271. С. 1–22.

⁶ ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11289. Д. 1267. С. 1–278.

⁷ ЦАМО РФ. Ф. 346. Оп. 5760. Д. 24. С. 498.

⁸ ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 183. С. 1–8.

⁹ ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11289. Д. 1320. С. 206–233.

¹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11289. Д. 1273. С. 1–85.

¹¹ ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 183. С. 14–17.

¹² ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 183. С. 15.

¹³ ЦАМО РФ. Ф. 370. Оп. 6548. Д. 27. С. 410.

¹⁴ ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 11304. Д. 588. С. 2–114.

¹⁵ ЦАМО РФ. Ф. 302. Оп. 4207. Д. 30. С. 99.

¹⁶ ЦАМО РФ. Ф. 368. Оп. 6512. Д. 45. С. 60.

Список литературы

Виниченко М.В. [и др.]. Великая Отечественная война: в 12 т. Москва: Кучково поле, 2012. Т. 3. 864 с.

Лапай Д.С. Подготовка командно-начальствующего состава для Особого корпуса железнодорожных войск в Московском военно-железнодорожном училище в 1932–1941 гг. // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2021. Т. 26. Вып. 190. С. 191–199.

Маресьев А.П. На Курской дуге. М.: Воениздат, 1960. 80 с.

Марченков В.И., Зенин Р.Н. Деятельность Военно-политических органов в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) в процессе воспитания патриотизма у воинов Красной Армии // Мир науки, культуры, образования. 2019. Вып. 6 (79). С. 351–352.

Чертополох А.А. Военно-политические органы: опыт строительства и уроки // Военный академический журнал. 2019. Вып. 1 (21). С. 13–23.

Шамрай В.А. Авиация Воронежского фронта в битве на Курской дуге // Вестник ВГУ. Сер.: История. Политология. Социология. 2013. № 1. С. 66–72.

References

Vinichenko M.V. [i dr.]. *Velikaia Otechestvennaia voina: v 12 t.* [The Great Patriotic War: in 12 vols.]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2012, vol. 3, 864 p. (In Russ.)

Lapai D.S. *Podgotovka komandno-nachal'stvuiushchego sostava dlia Osobogo korpusa zheleznodorozhnykh voisk v Moskovskom voenno-zheleznodorozhnom uchilishche v 1932–1941 gg.* [Training of commanding officers for the Special Corps of Railway Troops at the Moscow Military Railway School in 1932–1941]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Serii: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities], 2021, vol. 26, pp. 191–199.

Mares'ev A.P. *Na Kurskoi duge* [On the Kursk Bulge]. Moscow, Voenizdat Publ., 1960, 80 p. (In Russ.)

Marchenkov V.I. *Deiatel'nost' Voенno-politicheskikh organov v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.) v protsesse vospitaniia patriotizma u voinov Krasnoi Armii* [Activities of the Military-Political Bodies during the Great Patriotic War (1941-1945) in the process of instilling patriotism among the soldiers of the Red Army]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia* [World of science, culture, education], 2019, issue 6 (79), pp. 351–352. (In Russ.)

Chertopolokh A.A. *Voенno-politicheskie organy: opyt stroitel'stva i uroki* [Military-political bodies: experience of construction and lessons]. *Voенnyi akademicheskii zhurnal* [Military academic journal], 2019, issue 1(21), pp. 13–23. (In Russ.)

Shamrai V.A. *Aviatsiia Voronezhskogo fronta v bitve na Kurskoi duge* [Aviation of the Voronezh Front in the Battle of the Kursk Bulge]. *Vestnik VGU. Serii: istoriia. Politologiiia. Sotsiologiiia* [VSU Bulletin. Series: History. Political science. Sociology], 2013, № 1, pp. 66–72. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 17.05.2021; одобрена после рецензирования 22.06.2021; принята к публикации 18.08.2021.

The article was submitted 17.05.2021; approved after reviewing 22.06.2021; accepted for publication 18.08.2021.

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 54–60. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 54–60. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 677

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-54-60>

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА И ВЫПУСКА ПРОДУКЦИИ НА РОДНИКОВСКОМ МЕЛАНЖЕВОМ КОМБИНАТЕ «БОЛЬШЕВИК» В 1942 Г.

Сафолов Диловар Саиданварович, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, ger.safokl@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6674-4091>

Околотин Владимир Сергеевич, доктор исторических наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, okolotin.vladimir@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>,

Аннотация. В данной статье на примере Родниковского меланжевого комбината «Большевик», одного из крупнейших предприятий Ивановской области, рассматривается процесс преодоления предприятием организационных, хозяйственных и социальных проблем в условиях Великой Отечественной войны с целью выполнения постановлений Государственного комитета обороны в сложнейших условиях 1942 г. Значительное внимание уделено организации производства на комбинате, действиям по укреплению трудовой дисциплины, участию коллектива предприятия во Всесоюзном социалистическом соревновании, подготовке кадров, решению бытовых проблем и т. д. В статье приводятся статистические, количественные и задокументированные сведения. Рассматривается общая ситуация в текстильной отрасли промышленности Ивановской области в указанный период. Предпринят анализ хронологии событий, связанных с выполнением постановлений Государственного комитета обороны, Наркомата текстильной промышленности и т. д. Статья подготовлена на материалах Государственного архива Ивановской области и местной периодической печати. Значительная часть архивных документов впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, текстильная промышленность, Ивановская область, Родниковский меланжевый комбинат «Большевик», постановления Государственного комитета обороны, организация производства, трудовая дисциплина, трудовые достижения.

Для цитирования: Сафолов Д.С., Околотин В.С. Организация производства и выпуска продукции на Родниковском меланжевом комбинате «Большевик» в 1942 году // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 54–60. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-54-60>

Research Article

ORGANISATION OF PRODUCTION AND RELEASE OF PRODUCTS FABRIC PLANT “BOLSHEVIK” IN THE TOWN OF RODNIKI IN 1942

Dilovar S. Safolov, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, ger.safokl@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6674-4091>

Vladimir S. Okolotin, Doctor of Historical Sciences, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, okolotin.vladimir@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>

Annotation. In this article, using the example of Rodniki blended-mixture fabric plant “Bolshevik”, one of the largest enterprises of Ivanovo Region, the process of overcoming organisational, economic and social problems by the enterprise in the conditions of the Axis invasion in order to implement the resolutions of the State Defence Committee in the most difficult conditions of 1942 is considered. Considerable attention is paid to the organisation of production at the plant, actions to strengthen labour discipline, the participation of the enterprise’s staff in the All-Union Socialist competition, personnel training, solving everyday problems, etc. The article provides statistical, quantitative and documented information. The general situation in the textile industry of Ivanovo Region during this period is considered. An analysis of the chronology of events related to the implementation of the resolutions of the State Defence Committee, the People’s Commissariat of the Textile Industry, etc. is undertaken. The article is based on the materials of the State Archive of Ivanovo Region and the local periodical press. A significant part of archival documents has been introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: USSR’s participation in World War II, textile industry, Ivanovo Region, blended-mixture fabric plant “Bolshevik” in Rodniki, resolutions of State Defence Committee, People’s Commissariat of Textile Industry, production organisation, labour discipline, labour achievements.

For citation: Safolov D.S., Okolotin V.S. Organisation of production and release of products fabric plant “Bolshevik” in the town of Rodniki in 1942. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 54–60 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-54-60>

Накануне Великой Отечественной войны на территории Ивановской области в границах до августа 1944 г. располагалось 113 хлопчатобумажных предприятий из 200 по стране и 51 предприятие льняной промышленности. Несмотря на то, что в октябре 1941 г. область была объявлена прифронтовым районом, и на ее территории началось строительство нескольких линий оборонительных сооружений, входивших в состав Московской зоны обороны, ее текстильная промышленность продолжала работать и выпускать до 80 процентов всей хлопчатобумажной продукции, производимой в стране. Заслуги ивановцев по бесперебойному производству военной и гражданской продукции в годы войны были оценены по достоинству. 2 июля 2020 г. указом Президента России городу Иваново в числе других 20 промышленных центров страны было присвоено почетное звание «Город трудовой доблести». Вместе с тем подготовка документов для организационного комитета «Победа» показала, что деятельность текстильных предприятий города Иваново и области, их вклад в обеспечении фронта и тыла военной и гражданской продукцией требует всестороннего изучения. Этой цели через поэтапное исследование работы крупнейших предприятий области и подчинена данная статья. Объектом исследования является Родниковский меланжевый комбинат «Большевик», на котором в годы войны трудилось более 10 тыс. человек. Указом Президиума ВС СССР от 24 января 1944 г. за успешное выполнение заданий правительства по снабжению Красной армии вещевым довольствием и выполнение специальных заданий командования он, единственный в стране, был награжден Орденом Ленина. К сожалению, первичные материалы о его деятельности лишь незначительно введены в научный оборот. Так, в пятом томе «Книги памяти», изданном в 1995 г., представлены лишь общие материалы о трудовых достижениях жителей Родниковского, Лухского, Палехского и Пестяковского районов Ивановской области. Деятельности одного из ведущих в области текстильных предприятий Родниковского комбината «Большевик» в нем уделено недостаточное внимание [Книга памяти]. В значительной степени это было вызвано отсутствием доступа к архивным материалам, которые тогда имели еще гриф секретности. В настоящее время это препятствие устранено и появилась реальная возможность для целенаправленной работы по введению в научный оборот как в региональном, так и центральных архивах соответствующих документов.

Хронологические рамки данной статьи определяются 1942 г., когда комбинат после зимнего останова вновь стал набирать производственные темпы и достиг первых крупных трудовых успехов. К изучению объекта исследования были применены такие

исследовательские методы, как историко-хронологический и историко-правовой. Если первый не требует пояснений, то в отношении историко-правового метода следует пояснить, что деятельность комбината во многом определялась не только центральными постановлениями ГКО, СНК и Наркомата текстильной промышленности СССР, но и решениями Ивановского обкома ВКП(б) и третьего Главвхлопрома. Данные документы в основном сосредоточены в Государственном архиве Ивановской области в фонде № 327, которые в совокупности с публикациями местной периодической печати и послужили основой для написания данной статьи.

Итак, в начале января 1942 г. в связи с возвращением рабочих со строительства оборонительных сооружений комбинату предстояло возобновить производственную деятельность. Однако для выполнения этой задачи не хватало сырья, топлива и электроэнергии. Если проблему с сырьем через использование загрязненного хлопка хоть как-то удалось решить, то проблема с топливом стояла особенно остро. Дело в том, что основным видом топлива для комбината в мирное время был донецкий уголь. С нарушением транспортных перевозок его поставки практически прекратились. Осуществить его замену на подмосковный уголь из-за военных действий на территории Московской области также не представлялось возможным. В этих условиях было решено осуществить выборку угля из шлака¹. В результате за 4 рабочих дня с 4 по 7 января 1942 г. было выбрано 6 930 кг угля². Однако этих мер для обеспечения комбината топливом было недостаточно³. В информации на имя зампреда СНК СССР А.Н. Косыгина от 4 февраля 1942 г. секретарь обкома ВКП(б) Г.Н. Пальцев сообщал, что единственным выходом из ситуации является постройка узкоколейной железной дороги от предприятия к торфохранилищу, но на это нужны большие средства⁴. Одновременно возникала другая сложная проблема, связанная с занятостью рабочей силы. С целью ее частичного решения рабочим предприятий стали предоставляться коллективные отпуска, что, по сути, являлось нарушением постановления правительства от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время»⁵. Вынужденный простой и незанятость рабочих расхолаживали трудовые коллективы. На практике, согласно архивным документам, это приводило к воровству, игре в карты, взлому замков и т. д.⁶

Было ослаблено на комбинате и внимание к фактам нарушения указа Президиума ВС СССР от 26 июня 1940 г. Особенно много фиксировалось таких случаев, как: «ничем не обоснованный уход от рабочего места, сон в производстве, отказ от работы». В марте было зафиксировано 57 таких случаев, из них 11 – это невыполнение распоряжений администрации⁷. Ослабление

трудовой дисциплины объяснялось и тем, что за время войны в трудовой коллектив влилось 25–30 % новых рабочих, преимущественно из числа молодежи. Именно среди нее было зафиксировано преобладающее большинство нарушений⁸.

Для того чтобы занять людей и компенсировать вынужденные простои, по приказу директора комбината М.А. Сорокина от 28 февраля 1942 г. приступили к пошиву летнего обмундирования для красноармейцев. В связи с отсутствием специализированного швейного производства его пошив было решено распределить по фабрикам и отделам, а также раздать на дом работникам комбината. В результате к намеченному сроку военный заказ был выполнен качественно и в полном объеме⁹.

В конце марта на сменно-цеховых собраниях трудовых коллективов комбината было решено поддержать обращение общегородского собрания орденосцев и стахановцев ковровских предприятий об организации предмайского социалистического соревнования на фабриках и заводах области. 28 марта «Ответ рабочих комбината “Большевик” на обращение ковровских рабочих» был опубликован на страницах «Ударника». В нем рабочие комбината брали на себя обязательства широко развернуть социалистическое соревнование среди рабочих, ИТР и служащих¹⁰. Однако для реализации данной инициативы по-прежнему требовалось решение неотложных производственных проблем.

Одной из них было хроническое отсутствие угля на комбинате. 6 апреля 1942 г. Г.Н. Пальцев сообщал зампреду СНК А.Н. Косыгину о том, что «3-й Главихлопром от Наркомтекстиля СССР на 1942–1943 гг. получил категорический отказ в выделении лимитов на уголь, которого ежегодно получалось до 150 тыс. тонн и указание составить топливный баланс исключительно на местном топливе». Это была недопустимая ситуация для предприятия, которое вырабатывало в основном хлопчатобумажные ткани, идущие на пошив верхнего обмундирования для бойцов и командиров Красной Армии и ткань спецассортимента¹¹. Для организации работы комбината в третьем Главке было принято решение о переброске 833 т хлопка с баз городов Иваново и Кинешма, а угля (антрацита) – с литейно-механического завода города Вичуга¹². По намеченному плану и разработанному графику на ткацкой фабрике началась перезаправка оборудования на более сложный и трудоемкий ассортимент¹³.

В ответ на выступление И.В. Сталина «О полном разгроме врага в 1942 г.» обком ВКП(б) организовал 11 мая 1942 г. собрание помастеров, мастеров и начальников цехов текстильных предприятий г. Иванова и области. В специфике мероприятий того времени это было знаковым событием, поскольку на нем

обсуждались общие проблемы для всех текстильных предприятий области¹⁴. Руководствуясь итогами совещания, президиум ЦК профсоюзов рабочих хлопчатобумажной промышленности Ивановской области предложил фабзавкомам возглавить организацию социалистического соревнования мастеров и помастеров и развернуть соцсоревнование между коллективами отдельных цехов и фабрик. Обсудив это обращение на цеховых и фабричных совещаниях трудовой коллектив комбината «Большевик» принял решение включиться во Всесоюзное социалистическое соревнование и взять на себя повышенные обязательства¹⁵.

16 мая 1942 г. в обкоме ВКП(б) состоялось совещание, на котором среди других выступил и директор комбината «Большевик» М.А. Сорокин. Сохранилась стенограмма его выступления, имевшая когда-то гриф «совершенно секретно», согласно которой за январь, февраль и первую половину марта на комбинате был простой, а низкая производительность труда и оборудования на комбинате в апреле и мае 1942 г. в большей степени зависели от неудовлетворительной трудовой дисциплины, несоблюдения элементарных правил внутреннего распорядка и технологического режима¹⁶.

Одним из способов укрепления трудовой дисциплины стало доведение до общественности любых фактов разгильдяйства и расхлябанности. В результате за 10 дней мая на ткацкой фабрике не было зафиксировано ни одного нарушения трудовой дисциплины¹⁷. Другой формой борьбы с нарушениями трудовой дисциплины стали общефабричные стенгазеты. Меры по восстановлению производственной мощности комбината стали давать свои результаты. Уже 11 июня первая смена ткацкой фабрики (группа 216 станков) выполнила план на 104 %¹⁸. В результате во второй половине июня 56-й комплект первой смены уже выполнял план на 109–115 %, во второй смене эти результаты достигли 109–117 %. 58-й комплект первой смены шел на уровне 105–115 %, во второй он варьировался от 100 до 111 %. Выросли показатели работ в 60-м и 62-м комплектах¹⁹. Улучшение показателей произошло также в работе отделочной фабрики. «Это было нелегкое дело, – информировала газета «Ударник», – так как за время останова из состава кадровых рабочих часть выбыла на фронт²⁰.

С 1 по 6 июня стригальный отдел выполнил план на 107,84 %, аппретный отдел – на 106,5 %, красильный отдел – на 106,13 % плана. План за июнь красильный цех выполнил на 106,38 %, причем перевыполнения достигли все три смены²¹. Именно красильному цеху было вручено фабричное переходящее Красное знамя. Коллектив же отделочной фабрики выполнил июньский план на 102,8 %, и за ударную работу был награжден общекомбинатовским переходящим Крас-

ным знаменем. Успехи отделочников отметило бюро обкома ВКП(б) постановлением от 8 июля при передаче Красного знамени передовому предприятию. В приказе по третьему Главку от 13 июля 1942 г. говорилось, что при серьезном недостатке рабочей силы и значительном утяжелении ассортимента продукции трудовой коллектив отделочной фабрики комбината «Большевик» в течение июня качественно улучшил свою работу и обеспечил среднесуточный выпуск готовых тканей в размерах, превышающих (с учетом ассортимента) довоенный уровень²².

Успешных результатов по выполнению июньского плана достигла прядильная фабрика комбината. Все это послужило основанием поставить перед ее коллективом более сложную и ответственную задачу вступить в борьбу за получение в июле Красного знамени Государственного комитета обороны и знамен ВЦСПС и Наркомтекстиля²³. Серьезными претендентами для комбината на лидерство в соцсоревновании являлись меланжевый комбинат в Иванове, ивановские фабрики «Красная Талка» и НИМ, а также Трехгорная мануфактура (Москва) и другие текстильные предприятия.

В июле 1942 г. комбинат получил очередной спецзаказ. Для его выполнения ткацкой фабрикой прядильная фабрика была переведена на 9-часовой рабочий день²⁴. О результатах выполнения спецзадания можно судить по публикациям «Родниковского рабочего». Так, 31 июля 1942 г. на его страницах сообщалось, что июль для комбината «Большевик» оказался переломным месяцем в деле увеличения производительности труда и оборудования. По всем производством комбинат закончил месячную программу раньше срока и выпустил большое количество пряжи, суровья и готовой продукции сверх плана.

В результате напряженного труда коллектив комбината «Большевик» выполнил свои обязательства по Всесоюзному социалистическому соревнованию. Прядильная фабрика произвела сверх плана 50 т пряжи, ткацкая – 225 800 м суровья, а отделочная фабрика выпустила 1 306 тыс. м готового товара²⁵. ВЦСПС и НКТ СССР, рассмотрев итоги Всесоюзного социалистического соревнования работников текстильной промышленности за июль 1942 г., признали в числе победителей Родниковский меланжевый комбинат «Большевик». Было принято решение «вручить переходящее Красное знамя ВЦСПС и Наркомтекстиля СССР и выдать первую премию Родниковскому меланжевому комбинату «Большевик» 3 Главинхлопрома (директор М.А. Сорокин, секретарь парткома Б.А. Глинский, председатель фабкома В.А. Мочалов)»²⁶.

Вручение Красного знамени происходило в торжественной обстановке. На многотысячный митинг в фабричном дворе комбината прибыли руководители

обкома ВКП(б), Наркомтекстиля СССР и ЦК ВЦСПС. За столь значительный вклад в укрепление обороны страны из премии в размере 520 тыс. руб., выделенной комбинату, на 250 тыс. руб. были премированы 780 лучших рабочих, инженеров, техников и служащих предприятия. В заключение митинга собравшиеся приняли приветственное письмо И.В. Сталину²⁷. В нем они заверяли И.В. Сталина, что в августе будут работать еще лучше, чтобы завоевать переходящее Красное знамя ГКО²⁸.

Первая половина августа по выполнению обязательств была успешной. Прядильная и ткацкая фабрики работали лучше, чем в июле, ткачи перевыполнили план против прошлого месяца на 6 %. На уровне 116 % выполняли план и отделочники. Однако среди рабочих и руководителей основных производств появилась и самоуспокоенность²⁹. Прядильная фабрика ухудшила свою работу и с трудом укладывалась в выполнение плана. Среди причин такого положения на фабрике, судя по публикациям в газете «Ударник», были названы: сохранение успокоенности среди руководителей на отдельных участках работы фабрики; отсутствие железной военной дисциплины; недостаточное внимание к организации производственного процесса и ремонту оборудования³⁰.

Трудности нарастали. Директор комбината М.А. Сорокин в приказе от 29 августа 1942 г. вынужден был признать наличие фактов нарушения трудовой дисциплины на предприятии, приводившим к сбоям работе³¹. В результате этого были приняты суровые меры, но в условиях военного времени, когда обстановка на фронтах была тревожной и на счету был каждый патрон, каждый метр готовой продукции, иного подхода к нарушителям трудовой дисциплины и быть не могло.

Несмотря на существовавшие проблемы, августовский план комбинат выполнил досрочно; отделочная фабрика выполнила его 25 августа, ткацкая – 26 августа и прядильная – 28 августа³². В результате успешной работы в августе 1942 г. комбинат «Большевик» смог удержать за собой Красное знамя ВЦСПС и Наркомтекстиля СССР.

Торжественный митинг, посвященный присуждению Красного знамени ВЦСПС и Наркомтекстиля СССР и первой премии за победу во Всесоюзном социальном соревновании в августе 1942 г., состоялся на комбинате 20 сентября. Секретарь обкома П.Н. Лукоянов призвал меланжистов к улучшению работы в третьей декаде сентября и в последующий период, с тем чтобы достойно встретить 25-ю годовщину Октябрьской революции³³. Следует сказать, что очередная победа во Всесоюзном социальном соревновании рассматривалась родниковцами как стремление к получению более высокой награды – Красного знамени Государственного комитета обороны³⁴.

Чтобы добиться новой победы, коллектив комбината взял на себя повышенные обязательства³⁵. Была учреждена районная Доска почета, куда заносились передовики соревнования. На страницах «Ударника» и «Родниковского рабочего» рассказывалось о рабочих, показывавших высокие образцы производительности труда³⁶. Свыше 60 % рабочих прядильной фабрики дополнили свои индивидуальные договоры новыми обязательствами и успешно их выполняли³⁷. Начиная с третьей декады сентября прядильная фабрика увеличила выработку пряжи на 5 %, ежедневно давая около 3,5 т пряжи сверх плана³⁸. За достигнутые успехи во Всесоюзном социалистическом соревновании и перевыполнение предоктябрьских социалистических обязательств за 15 дней сентября 1942 г. на Доску почета комбината были занесены многие рабочие и помастера³⁹.

И все же, признавалось на страницах «Родниковского рабочего», в сентябре комбинат работал менее ритмично, снизил темпы против июля и августа. Хотя месячный план комбинат выполнил досрочно, выпустил сверх плана 63 т пряжи, 228 тыс. м суровья и 900 тыс. м готового товара, этого оказалось недостаточно. К главным и общим причинам невыполнения обязательств были отнесены «головокружение от августовских успехов и самоуспокоенность инженерно-технических, партийных и профсоюзных работников на достигнутом»⁴⁰.

По результатам работы в октябре 1942 г. комбинат также добился высоких производственных результатов. В частности, прядильная фабрика сверх установленного плана дала 14 т пряжи, ткацкая фабрика месячное задание выполнила 30 октября и дополнительно произвела 138,8 тыс. м суровья, а отделочная, закончив план 29 октября, выпустила 620 тыс. м сверхплановой продукции⁴¹. В течение октября на районную Доску почета в качестве передовиков предоктябрьского социалистического соревнования были занесены новые имена. В результате были поощрены 55 стахановцев суммами от 150 до 250 рублей⁴².

В наркомате высоко оценили это достижение трудового коллектива. Об этом свидетельствует телеграмма наркома текстильной промышленности И.Н. Акимова директору комбината М.А. Сорокину, опубликованная в «Ударнике» в ноябре 1942 г.: «Решением ВЦСПС, Наркомтекстиля СССР отмечается хорошая работа предприятий в октябре. Поздравляю с успехом. Мобилизуйте коллектив на борьбу за звание победителя в соревновании»⁴³.

Несомненно, очередной успех коллектива комбината стал возможным и благодаря серьезному вниманию его руководства к подготовке новых кадров из числа домохозяек, подростков, которые, освоив новые профессии, выполняли нормы выработки ква-

лифицированных рабочих. Для этого райком ВКП(б) обязал партийные и профсоюзные организации комбината взять под контроль все виды обучения и оказывать практическую помощь в организации учебы⁴⁴.

С наступлением холодов обстановка на комбинате «Большевик» вновь обострилась. В цехах температура упала до критической⁴⁵. Тем не менее в этих условиях 27 ноября 1942 г. состоялось совещание стахановцев комбината «Большевик», на котором присутствовало свыше 300 человек. С докладом на совещании выступил М.А. Сорокин. По его словам, несмотря на то, что комбинат производственные задания выполняет, он не достиг довоенного уровня выпуска готовой продукции. По окончании прений была принята резолюция, в которой записано, что коллектив комбината с 1 декабря включается в стахановский фронтовой декадник по оказанию помощи Красной армии. Из публикации в «Родниковском рабочем» следовало, что «это предложение зал встретил бурными аплодисментами». Затем были вручены стахановцам значки «Отличник социалистического соревнования»⁴⁶.

Несмотря на сложные условия труда, трудовой коллектив комбината в ноябре 1942 г. вновь перевыполнил государственное задание. План по прядению был выполнен на 103,66 %, по ткачеству – на 101,75 %, по отделке – на 104,5 %. В результате переходящее Красное знамя ЦК союза рабочих хлопчатобумажной промышленности и обкома ВКП(б) за победу в соцсоревновании в ноябре 1942 г. было решено вручить трудовому коллективу комбината «Большевик»⁴⁷. Это известие обсуждалось на многочисленных митингах всех фабрик комбината. На собраниях была принята общая резолюция по досрочному окончанию декабрьского плана 28 декабря 1942 г. Для этого было решено включиться во фронтовой стахановский декадник, чтобы поднять производительность труда, увеличить выпуск продукции и добиться выполнения нормы выработки всеми рабочими⁴⁸. Для обеспечения комбината топливом, электроэнергией и сырьем принимались особые меры. Прежде всего, это введение строжайшего режима экономии⁴⁹.

Принятые меры стабилизировали ситуацию. Во Всесоюзном социалистическом соревновании среди текстильных предприятий страны в декабре 1942 г. коллектив рабочих, служащих и инженерно-технических работников комбината «Большевик» занял третье место. Решением ВЦСПС и Наркомтекстиля СССР комбинату присуждена премия в 150 тысяч рублей⁵⁰. Были подведены и итоги индивидуального социалистического соревнования среди рабочих комбината и его подразделений⁵¹.

Таким образом, после тяжелой зимовки, преодолевая различные проблемы с топливом, сырьем,

электроэнергией и рабочей силой, восстанавливая трудовую дисциплину, Родниковский комбинат «Большевик» к лету 1942 г. максимально (в тех условиях) запустил законсервированное оборудование и наладил производство. В итоге он смог набрать необходимые производственные темпы и уже в летние месяцы значительно перевыполнить план по выполнению спецзаказов, установленный ГКО. Только за счет ежемесячного выпуска комбинатом сверхплановой продукции по разным оценкам можно было обмундировать от 15 до 20 дивизий, что в условиях многочисленных летних сражений Красной армии было чрезвычайно важно и крайне необходимо. Являясь одним из ведущих предприятий текстильной промышленности Ивановской области, своими производственными достижениями он внес огромный вклад в бесперебойное обеспечение военной и гражданской продукцией действующей армии и гражданского населения в годы Великой Отечественной войны.

Примечания

- ¹ Государственный архив Ивановской области (далее ГАИО). Ф. Р.-197. Оп. 4. Д. 42. Л. 131.
- ² Быков. Уголь из шлака – дополнительный резерв топлива // Ударник. 1942. 13 января.
- ³ ГАИО. Ф. Р.-197. Оп. 4. Д. 42. Л. 151.
- ⁴ ГАИО. Ф. П.-327. Оп. 7. Д. 479. Л. 95.
- ⁵ ГАИО. Ф. Р.-197. Оп. 4. Д. 42. Л. 135.
- ⁶ ГАИО. Ф. Р.-197. Оп. 4. Д. 42. Л. 157.
- ⁷ В военное время работать по-военному // Ударник. 1942. 11 апреля.
- ⁸ Соловьев Я.И. Результаты беспечности // Ударник. 1942. 23 мая.
- ⁹ ГАИО. Ф. Р.-197. Оп. 4. Д. 42. Л. 194.
- ¹⁰ Ответ рабочих комбината «Большевик» на обращение ковровских рабочих // Ударник. 1942. 28 марта.
- ¹¹ ГАИО. Ф. П.-327. Оп. 7. Д. 480. Л. 136.
- ¹² ГАИО. Ф. Р.-197. Оп. 4. Д. 42. Л. 197.
- ¹³ Подъяков А.Д. Образцово проведем перезаправку // Ударник. 1942. 11 апреля.
- ¹⁴ ГАИО. Ф. П.-327. Оп. 7. Д. 429. Л. 7–16.
- ¹⁵ Обязательство рабочих, работниц, инженерно-технических работников и служащих комбината «Большевик» по Всесоюзному социалистическому соревнованию // Ударник. 1942. 30 мая.
- ¹⁶ Баранов Н.Н. Расхлябанность в военное время преступление // Ударник. 1942. 23 мая.
- ¹⁷ Бурдин Н.И. Трудовая дисциплина должна быть нерушимой // Ударник. 1942. 23 мая.
- ¹⁸ Ударник: газета. 1942. 13 июня.
- ¹⁹ Решев В.Г. Брать пример с лучших // Ударник. 1942. 14 июля.
- ²⁰ Гусев А. Завоюем звание передового цеха // Ударник. 1942. 14 июля.

- ²¹ Васильков В.Н. Красильщики выходят в число передовых // Ударник. 1942. 14 июля.
- ²² Премия отделочникам // Ударник. 1942. 21 июля.
- ²³ За Красное Знамя Государственного Комитета Обороны // Ударник. 1942. 14 июля.
- ²⁴ ГАИО. Ф. Р.-197. Оп. 4. Д. 42. Л. 314.
- ²⁵ 1 306 000 метров готовой ткани сверх плана // Ударник. 1942. 8 августа.
- ²⁶ В ВЦСПС и Наркомтекстиле СССР // Родниковский рабочий. 1942. 16 августа.
- ²⁷ Комбинату «Большевик» вручено переходящее Красное Знамя ВЦСПС и Наркомтекстиля СССР // Родниковский рабочий. 1942. 21 августа.
- ²⁸ Товарищу Сталину // Ударник. 1942. 28 августа.
- ²⁹ Наступили решающие дни // Ударник. 1942. 25 августа.
- ³⁰ Результаты успокоенности // Ударник. 1942. 25 августа.
- ³¹ ГАИО. Ф. Р.-197. Оп. 4. Д. 42. Л. 353.
- ³² Новая победа // Ударник. 1942. 1 сентября.
- ³³ Закрепить успехи, добиться новых успехов в соревновании // Родниковский рабочий. 1942. 23 сентября.
- ³⁴ Хрящев В. Партийная организация в борьбе за первенство фабрики // Родниковский рабочий. 1942. 13 сентября.
- ³⁵ Родниковский рабочий. 1942. 20 сентября.
- ³⁶ Малинина А. Работа молодежных фронтовых бригад // Родниковский рабочий. 1942. 9 октября.
- ³⁷ Горбунова К. Создаем новые фронтовые бригады // Родниковский рабочий. 1942. 30 сентября.
- ³⁸ Стогов С. Выполняем предоктябрьские обязательства // Родниковский рабочий. 1942. 25 сентября.
- ³⁹ Решение общекомбинатовского жюри по соревнованию на лучшего мастера и ИТР за сентябрь 1942 года // Ударник. 1942. 3 ноября.
- ⁴⁰ Отстоять звание победителей в соцсоревновании // Родниковский рабочий. 1942. 2 октября.
- ⁴¹ План выполнен // Ударник. 1942. 3 ноября.
- ⁴² ГАИО. Ф. Р.-197. Оп. 4. Д. 72. Л. 418–421.
- ⁴³ Ударник. 1942. 12 ноября.
- ⁴⁴ ГАИО. Ф. Р.-197. Оп. 4. Д. 42. Л. 397.
- ⁴⁵ ГАИО. Ф. П.-327. Оп. 7. Д. 504. Л. 137.
- ⁴⁶ Густова С. Совещание стахановцев-текстильщиков // Родниковский рабочий. 1942. 29 ноября.
- ⁴⁷ Родниковский рабочий. 1942. 18 декабря.
- ⁴⁸ Включились в стахановский декадник // Родниковский рабочий. 1942. 20 декабря.
- ⁴⁹ Шилов А. Режим экономии – закон военного времени // Родниковский рабочий. 1942. 4 ноября.
- ⁵⁰ Комбинат «Большевик» занял третье место во Всесоюзном соревновании // Родниковский рабочий. 1943. 13 января.
- ⁵¹ Голубева А. Передовики социалистического соревнования // Родниковский рабочий. 1943. 15 января.

Список литературы

Книга Памяти: Российская Федерация. Ивановская область. Т. 5. Родники и Родниковский район, Лухский, Палехский, Пестяковский район. Иваново: Талка, 1995. 467 с.

References

Kniga Pamiati: Rossiiskaia Federatsiia. Ivanovskaia oblast' [The Book of Memory: The Russian Federation. Ivanovo region]. Ivanovo, Talka Publ., 1995, vol. 5: Rod-

niki i Rodnikovskii raion, Lukhskii, Palekhskaa, Pestiakovskii raion [vol. 5: Rodniki and Rodnikovsky district], 467 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.04.2021; одобрена после рецензирования 30.05.2021; принята к публикации 18.08.2021.

The article was submitted 27.04.2021; approved after reviewing 30.05.2021; accepted for publication 18.08.2021.

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 61–70. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 61–70. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 94(470)''20''

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-61-70>

ОБЫЧАЙ И МЕНТАЛИТЕТ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО СОЦИУМА В РЕАЛИЯХ ПОВСЕДНЕВНОСТИ 1960–80-Х ГГ. (на примере интерпретации архивных материалов фонда РГАНИ)

Столетова Анна Сергеевна, кандидат исторических наук, Вологодский государственный университет, Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина, Вологда, Россия, Stoletowa-A-S@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2167-072X>

Аннотация. В статье на основе источников фонда Российского государственного архива новейшей истории охарактеризовано установление и действие обычаев в социально-экономической жизни второй половины XX в., оказавших влияние на повседневность, мироощущение и мировоззрение производственной части российского социума. Ставится вопрос об упрочении новых черт в сознании, индивидуалистских тенденций как основе мировидения. Акцентируется внимание на том, что диссонанс в уровнях социальной дифференциации, материального достатка и общественного статуса легли в основу ментального размежевания производственной верхушки, представителей менеджмента и рабочего класса. Автор обращает внимание на то, что со стороны трудящихся особенно остро воспринимались проникающие в быт и трудовую сферу жизни явления семейственности, клановости, кумовства и блата. Негативные реакции рабочих усиливали реалии жизни: дефицит, жилищный вопрос как проблему социального обустройства, изжившую себя систему заработной платы. Отмечается, что общественными нишами, в которых плотно укоренились обычаи и традиции, в большей степени связанные со злободневными и остросоциальными процессами, стали институты власти, собственности и торговли. Исследователь приходит к выводу, что к 1980-м гг. ввиду прохождения этапов дальнейшего идейного, социального и экономического разграничения, отделения личности от рабочего коллектива, обособления элиты и определенной изоляции его рядовых членов в производственной среде усиливались буржуазные стремления и идеалы накопительства.

Ключевые слова: производственный социум, рабочие, труд, трудящиеся, повседневность, менталитет, сознание, трансформация российского общества.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ «Трансформация российского общества 1950–1990-х гг.: классовый генезис и эволюция экономического устройства», проект № 19-18-00269

Для цитирования: Столетова А.С. Обычай и менталитет производственного социума в реалиях повседневности 1960–80-х гг. (на примере интерпретации архивных материалов фонда РГАНИ) // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 61–70. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-61-70>

Research Article

CUSTOM AND MENTALITY OF PRODUCTION SOCIETAS IN THE REALITIES OF EVERYDAY LIFE IN THE 1960S-80S (An interpretation of archive materials from the Russian State Archive of Contemporary History)

Anna S. Stoletova, Candidate of Historical Sciences, Vologda State University, Vereshchagin Vologda State Dairy Farming Academy, Vologda, Russia, Stoletowa-A-S@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2167-072X>

Abstract. Based on the sources of the Russian State Archive of Modern History, the article describes the establishment and operation of customs in the socio-economic life of the second half of the 20th century, which influence the everyday life, attitude and worldview of the production (industrial) part of Russian societatas. The question is raised about the consolidation of new features in consciousness, individualistic tendencies as the basis of the worldview. Attention is focused on the fact that the dissonance in the levels of social differentiation, material wealth and social status formed the basis of the mental separation of the production elite, representatives of management and the working class. The author draws attention to the fact that the phenomena of nepotism, clannishness, favours and thuggery that penetrate into everyday life and the labour sphere of life were especially negatively perceived by the workers. The negative reactions of the workers were reinforced by the realities of life – the deficit, the housing issue as a problem of social arrangement, the outdated wage system. It is noted that the public niches in which customs and traditions were firmly rooted, were to a greater extent connected with topical and acute social processes, including the institutions of power, property and trade. The researcher comes to the conclusion

that by the 1980s, due to the passage of the stages of further ideological, social and economic differentiation, the separation of the individual from the working collective, the isolation of the elite and a certain isolation of its ordinary members in the production environment, bourgeois aspirations and ideals of hoarding were growing stronger.

Keywords: production societies, workers, labour, workers, everyday life, mentality, consciousness, transformation of Russian society.

Acknowledgments. The study was supported by the RSF “Transformation of Russian society of the 1950–1990s: class genesis and the evolution of the economic system”, project No. 19-18-00269

For citation: Stoletova A.S. Custom and mentality of production societies in the realities of everyday life in the 1960s-80s (An interpretation of archive materials from the Russian State Archive of Contemporary History). Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 61–70 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-61-70>

Повествование о повседневных представлениях и традициях в государственном экономическом устройстве, на наш взгляд, неразрывно связано с соотношением понятий «обычай» и «менталитет», а также трансформационными маневрами внутри этих категорий. Проблема обоснования жизнеспособности существования обычаев, их вызревания, становления и эволюции, перестройки и переформатирования мышления, сознания, а соответственно, ментальных свойств и качеств российского общества напрямую связана с вопросом изучения быта, социально-материальных, духовных и психологических сюжетов, идеалов, ориентаций и норм поведения, характеристик и закономерностей обыденности второй половины XX в. Общественное мнение середины 1950-х гг. уже свидетельствовало о социальном расслоении в советском обществе. В 1960–80-е гг. высокий уровень публичной бдительности охватывал институты собственности и семьи, сферу торговли. Череда событий второй половины XX в., травмирующих социальную стабильность, вызвала ломку традиционных взглядов и представлений о советской повседневности, благоустроенности и образе жизни, финансовом благополучии, жилищном вопросе. Закономерно этим процессам общественные горизонты испытывали разного рода преломления. Культурная, социально-экономическая, политическая динамика способствовала появлению нового поколения элит, обновленной партноменклатурной системы. Вместе с тем эволюционирующие интересы, социальные ориентации и нравственные ориентиры правящей когорты защищались и реализовывались с помощью особых механизмов. Преобразования ментального плана среди так называемых «высших» категорий данной социальной страты стали настолько явными и глубокими, что «низшие» производственники, сталкиваясь с поведенческими особенностями действий и стереотипами мировоззрения руководителей, испытывали не только стремление купировать негативные новшества социально-экономического поведения, но и разочарование, некий идеологический слом, часто влекущий за собой утверждение частнособственнических идеалов.

В последнее время производственный социум стал объектом пристального внимания профессоров

М.А. Безнина и Т.М. Димони, кандидата исторических наук Ю.С. Никифорова. Исследователи вводят соответствующую терминологию: производственная протобуржуазия, «надпроизводственный» и производственный менеджмент [Безнин, Димони 2019: 437–453; Безнин, Димони 2020а: 42–60; Безнин, Димони 2020в: 36–63; Никифоров; 76–81]. В настоящем изыскании мы попытаемся сконцентрироваться на особенностях менталитета и вкраплении обычаев в жизнь трудящегося сегмента, трансформирующих социалистические идеи и идеалы. Отметим, что данная статья не претендует на описание особенностей мировоззрения рабочих советских республик, безусловно, коренным образом отличающихся по ментальности. Вместе с тем в исследовании будут показаны и продемонстрированы общие, однотипные черты развития производственного социума, в том числе на региональном материале.

Итак, начиная с 1960-х гг. в повседневности и обыденности бытования рабочего коллектива укоренились новые традиции. Вектором эволюции послужили злободневные противоречия трудовой жизни, а также образы и социально-психологические портреты должностных лиц в измерении и видении трудящихся. Размежеванию производственного социума [Столетова 2021: 17–21] способствовала экономическая конъюнктура: торговая деятельность, ее теневые стороны, спектр спекулятивных операций и широкая распространенность хищений и растрат имущества. Традиционализм российской экономической культуры определял ценность персонифицированных связей. Поэтому большое распространение получают явления *кумовства, землячества, блат*, постепенно перерастая в устойчивый обычай социально-экономической действительности второй половины XX в. Данные феномены являлись конкурентными и живыми ячейками системы и нередко определяли статус людей всех социальных страт и классов. Примечательно, что использование полезных связей прочно вошло в шаблон жизни, мысль о возможной влиятельной поддержке в обмен на услуги фиксировалась в сознании людей. Поэтому указанные нормы оказались крепко вплетены в экономическую практику общества, где обнаруживались предпринимательские навыки советских обывателей. Их внедрение соседствовало с трансфор-

мацией ценностных характеристик, искажением нравственного поля граждан, противопоставлении законной власти и власти традиций.

Наиболее часто *землячество регистрировалось при утверждении в должности. При этом имели распространение разного рода злоупотребления служебным положением*. Вариаций ситуаций, когда близкие и дружеские отношения решали исход того или иного дела, было множество. Особенно явно данный сегмент, по свидетельствам эпистолярных источников, проявлялся среди деятелей руководящего штата, номенклатурных работников. В письме от коммунистов из Карачаево-Черкесской автономной области от 31 марта 1975 г., предназначенном генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу сообщалось: «От правильной расстановки кадров зависит многое. Однако, к примеру, первый секретарь Прикубанского райкома КПСС – взяточник и демагог, разваливает работу. Любит поговорить об учете деловых политических качеств при выдвижении кадров, а сам нарушает этот принцип, выдвигая на должности своих родственников, друзей, тех, кто беспрекословно поддерживает. С негодными кадрами он расправляется. Второй секретарь обкома также наполнил идеологические учреждения своими родственниками, друзьями, приятелями. Пока будут иметь вес и поддерживаться Крайкомом КПСС такие руководители, умеющие пускать пыль в глаза, втираться в доверие, наша область будет и дальше двигаться вперед медленно»¹. В записке от члена КПСС, председателя Морозовского райисполкома Ростовской области А.С. Баладжан, адресуемой Л.И. Брежневу и датированной 30 апреля 1975 г., также обозначен случай «нарушения ленинских принципов подбора, расстановки и воспитания кадров». Так, «в Морозовский район Ростовской области прибыл гражданин Н.А. Лубежский – тесть первого секретаря райкома партии. Лубежский был принят инструктором райкома партии, а затем рекомендован секретарем парткома в экономически крепкий колхоз “Борец за коммунизм”. В жертву землячеству приносилось партийное отношение к подбору кадров»². В письме без подписи, направленном в газету «Правда» в 1975 г., говорилось о неблагонадежности биографии секретаря Центрального комитета партии по идеологическим вопросам Туркменистана. В документе зарегистрировано: «Большинство руководителей приближенные люди. Это Комитет печати, Туркменинформ, Туркмениздателство, Полиграфкомбинат, газеты и журналы. Иначе говоря, в этой отрасли создан узкий семейный круг. При этом печатные полиграфические организации работают из рук вон плохо. Газеты, журналы, книги доходят до трудящихся с большим опозданием»³. В письме от П.З. Магомедова и К.С. Османова из Махачкалы (середина 1970-х гг.) отмечалось:

«... часто на руководящие и материально ответственные посты назначаются люди по знакомству и личной выгоде. В этих серьезных упущениях повинны, в первую очередь, бюро обкома КПСС и его первый секретарь, Совет Министров ДАССР и его председатель»⁴. В большинстве обозначенных и иных обследованных писем фонда РГАНИ делаются выводы об уроне, наносимом обычаем землячества и злоупотреблением его применения в той или иной организации, отрасли, области, республике, в том числе обвиняются представители «высшего» класса российского общества, советская протобуржуазия.

Элемент использования семейных связей при распределении квартир, постройке жилья – следующий принцип, ставший шаблоном жизни 1960–80-х гг. Категория советских управленцев тяготела к усилению своего материального статуса посредством овладения недвижимостью. По свидетельствам очевидцев, деятели административного аппарата в данном отношении зачастую пренебрегали порядочными поступками и действиями. О подобном явлении рассказывает письмо без подписи (середина 1970-х гг.) следующего характера: «Все его [первый секретарь Волгоградского обкома КПСС] сестры, дети, племянники получили квартиры в центре города, а знакомые генералы получают их за хорошую “благодарность”»⁵. Аналогичные процессы фиксировала гражданка Д.Г. Магомедова (колхоз «Правда» Кельбаджарского района Азербайджанской ССР) в первой половине 1980-х гг.: «Наш земляк К.А. Щукюров построил себе дом-дворец за 200 тыс. рублей, а оформил его на имя своего дяди. На имена подставных людей приобрел 5 автомашин. Покрывает все махинации прокурор района, который является его приятелем»⁶.

Особенно явно внедрялись в общественную жизнь *факты проявления землячества, кумовства при организации торговли и установлении торговых связей*. При этом особым индикатором времени являлся рынок дефицитных товаров, ставший в свою очередь основой для развития сектора «теневого» экономики. Послабления в угоду приятельским контактам или родственным отношениям приобретали широкий размах, определяли торгово-финансовый интерес, а соответственно, и «вес» человека в данной системе координат. Подобная традиция нашла отражение в жизнедеятельности административно-управленческого аппарата села и разного рода служащих производственного звена. К примеру, корреспондент газеты «Молот» В. Молчанов 3 июля 1973 г. в ответ на письмо в редакцию, составленное трудящимися совхоза «Плодопитомнический» Морозовского района Ростовской области, совершил выезд на предприятие для проведения детальной проверки. «Руководители нашего совхоза больше пекутся не о выполне-

нии планов, а о своем благополучии. Много государственной продукции уходит на сторону», – отмечали жители района⁷. В. Молчанов определил, что совхоз не справлялся со снабжением фруктами и овощами жителей Морозовска и других городов, так как главной отрасли не отводилось ведущего внимания. В 1972 г. было реализовано 290 центнеров фруктов при плане в 3500 центнеров. «Ежегодно, как только начинается созревание плодов, в совхозе настоящее паломничество. Минуты государственные заготовительные пункты, овощи и фрукты с ведома руководителей хозяйства идут к друзьям, родственникам и разным должностным лицам. В то время как торговля этой продукцией разрешалась на месте только после выполнения государственного заказа. Порой отпуск продукции ведется без меры и веса. Только по учетным бухгалтерией данным ушло на сторону 368 центнеров, или на 348 центнеров больше, чем сдано государству. Удивительно то, что неправильный путь приобретения для себя продукции избрали те товарищи (работники районных организаций), которые обязаны добиваться от каждого хозяйства соблюдения государственной дисциплины», – подчеркивал журналист⁸. Обозреватель обозначил также и то, что «секретарь партбюро показывал зачастую отрицательный пример. В заготовительный сезон он только и делал, что организовывал снабжение овощами и фруктами многочисленных родственников, не имеющих никакого отношения к совхозу»⁹. Таким образом, продукция совхоза, и не только упомянутого в письме, обходила государственные заготовительные пункты. В результате устанавливающихся обычаев дефицит товаров возрастал, рабочие совхозов, не имеющие возможности участвовать в «распределении» продукции, оказывались чрезвычайно стесненной в социально-материальном плане категорией. Рабочий В. Николаев из села Виловатово Горно-Марийского района Марийской АССР писал в «Советскую торговлю» в 1975 г. о том, что такие дефицитные товары, как ковры, холодильники, куртки, мясные консервы, цемент можно было приобрести по запискам и в результате личного распоряжения председателя совхозрабкооп¹⁰. Представители колхозного и совхозного производственного сообщества часто сообщали в «Советскую торговлю» о недостатках устанавливающихся принципов и образа жизни, скудном рационе питания и грубых нарушениях при продаже дефицитных изделий. Судя по источникам за 1975 г., обыкновением времени стало явление отпусков товаров из-под прилавков, по знакомству, а также «с черного хода», с баз и складов по запискам торговых руководителей¹¹.

Обобщая сказанное, подчеркнем, что проблема смены жизненных стандартов во властных структурах, связанная с расширением сфер, куда проника-

ли блат, так называемые «полезные связи» и расчёт, тревожила граждан. Тем не менее «традиционалистский» строй мышления и политико-экономическая конъюнктура оказывали влияние на разрастание феномена пользовательской взаимовыручки [Столетова 2020б: 408]. В целом же отметим, что «блат» – это устойчивая реальность, присутствовавшая во всех уровнях общественной жизни второй половины XX в. «Не имей сто рублей, а имей сто друзей» [Бабашкин: 282–283], – поговорка, как нельзя точно измеряющая ценностные характеристики рассматриваемого времени.

Рост единоличных устремлений отдельных лиц порождал дальнейшие всевозможные нарушения принципов советской торговли, что, безусловно, отражалось на мышлении советских граждан, осмыслении бытия. В фокусе внимания обывателей находился процесс, связанный со скоплением в торговых организациях неходовых товаров, отсутствием в продаже продукции, на которую имелся спрос. В данной связи нельзя не сказать о том, что частной проблемой выступает тема эволюции обыденности экономической жизни и ментальная революция в советском социуме [Безнин, Димони 2020б: 190]. Нельзя не согласиться с доводами А.В. Шубина о том, что с течением времени дефицит превратился в острейший социально-психологический вопрос повседневности, а рост уровня доходов населения постепенно превращался в фактор кризиса. Растущая зарплата не покрывалась товарным обеспечением [Шубин: 151–152, 620]. Значительное количество злоупотреблений производилось во время реализации дефицитных бытовых предметов, мебели. Явление взяточничества распространялось в торгующих, снабженческих и заготовительных организациях, в особенности при назначении на значимые должности или при распределении фондов на товары повышенного спроса. В среде электората выдвигались разнообразные мнения о том, как повлиять на возникшую ситуацию, связанную с организацией теневых производств и торговых предприятий. «В порядке раздумий старого хозяйственника хочется высказать некоторые соображения. На базах и складах накапливается громадное количество неходовых изделий. Проводятся уценки. Народное хозяйство несет ущерб. И все потому, что производитель, выпускающий негодную продукцию, не отвечает за это материально. Следует всемерно развивать сеть фирменных магазинов обувных, швейных, трикотажных, кондитерских и других производственных объединений. Выпуская высококачественную продукцию, предприятие будет процветать. И, наоборот – при выпуске неходовых товаров сразу почувствует финансовые трудности, вынуждено будет безотлагательно устранять свои упущения. Наконец, с пользой для экономики страны будут ликвидированы торги, снаб-

и другие посреднические организации», – рассуждал в 1975 г. в письме в ЦК КПСС гражданин Голь из Ленинграда¹². Продолжая эти размышления, гражданин Шинко из Одессы в письме за 1975 г. заявлял: «В нашей стране до сих пор производится очень много неходовых товаров. Мало помогает их реализации так называемая продажа “в нагрузку”, когда залежалые вещи продаются в комплекте с товарами, пользующимися повышенным спросом. Надо изучать и анализировать спрос населения, своевременно и оперативно корректировать план производства. Ведь неиспользуемые возможности в этом деле оборачиваются омертвлением значительных денежных средств, что наносит немалый урон экономике страны»¹³.

В сложившихся обстоятельствах потребности населения формировали особые нелегальные виды предоставления услуг, капиталистическая суть которых была связана с установлением завышенной стоимости на предлагаемые товары. Так, новой формой предоставления ходовых и дефицитных товаров стал *поквартирный обход с каким-либо торговым предложением*. Явление, перерастающее в устойчивую форму бытия, часто вызывало глубокое неприятие. В данной связи показательно письмо Н.М. Соколовой из Краснодара за 1980 г. Читательница «Правды» задавалась вопросом: «Как объяснить тот факт, что вечерами по домам ходят люди и предлагают дефицитные товары. Значит, есть все это на базарах, только не поступает на прилавки, а распределяется торговыми работниками между собой. Подобная картина стала наблюдаться за последнее время с мощными средствами. В магазинах нет, а по домам ходят целые делегации, не успеваешь двери за ними закрывать. Мы уже знаем: каждый вечер будут звонить спекулянты и предлагать дефицитные товары. Почему с этим явлением никто не борется?»¹⁴.

Одним из распространенных нарушений в сфере торгового дела со стороны хозяйственников и обслуживающего персонала являлся *обсчет, обвес и обмер* покупателей, а также уже упоминаемая выше продажа товаров «в нагрузку». Данные действия имели глубокую историю, а с течением времени стали укоренившимся явлением. Скупщики товара издавна использовали различные способы обмера и обвеса крестьян-продавцов [Слепнев: 219]. Традиция имела свое развитие как в городе, так и в деревне. В записке «О партийно-политической работе на предприятиях торговли и общественного питания Пензенской области» от 1960 г. констатировалось, что злоупотребления в регионе стали нормой, с чем примирились и чему потворствовали руководители магазинов¹⁵. Покупательница Ларинкова из Липецка в 1975 г. сообщила в газету «Советская торговля»: «Нет сил больше терпеть то безобразие, которое творится в магазине № 100 “Прогресс”. Грубость, обвес, обсчет – вот

что царит в этом магазине. Молоко, сметану, творог никогда не купишь неразведенными. Никогда не увидишь за прилавком флягу. За сметаной ходят в подсобку с ведерком. Взять любой отдел, кроме кондитерского, грубость, обвес. В кассе – обсчет. Директора в магазине никогда не видно. Администраторы ругаются с продавцами и покупателями на весь магазин. На замечания о товаре отвечают: “не нравится, не берите”»¹⁶. Л. Багненко из села Пятихатки Херсонской области в 1975 г. отмечала: «Продавец магазина пускает по 2 человека, остальные стоят во дворе. А на счет обчетов, обвешивания – тут она тоже мастер»¹⁷. О недостойном поведении заведующей отделом продовольственного магазина № 1 сообщила покупательница из Полтавской области. Автор письма от 1975 г. сетовала: «Если берешь черного хлеба 2 буханки, то обязан в нагрузку взять буханку белого хлеба»¹⁸.

Документы РГАНИ за 1960–80-е гг. свидетельствуют о том, что расточительство, халатность, транжирство, бесхозяйственность, некачественный и недобросовестный труд, антиобщественный образ жизни, отсутствие бережливости, туеядство, паразитирование за счет родственников имели достаточно широкое распространение как нормы жизни в среде управленцев, рабочих и служащих. В институт рынка, в частности, по причине несформированности нормативной базы вкраплялся определенный тип поведения, отношений и контактов, связанных с перепродажей товаров и установлением наценок, реализации товаров «по связям». При этом часто страдали рядовые сотрудники торговых предприятий и производств, на долю которых списывались недостатки. В свою очередь рядовые покупатели получали некачественный товар либо испытывали лишения от его нехватки. Происходил поворот от коллективистских (присущих идеологии социализма) к узкоклассовым идеалам, коммерциализации деятельности.

«Продать – купить, обойти правила торговли, пойти на обман, но только бы прорваться к автомобильному прилавку», – подобные схемы обрисованы во множестве фельетонов, характеризовавших деятельность тех или иных управленцев¹⁹. Автомобильная тема долгое время была в эпицентре партийных разбирательств разных уровней, а вместе с тем волновала свидетелей происходящего. Коммунисты из г. Иджевана Армянской ССР писали в «Правду» в 1979 г., что председатель Иджеванского горисполкома, взяв в свои руки распределение поступающих в продажу автомашин, с каждого покупателя брал 2 тыс. рублей сверх стоимости машины. 98 тысяч рублей остались в карманах участников «операции». Когда дело раскрылось, многих наказали, однако руководитель остался на своем посту²⁰. В том же году в «Правду» писал С. Ахмедшин из г. Белорецка Башкирской АССР. Автор признавал: «Не отличается наш секре-

тарь горкома КПСС скромностью – государственные машины превращает в личные, а личные продает»²¹. Рабочая группа Суздальского совхоза из г. Горячий Ключ Краснодарского края оповещала в 1980 г. редакцию «Правды»: «Второй секретарь горкома партии распределял легковые автомобили по выгодным людям и таким способом продал более 30 машин»²². В ключе данных рассуждений необходимо упомянуть о сегменте роли государства в данном процессе. По мнению С.Г. Кордонского, Россия всегда являлась ресурсным государством, в котором ресурсы распределялись между сословиями. «Существовали сословия наиболее важные для социалистического строительства. Они получали несравнимо больше ресурсов, чем относительно менее важные. Кому-то полагались мандарины, говяжья вырезка и импортный кофе, а кто-то должен был благодарить партию и вести личное подсобное хозяйство», – писал ученый [Кордонский: 49, 59]. Согласно изысканиям О.Э. Бессоновой, совокупность «сдач» в сочетании с совокупностью «раздач» непрерывно корректировались жалобами на нарушение норм сбора ресурсов-сдач и норм раздач [Бессонова; Кордонский: 49]. Как отмечала, Е.С. Балабанова: «Институты пожалований и жалоб обусловили приспособление к специфическим каналам получения материальных благ – не через независимость и свободную конкуренцию, а через лояльность к власти (материальные блага не “зарабатывались”, а “заслуживались”»». «Раздаточная» экономика и служебная организация труда формировала преобладание в сознании людей веры в верховную власть [Балабанова; 72]. Однако образы начальников предприятий и колхозно-совхозных производств не всегда соответствовали народным идеалам. Например, повесть «Сирота» писателя А.Я. Яшина, изданная в 1963 г., обнажает персонажей колхозных руководителей иного типа. Так, глава колхоза «Красный Боровик» Прокофий Кузьмич твердо усвоил, что он полный «хозяин колхоза»: и земли, и колхозного имущества, и самих колхозных рабочих и колхозного производства. Взятничеством председатель занимался систематически. В стиль его общения прочно вошли приказ, ругань, издевка, угрозы. Этот невежественный стиль управления призвал героя повести А. Яшина Шуру иронично назвать колхоз «Красный Боровик» артелью «Напрасный труд» [Столетова 2020а: 416–417]. Дело в том, что отношение к вверенному в управление достоянию и имуществу в среде протобуржуазии, в частности в кругу промышленных и сельскохозяйственных руководителей предприятий, связывалось с владельческими позициями хозяина, консервацией собственнических понятий и стяжательских настроений. Как отмечала Е.С. Балабанова, «наделение собственностью человека в раздаточной экономике означало его «привязывание»

к государству. Строго говоря, в национальной экономике преобладали не столько отношения собственности, сколько владения, поскольку все слои населения в той или иной форме были законодательно прикреплены к земле». Автор справедливо обозначила факт того, что раздаточная экономика определяла условный характер владения собственностью, а условия этого владения не исчерпывались формальными требованиями исполнения государственных обязанностей, но в значительной степени определялись произволом государства и его представителей. Поэтому в России борьба за экономические ресурсы заключалась не столько в получении их в собственность, сколько в захвате контроля над их распределением. В данных условиях на вершине экономической иерархии оказались не собственники, но распорядители ресурсов [Балабанова: 73, 74].

Обобщая сказанное, отметим, что на протяжении второй половины XX в. обновлялась психология хозяйственного управления, опирающаяся на экономическое сознание, модернизировалась общественно-психологическая сторона экономической жизни, а сообразно движению капитализации изменилось отношение к комфорту и обеспеченному быту. Явления землячества, кумовства, блата и ситуации систематического нарушения принципов советской торговли отражали процесс нравственного перерождения социальной психологии и эстетики труда советских граждан. Конечно, нельзя не принять во внимание личностные особенности и разнообразие психологических регуляторов поведения представителей производственной сферы. Однако источниковый материал дает основание полагать, что к 1980-м гг. потребительский идеал рабочих и служащих, производственных интеллектуалов (по подобию производственной протобуржуазии, производственного и надпроизводственного менеджмента) трансформировался в сторону накопительства материальных средств и собственности, при этом традиционные ментальные скрепы продолжали оставаться устойчивыми. Граждане писали о важности совместного досуга среди соседей, индивидуальный быт еще не укоренился в сознании людей (люди тяготели к жизни в бытовых коммунах), изолированность вызывала депрессивные чувства [Столетова 2020б: 410]. В тоже время в рабочей среде к 1980-м гг. прочно укрепились представления и осознание себя как класса, не связанного с деревней. Так, в документе «О недостатках в работе партийных организаций Пермской области...» указывалось, что в колхозе им. Ленина (Пермская область) работал гражданин Григорьев. «Росли доходы колхоза, улучшалась и жизнь Григорьева. Однако личные интересы стали преобладать над общественными. В колхозе он работал всего 2–3 месяца в году, искал высоких заработков. Тем временем он расширил свое

хозяйство. На рынке он сбывал овощи, мясо, молоко, мед. Когда о нем вспомнили в партийной организации и в райкоме КПСС, было уже поздно. Григорьев заявил: «Да я, пожалуй, не подхожу для партии»²³. Закономерно, что в роли источника дополнительного дохода рассматривалось не только личное подсобное хозяйство, но и работа в лесной отрасли. Например, многие колхозники Краснокамского района Пермской области, имея хорошие добротные дома и достаточную жилую площадь, строили вторые дома. Всю свободную жилплощадь они сдавали в аренду под детские учреждения и дачи, получая от этого доход до 5 тыс. рублей за сезон²⁴.

Укажем, что в центре исследования находится период, когда происходили серьезные реформы в экономике, поворот к обсуждению рыночных механизмов экономического развития. Это оказывало мощное влияние на ментальное восприятие. Письменные источники свидетельствуют, что объем хищений характеризовался масштабностью, в них участвовало довольно значительное количество граждан от управленцев до разного рода служащих. В свою очередь этот факт говорит о том, что собственность как категория являлась одной из площадок развития новой специфической черты в парадигме взглядов поколения второй половины XX в. В архивных документах изобилуют сведения по этому поводу. В информационной записке «О недостатках в работе партийных организаций Пермской области по воспитанию коммунистического отношения к труду» от 1960 г. отмечалось, что «под маркой кооператива застройщиков индивидуальных домов в строительном тресте № 11 г. Перми длительное время орудовали расхитители социалистической собственности во главе с прорабом Щадричевым. Руководство имело сигналы от рабочих, что «кооператив» расхищает социалистическую собственность, использует технику, механизмы для строительства личных домов. Однако общественные организации не только не призвали к порядку расхитителей народного добра, но даже взяли их под защиту»²⁵.

Пользование общественным имуществом, средствами производства и той или иной продукцией нередко рассматривалось как возможная сфера для материального обогащения. Коллективное сознание, выработанное в условиях экономической и политической нестабильности, ориентировало человека на потребительство. Мобилизационная идеология «общего дела» и эталон построения общества на принципах справедливости, солидарности, корпоративной взаимопомощи постепенно нивелировались, интересы смещались в сторону преумножения личного благосостояния. При этом одним из важнейших вопросов, волнующих обывателей, являлась тема внесения корректив в систему заработной платы, которая, как показывают

источники, к середине 1970-х гг. нуждалась в серьезном реформировании. В данной сфере также установились свои негласные законы и обычаи. Выступления против многих из них присутствуют в письмах. Авторы сообщений в ЦК КПСС в целях экономии средств и совершенствования организации работы считали целесообразными к рассмотрению проблемы сокращения управленческого аппарата, упразднения лишних звеньев в министерствах, ведомствах, предприятиях, а также рационального распределения премиального фонда, устранения причин низкого уровня производительности труда и др. Так, в письме за 1975 г. предавался раздумьям экономист Шафирович из Свердловска: «Сдельная оплата труда порой отрицательно сказывалась на качестве выпускаемой продукции. Бывает, что люди не знают, за что им дают премию. Где-то по какому-то пункту предприятие выполнило план, и всем начисляются премии. А правильно ли это? Многие предприятия прекрасно приспособились за счет сокращения номенклатуры выпускаемой продукции и срыва договорных обязательств выполнять планы и получать премии. Такое становится возможным потому, что с предприятия спрашивают реализацию продукции в суммарном выражении. Основным критерием, определяющим работу предприятия, должно быть безусловное выполнение договорных обязательств, соблюдение качества, номенклатуры, сроков поставки, а отсюда – и премии»²⁶. «В настоящее время в ряде отраслей народного хозяйства производительность труда еще не достигла необходимого уровня. Одна из причин этого кроется в отсутствии у работающих непосредственной заинтересованности в ее росте. “Как платят, так и работаю”, – можно услышать очень часто. В целях повышения производительности труда следовало бы при тех же фондах заработной платы отказаться от ограничений размеров средней заработной платы. Этим мы создадим условия, при которых люди будут работать в полную силу», – отмечал в 1975 г. гражданин Рогов из Ростова-на-Дону²⁷. «На многих предприятиях немало рабочих занято производительным трудом лишь по 5–6 часов в смену. Остальное время уходит на многочисленные перекуры, разговоры, подготовку и уборку рабочего места. Существующая система оплаты не стимулирует рост производительности труда. Добросовестно относящиеся к работе осуждают такую систему, считают ее тормозом в повышении эффективности производства», – говорилось в письме гражданина Сидорова из Гомеля за 1975 г.²⁸ В письме из Москвы от анонимного автора указывалось, что «много где бытует порочная практика совместительства, зачисления в штаты “мертвых душ”. Есть примеры, когда люди числятся инженерами и зарплату получают как инженеры, а работают фактически машинистка-

ми, делопроизводителями и т. п. Так по “мелочам” разбазариваются десятки и сотни тысяч рублей народных денег. А этого не должно быть»²⁹. В значительном объеме писем отмечены ситуации, связанные с необходимостью применения мер воздействия к недисциплинированным работникам, активизации борьбы с туеядством и разгильдяйством, так называемыми “летунами”, ввиду множественности и разрастания данных явлений³⁰. «Поймите – это крик души руководителя одного из небольших предприятий. Я уже более 20 лет работаю с людьми и вижу, что разболтанность принимает угрожающие размеры», – сообщил в 1975 г. гражданин Хорош из Курганской области³¹.

Подводя итог, отметим, что начиная с 1960-х гг. и на протяжении советского периода в государственной экономике утверждались новые обычаи. Особенно явно это просматривалось в институтах власти, рынка и собственности. Обычай действовал синхронно с законом. Расхожий тезис «общественное – это ничье» давал старт распространению хищений социалистической собственности и присвоению имущества. В контексте размышлений отметим, что вопросы собственности в социальной системе советского общества принадлежали к числу ключевых. Как государственная, так и общественная охрана народного достояния являлись необходимыми элементами полноценного жизнеобеспечения социума. Такого мнения придерживались представители сельских рабочих, городского рабочего класса, служащих, пенсионеры, производственные интеллектуалы, сообщавшие во властные структуры о тех или иных нарушениях, связанных с хищениями, воровством, денежными махинациями, и требовавшие социальной справедливости. Стоит обозначить, что отношение к хищениям отличалось разноплановым и разноаспектным восприятием. Трудящиеся достаточно спокойно относились к небольшому воровству на производстве, нередко считая их нормой, но присвоения в торговой сфере вызывали устойчиво неодобрительную реакцию. В жалобах и письменных сообщениях в основном фигурировали имена ответственных лиц, начальников и всех тех, кто, как правило, имел доступ к материальным ресурсам. По свидетельствам эпистолярных источников, запущенный коррупционный механизм являлся основой внедрения новых устоев, часто связанных с негативной стороной ментальных свойств и качеств, в итоге приведших к вызреванию индивидуалистских начал, единоличных мотивов сознания производственной элиты и производственного менеджмента. Эти условия стали основой размежевания среди категорий производственного социума.

Черты мировоззрения рабочего класса рознились с представлениями производственной протобуржуа-

зии. Все большие проявления семейственности, клановости, кумовства, землячества, блатов, личностного разложения, сопредельность власти и высокого уровня материального достатка вызывали неприятие со стороны рядовых трудящихся. Люди, противящиеся установлению порядков и практик, транслируемых теми или иными должностными лицами, подвергались разного рода ограничениям и стеснениям, что заставляло многих закрывать глаза на происходящее. Жизнеспособность приверженности обычаям, установившимся в советский период, подтверждает эмпирическое исследование А.Ю. Согомонова, согласно которому наиболее допустимый способ достижения успеха в постсоветской России – «пойти на правовые нарушения, но не пренебречь при этом обычаями, традициями» [Барсукова: 59–60]. Социальные ситуации, связанные с утверждением тех или иных лиц в должности, распределением квартир, организацией хищений, спекулятивных форм деятельности, торговых предложений и установлением торговых связей порождали внедрение и культивацию негласных общественных законов. Их укоренение соседствовало с искажением мировоззренческих представлений граждан, разрастающимся явлением туеядства, нежеланием работать на благо государства. Авторы писем во власть улавливали эти импульсы, представляли проекты необходимых изменений, на их взгляд, направленных на пресечение развития нежелательных для производственного социума и советского общества традиций. Однако, как показало время, обывателям вряд ли удалось оказать серьезное влияние на ход исторических событий и закономерностей.

Примечания

- ¹ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 68. Д. 267. Л. 64, 66, 67.
- ² Там же. Л. 75.
- ³ Там же. Л. 110.
- ⁴ Там же. Л. 57.
- ⁵ Там же. Л. 98.
- ⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 90. Д. 432. Л. 2–3.
- ⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 68. Д. 267. Л. 76.
- ⁸ Там же. Л. 76–77.
- ⁹ Там же. Л. 77.
- ¹⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 68. Д. 1030. Л. 22.
- ¹¹ Там же. Л. 60, 61, 111–113.
- ¹² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 68. Д. 2178. Л. 38–39.
- ¹³ Там же. Л. 39.
- ¹⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 77. Д. 418. Л. 16–17.
- ¹⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 74. Л. 25–26.
- ¹⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 68. Д. 1030. Л. 114.
- ¹⁷ Там же. Л. 115.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ См., например: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 68. Д. 267. Л. 99.

- ²⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 77. Д. 68. Л. 3–4.
²¹ Там же. Л. 29.
²² Там же. Л. 31.
²³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 76. Л. 4–5.
²⁴ Там же. Л. 6.
²⁵ Там же. Л. 2–3.
²⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 68. Д. 2178. Л. 39.
²⁷ Там же. Л. 40.
²⁸ Там же.
²⁹ Там же. Л. 41.
³⁰ Там же. Л. 42.
³¹ Там же.

Список литературы

Бабашкин В.В. Крестьянский менталитет как системообразующий фактор советского общества // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): материалы междунар. конф. Москва: РОССПЭН, 1996. С. 276–284.

Балабанова Е.С. Особенности российской экономической ментальности // Мир России. 2001. № 3. С. 67–77.

Барсукова С.Ю. Неформальная экономика и система ценностей россиян // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 57–62.

Безнин М.А., Димони Т.М. «Надпроизводственный» менеджмент в советской экономике (1930–1980-е гг.) // Вопросы истории. 2020а. № 10 (2). С. 42–60.

Безнин М.А., Димони Т.М. Коллективная капиталистическая собственность в институциональном устройстве России 1930–1980-х гг. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020б. Т. 13. № 4. С. 186–201. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.11.

Безнин М.А., Димони Т.М. Производственный менеджмент в советской экономике 1930–1980-х годов // Социально-экономическое развитие России во второй половине XX века: истоки, взгляды, процессы: материалы Междунар. науч. конф.; Вологда, 14–15 октября 2020 г. Вологда: ВоГУ, 2020в. С. 36–63.

Безнин М.А., Димони Т.М. Советская протобуржуазия: генезис высшего класса российского общества // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 2. С. 437–453. DOI 10.21638/11701/spbu24.2019.209.

Бессонова О.Э. Раздаточная экономика России эволюция через трансформации. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 144 с.

Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России // Мир России. 2008. № 3. С. 37–66.

Никифоров Ю.С. Региональные и отраслевые аспекты неравенства и правового размежевания производственного социума в позднем СССР (1950–1980) // Вестник Костромского государственного универси-

тета. 2021. Т. 27. № 2. С. 76–81. DOI 10.34216/1998-0817-2021-27-2-76-81.

Слепнев И.Н. Новые рыночные реалии и их преломление в менталитете пореформенного крестьянства // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): материалы междунар. конф. Москва: РОССПЭН, 1996. С. 215–227.

Столетова А.С. История трансформации уклада деревенской жизни в повести А.Я. Яшина «Сирота», осмысленная эмигрантом Т.К. Чугуновым // Эмиграция как текст культуры: историческое наследие и современность: сб. науч. ст. Budapest: Selmeczi Bt.; Киров: Радуга-Пресс, 2020а. С. 412–419.

Столетова А.С. Материальное положение советских граждан в зеркале общественного мнения 1960–1980-х годов (по данным писем в центральные органы власти и СМИ) // Научный диалог. 2020б. № 3. С. 402–422. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-402-422.

Столетова А.С. Размежевание производственного социума в условиях новой обыденности 1950-х гг. (на примере писем рабочих в ЦК КПСС) // Вестник Вологодского государственного университета. Сер.: Исторические и филологические науки. 2021. № 2 (21). С. 17–21.

Шубин А.В. От «застоя» к реформам. СССР в 1917–1985 гг. Москва: РОССПЭН, 2001. 766 с.

References

Babashkin V.V. Krest'yanskij mentalitet kak sistemoobrazuyushchij faktor sovetskogo obshchestva [Peasant mentality as a system-forming factor of Soviet society]. *Mentalitet i agrarnoe razvitie Rossii (XIX–XX vv.): materialy mezhdunarodnoj konferencii* [The mentality and agrarian development of Russia (XIX–XX centuries): materials of the international Conference]. Moscow: ROSSPEN Publ., 1996, pp. 276–284. (In Russ.)

Balabanova E.S. Osobennosti rossijskoj ekonomicheskoj mental'nosti [Features of the Russian economic mentality]. *Mir Rossii* [The World of Russia], 2001, № 3, pp. 67–77. (In Russ.)

Barsukova S.YU. Neformal'naya ekonomika i sistema cennostej rossiyan [Informal economy and the system of values of Russians]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2001, № 1, pp. 57–62. (In Russ.)

Beznin M.A., Dimoni T.M. «Nadproduzvodstvennyj» menedzhment v sovetskoj ekonomike (1930–1980-e gg.) [“Above-production” management in the Soviet economy (1930–1980-ies)]. *Voprosy istorii* [Questions of history], 2020a, № 10 (2), pp. 42–60. (In Russ.)

Beznin M.A., Dimoni T.M. Kollektivnaya kapitalisticheskaya sobstvennost' v institucional'nom ustrojstve Rossii 1930–1980-h gg. [Collective capitalist property in the institutional structure of Russia in the 1930s–1980s.]. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty,*

tendencii, prognoz [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2020b, vol. 13, № 4, pp. 186–201. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.11. (In Russ.)

Beznin M.A., Dimoni T.M. *Proizvodstvennyj menedzhment v sovetskoj ekonomike 1930 – 1980-h godov* [Production management in the Soviet economy of the 1930s-1980s]. *Social'no-ekonomicheskoe razvitiie Rossii vo vtoroj polovine HKH veka: istoki, vzglyady, processy: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Socio-economic development of Russia in the second half of the twentieth century: origins, views, processes: materials of the International Scientific Conference], Vologda, 14–15 oktyabrya 2020 g. Vologda, VoGU, 2020v, pp. 36–63. (In Russ.)

Beznin M.A., Dimoni T.M. *Sovetskaya protoburzhuaziya: genezis vysshego klassa rossijskogo obshchestva* [The Soviet Proto-bourgeoisie: the genesis of the Upper class of Russian society]. *Novejshaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia], 2019, vol. 9, № 2, pp. 437–453. DOI 10.21638/11701/spbu24.2019.209. (In Russ.)

Bessonova O.E. *Razdatochnaya ekonomika Rossii evolyuciya cherez transformacii* [The distribution economy of Russia evolution through transformation]. Moscow, Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN) Publ., 2006, 144 p. (In Russ.)

Kordonskij S.G. *Soslovnaya struktura postsovetskoj Rossii* [The estate structure of post-Soviet Russia]. *Mir Rossii* [The World of Russia], 2008, № 3, pp. 37–66. (In Russ.)

Nikiforov YU.S. *Regional'nye i otraslevye aspekty neravenstva i pravovogo razmezhevaniya proizvodstvennogo sociuma v pozdnem SSSR (1950-1980)* [Regional and sectoral aspects of inequality and the legal division of industrial society in the late USSR (1950-1980)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kostroma State University], 2021, vol. 27, № 2, pp. 76–81. DOI 10.34216/1998-0817-2021-27-2-76-81. (In Russ.)

Slepnev I.N. *Novye rynochnye realii i ih prelomlenie v mentalitete poreformennogo krest'yanstva* [New market realities and their refraction in the mentality of the post-Reform peasantry]. *Mentalitet i agrarnoe razvitiie Rossii (XIX–XX vv.)*. *Materialy mezhdunarodnoj konfer-*

encii [The mentality and agrarian development of Russia (XIX-XX centuries): materials of the international Conference]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1996, pp. 215–227. (In Russ.)

Stoletova A.S. *Istoriya transformacii uklada derevenskoj zhizni v povesti A.Ya. Yashina «Sirota», osmyslennaya emigrantom T.K. CHugunovym* [The history of the transformation of the way of village life in the story of A. Ya. Yashin “The Orphan”, comprehended by the emigrant T.K. Chugunov]. *Emigraciya kak tekst kul'tury: istoricheskoe nasledie i sovremennost': sbornik nauchnyh statej* [Emigration as a text of culture: historical heritage and modernity: a collection of scientific articles], Budapesht, Selmeczi Bt. Publ.; Kirov, Raduga-Press Publ., 2020a, pp. 412–419. (In Russ.)

Stoletova A.S. *Material'noe polozhenie sovetskikh grazhdan v zerkale obshchestvennogo mneniya 1960–1980-h godov (po dannym pisem v central'nye organy vlasti i SMI)* [The financial situation of Soviet citizens in the mirror of public opinion of the 1960s-1980s (according to letters to the central authorities and the media)]. *Nauchnyj dialog* [Scientific Dialogue], 2020b, № 3, pp. 402–422. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-402-422. (In Russ.)

Stoletova A.S. *Razmezhevanie proizvodstvennogo sociuma v usloviyah novej obydenosti 1950-h gg. (na primere pisem rabochih v CK KPSS)* [The division of the industrial society in the conditions of the new everyday life of the 1950s (on the example of workers' letters to the Central Committee of the CPSU)]. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoričeskie i filologičeskie nauki* [Bulletin of the Vologda State University. Series: Historical and Philological Sciences], 2021, № 2 (21), pp. 17–21. (In Russ.)

SHubin A.V. *Ot «zastoya» k reformam. SSSR v 1917–1985 gg.* [From “stagnation” to reforms. The USSR in 1917-1985]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001, 766 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 29.04.2021; одобрена после рецензирования 03.07.2021; принята к публикации 18.05.2021.

The article was submitted 29.04.2021; approved after reviewing 03.07.2021; accepted for publication 18.05.2021.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 71–76. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 71–76. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 82.01

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-71-76>

АЛЕКСАНДР ВЕСЕЛОВСКИЙ О МИФЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДИПЛОМНОЙ РАБОТЫ УЧЕНОГО (на материалах из личного архива ученого)

Говенько Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия, govenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1296-8399>

Аннотация. В предлагаемой статье рассматриваются основные положения дипломной работы выдающего русского филолога А.Н. Веселовского. Этот труд относится к раннему периоду его научного творчества. Он никогда не был опубликован и хранится в архиве ученого в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук. В этой работе еще нет места развернутой критике доктринам «мифологии природы» и «сравнительной мифологии», но вполне очевидны приоритеты Веселовского в выборе индуктивного метода и метода сравнительного анализа в изучении мифа. В ходе исследования им даны антропологические трактовки мифического процесса, затронуты вопросы исторического генезиса символа волка в античной мифологии, сделан обширный сравнительный экскурс в мировую культуру. В статье отмечается, что, выдвинув на первый план проблему смены парадигм мировоззрения, Веселовский выделил три значимых периода в эволюции мифа, символа, образа волка и аргументировал свою точку зрения примерами. Этот текст представляет для нас особый интерес, так как свидетельствует о том, что уже в студенческие годы Веселовский отказался от гипотетических экскурсов «мифологической школы» в пользу культурно-исторического и сравнительно-типологического толкования источников и признал за мифом исходную модель познания человеком окружающего мира, со свойственной ей оригинальной синкретической структурой, эстетическим назначением, историей и эволюцией. Этого принципа, как можно убедиться по его более поздним трудам, он придерживался и впоследствии.

Ключевые слова: А.Н. Веселовский, античная мифология, символ волка, антропология, исторический генезис, эволюция мифа и сознания, мировая культура

Для цитирования: Говенько Т.В. Александр Веселовский о мифе: концептуально-методологические аспекты дипломной работы ученого (на материалах из личного архива ученого) // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 71–76. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-71-76>

Research Article

ALEXANDER VESELOVSKY ON THE MYTH: CONCEPTUAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE SCIENTIST'S THESIS (BASED ON MATERIALS FROM THE SCIENTIST'S PERSONAL ARCHIVE)

Tatyana V. Govenko, Candidate of Philological Sciences, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Pedagogical State University, Moscow, Russia, govenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1296-8399>

Abstract. The article deals with the main provisions of the thesis of the outstanding Russian philologist Alexander Veselovsky. This work belongs to the early period of his scientific work. It has never been published and is kept in the archive of the scientist in the Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences. In this work, there is still no place for a detailed criticism of the doctrines of «natural mythology» and «comparative mythology», but Alexander Veselovsky's priorities in choosing the inductive method and the method of comparative analysis in the study of myth are quite obvious. In the course of his research, he gave anthropological interpretations of the mythical process, touched upon the historical genesis of the wolf symbol in ancient mythology, and made an extensive comparative excursion into world culture. Bringing to the fore the problem of changing paradigms of worldview, Alexander Veselovsky identified three significant periods in the evolution of the myth – symbol and image of the wolf and argued his point of view with examples. This text is of particular interest to us, as it shows that even as a student Alexander Veselovsky abandoned

the hypothetical excursions of the «mythological school» in favour of cultural-historical and comparative-typological interpretation of sources and recognised the myth as the original model of human cognition of the surrounding world, with its syncretic structure, aesthetic purpose, history and evolution. This principle, as can be seen from his later writings, he had adhered to afterwards.

Keywords: Alexander Veselovsky, ancient mythology, wolf symbol, anthropology, historical genesis, evolution of myth & consciousness, world culture.

For citation: Tatyana V. Govenko. Alexander Veselovsky on the myth: conceptual and methodological aspects of the scientist's thesis (based on materials from the scientist's personal archive). Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 71–76 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-71-76>

Годы обучения А.Н. Веселовского в Московском Императорском университете пришлось на 1854–1858 гг. Согласно «Положению о производстве ученых степеней» того времени выпускник университета мог претендовать на степень кандидата, если ему удавалось достичь значительных успехов в учебе и защитить выпускную квалифицированную работу. Профилем Веселовский выбрал классическую филологию, а его научным руководителем стал профессор кафедры римской словесности и древности П.М. Леонтьев.

В 1850 г. Леонтьев защитил диссертацию «О поклонении Зевсу в Древней Греции», взяв за основу концепцию мифа Ф.В.Й. фон Шеллинга, лекции которого он посещал в Германии. Немецкий философ внес существенный вклад в теорию мифа, когда разграничил понятия «миф», «философема» и «сага». Историко-генетический анализ позволил Шеллингу выявить формальные признаки стадийного развития мифологии разных народов, привязав их исключительно к вере в теогонические силы, «благодаря которым сознание исконно есть полагающее Бога сознание» [Шеллинг: 355].

Опыт диалектического конструирования мифологии Шеллинга Леонтьев перенес на древнегреческий образ Зевса и обнаружил несколько этапов в его эволюции: первый – догосударственный, где Зевс почитался как идол, управляющий стихиями природы; второй – государственный, где он стал верховным богом «гражданской жизни», родоначальником династий, покровителем монархии, блюстителем закона; третий – символический, когда представление о Зевсе перешло от предмета «мифологического мышления к философскому» [Леонтьев: 342]. Попутно Леонтьев отметил, что изменениям «от первоначальных мрачных и боязливых пелагистических воззрений к той совершенно свободной и изящной форме, которая была им дана в центре собственно-гелленского поклонения, в Олимпии» [Леонтьев: 343], были подвержены не только боги, но и присущие им животные атрибуты. Поскольку сам Леонтьев не ставил перед собой задачу изучения этого аспекта, требующего «самого обширного исследования всех мифов и всех поклонений» [Леонтьев: 274], он предложил ее выпускникам историко-филологического отдела-

ния Александру Веселовскому и Владимиру Герье. Забегая вперед, надо сказать, что оба будущих ученых блестяще справились с заданием, за что были удостоены золотых медалей. По окончании университета Герье «стал готовиться к магистерскому экзамену по всеобщей истории» [Герье: 435] у С.М. Соловьева, а Веселовский – по всеобщей литературе у Ф.И. Буслаева.

Дипломная работа Веселовского опубликована не была. Черновик ее хранится в архиве ученого в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук¹. Сочинение носит название «De lupi et canis in mythologia graeca et romana partibus» («Волки и собаки в греческой и римской мифологии»). В тетради большого формата, датированной 1857 г., сначала размещен рукописный текст на русском языке, а потом – его перевод на латинский. В общей сложности рукопись занимает около ста страниц. Небольшой ее фрагмент был опубликован в 1979 г. К.И. Ровдой [Ровда: 189–190].

Научный стиль дипломной работы Веселовского отвечает требованиям того времени: он высоко-поэтичный и излишне образный. В качестве примера приведем отрывок из вступительной части: «Противоположность света и тьмы и постоянная, нескончаемая борьба того и другого начала, схваченная более или менее отвлеченно, смотря по степени исторического развития народов, – вот основная мысль арийских мифологий. Родственна с ней и с нею обок стоит другая мысль, глубокая, философски задуманная: о зарождении светлого начала из хтонического состояния тьмы, неустройства. <...> В этом веровании о происхождении света из недр тьмы – есть неоспоримое свидетельство исторического смысла в народе, его способности к развитию. Как из жесткого лона кремня высекается искра, так песнь рождается из глубоко-грустной души поэта, так высекается полоса света из облака тьмы, так из глубины довременного хаоса произошло творение, и поныне происходит всякий общественный порядок, когда в гармонии сойдутся разлаженные стихии. Но вот обособилось царство света и устроя, и начинается его борьба против хаотической тьмы, борьба без конца, высказавшегося в мире мифа целым рядом соответствующих сказаний»².

Однако с методологической точки зрения Веселовский уже в этом юном возрасте имел смелость бросить вызов «мифологической школе» и построить свое исследование не по принципу толкования «солнечных», «облачных», «звездных», «грозовых» и «туманных» мифов, а руководствуясь формальной логикой и культурно-историческим, а также сравнительным анализом конкретно волчьего субстрата в культе Аполлона.

В своих концептуальных изысканиях Веселовский, помимо Шеллинга, ориентировался также на Г.Ф. Крейцера. В трактате «*Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen*» («Символика и мифология древних народов, в особенности греческих») (1810–1812) немецкий филолог-классик описывал генезис мифа, опираясь не на теогонию, а на историю символа, и сделал важное заключение, что, пока содержание символа идентично гносеологическим потребностям общества, он выполняет мистическую функцию, но как только люди перестают в него верить, «символ переходит в разряд художественного образа, теряет свою трансцендентность и становится пластическим» [Creuzer: 987].

На взгляды молодого ученого оказали свое влияние и провокационные для того времени труды Л.А. Фейербаха (1804–1872) «*Das Wesen der Religion*» («Сущность религии») (1845) и «*Theogonie*» (Теогония) (1857). Мифологию и религию немецкий философ-материалист изучал с исторической и антропологической точек зрения, уделив особое внимание эмоциональному психогенезу. Фейербах утверждал, что именно страх перед стихиями природы и одновременно восхищение ею, а также зависимость от ее даров лежат в основе вымышленных существ и ситуаций, выдаваемых за саму действительность в мифе. Возможность их появления в формате вымышленного произведения он объяснял способностью человека к абстрактному мышлению, благодаря которому он извлекает из окружающего мира «то, что подобно, равно в предметах, обще им», и переносит «в качестве самостоятельного существа в их сущность» [Фейербах: 620]. Этот мыслительный механизм Фейербах коррелировал с общественным бытием: с его сложной и многообразной ритуальной системой поведенческих норм, познавательной, смыслообразующей, поэтической, законодательной, мировоззренческой, социальной и прочими видами деятельности.

Удивительно, но уже в это время молодой исследователь демонстрирует умелое владение несколькими современными ему методами: индуктивным, культурно-историческим и сравнительным. Наложив матрицу с периодизацией на античный культ Аполлона, он грамотно выявляет несколько стадий его развития от дуалистической конфронтации к культу Диониса, когда оба божества символизировали смену времен года и противопоставлялись как плодород-

ные/замерзание земли, поэтому в натуралистическом мифе Аполлон и Дионис выступали в качестве антагонистов – до их союзничества. «Вся первая половина той эпохи греческой мифологии, в которой представления Дионисийского и Аполлонического циклов восстают друг подле друга отдельными культами, вся эта половина полна слухом об их нескончаемой вражде, переживаний побед и поражений»³, – пишет Веселовский. Изменения в социально-политической и экономической сферах жизни в дальнейшем привели к перестройке религиозных представлений, и от «былых идеальных созданий Олимпа они шагнули в образы плотского, земного свойства»⁴, становясь союзниками. Таким образом, на ранней фазе мы наблюдаем Аполлона Ликейского – «божество по преимуществу ратующее, грозное»⁵, а на последней – Аполлона Делосского и Дельфийского, который занимает место солнечного бога, ориентированного на покровительство «врачеству» и «прорицаниям». Эти преобразования не обходят стороной и аполлонический символ волка: «понятый искони как атрибут бога борющегося, он мог отступить впоследствии от своего начального значения и в связи с прогрессом религии явиться последовательно эмблемой карающего существа, потом гонимого, наконец, в представлениях известного кружка – просто на просто символом света»⁶.

Важно отметить, что предметом исследования А.Н. Веселовского становится не только периодизация культа Аполлона, как это было, например, в диссертации П.М. Леонтьева, а проблема соотношения мифа, символа и образа в историческом развитии.

«Символ, – пишет Веселовский, – не есть позднейший привесок мифологического образа. <...> Символ и антропоморфический образ божества, которому придан этот символ, – не что иное, как различные аватары одной и той же сущности. Отсюда тесная взаимосвязь между ними, возможность одной заменить другую, значение одного прозревать в деятельности другого»⁷. Подобные соответствия в характере божества Аполлона и его символа-волка Веселовский объясняет их одинаковой гносеологической и аксиологической природой.

«Спросим язык современника той давней поры, язык, строящий название предмета сообразно с тем впечатлением, какое производит он на человека, сказать вернее, какое производил он на человека былого времени, богатого чутьем, живее и скорее нашего подававшего влияниям внешности и переводившего их в столь же живое и пластическое слово. Гений языка отметил в волке его грабительскую наклонность, в его характере – черту разрушения»⁸. В качестве доказательства А.Н. Веселовский приводит сравнительно-лингвистический срез слова «волк» на всех индо-европейских языках, а также обнаружи-

вает проявление «ликоизма» у всех носителей «волчьих имен»: Лика, Ликомеда, Ликурга и т. д., демонстрируя тем самым свои широкие познания в области сюжетики, героики и поэтики античной мифологии. Параллельно с этим Веселовский приходит к еще одному значимому выводу – о связи символа со средой бытования. «Символ, – отмечает он, – там имеет полное значение свое, где впервые нашел свою материальную оболочку; перенесите его в другую среду, которая не видела зарождения его, и он потеряет свою силу, свой смысл»⁹.

То, что символ волка оказался «тесно и необходимо» связан с культом Аполлона, А.Н. Веселовский считает вполне логичным, поскольку «богу, борющемуся по преимуществу, нужен был пластический символ, который, чтобы выразить собой весь смысл этой борьбы, соединил бы все условия победы: мужество, отвагу, стремительность, склонность к разрушению, неразлучную от победы материальной силы над нематериальной. Мне кажется, что именно в этом смысле присоединен был символ волка к первобытной личности Ликейского бога, – пишет А.Н. Веселовский. – Лучшего выбора, кажется, не мог сделать европейский человек: действительно в мире зверей, окружающих его, ни одно животное не выдавалось так вперед качествами, необходимыми для ликейского символа, и вместе с тем не стояло так близко под рукой при своей распространенности, особенно в былое время»¹⁰. То есть волк становится символом Аполлона по ассоциации, или, как ученый назовет этот прием позже, по принципу смыслового параллелизма.

По свидетельству древних историков, своей популярности культ Аполлона Ликейского достиг с пришествием Дана из Египта в Аргос, чье воцарение ознаменовалось видением, в котором волк одержал победу над быком. В этот период, как полагали многие мифологи, в результате культурного трансфера египетских мифов, где иероглиф волка соответствовал солярному знаку, наблюдается переход волка от темного хтонического существа к светлому защитнику правды. Однако Веселовский эту точку зрения не разделяет. Он подробно пересказывает содержание дошедших до нас античных преданий и высказывает гипотезу о том, что древний символ волка мог естественным путем обратиться к свету, к идее плодородия и производительности и указывает на предпосылки к этому. «Место его в культе Марса-Луперка определилось вначале именно этим мрачным, отрицательным характером, и только вследствие одностороннего развития самой религии стал он носителем более мирных идей... <...> такое действие можно допустить в нашем случае, если в генетической последовательности провести соединение от божественной волчицы Луперки, питающей, плодоносящей, к позднейшей гетере Лупа»¹¹ и дальше – к Луперка-

лям, римским пастушеским праздникам очищения и плодородия в честь бога Луперка – покровителя стада от нападения волков. Как видим, Веселовский уже в этом возрасте проявляет себя глубокомысленным исследователем, который переходит к объяснению сходств заимствованием лишь в том случае, если не обнаружит причины подобного явления во внутреннем развитии традиции.

На следующем этапе своей работы молодой ученый переходит к выявлению типологических особенностей образа волка в фольклоре европейских народов. Сравнения аналогичных явлений приводят его к обобщающим выводам: волк – «персонализация силы разрушающей, губительной, силы тьмы в ее буквальной борьбе со светом, силой зимнего холода в ее противоположности с жаром и благодатью лета. В одной русской сказке волк прямо называется «темнотою»... <...> по преданиям западных славян царь-солнце борется с нечистой силой, которая нападает на него в виде волка... <...> сходное поверье у хоружан: папоротник, говорили они, расцветает в то время, когда солнце побеждает черного волка. <...> Народный язык осязательно выразил символическое отношение волка к зимней стуже и морозам, когда все продолжение времени от ноября до февраля назвал волчьим временем, а февраль – лютым: лютый, как мы видим, это преимущественный эпитет волка»¹². Другими словами, почти у всех народов волк занимал особое место в культе хтонических божеств, выступал эмблемой смерти и отрицания света, однако на более поздней стадии развития оказался наделен качествами солнечного божества и получил отражение в аграрной традиции: у германцев дух плодородия зерна звался «ржанным волком» и прятался в последнем снопе; славяне поклонялись Волчьему богу, рядились в его шкуру ради плодородия, изобилия, деторождения и приплода скота и т. д. Двойственная натура символа волка отразилась в поверьях об оборотнях-волкодлаках и даже в образе былинного богатыря-оборотня Волхва Всеславьевича (Вольга Святославовича). Покровителями волков были языческие боги: Один, Велес, Перун и т. д.; христианские святые: св. Георгий, св. Николай и другие.; народные святые: Егорий Храбрый, Тутьр и проч.

Дипломная работа Веселовского, бесспорно, демонстрирует широкий культурологический кругозор ее автора, знания им сюжетов мифов и сказок, героических сказаний, преданий и легенд, заклинаний и заговоров, загадок, пословиц и поговорок не только европейских, но и восточных народов. Принципиальное значение для исследования приобретают и его опыты в лингвистической компаративистике. Особый интерес он проявляет к «психологии мифического процесса» и к онтологической сути мифа. Вполне очевидно, что миф в его оценке – не примитивный

факт первобытной культуры, а самоорганизующаяся система, парадигма сознания, отражение форм социального существования человека, бытия древнего общества с его сложной и многообразной ритуальной системой поведенческих норм. Пристальное внимание А.Н. Веселовского уже здесь, в дипломной работе, обращено на то, что в первобытном мышлении «еще слиты неразделительно эстетические и научные представления человека о действительности»¹³, а его смыслопорождающая деятельность напрямую зависит от конститутивного мировидения.

Миф, напишет ученый позже, – это «не вымысел, а результат психического акта, столь же естественно, как всякое другое отправление душевной деятельности» [Веселовский 2006: 122], отличительными особенностями которого являются цикличное восприятие времени и синкретизм. Много лет спустя эта проблема станет центральной в творчестве французского философа-антрополога Л. Леви-Брюля. В труде «*La mentalité primitive*» («Первобытное мышление», 1922) он, как и Веселовский, ищет точки соприкосновения психологии и культуры и приходит к аналогичному решению: признать главным свойством «дологического» сознания партиципацию – синтетически-нерасчлененное состояние единства человека с окружающим миром.

Что касается исторического развития мифа, то, по мнению Веселовского, на архаической стадии он отвечал запросам социально-политической и хозяйственной деятельности, но как только в обществе накопилось достаточно опыта, «частные мифы сводятся, сливаются, мифы цвета и протяжения, мифы действия и страдания; между ними открывается генетическая связь, связь причин и следствий, пробуждается сознание организма» [Веселовский 1938: 50]. Естественным образом «историческое накопление впечатлений» [Веселовский 1938: 48], полагал Веселовский, ослабляет навык «воспринимать зараз целый комплекс впечатлений, массу подробностей» [Веселовский 1938: 49], и мифа, ограниченного «символической частностей» [Веселовский 1938: 50], становится недостаточно. Последующие за этим перемены в мировоззренческой парадигме – это «выражение социологических и народно-психологических законов, действующих в истории» [Веселовский 1940: 465] и неизменно получающих отражение в искусстве.

Впоследствии этому аспекту Веселовский посвятит не одну статью, где будет развивать мысль, что система ценностей и миропонимания периодически утрачивает свою силу, но номинально сохраняется в сюжетно-образных схемах, тематических моделях, стилистических клише, «неизменных формулах, далеко простирающихся в область истории, от современной поэзии к древней, к эпосу и мифу» [Веселовский 1938: 51]. Признание стратификации, считает

ученый, потенциально ставит перед наукой задачи структурно-функциональной экспликации и анализа смыслов через реконструкцию контекстов.

Подводя итоги, хочется еще раз указать на следующие моменты:

1. Уже в студенческие годы у Веселовского сформировался взгляд на миф как на исходную модель познания человеком реальности. В мифе он видел «особую форму субъективного восприятия явлений внешнего и в переносном смысле внутреннего мира» [Веселовский 2006: 122] и утверждал, что «мифический процесс присущ человеческой природе, как всякое другое психологическое отправление» [Веселовский 1938: 10].

2. Мифология имманента всем народностям: у одних ее сюжеты «доживают в символах и сказке, у других дали формы религиозному культу» [Веселовский 1940: 504].

3. История литературы требует ясного понимания «эволюции поэтического сознания и его форм» [Веселовский 2010: 57], и ее метод должен быть направлен в том числе и на выявление мифопоэтических компонентов в семантической и морфологической организации художественных и фольклорных текстов.

Примечания

¹ РО ИРЛИ РАН: Ф. 45. Оп. 1. Ед. хр. 2. 98 л.

² Там же. Л. 1.

³ Там же. Л. 29.

⁴ Там же. Л. 37.

⁵ Там же. Л. 2.

⁶ Там же. Л. 34.

⁷ Там же. Л. 8.

⁸ Там же. Л. 9.

⁹ Там же. Л. 4.

¹⁰ Там же. Л. 12.

¹¹ Там же. Л. 40.

¹² Там же. Л. 49–50.

¹³ Там же. Л. 51.

Список литературы

Веселовский А.Н. Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса (1868) // Собрание сочинений А.Н. Веселовского. М.; Л.: АН СССР, 1938. Т. XVI. С. 1–82.

Веселовский А.Н. Поэтика сюжетов // Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.; Л.: Художественная литература, 1940. 680 с.

Веселовский А.Н. Отчеты о заграничной командировке (1862–1864) // Веселовский А.Н. Избранное: На пути к исторической поэтике. М.: Автокнига, 2010. С. 39–76.

Веселовский А.Н. Определение поэзии // Веселовский А.Н. Избранное: Историческая поэтика. М.: РОССПЭН, 2006. С. 81–170.

Герье В.И. Грановский в биографическом очерке А. Станкевича // Вестник Европы. 1869. № 5. С. 424–440.

Леву-Брюль Л. Первобытное мышление. СПб.: Академический Проект, 2015. 432 с.

Леонтьев П.М. О поклонении Зевсу в Древней Греции. М., 1850. 344 с.

Ровда К.И. Александр Веселовский. Миф и символ / предисл., публ., примеч. К.И. Ровды // Русский фольклор. Л., 1979. Т. 19. С. 186–199.

Фейербах Л.А. Избранные философские произведения: в 2 т. М.: Политическая литература, 1955. 942 с.

Шеллинг Ф.В.Й. Введение в философию мифологии: собр. соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 2. 636 с.

Creuzer G.Fr. Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen. Leipzig, 1820, 1008 pp.

References

Veselovsky A.N. *Zametki i somneniya o sravnitel'nom izuchenii srednevekovogo eposa (1868)* [Notes and doubts about the comparative study of the medieval epic (1868)]. *Sobraniye sochineniy A.N. Veselovskogo* [Collected Works of A.N. Veselovsky]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1938, vol. 16, pp. 1–82. (In Russ.)

Veselovsky A.N. *Poetika syuzhetov* [Poetics of plots]. *Veselovsky A.N. Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1940. (In Russ.)

Veselovsky A.N. *Otchety o zagranichnoy komandirovke (1862–1864)* [Reports on a foreign business trip]. *Veselovskiy A.N. Izbrannoye: Na puti k istoricheskoy poetike* [Favorites: On the way to the historical poetics]. Moscow, Avtokniga Publ., 2010, pp. 39–76. (In Russ.)

Veselovsky A.N. *Opredeleniy poesii* [Definition of poetry]. *Veselovsky A.N. Izbrannoye: Istoricheskaya poetika* [Selected works: Historical poetics]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006, pp. 81–170. (In Russ.)

Gerye V.I. *Granovskiy v biograficheskom ocherke A. Stankevicha* [Granovsky in the biographical sketch of A. Stankevich]. *Vestnik Yevropy* [Bulletin of Europe], 1869, No. 5, pp. 424–440. (In Russ.)

LevyBruhl L. *Pervobytnoye myshleniye* [Primitive thinking]. St. Petersburg, Akademicheskii Proyekt Publ., 2015, 432 p. (In Russ.)

Leontyev P.M. *O poklonenii Zevsu v Drevney Gretsii* [About worshipping Zeus in ancient Greece]. Moscow, 1850, 344 p. (In Russ.)

Rovda K.I. Aleksandr Veselovskiy. *Mifi simvol* [Alexander Veselovsky. Myth and symbol]. *Predisloviye, publikatsiya, primechaniya K.I. Rovdy* [Preface, publication, notes K.I. Rovda]. *Russkiy folklor* [Russian folklore]. Leningrad, 1979, vol. 19, pp. 186–199. (In Russ.)

Feuerbach L.A. *Izbrannyye filosofskiye proizvedeniya: v 2 t.* [Selected philosophical works: in 2 vol.]. Moscow, Politicheskaya literatura Publ., 1955, 942 p. (In Russ.)

Schelling F.V.Y. *Vvedeniye v filosofiyu mifologii. Sobraniye sochineniy: v 2 t.* [Introduction to the philosophy of mythology. Collected Works: in 2 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1989, vol. 2, 636 p. (In Russ.)

Creuzer G.Fr. *Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen*. Leipzig, 1820, 1008 pp. (In Germ.)

Статья поступила в редакцию 28.04.2021; одобрена после рецензирования 17.06.2021; принята к публикации 18.08.2021.

The article was submitted 28.04.2021; approved after reviewing 17.06.2021; accepted for publication 18.08.2021.

ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЗАМЫСЕЛ «ПОВЕСТИ О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ БАТЫЕМ»

Первушин Михаил Викторович, кандидат филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, 1609pm@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1104-946X>

Аннотация. Статья раскрывает идейно-содержательный замысел одного из самых ярких памятников русской средневековой письменности – «Повести о разорении Рязани Батыем». Эта древнерусская повесть часто становилась предметом изучения литературоведов и историков. Вместе с тем она была чрезвычайно популярна и среди древнерусских книжников. Сохранилось более сотни списков этой «Повести». В статье анализируются предшествовавшие исследования, описываются некоторые выводы и ставятся нерешенные вопросы. Затем постепенно и последовательно рассматривается содержание самой «Повести». Делается обобщение эпического образа боя-пира. Доказывается его существование не только в указанной формуле «смертной чаши», а как задумка всего произведения. Именно этот образ в конечном итоге повлиял на его структуру, подчинил идейно-художественному замыслу автора. Таким образом, «Повесть о разорении Рязани Батыем» – продуманное героическое повествование о прошлом. Оно содержит целостную картину народной жизни и представляет в гармоническом единстве оригинальный художественный замысел – описание битвы как пира. Вместе с тем вся разбираемая «Повесть», согласно представленным в статье доказательствам, превращается в Похвалу, а не только ее последняя панегирическая часть. Основной смысл всего произведения преобразует рассказ о гибели Рязани в описание славы и величия всей Рязанской земли. Автор «Повести» окружает рязанский княжеский род ореолом святости. Он прославляет их, торжествуя на последних сладкоголосых аккордах всего повествования, полных «внутреннего пафоса».

Ключевые слова: древнерусская литература, князь, пир, Повесть о разорении Рязани Батыем, похвала, эпос.

Для цитирования: Первушин М.В. Идейно-художественный замысел «Повести о разорении Рязани Батыем» // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 77–85. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-77-85>

Research Article

IDEOLOGICAL AND ARTISTIC CONCEPT OF “THE TALE OF THE DESTRUCTION OF RIAZAN”

Mikhail V. Pervushin, Candidate of Philological Sciences, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, 1609pm@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1104-946X>

Abstract. The article reveals the ideological and substantive concept of one of the most striking monuments of Old Rus' (medieval) writing “The Tale of the Destruction of Riazan”. This old Rus' tale has often become the subject of study of literary scholars and historians. At the same time, it was extremely popular among the Old Rus' scribes. More than a hundred copies of this “Tale” have survived. The article draws attention to previous research. Some conclusions are described and unresolved questions are raised. Then the content of the “Tale” itself is gradually and consistently examined. The generalisation of the epic image of the feast battle is made. Its existence is proved not only in the indicated formula of the “death cup”, but as the idea of the whole work. It was this image that ultimately influenced its structure, subordinated the ideological and artistic conception of the author. Thus, “The Tale of the Destruction of Riazan” is a thoughtful heroic story about the past. It contains a holistic picture of the life of the people and presents in harmonious unity the original artistic concept – the description of the battle as a feast. At the same time, the entire “Tale” being analysed, according to the evidence presented in the article, turns into Praise, and not just its last panegyric part. The main meaning of the whole work transforms the story of the death of Riazan into a description of the glory and greatness of the entire Riazan land. The author of the “Tale” surrounds the Riazan princely family with an aura of holiness. He glorifies them, triumphing on the last sweet-voiced chords of the whole story, full of “inner pathos”.

Keywords: Old Rus' literature, prince, feast, “Tale of Destruction of Riazan”, praise, epic

For citation: Pervushin M.V. Ideological and artistic concept of “The Tale of the Destruction of Riazan”. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 77–85 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-77-85>

«Повесть о разорении Рязани Батыем» – яркий памятник русской средневековой письменности, носящий отчасти легендарный характер [Трофимова: 306–320] и принадлежащий сегодня к жанру «воинская повесть» или, как настаивают некоторые исследователи, «воинское повествование» [Лобакова 2020: 184–194].

Повесть сохранилась в поздних списках. Их не меньше сотни! И все они либо XVII, либо XVIII века [Лихачёв 1987: 332–333]. Это, безусловно, говорит о ее популярности в то время. Однако древнейший список – это рукопись середины XVI века Волоколамского собрания № 526 из отдела рукописей Российской государственной библиотеки (л. 229–258 об.).

Повесть была неоднократно издана Д.С. Лихачевым, и не только им [Лихачев 1949: 257–402; Повесть о разорении 1949: 5–29; Повесть о разорении 1981: 184–199; Похвала роду: 200–203; Ботош: 23–73]. Она часто становилась предметом исследования ученых, которые, с одной стороны, высоко и бесспорно оценивали ее художественное значение, а также влияние на другие произведения литературы, идущие следом¹, но, с другой стороны, полемизировали между собой насчет даты ее написания. Так, некоторые литературоведы вслед за Лихачевым указывают на вторую половину XIV или самое начало XV века как на время появления памятника [Дмитриев: 117–118; Трофимова: 306–308; Лобакова И.А. 1993а: 41]. Вместе с тем академик А.С. Орлов считал, что Повесть создана не ранее второй половины XV века [Орлов: 107]. Некоторые историки считают, что это произведение появилось еще позже – в первой половине [Амелькин: 51–52] или даже середине XVI века (1560 г.) [Клосс: 436–456].

Для решения поставленного в заголовке вопроса время создания памятника не принципиально. Однако направление влияния этого произведения на литературу последующего периода становится обратным, если принять его более позднее происхождение, а это, в свою очередь, может помочь объяснить некоторые вопросы структуры, художественных особенностей и замысла автора.

Исследуя Повесть, именно Лихачев первым отметил в ней образ битвы-пира: «Образ общей смертной чаши много раз как рефрен настойчиво повторяется в Повести. О смертной чаше, испить которую пришел перед битвой черед князю и дружине, говорят перед боем князья; образ смертной чаши доминирует в плачах» [Повесть о разорении 1949: 131]. Ученый не стал далее развивать свое наблюдение над эпическим образом, тем более что он не был прямо выделен в Повести, как, например, в «Слове о полку Игореве», где традиционная метафора «битва-пир» представлена наиболее ярко и к тому же названа своим именем: «Ту пирь докончаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую» [Слово о полку: 258].

Вслед за Лихачевым эту метафору о бое-пире повторяли все, кто так или иначе упоминал в своих исследованиях «Повесть о разорении Рязани Батыем». Но никто не шел далее этого наблюдения. Постараемся обобщить этот эпический образ, доказать его существование не только в указанной Лихачевым формуле «смертной чаши», а как задумку всего произведения, которая в конечном итоге повлияла на его структуру, подчинила ее идейно-художественному замыслу автора.

Отметим еще, что, читая Повесть, остается много вопросов к тексту, на которые даны либо неубедительные ответы предшествовавших исследователей, либо ответы вообще не даны. Например, интересное замечание исследовательницы И.А. Лобаковой. Она сравнила текст летописи с Повестью и указала, что «если в летописях сообщается, что рязанские князья бились в осаде, то в тексте Повести рассказано о том, что они как равные выступили навстречу велицей силе Батгья» [Лобакова И.А. 1997: 474]. Любопытный факт! По мнению ученого, такие действия соответствуют «идеальному представлению автора о том, как должно сражаться за Русь», но это объяснение совершенно бездоказательно. Скорее оно соответствует не представлениям средневекового автора, а пониманию исследовательницей идеальных представлений автора. Подобным образом можно объяснить весьма многое, по существу, – всё что угодно! Другие исследователи находят в тексте Повести несколько вставок – отрывков, которые якобы были туда привнесены насильно, изначально в ней не присутствовали и носили самостоятельный характер. Например, эпизод о Евпатии Коловрате, или рассказ о посылке Батгью даров, или повествование о мученической кончине Олега Красного и другие [Комарович 1946: 74–85; Комарович 1947: 57–72; Путилов: 118–139; Водовозов: 3–27]. Однако эти «вставки» тесно связаны с сюжетом Повести и являются органичной частью ее композиции². Постараемся это показать ниже, а пока отвлечемся от Повести и попытаемся описать, что значил пир для древнерусского человека.

Согласно М. Фасмеру, слово «пир» происходит от слова «пить» [Фасмер: 264] – пить ту самую чашу, о которой говорится и в Повести. И, конечно же, чаша эта на обычном пиру – задравная, но на пиру, который описывает автор Повести, она – смертная(!). Пир для средневекового сознания – это не только совместная трапеза за столом («застолье») в кругу близких родственников. В этот круг входил весь род. Сидели за стол по традиции «со всем родом», в том числе и с умершими, – это важно для дальнейшей аргументации. Именно пир был моделью идеальной семьи, рода, общества, государства. Он отражал идею «изобильного рая». Его глубинная семантика заключалась в наделении всех присутствующих гостей «до-

лей», определении «судьбы». Это такое совместное действие, которое влияло на благосостояние и судьбу всех его участников, в том числе и умерших, и, более того, использовалось для нейтрализации «чужого» [Морозов, Слепцова: 51]. Вместе с тем в традиции пира – это и веселье, и игра, и состязание, в которое вступают все участники застолья, в так называемое «тонкое общение с судьбой» [Морозов, Слепцова: 51; Богуславский: 150–152], которое и является сущностью любой игры. Пир в некотором роде и «шуточная война хозяина с гостями» [Платонов: 578]. Если вспомнить свадебный пир, то там мотив войны представлен с максимальной реальностью [Гура: 407].

Возвращаясь к Повести, отметим, что центральной темой разбираемого произведения является «бой как пир», но что за пир сравнивается с боем? Это не тот пир людской, как мы встречаем, пусть и с горькой иронией, в «Слове о полку Игореве», это не элемент игры, как на свадебном пире, это – пир Смерти! Именно Смерть (пишу с прописной, одушевляя ее, как и автор Повести) была главным гостем этого пира. Пир Смерти и попытка изобразить древнерусский автор в этом произведении, именно пир Смерти организовали рязанские князья для Батыя и его многочисленной армии.

«Каковы гости, таков и пир» – гласит русская народная поговорка [Даль: 113]. У средневекового человека, христианина, было особое отношение к смерти, более легкое с одной стороны (его она окружала значительно ближе, чем современного обывателя), но и более трепетное – это было для него таинством рождения, перехода в иную жизнь [Арьес; Русская философия; Kyll; Kiening: 1156–1190]. Пригласить Смерть на пир означало рискнуть, испытать судьбу, поиграть с жизнью и смертью. Только отчаянные смельчаки способны на такое – позвать саму Смерть на пир.

Именно такими смельчаками и были рязанские князья. Вот как о них отзывается автор Повести: «...удалцы и резвцы, узорочие резанское» (11)³, беспоконные, своевольные, резвые на походы, потехи, пиры... Рязанским князьям были свойственны и привычны подобные «мероприятия» как в качестве организаторов, так и в качестве участников. Лихачев отмечает, ссылаясь на исторические данные, что рязанские князья «скоры на кровопролитие» [Повесть о разорении 1949: 140]. Но при этом он же указывает на кажущееся ему противоречие, допущенное автором Повести в описании группового княжеского портрета: «Только при внимательном наблюдении можно заметить некоторые швы и спайки (в тексте Повести. – М. П.)... “на пирование тщивы”, но и “плоти угодие не творяще”» [Повесть о разорении. 1949: 136]. Противоречие исчезает, если учесть, о каких пирах идет здесь речь. Автор, наоборот, не противоре-

чит, а подсказывает читателю о тех пирах, в которых явно нет места «плотоугодию». Эта княжеская характеристика только еще больше подчеркивает дерзновение и смелость «паче меры храбрых» рязанцев, усердных на такие смертельные пиры.

Произведение начинается с попытки рязанского князя Юрия Ингоревича попросить помощи у великого князя Владимирского. Получив отказ, он «вскоре посла по братью свою» (9) для подготовки к пиру. Князь Юрий созывает всех удельных рязанских князей, причем многие из них уже умершие. Вспомним древнерусские традиции, о которых говорилось выше. Автор перечисляет некоторых из них по именам, а затем добавляет «и по прочии князи» (9). Таким образом, все рязанские князья – и живые, и мертвые – созваны на пир и становятся братьями, равными друг другу. И здесь автору не до исторической правды. Он равняет всех их между собой. Их судьбы становятся равнозначными и однозначными. Все они словно вышли из одной утробы. Все были рождены и воспитаны одной матерью – Рязанской землей. Все похожи друг на друга как близнецы-братья. Их черты характера отражаются друг в друге, словно в зеркале. Их единодушие оправдано и бесспорно. Подчеркнем, что «допущенные исторические неточности могут быть объяснены не эпической отдаленностью, а именно художественными задачами автора» [Любакова 1997: 474].

Мертвые князья, как и живые, участвуют в сощещании, выбирают для гостей дары: приношения для Батыя, первых жертв для Смерти. Кто эти первые жертвы? – посольство во главе с сыном князя Юрия Фёдором, которое отправляется после княжеского решения с приглашением гостя на пир.

Согласно дальнейшему авторскому повествованию, посольство имело успех. Все было задумано с убийственной точностью. Сначала Батый «охабися лестию не воевати» (10). В переводе Повести, опубликованной в «Библиотеке литературы Древней Руси», увы, дан неточный, не сказать неверный, перевод этой фразы – «неискренне обещал» [Повесть о разорении 1997: 141]. Если быть точным, то следовало бы фразу «охабися лестию» перевести так: «Был объят, охвачен лестью»⁴. И вот, такой подход к Батыю посольства рязанцев был верен и точен для той цели, ради которой они пришли к нему – пригласить на пир Смерти. Сам Батый был «лстив и немилосерд» (9), как его характеризовал выше автор, потому достаточно быстро распознал лесть, а с этим еще больше разгневался и с уже непоколебимым желанием «яряся-хваляся воевати» (10), что и нужно было посольству. Вот здесь и прозвучало приглашение Федора царю Батыю на пир – «аще нас преодолееши...» (10) то и всем нашим будешь владеть. Царь принял приглашение! Это была первая победа рязанцев!

Смерть князя Федора и отдание его «зверем и птицам на разтерзание» – первая жертва, первый дар на пире Смерти. Но не только главу посольства убивает Батый, а еще «и инех князей, нарочитых людей воинских побил» (10). Он словно торопится на этот пир, зная, что уже начались песни в его честь. А они действительно начались, как указывает автор: сначала «нача плакаться» великий князь Юрий «с великою княгинею, и со прочими княгинями, и з братею», а затем «плакашесь весь град на мног час» (10), поя о смерти Федора и его посольства.

Рязанский князь Юрий как гостеприимный хозяин не просто пригласил гостя на пир, но и должен был встретить его, а лучше трижды, так как по традиции гостю пира устраивали три встречи. Первая и главная из них – на границе владений. Это мы и находим в Повести! Князь, «едва отдохнув от великаго того плача и рыдания», собрал войско и заявил о начале пира: «Рече братии своей... аще... благая прияхом, то злая ли не потерпим? Лутче нам смертию живота купити... Се бо я, брат ваш, наперед вас изопью чашу смертную... (здесь словно вызов бросает Юрий своей братии, словно игру затевает, раззадоривает их к бою) И поидоша... и сretoша его <нечестиваго царя Батыя> близ предел резанских» (11).

Далее идет описание «встречи». Здесь же и первое угощение Батью: «Мнози бо силнии полки падоша... Царь Батый... возбоися». Но и себя не забывали «удальцы резвецы» рязанские. Один попробовал чашу, другой уже кричит оставшимся братьям: «Наперед нас чашу испил!» – словно завидует брату. И опять прочим: «А мы ли сея чаши не пьем?» (11). Действительно, создается впечатление пира, разгула, какого-то безумства, веселья, игры, но только опасной, смертельной, губительной. Об этом не забывает напоминать автор Повести, указывая читателю после каждого эпизода: «Равно умроша и едину чашу смертную пиша» (12 и др.).

Пир начался! Пир Смерти «без милости», как отмечает автор, трижды напоминая это читателю: «без милости» (12), «без милости» (12), «без милости» (13).

Батый ждал еще две встречи, столь же кровавые и беспощадные: одна в городах земли Рязанской (град Прьнеск, и град Бел, и Ижеславец), другая в самой Рязани. Автор точно строил структуру произведения согласно требованиям традиции пира.

На обычном пиру рекой текут мед и пиво... И чем богаче пир, тем полноводнее эта река. На этом пиру рекой «сильной» «течаше кровь христьянская», ведь только такая река и могла быть на пиру Смерти. Откуда кровь: «Многих граждан побиша, инех уязвиша, инии от великих трудов изнемогша... мечи исекоша... огню предаша... пожегоша... мнози от оружия падоша... многих людей... мечи исекоша... в реце потопиша... до остатка исекоша... пожгоша... разориша...

много крови пролияше» (12) – глаголы только из одного краткого отрывка Повести.

В Древней Руси пир являлся формой общественного сближения, выражающего торжество, победу, веселье. Пир устраивались для всех слоев общества – от князя до простого обывателя, даже нищего, который (хотя бы один, а, как правило, несколько) обязательно должен был присутствовать на пиру [Платонов: 577; Гуревич: 359–360]. Вспомним хотя бы пиры Владимира Святославича [Котляр: 69, 84, 173–174, 203–205] и пр. Автор Повести рисует ту же картину сближения князя, его семьи, его рода (!) с простыми горожанами, которые участвуют на одном пиру, в нашем случае – пиру Смерти, потому сближает их один и тот же конец, одна и та же чаша: «Все люди побита... и испи чашу смертную... равно... не оста во граде ни един живых: вси равно умроша и едину чашу смертную пиша... вси вкупе мертви лежаща...» (12–13). Массовость пира имела целью подчеркнуть торжественность и важность момента, ради которого этот пир созывался [Котляр: 204]. И чем он важнее, тем он и многолюднее.

На званом пиру по традиции хозяин старался накормить и напоить гостей, если возможно, так, чтобы они на ногах не стояли. Такие же обильные были и проводы с песнями и возлияниями. Напитков готовилось всегда с избытком, и вслед за гостями хозяин часто посылал им до нескольких ведер вин и мёдов, для нескудной дороги и веселого похмелья [Платонов: 577–578]. Батью этого не предвиделось, рязанцы не могли оказать ему такое гостеприимство не потому, что он их победил, а потому, что он их истребил. И реакция Батыя при взгляде на этот, по его мнению, оконченный пир Смерти вполне логична: «Возярися зело, и огорчися» (13), то есть опять ярость и гнев, никакого удовлетворения – пир не удался!

Однако он ошибался с проводами. «Некий от велмож резанских именем Еупатий Коловрат... гнаша скоро» (13), услышав, какой праздник затеяли его князья с Батыем. Именно он и песни спел прощальные – «воскрича в горести» (13). Именно он и чаши батыевым воинам поднес стремленные и забугорные – «посланы... тебя силна царя почтити и честна проводити, и честь тебе воздати. Да не подиви <т.е. не сердчай>, царю, не успевати наливати чаш на великую силу-рать» (13–14). Именно он же и честь воздал самой Смерти – «начаша сечи без милости... бяше нещадно, яко и мечи притупишася... сечаша их... бяше их нещадно... многих побил... ових на полы пресекаше, а иных до седла крояше... да многих... побил еси, и многие полки падоша» (13). Проводы оказались такими полноценными, такими сытыми, что батыевы воины «сташа, яко пьяны» (13) от «угощения». Сам Батый, казалось бы, удовлетворился проводами, насытился, сказав, вполне добродушно, без ярости и гнева: «Гораздо еси меня потчивал...» (14)⁵.

Отмечу особо, хотя уже и упоминал, что не обходится на пиру без песен. Да, и в Повести их хоть отбавляй. Об отдельных песнях-плачах уже было сказано, но если говорить в целом, то их насчитывают семь [Лобакова И.А. 1997: 474]. На одно несколькостраничное произведение это необычайно много. Некоторые из исследователей считают, что именно плач явился тем центром, вокруг которого развивается вся сюжетная канва Повести. Такого мнения придерживается, например, уже упоминаемая И.А. Евсева (Лобакова), которая, изучив формульный стиль Повести, утверждает, что центральной темой в ней «является тема плача» [Евсева: 124]. Однако с этим категорически нельзя согласиться. Здесь плач – это скорее песня, показатель пира, пира Смерти, один из необходимых, но недостаточных его элементов. «Когда пир, тогда и песни», – говорит нам в пословице народная мудрость [Даль: 113], но не наоборот. Кроме того, некоторые исследователи считают, что эпизод о Евпатии Коловрате является песенной вставкой в Повесть [Путилов: 118–139]. Другие видят все произведение как песню-плач автора [Лобакова И.А. 1997: 474]. Одно точно, что Повесть «изобилует народно-песенными мотивами и не вызывает никаких сомнений в своем эпическом происхождении» [Повесть о разорении 1949: 130].

После проводов гостя Евпатием пир Смерти подходит к завершению. Но он был бы не полноценен при отсутствии (даже истреблении) хозяина. Так как сейчас наступает время песен хозяйских – тихих, спокойных, где-то печальных – о расставании, о конце праздника, где-то радостных – о конце хлопотных дней. Время уборки в доме. Осталось найти хозяина. И такой находится, к удивлению читателя. Один из братьев – Ингварь Ингорович, вернувшись из Чернигова, где гостил, прибывает к концу пира.

Конечно, та картина, которую увидел оставшийся в живых князь, могла потрясти многих сильных мужей. «Кто бо не возплачетца толика погибели, или кто не возрыдает о селице народе людей православных, или кто не пожалит толико побитых великих государей, или кто не постонет такового пленения» (15), – пишет автор. И действительно, Ингварь Ингорович потрясен и, более того, чуть не погибает, согласно авторской задумке, так как ему удалось лицезреть саму госпожу Смерть, уходящую с пира последней: «...Видя... великую конечную погибель...» (15). Здесь же, в этом предложении, автор пишет далее о князе после такого смертельного зрелища: «...лежаща на земли, яко мертв» (15). Однако приобщиться к пиру Смерти ему не дали княжеские слуги, которые «едва отльеяша его, и носяша по ветру». Лишь только после этого «отдохну душа его в нем» (15).

Князь Ингварь, как и положено, поет завершающие пир песни. Он и «воскрича горько велием гла-

сом, яко груба распалаяся», и «погребе с плачем великим... и надгробное пеша... во псалмов и песней место: кричаще велми и рыдаше (то есть вместо положенных зауспокойных песнопений – крики и рыдания. – М. П.)... И плачяся безпрестано... всегда плач творяще... и плакася долг час» (15–17).

Неудивительно (потому что соответствует традициям пира) и то, что среди его печальных, горьких песен есть и другие, сладкие (слово, имеющее однозначное значение во всех словарях: «нечто приятное»). Хотя, конечно же, контрастом звучит на общем фоне авторское сравнение: «Возкричаша... яко сладкий арган вещающи» (15).

На этом Повесть завершается. Особо отметим еще раз ее цельность. «Бой как пир» автору, бесспорно, удался! Мы наблюдаем продуманное героическое повествование о прошлом, содержащее целостную картину народной жизни и представляющее в гармоническом единстве оригинальный художественный замысел – описание битвы как пира.

Однако вопрос, который возникает, думается, у каждого при прочтении такого произведения: какова была цель автора, зачем весь этот труд? У предшествовавших исследователей имелся ответ и на этот вопрос. Так, например, кто-то утверждает, что это «обвинительная речь патриота-народолюбца» [Комарович В.Л. 1946: 76]; кто-то решил, что Повесть крепко связана единой идеей «беззаветной, мужественной защиты родины от нашествия враг», в этом ее цель и смысл [Дмитриев: 122–123]; кто-то видит в ней лишь печальную картину «великой конечной погибели» [Лобакова И.А. 1997: 474], и именно этой главной идее подчинен исторический материал Повести. Все это так! И все же, кажется, что цель написания этого произведения надо искать в двух аспектах – пира и смерти. Ключ же к разгадке лежит в том «сладкоголосом органе», про который мы только что говорили, с учетом и идейно-художественного замысла произведения и его структуры.

Аспект пира заключается в том, что это не просто трапеза, не просто обед! Оба слова встречаются в древнерусских памятниках как некоторое противопоставление пиру. Например, «имеа на трапезы... и на пиры» (Житие Авраамия Смоленского) или «почаша звати его на пир... а он же позва к собе на обед» (Киевская летопись, про кн. Давида) и др. Пир – это торжество, это славление! Пир собирали для празднования определенного события, как правило, особого. И чем больше пир, тем большее значение имело празднуемое событие. Повторимся: пир в Древней Руси отражал модель идеальной семьи, рода, общества, государства. Он отражал идею «изобильного рая». Модель идеальной земли – земли Рязанской – и пытался нарисовать нам автор Повести.

В отношении аспекта смерти вряд ли будет преувеличением сказать, что она является главной про-

блемой бытия как всего человечества, так и каждой конкретной личности. С одной стороны, смерть есть непреложный и неизбежный факт, а с другой – тайна и вечный вопрос для всякого человека, приходящего в этот мир. Для средневекового сознания вопрос смерти был решен положительно – смерть приравнивалась к рождению в новую, иную, отличную от земной жизнь – жизнь небесную, жизнь с Богом и в Боге. Она же – «одна из важнейших тем летописного повествования» [Пауткин: 183]. Ярким примером тому является заключительная часть «Речи философа», которая оказала на Владимира Святославича неизгладимое впечатление. Ведь именно тогда, согласно летописцу, киевский князь задумался о грядущем и был соблазнен «красотой неизреченной», «весельем без конца» и «не умиранием во веки» [Пауткин: 183].

Цель, которую поставили себе герои пира Смерти, согласно автору Повести, была выполнена: «Лутче нам смертию живота купити» (11) – вот их слова. И действительно, никто из рязанцев не был побежден. Победить их не смогли, смогли только истребить. Они смертью покупают себе жизнь вечную, тот самый изобильный рай, что и символизирует пир, где уже не будет «умирания во веки»! И фактически Повесть о разорении превращается в Повесть о прославлении, о святости, в Похвалу, где просто необходим «сладкий арган». Тем более необходимо отметить, ссылаясь и на Лихачева, и на Пауткина, что среди добродетельных качеств князя современники выше всего ценили именно ратный труд, подвиг воина.

Структура разбираемого произведения, по наблюдению Н.С. Демковой, вторит структуре «летописной повести» [Лобакова И.А. 1997: 473–474]. И действительно, в тексте Повести сохраняются отдельные летописные приемы изложения: обстоятельство смерти князя (или князей, или гибель Рязани), плач по нему (или по ним), погребение (или погребения), похвала умершему (или похвала роду). А.А. Пауткин, рассуждая в том же ключе, что Демкова, отмечает, что организующим центром таких летописных повестей-статей является «некрологическая характеристика», информирующая о смерти правителя, так как «она обладает бесспорной жанровой определенностью, обособленностью и устойчивой традиционностью» [Пауткин: 189]. Согласимся с этим, но выделим шире: именно структура так называемой летописной повести, о которой говорят исследователи, цитированные выше, и есть структура княжеской Похвалы как определенного литературного канона [Аверинцев: 104–107] или, если угодно, категории, а не жанра. Скорее, внутри Похвалы можно выделить определенные жанровые явления (назовем их по-гречески): биография (как вариант – эпос, хроника), некролог, коммос, панегирик (хайретизм) и т. п. Именно Похвала, таким образом, становится

одним из устоявшихся повествовательных канонов русской средневековой литературы.

И разбираемая Повесть – это именно Похвала в определяемом выше смысле. Причем превращается в Похвалу вся Повесть, а не только ее последняя часть – панегирическая. Ибо основной смысл Повести делал ее не рассказом о гибели Рязани, а повествованием о славе и величии всей рязанской земли вообще и всех рязанских князей в частности, а гибель их и с ними Олега Красного (по Повести – первого русского князя, погибшего за веру) окружает ореолом святости всех «братьев», целую ветвь рязанских князей, которую и прославляет автор Повести, торжествуя на последних сладкоголосых аккордах всего повествования, полных «внутреннего пафоса» [Повесть о разорении 1949: 133] и характеризующих рязанских князей, родившихся уже для новой и вечной жизни.

Примечания

¹ Обычно называют такие памятники литературы, как летописная «Повесть о нашествии Тохтамыша», «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского», «Задонщина», «Сказание о Мамаевом побоище», «Повесть о взятии Царьграда турками» Нестора Искандера и др.

² Есть мнение и о единстве этих вставок с основным текстом, но, к сожалению, малоаргументированное [Дмитриев: 117–123].

³ Здесь и далее в тексте статьи в скобках после цитат стоят страницы изданного Лихачевым Волоколамского списка рукописи [Повесть о разорении 1949: 5–29].

⁴ Охобисся – остеречь, уклониться, обнимать, уязвить [Полный церковнославянский словарь: 400; Срезневский: 836–837]; охобить – охватить, окружить, огородить [Преображенский: 671].

⁵ Так, в ред. Распространенной редакции опущены слова, продолжающие эпическую тему битвы-пира, упоминание о смерти от руки Коловрата многих богатырей [Лобакова И.А. 1993b: 298].

Список литературы

Аверинцев С.С. Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации // Историческая поэтика: Итоги и перспективы изучения / под ред. М.Б. Храпченко и др. М.: Наука, 1986. С. 104–116.

Амелькин А. Когда «родился» Евпатий Коловрат // Родина. 1997. № 3–4. С. 48–52.

Аръес Р. Человек перед лицом смерти / под общ. ред. С.В. Оболенской. М.: Изд. группа «Прогресс» – «Прогресс-академия», 1992. 526 с.

Богуславский В.В. Пир // Славянская энциклопедия. XVII век: в 2 т. / авт.-сост. В.В. Богуславский. М.: Олма-Пресс, 2004. Т. 2. 783 с.

Ботош И. Текст Повести о разорении Рязани Батыем по Волоколамскому списку XVI в. (№ 523) //

Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1960. Т. 6. С. 23–73.

Водовозов Н.В. Повесть о разорении Рязани Батыем // Ученые записки МГПИ им. В.П. Потемкина. 1955. Т. 48: Кафедра русской литературы. Вып. 5. С. 3–27.

Гура А.В. Война // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. 584 с.

Гуревич А.Я. Пир // Словарь средневековой культуры / под общ. ред. А.Я. Гуревича. М.: РОССПЭН, 2003. 631 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.; М.: Изд. М.О. Вольф, 1882. Т. 3. 576 с.

Дмитриев Л.А. Литература первых лет монголо-татарского ига. 1237 год – конец XIII века // История русской литературы: в 4 т. Л.: Наука: Ленингр. отделение, 1980. Т. 1. С. 117–123.

Евсеева И.А. Анализ формульного стиля Повести о разорении Рязани Батыем // Рукописная традиция XVI–XIX вв. на Востоке России / отв. ред. Н.Н. Покровский и др. Новосибирск: Наука: Сибирское отделение, 1983. С. 120–125.

Клосс Б.М. Избранные труды. Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI вв. М.: Языки русской культуры, 2001. Т. 2. 488 с.

Комарович В.Л. К литературной истории Повести о Николе Зарайском // Труды Отдела древнерусской литературы / ред. В.П. Адрианова-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 5. С. 57–72.

Комарович В.Л. Рязанский летописный свод XIII в. // История русской литературы: в 10 т. / гл. ред.: П.И. Лебедев-Полянский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946, vol. 2, iss. 1, pp. 74–85.

Котляр Н.Ф. Княжеская служба в Киевской Руси. СПб.: Наука, 2017. 242 с.

Лихачев Д.С. Повести о Николе Зарайском (тексты) // Труды Отдела древнерусской литературы / ред. В.П. Адрианова-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 7. С. 257–406.

Лихачев Д.С. Повести о Николе Зарайском // Словарь книжности и книжников Древней Руси / отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, 1987. Вып. 1. С. 332–337.

Лобакова И.А. Воинское повествование и агиографическая традиция в литературе XVII в. (на материале Распространенной редакции «Повести о разорении Рязани Батыем») // Труды Отдела древнерусской литературы / отв. ред. Д.С. Лихачев. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993b. Т. 48. С. 297–303.

Лобакова И.А. Воинское повествование: актуальные проблемы становления и эволюции жанровой формы // Авраамиевская седмица: материалы междунауч. конф. «Чтения по истории и культуре Древней Руси в Смоленске», г. Смоленск, 11–13 сен-

тября 2019 г. / ред. А.В. Королькова и др. Смоленск: Свиток, 2020. Вып. 4. С. 184–194.

Лобакова И.А. Комментарии к публикации Повести о разорении Рязани Батыем // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева и др. СПб.: Наука, 1997. Т. 5. С. 472–479.

Лобакова И.А. Проблема соотношения старших редакций «Повести о разорении Рязани Батыем» // Труды Отдела древнерусской литературы / отв. ред. Д.С. Лихачев. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993a, vol. 46, pp. 36–52.

Морозов И.А., Слепцова И.С. Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина. М.: Индрик, 2004, 920 с.

Орлов А.С. Героические темы древней русской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945, 144 с.

Пауткин А.А. Беседы с летописцем. М.: Изд-во МГУ, 2002. 286 с.

Платонов О.А. Пир // Русский образ жизни / ред.-сост. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2007. 944 с.

Повесть о разорении Рязани Батыем / подг. текста, пер. и комм. Д.С. Лихачева // Памятники литературы Древней Руси. Вып. 3: XIII век / общ. ред. Л.А. Дмитриев и др. М.: Художественная литература, 1981. С. 184–199, 554–558.

Повесть о разорении Рязани Батыем // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева и др. СПб.: Наука, 1997. Т. 5. С. 140–155.

Повесть о разорении Рязани Батыем в 1237 г. / подг. текста, пер., статьи и комм. Д.С. Лихачева // Воинские повести Древней Руси / под ред. В.П. Адрианова-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 5–29, 119–142, 244–266, 284–295.

Полный церковнославянский словарь / сост. свящ. Григорий Дьяченко. М.: Отчий дом, 2004. 1120 с.

Похвала роду рязанских князей / подг. текста, пер. и комм. Д.С. Лихачева // Памятники литературы Древней Руси / общ. ред. Л.А. Дмитриев и др. М.: Художественная литература, 1981. Вып. 3. С. 200–203, 559–560.

Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка: в 3 т. М.: Тип. Г. Лиснера, Д. Совко, 1910. Т. 1. 674 с.

Путилов Б.Н. Песня о Евпатии Коловрате // Труды Отдела древнерусской литературы / отв. ред. Д.С. Лихачев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 11. С. 118–139.

Русская философия смерти: антология / сост. К.Г. Исупова. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. 662 с.

Слово о полку Игореве / подг. текста, перевод и комм. О.В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева и др. СПб.: Наука, 1997. Т. 4. 687 с.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1902. Т. 2. 1802 стб.

Трофимова Н.В. Поэтика и эволюция жанра древнерусской воинской повести: дис. ... докт. филол. наук. М., 2002. 451 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1971. Т. 3. 827 с.

Kiening Ch. Le double décomposé. Rencontres des vivants et des morts à la fin du Moyen Âge. Annales. Histoire, Sciences, Sociales, septembre-octobre, 1995, vol. 50, no. 5, pp. 1156–1190.

Kyll N. Tod, Grab, Begräbnisplatz, Totenfeier. Bonn, L. Röhrscheid, 1972, 210 s.

References

Averincev S.S. *Istoricheskaja podvizhnost' kategorii zhanra: opyt periodizacii* [Historical mobility of the category of genre: the experience of periodization]. *Istoricheskaja poetika: Itogi i perspektivy izuchenija* [Historical Poetics: Results and Prospects of Study], ed. by M.B. Hrapchenko. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 104–116. (In Russ.)

Amel'kin A. *Kogda «rodilsja» Evpatij Kolovrat* [When Evpatij Kolovrat was "born"]. *Rodina* [Homeland], 1997, № 3–4, pp. 48–52. (In Russ.)

Ar'es R. *Chelovek pered licom smerti* [Man in the face of death], ed. by S.V. Obolenskoj. Moscow, Progress, Progress-akademija Publ., 1992, 526 p. (In Russ.)

Boguslavskij V.V. *Piry* [Feasts]. *Slavjanskaja jenciklopedija. XVII vek: v 2 t.* [Slavic encyclopedia. 17th century: in 4 vols.], ed-comp. V.V. Boguslavskij. Moscow, Olma-Press Publ., 2004, vol. 2, 783 p. (In Russ.)

Botosh I. *Tekst Povesti o razorenii Rjazani Batyem po Volokolamskomu spisku XVI v. (№ 523)* [Text of the Tale of the ruin of Ryazan by Batu according to the Volokolamsk list of the 16th century]. *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Budapest, Akadémiai Kiadó Publ., 1960, vol. 6, pp. 23–73. (In Russ.)

Vodovozov N.V. *Povest' o razorenii Rjazani Batyem* [The Tale of the Ruin of Ryazan by Batu]. *Uchenye zapiski MGPI im. V.P. Potemkina* [Scientific notes of the Moscow State Pedagogical Institute. V.P. Potemkin], 1955, vol. 48, part 5, pp. 3–27. (In Russ.)

Gura A.V. *Vojna* [The War]. *Slavjanskije drevnosti. Jetnolingvisticheski slovar': v 5 t.* [The Slavic antiquities. The Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols.], ed. by N.I. Tolstoj. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija Publ., 1995, vol. 1, 584 p. (In Russ.)

Gurevich A.Ja. *Pir* [The Feast]. *Slovar' srednevekovoj kul'tury* [Dictionary of Medieval Culture], ed. by A.Ja. Gurevich. Moscow, ROSSPJeN Publ., 2003, 631 p. (In Russ.)

Dal' V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka: v 4 t.* [Dictionary of the living Russian language: in 4 vols.]. St. Petersburg; Moscow, Publ. M.O. Vol'f, 1882, vol. 3, 576 p. (In Russ.)

Dmitriev L.A. *Literatura pervyh let mongolo-tatarskogo iga. 1237 god – konec XIII veka* [Literature of the first years of the Mongol-Tatar yoke. 1237 – late 13th century]. *Istorija russkoj literatury: v 4 t.* [History of Russian literature: in 5 vols.]. Leningrad, Nauka, Leningr. otdelenie Publ., 1980, vol. 1, pp. 117–123. (In Russ.)

Evseeva I.A. *Analiz formul'nogo stilja Povesti o razorenii Rjazani Batyem* [Analysis of the Formula Style of the Tale of the Ruin of Ryazan Batu]. *Rukopisnaja tradicija XVI–XIX vv. na Vostoke Rossii* [The handwritten tradition of the 16th and 19th centuries in the East of Russia], ed. by N.N. Pokrovskij. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie Publ., 1983, pp. 120–125. (In Russ.)

Kloss B.M. *Izbrannye trudy. Oчерki po istorii russkoj agiografii XIV–XVI vv.* [Selected Works. Essays on the history of Russian hagiography of the 14–16th centuries]. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 2001, vol. 2, 488 p. (In Russ.)

Komarovich V.L. *K literaturnoj istorii Povesti o Nikole Zarajskom* [To the literary history of the Tale of Nikolai Zaraisky]. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], ed. by V.P. Adrianova-Peretc. Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ., 1947, vol. 5, pp. 57–72. (In Russ.)

Komarovich V.L. *Rjazanskiy letopisnyj svod XIII v.* [Ryazan annalistic collection of the 13th century]. *Istorija russkoj literatury: v 10 t.* [History of Russian literature: in 10 vols.], ed. by P.I. Lebedev-Poljanskij. Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ., 1946, vol. 2, part 1, pp. 74–85. (In Russ.)

Kotljars N.F. *Knjazheskaja sluzhba v Kievskoj Rusi* [Princely service in Kievan Rus]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2017, 242 p. (In Russ.)

Lihachev D.S. *Povesti o Nikole Zarazskom (teksty)* [The story of Nikolai Zarazsky (texts)]. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], ed. by V.P. Adrianova-Peretc. Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ., 1949, vol. 7, pp. 257–406. (In Russ.)

Lihachev D.S. *Povesti o Nikole Zarazskom (teksty)* [The story of Nikolai Zarazsky (texts)]. *Slovar' knizhnosti i knizhnikov Drevnej Rusi* [Dictionary of bookishness and scribes of ancient Russia], ed. by D.S. Lihachev. Leningrad, Nauka Publ., 1987, vol. 1, pp. 332–337. (In Russ.)

Labakova I.A. *Voinskoe povestvovanie i agiograficheskaja tradicija v literature XVII v. (na materiale Rasprostranenoj redakcii «Povesti o razorenii Rjazani Batyem»)* [Warrior Narrative and Hagiographic Tradition in 17th Century Literature (based on the material of the Distributed edition of "The Tale of the Ruin of Ryazan by Batu")]. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], ed. by D.S. Lihachev. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 1993b, vol. 48, pp. 297–303. (In Russ.)

Lobakova I.A. *Voinskoe povestvovanie: aktual'nye problemy stanovlenija i jevoljucii zhanrovoj formy* [The Military Narration: Actual Problems of Formation and Evolution of the Genre Form]. *Avraamievskaja sedmica: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Chtenija po istorii i kul'ture Drevnej Rusi v Smolenske», g. Smolensk, 11–13 sentjabrja 2019 g.* [Avraamievskaya week: materials of the international scientific conference “Readings on the history and culture of Ancient Russia in Smolensk”, Smolensk, September 11–13, 2019], ed. by A.V. Korol'kova. Smolensk, Svitok Publ., 2020, vol. 4, pp. 184–194. (In Russ.)

Lobakova I.A. *Kommentarii k publikacii Povesti o razorenii Rjazani Batyem* [Comments on the publication of the Tale of the Ruin of Ryazan by Batu]. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi* [Library of Literature of Ancient Russia], ed. by D.S. Lihachev. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, vol. 5, pp. 472–479. (In Russ.)

Lobakova I.A. *Problema sootnoshenija starshih redakcij «Povesti o razorenii Rjazani Batyem»* [The problem of the correlation between the senior editions of the “Tale of the Ruin of Ryazan Batu”]. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], ed. by D.S. Lihachev. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 1993a, vol. 46, pp. 36–52. (In Russ.)

Morozov I.A., Slepčova I.S. *Krug igry. Prazdnik i igra v zhizni severnorusskogo krest'janina* [The circle of the game. Holiday and play in the life of a North Russian peasant]. Moscow, Indrik Publ., 2004, 920 p. (In Russ.)

Orlov A.S. *Geroicheskie temy drevnej russkoj literatury* [Heroic themes of ancient Russian literature]. Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ., 1945, 144 p. (In Russ.)

Pautkin A.A. *Besedy s letopiscem* [Conversations with the chronicler]. Moscow, MGU Publ., 2002, 286 p. (In Russ.)

Platonov O.A. *Pir* [The Feast]. *Russkij obraz zhizni* [Russian way of life], ed.-comp. O.A. Platonov, Moscow, Institut russkoj civilizacii Publ., 2007, 944 p. (In Russ.)

Povest' o razorenii Rjazani Batyem [The Tale of the Ruin of Ryazan by Batu], podg. teksta, per. i komm. D.S. Lihacheva. *Pamjatniki literatury Drevnej Rusi* [Library of Literature of Ancient Russia], pp. 184–199, 554–558. (In Russ.)

Povest' o razorenii Rjazani Batyem [The Tale of the Ruin of Ryazan by Batu]. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi* [Library of Literature of Ancient Russia], ed. by D.S. Lihachev, St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, vol. 5, pp. 140–155. (In Russ.)

Povest' o razorenii Rjazani Batyem v 1237 g. [The Tale of the Ruin of Ryazan by Batu in 1237], podg. teksta, per., stat'i i komm. D.S. Lihacheva. *Voinskie povesti Drevnej Rusi* [Military stories of Ancient Russia], ed. by V.P. Adrianova-Peretc, Moscow; Leningrad, AN

SSSR Publ., 1949, pp. 5–29, 119–142, 244–266, 284–295. (In Russ.)

Polnyj cerkovnoslavjanskij slovar' [Complete Church Slavonic Dictionary], comp. svjashh. Grigorij D'jachenko. Moscow, Otchij dom Publ., 2004, 1120 p. (In Russ.)

Pohvala rodu rjazanskih knjazej [Praise to the family of the Ryazan princes], podg. teksta, per. i komm. D.S. Lihacheva. *Pamjatniki literatury Drevnej Rusi*. [Literary Monuments of Ancient Russia], ed. by L.A. Dmitriev. Moscow, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1981, vol. 3, pp. 200–203, 559–560. (In Russ.)

Preobrazhenskij A.G. *Jetimologičeskij slovar' russkogo jazyka: v 3 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 3 vols.]. Moscow, G. Lissnera i D. Sovko Publ., 1910, vol. 1, 674 p. (In Russ.)

Putilov B.N. *Pesnja o Evpatii Kolovrate* [Song about Evpatij Kolovrat]. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], ed. by D.S. Lihachev. Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ., 1955, vol. 11, pp. 118–139. (In Russ.)

Russkaja filosofija smerti: antologija [Russian philosophy of death: anthology], comp. K.G. Isupova, Moscow; St. Petersburg, Centr gumanitarnyh iniciativ Publ., 2014, 662 p. (In Russ.)

Slovo o polku Igoreve [A word about Igor's regiment], podg. teksta, perevod i komm. O.V. Tvorogova. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi* [Library of Literature of Ancient Russia], ed. by D.S. Lihachev. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, vol. 4, 687 p. (In Russ.)

Sreznevskij I.I. *Materialy dlja slovarja drevnerusskogo jazyka: v 3 t.* [Materials for the dictionary of the Old Russian language: in 3 vols.]. St. Petersburg, Imperatorskoj Akademii nauk Publ., 1902, vol. 2, 1802 col. (In Russ.)

Trofimova N.V. *Pojetika i jevoljucija zhanra drevnerusskoj voinskoj povesti: dis. ... dokt. filol. Nauk* [Poetics and evolution of the genre of the ancient Russian military story: DSc thesis]. Moscow, 2002, 451 p. (In Russ.)

Fasmer M. *Jetimologičeskij slovar' russkogo jazyka: v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 vols.], per. s nem. i dop. O.N. Trubacheva. Moscow, Progress Publ., 1971, vol. 3, 827 p. (In Russ.)

Kiening Ch. Le double décomposé. Rencontres des vivants et des morts à la fin du Moyen Âge. *Annales. Histoire, Sciences, Sociales*, 1995 (septembre-octobre), vol. 50, no. 5, pp. 1156–1190.

Kyll N. *Tod, Grab, Begräbnisplatz, Totenfeier.* Bonn, L. Röhrscheid, 1972, 210 s.

Статья поступила в редакцию 18.05.2021; одобрена после рецензирования 22.06.2021; принята к публикации 18.08.2021.

The article was submitted 18.05.2021; approved after reviewing 22.06.2021; accepted for publication 18.08.2021.

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 86–91. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 86–91. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821.161.1.09"19"

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-86-91>

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРОКИ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ Н.В. ГОГОЛЯ

Виноградов Игорь Алексеевич, доктор филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, info@imli.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9151-4554>

Аннотация. Впервые публикуется неизвестная заметка Н.В. Гоголя, сделанная писателем в карманной записной книжке. Обстоятельно освещаются причины, по которым она долгое время оставалась ненапечатанной. Перечисляются аналогичные – немалочисленные – гоголевские тексты религиозного содержания, которые также продолжительное время были недоступны читателю по идеологическим причинам. В девятом томе академического Полного собрания сочинений Гоголя 1937–1952 гг., где впервые по автографу была напечатана записная книжка, заметке, озаглавленной самим Гоголем «Помолиться», была посвящена лишь одна строка в примечаниях. Кроме заглавия, лаконичные сведения, сообщенные комментатором тома Г.М. Фридлиндером, содержание гоголевской записи ничем не раскрывали. Автор статьи исправляется ошибка, допущенная тем же комментатором в датировке заметки. Приводятся данные в пользу того, что запись была сделана не в 1846 г., как полагал исследователь, а тремя годами ранее, летом 1843 г. Подчеркивается связь заметки 1843 г. с итоговой религиозно-патриотической книгой Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» 1846 г., а также неизменность политических взглядов писателя.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, биография, творчество, общественная идеология, цензура, интерпретация, духовное наследие.

Для цитирования: Виноградов И.А. Неизвестные строки записной книжки Н.В. Гоголя // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 86–91. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-86-91>

Research Article

UNKNOWN LINES IN NIKOLAI GOGOL'S NOTEBOOK

Igor' A. Vinogradov, Doctor of Philological Sciences, A.M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, info@imli.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9151-4554>

Abstract. There is an unknown note by Nikolai Gogol in his pocket notebook. The reasons why it has remained unpublished for a long time are thoroughly highlighted. What is listed are similar – numerous – Nikolai Gogol's texts of religious content, which also used to be inaccessible to the Soviet reader for a long time for ideological reasons. In the ninth volume of the academic Nikolai Gogol's Complete Works of 1937–1952, where a notebook was printed for the first time from an autograph, only one line in the notes was devoted to a note which had been entitled "To pray" by Nikolai Gogol himself. In addition to the title, the laconic information provided by the volume commentator Georgiy Fridlender, the content of Nikolai Gogol's recording was not disclosed in any way. In turn, the error made by the same commentator in the dating of the note is corrected. The data are given in favour of the fact that the record was made not in 1846, as the researcher believed, but three years earlier, in the summer of 1843. The connection of the 1843 note with the final religious-patriotic book of Nikolai Gogol «Selected Passages from Correspondence with Friends» 1846, as well as the invariability of the political views of the writer.

Keywords: Nikolai Gogol, biography, creative work, social ideology, censorship, interpretation, spiritual heritage.

For citation: Vinogradov I.A. Unknown lines in Nikolai Gogol's notebook. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 86–91 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-86-91>

История XIX–XX вв. свидетельствует, что идеология советской эпохи, несмотря на декларируемые ценности, оказалась в отношении к наследию русских классиков во многом нетерпимей цензуры дореволюционного периода. Одним из наиболее показательных в ужесточении цензурной политики оказалось творчество Н.В. Гоголя. Переиздавая гоголевские сочинения, представители новой идеологии и цензуры выискивали в надзорных действиях своих предшественников всевозможные недочеты, пополняя гоголевские тексты отдельными фразами и отрывками (оставшимися, по вине цензуры или автоцензуры, в черновиках). Но одновременно, по политическим причинам, цензура новой эпохи сделала в наследии Гоголя *столь существенные* купюры, что эти изъятия не идут ни в какое сравнение с теми незначительными сокращениями, которые были произведены в текстах Гоголя всеми дореволюционными цензорами, вместе взятыми (см. подробнее: [Виноградов 2021: 52–58]).

Поражает само количество пострадавших от советской цензуры гоголевских текстов. Из читательского оборота были выброшены тогда отнюдь не отдельные фразы или слова, но целые пласты творчества писателя. Сразу после 1917 г. в первом послереволюционном издании сочинений Гоголя был изъят целый блок – по сути, полноценный том, – включающий в себя такие важные произведения, как «Выбранные места из переписки с друзьями», «Авторская исповедь», статья «О Современнике», статья «Искусство есть примирение с жизнью» и, конечно, книга Гоголя «Размышления о Божественной Литургии» (см.: [Гоголь 1919]). Этот начальный этап марксистского цензурирования Гоголя послужил примером для целого ряда последующих советских собраний его сочинений, в том числе для академического «полного» 1937–1952 гг., куда книга Гоголя о Литургии тоже не вошла.

Ангажированному *сокрытию* подлинного облика писателя в угоду радикальной идеологии послужило, помимо этого, и намеренное игнорирование обширного корпуса гоголевских текстов духовного содержания, долгие годы хранившихся *невостребованными* в советских (российских и украинских) архивах. Невозможность, по идеологическим причинам, введения их в научный оборот обусловила, с одной стороны, весьма позднюю публикацию этих важных рукописей, в основном лишь в самое последнее время, в конце XX – начале XXI в.; с другой, – привела в некоторых случаях к полной утрате гоголевских автографов. Этот деструктивный итог запретительной политики атеистической эпохи касается, в частности, утраченного ныне обширного, девяностодвухстраничного сборника выписок Гоголя «Из книги: Лествица, возводящая на небо». Такой же весьма внушительный объем составляет и *сохранившаяся* часть текстов Гоголя религиозного характера, не издавав-

шихся в советское время по цензурным условиям, – это почти *полтысячи* страниц, около двадцати авторских листов. Сюда входят два обширных гоголевских сборника «Выбранные места из творений святых Отцов и учителей Церкви» и «Каноны и песни церковные»; авторские духовные заметки «О гневе и безгневию»; «О благодарности»; выписки «Премудрости Соломоновы чтение»; «Изложение... книги святого Иннокентия (Борисова) «О грехе и его последствиях»»; «Выписки из Кормчей книги»; итальянский перевод Гоголя ««Увещательных глав» диакона Агапита святому правоверному царю Юстиниану»; гоголевские выписки и пометы при чтении Библии. Как и «Размышления о Божественной Литургии», в «полное» академическое собрание сочинений Гоголя 1930–50-х гг. не вошел еще целый ряд немаловажных текстов, *изданных* до 1917 г. Это религиозное сочинение «О любви к Богу и самовоспитанию» (или «Правило жития в мире»); выписки из «Домостроя»; гоголевские молитвы и др.

К немалочисленному ряду текстов писателя, отвергнутых советской идеологией, относится и заметка, впервые публикуемая в настоящей статье. Это небольшой, но очень значимый по содержанию фрагмент из карманной книжки Гоголя. *Ненапечатанной* эта заметка религиозного, духовного-патриотического содержания осталась, как и другие указанные выше тексты Гоголя, исключительно по идеологическим причинам. Других обстоятельств, которые послужили бы препятствием к ее публикации, не было. Во-первых, книжка с давних пор доступна для любого заинтересованного исследователя: она хранится в Москве в гоголевском фонде Российской государственной библиотеки¹. Во-вторых, в самой книжке заметка отнюдь не находится на какой-то особой, не сразу обнаруживаемой странице: она располагается на обороте первого же листа. В-третьих, запись нельзя назвать и трудночитаемой: она написана вполне разборчивым, отчетливым почерком.

До 1917 г. запись, к сожалению, тоже не была напечатана, но случилось это потому, что автограф карманной книжки, где она содержится, на время выпал из поля зрения исследователей, так что фрагменты ее текста печатались учеными – Н.С. Тихонравовым [Тихонравов; Гоголь 1892], В.И. Шенроком [Гоголь 1896] – по копии П.А. Кулиша, где запись не была представлена. (Кулиш – биограф и издатель сочинений Гоголя в 1852–1859 гг., известный украинский сепаратист, осужденный еще в 1847 г., – глубокие религиозно-патриотические взгляды Гоголя, отразившиеся в заметке, тоже не разделял; см.: [Виноградов 2003].) Однако к 1940 г., то есть за несколько лет до подготовки к изданию соответствующего, девятого тома академического Полного собрания гоголевских сочинений, куда была включена запис-

ная книжка, ее автограф был обнаружен [Георгиевский, Ромодановская: 59]. Казалось, с обретением рукописи уже ничто не препятствовало обнародованию текста в полном объеме. Однако по причинам, далеким от науки, открытия не произошло. В академических примечаниях заметке была посвящена лишь одна строка, а сам текст ее в издание не попал. Г.М. Фридендер, комментатор и редактор девятого тома собрания (уместно сказать – будущий автор монографии «К. Маркс и Ф. Энгельс и вопросы литературы» [Фридендер 1962]), отметил заметку лишь одной фразой: «Запись на первом из сохранившихся листов о том, за кого Гоголь хотел “помолиться”, позволяет думать, что сохранившиеся листки начали заполняться перед пасхой 1846 г. (то есть в начале апреля)» [Фридендер 1952: 660]. Этим кратким упоминанием исчерпываются в академическом издании все сведения о записи Гоголя. Умолчал советский исследователь и о том, за кого Гоголь собирався помолиться. Об этом читателю приходилось только догадываться: Г.М. Фридендер заявлял тут же, что в гоголевских записях «отразилась борьба реакционных настроений и здоровых, реалистических устремлений» [Фридендер 1952: 660].

Приводим текст заметки в полном объеме (публикуется впервые; из знаков препинания приводятся лишь те, что есть в автографе):

«Помолиться

О Государе

О Наследнике

О Марии Николаевне и обо всем Царском Доме.

О Вьельгорски<x>

О Смирновой

О Иванове.

О Сологубе.

О примиреньи всех и обращеньи всех к Богу

О домашних

О противниках и союзном примиреньи с ним

О друзьях и о счастья их»².

Как явствует из публикуемого текста, первыми, за кого Гоголь предполагал молиться, были: император Николай I («Государь»), «Наследник» – Александр Николаевич (будущий император Александр II), великая княгиня Мария Николаевна, дочь Николая I, и «весь» Царский Дом.

Обойдя молчанием содержание записи, Г.М. Фридендер допустил еще одну небрежность. Исследователь ошибочно датировал заметку 1846 г. Такая датировка, ничем не подкрепленная, объяснялась, по-видимому, опять-таки идеологическими причинами: всё, что так или иначе не вписывалось в радикальную схему интерпретации гоголевского наследия, навязанную В.Г. Белинским (с противопоставлением «раннего» и «позднего» Гоголя), в ту пору принято было относить исключительно к ми-

ровозрению Гоголя последних лет жизни (якобы существенно изменившемуся).

Для аргументированной датировки записи важное значение имеет упоминание в ней о великой княгине Марии Николаевне («О Марии Николаевне и обо всем Царском Доме»). Великой княгине Гоголь был представлен в Риме в конце марта (н. ст.) 1843 г. [Виноградов 2018: 322–324]. С этим гоголевским визитом удачно совпала тогда присылка, по просьбе Гоголя, П.А. Плетневым из Петербурга в Рим, на имя Марии Николаевны, только что вышедшего в конце января 1843 г. (26 января / 7 февраля н. ст.) собрания гоголевских сочинений в четырех томах. На приеме у дочери императора присутствовала и А.О. Смирнова, которая далее тоже упоминается в гоголевской заметке («О Смирновой»). В свите Марии Николаевны в Риме был и граф Мих. Ю. Виельгорский [Виноградов 2018: 322–324]. О семействе Виельгорского Гоголь, согласно еще одной строке заметки, тоже собирався помолиться («О Вьельгорски<x>»). Одних этих сведений уже достаточно, чтобы датировать заметку «Помолиться» предположительно 1843 г.

На тот же 1843 г. (или в крайнем случае – на 1844 г.) указывает в заметке и отдельная строка «О Соллогу́бе». Вместе со строкой «О Вьельгорски<x>» эта запись связана, по-видимому, с известным современникам недостойным поведением графа Владимира Александровича Соллогу́ба, женившегося на графине Софье Михайловне Виельгорской (брак состоялся 13 ноября 1840 г.), но доставлявшего жене (и ее родным) серьезные огорчения. С семейством Соллогу́бов, а также, в одно время с ними, со Смирновой Гоголь часто общался в период с 9 июля (н. ст.) по 27 августа (н. ст.) 1843 г. в Баден-Бадене [Виноградов 2018: 382–385]. Общение продолжилось и в следующем году, с 19 ноября (н. ст.) 1843 г. по средину марта (н. ст.) 1844 г. в Ницце, где, кроме четы Соллогу́бов и Смирновой, проживала также мать Софьи Михайловны графиня Л.К. Виельгорская (вместе с сыном Михаилом и дочерью Анной), куда приезжал и отец С.М. Соллогу́б, упомянутый граф Виельгорский [Виноградов 2018: 420–430].

Много лет спустя, в 1877 г., Смирнова, вспоминая о поведении графа В.А. Соллогу́ба в Ницце, сообщала И.С. Аксакову, что Гоголь «не раз вздыхал <...> о бедной Софье Мих<айловне> и говорил: “Ничто не может быть ужаснее, как когда чувство встречается с черствым бесчувствием”»: «Владимир Ал<ександрович> то и дело что таскался в Меран волочиться за Duchesse d'Istrie, которая была еще очень хороша и весьма свободного обращения» [Виноградов 2018: 426]. Сообщая о похождениях Соллогу́ба, Смирнова упоминала о городе в северной Италии Мерано (или Меран), тогдашнем австрийском курорте, находящемся приблизительно в равном удалении от Ниццы и Баден-

Бадена, и об известной красавице Матильде Луизе Лагранж (1809–1873), герцогине Истрии («Duchesse d'Istrie»), дочери маршала Жозефа Лагранжа, жене герцога Истрии Наполеона Бессера (1802–1856).

«Бедная Софья Мих<айловна>, – продолжала Смирнова, – все терпела молча, читала Библию и занималась детьми. Раз она мне сказала: “On dit que l'amour est aveugle; ce n'est pas vrai; mais il est indulgent et pardonne tout en voyant tout, en devinant tout <Говорят, любовь слепа: это неправда: она снисходительна и все прощает, все видя и обо всем догадываясь; *фр.*>”» [Виноградов 2018: 426].

24 сентября (н. ст.) 1844 г. сам Гоголь писал Смирновой из Франкфурта-на-Майне: «...Не очень полагайтесь, что Сологуб теперь не кутит и ведет себя хорошо. Поведение его, может быть, временное... <...> А потому гораздо лучше, если бы между ними установилось теперь же порядочное течение жизни, покамест еще он не простыл и готов даже выполнять просьбы жены своей. Нужно, чтобы все знакомые и приятели его нападали на него теперь же с этой стороны, чтобы он хоть сколько-нибудь вошел бы в колею свою и не был бы похож на осла, который хотя и идет в своей колее, но однако ж не пропустит, чтобы не засунуть свою морду во всякую телегу с сеном, переезжающую через дорогу» [Гоголь 2009–2010, 12: 455]. П.А. Плетнев со слов Смирновой (очевидно, познакомившей его с гоголевским письмом) 24 сентября / 6 октября (н. ст.) 1844 г. записал в дневнике, что Гоголь сравнивает графа В.А. Соллогуба с «о<слом>, идущим иногда и своею дорогою, но запускающим р<ылом> во всякий мимопроезжающий воз» [Виноградов 2018: 569–570].

Можно предположить, что «помолиться» о Соллогубе и Виельгорских Гоголь собирался почти сразу, как только впервые узнал о семейной неурядице, то есть уже летом 1843 г. в Баден-Бадене, а не позднее, зимой 1843/44 г. в Ницце. Заметка «Помолиться» с именами царской семьи, Соллогуба и Виельгорских, вероятнее всего, появились в записной книжке спустя лишь несколько месяцев после визита Гоголя в Риме к великой княгине Марии Николаевне.

Заключительные записи заметки «Помолиться»: «О примиреньи всех и обращеньи всех к Богу. О домашних. О противниках и союзном примиреньи с ним. О друзьях и о счастье их», – очевидно, задолго предваряют размышления Гоголя в его самой патриотической книге нашей словесности [Виноградов 2017], религиозно-политических «Выбранных местах из переписки с друзьями». (Судя по содержанию заметки, в словах «О противниках и союзном примиреньи с ним» подразумевается примирение либо с Государем, либо с Богом.)

Вполне понятна запись «О Иванове» – художнике А.А. Иванове, создателе знаменитой картины «Явление Мессии», с которым Гоголь познакомился еще

в 1837 г. В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь посвятил другу-единомышленнику отдельную статью «Исторический живописец Иванов».

Всем этим записям в книжке вполне соответствует, с одной стороны, время вызревания замысла «Выбранных мест...» – 1844 г. [Виноградов 2018: 477–478, 486], с другой — содержание целого ряда библиографических записей, посвященных духовной литературе, которые содержатся в той же записной книжке: «Сочинения Стефана Яворского...»; «Пращица духовная» преосвященного Питирима, архиепископа Нижегородского; «Розыск» св. Димитрия Ростовского, «Трубы словес» и «Меч духовный» Лазаря (Барановича), епископа Черниговского, и др. [Гоголь 2009–2010, 9: 658]. К этим записям примыкает находящаяся здесь же назидательная заметка Гоголя «Богатые, прежде всего помните...» [Гоголь 2009–2010, 9: 659]³. Все эти заметки – «перечни религиозно-церковных книг» и «моралистические советы» – результат якобы внешнего «давления» на писателя «феодално-крепостнической реакции», как определял, в марксистской терминологии, глубокие *личные* духовные устремления Гоголя Г.М. Фридендер [Фридендер 1952: 660], появились в книжке отнюдь не в 1846 г. (как опрометчиво полагал исследователь⁴), а тремя годами ранее, осенью 1843 г.

Таким образом, наиболее вероятным временем появления заметки «Помолиться» в записной книжке Гоголя 1841–1846 гг.⁵ следует признать июль-август 1843 г. Впервые публикуемая заметка представляет писателя таким же последовательным сторонником церковных и традиционных государственных начал, каким он открыто явил себя современникам спустя несколько лет в своем авторском комментарии к художественному творчеству – эпистолярной книге «Выбранные места из переписки с друзьями». Еще в 1836 г. создатель «Тараса Бульбы» (1834) писал о «русской безграничной любви к царю своему», ради которой можно «и жизнь, и дом, и последнее <...> принести, как незначущую жертву» (статья «Петербургская сцена в 1835–36 г.» [Гоголь 2009–2010, 7: 508]). По собственным признаниям Гоголя, «Переписку с друзьями» он создавал в духе Церкви и «самого правительства» (согласно строкам письма к Императору Николаю I от 15 января (н. ст.) 1847 г. [Гоголь 2009–2010, 14: 21]) – задумывал с тем, чтобы «возбудить благоговенье ко всему тому, что поставляется нам всем в закон нашей <...> Церковью и нашим Правительством» (письмо к П.А. Плетневу от 20 октября (н. ст.) 1846 г. [Гоголь 2009–2010, 13: 396]).

Примечания

¹ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ). Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 6. 16 л.

² РГБ. Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 6. Л. 1 об.

³ Текстологический анализ этой заметки и ее сличение с источником см.: [Виноградов 1992].

⁴ Г.М. Фридлиндер не только заметку «Помолиться», но и всю книжку ошибочно датировал 1846 г. [Фридлиндер 1952: 660].

⁵ Кроме записей 1843 и 1846 гг., в книжке есть также заметки 1841 и 1844–1845 гг. (см.: [Виноградов, Воропаев: 918–919]).

Список литературы

Виноградов И.А. «Богатые, прежде всего помните...»: <Комментарий> // *Гоголь Н.В. Духовная проза*. М.: Русская книга, 1992. С. 541–543.

Виноградов И.А. Первый биограф Гоголя // *Кулиш П.А. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем* / изд. подг. И.А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 3–81.

Виноградов И.А. Самая патриотическая книга нашей словесности («Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя») // *Актуальные вопросы изучения духовной и светской словесности* / ред. М.И. Щербакова; Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2017. Вып. 1. С. 77–94.

Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852): науч. изд.: в 7 т. М.: ИМЛИ РАН, 2018. Т. 4. 704 с.

Виноградов И.А. Художник и власть. Н.В. Гоголь и цензурная политика XIX–XX вв. // *Два века русской классики*. 2021. Т. 3. № 1. С. 40–111. DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-1-40-111>

Виноградов И.А., Воропаев В.А. Комментарии // *Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (в 15 кн.)* / сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. Т. 9. С. 788–950.

Георгиевский Г., Ромодановская А. Рукописи Н.В. Гоголя: каталог / Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина. М.: Соцэкгиз, 1940. 128 с.

<Гоголь Н.В.> Выдержки из карманных записных книжек. <...> (Из записной книжки 1846 г.) // Библиотека для чтения: Бесплатное приложение к журналу «Царь-Колокол» / ред. К.Н. Цветков; изд. Э.Э. Гиппиус. М.: Тип-о-Лит-ография Т-оварищест-ва Лашкевич, Знаменский и К^о, 1892. № 3. Март. (Сочинения Н.В. Гоголя: Извлечены из рукописей академиком Н.С. Тихонравовым. Дополнительный том ко всем предшествовавшим изданиям Сочинений Гоголя. Вып. 1). С. 92–93.

<Гоголь Н.В.> Полный текст карманных записных книжек Н.В. Гоголя. <...> 3. (Из записной книжки 1846 г.) // <Гоголь Н.В.> Соч. Н.В. Гоголя: в 7 т. Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений

Н. Тихонравовым и В. Шенроком. 10-е изд. М.; СПб.: Издание А.Ф. Маркса, 1896. Т. 6. С. 525–526.

<Гоголь Н.В.> Соч. Н.В. Гоголя. Пг.: Лит.-изд. отдел Народного Комиссариата по просвещению, 1919. 1400 стб.

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (в 15 кн.) / сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.

Тихонравов Н.С. Примечания редактора и варианты // <Гоголь Н.В.> Соч. Н.В. Гоголя: в 7 т. Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Н. Тихонравовым. 10-е изд. М.: Издание книжн<ого> маг<азина> В. Думнова, под фирмою «Наследники бр. Салаевых», 1889. Т. 4. С. 465–619.

Фридлиндер Г.М. <Записная книжка 1846 г.>: <Комментарий> // *Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: <в 14 т.> <Л>*: АН СССР, 1952. Т. 9 / Тексты и коммент. подготовили И.Я. Айзеншток, А.А. Назаревский, Г.М. Фридлиндер. С. 659–661.

Фридлиндер Г.М. К. Маркс и Ф. Энгельс и вопросы литературы. М.: Гослитиздат, 1962. 608 с.

References

Vinogradov I.A. “*Bogatye, prezhde vsego pomnite...*”: *Commentarii* [“Rich, first of all remember...”: A comment]. Gogol' N.V. *Dukhovnaia proza* [Spiritual prose]. Moscow, Russkaia kniga Publ., 1992, pp. 541–543. (In Russ.)

Vinogradov I.A. *Pervyi biograf Gogolia* [The first biographer of Gogol]. Kulish P.A. *Zapiski o zhizni Nikolaia Vasil'evicha Gogolia, sostavlennye iz vospominanii ego druzei i znakomykh i iz ego sobstvennykh pisem* [Notes on the life of Nikolai Vasilyevich Gogol, composed from the memoirs of his friends and acquaintances and from his own letters], the publication was prepared by I.A. Vinogradov. Moscow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2003, pp. 3–81. (In Russ.)

Vinogradov I.A. *Samaia patrioticheskaia kniga nashei slovesnosti* («*Vybrannye mesta iz perezpiski s druz'iami Nikolaia Gogolia*») [The most patriotic book in our literature (Selected Passages from Correspondence with Friends of Nikolai Gogol)]. *Aktual'nye voprosy izucheniia dukhovnoi i svetskoi slovesnosti* [Topical issues in the study of spiritual and secular literature], editor M.I. Shcherbakova. A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. Moscow, U Nitskikh vorot Publ., 2017, issue 1, pp. 77–94. (In Russ.)

Vinogradov I.A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N.V. Gogolja (1809–1852)*. *Nauchnoe izdanie: v 7 tomah* [Chronicle of the life and work of N.V. Gogol (1809–1852). Scientific publication: in 7 vols]. Moscow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2018, vol. 4, 704 p. (In Russ.)

Vinogradov I.A. *Khudozhnik i vlast'. N.V. Gogol' i tsenzurnaia politika XIX–XX vv.* [Artist and Authorities. Nikolay Gogol and the Censorship Policy of the 19th — 20th Centuries]. *Dva veka russkoi klassiki* [Two centuries of the Russian classics], 2021, vol. 3, № 1, pp. 40–111. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-1-40-111>

Vinogradov I.A., Voropaev V.A. *Kommentarii* [Comments]. Gogol' N.V. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 17 t. (15 kn.)* [Complete works and letters in 17 vols. (15 books), compilation, preparation of texts and comments by I.A. Vinogradov, V.A. Voropaev. Moscow, Kiev, Moscow Patriarchy Publ., 2009, vol. 9, pp. 788–950. (In Russ.)

Georgievskii G., Romodanovskaia A. *Rukopisi N.V. Gogolia: katalog. (Gosudarstvennaia biblioteka SSSR imeni V.I. Lenina.)* [Manuscripts of N.V. Gogol: catalog. (State Library of the USSR named after V.I. Lenin.)]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1940, 128 p. (In Russ.)

Gogol' N.V. *Vyderzhki iz karmannykh zapisnykh knizhek... (Iz zapisnoi knizhki 1846 g.)*. [Excerpts from pocket notebooks... (From a notebook of 1846)]. *Biblioteka dlia chteniia. Besplatnoe prilozhenie k zhurnalu "Tsar'-Kolokol"* (*Sochineniia N.V. Gogolia. Izvlecheny iz rukopisei akademikom N.S. Tikhonravovym. Dopolnitel'nyi tom ko vsem predshestvovavshim izdaniiam Sochinenii Gogolia, vypusk 1*) [Library for reading. Free supplement to the Tsar-Kolokol magazine. (Works of N.V. Gogol. Extracted from manuscripts by academician N.S. Tikhonravov. Supplementary volume to all previous editions of Works of Gogol, issue 1)], ed. by K.N. Tsvetkov, publ. E.E. Gippius. Moscow, Tipo-Lithograph of the Partnership Lashkevich, Znamensky and Company Publ., 1892, No. 3, March, pp. 92–93. (In Russ.)

Gogol' N.V. *Polnyi tekst karmannykh zapisnykh knizhek N.V. Gogolia... (Iz zapisnoi knizhki 1846 g.)* [The full text of N.V. Gogol... (From the notebook of 1846)]. Gogol' N.V. *Sochineniia: v 7 tomakh* [Works: in 7 vo-

lumes], the text is verified against the author's handwritten manuscripts and the original editions of his works by N. Tikhonravov and V. Shenrok. 10th edition. Moscow, St. Petersburg, A.F. Marx Publ., 1896, vol. 6, pp. 525–526. (In Russ.)

Gogol' N.V. *Sochineniia* [Works]. Petrograd, Literary and Publishing Department of the People's Commissariat for Education Publ., 1919, 1400 columns. (In Russ.)

Gogol' N.V. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 17 t. (15 kn.)* [Complete works and letters in 17 vols. (15 books), compilation, preparation of texts and comments by I.A. Vinogradov, V.A. Voropaev. Moscow, Kiev, Moscow Patriarchy Publ., 2009–2010. (In Russ.)

Tikhonravov N.S. *Primechaniia redaktora i varianty* [Editor's notes and options]. Gogol' N.V. *Sochineniia: v 7 tomakh* [Works: in 7 vols], the text is verified with the author's handwritten manuscripts and the original editions of his works by N. Tikhonravov. 10th edition. Moscow, Publishing of V. Dumnov's bookstore, under the firm “Heirs of the Salaev brothers” Publ., 1889, vol. 4, pp. 465–619. (In Russ.)

Fridlender G.M. *Zapisnaia knizhka 1846 g.: Kommentarii* [Notebook 1846. Commentary]. Gogol' N.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 t.* [Complete works and letters: in 14 vols.]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1952, vol. 9, texts and comments were prepared by I.Ya. Aizenshtok, A.A. Nazarevsky, G.M. Fridlender, pp. 659–661. (In Russ.)

Fridlender G.M. *K. Marks i F. Engel's i voprosy literatury* [K. Marx and F. Engels and questions of literature]. Moscow, State literary publ. house, 1962, 608 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.04.2021; одобрена после рецензирования 05.06.2021; принята к публикации 18.08.2021.

The article was submitted 27.04.2021; approved after reviewing 05.06.2021; accepted for publication 18.08.2021.

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 92–101. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 92–101. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821.161.1.09»19»

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-92-101>

ЭПИЧЕСКИЙ РОМАН: К ПРОБЛЕМЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ТЕРМИНА ОТ ПСЕВДОСМЫСЛОВ

Андреева Валерия Геннадьевна, доктор филологических наук, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Аннотация. В статье рассматривается понятие эпического романа – особого исторического жанрового явления второй половины XIX в. Автор рассуждает о псевдоназваниях, которые появились в советском литературоведении в силу его политизированности и идеологичности ещё в 1920–1930-е гг. и показывает, что термины эпический роман и роман-эпопея были использованы в указанное время в угоду партийным задачам, но вразрез с истинными их смыслами. Как отмечается в статье, для этого потребовался отказ от традиций русской классической литературы, отречение от генетической памяти универсального видения мира и человека, свойственных русскому православному человеку. Аналитическое осмысление полемики литературоведов разных поколений позволило показать, что ряд исследователей, справедливо увидевших проблему, забыли «оправдать» вышеуказанные термины. Автором статьи объясняется значимость использования понятия эпический роман в его истинном значении, по отношению к объемным произведениям русской классической литературы.

Ключевые слова: эпос, роман, эпический роман, русская классика, жанр, мирообраз, идеология, псевдосмыслы, советская критика, советское литературоведение, идеал.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00102

Для цитирования: Андреева В.Г. Эпический роман: к проблеме освобождения термина от псевдосмыслов // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 92–101. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-92-101>

Research Article

EPIC NOVEL: TO THE PROBLEM OF LIBERATING TERMS FROM PSEUDO-MEANINGS

Valeria G. Andreeva, Doctor of Philological Sciences, A.M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; Kostroma State University, Kostroma, Russia, lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Abstract. The article examines the concept of an epic novel – a special historical genre phenomenon that arose as a result of the successful implementation by Russian classics of the second half of the 19th century. The author discusses the pseudo-names that appeared in Soviet literary criticism due to its politicisation and ideologisation back in the 1920s–30s and she shows that the terms of epic novel and epos were used at the indicated time for the sake of the Communist party tasks, but contrary to their true meanings. As noted in the article, this required a rejection of the traditions of Russian classical literature, a rejection of the genetic memory of the universal vision of the world and human inherent in the epic novel. Analytical comprehension of the polemics of literary critics of different generations made it possible to show that a number of researchers who rightly saw the problem, forgot to “rehabilitate” the above concepts and transferred the line of denial of Soviet ideology to the terms themselves. The author of the article explains the importance of using the concept of an epic novel in its true meaning, in relation to the voluminous works of Russian classical literature.

Keywords: epic, novel, epic novel, Russian classics, genre, world image, ideology, pseudo-meanings, Soviet criticism, Soviet literary criticism, ideal.

Acknowledgments: The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 20-012-00102

For citation: Andreeva V.G. Epic novel: on the problem of making terms devoid of pseudo-meanings. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 92–101 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-92-101>

Исторические условия второй половины XIX в., специфика общественно-политической ситуации в России, особая роль, которая отводилась в то время литературе, не просто оценивавшей действительность, но и предлагавшей различные пути для дальнейшего развития страны, понимание русскими писателями первого ряда (Л.Н. Толстым, Ф.М. Достоевским, И.С. Тургеневым) неведомой Западной Европе соборности русской жизни способствовали появлению эпического романа – особого исторического жанрового явления, выступившего антитезой нараставшим в обществе модернистским веяниям: общей раздробленности, обособлению, ощущению людьми взаимной чуждости. Своеобразно, оригинально и наиболее полно (по сравнению с произведениями других романистов) основы незабываемых ценностей русского мира, поисками которых были заняты многие литераторы, воплотились в художественных мирах Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и И.С. Тургенева. Разумеется, рассуждение о второй половине XIX в. должно включать поэтапный разбор ситуации определенных десятилетий или даже общественных идей отдельных нескольких лет, так как настроения и сомнения 1860-х гг. решительно отличались от пореформенной поры 1870–1880-х гг. Отдельным эпическим романам указанной поры посвящен ряд статей нашего коллектива исследователей, работающих над проблемой своеобразия русского эпического романа [Андреева 2020а; Андреева 2020б; Гулин; Ермолаева; Казакова; Михновец 2020а; Михновец 2020б], однако и обобщенно можно констатировать, что в то время как писатели-демократы обратились к изучению новых, на первый взгляд прогрессивных, а нередко утопичных или иллюзорных предпочтений молодежи, а многие беллетристы использовали пореформенное затишье конца 1860-х и 1870-х гг. для продвижения своих идей, воспользовавшись обращением публики к эстетике, создали романы о красивом прошлом, эпические романы Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и И.С. Тургенева воплотили не только проблемы времени, но и идеалы жизни православной России.

Целью данной статьи является объяснение значимости и актуальности использования терминов роман-эпопея и эпический роман в их истинных значениях, по отношению к объемным произведениям русской классической литературы, осмысление полемического диалога советских ученых, в том числе реплик М.М. Бахтина, косвенно оказавшегося втянутым в спор не просто о жанре, но о роли литературы, пути России, свободе личности.

В № 3 журнала «Вопросы литературы» за 1998 г. вышла концептуальная статья Галины Белой ««Фокусническое устранение реальности» (О понятии “роман-эпопея”)». При многих справедливых замечаниях

в статье оказались негативно освещенными термины эпический роман и роман-эпопея, в большей степени даже первое понятие, хотя термин «роман-эпопея» как чаще употребляемый вынесен автором в название статьи.

Г. Белая рассуждает о псевдоназваниях и фикциях, которые появились в советском литературоведении в силу его политизированности и идеологичности ещё в 1920–30-е гг. и далее давали о себе знать в последующие десятилетия. «И то, что путь нового общества должен сопровождаться рождением небывало крупных художественных форм, соответствующих ей по масштабу (например, роман-эпопея), тоже казалось естественным. Государство жаждало самоутверждения и теоретического подтверждения своей исключительности и торопило культуру», – отмечает Г. Белая, показывая, что это государство выбрало себе для увенчания революции именно «эпос»: «Понятие “эпос” изначально имело статус идеологический (таково было “социальное задание”), но выступило оно в советской науке как теоретическая декорация новой методологии» [Белая].

Советские идеологи или не учитывали, или обходили стороной осмысление эстетической природы древних эпоев и примеры национального эпоса русской классической литературы, вершинные произведения которой пытались воскресить гармонию мира, восстановить некогда утраченную целостную эпическую картину жизни. «Эпопея, как никакой другой жанр, фиксирует генетическую память универсального и всеохватного видения мира и человека в нем... Эпопея стала показателем развития той или иной национальной литературы, а ее отсутствие ставило под сомнение в сознании современника сам факт существования литературы», – отмечает В.А. Беглов [Беглов: 10].

И тут видно «лукавство» некоторых критиков и литературоведов постреволюционной эпохи. Отказываясь от настоящей «памяти жанра», игнорируя возможности эпического романа второй половины XIX в. (о преодолении им европейской буржуазности фактически ничего не говорилось), национальная литература строилась как бы заново, на основании «передовых» социальных и классовых идей.

Г. Белая останавливается на псевдорешениях, связанных в 1920–30-е гг. с вопросом о жанре романа-эпопеи. Но, обличая всю идеологическую игру, устроители которой нередко сами проникались подлогами и начинали принимать государственное задание за науку о литературе, Г. Белая *забывает* «оправдать» вышеуказанные термины. Между тем ловко употребленные певцами революции понятия использовались еще и до них (речь идет о термине «эпический роман»), и после них («эпический роман» и «роман-эпопея»).

В 1920–30 гг. псевдоназвания должны были показывать мощь и силу советского государства, якобы устранившего вековые социальные проблемы, осуществившего слияние интереса личности с общественным интересом, литературу предполагалось использовать как мощное орудие в руках власти. И тут также требовался отказ от традиций русской классической литературы, отречение от генетической памяти универсального видения мира и человека, свойственных эпохе и эпическому роману.

Ранее мы уже отмечали одну из причин обращения русских романистов второй половины XIX в. к эпическому масштабу в достаточно спокойное внешне время. «Толстой, а за ним Тургенев, Гончаров, Достоевский показывают, что идейный и мировоззренческий кризис общества, утрата веры и религиозного сознания представляют катастрофу государственного масштаба (обратим внимание, что и власть императора издавна осознавалась у нас как данная Богом). Потеря духовно-нравственных, православных ценностей, веками хранимых русским народом, осмысливалась нашими классиками как национальная трагедия, которая неминуемо должна была привести к краху, потере русской уникальности» [Андреева 2020в: 111].

Примечательно, что указанный выше подлог наименования оказался органически вписан в советскую жизнь потому, что эпос, эпическое мировидение новые идеологи умело подчинили конъюнктурным заменам, поставив на место соборности – коллективное, а на место Бога – партийного вождя. Описывая период роста молодого советского государства, В. Свинцов в статье о творчестве классиков, вере и неверии пишет: «Но в те стародавние времена, когда Красная Армия была всех сильнее... в моей душе не находилось места для любви к Богу. По разным причинам, но и потому еще, что душа была заполнена любовью к вождям, которые никак не могли делить ее с Богом» [Свинцов: 176].

Советскими критиками и исследователями-публицистами был даже описан придуманный ими «генезис» понятия эпопеи: нашлись произведения в советской прозе, считавшиеся преддверием эпоса. При этом, критически оценивая советскую трактовку, важно показать, что в послереволюционную эпоху время проявления эпопейных возможностей в русской литературе *ограничивалось именно настоящим*.

Как показывает Г. Белая, активному продвижению новых смыслов и жанров советской литературы предшествовали справедливые замечания современников, в частности О. Мандельштама, о невыгодном и обедняющем литературу и искусство торжестве массы над личностью, которое неизменно должно было привести в дальнейшем к обеднению романа, сворачиванию психологизма и т. п. Молодому советскому государству необходимы были особые высокие образцы,

а также «нужны были другие люди, другие теоретики, которые бы могли обосновать новый “социальный заказ” и подвести основу для утверждения “небывалого”, “масштабного”, “эпического” романа (эпитеты 20-х годов)» [Белая].

Исследовательница достаточно подробно останавливается на попытке В. Переверзева скорректировать прагматический смысл концепции Г. Лукача и других идеологов советского искусства, ставивших в прямую зависимость соотношение между героическими усилиями революции и степенью эпичности романа социалистического реализма, их попытку обосновать *своей* и вычеркнуть *истинный* эпический роман. Между тем важно указать, что в последнем жизнь героя выстраивается в двух взаимосвязанных измерениях: земной горизонтальной и духовной вертикали, при существовании которой возможно выйти к пониманию и признанию другого, к жизни не эгоистическими интересами, но всем миром, к тем образам «круговой поруки», взаимной ответственности, которые определяли бытие русского мира для наших классиков.

Б.И. Бурсов пронизательно уловил, что именно русская литература XIX в. нашла ту идею целого, благодаря которой стало возможно говорить об эпическом искусстве, о доминировании эпической идеи в классическом романе: «Для развития эпического искусства – в классическом его понимании – необходима идея целого, а этой идеи как раз и недоставало искусству всего длительного исторического периода, начавшегося после распада древнегреческого мира и окончившегося в результате образования прочных национальных государств» [Бурсов 1963: 13].

Г. Белая отметила, что позиция М.М. Бахтина и его взгляд на эпос и роман были во многом рождены в полемике с идеями нового советского искусства. Подчеркнем, что Бахтин стремился быть как бы «над схваткой», поэтому, конечно, ни в одной из его работ мы не найдем явной полемики, все возражения ученого выражены в форме собственных рассуждений и выводов о противопоставлении эпоса и романа. «Критика авторитарного сознания (именно на это работали идеи Бахтина о монолизме, полифонии, диалоге, значимости “другого”, “чужого” сознания), принципиально иное понимание слова “действительность”, мысль о способности писателя видеть действительность глазами жанра, новое понимание современности, которую Бахтин призывал искать “в самой форме видения, в глубине, остроте, широте и живости этого видения”, убежденность в изначальной невозможности “внутренней завершенности и исчерпанности” в романе нового времени – все это фактически не только подорвало, но как бы отменило псевдонаучный подход к исследованию жанра романа вообще и романа-эпопеи в частности», – пишет Г. Белая, показывая конфронтацию Бахтина с М. Лиф-

шицем [Белая]. Не случайно Бахтин говорил о многообразии языков, культур и времен в романе – это было сделано, конечно, в пику идее социалистического строительства.

Примечательно, что рассуждая о невозможности взаимодополнения романа и эпоса, разводя их по разные стороны баррикад, Бахтин подчеркивал, что роман может вводить в свою конструкцию другие элементы. Одна из ключевых статей Бахтина «Эпос и роман» построена на основе не просто оппозиции жанров, но резкого разграничения давно прошедшего (времени эпоей) и настоящего (времени романа). Читателю, хорошо представляющему описываемый спор сторон, становится ясна и полемическая установка Бахтина, выдвигающего на первые позиции именно роман, а не эпопею: «В дальнейшем я делаю попытку подойти к роману именно как к становящемуся жанру, идущему во главе процесса развития всей литературы нового времени» [Бахтин 1975: 454].

Про справедливость не прямого, но косвенного, скрытого даже возражения Бахтина всё более или менее понятно, но остановимся на двух важнейших моментах, которые необходимо учитывать при обращении к его трудам. Во-первых, ученый был вынужден работать в стране, где преследовались вера и религия, поэтому о божественной сущности мироздания он не мог сказать ни слова. О.А. Кравченко подчеркнула, что в одном из предисловий к своей книге «Проблемы поэтики Достоевского» Бахтин отметил, что книга не может претендовать на полноту поставленных проблем, особенно на разрешение проблемы целого полифонического романа. «Проблема целого, как мы полагаем, обеспечивает проекцию диалогических связей в перспективу “последней диалогичности” или “последнего целого”. Таким образом, бахтинская полифония отражает не только горизонтальный принцип фабульной организации романа Достоевского, но и предполагает вертикаль “целого полифонического романа” как уровня высшей взаимообусловленности творца и творения», – отмечает исследовательница [Кравченко: 127]. Во-вторых, в противопоставлении эпоса и романа, в скрытом споре с советскими идеологами Бахтин сам стал заложником ситуации: он вынужден был говорить о полюсном разведении романа и эпоса, эпопеи. Описывая роман как «вечно ищущий, вечно исследующий себя самого и пересматривающий все свои сложившиеся формы жанр», «строящийся в зоне непосредственного контакта со становящейся действительностью», ученый считал, что именно роман способен воплотить настоящую жизнь, что это не масштаб эпопеи [Бахтин 1975: 482]. Процессу приобретения романом эпического характера, выдвинутому новыми идеологами (но на самом деле возможного только в определенных условиях – к примеру, в русской

литературе XIX в.), Бахтин противопоставляет романизацию: «Ни о какой гармонии на основе взаиморазграничения и взаимодополнения не может быть и речи. Роман пародирует другие жанры (именно как жанры), разоблачает условность их форм и языка, вытесняет одни жанры, другие вводит в свою собственную конструкцию, переосмысливая и переакцентируя их» [Бахтин: 449].

Как справедливо отметил Н.Д. Тмарченко, в статье «Эпос и роман» Бахтин однозначно обходит стороной вопрос о жанровом и родовом синкретизме, который не раз ставился до него в работах о специфике романа: эти рассуждения были невыгодны ученому, поскольку они отдаленно перекликались с возможностью появления романа-эпопеи и утверждали (как получается) новое социалистическое искусство. Под предшественниками Бахтина Н.Д. Тмарченко понимает А.Н. Веселовского и Вяч.И. Иванова: «Бахтин, по контрасту с Веселовским, рассматривает возможный генезис эпопеи, исходя не из гипотез о синкретизме и органическом развитии, а из полярности структуры этого жанра и романного типа художественного целого [Тмарченко 2007: 40; 46].

Исследователи творчества Бахтина уже пришли к выводу о значимости для ученого не столько идей, сколько диалогического противостояния позиций. И некоторые несогласия Бахтина с А.Н. Веселовским и Вяч.И. Ивановым можно объяснить именно его желанием создания теории, полюсной взглядам советской власти на литературу и ее функции.

Несмотря на то, что концепция полифонического романа Бахтина выросла на идеях Вяч.И. Иванова, Бахтин, как отмечает О.А. Кравченко, «критически относится к ивановскому определению формы романа как “романа-трагедии”, расценивая ее как “художественный гибрид”» [Кравченко: 120]. Бахтин аккуратно обходит идеал хорового начала, соборного единения, играющий значительную роль в работе Вяч.И. Иванова, у которого всенародность часто ассоциируется с эпичностью.

Вяч.И. Иванов в работе «Достоевский и роман-трагедия», оговариваясь об отличии вершинных образцов романа второй половины XIX в. от эпоей Гомера, все-таки подчеркивает необходимость выделения лучших романов указанного времени в отдельную группу, рассуждая об их соотношении с эпосом: «Наш роман большого стиля... я назвал бы, – применяя термин, предложенный рано умершим и даровитейшим французским критиком Геннекеном, – романом демотическим (от слова демос – народ). ...Этот роман среднего, демотического искусства возвышается в созданиях, прежде всего, самого Достоевского до высот мирового, вселенского эпоса и пророчесственного самоопределения народной души» [Иванов]. Ученый считает, что роман-трагедию необходимо рассматривать

не как искажение чисто эпического романа, а «как его обогащение и восстановление в полноте присутствующих ему прав» [Иванов]. С Ивановым в данном случае можно вполне согласиться, если сделать оговорку о понимании под трагичностью не древних форм, соотносимых с трагедиями, но особого мироощущения, состояния. «Трагичность в русском романе совершенно особенная: она зачастую и переводит частную тему в общий план, придает ей эпическое звучание», – отмечал Б.И. Бурсов [Бурсов 1967: 374].

Обратим внимание на тот факт, что Бахтин находит у Иванова, выявляет и отрицает монологическое (почти синоним эпического), а также соотнесения с эпопеей – нельзя не оценивать этот ход отчасти как полемический уже не столько по отношению к Иванову, сколько в направлении советского литературоведения. «Таким образом, Вячеслав Иванов, найдя глубокое и верное определение для основного принципа Достоевского – утвердить чужое “я” не как объект, а как другой субъект, – монологизовал этот принцип, т. е. включил его в монологически сформулированное авторское мировоззрение и воспринял лишь как содержательную тему изображенного с точки зрения монологического авторского сознания мира», – писал Бахтин в «Проблемах творчества Достоевского» [Бахтин].

Взяв у Иванова основу для теории диалогичности, Бахтин, как показывает Н.Д. Тамарченко, в противопоставлении эпоса и романа следовал за А.Н. Веселовским, по всей видимости, очень не желая выходить к эпосу нового и новейшего искусства: «В действительности мысль Вяч. Иванова явно проделывает круг, намечая – в противовес дихотомии “эпос – роман” у Веселовского – циклический процесс эволюции: от первоначального эпоса к роману, а от него – к новому, возрожденному эпосу» [Тамарченко 2007, 37–38]. Так, основывая свою новую концепцию на фундаменте, построенном Ивановым, Бахтин в противопоставлении эпоса и романа соглашается с А.Н. Веселовским, который описал ощущения новых романистов, оказавшихся в слишком сложном мире, наполненном проблемами, событиями, подробностями психологической жизни людей: они «ощутили себя чем-то отдельным от эпика, не рассказчиками старого предания, а изобразителями нового, реального» [Веселовский]. Отмечая усложнение жизни и ее воплощение в художественном мире романа, написанного прозой, Веселовский еще не увидел значительных поэтических обобщений русских классиков первого ряда.

Не будем подробно останавливаться на оппозиции ранних убеждений Н.Я. Берковского и М.М. Бахтина, отметим лишь, что ставший одним из зачинателей большого спора, Берковский позднее отошел от прежних своих позиций, глубоко и всесторонне обосновав эпическую широту русского классического романа.

Нельзя исключать того факта, что позиция и убеждения позднего Берковского оказались сформированными именно благодаря возражениям М.М. Бахтину, полемике на тему эпического в литературе, которая вывела его уже в 1960–70-е гг. к осмыслению мирового значения русской классики. То есть от «фокуснического устранения реальности», от марксистской парадигмы благодаря именно оппозиционным суждениям Берковский проделал путь до утверждения жизни в большом эпосе. Настоящий эпос современности он открыл для себя и описал для читателей именно в русской классике XIX в.: «Западная критика уже давно оценила русский роман как эпопею. По крайней мере, во всех отзывах о Толстом, от самых ранних и до отзывов сегодняшних, проводится сравнение Толстого с Гомером, “Войны и мира” с “Илиадой” и с “Одиссеей”. К сожалению, сравнения эти делаются в чересчур буквальном смысле и во Льве Николаевиче не шутя хотят видеть древнего аэда, а в “Войне и мире” – поэму в прозе о древних воинах и патриархах» [Берковский: 42]. Причем именно русская классика XIX в., а не советская проза стала для Берковского эталоном эпического искусства в новом времени: «Разумеется, эпический стиль в новом русском искусстве иной, он только создает впечатление наивной реальности, на деле же он прошел через все усложнения современной культуры. Он предполагает зрителя, но он преодолевает обособленность зрителя» [Берковский: 105].

В 1960-е гг. проблема эпического ставится в литературоведении неоднократно, особенно активно она обсуждается на страницах журнала «Вопросы литературы». Стоит упомянуть статью Е.М. Мелетинского «Вопросы теории эпоса в современной зарубежной науке» [Мелетинский]. В ней ученый противопоставляет советских фольклористов, анализирующих эпическую героину, и индивидуалистическую концепцию эпического богатырства, разработанную английскими учеными. В указанном противопоставлении есть доля истины, но Е.М. Мелетинский проводит его с позиции советского понимания эпического: «Поднимая вопрос о характере эпической идеализации, мы полемизируем уже не только с индивидуалистической концепцией природы эпического, мы оспариваем и “аристократизм” эпоса, и присущее “исторической школе” представление о прямом отражении исторических фактов и лиц» [Мелетинский]. К описанию современного эпического искусства подключаются В.В. Кожин и М.Б. Храпченко. Первый в статье «Роман – эпос нового времени» [Кожин] полемизирует с В.Д. Днепровым, доказывая существование эпоса в современной литературе: «Современный роман насквозь пронизан внутренними токами лиризма. Но это не мешает ему быть эпической, “объективированной” картиной человеческой жизни» [Кожин].

М.Б. Храпченко в работе «Искусство эпических обобщений» [Храпченко] возвращается к рассуждениям о русской классике, в частности – о творчестве Л.Н. Толстого. Конечно, мастерство Толстого-реалиста связывается ученым с видением и пониманием определенных общественных процессов, с неприемлемой позицией по отношению к угнетателям, но М.Б. Храпченко отмечает, что «описание крупных исторических явлений» не всегда составляет «неотъемлемую особенность эпоса нового времени»: «Такого рода освещение жизни отсутствует и в “Анне Карениной”, и в “Воскресении”. И это, однако, не лишает названные романы их подлинно эпической масштабности» [Храпченко].

Достоинство вышеуказанных статей заключается даже не столько в решении возникавших вопросов, сколько в их постановке: еще в статье 1957 г. В.В. Кожин обозначил три различных толкования термина «эпическое»: определенный, эпический способ изображения; монументальную (эпопейную) картину действительности; объективный, отличающийся спокойствием эпический образ.

Н.Д. Тамарченко выделяет две ветви исследований эпоса, эпического: осмысление образа мира в художественном произведении и осмысление типа художественного текста. Большинство работ советских литературоведов он относит к первой ветви: «На общем фоне чрезвычайно популярных у нас в XX в. описательных работ такого рода немногие более продуманные исследования выделяются идеей, согласно которой историческое назначение романа состоит как раз в том, чтобы он стал подобием эпопеи (“роман – эпос нового времени”) и, следовательно, “синтетические” или “открытые” формы, осуществившие это назначение, должны быть противопоставлены другим формам этого жанра, не являющимся “подлинными”, “настоящими” романами [Тамарченко 2003: 220]. Н.Д. Тамарченко здесь в целом отражает общую оценку работ советских ученых, однако она получается уж слишком негативно-однозначной: не все исследователи так жестко выстраивали линию перерастания романа в эпопею.

Сложно согласиться с Г. Белой и в оценке трудов А.В. Чичерина: цитируя его уже поздние работы, исследовательница делает вывод, что А.В. Чичерин «скорее внушал, чем структурировал признаки жанра», что в лексике его «сохранялась ходульная риторика», а роман-эпопея рассматривался с точки зрения «истинно советского историзма». Необходимо учитывать, что работы советских литературоведов всегда проходили своеобразную цензуру, и А.В. Чичерин, несколько раз арестованный советской властью, сосланный на Урал, после живший в Орле, Воронеже и Костроме, вынужден был не только скрывать свою истинную позицию (он был верующим человеком,

что очень тонко отражено во всех литературоведческих трудах ученого), но и обходиться общепринятыми формулами, чтобы его работы были опубликованы. На следующий год после защиты Чичериным докторской диссертации (1947 г.), посвященной жанру романа-эпопеи, его уволили с работы, поскольку ученый не скрывал своей веры в Бога.

В диссертации и ряде последующих книг Чичерин (достаточно рано по сравнению со многими советскими учеными) выходит к важным открытиям и прозрениям относительно жанра романа-эпопеи, обретения романом особой широты и эпической доминанты в русской классической литературе. «Ходульной риторике» Чичерин не мог избежать в силу жизни и работы в СССР, но многие его философские обобщения и выводы доказывают осмысление ученым того религиозного сознания, которое было свойственно русским классикам, нашло воплощение в их художественных мирах и позволило им воплотить эпическую широту мира. Так, Чичерин пишет, что Гегель «совершенно прав, когда полноту, додуманность, завершенность считает законным требованием настоящего эпического искусства»: «Да, необходима завершенность, полнота образа, даже отдельной фразы, тем более произведения в целом – всё это так. Но в том-то и дело, что незавершенность, говорящая о бесконечности жизни, открывающая беспредельный простор, и есть подлинная полнота “абсолютного эпоса”» [Чичерин: 25].

По нашему мнению, основные положения поздних работ А.В. Чичерина стоит относить не к прославлению советского искусства, а к независимым и объективным рассуждениям о жанре. Заслуга Чичерина в построении ряда эпических жанров, в обосновании термина роман-эпопея признается большинством современных исследователей. Н.Л. Лейдерман в своей последней книге «Теория жанра: исследования и разборы» отметил, что полностью поддерживает Чичерина в том, что роман-эпопея – это логичное завершение всех жанров, вершина эпического искусства. Между тем стоит кратко остановиться и на показателем изменении позиции Н.Л. Лейдермана, активно употреблявшего термин эпический роман в своих трудах разных лет.

В монографии «Движение времени и законы жанра», вышедшей в Свердловске в 1982 г., Н.Л. Лейдерман подробно рассматривает понятие эпический роман, причем делает это очень аккуратно, по всей видимости, проникательно уловив сложность и неоднозначность этого термина. Ученый считает, что в работе Бахтина «Эпос и роман» была произведена «передвижка» теоретических масштабов, так как Бахтин начал свои исследования с постановки жанровых проблем, а затем перешел на общий теоретический уровень [Лейдерман 1982: 134].

Примечательно, что характерные обобщения Бахтина отмечают многие современные исследователи. Так, С.И. Ермоленко считает, что «...положение Бахтина “верно” относительно романа как жанра вообще, “неактуальными” же для “конкретных периодов” могут оказаться те или иные типы романа, те или иные его жанровые модификации» [Ермоленко: 38].

Выдвигая предположение, что Бахтин термином «роман» обозначил не просто жанр, а «некую принципиальную направленность содержательной формы (“конститутивные черты”), свойственную целой группе жанров и опредмечивающую их семантическое родство», Лейдерман в книге 1982 г., в рассуждении о романе как об эпосе нового времени достаточно прямо и идеологически односторонне опирается на Белинского [Лейдерман 1982: 135]. Нельзя сказать, что Лейдерман в чем-то заблуждался, поскольку в монографии нет четкой привязки ко времени: ученый не говорит об однозначном появлении эпического романа и романа-эпопеи в советском искусстве, более того, его определение эпического романа можно считать универсальным, полным и актуальным: «В романе нового времени самой влиятельной была традиция эпического романа (или точнее – романа объективно-повествовательной структуры). В этом типе романа эпический смысл, открывающий объективные связи действительности (со-бытие), воплощается в самой адекватной форме – в форме объективированного саморазвития художественного мира, подчеркнуто независимого от восприятия субъекта речи. ...Разумеется, новое рождение эпического романа обусловлено и творческой активностью художников особого, эпического склада, мерой их проникновения в объективные процессы действительности» [Лейдерман 1982: 142–143].

Однако в указанной монографии 1982 г. Лейдерман отдал дань советскому пониманию эпического искусства: он попытался притянуть к эпическому роману «Живые и мертвые» К. Симонова, назвав произведение «большой удачей эпической традиции», отметив, что у автора получилась «новая разновидность эпического романа-хроники» [Лейдерман 1982: 143].

Между тем в книге Н.Л. Лейдермана «Теория жанра: исследования и разборы», вышедшей в Екатеринбурге в 2010 г., раздел 4.3. имеет название «Опыт несостоявшегося синтеза (Трилогия К. Симонова “Живые и мертвые”)». Ученый с высоты уже постсоветского времени еще раз оценивает возможность появления эпопеи в советском искусстве, причем значимо тут и сравнение не с древними эпопеями, но с русской классикой: «Сразу же после окончания Второй мировой войны появились прогнозы относительно того, когда и кем будет написан новый роман-эпопея, подобный “Воине и миру”» [Лейдерман

2010: 292]. Лейдерман показывает, что усилия К. Симонова по созданию эпопеи не увенчались успехом.

Ученый справедливо называет роман-эпопею «ансамблевым жанром», подчеркивает, что мирообраз в нем всегда формируется на основе синтеза следующих жанровых структур: семейно-бытового, социально-психологического, исторического и философского романов» [Лейдерман 2010: 299]. Он подходит к определению эпического романа как вершинной и доминантной формы жанра второй половины XIX в., наиболее полной, вбирающей в себя многие жанровые разновидности. Рассуждения Лейдермана логично вписаны в историю развития и становления жанра романа. В.И. Козлов отмечает, что «в наследии ученого жанр используется как инструмент прочтения – эта нацеленность на прикладное значение жанра как категории, позволяющей значительно углублять прочтение литературного произведения, вписывает уральского теоретика в общеевропейский контекст жанровых исследований конца XX века» [Козлов: 506].

Однако очень важны в последней монографии Лейдермана рассуждения не просто о жанровой специфике, но об особом *духовном состоянии русских писателей* и настроениях общества: «Формирование романа-эпопеи всегда идет неспешно. Оно определяется не только тем, что в теории систем называется “пространством способностей” (в данном случае – субъективными устремлениями и талантом художника), но прежде всего “пространством возможностей”, то есть “состоянием мира” и “состоянием духа”, а также определенным уровнем жанрового развития литературы» [Лейдерман 2010: 298]. Именно внимание к состоянию духа человека, неведомая западноевропейскому обществу соборность русской жизни отличает наш эпический роман. Несомненно связь появления этой жанровой доминанты и с определенным уровнем развития русского реализма. Найденная русскими писателями уникальная пропорция в представлении действительности и идеала, Божественного промысла, который и в жизни явлен не в виде чудес, а в виде улавливаемых людьми совпадений, позволили им сосредоточиться не на какой-то одной сфере жизни, но представить в своих художественных мирах уникальное совмещение интереса к социальным вопросам, психологии, политике, к вечным проблемам, в том числе вопросу иного бытия, влияния Провидения на судьбу человека и движение истории.

Для дальнейшего рассуждения важно провести различие между романом-эпопеей и эпическим романом. Вслед за Г.Д. Гачевым можно с уверенностью сказать, что для эпопеи нужна война, изображение этой войны в художественном мире произведения, переживание ее личностью, народом, государством: «Тогда государство идет на поклон, обращаясь с воззванием к народу

и называет своих членов уже не “граждане” и не “подданные”, а “дорогие соотечественники”, “братья и сестры”, “друзья мои”, т. е. применяет понятия из обихода естественного, патриархального общежития. Тогда – перед лицом смерти – может, как впервые, встать и проясниться и вопрос его (данного государственного целого) рождения и сути: что оно не вечно, а из чего-то и для чего-то на время рождается; и здесь демонстрируется зависимость государства от народа, политической жизни – от трудовой, общества – от природы» [Гачев: 83–84]. Однако в жизни каждого государства и народа бывают кризисные ситуации, которые даже при отсутствии внешних угроз ставят страну на грань кардинальных изменений, когда в дальнейшем может быть поставлен вопрос о небытии государства – как правило, речь идет о глобальных процессах внутри страны, которые являются и отражением общемировых тенденций, угроз и т. п. В любом случае основой эпического романа, в котором может и не быть внешних потрясений, становится глубинный духовный кризис общества, во время которого неизменно ставится вопрос о противопоставлении рассудка верующему разуму.

Возвращаясь к статье Г. Белой, подытожим, что при верной оценке полемики 1920–30-х гг., исследовательница оставляет без внимания истинные смыслы терминов роман-эпопея и эпическое, фактически соглашаясь с Г.Н. Пospelовым лишь в возможности их метафорического употребления по отношению к литературе нового и новейшего времени. Оговорившись о полемичности статей М.М. Бахтина, исследовательница не учитывает их многозначность, распространяя марксистскую парадигму почти на все работы ученых XX в. Между тем возвращение «от версий о реальности к самой реальности» требует и особо внимательного прочтения работ М.М. Бахтина. По нашему мнению, наряду с указанием на полюсные различия романа и эпопеи, принципиальное разведение их во времени, ученый сделал особые замечания относительно национальной специфики развития литератур: «Мир эпопеи – национальное героическое прошлое, мир “начал” и “вершин” национальной истории, мир отцов и родоначальников, мир “первых” и “лучших» [Бахтин 1975: 456]. В контексте размышлений о русской литературе акценты должны быть расставлены совсем другим образом, нежели при абстрактном рассуждении о жанрах вне привязки к стране и времени.

Список литературы

Андреева В.Г. Народная тема как эпическая основа романа И.С. Тургенева «Новь» // Известия Южного федерального университета. 2020а. № 4. С. 169–181. DOI <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2020-4-169-181>

Андреева В.Г. Образ земли как одна из эпических основ художественных миров романов Л.Н. Толстого // Два века русской классики. 2020б. Т. 2. № 2. С. 192–227. DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-2-192-227>

Андреева В.Г. Феномен русского эпического романа // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2020в. № 6. С. 110–117. DOI <https://doi.org/10.20339/PhS.6-20.110>

Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. URL: http://az.lib.ru/b/bahtin_m_m/text_1929_problemy_tvorchestva_dostoevskogo.shtml

Бахтин М.М. Эпос и роман // Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 447–483.

Беглов В.А. Эпопея в русской литературе XIX–XX вв.: становление и трансформации: автореф. ... докт. филол. наук. 2006. 46 с.

Белая Г. «Фокусническое устранение реальности»: (О понятии «роман-эпопея») // Вопросы литературы. 1998. № 3. С. 170–201. URL: <https://voplit.ru/2021/03/29/fokusnicheskoe-ustranenie-realnosti-oponyatii-roman-eroreya/> (дата обращения: 03.06.2021).

Берковский Н.Я. О мировом значении русской литературы. Л.: Наука, 1975. 184 с.

Бурсов Б.И. Лев Толстой и русский роман. М.; Л.: АН СССР, 1963. 152 с.

Бурсов Б.И. Национальное своеобразие русской литературы. Л.: Сов. писатель, 1967. 396 с.

Веселовский А.Н. История или теория романа? URL: http://az.lib.ru/w/weselowskij_a_n/text_1886-istoria_ili_teoria_romana.shtml (дата обращения: 03.06.2021).

Гачев Г.Д. Содержательность художественных форм. М.: Просвещение, 1968. 302 с.

Гулин А.В. Несбывшийся эпос (Л.Н. Толстой в работе над романом из времени Петра I) // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 3. С. 86–117. DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-3-86-117>

Ермолаева Н.Л. Многозначность образа камня в эпическом мире романной трилогии И.А. Гончарова // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 8–16. DOI <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2020-2-21-8-16>

Ермоленко С.И. Роман в русской литературе 80-х гг. XIX века: к проблеме «кризиса» жанра // Филологический класс. 2015. № 3 (41). С. 36–40.

Иванов В.И. Достоевский и роман-трагедия. URL: http://az.lib.ru/i/iwanow_w_i/text_0010.shtml

Казакова С.К. Частный интерес и общее благо: отзвук эпохи великих реформ в романе И.А. Гончарова «Обрыв» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 7. С. 95–102. DOI <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2020.530>

Козлов В.И. Н.Л. Лейдерман. Теория жанра // Вопросы литературы. 2012. № 4. С. 506–509.

Кожин В.В. Роман – эпос нового времени // Вопросы литературы. 1957. № 6. С. 64–93.

Кравченко О.А. Концепция «романа-трагедии»: полемика М. Бахтина с Вяч. Ивановым // Новый филологический вестник. 2011. № 1 (16). С. 120–128.

Лейдерман Н.Л. Движение времени и законы жанра. Свердловск: Сред.-Урал. книж. издат., 1982. 256 с.

Лейдерман Н.Л. Теория жанра: исследования и разборы. Екатеринбург, УрГПУ, 2010. 904 с.

Мелетинский Е. Вопросы теории эпоса в современной зарубежной науке // Вопросы литературы. 1957. № 2. С. 90–112.

Михновец Н.Г. Роман Л.Н. Толстого «Воскресение» как эпический: авторский подход к изображению фактов современности и их оценка // Вестник Костромского государственного университета. 2020а. Т. 26, № 2. С. 132–138. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-2-132-138>

Михновец Н.Г. Эпический разворот сюжета вины от сна Прохарчина к сну Дмитрия Карамазова // Научный диалог. 2020б. № 9. С. 265–283. DOI <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-9-265-283>

Свищов В. Вера и неверие: Достоевский, Толстой, Чехов и другие // Вопросы литературы. 1998. № 5. С. 176–207.

Тамарченко Н.Д. М.М. Бахтин, А.Н. Веселовский и Вяч.И. Иванов: теория романа и его историческая поэтика // Новый филологический вестник. 2007. № 2 (5). С. 34–48.

Тамарченко Н.Д. Эпика // Теория литературы. Т. 3. Роды и жанры. М.: ИМЛИ РАН 2003. С. 219–244.

Храпченко М.Б. Искусство эпических обобщений // Вопросы литературы. 1960. № 10. С. 66–86.

Чичерин А.В. Возникновение романа-эпопеи. М.: Сов. писатель, 1975. 376 с.

References

Andreeva V.G. *Narodnaia tema kak epicheskaia osnova romana I.S. Turgeneva “Nov”* [Folk Theme as an Epic Basis of Ivan Turgenev’s Novel “Virgin soil”]. *Izvestiia Iuzhnogo federal’nogo universiteta* [News of the Southern Federal University], 2020а, № 4, pp. 169–181. DOI <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2020-4-169-181> (In Russ.)

Andreeva V.G. *Obraz zemli kak odna iz epicheskikh osnov khudozhestvennykh mirov romanov L.N. Tolstogo* [The image of the earth as one of the epic foundations of the artistic worlds of Leo Tolstoy’s novels]. *Dva veka russkoi klassiki* [Two centuries of the Russian classics], 2020b, vol. 2, № 2, pp. 192–227. DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-2-192-227> (In Russ.)

Andreeva V.G. *Fenomen russkogo epicheskogo romana* [The phenomenon of the Russian epic novel]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly* [Philological sciences. High school scientific reports], 2020v,

№ 6, pp. 110–117. DOI <https://doi.org/10.20339/PhS.6-20.110> (In Russ.)

Bakhtin M.M. *Problemy tvorчества Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky’s Creativity]. URL: http://az.lib.ru/b/bakhtin_m_m/text_1929_problemy_tvorchestva_dostoevskogo.shtml (In Russ.)

Bakhtin M.M. *Epos i roman* [Epic and novel]. *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1975, pp. 447–483. (In Russ.)

Beglov V.A. *Epopeia v russkoi literature XIX–XX vv.: stanovlenie i transformatsii*: avtoref. ... dokt. fil. nauk [Epic in Russian literature of the XIX–XX centuries: PhD thesis], 2006, 46 p. (In Russ.)

Belaia G. *“Fokusnicheskoe ustranenie real’nosti” (O ponyatii “roman-epopeia”)* [“Fictional elimination of reality” (On the concept of “novel-epic”)]. *Voprosy literatury* [Voprosy literatury], 1998, № 3, pp. 170–201. URL: <https://voplit.ru/2021/03/29/fokusnicheskoe-ustranenie-realnosti-o-ponyatii-roman-epopeya/> (In Russ.)

Berkovskii N.Ia. *O mirovom znachenii russkoi literatury* [On the world significance of Russian literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1975, 184 p. (In Russ.)

Bursov B.I. *Lev Tolstoi i russkii roman* [Leo Tolstoy and the Russian novel]. Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ., 1963, 152 p. (In Russ.)

Bursov B.I. *Natsional’noe svoeobrazie russkoi literatury* [National originality of Russian literature]. Leningrad, Sov. pisatel’ Publ., 1967, 396 p. (In Russ.)

Veselovskii A.N. *Istoriia ili teoriia romana?* [History or theory of the novel?] URL: http://az.lib.ru/w/weselovskij_a_n/text_1886_istoria_ili_teorija_romana.shtml (In Russ.)

Gachev G.D. *Soderzhatel’nost’ khudozhestvennykh form* [The richness of artistic forms]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1968, 302 p. (In Russ.)

Gulin A.V. *Nesbyvshisya epos (L.N. Tolstoi v rabote nad romanom iz vremeni Petra I)* [An unrealised epic (Leo Tolstoy busy with a novel of the days of Peter I)]. *Dva veka russkoi klassiki* [Two centuries of the Russian classics], 2020, vol. 2, № 3, pp. 86–117. DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-3-86-117> (In Russ.)

Ermolaeva N.L. *Mnogoznachnost’ obraza kamnia v epicheskom mire romannoii trilogii I.A. Goncharova* [Multiple meanings of the image of stone in the epic world of the novel trilogy by I. A. Goncharov]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik* [Verkhnevolzhsky philological bulletin], 2020, № 2 (21), pp. 8–16. DOI <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2020-2-21-8-16> (In Russ.)

Ermolenko S.I. *Roman v russkoi literature 80-kh gg. XIX veka: k probleme “krizisa” zhanra* [A novel in Russian literature of the 80s. XIX century: on the problem of the “crisis” of the genre]. *Filologicheskii klass* [Philological class], 2015, № 3 (41), pp. 36–40. (In Russ.)

Ivanov V.I. *Dostoevskii i roman-tragediia* [Dostoevsky and the tragedy novel]. URL: http://az.lib.ru/i/iwanow_w_i/text_0010.shtml (In Russ.)

Kazakova S.K. *Chastnyi interes i obshchee blago: otzvuk epokhi velikikh reform v romane I.A. Goncharova "Obryv"* [Private interest and common good: echo of the great reforms era in Ivan Goncharov's novel "The Precipice"]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2020, vol. 42, № 7, pp. 95–102. DOI <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2020.530> (In Russ.)

Kozlov V.I. *N.L. Leiderman. Teoriia zhanra* [N.L. Leiderman. The theory of genre]. *Voprosy literatury* [Questions of literature], 2012, № 4, pp. 506–509. (In Russ.)

Kozhinov V.V. *Roman – epos novogo vremeni* [The novel is an epic of modern times]. *Voprosy literatury* [Questions of literature], 1957, № 6, pp. 64–93. (In Russ.)

Kravchenko O.A. *Kontsepsiia "romana-tragedii": polemika M. Bakhtina s Viach. Ivanovym* [The concept of a "novel-tragedy": M. Bakhtin's polemic with Vyach. Ivanov]. *Novyi filologicheskii vestnik* [New philological bulletin], 2011, № 1 (16), pp. 120–128. (In Russ.)

Leiderman N.L. *Dvizhenie vremeni i zakony zhanra* [The movement of time and the laws of the genre]. Sverdlovsk, Sred.-Ural. knizh. izdat. Publ., 1982, 256 p. (In Russ.)

Leiderman N.L. *Teoriia zhanra: issledovaniia i razbory* [Genre theory: research and analysis]. Ekaterinburg, UrGPU Publ., 2010, 904 s. (In Russ.)

Meletinskii E. *Voprosy teorii eposa v sovremennoi zarubezhnoi nauke* [Questions of the theory of the epic in modern foreign science]. *Voprosy literatury* [Questions of literature], 1957, № 2, pp. 90–112. (In Russ.)

Mikhnovets N.G. *Roman L.N. Tolstogo "Voskresenie" kak epicheskii: avtorskii podkhod k izobrazheniiu faktov sovremennosti i ikh otsenka* [The novel "Resurrection" by Leo Tolstoy as an epic – the author's approach

to the image of facts of contemporaneity and their appraisal]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2020a, vol. 26, № 2, pp. 132–138. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-2-132-138> (In Russ.)

Mikhnovets N.G. *Epicheskii razvorot siuzheta viny ot sna Prokharchina k snu Dmitriia Karamazova* [Epic Reversal of the Plot of Guilt from Prokharchin's Dream to Dmitry Karamazov's Dream]. *Nauchnyi dialog* [Nauchnyi dialog], 2020b, № 9, pp. 265–283. DOI <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-9-265-283> (In Russ.)

Svintsov V. *Vera i neverie: Dostoevskii, Tolstoi, Chekhov i drugie* [Faith and unbelief: Dostoevsky, Tolstoy, Chekhov and others]. *Voprosy literatury* [Questions of literature], 1998, № 5, pp. 176–207. (In Russ.)

Tamarchenko N.D. *M.M. Bakhtin, A.N. Veselovskii i Viach.I. Ivanov: teoriia romana i ego istoricheskaia poetika* [M.M. Bakhtin, A.N. Veselovsky and Viach.I. Ivanov: Theory of the Novel and Its Historical Poetics]. *Novyi filologicheskii vestnik* [New Philological Bulletin], 2007, № 2 (5), pp. 34–48. (In Russ.)

Tamarchenko N.D. *Epika* [Epica]. *Teoriia literatury* [Theory of literature]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2003, t. 3: *Rody i zhanry* [vol. 3: Clans and genres], pp. 219–244. (In Russ.)

Khrapchenko M.B. *Iskusstvo epicheskikh obobshchenii* [The art of epic generalizations]. *Voprosy literatury* [Voprosy literature], 1960, № 10, pp. 66–86. (In Russ.)

Chicherin A.V. *Vozniknovenie romana-epopei* [The emergence of the epic novel]. Moscow, Sov. pisatel' Publ., 1975, 376 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 12.05.2021; одобрена после рецензирования 20.06.2021; принята к публикации 18.08.2021.

The article was submitted 12.05.2021; approved after reviewing 20.06.2021; accepted for publication 18.08.2021.

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 102–106. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 102–106. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821.161.1.09''19''

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-102-106>

КРЫМСКАЯ ВОЙНА 1853–1856 ГГ. В СЮЖЕТАХ РУССКИХ БАСЕН

Патрикеева Мария Вадимовна, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, keriotika@gmail.com

Аннотация. Автор статьи исследует отражение событий Крымской войны 1853–1856 гг. в сюжетах русских басен. В статье анализируется система персонажей, сюжетные доминанты басен, демонстрируются возможности этого жанра в описании военного столкновения России с враждебными ей государствами. Автор статьи указывает на общую задачу, объединяющую сюжеты басен разных поэтов, – подчеркнуть противостояние между сторонами конфликта, но в то же время рассматривает содержательные и стилистические особенности каждой басни в отдельности. Отмечая специфику басенного жанра периода Крымской кампании 1853–1856 гг., автор работы указывает и на его связь с традициями, заложенными в русской литературе И.А. Крыловым, что нашло отражение в сюжете, стилистике и многочисленных аллюзиях.

Ключевые слова: Крымская война, Крым, Россия, басня, иносказание, образы животных и птиц, антропологические образы

Для цитирования: Патрикеева М.В. Крымская война 1853–1856 гг. в сюжетах русских басен // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 102–106. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-102-106>

Research Article

THE CRIMEAN WAR OF 1853–1856 IN THE PLOTS OF RUSSIAN FABLES

Mariya V. Patrikeeva, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, keriotika@gmail.ru

Abstract. The author of the article examines the reflection of the events of the Crimean War of 1853–1856 in the plots of Russian fables. The article analyses the system of characters, plot dominants of fables, demonstrates the possibilities of this genre in describing the military clash of Russia with hostile states. The author of the article points to a common task that unites the plots of the fables of different poets (it was obligatory to emphasise the confrontation between the sides of the military conflict), but at the same time considers the content and stylistic features of each fable separately. Noting the specificity of the fable genre of the period of the Crimean campaign of 1853–1856, the author of the article points out its connection with the traditions laid down in Russian literature by Ivan Krylov, which were reflected in the plot, stylistics and numerous allusions.

Keywords: Crimean War, Crimea, Russia, fable, allegory, images of beasts and birds, anthropological images

For citation: Patrikeeva M.V. The Crimean War of 1853–1856 in the plots of Russian fables. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 102–106 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-102-106>

Крымская война 1853–1856 гг. стала для российского общества настоящим потрясением. Длительный характер войны, участие в ней нескольких европейских государств, объединившихся в своей агрессии против России, поражения, которые терпела страна в этой войне, повлияли на все стороны общественной мысли, на культуру, политику, экономику. Русская литература также откликнулась на события Крымской войны: появился целый ряд художественных произведений различных жанров и разного уровня художественной ценности, авторы которых стремились отразить на их страницах своё собственное и общественное отношение к Крымской войне. М.С. Федотова пишет о конструировании в русской литературе на примере Севастополя нового «героического канона» [Федотова: 3]. К.В. Ратников заявляет о «значительных художественных свершениях» [Ратников: 41], которых удалось достичь русской поэзии на военном материале. З.П. Табакова отмечает, что в литературе периода Крымской войны «раскрывается патриотизм русской армии» [Табакова: 39].

Одним из жанров, ставших актуальными в период войны и сразу после неё, стала басня, представляющая собой «жанр дидактической литературы: короткий рассказ в стихах или прозе с прямо сформулированным моральным выводом, придающим рассказу аллегорический смысл» [Гаспаров: 46]. Расцветом басни в русской литературе стали вторая половина XVIII – первая половина XIX в., а «с середины XIX в. басенное творчество в России и Европе угасает» [Гаспаров: 46].

В период Крымской войны 1853–1856 гг. басня вновь стала востребованным в русском обществе жанром. Читатели уже были знакомы с баснями И.А. Крылова, посвящёнными событиям Отечественной войны 1812 года, пользовавшимися большой популярностью у её участников. Крымская война органично унаследовала в восприятии современников «славные образы 1812-го года с его всенародным отпором французскому вторжению» [Ратников: 48]. Нельзя не согласиться с Н.Л. Степановым: жанр басни, с начала 40-х годов терявший свою популярность, возродился в последующие исторические периоды, когда был особенно необходим «для выражения демократических, прогрессивных настроений в народных, широко доступных и понятных поэтических формах» [Степанов: 67]. Демократичность басни, обусловленная узнаваемостью системы её образов, обращённостью к широкой аудитории, установкой на отражение народного сознания, можно считать основной причиной востребованности этого жанра в период Крымской войны. В то же время басни, написанные во время Крымской войны 1853–1856 гг. и посвящённые её событиям, оказались недостаточно изученными современным литературоведением. Так, Г.В. Федянова, анализируя поэзию пе-

риода Крымской войны, басню практически не затрагивает [Федянова].

Целью данного исследования стало выявление содержательных и стилистических особенностей произведений в жанре басни, созданных в России в период Крымской войны 1853–1856 гг. Материалом для исследования стали басни «Нынешние друзья» П.П. Татаринова (1854) [Татаринов: 4–5], «Русский молодец и заморские гости» П.А. Каратыгина (1854) [Каратыгин: 14–18], «Орёл и три ястреба» М.С. Владимиров (1854) [Владимиров: 35–38], а также стихотворение «Подвиги союзников французов и англичан в 1854 г., или Вот Крыловская синица оправдалась наяву» А.А. Кононова (1855) [Кононов], название которого указывает на аллюзию, ставшую основой стихотворения.

Война 1853–1856 гг. показана в анализируемых баснях как «один из важнейших героических и народно-патриотических символов» [Федотова: 5]. Басни, написанные и изданные в самый разгар сражений, посвящены представлению в иносказательной форме основных событий Крымской войны. При этом в каждом из рассматриваемых произведений имеются особенности как содержательного, так и стилистического плана.

П.П. Татаринов использует в своей басне образы животных, с помощью которых иносказательно изображает участников Крымской войны. Несложно догадаться, что под Бульдогом и Лисицей, появляющимися уже в первой строке басни, скрываются соответственно Англия и Франция, вступившие в союз против России:

Бульдог с Лисицей подружились,
Между собою согласились,
Чтоб сообща зверей ловить,
Добычу поровну делить... [Татаринов: 4]

Интересно, что третий союзник, Турция, в басне не изображается. Россия представлена автором в образе Льва:

...Преважно, медленной стопою
Идёт огромный Лев... [Татаринов: 4].

Сюжет басни предельно прост: увидев Льва и осознав его могущество, Бульдог и Лисица не могут решить, кто из них должен первым вступить в схватку с царём зверей, и ссорятся между собой:

Бульдог ругается от злости:
Твои пощупаю я кости.
И только это он сказал:
Лисицу тут же растерзал [Татаринов: 4].

Басня заканчивается моралью и пожеланием, обращённым к врагам России: «*Смотрите, новые друзья, / Чтоб не сбылася баснь моя!*» [Татаринов: 4].

Выбор П.П. Татариновым образов животных вполне ожидаем и обоснован: бульдог – один из символов Англии, а на территории Франции водится мно-

го лис, кроме того, лисица ассоциируется с Францией как хитрое животное, символ лицемерия и обмана; лев является символом господства, активно используемым «в оформлении царских регалий Московской Руси» [Пчелов: 4].

Данная басня характеризуется предельной простотой и прозрачностью сюжета, автор проявляет минимализм в формировании состава персонажей и точность в их коннотациях. С помощью образа Льва недвусмысленно и просто выражается идея превосходства России над Западом, а финал басни указывает на нерадужные перспективы, которые пророчит союзникам автор.

Символы, связанные с природным миром, использует и М.С. Владимиров в басне «Орёл и три ястреба», выбирая при этом орнитологические объекты. Россия, естественно, выступает в образе Орла, который, как и образ Льва, символизирует господство и напрямую отсылает к геральдике российского государства. Описывая Орла, автор стремится подчеркнуть желание российского государя защищать жителей других стран – православных, которых притесняют, отсылая тем самым к причинам Крымской войны.

Орёл, достойный представитель
Величия, могущества и доблести Царей,
Всех добрых птиц Отец и Покровитель
И счастья общего Блюститель... [Владимиров: 36].

Присутствуют в басне и собственно эти «притесняемые» народы, выведенные автором в образе «смиранных кур дворовых стаи», на которых «три сильных ястреба напали, / Разбили их, перепугали, / Пустили кровь и пух» [Владимиров: 35–36]. Под тремя ястребами понимаются союзники, выступившие в Крымской войне против России, – Англия, Франция и Турция. Далее, по сюжету басни, Орел вступает за обиженных кур и посылает ястребам предупреждение, которому они не внимают, продолжая свои бесчинства:

И вот ничтожная, безумная их сила
Царю-Орлу
Кровавую, позорную войну
С бесстыдством объявила [Владимиров: 35–36].

В басне выстраивается более сложный сюжет и формируется более разветвленная система персонажей, в которую входят не только притесняемые народы-«куры», Орёл и три ястреба, но и «миллионы верных слуг» [Владимиров: 35–36], которых легко находит Орёл, то есть русская армия, а также «три старых сокола» [Владимиров: 35–36], в которых читателю предлагается угадать, по-видимому, адмиралов В.А. Корнилова, П.С. Нахимова, В.И. Истомина. Кратко описывает автор победу трёх соколов:

Крамольников, столь храбрых на словах,
Разбили в пух и в прах –
И разогнали!!! [Владимиров: 35–36].

В данной басне уже практически ненужной выглядит мораль, призванная пояснить содержание для читателей, поскольку символика вполне ясна, но автор всё же вводит её в конец текста в соответствии с традициями жанра, при этом не отходя от символического изображения персонажей войны:

На Русь три хищных ястреба идут,
Но тщетны и смешны их дерзкие усилья:
Орёл и Соколы повыщиплют им крылья...
[Владимиров: 35–36]

В басне видно стремление автора детально изобразить агрессию Запада и противостоящую ей силу русского солдата и умения русских полководцев.

В басне «Русский молодец и заморские гости» П.А. Каратыгина, в отличие от рассмотренных выше, автор не использует образы птиц или животных. Россия выступает здесь как «русский молодец» – «парень сильный и могучий: / Рост богатырский, взгляд весёлый и живой, / Косой саженью грудь, на груди – крест святой» [Каратыгин: 14], а противостоящие ей в Крымской войне страны – как «заморские гости» – «три хвата» [Каратыгин: 15]. В качестве причины войны здесь называется не агрессия против православных, а зависть «заморских гостей» к России: «И с парня глаз они завистливых не сводят» [Каратыгин: 15].

П.А. Каратыгин детально описывает каждого из «заморских гостей» с тем, чтобы читатель угадал в «рыжем» с «мешками денег» – Англию, в «поджаром и худом», «в усах, с козлиной бородой», похожем на петуха, – Францию, а в том, который «одет каким-то басурманом» [Каратыгин: 15], – Турцию. Мы видим, что иносказание присутствует в басне несмотря на то, что использованы антропологические образы.

Столкновение между противниками показано в басне как двухэтапное действие: сначала перебранка, в которой «заморские гости» вербально излагают свою зависть: «Ты чересчур силён и далеко уйдёшь» [Каратыгин: 16], а затем и потасовка:

Но Русский молодец на шаг не отступил <...>
Он только рукава по-русски засучил <...>
Как начал угощать гостей куда попало,
Так вскоре их и след простыл! [Каратыгин: 17].

В композиции басни явно сформулированной морали нет, однако присутствует заключение, в котором читатель узнаёт, что «Русский молодец пошёл своей дорогой...» [Каратыгин: 17], расправившись с «заморскими гостями».

В данной басне мы также видим достаточно сложный сюжет, иносказательно показывающий читателю различные стороны и этапы войны. Стоит отметить, что главный герой «Русский молодец» символизирует не царя, как Лев или Орёл, а, скорее, Россию, весь русский народ.

Басни, написанные и опубликованные в самый разгар Крымской войны, апеллируют к патриотическим чувствам читателей, однако авторы при этом стремятся не только просто призвать всех защищать Родину, но и объяснить читателям в иносказательной форме ситуацию, обрисовать основные события и основных героев войны.

В рассмотренных баснях явно просматривается басенная традиция И.А. Крылова. К примеру, М.С. Владимиров вводит в текст прямую цитату из одной из басен великого предшественника:

Хоть многие, я слышал, говорят:
«У сильного – всегда бессильный виноват!»,
Однако ближнего губить законы не велят...

[Владимиров: 36]

Эта аллюзия помогает автору обосновать жалобу на «ястребов», с которой «куры» обратились к «Царю-Орлу».

В стихотворении А.А. Кононова мы видим развёрнутую аллюзию на басню И.А. Крылова. Автор начинает стихотворение с достаточно подробного пересказа басни:

Всем известно, эта птица
Распустила вдруг молву,
Что она, в одну минуту,
Может море всё зажечь... [Кононов: 3]

От пересказа басни А.А. Кононов переходит к непосредственному описанию событий войны и обращается к врагам России:

Как Крыловская синица,
Вы не за своё взялись... [Кононов: 4]

Апелляция к известному всем стихотворению великого баснописца позволяет автору более авторитетно излагать своё мнение о войне. Здесь, как и в басне, присутствует иносказание: в образе Синицы выступают противники России, в форме риторического обращения к которым строится весь текст. Автор описывает в стихотворении ряд конкретных эпизодов войны, негативно характеризующих союзников, например, упоминает о том, как у «чухон» отобрали «три лодки с ячменём» [Кононов: 7], или описывает бомбардировку монастыря в Белом море [Кононов: 9–10]. Басня И.А. Крылова более не упоминается в тексте: она сыграла свою роль в качестве зачина и далее автор уже не возвращается к её сюжету. Однако важность данной реминисценции подтверждается и тем, что связь с ней заявлена уже в самом названии стихотворения: «Подвиги союзников Французов и Англичан в 1854 г., или Вот Крыловская синица оправдалась наяву».

Итак, в период Крымской войны 1853–1856 гг. одним из востребованных жанров в русской поэзии, посвящённой событиям текущей войны, стала басня. К созданию басен обратились многие русские поэты, произведения которых издавались уже в период вой-

ны: М.С. Владимиров, П.А. Каратыгин, П.П. Татаринов и др. Поэты понимали силу этого жанра и его возможностей в поддержании духа народа, в укреплении патриотических настроений, поскольку с помощью басни поэты могли контрастно представить две стороны военного конфликта, подчеркнуть героизм русского народа и его моральное превосходство. По-разному подходу к формированию системы персонажей басен и уровню сложности их сюжетов, авторы опирались в своём творчестве на традиции жанра, заложенные в русской литературе И.А. Крыловым.

Список литературы

- Владимиров М.С.* Орёл и три ястреба: басня // Альбом патриотических стихотворений / Написаны по случаю современной войны художником М. Владимировым. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1854. С. 35–38.
- Гаспаров М.Л.* Басня // Литературный энциклопедический словарь; под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. Редкол.: Л.Г. Андреев, Н.И. Балашов, А.Г. Бочаров и др. М.: Сов. энциклопедия, 1987. С. 46.
- Каратыгин П.А.* Русский молодец и заморские гости: басня // Собрание патриотических стихотворений, написанных разными авторами по случаю военных действий и побед, одержанных российским победоносным воинством / собр. Н. Клячковым. М.: Тип. М. Смирновой, 1854. С. 14–18.
- Кононов А.А.* Подвиги союзников Французов и Англичан в 1854 г., или Вот Крыловская синица оправдалась наяву. СПб.: Тип. К. Крайя, 1855. 12 с.
- Пчелов Е.В.* Животные и растения в символике русских государственных регалий // История: электронный научно-образовательный журнал. 2017. № 1 (55). С. 4.
- Ратников К.В.* Крымская война и русская поэзия (1853–1856 годы) // Вестник Челябинского государственного университета. 1999. Т. 2, № 2. С. 40–60.
- Степанов Н.Л.* Русская басня // Русская басня XVIII и XIX века / вступ. ст. «Русская басня»; подгот. текста и примеч. Н.Л. Степанова; редкол.: И.А. Груздев и др. Л.: Сов. писатель, 1949. С. 7–68.
- Табакова З.П.* Крымская война в отблесках русской поэзии (из серии «История России в отблесках русской поэзии») // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 4–4. С. 39–44.
- Татаринов П.П.* Нынешние друзья. Басня // П.П. Татаринов. Морской рак, или Шаг вперёд, да два назад. СПб.: Тип. Экбертса, 1854. С. 4–5.
- Федотова М.С.* Севастопольская оборона (1854–1855 гг.) в культурной памяти дореволюционной России: автореф. дис. ... канд. истор. наук. СПб., 2012. 19 с.
- Федянова Г.В.* Крымская война в русской поэзии 1850-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Коломна, 2008. 16 с.

References

- Vladimirov M.S. *Orel i tri yastreba: basnya* [An eagle and three hawks: fable]. *Al'bom patrioticheskikh stikhotvorenii* [Album of Patriotic Poems], written on the occasion of the modern war by the artist M. Vladimirov. St. Petersburg, Publ. Imp. Academy of Sciences, 1854, pp. 35–38. (In Russ.)
- Gasparov M.L. *Basnya* [Fable]. *Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar'* [Literary encyclopedic dictionary]; under total. ed. V.M. Kozhevnikov, P.A. Nikolaev; editorial board: L.G. Andreev, N.I. Balashov, A.G. Bocharov et al.]. Moscow, Sov. encyclopedia Publ., 1987, pp. 46. (In Russ.)
- Karatygin P.A. *Russkii molodets i zamorskie gosti. Basnya* [Russian fellow and overseas guests. Fable]. *Sobranie patrioticheskikh stikhotvorenii, napisannykh raznymi avtorami po sluchayu voennykh deistvii i pobed, odezhannykh rossiiskim pobedonosnym voinstvom* [Collection of patriotic poems written by different authors on the occasion of military operations and victories won by the victorious Russian army]; sobr. N. Klyachkovym. Moscow, Publ. M. Smirnova, 1854, pp. 14–18. (In Russ.)
- Kononov A.A. *Podvigi soyuznikov Frantsuzov i Anglichan v 1854 g., ili Vot Krylovskaya sinitsa opravdalas' nayavu* [The exploits of the allies of the French and the British in 1854, or Here the Krylov titmouse was justified in reality]. St. Petersburg, Publ. K. Kraja, 1855, 12 p. (In Russ.)
- Pchelov E.V. *Zhivotnye i rasteniya v simbolike russkikh gosudarstvennykh regalii* [Animals and Plants in the Symbols of Russian State Regalia]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya"* [Electronic scientific and educational journal Istoriya], 2017, № 1 (55), pp. 4. (In Russ.)
- Ratnikov K.V. *Krymskaya voina i russkaya poeziya (1853–1856 gody)* [The Crimean War and Russian poetry (1853–1856)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 1999, vol. 2, № 2, pp. 40–60. (In Russ.)
- Stepanov N.L. *Russkaya basnya* [Russian fable]. *Russkaya basnya XVIII i XIX veka* [Russian fable of the 18th and 19th centuries]; introductory article “Russian fable”, text prep. and notes N.L. Stepanov; editorial board: I. A. Gruzdev et al.]. Leningrad, Sov. writer Publ., 1949, pp. 7–68. (In Russ.)
- Tabakova Z.P. *Krymskaya voina v otbleskakh russkoi poezii (iz serii «Istoriya Rossii v otbleskakh russkoi poezii»)* [The Crimean war in the reflections of Russian poetry (from the series “History of Russia in the reflections of Russian poetry”)]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Actual problems of the humanities and natural sciences], 2017, № 4–4, pp. 39–44. (In Russ.)
- Tatarinov P.P. *Nyneshnie druz'ya: basnya* [Current friends. Fable]. *P.P. Tatarinov. Morskoi rak, ili Shag vpered, da dva nazad* [P.P. Tatarinov. Sea crayfish, or Step forward, but two back]. St. Petersburg, Ekberts Publ., 1854, pp. 4–5. (In Russ.)
- Fedotova M.S. *Sevastopol'skaya oborona (1854–1855 gg.) v kul'turnoi pamyati dorevol'yutsionnoi Rossii: avtoref. dis. ... kand. istor. nauk* [Sevastopol defense (1854–1855) in the cultural memory of pre-revolutionary Russia: CSc thesis, summary]. St. Petersburg, 2012, 19 p. (In Russ.)
- Fedyanova G.V. *Krymskaya voina v russkoi poezii 1850-kh godov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Crimean War in Russian poetry of the 1850s: CSc thesis, summary]. Kolomna, 2008, 16 p. (In Russ.)
- Статья поступила в редакцию 17.04.2021; одобрена после рецензирования 29.06.2021; принята к публикации 18.08.2021.*
- The article was submitted 17.04.2020; approved after reviewing 29.06.2021; accepted for publication 18.08.2021.*

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ КОМЕДИИ А.Н. ОСТРОВСКОГО «КРАСАВЕЦ-МУЖЧИНА»

Медведева Наталья Александровна, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, n.a.medv@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1800-3931>

Аннотация. В статье анализируется жанровая специфика комедии А.Н. Островского «Красавец-мужчина», выделяются такие черты комедии, как комическое противоречие, благополучная развязка, типизация героев и такие качества водевиля, как быстрое развитие действия, мотив розыгрыша, обмана. Подчеркивается особый водевильный характер интриги, её занимательность и динамичность: герои меняют маски, обманывают, притворяются. Отмечается, что психологическая сложность характеров, основной конфликт, отличающийся глубиной и остротой, сближают пьесу с жанром драмы. В ходе исследования привлекаются материалы писем драматурга, воспоминаний о нём, а также критических отзывов о пьесе «Красавец-мужчина»: наличие резких, часто противоречивых оценок свидетельствует о злободневности комедии, в которой драматург обращается к самым острым проблемам времени, когда рушились прежние идеалы и ценности. Особое внимание уделяется образу главного героя, Аполлона Окоёмова, относящемуся к типу «красавца-мужчины» и во многом соответствующему среде и эпохе. Делается вывод о том, что А.Н. Островский не просто органично соединил в пьесе комическое и драматическое начала, а создал сложное произведение, отражающее проблему семейных отношений, произведение, в котором по-новому звучит мотив любви и верности. Всё это придаёт комедии яркость, динамичность, художественную убедительность.

Ключевые слова: А.Н. Островский, драматургия, комедия, жанровое своеобразие, интрига, образ красавца-мужчины, приём переодевания.

Для цитирования: Медведева Н.А. Жанровое своеобразие комедии А.Н. Островского «Красавец-мужчина» // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 107–111. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-107-111>

Research Article

ARTISTIC FEATURES OF THE COMEDY “THE HANDSOME MAN” BY ALEXANDER OSTROVSKY

Natalya A. Medvedeva, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, n.a.medv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1800-3931>

Abstract. The article analyses the plot and genre features of the comedy “The Handsome Man” by Alexander Ostrovsky. In particular, such features of comedy as a comic contradiction, a prosperous denouement, typification of heroes and such qualities of vaudeville as the rapid development of action, the motif of a joke, as well as of a deception, are highlighted. The special vaudeville character of the intrigue is emphasised, it is also occupied with dynamism – the heroes change masks, deceive, pretend. It is noted that the psychological complexity of the characters, the main conflict, characterised by depth and sharpness, bring the play closer to the genre of drama. The study uses materials from letters of drama, memories of it, as well as critical reviews of the play “The Handsome Man” – the presence of harsh, often contradictory assessments testifies to the topicality of the comedy and values. Particular attention is paid to the image of the protagonist, Apollon Okoyomov, who belongs to the “handsome” type, certainly in many respects corresponding to the late-19th-century environment and era. It is concluded that in the play “The Handsome Man” by Alexander Ostrovsky organically combined comic and dramatic elements: this gives her brightness, dynamism, artistic persuasiveness.

Keywords: Alexander Ostrovsky, drama, comedy, genre originality, intrigue, image of handsome man, dressing up.

For citation: Medvedeva N.A. Artistic features of the comedy “The Handsome Man” by Alexander Ostrovsky. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 107–111 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-107-111>

Комедия «Красавец-мужчина» была написана в 1882 г. и, как отмечал П.М. Невежин, была встречена негативно: «...автора обвиняли в цинизме, развращённости и жестоко осуждали, особенно в Москве, где лицемерие симулировало за добродетель; в Петербурге же к пьесе отнеслись снисходительнее» [Невежин: 272]. По мнению Д.В. Аверкиева, Островский в этой пьесе впал в «капитальную ошибку», из художника превратившись в строгого моралиста, за что «другие строгие моралисты обвиняют его в цинизме и безнравственности» [Аверкиев: 3]. Ф.А. Бурдин же связывает острую реакцию критики на комедию с тем, что она «крепко защемила один из современных жизненных вопросов», никого не оставив равнодушным [А.Н. Островский и Ф.А. Бурдин: Неизданные письма: 380]. Автор выводит на сцену героя сомнительной нравственности, что смутило самого Александра III. Н.Л. Кропачёв вспоминал разговор с драматургом: «Государь, между прочим, сказал Александру Николаевичу, что он присутствовал на представлении его пьесы “Красавец мужчина”, и спросил, почему он взял для своей пьесы “такой” сюжет. – Очевидно, добавлял Александр Николаевич, – государю не понравился сюжет, на что я ему ответил: “Дух времени таков, ваше величество”» [Кропачёв: 220–221].

1870–80-е гг. – время, когда старые патриархальные ценности разрушаются и уходят в прошлое. В этот период «патриархальный уклад жизни был взорван и вовлечён в процесс ускоренных и, казалось, необратимых, перемен» [Лебедев: 55]. В новых условиях положение человека в обществе определяется тем, насколько большим состоянием он обладает, деньги становятся для людей важнее нравственных идеалов. На сцену жизни выходят ловкие и предприимчивые дельцы, для которых главным становится получение выгоды. Драматург со свойственной ему чуткостью к происходящим изменениям запечатлел этот процесс. В произведениях Островского позднего периода появляется тип «красавца-мужчины», «готового ради своих интересов манипулировать чувствами любящей его женщины» [Высоцкая: 17]. К нему принадлежат, например, Паратов, который жестоко обманывает Ларису, предпочитая бесприданнице обладательницу золотых приисков, Муров, оставивший ради состоятельной Шелавиной искренне любящую его Отрадину, главный герой пьесы «Красавец-мужчина» – Аполлон Окоёмов и многие другие. Эффектные позы и внешний блеск – характерные черты такого типа героев. В речи персонажей всё чаще звучат такие слова, как «деньги» (292 раз в 1840–50-е гг., 613 – в 1860-е и 990 – в 1870–80-е), «расчёт» (11 раз в 1840–50-е гг., 32 – в 1860-е и 75 – в 1870–80-е) [А.Н. Островский. Энциклопедия: 531]. Островский показывает разрушительность присущего им потребительского взгляда на отношения и демонстрирует их лживость и двули-

чие, но осуждение не проявляется в каких-либо названиях, а отражается самим ходом развития действия. В своём творчестве драматург «избегал однобокости, тенденциозности, морализаторства, находясь в постоянном поиске новых выразительных средств, подмечая новые качества национального характера, осмысливая своеобразие русской культуры и жизни общества» [Овчинина 2014: 9].

В «Красавце-мужчине» обращает на себя внимание глубокое противоречие между внешним обликом главного героя и его внутренними качествами. Так, он совсем не задумывается о том, что чувствует Зоя, и с целью овладеть богатством через новую женитьбу превращает «жизнь в театр, а людей – в марионеток» [Старостина: 221]. Чтобы развестись с женой, ему надо убедить её разыграть неверность. Умело притворяясь, Окоёмов изображает оскорблённого мужа. «Свидетелями» измены являются его знакомые – Пьер и Жорж – такие же безнравственные и пустые люди, как и сам Аполлон.

Качества героя отражены в его фамилии, происходящей от слова «окоём», которое в северных говорах имеет значение «лентяй», «тунядец», «плут». Это раскрывает его тёмную, двуличную сущность, плутовской характер, неспособность к труду, умение получить деньги хитростью и ловким расчётом. Другие значения – «негодник», «изверг», «раскольник» – указывают на его бесовское начало [Словарь русских народных говоров: 106]. Символично, что Зоя, ставшая его женой, принимает его фамилию. Она гордится красотой своего мужа и не упускает возможности похвастаться, как он её любит. Ей льстит присутствие рядом столь эффектного внешне мужчины. Лупачёв предостерегает её: «... между продающими себя часто попадаются экземпляры очень умные и с сильными характерами; тогда как те, которые бросаются на красоту, по большей части отличаются пустотой головы и сердца» [Островский 5: 306].

Внешняя привлекательность Окоёмова подчёркивается именем, отсылающим к древнегреческому богу Аполлону. Напротив, остальным героям комедии Островский даёт нехарактерные для дворян имена (Наум, Никандр, Сосипатра) и отчества (Семёныч, Федотыч), тем самым выделив из их ряда Аполлона Евгеньевича Окоёмова, так как «красивое, благородное имя намекает на красоту, изящные манеры героя» [Исакова: 147].

Примечательно, что действует Окоёмов не своим умом, а по совету приятеля Лупачёва, чей образ выступает как продолжение «хищного типа» в драматургии Островского, уходящего корнями в его раннее творчество. Таков, например, Африкан Коршунов из пьесы «Бедность не порок», одна фамилия которого уже указывает на его натуру хищника и искусителя. Искушает Аполлона и Лупачёв, манипулирует им,

желая добиться падения Зои, чтобы потом воспользоваться её беззащитностью. Окоёмов, по натуре слабый, подвержен чужому влиянию: Сосипатра говорит о нём, что в хорошем обществе он мог бы быть вполне достойным человеком, но его окружение составляют люди бесчестные и безнравственные, как Лупачёв, оказывающие на него пагубное воздействие. «С такой сентиментальностью ты ничего не добьёшься путного. Чтоб успевать в жизни, надо быть решительным. Задумал, решил и отрезал без всяких колебаний. Только так и можно достичь чего-нибудь. Только так и наживаются миллионы. Ты должен совсем оттолкнуть от себя жену, показать ей презрение, унижить её», – поучает он Окоёмова [Островский 5: 329]. Лупачёв охарактеризован автором как «пожилой барин, очень широко живущий и бросающий деньги», человек «репутации не безукоризненной; в хорошем обществе не принят» [Островский 5: 282]. Развёрнутые описания встречаются и в других пьесах драматурга, например в комедии «На бойком месте», где Островский «не ограничивается краткими замечаниями, а даёт подробные описания, в которых уже содержится характеристика» [Овчинина 2015: 15]. Лупачёв не считает зазорным обманывать женщин, искать выгоду в отношениях: «Вот разговор нашли! Женскими слабостями надо пользоваться, а разговаривать о них не стоит» [Островский 5:289]. Он, оказываясь хитрее, использует Окоёмова, толкая его на безнравственные поступки.

Занимательностью, динамичностью, яркостью, неожиданными поворотами сюжета комедия «Красавец-мужчина» близка к водевилю. Действие в ней развивается стремительно: для достижения собственных корыстных целей Аполлон обманывает, притворяется, надевает различные маски, меняя их в зависимости от обстоятельств, чтобы добиться желаемого, управляет и манипулирует людьми для получения материальной выгоды, но сам оказывается обманутым. Желая завладеть богатством Оболдуевой, герой не подозревает: под образом богатой вдовы скрывается Сусанна. Перед лже-Оболдуевой он надевает маску несчастного мужа, страдающего из-за глупой и злой жены, в то время как Сусанна весьма убедительно разыгрывает перед ним свою роль. И если её лицо скрыто в прямом смысле, то у него маска воображаемая. Сусанна, как подмечает Г.В. Старостина, «на грани клоунады блестяще разыгрывает фарсовую, почти буффонадную сцену, представляет перед красавцем нарочито карикатурный образ Оболдуевой» [Старостина: 222]. При этом она использует особую голосовую манеру, гиперболизированные жесты и грубую простонародную лексику.

Распространённый в водевильной традиции приём переодевания добавляет сюжету занимательности, запутывает его. Например, в водевиле «Девуш-

ка-гусар» героиня разыгрывает роль юноши: когда она была ещё ребёнком, её спас и отдал на воспитание капитан Роланд, который теперь возвращается, уверенный: это был мальчик, будущий гусар. В пьесе Н.А. Некрасова «Актёр» различные маски надевает Стружкин, чтобы преподать урок своему приятелю Сухожилу, выставившему его комиком и шутком, в водевиле П.И. Григорьева «Дочь русского актёра», Вера Лисичкина, желая обмануть неугодного жениха, также играет перед ним разнообразные роли с целью убедить отказаться от свадьбы.

Водевильная интрига придаёт пьесе ярко выраженную театральность, занимательность, побуждая читателя (и зрителя) следить за развитием действия. При этом комические эпизоды в пьесе «Красавец-мужчина» сочетаются со сценами драматическими, передающими страдания обманутой героини. Таким «соединением высокого с комическим отмечено большинство произведений драматурга» [Овчинина 2020: 84]. Используя возможности разных жанров, А.Н. Островский мастерски передавал всю сложность отображаемого жизненного явления, психологическую глубину характеров персонажей, богатство эмоциональных оттенков.

Творческая свобода проявляется и на сюжетном, и на содержательном уровне. При кажущейся внешней схожести персонажи в пьесах Островского не повторяются. В галерее женских образов героиня пьесы «Красавец-мужчина» занимает особое место.

Зоя Окоёмова – верная, честная и искренняя женщина. Тяжёлым ударом для неё стало предательство мужа, которому доверяла. Лучшие чувства её оказались поруганы. Кроме того, всё могло быть ещё более плачевным, если бы не вмешательство Лотохина, знающего, чего можно ожидать от людей, подобных Аполлону. Об искренности чувств Зои красноречиво говорят авторские ремарки: «с лаской» встречает она приехавшего мужа, «дрожа», «хватаясь за голову», «сквозь слёзы» – выслушивает от него страшную для неё новость о том, что им придётся развестись. Несмотря на то, что Окоёмов унижил Зою, ей тяжело расставаться с ним. Героиня не просто презирает своего мужа, а глубоко сожалеет о том, что её семейная жизнь, казавшаяся счастливой, оказалась иллюзией. Чувства Зои сложны и противоречивы. Актриса М.Г. Савина, игравшая эту роль, просила разъяснений А.Н. Островского по поводу того, как следует произносить слово «красавец»: с гневом, презрением или любовью, поскольку, как сообщает Ф.А. Бурдин, была поставлена этим словом «в положительное недоумение» [А.Н. Островский и Ф.А. Бурдин: неизданные письма: 376]. В ответном письме от 26 декабря 1882 года драматург просил передать М.Г. Савиной, что слово «красавец» «надо произнести с горьким упреком, как говорят: “Эх, совесть, совесть!”». Далее

он поясняет: «Тут есть оттенок в тоне; в упреке постороннего человека выражается, по большей части, полное презрение, а в упреке близкого... больше горечи, а иногда даже и горя, чем презрения. Так и в слове “красавец” должно слышаться вместе с презрением и горечь разочарования (то есть досада на себя) и горе о потерянном счастье» [Островский 12: 145].

Островский не идеализирует героиню, он создаёт характер неоднозначный, что даёт возможность по-разному его трактовать. По мнению А.Л. Штейна, «эта идеальная, “не от мира сего” женщина настолько предана своему мужу, что готова ради его интересов развестись с ним и даже разыграть неверность» [Штейн: 382]. Такая идеальность кажется исследователю недостаточно убедительной, однако он указывает на её бескорыстную жертвенность, желание спасти беспутного мужа и святое доверие. Героиня позволила себе усомниться в нём, только когда Окоёмов окончательно её унизил, обманул. Но и тогда она отчаянно сопротивляется, не желая терять любовь и цепляясь за малейшую возможность оправдать мужа. В.Я. Лакшин считает, что Зоя – это «более заурядный, расхожий образец типа женщины любящей», не лишённой тщеславия: «Поощряемая своей тётушкой, она обожает Окоёмова за красоту и мечтает, чтобы все вокруг ей завидовали» [Лакшин 1975: 489].

Зоя гордится красотой мужа, которую, сама не понимая, «покупает». Однако героиня проходит определённый процесс развития. Предательство мужа заставило её многое переосмыслить. «Любить мужчину только за красоту я уже считаю безнравственным. Вчера я перенесла ужасную пытку; и эта пытка отрезвила меня», – говорит героиня [Островский 5: 352]. По своей неопытности она видела мужа таким, каким он хотел ей казаться: заботливым и любящим. Зоя не допускала даже мысли о том, что Окоёмов может использовать её доверие для достижения собственных целей. Но когда героиня увидела его истинное лицо, она поняла свою ошибку. Такое внимание к внутренним, психологическим процессам развития героя характерно именно для жанра драмы, тогда как в комедии герой зачастую остаётся таким же, не претерпевая никаких изменений.

Основной конфликт пьесы отличается своей остротой и глубиной: Островский противопоставляет людей, подобных Аполлону, которых в отношениях интересует только выгода, и героев, умеющих ценить настоящие искренние чувства: Лотохина и Сосипатру, спасших репутацию Зои. Из той непростой ситуации, в которой оказалась героиня, она вынесла суровый урок, но не утратила милосердия и чистоты души.

Таким образом, в пьесе «Красавец-мужчина» совмещаются как комические и водеvilные, так и драматические жанровые признаки. В ней есть комическое противоречие, постановка острых социальных

проблем, типизация героев, а также комические приёмы (например, гротеск в образе лже-Оболдуевой) и свойственные поэтике водевилля занимательная интрига, стремительность развития действия, приём переодевания, игровое поведение героев. Но за внешней комедийностью и водеvilностью скрывается глубокая драма главной героини, жестоко обманутой близким человеком, которому она искренне доверяла.

Список литературы

- Аверкиев Д.В.* Русский театр // Новое время. 1883. № 2465. 8 янв. С. 3.
- А.Н. Островский и Ф.А. Бурдин: Неизданные письма. М.; Пг., 1923. 498 с.
- А.Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. И.А. Овчинина. Кострома; Шуя, 2012. С. 54–59.
- Высоцкая Ю.В.* Актёры и актёрство в пьесах А.Н. Островского: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2005. 28 с.
- Исакова И.Н.* Антропонимы в социально-бытовых пьесах Островского // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. 2009. № 5. С. 142–149.
- Кропачёв Н.А.* А.Н. Островский // А.Н. Островский в воспоминаниях современников. Серия литературных мемуаров. М.: Художественная литература, 1966. С. 204–226.
- Лакшин В.Я.* А.Н. Островский (1878–1886) // Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. 1975. Т. 5. С. 475–498.
- Лебедев Ю.В.* Бесприданница // А.Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. И.А. Овчинина. Кострома; Шуя, 2012. С. 54–59.
- Невежин П.М.* Воспоминания об А.Н. Островском // А.Н. Островский в воспоминаниях современников. Серия литературных мемуаров. М.: Художественная литература, 1966. С. 247–282.
- Овчинина И.А.* Особенности поэтики комедии А.Н. Островского «На бойком месте» // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2015. № 3. С. 13–18.
- Овчинина И.А.* Пьеса «Воспитанница» в творческой эволюции А.Н. Островского // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. № 3. С. 8–14.
- Овчинина И.А.* «Эта вещь писана для знатоков» (пьеса А.Н. Островского «Не всё коту масленица») // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 83–88.
- Островский А.Н.* Полн. собр. соч.: в 12 т. М.: Искусство, 1973–1980.
- Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1987. Вып. 23. 376 с.
- Старостина Г.В.* Красавец-мужчина // А.Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. И.А. Овчинина. Кострома; Шуя, 2012. С. 221–222.

Суворова А.В. Интрига в драматическом произведении: на материале пьес А.Н. Островского: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2013. 25 с.

Теория литературы: в 2 т. / под ред. Н.Д. Тарарченко. М., 2004. Т. 1. 512 с.

Холодов Е.Г. Мастерство Островского. Изд. 2-е. М.: Искусство, 1967. 544 с.

Штейн А.Л. Мастер русской драмы. М.: Советский писатель, 1973. 432 с.

References

Averkiev D.V. *Russkij teatr* [Russian theatre]. *Novoe vremya* [New time]. № 2465. 1883. (In Russ.)

Vysockaya Y.V. *Aktory i aktyorstvo v p'esah A.N. Ostrovskogo* [Actors and acting in the plays of A.N. Ostrovsky: PhD thesis]. Moscow, 2005, 28 p. (In Russ.)

Isakova I.N. *Antroponimy v social'no-bytovykh p'esah Ostrovskogo* [Anthroponyms in Ostrovsky's social and everyday plays]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9, Filologiya* [Moscow University Bulletin. Episode 9. Philology] 2009, № 5, pp. 142–149. (In Russ.)

Kropachev N.A. *A.N. Ostrovskij* [A.N. Ostrovsky]. *A.N. Ostrovskij v vospominaniyah sovremennikov. Seriya literaturnykh memuarov* [A.N. Ostrovsky in the memoirs of his contemporaries. A series of literary memoirs]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1966, pp. 204–226. (In Russ.)

Lakshin V.Ya. A.N. Ostrovskij (1878–1886) [Ostrovsky A.N. (1878–1886)]. *Ostrovskij A.N. Poln. sobr. soch.: v 12 t.* [Complete set of works: in 12 vols.]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1975, vol. 5, pp. 475–498. (In Russ.)

Lakshin V.Ya. A.N. Ostrovskij [A.N. Ostrovsky]. Moscow, Geleos Publ., 2004, 768 p. (In Russ.)

Nevezhin P.M. *Vospominaniya ob A.N. Ostrovskom* [Memories about A.N. Ostrovsky]. *A.N. Ostrovskij v vospominaniyah sovremennikov. Seriya literaturnykh memuarov* [A.N. Ostrovsky in the memoirs of his contemporaries. A series of literary memoirs]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1966, pp. 247–282. (In Russ.)

Ovchinina I.A. *Osobennosti poetiki komedii A.N. Ostrovskogo "Na bojkom meste"* [Peculiarities of the poetics of the comedy "Na bojkom meste" by A.N. Ostrovsky]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta.*

Ser.: Gumanitarnye nauki [Ivanovo State University Bulletin Series "The Humanities"], 2015, iss. 3 (pp. 13–18). (In Russ.)

Ovchinina I.A. *P'esa "Vospitannica" v tvorcheskoj evolyucii A.N. Ostrovskogo* [The play "A Protégée of the Mistress" in the creative evolution of A.N. Ostrovsky]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki* [Ivanovo State University Bulletin Series "The Humanities"], 2015, iss. 3 (8), pp. 8–14. (In Russ.)

Ovchinina I.A. *"Eta veshch' pisanadlya znatkov" (p'esa A.N. Ostrovskogo "Ne vsyo kotu maslenica")* ["This... is written for pundits" (Alexander Ostrovsky's play "It's Not All Shrovetide for the Cat")]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2020, vol. 26, № 4, pp. 83–88. (In Russ.)

Ostrovskij A.N. *Poln. sobr. soch.: v 12 t.* [Complete set of works in 12 vols.]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1973–1980. (In Russ.)

Starostina G.V. *Beefcake. A.N. Ostrovskij: Enciklopedija* [A.N. Ostrovsky. Encyclopedia], ed. by I.A. Ovchinina. Kostroma; Shuja, 2012, pp. 221–222. (In Russ.)

Suvorova A.V. *Intriga v dramaticheskom proizvedenii: na material p'es A.N. Ostrovskogo* [Intrigue in a drama: based on the plays of A.N. Ostrovsky: PhD thesis]. Moscow, 2013, 25 p. (In Russ.)

Teoriya literatury: v 2 t. [Literary theory: in 2 vols.], ed. by N.D. Tamarchenko. Moscow, 2004, vol. 1, 512 p. (In Russ.)

Holodov E.G. *Masterstvo Ostrovskogo* [Ostrovsky's skill]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1967, iss. 2, 544 p. (In Russ.)

Shtejn A.L. *Master russkoj dramy* [The master of Russian drama]. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1973, 432 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 22.03.2021; одобрена после рецензирования 21.05.2021; принята к публикации 18.08.2021.

The article was submitted 22.03.2021; approved after reviewing 21.05.2021; accepted for publication 18.08.2021.

ОБРАЗ ПЕТРА I В ПОЭЗИИ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

Коптелова Наталия Геннадьевна, доктор филологических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, nkoptelova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7145-223X>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности интерпретации образа Петра I в поэзии М.И. Цветаевой. Характеризуются некоторые приёмы его создания. Выявляются пересечения цветаевской концепции личности Петра с оценками деятельности царя-реформатора, представленными в философии славянофилов, Н.Я. Данилевского, В.С. Соловьёва, а также в романе Д.С. Мережковского «Антихрист (Пётр и Алексей)» и поэме М.А. Волошина «Россия». Показывается, что при изображении петровского времени в цикле «Москва» Цветаева преломляет отдельные образы и мотивы, заимствованные из живописи В.И. Сурикова («Боярыня Морозова» и «Утро стрелецкой казни»). Доказывается, что смысловая эволюция образа Петра I в цветаевской лирике укладывается в рамки триады: Пётр – противник Москвы («Стихи о Москве», «Москва»); Пётр – Антихрист, виновный в послеоктябрьских бедах России («Петру»); Пётр – «родоначальник» Пушкина («Стихи к Пушкину»). Делается вывод о том, что столь резкий перелом в интерпретации образа Петра I, произошедший в цикле «Стихи к Пушкину», свидетельствует не только об импульсивном изменении восприятия Цветаевой деятельности царя-реформатора, но и о стремлении поэтессы осветить разные грани этой противоречивой исторической личности.

Ключевые слова: М.И. Цветаева, Пётр I, А.С. Пушкин, Д.С. Мережковский, М.А. Волошин, В.И. Суриков, образ, поэзия, приёмы, эволюция.

Для цитирования: Коптелова Н.Г. Образ Петра I в поэзии М.И. Цветаевой // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 112–121. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-112-121>

Research Article

THE IMAGE OF PETER I IN THE POETRY OF MARINA TSVETAeva

Natalya G. Koptelova, Doctor of Philological Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, nkoptelova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7145-223X>

Abstract. The article discusses the features of the interpretation of the image of Peter I in the poetry of Marina Tsvetaeva. Some methods of its creation are characterised. The intersections of Marina Tsvetaeva's concept of personality of Peter the Great with the assessments of the activities of the reformer tsar is presented in the philosophy of Slavophiles, Nikolay Danilevsky, Vladimir Solovyov, as well as in the novel "The Antichrist (Peter and Alexis)" by Dmitry Merezhkovsky and the poem "Russia" by Max Voloshin, and that is revealed in our article. It is shown that when depicting Peter's rule in the cycle "Moscow" Marina Tsvetaeva refracts individual images and motifs borrowed from the painting ("Feodosia Morozova" and "The Morning of the Streltsy Execution" by Vasily Surikov). It is proved that the semantic evolution of the image of Peter I in Marina Tsvetaeva's lyrics fits into the framework of the triad: Peter the Great is the enemy of Moscow ("Poems about Moscow", "Moscow"); Peter the Great is the Antichrist, guilty of the post-October troubles of Russia ("Peter"); Peter the Great is the "founder" of Alexander Pushkin ("Poems to Pushkin"). It is concluded that such a sharp change in the interpretation of the image of Peter I, which occurred in the cycle "Poems to Pushkin", testifies not only to an impulsive change in Marina Tsvetaeva's perception of the reformer Tsar's activity, but also to the poetess's desire to illuminate different facets of this contradictory historical personality.

Keywords: Marina Tsvetaeva, Peter I, Alexander Pushkin, Dmitry Merezhkovsky, Max Voloshin, Vasily Surikov, image, poetry, techniques, evolution.

For citation: Koptelova N.G. The image of Peter I in the poetry of Marina Tsvetaeva. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 112–121 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-112-121>

В лирике М.И. Цветаевой существует мощный пласт стихотворений, которые формируют её поэтическую историософию. В поле творческого зрения Цветаевой не раз попадали самые разнообразные личности, сыгравшие ту или иную роль в мировой истории. Будучи поэтом романтического склада и чутко реагируя на вершины и бездны бытия, Цветаева не прошла и мимо фигуры Петра I, ставшей одной из самых значимых и противоречивых в русском историческом процессе.

При этом интерпретация образа Петра I в поэзии Цветаевой менялась, подчиняясь особой индивидуально-авторской логике, которая в отечественном литературоведении ещё до конца не раскрыта и детально не объяснена. Не выявлены и многие смысловые грани этого образа, возникшие в цветаевском истолковании. В предложенной статье мы рассмотрим особенности интерпретации образа Петра I в поэзии М.И. Цветаевой. Проследим его смысловую эволюцию и охарактеризуем некоторые приёмы его создания.

Первоначально образ Петра I осмысливается Цветаевой в контексте исторического и культурного противостояния Москвы и Петербурга. Возможно, этот герменевтический ракурс в определённой мере навеян и укреплен поэтическим посланием О.Э. Мандельштама, адресованным Цветаевой: «На розвальнях, уложенных соломой...» (написано в марте 1916 года). Именно Мандельштам в цикле «Стихи о Москве» поэтесса называла «гостем чужеземным» и дарила ему самое дорогое – «нерукотворной град», способный духовно возродить «вдохновенного друга»: «И встанешь ты, исполнен дивных сил... / Ты не раскаешься, что ты меня любил» [Цветаева 1: 269]. Если Цветаева всегда категорично и безоговорочно позиционировала себя как представительница московского исторического и культурного пространства [Скрипова], то Мандельштам, в свою очередь, идентифицировал себя с Петербургом. Поэтому в поэтическом диалоге с Цветаевой он, с одной стороны, охотно приобщался к миру православной Москвы, постигал неизвестные ему прежде глубины национальной истории. А с другой стороны, Мандельштам чувствовал опасность, исходящую от этого притягательного, но во многом чужого для него мира. Мотив тревожного предчувствия, неодолимой тревоги, внушённой Москвой, воплотился в двойной проекции лирического «я» Мандельштама на личности двух исторических персонажей. Как отмечает А. Саакянц, в стихотворении «На розвальнях, уложенных соломой...» «угадывается двойная ассоциация: два убитых царевича – маленький Дмитрий в Угличе и сын Петра Алексей, которого везут на казнь из Москвы в Петербург и с которым поэт отождествляет себя: “А в Угличе играют дети в бабки. / И пахнет хлеб, оставленный

в печи. / По улице меня везут без шапки, / И теплятся в часовне три свечи”» [Саакянц: 87].

В пятом стихотворении цикла «Стихи о Москве» Цветаева словно подхватывает и использует лирическую «подсказку» Мандельштама, в стихотворении «На розвальнях, уложенных соломой...» зашифровавшего, скрывшего в подтексте мотив жестокой власти Петра I. Она выводит этот мотив с периферии лирического сюжета и делает его центральным. Согласно поэтической версии Цветаевой, безграничное властолюбие, гордыня Петра рождают величайшую несправедливость, выразившуюся в отрицании Москвы как средоточия русского национального духа: «Над городом, отвергнутым Петром, / Перекатился колокольный гром» [Цветаева 1: 271]. Примечательно, что во втором двустишии поэтесса неожиданно переключает мотив отчуждения Петра от Москвы в иной смысловой регистр: она уподобляет ситуации разлома, возникшей в русской истории, личную трагедию женщины, оставленной возлюбленным, наделённым над нею почти царской властью. Так создаётся парадоксальная смысловая параллель, подчёркивающая родство судьбы Москвы и лирической героини цикла: «Гремучий опрокинулся прибой / Над женщиной, отвергнутой тобой» [Цветаева 1: 271].

Однако отвергнутая Петром I Москва, как и покинутая женщина, возвышаются над земной властью «царей» и сохраняют своё духовное превосходство, подпитанное святынями русского православия, символизированными в образах торжественно и победно звонящих колоколов («перекатился колокольный гром») и «сорока сороков церквей»:

Царю Петру и вам, о царь, хвала!
Но выше вас, цари, колокола.

Пока они гремят из синевы –
Неоспоримо первенство Москвы.

И целых сорок сороков церквей
Смеются над гордынею царей!

[Цветаева 1: 271].

Мотив звонящих колоколов не только постоянно варьируется в цикле «Стихи о Москве», но и является стержневой константой поэзии Цветаевой, неизменно сохраняя коннотацию сакральности. По представлениям Цветаевой, колокольный звон мистически связан с приходом в мир новой человеческой души, с рождением ребёнка (дочери Ариадны) («Девочку мою встречали ранние колокола» («Девочка – царица бала...»)) [Цветаева 4: 556], с её собственным появлением на свет: «В колокольный я, во червонный день / Иоанна родилась Богослова» («Семь холмов – как семь колоколов!...») [Цветаева 1: 272]; «Спорили сотни / Колоколов» («Красною кистью...») [Цветаева 1: 273].

Концепция личности Петра I, намеченная в цикле «Стихи о Москве», развивается и в лирическом цикле «Москве», написанном в декабре 1917 года. Теперь в стихотворении «Когда рыжеволосый Самозванец...» Пётр I характеризуется Цветаевой не просто как ниспровергатель величавой столицы России, испытывающий к ней враждебность, – он оказывается её жестоким врагом. Царь предстаёт в облике неблагодарного сына, способного убить свою мать: «Как Пётр-Царь, презрев закон сыновний, / Позарился на голову твою...» [Цветаева 1: 380]. Цветаева сталкивает, сопоставляет различные эпохи, выявляя в них глубинное родство, чтобы подчеркнуть роковую повторяемость русской истории. Показательно, что в контексте данного стихотворения Пётр I поставлен в один ряд с такими мучителями Москвы, как Дмитрий Самозванец, Наполеон и подразумеваемые, но не названные большевики. Но на этот раз Москва не просто сохраняет своё достоинство, «первенство» и духовное превосходство – она активно и дерзко сопротивляется деспотизму Петра I, подобно мятежной бунтарке боярыне Морозовой. Как видим, поэтесса смещает временные пласты, ибо Федосия Прокофьевна Морозова реально выступала против реформ Никона в царствование отца Петра Алексея Михайловича. Цветаева лирически осваивает и преломляет образ боярыни Морозовой с известной картины В.И. Сурикова (1887), творчество которого было ей весьма близким [Зверева: 94–101], чтобы сказать о стойкости Москвы, о её бесконечной преданности религиозной вере предков: «Боярыней Морозовой на дровнях, / Ты отвечала Русскому Царю» [Цветаева 1: 380].

В противостоянии Петру I, как и Самозванцу (Гришке Отрепьеву), непокорённая Москва отстаивает своё право быть средоточием коренных русских национальных начал. Она категорично не признаёт навязывание ей чужеземных, прежде всего западных, путей развития. Во втором стихотворении цикла, обращаясь к Москве, Цветаева заявляет: «Гришка-Вор тебя не ополячил, / Пётр-Царь тебя не онемечил» [Цветаева 1: 380]. Использование для характеристики исторической деятельности Петра I глагола «онемечил», содержащего ироническую окраску, несомненно, сигнализирует об авторском неприятии петровских реформ, ориентированных на западную цивилизационную модель.

Однако, согласно историософской концепции, представленной в этом цветаевском цикле, в своей жестокости и кровожадности большевики, оказывающиеся преемниками и последователями Петра, во многом превосходят даже своего предтечу. Во втором стихотворении цикла большевизм в изображении поэтессы предстаёт в образе демонической силы, напору которой Москва в новый исторический пери-

од совсем не способна сопротивляться. Из твёрдой духом боярыни Морозовой, бросающей вызов земной власти царя Петра, Москва перевоплощается в обессиленную женщину-мать, отчаявшуюся и потерявшую волю: «Что же делаешь, голубка? – Плачу. / Где же спесь твоя, Москва? – Далече» [Цветаева 1: 380]. Теперь она не может противоборствовать ни святотатству, чинимому её новыми врагами-истязателями, ни убийству собственных детей: «– Где кресты твои святые? – Сбиты. / Где сыны твои, Москва? – Убиты» [Цветаева 1: 380].

Примечательно, что финалом лирического триптиха «Москве» становится стихотворение «Жидкий звон, постный звон...», в котором Цветаева вновь возвращает читателя в начало петровской эпохи. Т.В. Зверева справедливо находит в этом произведении отсылку к картине В.И. Сурикова «Утро стрелецкой казни» (1881) [Зверева: 95]. Однако аллюзии на образы и мотивы суриковского полотна поэтесса существенно дополняет собственными лирическими рефлексиями, отталкивающимися от личностного восприятия петровского времени. В этом стихотворении Цветаева прихотливо сплетает разноплановые ассоциации, используя фетовскую модель безглагольного лирического стихотворения, состоящего только из назывных предложений.

В начале стихотворения вновь возникает лейтмотив колокольного звона, являющийся художественным маркером образа Москвы. Но если в цикле «Стихи о Москве» колокола празднично и победно «гремели», то в данном стихотворении сообщается о «постном звоне», который отличается большим интервалом между ударами и потому характеризуется поэтессой эпитетом «жидкий»: «Жидкий звон, постный звон» [Цветаева 1: 381]. От аудиального мотива, выполняющего функцию эмоционального камертона произведения, Цветаева переходит к визуальной ассоциации: она только намекает на один из центральных образов картины Сурикова «Утро стрелецкой казни» – образ стрельца, прощающегося с народом: «На все стороны – поклон» [Цветаева 1: 381]. Как указывает искусствовед В.С. Кеменов, комментирующий замысел Сурикова, по требованию закона петровского времени «преступники, выслушав смертный приговор, молились на образ Спасителя, кланялись на все стороны и просили прощения у народа» [Кеменов: 213].

Далее Цветаева передаёт ощущение ужаса от кровавой атмосферы насилия, культивируемого в период царствования Петра, через парадоксальное соединение звуковых («крик младенца, рёв коровы»; «плёток свист»; «голубиный рокот тихий») и визуальных деталей («снег в крови»; «чёрные глаза Стрельчихи»). Портретный штрих «чёрные глаза Стрельчихи», завершающий стихотворение, очевидно, является ал-

люзией на образ жены чернородого стрельца, потрясённой происходящим. Он играет весьма важную смыслообразующую роль в композиции исторического полотна Сурикова. Подобно образу стрельца, прощающегося с народом, именно этот женский образ был выделен Цветаевой из многочисленных персонажей суриковской картины. При этом, выхватывая из калейдоскопа пёстрых визуальных впечатлений деталь «чёрные глаза Стрельчихи», поэтесса творчески следовала за живописной интенцией. По точному замечанию В.С. Кеменова, Суриков сделал особый акцент на изображении глаз жены чернородого стрельца: они «широко открыты от ужаса и застывшего в них горя» [Кеменов: 147]. Такой смысловой аккорд стихотворения и цикла Цветаевой в целом концептуально значим: для поэтессы в конечном счёте оказывается первостепенно важным, прежде всего, женский взгляд на происходящее. Причём, добиваясь предельной экспрессии поэтического текста, Цветаева сжимает, спрессовывает осмысливаемые исторические события, уходя от повествовательности, эпичности, строгой историчности суриковского полотна. Она явно вырывается и из хронологических рамок сюжета стрелецкой казни, когда упоминает «плётки свист» и «снег в крови», поскольку восстание стрельцов и их казнь происходили в июне. Это – индивидуально-авторские образы Цветаевой. Изображения ни того, ни другого нет на исторически достоверной картине Сурикова. Подпитываясь впечатлениями от картины Сурикова, Цветаева стремилась подвести читателя к постижению трагедии не только конкретного исторического события (казни стрельцов), но и к ощущению катастрофичности, противоречий и тайн петровской эпохи как таковой. Несомненно, лаконизм и смысловая ёмкость этого стихотворения отнюдь не исключают высокой степени философского обобщения, достигнутой автором.

В этом стихотворении нет никакого описания внешности Петра (так проявляется частичный отход Цветаевой от используемого в стихотворении приёма экфрасиса, с помощью которого создаётся творческий диалог-согласие с картиной Сурикова), характеристики его личности и конкретной оценки его деяний. Упоминается только «слово дерзкое царёво» [Цветаева 1: 381], обладающее колоссальной властью и творящее на Московской земле зло и жестокость. Но принципиально то, что ему всё-таки противостоит и с ним соперничает «слово тёмное Любви» [Цветаева 1: 381], как бы то ни было, венчающее происшедшие страшные события. Между второй и третьей строфами возникает синтаксическая параллель, образующая смысловую антитезу: «слово дерзкое царёво» – «слово тёмное Любви». В данном поэтическом контексте лексема «тёмное» используется в значении «непостижимое», «таинственное»,

«загадочное». Об этом косвенно свидетельствует написание слова «любовь», входящего в состав словосочетания «слово тёмное Любви», с прописной буквы. Посредством этого приёма транслируется авторская аксиология: Любовь, согласно поэтической философии Цветаевой, оказывается всё преобладающей силой бытия. Неслучайно фраза «слово тёмное Любви» из третьей строфы коррелирует и семантически «рифмуется» с образом черноглазой «Стрельчихи», страдающей не только за своего мужа, но и за весь московский люд, и, в отличие от всемогущего Петра, обладающей высшей мистической тайной.

Цветаева не скрывала, что считала антиподом Петра I его опальную сестру, царевну Софью Алексеевну. В стихотворении «Есть подвиги. – По сёлам стих...» (1920) она не просто открыто выразила симпатию по отношению к москвичке Софье, но сделала её образ лирическим отражением своего «я». По справедливому замечанию А. Саакянц, поэтесса «отождествляет переживания своей героини с молчаливыми страданиями Софьи Алексеевны, сестры Петра Первого, заточенной в монастырь бунтарки, осмелившейся перечить царю <...>» [Саакянц: 87]. Цветаева очень точно и лаконично описывает психологическое состояние Софьи, потерпевшей поражение в борьбе за власть. Поэтесса говорит о её силе воли, чувстве собственного достоинства и в то же время раскрывает страстность её природы, мощь её темперамента, акцентируя в портрете героини жест, своей жёсткостью, резкостью и порывистостью напоминающий движения Петра: «– Так, нахлобучив кулаком скуфью / Не плакала Царевна Софья!» [Цветаева 1: 564]. Образ царевны Софьи, поражающей своей стойкостью и самообладанием, становится органической частью лирического мифа Цветаевой о «Москве-женщине» [Быстрова: 295].

Со стихотворением «Есть подвиги. – По сёлам стих...» тематически связано стихотворение «Петру», написанное в августе 1920 года и вошедшее в сборник «Лебединый стан». В нём развивается и обогащается концепция личности Петра I, репрезентированная в цветаевских лирических циклах «Стихи о Москве» и «Москве». На этот раз обращение к основателю Петербурга написано в форме инвективы. «А Пётр – сплошное обличение! <...>», – признавалась сама Цветаева, характеризуя в письме к П.П. Сувчинскому от 29 марта 1926 года своё произведение и полагая, что аналогичным образом к царю-реформатору относятся и участники евразийского движения [Цветаева 6: 318]. В стихотворении «Петру» присутствуют все обязательные элементы, формирующие семантическую структуру инвективы: «обвинение», «доказательство», «угроза» [Краковяк: 9]. В первых двух строфах поэтесса формулирует главное «обвине-

ние» Петру I: она упрекает его за уничтожение коренного национального уклада, традиций, накопленных «дедами»: «Не ты б – всё по сугробам санки / Тащил бы мужичок» [Цветаева 1: 564]. В активной деятельности «царя-Плотника», на словах устремлённого в будущее, она видит не благородное созидание ради нового, молодого поколения России, а умножение зла:

Вся жизнь твоя – в едином крике:
– На дедов – за сынов!
Нет, Государь Распрвеликий,
Распорядитель снов.

Не на своих сынов работал
Бесам на торжество! –
Царь-Плотник, не стирая пота
С обличья своего

[Цветаева 1: 564].

Симптоматично выражение «распорядитель снов»: за этой метафорой скрывается авторское обвинение Петру I в стремлении подчинить государственной воле внутренний и потаённый мир человека, воплощённый для Цветаевой в области «снов» (не случайно и природа художественного творчества часто воспринималась поэтессой как сновидный феномен). Справедливо подчёркивает Е.О. Айзенштейн: «Сон называла Цветаева любимым видом общения, своим часом суток и временем года, своей широтой и долготой. Это сфера, через которую она говорила о высших переживаниях души» [Айзенштейн: 46].

При этом вторая строфа цветаевского стихотворения, выносящая вердикт «бесовщине» Петра I, явно ориентирована на полемическую переключку со «Стансами» (1826) А.С. Пушкина, где выражено восхищение первого поэта России разносторонней одарённостью царя, многогранностью его личности: «То академик, то герой, / То мореплаватель, то плотник, / Он всеобъемлющей душой / На троне вечный был работник» [Пушкин: 307].

В то же время в целом концепция личности Петра I, художественно воплощённая в рассматриваемом стихотворении Цветаевой и в циклах «Стихи о Москве» и «Москве», генетически и типологически перекликается с идеологией и философией славянофилов и Н.Я. Данилевского [Мартынова], [Гобозов: 47–51]. Кроме того, цветаевское осмысление образа Петра I в данном произведении в определённой мере родственно одной из многочисленных линий мифологизации личности царя-реформатора, представленной в многоплановом романе Д.С. Мережковского «Антихрист (Пётр и Алексей)» (1905) (вошёл в трилогию «Христос и Антихрист»). Известно, что Цветаева очень ценила и любила творчество Мережковского, в том числе его роман «Пётр и Алексей». Об этом она, в частности, признавалась в письме к М.С. Цетлиной от 31 мая 1923 года [Цветаева

6: 550]. А в письме к О.Е. Колбасиной-Черновой от 14 февраля 1925 года Цветаева сообщала, что перечитывает роман Мережковского «Пётр и Алексей» [Цветаева 6: 720]. В трактовке Мережковского образ Петра оказывается весьма сложным и противоречивым. Он раскрывается одновременно в самых разных, в том числе антитетичных, смысловых регистрах, о чём не раз писали современные исследователи [Вальчак, Никольский; Михайлова]. Цветаева же из многозначного мира символистского романа выбирает лишь одну историософскую проекцию и преломляет её в стихотворении «Петру». Она, подобно Мережковскому [Плешкова: 69], в определённой мере художественно воссоздаёт точку зрения на Петра-Антихриста, воплотившуюся в народном сознании и, прежде всего, в восприятии старообрядцев [Перри], яростно сопротивлявшихся реформам царя, вплоть до саможжения: «Родоначальник – ты – развалин, / Тобой – скиты горят! / Твоею же рукой провален / Твой баснословный град...» [Цветаева 1: 565].

В стихотворении «Петру» ориентация Цветаевой на чужое сознание модифицирует форму выражения лирических эмоций, вызывая к жизни феномен intersubjectности. В стихотворении пересекаются и взаимодействуют два голоса. Первый голос принадлежит лирическому герою, выражающему авторскую интенцию. А второй голос намечает образ персонажа ролевой лирики (гневногo старообрядца, яростно обличающего Петра-Антихриста). Не случайно Цветаева стилизует свою лирическую инвективу как под возвышенную, трибунную риторику, так и под стихию народной «молви», насыщая поэтическую ткань произведения контрастными компонентами: и архаичными словами («сынов», «внучок», «подъемля»), и разговорно-просторечной лексикой («не ладил бы <...> ребячьих кораблём») [Цветаева 1: 564–565].

С романом Мережковского цветаевское стихотворение диалогически соотносится и по линии мотива обвинения Петра I в гибели царской династии. У Мережковского этот мотив реализуется в форме пророчества опального царевича Алексея. В отчаянии он бросает страшное обвинение самому Петру, отцу, поднявшему руку на собственного сына: «– И падёт сия кровь от главы на главу, до последних царей, и погибнет весь род наш в крови. За тебя накажет Бог Россию!...» [Мережковский: 220]. В стихотворении Цветаевой, отзывающемся на слухи о том, что последний русский император «расстрелян на каком-то уральском полустанке» [Цветаева 1994, 1: 564], а по сути – на реальные исторические события, предсказание царевича Алексея предстаёт как свершившееся: «Не гнил бы там на полустанке/ Последний твой внучок»; «Державного однофамильца кровь на тебе, бунтарь!» [Цветаева 1: 564–565].

Как верно отметила В. Швейцер [Швейцер: 191], интерпретационный подход к образу Петра, задействованный в этом произведении Цветаевой, в определённой мере сближается и с позицией М.А. Волошина, отразившейся в поэме «Россия». Она была написана в Коктебеле в феврале 1924 года, то есть несколько позднее, нежели стихотворение «Петру». Волошин в своей историософской поэме представляет историю России как раскручивающуюся спираль, с постоянными витками-возвратами к эпохе Петра I. Как и Цветаева, он оценивает расстрел царской семьи, изображённый в поэме с ужасающими натуралистическими подробностями, как разрыв в русской истории, подготовленный правлением Петра I, наполненным насилием и кровопролитием: «Всё кончено. Петровский замкнут круг» [Волошин: 344]. Оба поэта уверены в том, что в социальных экспериментах большевиков, поднявших Россию на дыбы, воплотилась и усилилась энергия петровских реформ, основанных на принуждении и страхе и заложивших будущие социальные катаклизмы. Обличая Петра I, Цветаева восклицает: «*Ты под котёл кипящий этот – / Сам подложил углей! / Родоначалник – ты – Советов, / Ревнитель Ассамблей!*» [Цветаева 1: 565]. Родство большевиков с Петром она опосредованно выявляет и в стихотворении «Белогвардейцы! Гордиев узел...», вошедшем в «Лебединый стан». В нём звучит воинственный призыв уничтожить Антихриста, захватившего Россию: «Белогвардейцы! Чёрные гвозди / В рёбра Антихристу!» [Цветаева 1: 415]. Ей вторит Волошин, увидевший истоки большевизма в деятельности Петра I:

Великий Петр был первый большевик, –
Замысливший Россию перебросить,
Склонениям и нравам вопреки,
За сотни лет к её грядущим далям.

Он, как и мы, не знал иных путей
Опречь указа, казни и застенка
К осуществлению правды на земле

[Волошин: 344–345].

Однако в поэме Волошина «Россия», как и в романе Мережковского, образ Петра I интерпретируется многомерно. Волошин, откровенно говоря о жестокости и беспощадности основателя Северной столицы, в то же время признаёт грандиозный масштаб его личности, называет Петра I «гением», «исполином» [Волошин: 343]. В лирической же инвективе Цветаевой, как уже отмечалось, нет полутонов: стихотворение пронизано обличительным сарказмом. По законам жанра, произведение завершается категоричной «угрозой» виновнику всех бед России. При этом Цветаева жёстко обозначает вектор правильного, с её точки зрения, исторического пути России, нацеленного на возврат к своим национальным

корням. Этот альтернативный путь ассоциируется у неё с личностью царевны Софьи:

Но нет! Конец твоим затеям!
У брата есть – сестра...
– На Интернационал – за терем!
За Софью – на Петра!

[Цветаева 1: 565].

Резкий поворот в интерпретации образа Петра I обозначается в стихотворении «Пётр и Пушкин» (1931), вошедшем в лирический цикл «Стихи к Пушкину» и созданном Цветаевой уже в эмиграции. В этом произведении поэтесса не просто реабилитирует Петра, но предлагает совершенно противоположную оценку его личности и деятельности по сравнению с предшествующими стихотворениями и, прежде всего, – «Петру». Поляризация трактовки образа Петра выражается и в жанровой инверсии: форма лирической инвективы заменяется своеобразной шутилой одой «царю и поэту», словно имитирующей искромётную игру, светлый юмор и артистизм пушкинской поэзии. В первой части стихотворения величайшим деянием Петра, выделяющимся из всех его «славных дел» и превосходящим по своей исторической значимости даже строительство Санкт-Петербурга, Цветаева объявляет сотворение гения Пушкина. Таким образом, теперь Пётр из «родоначальника Советов» превращается в прародителя Пушкина, в зачинателя великой русской литературы, а из Антихриста – в послушного исполнителя Божьей воли:

Не флотом, не по́том, не задом
В заплатах, не Шведом у ног,
Не ростом – из всякого ряда,
Не сносом – всего, чему срок,

Не лотом, не ботом, не пивом
Немецким сквозь кнастеров дым,
И даже и не Петро-дивом
Своим (Петро-делом своим!).

И большего было бы мало
(Бог дал, человек не обузь!) –
Когда б не привёз Ганнибала-
Арапа не белую Русь.

Сего афричонка в науку
Взяв, всем россиянам носы
Утёр и наставил, – от внука-
То негрского – свет на Руси!

[Цветаева 2: 283–284].

В стихотворении «Пётр и Пушкин» Пётр I выступает уже не как разрушитель коренного уклада русской жизни, а как созидатель, обогативший духовную жизнь России, «подаривший» ей Пушкина. Такая оценка Цветаевой итогов деятельности Петра удивительным образом резонирует со следующими

высказываниями В.С. Соловьёва, защищавшего царя-реформатора от нападок оппонентов (1888): «Нет надобности доказывать, что Петровской же реформе Россия обязана всем своим наличным образованием и всеми сокровищами своей литературы. Если бы тут мог быть какой-нибудь вопрос, то на него уже ответили величайшие представители русского образования и литературы в прошлом и в настоящем веке – Ломоносов и Пушкин, неразрывно связывавшие своё имя с именем Петра» [Соловьёв: 180].

Вторая и наиболее обширная часть стихотворения (десять строф из восемнадцати) содержит развёрнутое противопоставление личности Петра I его «недостойным потомкам»: Николаю I и Александру I [Шевеленко: 386], [Кихней, Круглова: 47]. В ней Цветаева возвышает образ основателя Санкт-Петербурга и буквально уничтожает его преемников. У Николая I она находит смертоносный взгляд чудовищного мифического змея «василиска» [Мифы народов мира: 218], а Александра I, утратившего харизму Петра Великого, уничижительно именуется «подонком» и «опёнком» [Цветаева 1994, 2: 285]. Несколько ранее в поэме «Россия», подобно Цветаевой, Волошин развёл личности Петра Великого, «исполина», и Николая II, «зиявшего непристойной пустотой» на фоне предка [Волошин: 343]. По мнению поэта, «добрый» Николай погубил дело жизни Петра – «стёр блистательное имя» Санкт-Петербурга [Волошин: 343].

Цветаева, по сути, продолжает мотивику «Стансов» Пушкина, воображая, какими гармоничными могли быть отношения Петра и Пушкина, если бы они жили в одно время. Поэтесса словно бы альтернативно «переписывает» биографию Пушкина, вычёркивая из неё все обиды, нанесённые Пушкину Николаем I и Александром I, пытавшимися лишить поэта творческой свободы. Их фигуры Цветаева замещает образом Петра Великого. В результате разворачивается своеобразный лирический сюжет, драматургически дополненный вымышленными репликами Петра, обращёнными к Пушкину.

Оригинальна речевая организация этого стихотворения, основанная на пёстрой лексической мозаике, складывающейся из возвышенных (архаичных) слов и разговорных элементов. Как и в стихотворении «Петру», Цветаева наслаивает друг на друга две фонтанирующие речевые стихии, ориентированные на устное, звучащее слово. Одна из них отсылает к авторской точке зрения, а другая – транслирует голос рассказчика, человека из народа, обладающего бессознательным юмором. Причём этот остроумный рассказчик временами перевоплощается и в самого Петра Великого, который в рамках лирического нарратива говорит простонародным языком. Поэтесса виртуозно сталкивает возвышенную и сниженную лексику, мастерски достигая комического эффекта:

И дав бы ему по загривку
Курчавому (стричь-не остричь!):
«Иди-ка, сынок, на побывку
В свою африканскую дичь!

Пльви – ни об чём не печалься!
Чай есть в паруса кому дуть!
Соскучишься – так ворочайся,
А нет – хошь и дверь позабудь!

Приказ: ледяные туманы
Покинув – за пядию пядь
Обследовать жаркие страны
И виршами нам описать»

[Цветаева 2: 284].

Характеризуя личность Петра, в этом стихотворении Цветаева не скупится на экспрессивные перифразы-комплименты, окрашенные доброй иронией. Теперь Петр назван «царём-грамотеем», «гигантом» [Цветаева 2: 284]. Возвышение образа Петра в этом стихотворении идёт по принципу нарастания. В этом стихотворении в оценке Цветаевой творческая энергия царя-реформатора связывается не только с его земной деятельностью, но и с устремлённостью к небесной выси: «Гигант, отпустивши пииту, / Помчал по земле или *над*» [Цветаева 2: 284]. Тем самым поэтесса проводит своеобразную философскую параллель: уравнивает «дело» поэта и «дело» государя.

Нельзя не согласиться с И. Шевеленко, которая указывает, что в этом стихотворении Цветаева создаёт свой миф о «пушкинской родословной» [Шевеленко: 386]. Но она творит и миф о Петре I – прадеде равновеликого ему Пушкина. Поэтесса стремится сблизить Петра и Пушкина даже внешне, акцентируя в портрете царя-реформатора смуглый цвет лица: «Сей не по снегам смуглолицый / Российским – снегов Измаил!» [Цветаева 2: 284]. Цветаева проецирует на личность Петра образ ветхозаветного персонажа Измаила, побочного сына Авраама, изгнанного из дома отца за насмешливость и в то же время выполнившего свою миссию, определённую Творцом (ставшего родоначальником арабского народа) [Мифы народов мира: 482; Вихлянцев]. Несомненно, сквозь призму образа Измаила просматривается также психологический и духовный облик Пушкина. Через эту образную параллель Цветаева также подчёркивает сходные черты в психологическом складе основателя Санкт-Петербурга и первого поэта России. С её точки зрения, Пётр и Пушкин оказываются подобными друг другу и по сложной, смешанной этнической структуре личности: «Сей, не по кровям торопливый / Славянским, сей *тоже* – метис!» [Цветаева 2: 284].

Считая духовное родство царя и поэта, обладающих равной творческой силой и властью над миром, важнее родства по крови, Цветаева даже оправ-

дывает убийство «малодушного» царевича Алексея, совершённое по приказу Петра: «Сим – так ненавидевшим робость / Мужскую, – что сына убил / Сробевшего» [Цветаева 2: 285]. В финале стихотворения, обращаясь к Пушкину, она с помощью афористичных поэтических формул очерчивает свою версию «родословной» поэта и благодарит Петра за его величайший дар русской культуре, ставший залогом национального бессмертия:

Был *негр* ему истинным сыном,
Так истинным правнуком – *ты*

Останешься. Заговор равных
И вот не спросясь повитух
Гигантова крестника правнук
Петров унаследовал дух

И шаг, и светлейший из светлых
Взгляд, коим поныне светла...
Последний – посмертный – бессмертный
Подарок России – Петра

[Цветаева 2: 285].

Итак, смысловая эволюция образа Петра I в цветавской лирике укладывается в рамки триады: Пётр – противник Москвы («Стихи о Москве», «Москве»); Пётр – Антихрист, виновный в послеоктябрьских бедах России («Петру»); Пётр – «родоначальник» Пушкина («Стихи к Пушкину»). Столь резкий перелом в интерпретации образа Петра I, произошедший в цикле «Стихи к Пушкину», свидетельствует не только об импульсивном изменении восприятия Цветаевой деятельности царя-реформатора, но и о стремлении поэтессы осветить разные грани этой противоречивой исторической личности.

Список литературы

- Айзенштейн Е.О.* Сны Марины Цветаевой. СПб.: Академический проект, 2003. 464 с.
- Ахнашева Н.М.* Аспект историчности в стихах М.И. Цветаевой // Вестник государственного университета им. Н.Ф. Каганова. 2016. № 15. С. 12–15.
- Быстрова Т.А.* Москва – женщина // Марина Цветаева: эпоха, культура, судьба. Десятая цветавская международная научно-тематическая конференция (Москва, 9–12 октября 2002 г.): сборник докладов. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2003. С. 292–300.
- Вальчак Д., Никольский Е.В.* Архетип антихриста в трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист» // ART LOGOS. 2019. 4 (9). С. 68–84.
- Вихлянцев В.П.* Библейский словарь. URL: <http://bible.by/lexicon/vihlyancev/word/1845/> (дата обращения: 2.09.2021).
- Волошин М.* Стихотворения и поэмы: в 2 т. / под ред. Б.А. Филиппова, Г.П. Струве, Н.А. Струве. Париж: ИМКА-Пресс, 1982. Т. 1. 532 с.

Гобозов И.А. Философско-историческое осмысление реформ Петра I и их последствий // Философия и общество. 2019. № 2. С. 40–61.

Зверева Т.В. Суриковский след в русской поэзии XX века // Филологический класс. 2018. № 1. С. 94–101.

Кеменов В.С. В.И. Суриков: Историческая живопись: М.: Искусство, 1987. 567 с.

Кихней Л.Г., Круглова Т.С. Проблема адресата в цикле Марины Цветаевой «Стихи к Пушкину» // Вестник РУДН. Сер.: Литературоведение. Журналистика. 2016. № 2. С. 40–48.

Краковяк А.С. Инвектива как литературный жанр: проблемы структуры и генезиса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010. 18 с.

Мартынова О.А. Петр I и его деятельность в философии ранних славянофилов. URL: http://nbpublish.com/library_read_article.php?id=18304 (дата обращения: 2.09.2021).

Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: в 24 т. М.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1914. Т. 5: Антихрист (Пётр и Алексей). 291 с.

Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1982. Т. 1: А–К. 672 с.

Михайлова И.М. Принцип двоения в романе Д.С. Мережковского «Антихрист (Пётр и Алексей)» // Вестник СПбГУ. Сер. 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2007. Вып. 1. Ч. 1. С. 15–18.

Перри М. Русская народная эсхатология и легенда о Петре I как об антихристе // Вестник СПбГУ. 2016. № 4. С. 77–86.

Плешкова О.И. Образ Петра I в романе Д.С. Мережковского «Антихрист. (Пётр и Алексей)» // Вестник Алтайской государственной педагогической академии. 2010. № 4. С. 63–71.

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. / примеч. проф. Б.В. Томашевского; АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом); 4-е изд. Л.: Наука, 1977. Т. 2: Стихотворения. 401 с.

Саакянц А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. М.: Эллис Лак, 1997. 816 с.

Скрипова О.А. Марина Цветаева как «московский» поэт // Уральский филологический вестник. Сер.: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. 2019. № 3. С. 43–53.

Соловьёв В.С. Несколько слов в защиту Петра Великого. 1888 // Соловьёв В.С. Собр. соч. / под ред. и с прим. С.М. Соловьёва, Э.Л. Радлова. СПб.: Книгоиздательство товарищества «Просвещение», 1912. Т. 5. С. 161–180.

Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. / вступ. ст.; сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994–1995.

Швейцер В. Быт и бытие Марины Цветаевой. М.: Интерпринт, 1992. 544 с.

Шевеленко И. Литературный путь Цветаевой: Идеология – поэтика – идентичность автора в контексте эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 464 с.

References

- Aizenstein E.O. *Sny Mariny Cvetaevoj* [Dreams of Marina Tsvetaeva]. Saint Petersburg, Academic project Publ., 2003, 464 p. (In Russ.)
- Akhpasheva N.M. *Aspekt istorichnosti v stihah M.I. Cvetaevoj* [The aspect of historicity in the poetry of M.I. Tsvetaeva]. *Vestnik gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova* [Bulletin of the State University named after N.F. Katanov], 2016, № 15, pp. 12–15. (In Russ.)
- Bystrova T.A. *Moskva – zhenshhina* [Moscow is a woman]. *Marina Cvetaeva: jepoha, kul'tura, sud'ba. Desjataja cvetaevskaja mezhdunarodnaja nauchno-tematicheskaja konferencija (Moskva, 9–12 oktjabrja 2002 g.): sb. dokladov* [Marina Tsvetaeva: era, culture, destiny. The tenth Tsvetaevskaya international scientific-thematic conference (Moscow, October 9–12, 2002): collection of reports]. Moscow, House-Museum of Marina Tsvetaeva Publ., 2003, pp. 292–300. (In Russ.)
- Valchak D., Nikolsky E.V. *Arhetip antihrista v trilogii D.S. Merezhkovskogo “Hristos i Antihrist”* [The archetype of antichrist in D.S. Merezhkovsky “Christ and Antichrist”]. *ART LOGOS*, 2019, 4 (9), pp. 68–84. (In Russ.)
- Vikhlyantsev V.P. *Biblejskij slovar' Biblejskij slovar'* [Bible Dictionary]. URL: <http://bible.by/lexicon/vikhlyantsev/word/1845/> (access date: 2.09.2021). (In Russ.)
- Voloshin M. *Stihotvorenija i pojemy: v 2 t.* [Poems: in 2 vols.], ed. by B.A. Filippov, G.P. Struve, N.A. Struve. Paris, YMCA-Press Publ., 1982, vol. 1, 532 p. (In Russ.)
- Gobozov I.A. *Filosofsko-istoricheskoe osmyslenie reform Petra I i ih posledstvij* [Philosophical and historical understanding of the reforms of Peter I and their consequences]. *Filosofija i obshhestvo* [Philosophy and Society], 2019, № 2, pp. 40–61. (In Russ.)
- Zvereva T.V. *Surikovskij sled v russkoj poezii XX veka* [Surikov's trace in Russian poetry of the twentieth century]. *Filologicheskij klass* [Philological class], 2018, № 1, pp. 94–101. (In Russ.)
- Kemenov V.S. *V.I. Surikov: Istoricheskaja zhivopis* [V.I. Surikov: Historical painting]. Moscow, Art Publ., 1987, 567 p. (In Russ.)
- Kihney L.G., Kruglova T.S. *Problema adresata v cikle Mariny Cvetaevoj “Stihi k Pushkinu”* [The problem of the addressee in the cycle of Marina Tsvetaeva “Poems to Pushkin”]. *Vestnik RUDN. Serija: Literaturovedenie. Zhurnalistika* [Bulletin of RUDN. Series: Literary criticism. Journalism], 2016, № 2, pp. 40–48. (In Russ.)
- Krakovyak A.S. *Invektiva kak literaturnyj zhanr: problemy struktury i genezisa: avtoref. dis. ...kand. filol. nauk* [Invective as a literary genre: problems of structure and genesis: DSc thesis, summary]. Saint Petersburg, 2010, 18 p. (In Russ.)
- Martynova O.A. *Petr I i ego dejatel'nost' v filosofii rannih slavjanofilov* [Peter I and his activities in the philosophy of early Slavophiles]. URL: http://nbpublish.com/library_read_article.php?id=18304 (access date: 2.09.2021). (In Russ.)
- Merezhkovsky D.S. *Poln. sobr.: v 24 t.* [Complete works: in 24 vols.]. Moscow, Printing house of the partnership I.D. Sytina Publ., 1914, t. 5: *Antihrist (Pjotr i Aleksej)* [Vol. 5: Antichrist (Peter and Alexei)], 291 p. (In Russ.)
- Mify narodov mira: jenciklopedija: v 2 t.* [Myths of the peoples of the world: encyclopedia: in 2 vols.], ed. by S.A. Tokarev. Moscow, Soviet encyclopedia Publ., 1982, t. 1: A–K [vol. 1: A–K], 672 p. (In Russ.)
- Mikhailova I.M. *Princip dvoenija v romane D.S. Merezhkovskogo “Antihrist (Pjotr i Aleksej)”* [The principle of double vision in the novel by D.S. Merezhkovsky “Antichrist (Peter and Alexei)”]. *Vestnik SPbGU. Ser. 9: Filologija. Vostokovedenie. Zhurnalistika* [Bulletin of St. Petersburg State University. Ser. 9: Philology. Oriental studies. Journalism], 2007, issue 1, part 1, pp. 15–18. (In Russ.)
- Perry M. *Russkaja narodnaja jeshatologija i legenda o Petre I kak ob antihriste* [Russian folk eschatology and the legend of Peter I as the Antichrist]. *Vestnik SPbGU* [Bulletin of St. Petersburg State University], 2016, № 4, pp. 77–86. (In Russ.)
- Pleshkova O.I. *Obraz Petra I v romane D.S. Merezhkovskogo “Antihrist. (Pjotr i Aleksej)”* [The image of Peter I in the novel by D.S. Merezhkovsky “Antichrist. (Peter and Alexey)”]. *Vestnik Altajskoj gosudarstvennoj pedagogicheskoj akademii* [Bulletin of the Altai State Pedagogical Academy], 2010, № 4, pp. 63–71. (In Russ.)
- Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenij: v 10 t.* [Complete works: in 10 vols.], notes by prof. B.V. Tomashevsky; USSR Academy of Sciences, Institute of Russian Literature (Pushkin House); 4th. Leningrad, Nauka Publ., 1977, t. 2: *Stihotvorenija* [Vol. 2: Poems], 401 p. (In Russ.)
- Sahakyants A. *Marina Cvetaeva. Zhizn' i tvorchestvo* [Marina Tsvetaeva. Life and creation]. Moscow, Ellis Lack Publ., 1997, 816 p. (In Russ.)
- Skripova O.A. *Marina Cvetaeva kak “moskovskij” pojet* [Marina Tsvetaeva as a “Moscow” poet]. *Ural'skij filologicheskij vestnik. Serija: russkaja literatura XX–XXI vekov: napravlenija i techenija* [Ural Philological Bulletin. Series: Russian literature of the XX–XXI centuries: trends and trends], 2019, № 3, pp. 43–53. (In Russ.)
- Solovyov V.S. *Neskol'ko slov v zashhitu Petra Velikogo. 1888* [A few words in defense of Peter the Great. 1888]. Solovyov V.S. *Sobr. soch.* [Collected Works], ed. and notes by S.M. Solovyov, E.L. Radlov. Saint Petersburg, Publishing house of the partnership “Education” Publ., 1912, vol. 5, pp. 161–180. (In Russ.)
- Tsvetaeva M. *Sobranie sochinenij: v 7 t.* [Collected works: in 7 vols.], introductory article; comp., prepared.

text and comments by A. Sahakyants, L. Mnukhin. Moscow, Ellis Luck Publ., 1994–1995. (In Russ.)

Schweitzer V. *Byt i bytie Mariny Cvetaevoj* [Life and Being of Marina Tsvetaeva]. Moscow, Interprint Publ., 1992, 544 p. (In Russ.)

Shevelenko I. *Literaturnyj put' Cvetaevoj: Ideologija – pojetika – identichnost' avtora v kontekste jepo-hi* [Tsvetaeva's Literary Path: Ideology – Poetics – Aut-

hor's Identity in the Context of the Epoch]. Moscow, New Literary Review Publ., 2002, 464 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.06.2021; одобрена после рецензирования 16.07.2021; принята к публикации 18.08.2021.

The article was submitted 11.06.2021; approved after reviewing 16.07.2021; accepted for publication 18.08.2021.

К ВОПРОСУ О ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ ЦИКЛА С. ГОРОДЕЦКОГО «ТЮРЕМНЫЕ ПЕСНИ»

Алексеева Анастасия Андреевна, кандидат филологических наук, Военная академия радиационной, химической и биологической защиты им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко Министерства обороны РФ, Кострома, Россия, alekseeva.a.anastasia@yandex.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена характеристике основных признаков интеграции, наблюдающихся в «Тюремных песнях» С. Городецкого, наличие которых свидетельствует о циклической структуре произведения. В работе дан развёрнутый анализ стрижневых тем цикла, центральных мотивов и образов. Автором указывается, что ведущую роль в формировании принципа текстопостроения художественного единства играет антитеза, при помощи использования которой наиболее чётко прослеживается развитие позиции лирического героя, которая становится тождественной позиции самого автора. В статье сделан вывод о том, что стихотворения, составляющие структуру «Тюремных песен», действительно обнаруживают общие художественные скрепы, поддерживающие циклическую природу произведения, а также прочные художественные связи со всей структурой сборника «Дикая воля». К ним относятся как общее заглавие, единый лирический герой, близкий самой фигуре автора, общие мотивы и образы, так и жанровые характеристики отдельных стихотворений цикла. Кроме того, концептуальные смыслы для понимания произведения в целом рождаются не внутри отдельных стихотворений, а на их стыках, что даёт возможность приблизиться к постижению авторской картины мира, воплощённой поэтом в тексте цикла.

Ключевые слова: циклизация, лирический цикл, художественная целостность, Серебряный век, Сергей Городецкий, «Дикая воля», «Тюремные песни».

Для цитирования: Алексеева А.А. К вопросу о художественной целостности цикла С. Городецкого «Тюремные песни» // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 122–127. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-122-127>

Research Article

ON THE ISSUE OF THE ARTISTIC INTEGRITY OF SERGEY GORODETSKY'S CYCLE “PRISON SONGS”

Anastasia A. Alekseeva, Candidate of Philological Sciences, Marshal of the Soviet Union S.K. Timoshenko Military Academy of Radiation, Chemical and Biological Defence of the Ministry of Defence of the Russian Federation, Kostroma, Russia, alekseeva.a.anastasia@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the characterisation of the main signs of integration, observed in “Prison Songs” by Sergey Gorodetsky, the presence of which testifies to the cyclical structure of the work. The work provides a detailed analysis of the core themes of the cycle, central motifs and images. The author points out that the leading role in the formation of the principle of textual construction of artistic unity is played by antithesis, through the use of which the development of the position of the lyrical hero is most clearly traced, which becomes identical with the position of the author himself. The article concludes that the poems that make up the structure of “Prison Songs” do reveal common artistic bonds that support the cyclical nature of the work, as well as maintain strong artistic ties with the entire structure of the collection “Unbound Freedom”. These include both a common title, a single lyrical hero, close to the very figure of the author, common motifs and images, and genre characteristics of individual poems of the cycle. In addition, conceptual meanings for understanding the work as a whole are born at their junctions rather than within individual poems, which makes it possible to get closer to comprehending the author’s picture of the world, embodied by the poet in the text of the cycle.

Keywords: cyclisation, lyrical cycle, artistic integrity, Fin de siècle, Sergey Gorodetsky, “Unbound Freedom”, “Prison Songs”.

For citation: Alekseeva A.A. On the issue of the artistic integrity of Sergey Gorodetsky’s cycle “Prison Songs”. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 122–127 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-122-127>

С. Городецкий принадлежал к тому числу поэтов, чья писательская активность пришлась на непростое время рубежа веков. Включаясь в тенденцию русского литературного процесса названной эпохи (постоянного поиска новых форм творчества), он создаёт и актуальные для поэтов Серебряного века «сверхжанровые» [Дарвин] образования, которые получили наименование «лирические циклы». Одним из такого рода произведений являются «Тюремные песни», о природе художественной целостности которых и пойдёт речь в настоящей статье.

Данный вопрос в литературоведческой науке отдельно не поднимался, однако некоторые художественные особенности мотивно-образной системы названного цикла становились предметом внимания исследователей. Так, отличительные черты мифологического сознания поэта, выраженные в «Тюремных песнях», исследовались Т.В. Щербаковой [Щербакова]. Характер лирического героя сборника «Дикая воля» стал объектом научного интереса Е.В. Локтевич [Локтевич]. Некоторые особенности поэтики цикла упоминаются в монографии А. Ханзен-Лёве, ставящей вопрос о сущности и отличительных чертах русского символизма [Ханзен-Лёве].

Исследуемое произведение входит в общую структуру большего по объёму художественного единства – сборника стихов «Дикая воля», является одним из его разделов. Уже своим заглавием лирический цикл «Тюремные песни» обнаруживает органическую связь с другими произведениями книги. Поэт вводит в название цикла лексему, вступающую в антонимичные отношения с центральным понятием сборника («воля»). Здесь же адъективный компонент «тюремные» обращает реципиента к ситуации невозможности обретения той самой воли, что для лирического героя становится предпосылкой к тяжёлым психологическим переживаниям, нашедшим своё художественное воплощение в тексте цикла. В произведении переданы те мысли и ощущения лирического героя, которые он познал в «плёну». Об этом лирический герой упоминает в стихотворении, которое структурно является вводным в системе всего сборника:

Здесь поведать захотел я дикой воли голоса.

Что в плёну уразумел я, что напела мне краса

[Городецкий: 165].

Следует отметить, что все очерченные в первом стихотворении сборника темы (любовная тематика, тема детства и раздумья «за железной решёткой») раскрываются и в стихотворениях «Тюремных песен».

Песни поэта неслучайно становятся «тюремными». Данное прилагательное несёт в себе прямое указание на место написания цикла, что делает анализируемое произведение автобиографическим и роднит лирического субъекта с личностью самого автора.

Вызывают интерес и те заголовки, которые автор даёт каждому из входящих в состав цикла стихотворений. Примечательно, что все они однословные (за исключением произведения «Синий вечер»), однако именно та лексема, что выведена в заглавие, отражает основную тематическую принадлежность стихотворения. Уже своей внутренней семантикой такие названия, как «Жертва», «Кручина», «Голоса», обращают реципиента к постижению внутреннего состояния узника. Примерами заголовков, отражающих тематику родины, деревни, её необычайной атмосферы, оказываются, например, «Поясок», «В лесу», «Ау!». Любовной тематикой пронизано стихотворение «Повязка», центральный образ которой сопряжён с незримым образом любимой, поскольку её присутствие лирический герой ощущает благодаря завязанному на память лоскуту ткани.

Таким образом, все стихотворения лирического единства представляется возможным разделить на три условные группы, первая из которых призвана описать тюремные будни поэта, вторая есть отсыл к вольному периоду жизни лирического субъекта, ассоциирующемуся у него с родной деревней, третья овеяна любовной тематикой, хотя данная группа не является многочисленной. Однако интерес вызывает тот факт, что, чем ближе к финалу художественного единства, тем сложнее отнести стихотворение к той или иной обозначенной тематической группе. «Море» и «Поэт» могут трактоваться как глубоко философские (к этой же группе представляется возможным отнести стихотворение «Ясность», равно как и к первой группе, поскольку в нём есть указание на место пребывания лирического героя). В тексте обозначенных стихотворений нет указания на место развёртывания лирического сюжета, они представляют собой размышления лирического героя, которые он «в плёну уразумел». Последнее же из перечисленных посвящено раскрытию темы поэта и поэзии, звучащее как творческий манифест, подводит своеобразный итог всем рассуждениям лирического субъекта: и о потерянной воле, и о любимой женщине, и о родном сердцу краю.

Тематическая отнесенность стихотворения отчасти диктует и его собственную жанровую природу. Так, те произведения, что раскрывают тему деревенского прошлого, по своей форме представляют собой стилизацию под народную песенную традицию («Поясок», «Повязка», «Ау!»). Более элегичный характер носят стихотворения, которые описывают «тюремные будни» поэта («Клятва», «Жертва», «Голоса», «Черда»), а также те, что имеют глубокий философский характер («Ясность», «Море», «Поэт»).

Таким образом, заголовочный комплекс выступает в произведении в качестве интегрирующего начала, поддерживающего целостность лирического цикла.

Одной из наиболее частотно употребляющихся в цикле становится лексема «воля», а также одноко-ренные ей слова («вольный», «вольна», «вольней»). Центральным художественным приёмом в произведе-нии является антитеза, которая прослеживается на уровне противопоставления воли и тюремного заточения. В тексте цикла наличествуют не толь-ко собственно слова «воля» и «тюрьма», но и мета-форически переданные, ассоциирующиеся с ними понятия. Так, в семантическое поле «воля» вклю-чаются все природные образы: синее небо (как сим-вол свободы), голубые высоты, болота, тёмный лес и сама мать-природа:

Я ль с водою не ласкался
По озерам и рекам,
В струйках синеньких плескался,
Греб навстречу рыбакам.
(«Жертва») [Городецкий: 174].

Образ родного края, где лирический герой чув-ствовал себя поистине свободным, противопоставлен тюрьме с её холодными и глухими стенами. Лириче-ский субъект передаёт неприятную, давящую атмос-феру камеры через метафорические обороты: «склеп печальный, однокий», «тесный терем», «склеп зе-леноватый», «каменная неволя», «протоптаный не-вольничий порог», «могила каменная», «могила нежи-лая», «зверинные разорённые норы». Символическое значение имеет образ окна – единственное место, ко-торое разрывает «ледяную полутьму», и сквозь него лирический субъект может созерцать свободный мир:

За стеною солнце, солнце!
Но не к солнцу глаз-оконце!
А в такую же стену...
(«Клятва») [Городецкий: 172].

Мир узника уменьшился до размеров тюремной камеры, куда не может проникнуть свет. Об этом сви-детельствуют такие описания его комнаты, как «тьма могилы неживой», «ядовитая мгла», «тёмный склеп», «ледяная полутьма». Источник света, «глаз-оконце», упирающийся в ещё одну «холодную стену», при-обретает миссию транслятора, проводника между узником, ощущающим себя словно в могиле, и жи-вым миром, который полон удивительных звуков. Таким образом, «колокольный звон», «гул молвы» становятся метафорой воли. Наряду с ними со сво-бодой в душе лирического героя ассоциируются та-кие понятия, как «детский сон» («*Так же дети видят сны*» [Городецкий: 180]), семья голубей, набросив-шихся на зерно около тюремной стены («*Покой-ны будьте, голуби! // Обильно сыплю я. // Насыти-тесь тут долюба // Вся вольная семья*» [Городецкий: 179]), поднебесные птицы. Особое значение для ли-рического героя приобретает образ дневного свети-ла. Он также становится символом свободы и воль-ной жизни. В процитированном выше стихотворении

«Клятва» особенная роль солнца в душе узника под-чёркивается с помощью приёма лексического по-втора. Кроме того, данный образ проходит через всё художественное пространство цикла. Так, в финале данного стихотворения лирический субъект клянёт-ся сохранить в памяти солнечный свет, в букваль-ном смысле слова дарующий надежду на свободную жизнь, ожидающую его после выхода из застенков:

Но и малое оконце
Вижу я на небе солнце <...>

Солнца ясность золотая!
Я храню тебя, святая,
Я и здесь останусь жив!

(«Клятва») [Городецкий: 173].

Примечательно, что в продолжение цикла есть стихотворение, название которого представляет со-бой одно из слов процитированного отрывка. Стихо-творение «Ясность», призванное описать умозаключе-ния героя, к которым он пришёл, сидя в «одиноким тереме», а потому и имеющем одно из основопола-гающих значений в художественном единстве, при-обретает символическое значение и может быть ис-толковано двояко. Во-первых, ясность как нечто «логичное, стройное и чёткое» [Ожегов: 748], пред-ставляющее собой трезвую, обдуманную мысль, а во-вторых, внутренняя семантика данной лексемы может содержать сопоставление с солнечным светом, который дарит сияние, яркие краски, свет. Симво-лизм как заглавия стихотворения, так и его содержа-ния, таким образом, проявляется в том, что значе-ние света, а следовательно, и свободы, приобретает для лирического героя несколько иное значение, не-жели просто нахождение вне стен «каменной моги-лы». Теперь он понимает, что свободу возможно най-ти в самом себе:

И внимаю сердцем чистоту и ясность
Предо мной лежащих голубых высот,
Где промчится, с вечным утвердив согласность,
Дней моих грядущих просветлённый лёт

(«Ясность») [Городецкий: 182].

Начиная со стихотворения «Кручина» размышле-ния лирического героя приобретают всё более глу-бокий философский характер. Находят своё художе-ственное воплощение и тяготение поэта-символиста к мистике. В стихотворениях «Серый вечер» и «Ма-рево» лирический герой ведёт диалог с природными явлениями. Они материализуются, вступают в сво-еобразную игру с узником тюрьмы, отвлекают его от переживаний по поводу собственного заточения. Именно эта встреча с «колдовскими» явлениями при-вела поэта к важной мысли о внутренней свободе че-ловека, которую не в силах отнять даже холод «ка-менной неволи». Стихотворение «Море» развивает эту «ясность». Лирический герой погружается всё

больше в глубину своего внутреннего мира, осознаёт, что душа бесконечна:

Только волны ходят вольно, как хотят и где хотят,
И серебряные брызги к небу синему летят.

Только я гляжу, не веря широте морской души:
Неужели эти дали из моей идут глуши?
(«Море») [Городецкий: 183].

Искреннее удивление лирического героя передано автором при помощи такого синтаксического средства выразительности, как риторический вопрос. Он адресован собственному «я». Лирический герой в рамках цикла демонстрирует реципиенту, что свободу можно научиться обретать и через органическую связь с другими людьми, привольно гуляющими на просторе. Об этом он говорит в стихотворении «В лесу». В нём ещё крепко интерес самого С. Городецкого ко всему потустороннему, колдовскому и мистическому. В центре лирического сюжета – девушка и её возлюбленный. Девушка оказывается представительницей мира живых, тогда как мужчина уже ушёл в мир мёртвых. Лес, таким образом, – это место встречи двух сосуществующих миров. Думается, что это неслучайно, поскольку природа в сознании поэта выступает связующим звеном между двумя пересекаться, но в то же время близкими мирами. В финальных строках звучит своеобразный вывод героя, важный для понимания его изменившейся с начала цикла позиции, а также несомненно совпадающий с мнением героя лирического повествования (умершего мужчины):

И окни свободным оком
Красоту и бытиё.
Всё ль твоё в лесу высоком?
Твое, так и мое.

(«В лесу») [Городецкий: 185].

Основным для понимания смысла целостного произведения оказывается финальное стихотворение «Тюремных песен», которое носит имя «Поэт». Лирический герой, пройдя через испытания темницей, пообщавшись воочию с силами природы, которые по сути своей всегда свободны, осознаёт, что тот дар слова, которым владеет лирический герой, способен вселить в его душу уверенность на вечную волю, что он сам может оказаться транслятором идей бессилия оков над другими страждущими. В финале цикла поэт заявляет:

Да будет щедр и безразличен
Для всех сияющий мой свет,
Когда святым огнём отличен
Я волей божьею поэт.

(«Поэт») [Городецкий: 186].

Процитированный отрывок преисполнен слов, значение которых восходит к внутренней семантике «свободы»: «сияющий», «свет», «воля», «святой огонь».

Все они призваны олицетворить победу солнечного света внутреннего мира и души человека над всеми «зверинными норами», отбирающими у людей внешний мир. Эти строки символичны ещё и потому, что в них провозглашён вечный душевный свет и свобода, которой обладают божественные силы, не подвластные ни одной земной власти, наряду с «коннотацией повелевания» [Локтевич: 121]. И именно сродни «помазаннику божьему» поэт несёт для всех спасенье и надежду на неиссякаемый душевный свет, а значит, и вечную свободу.

Как манифест, своеобразное творческое кредо в анализируемом стихотворении звучат строки о назначении поэта и поэзии:

Да будет свят и непорочен
Мой целомудренный язык,
Как взгляд орла седого, точен
И чист, как снеговой родник.

Да будет всем всегда понятен
Судьбою выкованный стих,
Равно вчера и завтра внятен,
Равно для юных и седых.

(«Поэт») [Городецкий: 185].

Таким образом, в основную тематическую линию лирического цикла органично вплетаются и так называемые сопутствующие темы, развитие которых важно для постижения авторской картины мира поэта, претерпевающей трансформацию от стихотворения к стихотворению. Помимо темы поэта и поэзии концептуальным становится и проникновение в художественное пространство цикла темы смерти. Как справедливо отмечает Т.В. Щербакова, в вере в органическое сосуществование двух миров – живого и мёртвого – заключается «космогония Городецкого» [Щербакова: 9], в рамках которой тесно сосуществуют живые и мёртвые, животные и птицы, человек и природа. Все они есть составляющие общей системы, «части одного мира», который представляется поэту «цельным» и гармоничным» [Щербакова: 9].

В начальном стихотворении сборника автором заявлены три основные цели создания книги «Дикая воля», среди которых – описание любовных переживаний, передача мыслей, которые пришли к герою в неволе, а также тематика детства. Следует отметить, что в рассматриваемом произведении тема детства не является центральной, однако образ ребёнка, кормящей матери, колыбели возникает и в «Тюремных песнях». Например, в стихотворениях «Марево» и «Кручина». Примечательно, что последнее из упомянутых претендует на своеобразный диалог со вступительным стихотворением сборника. В одном из его четверостиший также проговариваются все три основные темы, избранные автором для освещения в рамках сборника «Дикая воля»:

Ведь всё так же светит солнце,
 Так же дети видят сны.
 И земля всё так же встретит
 Песни первые весны.
 («Кручина») [Городецкий: 180].

Процитированные строки есть самоуспокоение лирического героя, отражение его мучительного поиска поводов не предаваться печальным мыслям. Солнечный свет в данном стихотворении есть метафора вольной жизни, образ спящих детей – отсыл к волшебству времени детства, весна же – символ любви, нежности и возрождения жизни после долгих холодов. Таким образом, данное стихотворение содержит художественные параллели с начальным произведением сборника, в том числе и закрепляя анализируемый цикл в структуре всей книги в целом.

Постепенное развитие темы обретения внутренней свободы в неволе сигнализирует о том, что в цикле функционирует единый лирический герой, переходя из стихотворения в стихотворение. Его внутреннее состояние, убеждения и мысли претерпевают трансформацию, которая вырисовывается целостно лишь при анализе художественного единства. Лирический герой, как уже было сказано выше, обнаруживает тесную связь с фигурой самого С. Городецкого. Черты автобиографичности произведению придаёт и элемент портретного описания лирического героя. В стихотворении «Серый вечер» есть указание на цвет глаз лирического героя, который чудесным образом перекликается с цветом самого вечера, метафорически названного лирическим субъектом «сероглазым мальчиком». Именно это сближение ещё раз подтверждает ощущение тесной взаимосвязи самого поэта и окружающего мира. Всё это восходит к мироощущению С. Городецкого, его идее гармоничного сосуществования мира людского и природного, берущей своё начало в фольклорной традиции. Кроме того, автобиографичность произведения проявляется и в присутствии мистических мотивов и образов в тексте «Тюремных песен». О тесной взаимосвязи лирического героя и автора свидетельствует и сам топос – тюрьма. Это известный реальный факт жизни поэта. Он отбывал наказание в царской тюрьме «Кресты» в то время, когда создавал данный лирический цикл.

Что касается тестовой организации и жанровой принадлежности отдельных стихотворений цикла, то в рамках художественного единства определяются песенно-народные и элегические формы произведений. Интерес вызывает тот факт, что стилизация под фольклорную традицию – это начальные стихотворения «Тюремных песен». Ближе к концу цикла с нарастанием и углублением философских размышлений лирического героя стихотворения теряют свою песенную природу, однако всё же сохраняют не-

которые особенности, свойственные народной песне: лексические повторы, анафора, эпифора, инверсия, кольцевая композиция стиха. Причём трансформация жанровой формы в цикле также происходит поэтапно, постепенно.

Таким образом, основой художественной целостности «Тюремных песен» С. Городецкого является развитие стержневых тем, главной из которых является тема свободы. Она развивается в цикле тремя основными путями: во-первых, лирический герой жадно поглощает частички свободы из оконца тюремной камеры, постепенно он как бы освобождается от гнёта каменных стен и вырывается наружу, на лоно природы, которую нежно именует «матерью». Во-вторых, почувствовать себя вольной птицей узнику помогает ощущение тесной взаимосвязи человека с миром мистики, загробной жизнью. В-третьих, бесконечную свободу он почувствовал в самом себе, своём внутреннем мире и собственном поэтическом даре, отождествляемом им с божественной силой, которая априори не может быть скована цепями и погружена в «ядовитую мглу» тюремной камеры. Кроме того, интегрирующим началом в художественном единстве оказывается заголовочный комплекс, единый лирический герой, художественные переключки как внутри целостного произведения, так и с другими произведениями сборника, а также жанровые характеристики отдельных стихотворений цикла.

Список литературы

- Городецкий С.М.* Стихотворения и поэмы / вступ. ст. и сост. С.И. Машинского; подг. текста и коммент. Е.И. Прохорова. Ленинград: Советский писатель, 1974. 638 с.
- Дарвин М.Н.* Проблема цикла в изучении лирики: учеб. пособие. Кемерово: Изд-во Кемеров. гос. ун-т, 1983. 104 с.
- Локтевич Е.В.* Трансформация параллелизма в контексте феномена идейно-субъектной пограничности (на материале сборника С. Городецкого «Дикая воля») // Инновационное развитие современной науки: проблемы, закономерности, перспективы: сб. ст. X Междунар. практ. конф. 2019. С. 119–122.
- Ожегов С.И.* Словарь русского языка / под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 19-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1987. 750 с.
- Ханзен-Лёве А.* Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2003. 814 с.
- Щербакова Т.В.* Мифопоэтика в сборнике Сергея Городецкого «Дикая воля» // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, Журналистика, 2013. № 2. С. 5–13.

References

Gorodetskiy S.M. *Stikhotvoreniya i poemy* [Poems and poems]. Leningrad, Soviet writer Publ., 1974, 638 p. (In Russ.).

Darvin M.N. *Problema tsikla v izuchenii liriki* [The problem of the cycle in the study of lyrics]. Kemerovo, Publishing house of Kemerovo State University, 1983, 104 p. (In Russ.).

Loktevich Ye.V. *Transformatsiya parallelizma v kontekste fenomena ideyno-sub'yektnoy pogranichnosti (na materiale sbornika S. Gorodetskogo «Dikaya volya»)* [Transformation of parallelism in the context of the phenomenon of ideological-subject borderline (based on the collection of S. Gorodetsky "Wild Will")]. *Innovative development of modern science: problems, patterns, prospects: collection of articles. articles of the X International Practical Conference*, 2019, pp. 119–122. (In Russ.).

Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language], ed. by Corresponding Member USSR Academy of Sciences N.Yu. Shve-

dova. Moscow, Russian language Publ., 1987, 750 p. (In Russ.).

Khanzen-Love A. *Russkiy simvolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Mifopoeticheskiy simvolizm. Kosmicheskaya simbolika* [Russian Symbolism. The system of poetic motives. Mythopoetic symbolism. Space symbolism]. St. Petersburg, Academic Project Publ., 2003, 814 p. (In Russ.).

Shcherbakova T.V. *Mifopoetika v sbornike Sergeya Gorodetskogo «Dikaya volya»* [Mythopoetics in Sergei Gorodetsky's collection "Wild Will"]. *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedeniye, Zhurnalistika* [Bulletin of RUDN. Series: Literary criticism, Journalism], 2013, № 2, pp. 5–13. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 10.12.2020; одобрена после рецензирования 08.03.2021; принята к публикации 18.08.2021.

The article was submitted 10.12.2020; approved after reviewing 08.03.2021; accepted for publication 18.08.2021.

«ЗВЕЗДА ВЕНЕРА» В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX В.: МИФОПОЭТИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА

Абрамова Вероника Игоревна, кандидат филологических наук, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула, Россия, istinijobraz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3684-9658>

Архангельская Юлия Владимировна, кандидат филологических наук, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула, Россия, archangelju@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0998-7772>

Аннотация. Венера как небесное тело занимает важное место в русской вербальной культуре, входя в астрономический, временной, антропоморфный лингвокультурные коды. Данное утверждение может быть доказано не только при анализе языковых единиц, но и при обращении к литературным произведениям, в частности к русской лирике. В статье проанализированы двадцать четыре поэтических контекста, в которых фигурирует образ Венеры (произведения А. Пушкина, Г. Адамовича, П. Антокольского, Л. Мартынова, М. Зенкевича, А. Блока, В. Иванова, Н. Гумилева, М. Цветаевой, Ф. Сологуба, М. Кузмина, Г. Шенгели, И. Сельвинского, К. Симонова, А. Демьянова). Исследователи сосредоточили свое внимание на русской лирике XX в., так как именно в ней Венера предстает не как планета, а как звезда, что соответствует архаическим представлениям об этом небесном теле. Звездами в лирике XX в. называются также Меркурий и Марс, но в значительно меньшем, чем Венера, количестве контекстов. Авторы статьи приходят к выводу, что Венера в произведениях русских поэтов может символизировать наступление утра/вечера, любовь, рай, одиночество, судьбу, молодость, старость, жизненный путь. Кроме того, она включается в поэтические концепции (у Блока соответствует образу Прекрасной Дамы). Набор обозначенных символических значений соотносится с архаическими представлениями о Венере, а также расширяет их, что делает образ этого небесного тела мифопоэтическим.

Ключевые слова: Венера, звезда, символ, славянский лингвокультурный код, мифопоэтика, русская лирика XX в., репрезентация.

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 19-512-18008). Название проекта: «Символика русских и болгарских вербальных текстов культуры».

Для цитирования: Абрамова В.И., Архангельская Ю.В. «Звезда Венера» в русской поэзии XX в.: мифопоэтическая символика // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 128–134. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-128-134>

Research Article

“THE STAR OF VENUS” IN RUSSIAN POETRY OF THE 20TH CENTURY: MYTHOPOETIC SYMBOLISM

Veronika I. Abramova, Candidate of Philological Sciences, Leo Tolstoy Tula State Pedagogic University, Tula, Russia, istinijobraz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3684-9658>

Yulia V. Arkhangel'skaya, Candidate of Philological Sciences, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia, archangelju@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0998-7772>

Abstract. Being a part of the astronomical, temporal, anthropomorphic linguocultural codes, Venus as a celestial body has a significant place in the Russian verbal culture. This statement can be proved not only when analysing linguistic units, but also when referring to literary works, in particular to Russian lyric poetry. Twenty four poetic contexts, which include the image of Venus, have been analysed in the article (the works by Alexander Pushkin, Georgy Adamovich, Pavel Antokolsky, Leonid Martynov, Mikhail Zenkevich, Alexander Blok, Vyacheslav Ivanov, Nikolay Gumilyov, Marina Tsvetaeva, Fyodor Sologub, Mikhail Kuzmin, Georgy Shengeli, Ilya Selvinsky, Konstantin Simonov, Anatoliy Demyanov). The authors focus on the Russian 20th century lyric poetry because it is there that Venus appears as a star rather than a planet, and this corresponds to the archaic notions of this celestial body. Mercury and Mars are also called ‘stars’ in the 20th century poetry, but in a much smaller number of contexts than Venus. The authors come to the conclusion that Venus in Russian poets’ works can symbolise the onset of morning / evening, love, paradise, loneliness, fate, youth, old age, life journey. Moreover, Venus is included into poetic conceptions (it corresponds to the image of the Beautiful Lady in Alexander Blok’s poetry). The set of

the above-mentioned symbolic meanings correlates with the archaic notions of Venus, widens them and makes the image of this celestial body mythopoetic.

Keywords: Venus, star, symbol, Slavic linguocultural code, mythopoetics, 20th century Russian lyrics, representation.

Acknowledgments. This study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (grant No. 19-512-18008). Project title: “Symbols of Russian and Bulgarian verbal texts of culture”.

For citation: Abramova V.I., Arkhangel'skaya Yu.V. “The Star of Venus” in Russian poetry of the 20th century: mythopoetic symbolism. *Vestnik of Kostroma State University*, 2021, vol. 27, № 3, pp. 128–134 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-128-134>

С глубокой древности Венера обращала на себя внимание людей, которые считали ее не планетой, а утренней и вечерней звездами. Звезда, несомненно, является одним из культурогенных концептов, связанных с архетипическими представлениями. Его символика определяется понятиями «небесный знак», «Божественный промысел», «судьба», «яркость».

Именно как звезда воспринимается Венера в мифах разных народов [Farrer: 59; van der Sluijs: 459]. Она является самым ярким после Солнца и Луны небесным объектом, который лучше всего виден утром, перед восходом солнца, и вечером, после его захода. Отсюда бинарное восприятие Венеры как утренней и вечерней звезды (Фосфор и Геспер у греков, Люцифер и Веспер у римлян, Акабоси и Тайхаку у японцев, Аустра и Вакарине у литовцев, Денница и Вечерница у славян). В русских говорах зафиксированы следующие астрономы, обозначающие две ипостаси Венеры: Утреница, Утрица, Блинища, Чигирь-звезда, Вечерняя Зарница, Вечерняя Зарничка, Вечерняя Заря, Вечерняя Звезда, Волчья Звезда, Зареница, Зарянка [Рут: 50], световая зарничка (зарница) [Арефьева: 152]. Эти названия включают Венеру во временной лингвокультурный код, поскольку ее появление на небе, а соответственно, и ее наименование связаны с определенным временем суток. Причем временная соотношенность может быть заявлена как непосредственно (утреница, вечерница), так и опосредованно (Волчья звезда – восходит с наступлением темноты, когда волки начинают ночную охоту; Блинища – видна рано утром, когда женщины встают и начинают печь блины) [Рут: 50]. И само время суток (утро или вечер), и их оппозиция, являющаяся архетипической, играли важную роль в быту и хозяйственной деятельности наших предков. Поэтому Венера входит в небольшое число объектов звездного неба, которые оказались номинированными в их языке.

С временным лингвокультурным кодом, казалось бы, не связано название Венеры, которое встречается в древнерусских памятниках, – Чигирь (Чигирь звезда, Чигирь-звезда). Некоторые ученые полагают, что этот астроном был заимствован из древнееврейского [Святский: 39] или из арабского языка [Карпенко: 80]. Но существует и противоположное мнение.

В.И. Даль сопоставлял название Чигирь со словом, обозначающим «водоподъемный снаряд для поливки садов», и считал, что Венера всходит и заходит, «как чигирная бадья» [Даль: 603]. М.Э. Рут называет такое сопоставление возможным, поскольку «поливка садов проводится рано утром и поздно вечером, то есть как раз тогда, когда Венера на небе» [Рут: 51]. Н. Ивашина предлагает другое объяснение и обращает внимание на лексему «чига», которая встречается в русских говорах и означает ‘подзывание овец’, а также на слово «чигара», обозначающее овцу [Ивашина: 45]. Таким образом, именование Венеры Чигирь-звездой может быть связано, как и в случае с болгарским астрономом «овчарска звезда», с тем, что пастухи при ее утреннем появлении выводят скот на пастбище. Но и в случае с бадьей для полива, и в случае с выгоном овец мы опять имеем дело с временным лингвокультурным кодом.

Вышесказанное свидетельствует о том, что Венера в двух своих ипостасях символизирует в славянском лингвокультурном коде утро или вечер, утреннюю или вечернюю зарю. В связи с этим в славянской мифологии планета соотносится с дневным светилом (солнцем) и ночным светилом (месяцем). Она предстает в виде девушки / женщины / двух девушек, которые являются родственницами (мать, дочь, сестра) солнца или месяца, прислуживают солнцу, включены в мотив «небесной свадьбы» [Иванов, Топоров: 367]. Таким образом, Венера входит еще и в антропоморфный лингвокультурный код.

Помимо утра и вечера, Венера в славянском лингвокультурном коде символизирует судьбу, долю или недолгу. И.П. Сахаров писал, что «она показывает человеку счастье и несчастье, что делать и чего нет»: по положению Чигирь-звезды в тот или иной день месяца определяли, когда можно отправляться в дорогу, строить дом, зачинать дитя, идти в баню [Сахаров: 296–297].

Именование Венеры звездой, связанные с ней символичные значения (утро, вечер, судьба), а также ее антропоморфизация представлены в русской поэзии XX в., в текстах, центральным или периферийным образом которых является образ этой планеты.

Поэзия XX в. выбрана нами для исследования не случайно. Во-первых, в начале обозначенного столетия особенно возрос интерес к мифологии и мифо-

логическим моделям в культуре, начали складываться многие поэтические и авторские мифы. В поэзии серебряного века часто фигурирует Иштар (Истар, Астарта), аккадская богиня чувственной любви и воинской страсти, олицетворяющая Венеру. Она является одной из ипостасей Великой Матери, наряду с Деметрой, Изидой, Кибелой, Матерью Сырой Землей и Богородицей [Булгаков: 209–210], может быть соотнесена с Вечной Женственностью у русских символистов [Емельянов: 54].

Во-вторых, именно в поэзии XX в. впервые стало использоваться сочетание «звезда Венера». В лирике XVIII–XIX вв. Венерой чаще всего называется римская богиня любви или, метафорически, прекрасная женщина. Для именованной планеты поэты XIX в. пользовались астронимом Веспер (А.С. Пушкин, К.Н. Батюшков, А.Н. Майков), причем, если в античности Веспером называли «вечернюю звезду», в русской поэзии так могли обозначить и «утреннюю». Широко известен пушкинский отрывок: «Ночь светла; в небесном поле / Ходит Веспер золотой. / Старый дож плывет в гондоле / С догарессой молодой» (А.С. Пушкин. «Ночь светла в небесном поле...» (1824–1836). НКРЯ). Здесь Веспер – «вечерняя» Венера. А в романе «Евгений Онегин» читаем: «...Евгений / Спал в это время мертвым сном. / Уже редуют ночи тени / И встречен Веспер петухом; / Онегин спит себе глубоко» (А.С. Пушкин. «Заметив, что Владимир скрылся...». Евгений Онегин, глава шестая (1826). НКРЯ). Пушкин как будто ошибочно называет здесь Веспером «утреннюю» Венеру. На эту «оплошность» поэта обратили внимание в своих комментариях к роману В.В. Набоков [Набоков: 458] и Ю.М. Лотман [Лотман: 302]. Хотя, возможно, никакой ошибки здесь нет. Пушкин гениально использует в данном фрагменте романа языковую игру, намеренно называя утреннюю звезду «вечерним» именем. Онегин словно задержался в предыдущем дне, не желая встречать новый: ему предстоит дуэль, на которую он не хочет идти.

Поэты XX в. тоже пользовались астронимом Веспер (К.Д. Бальмонт, В.И. Иванов, М.А. Кузмин, Г.А. Шенгели, О.Э. Мандельштам, И.А. Бродский), уже точно соотнося его с вечером. Наряду с ним в лирике XX в. встречается другой астроним – Венера, часто являющийся приложением к слову «звезда». Русские поэты XX в. именуют Венеру звездой, как и их предки-славяне, хотя уже давно известно, что это планета. Так, у Г.В. Адамовича читаем: «В мае ночи коротки, белы, стихнет ветер, небо горит / И плывет звезда-Венера по сияющим морям» (Г.В. Адамович. «Царь Христос, побудь с нами, Царь Христос, ты нам помоги...». Вологодский ангел (1916). НКРЯ). Л.Н. Мартынов пишет: «...Ближе к нашим крышам / Венера подошла, звезда» (Л.Н. Мартынов. «Всего / Еще понять не можем...». Во-первых, во-вторых и в-третьих (1961).

НКРЯ). Лирический герой П.Г. Антокольского размышляет: «Это там, где поют поезда, / Где вздыхает Ока ледяная, / Это ты, слюдяная звезда, / Может быть, и Венера, – не знаю» (П.Г. Антокольский. «По асфальтовым черным шоссе...» (1940). НКРЯ).

Венера может быть названа «утренней звездой», «вечерней звездой», присутствовать в одном и том же тексте сразу в двух своих ипостасях.

Наступление утра «звезда Венера» символизирует у П.Г. Антокольского: «А звезда Венера над ней / Зеленела в рассветной дымке / В легкой шапочке-невидимке / Она стала к утру бледней» (П.Г. Антокольский. «Все сначала, с красной строки...». Повесть временных лет, глава третья (1967). НКРЯ), М.А. Зенкевича («Ни одной звезды. Бледнея и тая, / Угасает месяц уже в агонии. / Провозвестница счастья, только ты, золотая, / Вошла безбоязненно в самый огонь. / Звезда, посвященная великой богине» (М.А. Зенкевич. «Ни одной звезды. Бледнея и тая...» (1918). НКРЯ); «И ты забудешь дикую езду, / Когда поднимет на восходе алом / Венера серебристую звезду» (М.А. Зенкевич. «Эх, если бы украсть тебя от мужа...» (1918). НКРЯ), у В.И. Иванова («Над опаловым востоком / В легионе светлоком / Блещет вестница Зари. / Ранних пастырей отрада / Утра близкого лампада / Благовестная, гори!» (В.И. Иванов. «Над опаловым востоком...». Утренняя звезда (1902)).

Как вечерняя звезда Венера представлена у М.И. Цветаевой: «Нежно вечерняя странница / В небо его позвала... Мальчик ушел на свидание / С самою нежной из звезд» (М.И. Цветаева. «В небо ручонками тянется...» (1911). НКРЯ); у Ф.К. Сологуба: «И, как вечерняя звезда, / Зажегся крест на дальнем храме, / И вспомнил я степной ковыль / И путь Венеры к горизонту» (Ф.К. Сологуб. «Порозовевшая вода...» (1921). НКРЯ); Г.А. Шенгели: «Ты ненадолго восходишь / Над землей, Звезда Марии, / Светлоглазая Венера, / Зорька влажная моя!» (Г.А. Шенгели. «Ты ненадолго восходишь...». Венера (1936). НКРЯ). В последнем из процитированных текстов Венера названа Звездой Марии. Связано это с тем, что латинское выражение *Stella maris* (звезда морей) использовалось и в качестве обращения к Деве Марии в средневековых католических гимнах, и для обозначения интересующей нас планеты (она входит в состав основных навигационных светил, помогает ориентироваться в море). Знакомые с христианской символикой поэты могли прибегнуть к контаминации этих значений. Например, двойное наполнение образа вечерней звезды (Венеры) исследователи отмечают у Пушкина в элегии «Редует облаков летучая гряда...» и в черновике «Акафиста К.Н. Карамзиной» [Ходанен: 81].

Сразу в двух ипостасях – как вечерняя и утренняя звезда, – а также как воплощение Вечной Женствен-

ности Венера появляется у А.А. Блока: «В бездействии младом, в передрагасветной лени / Душа парила ввысь, и там Звезду нашла. / Туманен вечер был, ложились мягко тени. Вечерняя Звезда, безмолвствуя, ждала» (А.А. Блок. «В бездействии младом, в передрагасветной лени...») (1901). НКРЯ). Прочитанное стихотворение входит в цикл «Стихи о Прекрасной Даме». Образ Вечной Жены в этом тексте соотносится со Звездой: «Невозмутимая, на темные ступени / Вступила Ты, и, Тихая, всплыла. / И шаткою мечтой в передрагасветной лени / На звездные пути Себя перенесла» (А.А. Блок. «В бездействии младом, в передрагасветной лени...») (1901). НКРЯ). Таким образом, можно говорить о сближении образов звезды Венеры и Прекрасной Дамы у Блока. В письме к Андрею Белому от 18 июня 1903 г. поэт говорит о том, что Астарта (олицетворение Венеры) «переплетается» вокруг Нее» (Прекрасной Дамы. – В. А., Ю. А.), «можно уловить слияние Ее и Астарты в одно» [Белый, Блок: 69]. В образе звезды предстает и блоковская трансформация Прекрасной Дамы – Незнакомка – в одноименной пьесе: «По небу, описывая медленную дугу, скатывается яркая и тяжелая звезда. Через миг по мосту идет прекрасная женщина в черном, с удивленным взором расширенных глаз» [Блок]. Примечательно, что наблюдавший за ней Звездочет называет ее Марией («Пала Мария – звезда»), и сама она выбирает себе это имя («В небе, среди звезд, / Не носила имени я... / Но здесь, на синей земле, / Мне нравится имя “Мария”...») [Блок]. Это еще раз подтверждает связь образа, созданного Блоком, со звездой Венерой (Stella maris).

В тексте А. Демьянова образ «звезды Венеры», ее путь по ночному небосклону, смена ипостасей (утренняя – вечерняя) символизируют жизненный путь человека, движение от молодости к старости: «Венера-Веспер светит без укора, / А имена ее как наша суть. / И горько ахнешь: скоро, слишком скоро / В судьбе твоей свершился звездный путь! / А ты любил темней, чем юным сметил, / Пришел не в те, что мыслились, края, / И там горит Венера на рассвете – / Чужая, молодая, не твоя...» [Демьянов]. Обозначенное движение не линейно. Оно замкнуто в цикл, идет по кругу, вечно повторяется: «Встает рассвет, и с ним встает Венера, / Встает звезда любви и красоты. / Извечен этот путь и не прервется... / Она уйдет к закату, и тогда / Уже Венера Веспером зовется, / Уже она – вечерняя звезда» [Демьянов]. Таким образом, в некоторых стихотворных текстах через архаические символические значения Венеры (утро и вечер) словно просвечивают новые, включенные в культуру, но не связанные в древности с данной планетой (молодость и старость, и, как следствие, жизненный путь человека).

Как и славянская Чигирь-звезда, Венера в русской поэзии XX в. может символизировать судьбу,

некое предзнаменование. Например, у М. Цветаевой Венера названа «звездой цыган» и становится эмблемой вечного странствия, пророчит кочевую жизнь тому, кто под ней родился: «По душе ему курган, / Воля, поле, даль без меры... / Он рожден в лучах Венеры, / Голубой звезды цыган» (М.И. Цветаева. «Ах, недаром лучше хлеба...») (1911). НКРЯ). В тексте Г.В. Адамовича Венера предстает как вестница смерти: «Тогда – еще и донныне / Мне виден луч синеватый, – / Из мглы, по рядам пробираясь, / Между смолкнувших пулеметов, / Меж еще веселых солдат... / Пришла, не знаю откуда, / Царица неба – Венера... / Я спросил: “Царица, / Ты зачем посетила лагерь?” / Но безмолвно она глядела / За холм, и мне показалось, / Что вестницы смерти смотрят / Так на воинов обреченных» (Г.В. Адамович. «Тогда от Балтийского моря...») (1919). НКРЯ). Сравнивая этот текст акмеиста Адамовича с произведениями символиста Блока, А.Ю. Леонтьева отмечает разницу в интерпретации сакрального явления у одного и другого поэта [Леонтьева]. Вечная Жена Блока, образ которой, как мы установили, связан со звездой Венерой, вдохновляет на победу (в цикле «На поле Куликовом»), «Царица неба» у Адамовича предвещает смерть.

В тексте М.А. Кузмина у звезды Венеры, помимо знака судьбы, появляется еще одно символическое значение: «Одно и то же небо над тобою / И надо мной сереет в смутный час. / Таинственно связаны судьбою, / Мы ждем, какой удел постигнет нас. / Звезда, сквозь тучу крадучись, восходит / И стерегущий глаз на нас наводит. / Как не узнать тебя, звезда Венеры?» (М.А. Кузмин. «Одно и то же небо над тобою...») (1910). НКРЯ). Интересующий нас образ назван «звездой Венеры», звездой любви (поэт играет здесь на многозначности слова: Венера – «звезда», и Венера – античная богиня любви). В славянской мифологии это значение могло быть поддержано через мотив «небесной свадьбы» Венеры и месяца. В русской поэзии XX века античные и славянские представления о Венере сливаются, делая ее в некоторых текстах «звездой», символизирующей любовь. В поэме Л. Мартынова «Домотканая Венера» о планете говорится: «Нимало не смутясь, / Ответствует Антон / И тычет ввысь перстом: / – Взойшла на небосклон / Венус – любви звезда. Ее воспел Гораций, / Воспел ея Назон. А я для обсерваций / Имею телескоп» [Мартынов]. В поэме И. Сельвинского «Алиса» Венера освещает мучительную, безответную, невозможную любовь: «Эти болота, пропахшие серой / Лес, что был неожиданно нем, / В мехе пушистом звезда Венера, / Встреча русских и польских поэм, / Птицы ночные в деревьях сонных, / Сердце, сердце в набатных стонах – / Все позабудешь, Алиса» (И.Л. Сельвинский. «Эти болота, пропах-

шие серой...». Этюд 7 (1951). НКРЯ). По воспоминаниям современников, 51-летний Сельвинский был влюблен в свою ученицу, 18-летнюю студентку Литинститута, польку Алицию Жуковску [Солоухин; Ковальджи], которую, возможно из-за связи с ним, выслали из Москвы обратно в Польшу. В контексте поэмы образ звезды Венеры «в мехе пушистом» может быть отсылкой к повести австрийского писателя Л. фон Захер-Мазоха «Венера в мехах» (1869).

В стихотворении К.М. Симонова читаем: «Над черным носом нашей субмарины / Взшла Венера – странная звезда, / От женских ласк отвыкшие мужчины, / Как женщину, мы ждем ее сюда» (К.М. Симонов. «Над черным носом нашей субмарины...» (1941). НКРЯ). Сравнение с женщиной в этом тексте вводит Венеру в антропоморфный лингвокультурный код. Как и в славянской мифологии, «звезда Венера» в русской поэзии XX в. предстает в виде прекрасной девушки. Например, у М.А. Зенкевича: «...какая девушка целомудренней / Перед купанием на золотой отмели / Сбрасывает сорочку с горячего тела, / Чем Венера на утренней заре / У водоемов солнечного света? / Ты слышишь звездных уст ее шепот: / Слепленный смертный, смотри и любуйся / Моею божественной наготой» (М.А. Зенкевич. «На чьих ресницах драгоценней...» (1918). НКРЯ). У Д.Л. Андреева Венера представлена в образе матери: «А над ущельем делался серым / Воздух, и над колыбелью дня / Матерью нежной никла Венера, / К сыну лицо золотое клоня» (Д.Л. Андреев. «Скоро ль? Скоро ль, чудные вестники?...» (1934–1938), НКРЯ).

В русской поэзии XX в. можно выделить и такие символичные значения образа «звезды Венеры», которых не было у славян. В знаменитом стихотворении Н.С. Гумилева, например, это идеальное пространство: «На далекой звезде Венере / Солнце пламенной и золотистой, / На Венере, ах, на Венере / У деревьев синие листья... / На Венере, ах, на Венере / Нету слов, обидных или властных / Говорят ангелы на Венере / Языком из одних только гласных» (Н.С. Гумилев. «На далекой звезде Венере...» (1921). НКРЯ). У акмеиста Гумилева в этом тексте присутствуют явные отсылки к поэтическим опытам французского символиста А. Рембо, который тоже всю жизнь искал свое идеальное пространство.

В стихотворении другого акмеиста, уже упомянутого нами выше Г.В. Адамовича, «звезда Венера» символизирует одиночество: «Ты останься со мною, грусть, / И белая Венера-звезда, / А людей не хочу... Пусть / И они забудут меня» (Г.В. Адамович. «Поскучай, дружок, поскучай...» (1916), НКРЯ).

Завершая разговор о звезде Венере, можем сказать, что в русской поэзии XX в. используются и другие астронимы, самым частотным из которых оказывается Марс. Встречаются также Сатурн, Юпи-

тер, Уран и Меркурий. Звездой из них называются в двух контекстах среди обнаруженных нами двадцати четырех – Марс (у О. Берггольц и Е. Полонской), в двух контекстах из трех – Меркурий (у М. Светлова и Е. Дмитриевой). Символьное значение этих астронимов в сочетании со словом «звезда» может быть определено как знак судьбы или предзнаменование (возможно, в связи с имеющимися в русском языке фразеологизмами с компонентом звезда, символическое значение которого – судьба: «родиться под счастливой звездой», «верить в свою звезду», «взошла / закатилась чья-то звезда», «звезды так сложились»). У Марса под влиянием античной мифологии формируется также символическое значение – война, смерть.

На фоне приведенной статистики мы можем определить особенности употребления астронима Венера в сочетании со словом «звезда». Из тридцати трех обнаруженных нами контекстов употребления Венера именуется звездой в двадцати двух, то есть в гораздо большем количестве, нежели Марс (два из двадцати четырех). Символьных значений у «звезды Венеры» тоже больше (утро, вечер, судьба, идеальное пространство, любовь, одиночество, жизненный путь). Это, во-первых, связано с объективными «астрономическими» причинами (Венера – самое яркое небесное тело на земном небосклоне после Солнца и Луны, соответственно, часто привлекает к себе внимание; видна утром и вечером, поэтому ассоциируется с определенным временем суток), во-вторых, обусловлено лингвистически (именование ее звездой у предков-славян, что сохранилось во многих диалектах, включенность в астрономический, временной, антропоморфный лингвокультурные коды).

Список литературы

- Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919. М.: Прогресс-Плеяда, 2001. 608 с.
- Арефьева Н.Г. Астрономический лингвокультурный код в русских говорах Одесщины (на материале фразеологии) // Славянские лингвокультуры в пространственном и временном континууме. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. С. 152–156.
- Блок А.А. Незнакомка. URL: http://az.lib.ru/b/blok_a_a/text_0210-1.shtml (дата обращения: 08.08.2021).
- Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. 415 с.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1989–1991. Т. 4. 683 с.
- Демьянов А. Свой срок всему, свои отсчет и мера... URL: <http://myastronomy.ru/PAGE/Poetry/Planets.html> (дата обращения: 10.05.2021).
- Емельянов В.В. Богиня Иштар в русской поэзии начала XX века // Летняя школа по русской литературе. 2013. № 1. С. 45–67.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Денница // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. М.: Советская Энциклопедия, 1987. Т. 1. 671 с.

Ивашина Н. Свое и чужое в славянской народной астрономии // Языковой контакт. Минск: РИВШ, 2015. С. 44–49.

Карпенко Ю.А. Названия звездного неба. М.: Наука, 1981. 184 с.

Ковальджи К. Илья Сельвинский. URL: <http://www.vilavi.ru/raz/alisa/3.shtml> (дата обращения: 09.08.2021).

Леонтьева А.Ю. Античный гипертекст в лирике Г.В. Адамовича // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2011. № 2 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antichnyy-gipertekst-v-lirike-g-v-adamovicha> (дата обращения: 08.08.2021).

Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л.: Просвещение, 1980. 416 с.

Мартынов Л. Домотканая Венера. URL: <http://myastronomy.ru/PAGE/Poetry/Planets.html> (дата обращения: 10.05.2021).

Набоков В.В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб: Искусство-СПБ, 1998. 928 с.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 10.05.2021).

Рут М.Э. Материалы по русской народной астрономии // Вопросы ономастики. 1976. № 11. С. 33–56.

Сахаров И.П. Сказания русского народа. Тула: Приокское кн. изд-во, 2000. 480 с.

Святский Д.О. Очерки истории астрономии в древней Руси. Ч. 2 // Историко-астрономические исследования. 1962. Вып. 8. С. 7–82.

Солоухин В. Варшавские этюды. Встреча. URL: <http://www.vilavi.ru/raz/alisa/2.shtml> (дата обращения: 09.08.2021).

Ходанен Л.А. Романтический миф о Тавриде в творчестве Батюшкова и Пушкина // Культура и текст. 1998. № 4. С. 76–82.

Farrer C.R. Mescalero Apache Terminology for Venus. *Archaeoastronomy*, 1986, vol. 9, pp. 59–61.

van der Sluijs M.A. Multiple Morning Stars in Oral Cosmological Traditions. *Numen*, 2009, pp. 459–476.

References

Andrei Belyi & Aleksandr Blok. *Perepiska. 1903–1919* [Correspondence. 1903–1919]. Moscow, Progress-Pleiada Publ., 2001, 608 p. (In Russ.)

Arefeva N.G. *Astronomicheskii lingvokul'turnyi kod v russkikh govorakh Odesshchiny (na materiale frazeologii)* [Astronomical linguocultural code in Russian dialects of Odessa region (based on phraseology)]. *Slavian-skie lingvokul'tury v prostranstvennom i vremennom kontinuumе* [Slavic linguocultures in the spatial and temporal continuum]. Gomel', GGU im. F. Skoriny Publ., 2019, pp. 152–156. (In Russ.)

Blok A.A. *Neznakomka* [The Stranger]. URL: http://az.lib.ru/b/blok_a_a/text_0210-1.shtml (access date: 08.08.2021). (In Russ.)

Bulgakov S.N. *Svet nevechernii: Sozertsaniia i umozreniia* [Non-evening light. Contemplation and speculation]. Moscow, Respublika Publ., 1994, 415 p. (In Russ.)

Dal' V. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]: in 4 vols. Moscow, Rus. iaz. Publ., 1989–1991, vol. 4, 683 p. (In Russ.)

Dem'ianov A. *Svoi srok vsemu, svoi otschet i mera...* [Its term for everything, its own count and measure...]. URL: <http://myastronomy.ru/PAGE/Poetry/Planets.html> (access date: 10.05.2021). (In Russ.)

Emel'ianov V.V. *Boginia Ishtar v russkoi poezii nachala XX veka* [Goddess Ishtar in Russian poetry of the early twentieth century]. *Letniia shkola po russkoi literature* [Summer School in Russian Literature], 2013, № 1, pp. 45–67. (In Russ.)

Ivanov V.V., Toporov V.N. *Dennitsa* [Dennitsa]. *Mify narodov mira. Enitsiklopediia* [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia], in 2 vols. Moscow, Sovetskaia Entsiklopediia Publ., 1987, vols. 1, 671 p. (In Russ.)

Ivashina N. *Svoe i chuzhoe v slavianskoi narodnoi astronomii* [One's own and another's in Slavic folk astronomy]. *Iazykovo kontakt* [Language contact]. Minsk, RIVSh Publ., 2015, pp. 44–49. (In Russ.)

Karpenko Iu.A. *Nazvaniia zvezdnogo neba* [The names of the starry sky]. Moscow, Nauka Publ., 1981, 184 p. (In Russ.)

Koval'dzhi K. *Il'ia Sel'vinskii*. URL: <http://www.vilavi.ru/raz/alisa/3.shtml> (access date: 09.08.2021). (In Russ.)

Leont'eva A.Iu. *Antichnyi gipertekst v lirike G.V. Adamovicha* [Antique hypertext in the lyrics of G.V. Adamovich]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniia* [Human Science: Humanities Studies], 2011, № 2 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antichnyy-gipertekst-v-lirike-g-v-adamovicha> (access date: 08.08.2021). (In Russ.)

Lotman Iu.M. *Roman A.S. Pushkina «Evgenii Onegin»*. *Kommentarii* [Roman A.S. Pushkin's “Eugene Onegin”. Comment]. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1980, 416 p. (In Russ.)

Martynov L. *Domotkanaia Venera* [Homespun Venus]. URL: <http://myastronomy.ru/PAGE/Poetry/Planets.html> (access date: 10.05.2021). (In Russ.)

Nabokov V.V. *Kommentarii k romanu A.S. Pushkina «Evgenii Onegin»* [Commentary on the novel by A.S. Pushkin's “Eugene Onegin”]. Sankt-Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 1998, 928 p. (In Russ.)

Natsional'nyi korpus russkogo iazyka [National Corpus of the Russian Language]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (access date: 10.05.2021). (In Russ.)

Rut M.E. *Materialy po russkoi narodnoi astronomii* [Materials on Russian folk astronomy]. *Voprosy ono-*

mastiki [Problems of onomastics], 1976, № 11, pp. 33–56. (In Russ.)

Sakharov I.P. *Skazaniia russkogo naroda* [Legends of the Russian people]. Tula, Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2000, 480 p. (In Russ.)

Sviatskii D.O. *Ocherki istorii astronomii v drevnei Rusi* [Essays on the history of astronomy in ancient Russia. Part 2]. *Istoriko-astronomicheskie issledovaniia* [Historical and astronomical research], 1962, № 8, pp. 7–82. (In Russ.)

Soloukhin V. *Varshavskie etudy. Vstrecha* [Warsaw etudes. A meeting]. URL: <http://www.vilavi.ru/raz/alisa/2.shtml> (access date: 09.08.2021). (In Russ.)

Khodanen L.A. *Romanticheskii mif o Tavride v tvorchestve Batiushkova i Pushkina* [The romantic myth of Taurida in the works of Batiushkov and Pushkin]. *Kul'tura i tekst* [Culture and text], 1998, № 4, pp. 76–82. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 07.04.2021; одобрена после рецензирования 28.06.2021; принята к публикации 18.08.2021.

The article was submitted 07.04.2021; approved after reviewing 28.06.2021; accepted for publication 18.08.2021.

СИМВОЛИКА КНИГИ И ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ В «ФИНАЛЬНОЙ КНИГЕ» Б. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»

Бондарчук Елена Михайловна, кандидат филологических наук, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия, elena_bondarchuk@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1021-5684>

Аннотация. В статье исследуется один из символических компонентов «предметного мира» романа о писателе – образ «книги». Отмечается, что его использование в поэтике «Доктора Живаго» многофункционально. Помимо характеристики художественного пространства «книга» выступает в качестве «готового предмета», который реализует в сюжете «универсальные и всеобъемлющие смысловые сегменты», связанные с культурной памятью, целостностью жизни и мироустройства. Отдельное внимание уделяется содержанию жанрового обозначения «финальная книга», которое применяется к ряду «полиморфных» романов конца XIX–XX вв. и рассматривается в контексте «жанровых генерализаций» в литературе. Уточняется значение лексических компонентов, используемых в рамках данного жанрового обозначения. Окказиональный смысл «целевой», содержащийся в слове «финальный», позволяет увидеть в интенсивной ауторефлексии писателя, оказывающей значительное влияние на творческий процесс, устремленность к познанию «скрытой сущности» вещей. Обращенность к целям, заложенным в «онтологическую конструкцию» сущего, определена в философской традиции как «феноменологическая редукция» (Э. Гуссерль), «трансцендирование духа за свои пределы» (Р. Гарригу-Лагранж). Этими процессами обусловлена ретардированность фазы формирования замысла произведения – феномен, который еще мало объяснен.

Ключевые слова: финальная книга, замысел, культурная память, telos, готовый предмет, семантический треугольник, семантическая диада, символика «книги»

Для цитирования: Бондарчук Е.М. Символика книги и пространство культурной памяти в «финальной книге» Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 135–147. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-135-147>

Research Article

SYMBOLICS OF THE BOOK AND THE SPACE OF CULTURAL MEMORY IN THE «FINAL BOOK» OF BORIS PASTERNAK “DOCTOR ZHIVAGO”

Elena M. Bondarchuk, Candidate of Philological Sciences, Samara National Research University, Samara, Russia, elena_bondarchuk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1021-5684>

Abstract. This article examines one of the symbolic components of the «objective world» of the novel about the writer – the image of the «book». It is noted that its use in the poetics of «Doctor Zhivago» is multifunctional. In addition to the characteristics of the artistic space, the «book» acts as a «finished object» that implements «universal and all-encompassing semantic segments» in the plot associated with cultural memory, the integrity of life and the world order. Special attention is paid to the content of the genre designation of «final book», which is applied to a number of «polymorphic» novels of the late 19th – 20th centuries and is considered in the context of «genre generalisations» in literature. The meaning of lexical components used within this genre designation is clarified. The occasional meaning «target», contained in the word «final», allows one to see in the intense self-reflection of the writer, which has a significant impact on the creative process, aspiration to cognise the «hidden essence» of things. The appeal to the goals inherent in the «ontological construction» of beings is defined in the philosophical tradition as «phenomenological reduction» (EGA Husserl), «transcending the spirit beyond its limits» (RM Garrigou-Lagrange). These processes are responsible for the retardation of the phase of the formation of the concept of the work – a phenomenon that has not yet been fully explained.

Keywords: final book, concept, cultural memory, telos, finished object, semantic triangle, semantic dyad, book symbolism.

For citation: Bondarchuk E.M. Symbolics of the book and the space of cultural memory in the «final book» of Boris Pasternak “Doctor Zhivago”. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 135–147 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-135-147>

Процесс размывания жанровых границ, ставший заметным явлением на рубеже XIX–XX вв., во второй половине XX столетия привел не только к «жанровой энтропии», но вызвал к жизни альтернативные закономерности консолидирующего характера. Речь идет, по определению В.А. Лукова, о процессах своеобразного «стягивания жанров», или о «жанровых генерализациях», в основе которых лежит действующий нежанровый (обычно проблемно-тематический) общий принцип, который «притягивает к себе, подчиняет, определенным образом структурирует частные явления, составляя их общий “знаменатель”» [Луков]. Рассмотрение центров жанровых «стяжений» представляет собой актуальную исследовательскую проблему. К такого рода феноменам может быть отнесена «финальная книга» (в дальнейшем – ФК). Данное терминологическое обозначение используется для систематизации разновидностей романов, которые отличаются длительно реализующимся, масштабным замыслом и жанровой «протеистичностью». Не ставя себе цель раскрыть содержание этой генерализующей категории в полном объеме, остановимся на некоторых ее характеристиках, которые важны в связи с темой статьи¹.

Одним из существенных признаков романов, принадлежащих к категории ФК, является ретардированность фазы, связанной с формированием замысла произведения, то есть исходным представлением художника «о своем будущем произведении, его более или менее осознанный прообраз, с которого начинается творческий процесс» [Гевленко]. На этом этапе, считает Н.К. Пиксанов, борьба «организующего разума и неясных интуитивных замыслов» протекает остро и драматично, и здесь особенно ощущается преобладание «неустойчивости», «текучести». Случающиеся «огромные перерывы» в работе автора над замыслом, с точки зрения Н.К. Пиксанова – основателя методологической теории «творческой истории» художественного произведения, – представляют собой любопытный факт «для психологии творчества». Однако концептуального объяснения исследователь не дает, ограничиваясь замечанием о том, что «работа пресекается» и происходит это «по неизвестным причинам», «автор никак не может заставить воображение вернуться к данному произведению, хотя одновременно он может создавать другие, значительные вещи». Такие «долгие паузы», отмечает Н.К. Пиксанов, возникали в творческой деятельности И.С. Тургенева (роман «Новь», который был задуман в 1870 г. и только в 1876 г. был написан необычайно быстро), Л.Н. Толстого (рассказ «Холстомер», замысел которого был зафиксирован в дневнике писателя 31 мая 1856 г., а реализован в 1885 г. (напечатан в 1886 г.) – через тридцать лет после первого

замысла и через двадцать три года после чернового текста) [Пиксанов].

Можно предположить, что длительно протекающая кристаллизация замысла обусловлена задачей всеобъемлющего осмысления действительности, которую ставит себе писатель. Однако история литературы знает примеры, когда масштабные замыслы реализовывались экстенсивно – в каскаде последовательно написанных романов. Речь идет о романских циклах (романах-реках/потоках О. де Бальзака «Человеческая комедия» (19 завершённых романов), Э. Золя «Ругон-Маккары» (20 романов), Р. Роллана «Жан Кристоф» (10 романов), Р. Мартена дю Гара «Семья Тибо» (8 романов), Луи Арагона «Реальный мир» (5 романов), где изменяющаяся, динамическая модель современного общества – «движущееся настоящее» – создавалась рекуррентными персонажами, а также посредством «особой структуры воображаемого мира»: генеалогического древа (Э. Золя), карты (Т. Гарди, У. Фолкнер), синоптической таблицы (Р. Мартен дю Гар) и другим приемами повествования.

Романы, относящиеся к категории ФК, очевидно имеют другую природу, принадлежат к иной литературной «ветви», где «замедленность» формирования масштабного замысла обусловлена интенсивной авторефлексией писателя. Художественная интенция автора обращена к пространству культурной памяти, к поиску ключей познания «мистерии» жизненных причин и целей, естественных и сверхъестественных, что и становится основой «для трансцендирования духа за свои пределы – к тому, что уже сверхъестественно и сверхсущностно, – к Богу как абсолютной цели Всего» [Савинов]. По мысли С.Л. Франка, «трансцендирование вовнутрь» (или вглубь) – в область духа – укореняет в духовной основе бытия, «дающей объективную реальность и подлинную опору индивидуальной душевной жизни» [Василенко]. В терминологии Э. Гуссерля эти процессы обозначены как «феноменологическая редукция», которую осуществляет сознание, направленное вглубь самого себя, где феномены непосредственно раскрываются: себя в себе самих показывают, самавляются. Они есть единство идеального предмета и смысла. М. Хайдеггер, развивая мысль Э. Гуссерля, пишет о том, что сознанию открывается нечто, противоположное «кажимости», – «сущее, показывающее само себя» [Хайдеггер].

В этой связи необходимо сделать разъяснения относительно значений лексемы «финальный». В узальном культурологическом тезаурусе получило широкое распространение и закрепилось значение «итоговый» («завершающий», «конечный»). Идея «конца/завершения» истории, задающая направление осмысления судеб человеческих, разви-

валась в религиозно-философской концепции «финальности», восходящей к стоикам, а также Платону и Аристотелю, и затем продолжала вызывать интерес во второй половине XIX века и далее в русской и зарубежной философии XX в. Однако в категории «финальная книга» используется окказиональное значение – «целевой». «Латинское “finis”, как и греческое “telos”, может означать как случайный “конец”, так и “цель” (Ziel) устремлений или «назначение» (Zweck) движения либо изменения, – так философски понимали “telos” уже Платон и Аристотель», – отмечает Эмерих Корет. И далее уточняет, что «более однозначно немецкое слово Ziel (или Zweck); оно подразумевает не только то, что нечто “заканчивается”, но и то, ради чего (hou heneka, propter quod) происходит движение, следовательно, то, к чему стремятся, что определяет движение стремления и даёт ему направление. Это не только цель, устремлённая сама в себе: finis qui, но и цель некоего действия, движения или устройства, поскольку она, обуславливая и указывая направление, входит в движение стремления: finis quo, часто обозначая также «смысл» [Корет]. Еще в стоической философской традиции были дифференцированы просто цель (skopos) (1) и конечная цель (telos) (2). Первая носит «внешний» характер по отношению к действию (такова мишень, в которую целится лучник), «подразумевает предвосхищение определенного конца или цели», принадлежит будущему и является объектом надежды. Другая (конечная (финальная) цель) носит внутренний характер (попадание в мишень не зависит от человека полностью: порывом ветра стрелу может снести в сторону; основное действие связано правильным прицеливанием), относится к настоящему и выступает как объект воли [Сверхкраткий философский словарь]. «Финальность» предполагает цель, «существенно неведомую», и поэтому под «финальностью» может подразумеваться «просто имманентное психологическое побуждение к цели. Вместо «побуждение к цели», замечал К.Г. Юнг, можно также сказать «ощущение цели». Доминиканский философ и богослов первой половины XX в. Реджинальд Гарригу-Лагранж относил «финальность» к фундаментальным качествам бытия наряду с тождеством, противоречием, субстанцией, основанием, каузальностью, которые соединяются попарно [Савинов]. Идея пропорциональности (соразмерности) причины и агента и утверждение о том, что «порядок агентов связан с порядком целей или субординация агентов соответствует таковой у целей», являются ключевыми в «королларии» Р. Гарригу-Лагранжа. Деятельная жизнь человека рассматривается в контексте целенаправленности и потому включенности в общий порядок целей, охватывающий все бытие мира [Garrigou-Lagrangé].

Таким образом, «финальная книга» не относится к «итоговым книгам», последним произведениям, имеющим характер художественного завещания, как можно было бы предположить, исходя из общепотребительного значения лексемы «финальный», хотя некоторые косвенные признаки сходства можно обнаружить. Поэтика финальной книги обращена к раскрытию конечной цели (telos), определяющей *скрытую сущность* (курсив мой. – Б. Е.), которая имеется, по Аристотелю, во всех мертвых и живых телах, так как и природа, и мировой процесс целесообразны, и содержится во всяком действии («omne agens agit propter finem»). Согласно Э. Корету, понятие цели предполагает ответ на вопрос, «ради чего» существует или изменяется данная вещь. В самом общем смысле цель выражается в «стремлении» конечной материи к осуществлению себя в той или иной «форме», то есть становлению вещей такими, какими мы их знаем [Корет]. «Финальная книга» представляет собой феномен творческой деятельности, ставящий автора перед проблемой постижения финальности (которая, по Р. Гарригу-Лагранжу, «образует основу существования живого единства реальности как в природе, так и в человеческом духе» [Garrigou-Lagrangé]), познания «скрытой сущности» себя, собственного творчества и, как следствие, перед проблемой полноты творческого осуществления как переходе потенции в актуальность, на особой важности которой особенно настаивал вслед за Платоном Аристотель.

ФК наряду с жанровым определением «итоговая книга» (которое имеет отношение к циклизации поэтического творчества, учитывает хронологию творческой деятельности, маркирует ее заключительный этап), обнаруживает тесную связь с первым (дебютным) произведением, которое есть не что иное, как соприкосновение с «истоком», обозначающим «откуда нечто пошло и посредством чего нечто стало тем, что оно есть, и стало таким, каково оно. То же, что есть нечто, будучи таким, каково оно, мы именуем его сущностью. Исток чего-либо есть происхождение его сущности» [Хайдеггер: 15]. Первое произведение эвристично, выступает как некая гипотеза, «задание», точка единства в заданности развивающегося творчества, обусловленная «первотолчком пробуждения», в результате чего «история начинается или начинается заново» [Хайдеггер: 15]. Антиномичная «дебютной» ФК задание не решает, но связывается с возможностью максимально осознанного приближения к пониманию того, что стало «истоком художественного творения» («истиной», «смыслом бытия»), «происхождением его сущности», то есть цели, заложенной «в онтологическую конституцию сущего», которая, «предварительно определяя его, входит в исполнение действия», поскольку она есть основание действия

как целевая причина (causa finalis) [Корет]. ФК обращена к онтологическим глубинам «источка» и является этапом в творчестве художника, предполагающим осознание заключенной в его таланте «цели», поэтому проблема «поэта и поэзии», назначения творчества, осмысления его этических и эстетических корней является в ФК кардинальной.

К разновидности романов, которые, несмотря на существующие многочисленные трактовки, по-прежнему побуждают к поиску новых гипотез, объясняющих сложную специфику их поэтики и художественности, относится «Доктор Живаго» Б. Пастернака. Роман отличает длительное формирование масштабного замысла, интенсивная ауторефлексия, жанровый полиморфизм, то есть признаки, присущие романам, объединяемым терминологическим обозначением ФК. Хорошо известно, что с первых шагов в литературе Б. Пастернаком владеет состояние «физической мечты о книге» [Пастернак 1993: 316]. В статье «Несколько положений» (1922 г.) Б.Л. Пастернак говорит о «книге», выводя на первый план этические координаты – «кубический кусок горячей, дымящейся совести – и больше ничего» и связь с живым началом – «живое существо» [Пастернак 1993: 315–317]. Но вплоть до 1946 г. проза («Безлюбье», «Детство Люверс», «Повесть», «Надменный нищий» и др.) представляет собой по преимуществу отрывки, фрагменты большого замысла. В послевоенное время неопределенная «мечта о книге» приобрела четкую соотнесенность с романом, который Б. Пастернак предполагал написать за один-два года. Однако работа растянулась на десятилетие и завершилась лишь в середине 50-х гг. (1955 г.). Замысел романа претерпевал изменения вместе с творческой эволюцией писателя, что нашло отражение в создании «жанровой полиформы», элементы которой «генетически связаны с самыми значимыми этапами развития словесности (миф – фольклор – литература)», и где активны «закономерности взаимодействия разнообразных жанровых векторов, формирующих роман» [Гримова: 7]. Очевидна связь «жанрового полиморфизма» с идеей создания универсального произведения культурной памяти (в данном случае своего рода литературного Gesamtkunstwerk), понимаемого как «книга книг», «книга бытия», «текст текстов».

Условное обозначение «книга» неоднократно употреблялось современниками Б. Пастернака для характеристики «Доктора Живаго» (О. Фрейденберг, Д. Спасский, С. Дурылин, Э. Герштейн). Д. Спасский говорил о «Докторе Живаго» как об очень большой удаче: «получилось настоящее повествование, настоящая книга» [Пастернак Е.Б.: 630]. Хорошо известен отзыв О. Фрейденберг: «...Книга выше суждения... Это особый вариант книги Бытия... вот-вот открывается конечная тайна, которую носишь внутри себя, всю

жизнь хочешь выразить ее, ждешь этого выраженья в искусстве и науке – и боишься этого до смерти, так как она должна жить вечной загадкой...» [С разных точек зрения: 132]. Позднее А. Синявский предложит формулировку «книга мыслей» [Синявский: 361]. Н. Лейдерман соотнесет роман с «мирскими священными книгами» [Лейдерман: 520]. Венгерский исследователь Дьердь Йожа, опираясь на выводы А. Серба и I. Madarasz относительно «Фауста» И.В. Гете, «Пер Гюнта» Г. Ибсена, «Божественной комедии» Данте, рассматривает «Доктора Живаго» в ряду этих произведений: «строки напряжены великолепнейшими стремлениями духа, постановкой сущностных вопросов, символическими и глубинными ответами; на самом деле эти произведения были предназначены не для чтения, а, вернее, для комментирования, *наподобие священных и мистических текстов*» (курсив мой. – Б. Е.) [Szerb: 425]. Высказывания самого Б.Л. Пастернака намечают линию понимания текста как «пограничного» образования, занимающего промежуточное положение между художественным и нехудожественным дискурсами: «...Я совсем его не пишу, как произведение искусства, хотя это в большем смысле беллетристика, чем-то, что я делал раньше» [С разных точек зрения: 130]. Заметим, что возникшее в поэзии XX в. жанровое образование «книга стихов» рассматривается как относящееся к переходному периоду, «несущее в себе родовые черты как лирики, так и эпоса (формальный уровень), в содержательном плане на первый план выдвигается гносеологический аспект, превращающий книгу стихов в становящуюся целостность, в «предпоэму» [Евдокимова: 5].

Итак, «книга» является условным сверх(над)жанровым обозначением для «Доктора Живаго» и вместе с тем выступает конденсационным символом с сюжетобразующей нагрузкой. В «Докторе Живаго», романе писателя о писателе, «книга» представляет собой ключевой компонент сознания героя и повествователя (недидеетического нарратора), фокус восприятия действительности и маркер избирательности памяти и, как следствие, постоянно присутствует в поле их зрения в качестве умозрительного или конкретно материального объекта. В художественном пространстве факт появления «книги» указывает на включение внутрь той или иной сюжетной ситуации или события целостного, автономного, обрамленного смыслового поля (модель универсума), выполняющего роль «Axis Mundi» и инспирирующего усложнение повествования по геральдическому принципу mise en abyme. Лейтмотив – мечта-интенция сознания Живаго о написании книги и связанный с ним комплекс дополнительных мотивов, которые раскрывают разные модусы присутствия книги в пространственно-временном континууме, формируют сюжет

«Доктора Живаго». В известном смысле Б. Пастернак повторно использует ход, к которому обращался в «Сестре моей – жизни». Во вступлении к книге стихов намечается сюжет, в котором художник выступает проводником Сестры – Жизни. О.В. Евдокимова в этой связи пишет: «Интертекстуальное включение символистского мифа в книгу позволяет говорить о генетической связи пастернаковского сюжета писания книги стихов как служения Жизни с общесимволистским служением онтологической идее (Софии, Вечной Женственности). Замещая Софию, Жизнь у Б.Л. Пастернака наследует функцию соединения ноуменального и феноменального миров. С ее помощью художник приобщается и к объективно существующему миру, и к Абсолютному началу» [Евдокимова: 6]. Образом «книги» конкретика любой сюжетной ситуации перестраивается «в вертикаль», позиции героев внутри нее перераспределяются, и создается «семантическая многомерность текста на различных уровнях текстовой коммуникации» [Щербитько: 4]. Имея разный вид – листы рукописи, томá, учебники, брошюра, тетрадь, – книга своим присутствием открывает онтологические горизонты и перспективы (функция «вестника») или указывает на эту возможность в тех или иных обстоятельствах. Во временной организации сюжета книга представляет собой точку «внеаходимости», создает историческую, культурную дистанцию по отношению к происходящему и вместе с тем формирует силовые линии, связывающие конкретную ситуацию с сакральной историей, обнаруживая в профанном содержании сакральные глубины, или *Dasein*. Эта ключевая категория философии экзистенциализма, переведенная В.В. Библихиным как «присутствие», самим составом слова указывает на состояние «быть при сути», причем «при сути» может иметь смысл «быть при том, что есть (ибо «суть = есть») и «быть при том, что существенно». Г.Ю. Карпенко говорит о «присутствии» как «фиксирующей категории (курсив мой. – Б. Е.), схватывающей суть “живого бытия”», великом таинстве «вечного духа жизни», как о способе выражения символов порождения и организации духовного пространства, замечая, что «никакая философская категория не «потянет» за собой такого «шлейфа ассоциаций», как знаки «присутствия» [Карпенко: 160]. Образ книги в сюжете не является «напоминанием» либо «копированием» некоей реальности, а выступает, согласно концепции Анри Бергсона, как *присутствие самой этой реальности* в опыте настоящего: «...мы никогда не достигли бы прошлого, если бы сразу не были в нем расположены» [Бергсон: 244]. Прошлое, которое встаёт перед нами в акте воспоминания, – это *оно само*, а не его дубликат, это то самое бытие, которое было и, как нам кажется, ушло, но на самом деле продолжает существовать в *пол-*

ном, целом бытии; причём мы имеем непосредственный доступ к этому полному (и бесконечному) бытию, то есть потенциально *помним всё*, хотя и не всё можем реально вспомнить [Евлампиев: 265].

«Книга» в поэтике позднего Пастернака входит в число тех единичных объектов (шкаф, лестница, роль, портьера, окно, стол), которые, согласно А. Жолковскому, можно причислить к категории «готовых предметов», то есть к таким поливалентным смысловым структурам, которые используются для обозначения «некоторого набора подлежащих выражению функций» или, наоборот, это «как бы затвердевшие в виде предмета» элементы замысла, «для которого они являются конститутивными свойствами» [Жолковский, Щеглов: 212]. К этим же выводам приходит О.Н. Щедракова, уточняя, что для актуализации не вещественных смыслов и создания «магических» образов более удобны вещи, изначально перегруженные символическими значениями, своего рода символические клише: крест, челн (лодка), посох (трость), свеча, кубок (бокал, чаша) и т. д. Ту же функцию выполняют поэтизмы: звезды, цветы (в основном розы, лилии и гиацинты), драгоценные металлы и камни (серебро, алмазы, аметисты, жемчуга), а также вся романтическая средневековая атрибутика: замки, латы, стяги, парчовые кафтаны и всевозможное рыцарское оружие. Восприятие этих предметов, вписанных в многовековой культурный контекст, настолько автоматизировано, а конструируемая ими реальность настолько условна, что читатель окидывает ее беглым взглядом и сразу переходит к не вещественным смыслам, ко вторым и третьим значениям [Щедракова: 92]. Книга как «готовый предмет» реализует в сюжете «универсальные и всеобъемлющие смысловые сегменты», связанные с культурной памятью, целостностью жизни и мироустройства, и соотносится с хранилищем «духовного оборудования», которого требует «установление вековых работ по последовательной разгадке смерти и ее будущему преодолению» [Пастернак 1989: 12].

«Книга» в «Докторе Живаго» входит в состав вещных перечислений (свернутых описаний, списков, «барочных каталогов», принадлежащих дискурсу повествователя), где описание реалий свернуто/сокращено до номинации. Вещные ряды фактом своего рядоположного присутствия сгущают смысловую энергию нарратива, делая дескриптивные эпизоды более плотными и развернутыми в смысловом плане, подобно тем символическим образам, о которых речь шла выше. «Несмотря на свои четыре окна, кабинет был темноват. Его (кабинет в доме Свентицких. – Б. Е.) загромождали *книги*, бумаги, ковры и гравюры» [Пастернак 1989: 38]. Книга в составе данного перечня является знаком культурной жизни, ее упорядоченности и благополучия. В другом случае кни-

га оказывается среди вещей, необходимых для жизни: «Доктор раскрыл чемодан, чтобы достать из него бритвенный прибор. Между колонками церковной колокольни, высившейся как раз против окна, показалась ясная, полная луна. Когда её свет упал внутрь чемодана на разложенное сверху белье, *книги* и туалетные принадлежности, комната озарилась как-то по-другому и доктор узнал ее» [Пастернак 1989: 164]. Беглая номинация и условная «визуальная параллель» [Эко: 37] в стилистике Б. Пастернака, с одной стороны, дематериализует объект, с другой стороны, является признаком предельной степени компрессии смыслов. Отсутствие конкретики в образе книги усиливает ее символическое значение.

Визуальный образ книги как предмета чаще всего сведен к нулевому экфразису. То есть книга как компонент предметно-вещной сферы имеет условно-зрительный образ. Внимание повествователя сосредоточивается на смежных с книгой областях – на субъекте, совершающем действие, на самом действии или на местонахождении. Метонимичность смещает направление взгляда с прямого на косвенный. Действия, связанные с книгой, могут носить сакральный характер, быть обращенными к вертикали бытия: книги пишут, читают, толкуют, корректируют, листают, хранят. С другой стороны, действия могут раскрывать профанную систему отношений с книгой, точнее, с ее материальной оболочкой, которая связана с горизонталью бытового времени: книги переносят, выдают, кладут, везут, оформляют, печатают, издают, заказывают, стаскивают, штудируют, распродают, рекомендуют написать. Места хранения книг: столы (рабочий стол Павла Антипова – книги и лампа), книжные полки (за ними «впал в сон» Юрий в день похорон Анны Ивановны), стойки, книжные лавки, букинистические магазины, читальня, библиотека (Юрятин), книгоиздательства, библиотечные полки академических книгохранилищ и пр. – являются прообразами Вселенского знания, то есть «предметы, события, действия и состояния лиц имеют, с одной стороны, смысл и значение современно-исторические по буквальному их значению, а с другой – смысл и значение пророческие о будущем по их прообразовательно-таинственному значению» [Энциклопедический словарь]. Это локусы, связанные с получением знания, открытием истины и разрешением противоречия «двоящихся мыслей» и, как следствие, указывающие на «путь познания» и возможность обретения перспективы «второго рождения». «Познание в сюжете романа связано не с логической рационализацией истины, а с ее интуитивным постижением. При этом познаваемая в романе истина представляет собой не жестко детерминированную систему кодов, подлежащую однозначной расшифровке, а свободное смысловое «поле». Возможность приобщения к «семантической супер-

структуре» является конструктивной особенностью дискурса «Доктора Живаго»» [Жиличева: 80]. Образы малых и больших книжных скоплений/собраний (полки, книжные лавки и т. п.) в сюжете романа реализуют индуктивную модель осмысления действительности: движение от бытовых частностей/отдельностей к идее «мыслить бытие в целостных категориях». [Симонова: 58] Причем «правильный» способ размещения книг (библиотека связана с идеей порядка, тишины, уединенной работы) противопоставлен их неестественному складированию в послереволюционное время. «Владельцы нескольких очень скромных домашних библиотек стаскивали книги из своих шкафов куда-нибудь в одно место. Делали заявку в горсовет о желании открыть кооперативную книжную торговлю. Испрашивали под такую помещение. Получали в пользование пустовавший с первых месяцев революции *обувной склад или апельсирию* тогда же *закрывшегося цветочного хозяйства и под их обширными сводами распродала свои тощие и случайные книжные собрания*» [Пастернак 1989: 453]. Диспропорция «обширный» и «тощий» раскрывает нарушение «живого» соотношения формы и содержания. Профанная экзистенция книги, превращение ее исключительно в функциональный предмет (товар) отражает свойственный послереволюционному времени «провал» в памяти, забвение животворных основ бытия, закрытую (утраченную) возможность «регрессии в ту область «совершенства», откуда необходимо происходить, чтобы быть сущим» [Бодрийяр: 86]. «...Сама жизнь распадается на ряд мелочных ситуаций, не связанных единым смыслом, детерминированных лишь нуждой существования» [Симонова]. Примечательно, что в последних частях второй книги романа пустота и неплодотворность жизни выражается в возникновении симулякров [Бодрийяр: 29] – ложных форм существования идей, имитирующих, симулирующих реальность: «разного рода Дворцы мысли, Академии художественных идей». Книжечки, издаваемые Юрием и Васей, существуют параллельно этим дутым учреждениям с претенциозными названиями.

Особым значением наделяется «книга» в экспозиционной части сюжета, в сцене корректировки рукописи Веденяпиным и Воскобойниковым в Дуплянке. Образ книги в структуре экспозиционной части сюжета (кн. I, гл. 4, 5) формирует семантический треугольник «идея – мыслитель – книга», который затем в общей сюжетной динамике реализуется многовариантно. Семантические треугольники в экспозиции: 1) «*радикальные идеи землеустройства – Воскобойников – листы корректуры почти готовой к изданию книги*»; 2) «*идеи свободной личности, любви к близкому и жизни как жертвы – Веденяпин – будущие книги*»; 3) «*догмы – профессура университетов, философы революции, представители литературы – не-*

названные, но подразумеваемые книги» – поставлены в соотношение с онтологически видением повествователя и его профетическими суждениями о будущем. В главе 4 (кн. I) упоминание «книги» (Веденяпина) «подытоживает» природную зарисовку: «Была Казанская, разгар жатвы. ... Склонив колосья, пшеница тянулась в струнку среди совершенного безветрия или высилась в крестцах далеко от дороги, где при долгом вглядывании принимала вид движущихся фигур, словно это ходили по краю горизонта землемеры и что-то записывали» [Пастернак 1989: 8]. Природная реальность расслаивается на онтическое (предметно-чувственное) и кажущееся (антропоморфный образ – движущиеся фигуры), причем именно во втором случае в связи с глаголом «записывали» возникает мотив текста, отсылающий к прообразу книги Природы. Открывающаяся сакральная перспектива обращена к краю горизонта, к стыку неба и земли. Линия дороги дублирует направление, выступая ее материальным эквивалентом. Все ситуации, включенные в главу, получают освещение бытийным временем, которое закольцовывается в профетических суждениях повествователя относительно будущих книг Веденяпина: «Ни одна из книг, прославивших впоследствии Николая Николаевича, не была еще написана. Но мысли его определились. Он не знал, как близко его время» [Пастернак 1989: 9]. Е.И. Славутин и В.И. Пимонов отмечают важнейшую особенность многих художественных текстов, которая связана с присутствием в их сюжетной композиции «особого рода профетической структуры, восходящей к оракулу как архетипическому культурному образу», которая может быть явной (предсказание, гадание, вещий сон) или скрытой (предвестие, предчувствие, предзнаменование). Сюжет начинается в той точке, где есть предсказание или предвестие будущих событий, а завершается, когда предсказание сбывается, то есть актуализуется [Славутин: 37]. Как исходные в сюжете «Доктора Живаго» маркируются два момента: эпизод, связанный с маленьким Юрой («могло показаться, что мальчик *хочет сказать прощальное слово* на материнской могиле») и дискурс повествователя относительно не написанных Николаем Николаевичем Веденяпиным книг, которые должны будут его прославить впоследствии [Пастернак 1989: 5]. Сюжетная линия «Доктора Живаго» обращена к пространству памяти, из которого «вездесущий» и «всезнающий» повествователь извлекает отдельные события рассказываемой истории. Прошедшее получает статус настоящего и рассматривается через призму известного повествователю будущего, а также как будущее в контексте «финальности» событий – бытийного «порядка агентов» и «порядка целей». Отбор событий раскрывает действие принципа «обратной перспективы», где события, малозначительные внеш-

не, (которые могут быть рассмотрены как типичные элементы фабулы романа воспитания, романа авантюрного), наделяются референтным (сообщающим) значением и становятся координатами ноуменального пространства и времени. О возникающем особом эффекте такого рода писал Павел Флоренский в связи с «Живоначальной Троицей» А. Рублева: «Нас умиляет, поражает и почти ожигает в произведении Рублева вовсе не сюжет, не число “три”, не чаша за столом и не крылья, а внезапно сдернутая пред нами завеса ноуменального мира, и нам, в порядке эстетическом, важно не то, какими средствами достиг иконописец этой обнаженности ноуменального и были ли в чьих-либо других руках те же краски и те же приемы, а то, что он воистину передал нам узренное им откровение» [Флоренский: 268].

Функциональное отличие первого семантического треугольника, где в качестве ключевой фигуры мыслителя выступает Иван Иванович Воскобойников, – в его принадлежности к составу фабулы: Веденяпин едет в Дуплянку с рукописью «книжки» Воскобойникова и затем принимает участие в ее корректировке. Этот треугольник становится основой для развертывания семантических треугольников сюжетного типа, и прежде всего – связанного с манифестацией идей Веденяпина о любви к ближнему, свободной личности, жизни как жертве и верности Христу, которая дополняется проспективным комментарием повествователя относительно их признания и широкой известности в дальнейшем и включается в комплекс будущих сюжетных событий. Конкретный образ листов брошюры, придавленных кусками гранита, чтобы не разлетелись, является седцевинной нескольких центробежных кругов: творческого (процесса поиска слова для точного воплощения мысли), бытового, природного, бытийного – и воскрешает символику Логоса (зерна) и произрастающей из него жизни (колоса, древа).

Идеи Воскобойникова и его характеристика как идеолога реализуются в ироническом дискурсе. Популяризаторская деятельность, совмещенная с идейным «радикализмом», вызывает сомнение в «полезности знаний», которые он пропагандирует. Позиция повествователя усиливается двойной критической оценкой – прямой (цензора), вестником которой выступает Веденяпин, косвенной (возницы – сторожа книгоиздательства, с которым ведет дорожную беседу Веденяпин). С одной стороны, ужесточившейся официальной цензурой Воскобойникову рекомендовано умерить свои «аграрные страсти». С другой стороны, идеи Воскобойникова дискредитируются расшатывающейся действительностью, утрачивающей жизненные скрепы, которые сдерживали хаос вседозволенности. Реплики возницы содержат непосредственную характеристику этой действитель-

ности: «Распустили народ. Баловство, говорят. С нашим братом нешто возможно? Мужуку дай волю, так ведь у нас друг дружку передавят, истинный Господь» [Пастернак 1989: 8]. Вместе с тем реплика выходит за пределы диалога героев и становится способом демонстрации мысли, «вовлеченной в событие», которая «становится сама событийной» и приобретает особый характер «идеи-силы» [Бахтин: 14].

Встреча двух мыслителей – Воскобойникова и Веденяпина – раскрывает противоположные подходы к обновлению действительности: «материалистичный», связанный с социальными преобразованиями на основе радикальных действий, и «идеалистичный», посредством «мысли, окрыленно-вещественной, которая прочерчивала бы нелицемерно различимый путь в своем движении и что-то меняла в свете к лучшему и которая даже ребенку и невежде была бы заметна, как вспышка молнии или след прокатившегося грома» [Пастернак 1989: 9]. Первый путь – результат мышления, не способного воспринимать «живые», спонтанно высказываемые идеи, «живое» начало жизни. Второй путь связан с «оригинальным» (от лат. *originalis* первоначальный) мышлением, проникающим в сверхчувственный план бытия, в платоновский мир идей (эйдосов) или форм и обращенным к «мысли в той форме, в какой они приходят в голову в первую минуту, пока они живы и не обесмыслились» [Пастернак 1989: 9]. Диалог раскрывает разные слои реальности, доступные героям: «идеолог» (Воскобойников) является транслятором «готовых» идей, у него отсутствует ниспосланная свыше «особливая сила, дар, благодать духа к чему» [Виноградов], делающая его участником события откровения, которая есть у «мыслителя» (Веденяпина). Семантика визуального кода (великолепие природы (образ отливающей на солнце, слепящей блеском реки, виды которой вместе созерцают Веденяпин и Воскобойников) служит отражением красот духовной сферы. Сближение «блистающих» образов – реки и мысли – восходит к идее Лейбница о предустановленной гармонии, существующей между «физическим царством природы» и «нравственным царством благодати», гармонии безначальной и бесконечной жизни. Однако для собеседника Веденяпина истина остается неузнанной: «Метафизика, батенька. Это мне доктора запретили, этого мой желудок не варит» (Воскобойников). Несколько позднее (ч. 2 «Девочка из другого круга», гл. 10) ситуация повторится с толстовцем Выволочновым («Ничего не понял. Вы бы об этом книгу написали») [Пастернак 1989: 12, 41].

Эпизод редактирования рукописи (кн. I, гл. 5.), осуществляемый идеологом и мыслителем (поиск точных слов для обозначения реалий действительности), является сакральным ядром события «встречи». Во-первых, фрагмент находится в сильной тек-

стовой позиции – в начале главки. Во-вторых, он дан в диалогической форме в фазе «развития действия», в середине процесса как аллюзия идеи безначальности и бесконечности бытия. В-третьих, акциональные предикаты «читал – говорил – вносил исправление», «диктовал – говорил – записывал», создающие впечатление обыденности, уравниваются лиминальностью локуса события («полутьма стеклянной террасы», находящейся в саду): полуоткрытое (стеклянные границы) пространство наполнено рассеянным светом заходящего солнца (полутьма), раскрывая его сакральное содержание. Простота действий героев корреспондирует с лаконичностью древнерусской фресковой живописи с центральными образами фигур, склонившихся над священными письменами.

Появлению книги (рукописи) в пространстве предшествует радиальное расширение и материальное уплотнение локуса через перечень бытовых вещей, предназначенных для садовой работы (лейки, болотные сапоги, инструменты, дождевой плащ), создающих прозрачную знаковость описания, связанную явлением Христа в облике садовника. Образ книги является сакральным эпицентром сада – образа возделанной природы – культуры, в котором осуществляется разворачивание логоса. В.Ф. Эрн писал о том, что «логос есть принцип, имманентный вещам» и «всякая гес таит в себе скрытое, сокровенное Слово» [Эрн: 20], отличие состоит в мере его проявленности. «Нашему взору ничто не предстает как последний рубеж, но в действительном мы всегда видим должное. Созерцая реальную вещь, человек в своем духе одновременно воспринимает два образа: один – как бы зеркальное отражение вещи в духе, образ отчетливый во всех подробностях и верный, но не вызывающий никакого движения в духе, подобно тому как отражение ветлы в реке не волнует речной глади; и другой, зыбкий и смутный, но возбуждающий чувство. Человек не властен сделать так, чтобы в его душе не возник идеальный образ созерцаемой вещи: образ возникает самопроизвольно и неизбежно. И так как мы ежеминутно соприкасаемся с бесчисленными реальностями, то в нас ежеминутно рождаются бесчисленные идеальные образы, но в большинстве столь бледные, что мы вовсе не сознаем их» [Гершензон: 54].

Описание книги сведено к упоминанию того, как предмет лежит (образ действия) и к уточнению, почему именно так (причина): «На листах брошюры лежали куски гранита, чтобы они не разлетелись». Образы камня (первоэлемента мироздания) и книги (атрибута культурного пространства) актуализируют космогонические мифы о возникновении материи из Логоса. Оба предмета имеют связь с категорией прапамяти и материализуют в сюжете ситуацию «порога» и идею «преображения». Предельная обы-

денность видимого образа в поэтике Б. Пастернака является маркером бытийной глубины, которая открывается метафорой, заложенной в образ пространства-сада, в котором все осуществляется. Усложнение возникает по геральдическому принципу *mise en abyme* (*фр.* «помещение в бездну») или принципу матрёшки, и реальная рукопись оказывается книгой, размещенной внутри книги Природы. Это рекурсивное усиление сюжета через образ книги Природы возникает еще дважды: в кн. I, ч. 1 «Пятичасовой скорый», гл. 6 – в описании прогулки маленького Юры по саду Дуплянки, в контексте детских воспоминаний: «Здесь была сырая тьма, бурелом и падаль, было мало цветов, и членистые стебли хвоща были похожи на жезлы и посохи с египетским орнаментом, как в его иллюстрированном священном писании» [Пастернак 1989: 13]; в кн. II, ч. 10 «На большой дороге», гл. 16 – в воспоминаниях Юры о поездках к Ларе в Юрятин: мелькающие домишки пригорода напоминают «страницы быстро перелистываемой книги, не так, как когда их переворачиваешь указательным пальцем, а как когда мякишем большого по их обрезу с треском прогоняешь их все. Дух захватывает!» [Пастернак 1989: 293].

Фиксированное положение книги («На листах брошюры лежали куски гранита») делает ее центром всеобщего движения, совершающегося вокруг: свободно циркулирующих словесно-знаковых потоков (беседа), жизни природных стихий (ветер, вода, блики света), бытовой суеты (бабы и мужики на речном пароме, накрываемый к вечернему чаю стол в палисаднике, куда «пронесли из флигеля каймак, ягоды и ватрушки») [Пастернак 1989: 10]. Онтические, чувственно воспринимаемые формы действительности являют собой «глубокие уровни символизации, уходящие по принципу воронки все дальше вглубь (и ввысь) к собственно художественному символу, а через него и к метафизической реальности бытия» [Бычков].

Повторно образ «книги под камнем» возникает в сюжете в кн. I, ч. 6 «Московское становище», но уже в сниженном, шаржированном виде. О мифической, пророческой книге, пролежавшей под камнем сто-сорок лет, упоминает дворник Маркел по возвращении Юрия с фронта Первой мировой войны. Сюжетная рекурсия воскрешает в новом временном отрезке предшествующий образ благоденствия не как безнадежно утраченный, но как находящийся «под спудом», существующий *virtuellement*, как тень памяти. Вместе с тем «легенда о книге» достраивает параболическую модель экзистенции книги: движение от «мира идей» к оформленной «искусной памяти» [Йетс: 16] и далее к вхождению в «народную память» через превращение содержания в легенду, притчу, историю.

В завершение отметим, что процесс поиска знаний из «книг», который понимается как интроверти-

рованное движение к онтологическим основам бытия, осуществляемый героями, чреват различными результатами: содержит возможность «второго рождения» (Живаго), длительного «застревания» в бедственной фазе «среднего вкуса» (Гордон, Дудоров), интеллектуального заблуждения (Антипов). В первой книге «Доктора Живаго» внимание повествователя занимают «докнижные» формы существования идей, контакт с которыми происходит в состоянии откровения (Веденяпин). Хронотоп кн. II включает уже написанные книги (Веденяпина, Живаго). Здесь семантический треугольник, связанный с творчеством (идея – мыслитель – книга), выступает как сюжетный конструкт наряду с семантической диадой «книга – читатель/толкователь», которая раскрывает процесс извлечения идей из «книжной» формы их существования и отличается выраженным коммуникативным содержанием. В сюжетной части кн. I диада использовалась дважды – в сведениях о жизненном пути героев, сообщенных повествователем. Во-первых, в краткой характеристике взросления и пути познания, ведущего к соединению с миром, который совершает Юрий Живаго: «Все эти двенадцать лет школы, средней и высшей, Юра занимался древностью и законом Божьим, преданиями и поэтами, науками о прошлом и о природе, как семейною хроникой родного дома, как своею родословною» [Пастернак 1989: 84]. Второй путь познания, опираясь на книги, проходит Павел Антипов: «...у него была необычайная способность приобретать и сохранять знания, почерпнутые из беглого чтения. Он уже и раньше, отчасти с помощью Лары, прочел очень много. За годы уездного уединения начитанность его так возросла, что уже и Лара казалась ему недостаточно знающей» [Пастернак 1989: 102]. Однако эрудиция и интеллектуальное превосходство делают его носителем «книжного (романтического) сознания» в его отрицательном значении, противопоставляющем героя миру. В кн. II семантическая диада «книга – читатель/толкователь» реализуется в различных *конкретных* сюжетных ситуациях, где герои становятся участниками полноценного или редуцированного диалогического взаимодействия со смыслами, извлекаемыми из книги: толкование Симушкой Тунцевой Ветхого и Нового Завета; литературные чтения в Варькино, отмеченные в дневнике Живаго («Без конца перечитываем «Войну и мир», «Евгения Онегина» и все поэмы, читаем в русском переводе «Красное и Черное» Стендаля, «Повесть о двух городах» Диккенса и коротенькие рассказы Клейста»); читающий квартирохозяин, которому пилят дрова Юрий и Марина; Гордон и Дудоров, размышляющие над тетрадь Юрьевых писаний [Пастернак 1989: 269].

Таким образом, «книга» в рамках «предметного мира» романа является культурным кодом, связанным с идеями целостности мироустройства, непре-

рывности жизни, ее возобновляемости. Комплексом мотивов, генерируемых конденсационным символом «книги» в «Докторе Живаго» (мотив поиска, границы, знания, встречи, тайны, узнавания, заблуждения, откровения, движения, вестничества, «второго рождения», преображения и пр.), создается пространство культурной памяти («второй вселенной») в поэтике романа, актуализируется гносеологическая и эпистемологическая проблематика, которая является ведущей в романах, относящихся к категории «финальных книг».

Примечания

¹ Характерные черты, присущие «финальной книге», рассматривались ранее: Кириллова И.В. Феномен финальной книги в русской прозе XX века: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 228 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/fenomen-finalnoi-knigi-v-russkoi-proze-xx-veka> (дата обращения: 04.07.21); Бондарчук Е.М. «Предметно-вещная онтология «финальной книги» Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Вестник Костромского государственного университета, 2020, № 4 (26). С. 135–147; Бондарчук Е.М. «Финальная книга» в контексте проблемы культурной памяти (Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы», Б.Л. Пастернак «Доктор Живаго» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2017, № 6 (119). С. 136–144.

Список литературы

- Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002. Т. 6: Проблемы поэтики Достоевского, 1963. Работы 1960-х–1970-х гг. 505 с.
- Бергсон А.* Материя и память // Бергсон А. Собр. соч.: в 4 т. М.: Московский Клуб, 1992. Т. 1. 325 с.
- Бодрийяр Ж.* Система вещей. М.: Рудомино, 2001. 95 с.
- Бычков В.В.* Символизация в искусстве как эстетический принцип // Вопросы философии. 2012. № 3. URL: http://vphil.ru/index.php?id=493&option=com_content&task=view (дата обращения: 26.09.20)
- Василенко Л.И.* Краткий религиозно-философский словарь. М.: Искусство и образование, 2013. 256 с. URL: <https://terme.ru/termin/transcendirovanie.html> (дата обращения: 30.06.2021).
- Виноградов В.В.* История слов. Часть «вдохновить». URL: <http://etymolog.ruslang.ru/vinogradov.php?id=vdochnovit> (дата обращения: 26.09.20)
- Гевленко Ю.А.* Художественный замысел как творческая процедура // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2013. № 1 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyy-zamysel-kak-tvorcheskaya-protsedura> (дата обращения: 30.06.2021).
- Гершензон М.* Тройственный образ совершенства // Гершензон М. Избранное. Москва: Университетская книга; Иерусалим: Gesharim, 2000. Т. 4. 640 с.
- Гримова О.А.* Жанровое своеобразие романа «Доктор Живаго» // Новый филологический вестник. 2013. № 2 (25). С. 7–44.
- Евдокимова О.В.* Гносеологические образы в лирике Б.Л. Пастернака 1920-х годов (на материале книг «Сестра моя – жизнь» и «Темы и вариации»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж. 2006. 16 с.
- Евлампиев И.И., Малышкин Е.В.* Две метафоры памяти. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2011. 246 с. // HORIZON. Феноменологические исследования. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/malyshkin-e-v-dve-metafory-pamyati-spb-izd-vo-sankt-peterb-gos-un-ta-2011-246-s> (дата обращения: 05.07.2021).
- Евразийская мудрость от А до Я:* толковый словарь / Виславий Зорин. Алматы: Сөздік-Словарь, 2002. 408 с. URL: <https://terme.ru/termin/fenomen.html> (дата обращения: 30.06.2021).
- Жиличева Г.А.* Метафоры откровения в нарративе «Доктора Живаго» // Новый филологический вестник. 2012. № 4 (23). С. 78–106.
- Жолковский А.К., Щеглов Ю.К.* Работы по поэтике выразительности: Инварианты – Тема – Приемы – Текст. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
- Зеленский В.* Толковый словарь по аналитической психологии. М.: Когито-Центр, 2008. 336 с. URL: https://mir-knig.com/read_230244-56 (дата обращения: 30.06.2021).
- Йетс Ф.* Искусство памяти. СПб.: Университетская книга, 1997. 479 с. URL: <http://psylib.org.ua/books/yates02/index.htm> (дата обращения: 26.09.20)
- Йожа Д.З.* Роман-панацея. Асклепий как протобраз доктор Живаго (к постановке вопроса) // Культура и текст. 2013. № 2 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/roman-panatseya-asklepiy-kak-protobraz-doktora-zhivago-k-postanovke-voprosa> (дата обращения: 05.07.2021).
- Карпенко Г.Ю.* Возвращение Белинского: литературно-художественное сознание русской критики в контексте историософских представлений. Самара: Самарский университет, 2001. 368 с.
- Корет Э.* Основы метафизики. Киев: Тандем, 1998. 248 с. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/5760/5764> (дата обращения: 30.06.2021).
- Лейдерман Н.Л.* Теория жанра: науч. издание / Институт филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник» УрО РАО; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2010. 904 с.
- Луков В.А.* Жанры и жанровые генерализации // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanry-i-zhanrovye-generalizatsii> (дата обращения: 30.06.2021).

Пастернак Б.Л. Доктор Живаго: роман. Куйбышев: Кн. изд-во, 1989. 528 с.

Пастернак Б.Л. Несколько положений // Пастернак Б.Л. Сочинения: в 2 т. Тула: Филин, 1993. Т. 2: Поэмы, проза. С. 315–317.

Пастернак Е.Б. Биография. М.: Цитадель, 1997. 728 с.

Пиксанов Н.К. Творческая история «Горя от ума». М.: Наука, 1971. 400 с. URL: <http://feb-web.ru/feb/griboed/critics/tig/tig-001-.htm> (дата обращения: 30.06.2021).

Савинов Р.В. Эпистемология неотолизма: учение Р. Гарригу-Лагранжа // Вестник ПСТГУ. Сер. 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2019. Вып. 86. С. 81–92.

Сверхкраткий философский словарь: Краткое изложение книги «Буквы философии» / Ал.С. Акулов. СПб., 1999. 52 с. URL: <https://terme.ru/termin/cel.html> (дата обращения: 30.06.2021).

Симонова С.А., Арасланова С.С. Библиотечная вселенная Х.Л Борхеса // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 2. С. 255–257. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bibliotecnaya-vselennaya-h-l-borhesa> (дата обращения: 05.07.2021).

Синявский А.Д. Некоторые аспекты поздней прозы Пастернака // Boris Pasternak and his times. Selected papers from the second international symposium on Pasternak. Berkeley slavic specialties, 1989. Pp. 359–371.

Славутин Е.И., Пимонов В.И. К вопросу о профетической структуре художественного текста // Вестник Литературного института имени А.М. Горького, 2013. № 1. С. 37–44.

С разных точек зрения: «Доктор Живаго» Б. Пастернака. М.: Советский писатель, 1990. 288 с.

Флоренский П. Троице-Сергиева лавра и Россия // Философское наследие. Священник Павел Флоренский. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. 680 с.

Фрумкин К. (сост.) Словарь хайдеггерианских терминов. URL: <https://terme.ru/slovari/slovar-haideggerianskih-terminov-po-bytiju-i-vremeni.html> (дата обращения: 30.06.2021).

Хайдеггер М. Исток художественного творения. М.: Академический Проект, 2008. 528 с. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Heidegg/Ist_intro.php (дата обращения: 26.09.20)

Щедракова О.Н. Функционирование категории вещи в поэзии постсимволизма: На материале ранней лирики Б.Л. Пастернака: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 215 с.

Щербитько А.В. Книга в повествовательных стратегиях литературы XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 27 с.

Эко У. Vertigo. Круговорот образов, понятий, предметов. М.: Слово/SLOVO, 2009. 408 с.

Энциклопедический словарь. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1890–1907. URL: <https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/101185> (дата обращения: 08.07.2021).

Эри В.Ф. Г.С. Сковорода. Жизнь и учение. М.: Путь, 1912. 342 с.

Garrigou-Lagrange R. Le Realisme du Principe de Finalite. Paris, Desclée de brouwer et C^{le}, éditeurs., 1932, pp. 150–151.

Szerb A. Magyar irodalomtortenet, Budapest, Magvető, 1982, 594 p.

References

Bahtin M.M. *Problemy pojetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Bahtin M.M. *Sobranie sochinenij: v 7 t.* [Collected works: in 7 vols.]. Moscow, Russkie slovari, Yazy'ki slavyanskoj kul'tury Publ., 2002, t. 6: *Problemy pojetiki Dostoevskogo, 1963, raboty 1960-x-1970-x gg* [Vol. 6: Problems of Dostoevsky's poetics, 1963, works of the 1960s-1970s.], 505 p. (In Russ.)

Bergson A. *Materija i pamjat'* [Matter and memory]. Bergson A. *Sobr. soch.: v 4 t.* [Collected works: in 4 vols.]. Moscow, Moskovskij Klub Publ., 1992, vol. 1, 325 p. (In Russ.)

Bodrijar Zh. *Sistema veshhej* [System of things]. Moscow, Rudomino Publ., 2001, 95 p. (In Russ.)

Bychkov V.V. *Simvolizacija v iskusstve kak jesteticheskij princip* [Symbolization in art as an aesthetic principle]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 2012, № 3. URL: http://vphil.ru/index.php?id=493&option=com_content&task=view (access date: 26.09.20) (In Russ.)

Vasilenko L.I. *Kratkij religiozno-filosofskij slovar'* [A brief religious and philosophical dictionary]. Moscow, Iskusstvo i obrazovanie Publ., 2013, 256 p. URL: <https://terme.ru/termin/transcendirovanie.html> (access date: 30.06.2021). (In Russ.)

Vinogradov V.V. *Istorija slov. Chast' «vdohnovit'»* [History of words. The «inspire» part]. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/vinogradov.php?id=vdohnovit> (access date: 26.09.20) (In Russ.)

Gevlenko Yu.A. *Hudozhestvennyj zamysel kak tvorcheskaja procedura* [Artistic conception as a creative procedure]. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom* [Professional education in Russia and abroad], 2013, № 1 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyj-zamysel-kak-tvorcheskaya-protsedura> (access date: 30.06.2021). (In Russ.)

Gershenson M. *Trojstvennyj obraz sovershenstva* [The triple image of perfection]. Gershenson M. *Izbrannoe* [Favorites]. Moscow, Universitetskaya kniga; Jerusalem, Gesharim Publ., 2000, vol. 4, 640 p. (In Russ.)

Grimova O.A. *Zhanrovое svoeobrazie romana «Doktor Zhivago»* [Genre originality of the novel «Doctor Zhivago»]. *Novyj filologicheskij vestnik* [New philological bulletin], 2013, № 2 (25), pp. 7–44. (In Russ.)

Evdokimova O.V. *Gnoseologicheskie obrazy v lirike B.L. Pasternaka 1920-x godov (na materiale knig «Sest- ra moya - zhizn'» i «Temy i variacii»): avtoref. dis. ...* kand. filol. nauk. [Epistemological images in the lyrics of B.L. Pasternak of the 1920s (based on the books «My Sister - Life» and «Themes and Variations»): DSc thesis, summary]. Voronezh, 2006, 16 p. (In Russ.)

Evlampiev I.I., Malyshkin E.V. *Dve metafory pamjati* [Two metaphors of memory]. Saint-Petersburg, Publ. Sankt-Peterb. gos. un-ta, 2011, 24 p. *HORIZON. Fenomenologicheskie issledovanija* [HORIZON. Phenomenological studies], 2014, № 1, pp. 260–266. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/malyshkin-e-v-dve-metafory-pamyati-spb-izd-vo-sankt-peterb-gos-un-ta-2011-246-s> (access date: 05.07.2021). (In Russ.)

Evrazijskaja mudrost' ot A do Ya: tolkovyj slovar' [Eurasian wisdom from A to Z: an explanatory dictionary], Vislavij Zorin. Almaty, Sөzdik-Slovar' Publ., 2002, 408 p. URL: <https://terme.ru/termin/fenomen.html> (access date: 30.06.2021). (In Russ.)

Zhilicheva G.A. *Metafory otkrovenija v narrative «Doktora Zhivago»* [Metaphors of revelation in the narrative of «Doctor Zhivago»]. *Novyj filologicheskij vestnik* [New Philological Bulletin], 2012, № 4 (23), pp. 78–106. (In Russ.)

Zholkovskij A.K., Shheglov Ju.K. *Raboty po pojetike vyrazitel'nosti: Invarianty - Tema - Priemy - Tekst* [Works on the poetics of expressiveness: invariants-theme-techniques-text.]. Moscow, Progress Publ., 1996, 344 p. (In Russ.)

Zelenskij V. *Tolkovyj slovar' po analiticheskoj psihologii* [Explanatory dictionary of analytical psychology]. Moscow, Kogito-Centr Publ., 2008, 336 p. URL: https://mir-knig.com/read_230244-56 (access date: 30.06.2021) (In Russ.)

Jets F. *Iskusstvo pamyati* [The art of memory]. Saint-Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 1997, 479 p. URL: <http://psylib.org.ua/books/yates02/index.htm> (access date: 26.09.20) (In Russ.)

Jozha D.Z. *Roman-panaceja. Asklepij kak protoobraz doktora Zhivago (k postanovke voprosa)* [The novel is a panacea. Asclepius as a prototype of doctor Zhivago (to raise the question). *Kul'tura i tekst* [Culture and Text], 2013, no. 2 (15), pp. 7–42. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/roman-panatseja-asklepij-kak-protoobraz-doktora-zhivago-k-postanovke-voprosa> (access date: 05.07.2021) (In Russ.)

Karpenko G.Yu. *Vozvrashhenie Belinskogo: literaturno-hudozhestvennoe soznanie russkoj kritiki v kontekste istoriosofskih predstavlenij* [Belinsky's Return: the literary and artistic consciousness of Russian criticism in the context of historiosophical ideas]. Samara, Samar-skij universitet Publ., 2001, 368 p. (In Russ.)

Koret Je. *Osnovy metafiziki* [Fundamentals of Metaphysics]. Kiev, Tandem Publ., 1998, 248 p. URL: <http://gtmarket.ru/library/basis/5760/5764> (access date: 30.06.2021). (In Russ.)

<http://gtmarket.ru/library/basis/5760/5764> (access date: 30.06.2021). (In Russ.)

Lejderman N.L. *Teorija zhanra: Nauchnoe izdanie* [Genre theory: A scientific publication], Institut filologicheskix issledovanij i obrazovatel'nyx strategij «Slovesnik» UrO RAO; Ural. gos. ped. un-t. Ekaterinburg Publ., 2010, 904 p. (In Russ.)

Lukov V.A. *Zhanry i zhanrovyje generalizacii* [Genres and genre generalizations]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill.], 2006, № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanry-i-zhanrovyje-generalizatsii> (access date: 30.06.2021). (In Russ.)

Pasternak B.L. *Doktor Zhivago: Roman* [Doctor Zhivago: A novel]. Kuibyshev, Kn. izd-vo Publ., 1989, 528 p. (In Russ.)

Pasternak B.L. *Neskol'ko polozhenij* [Several provisions]. Pasternak B.L. *Sochineniya: v 2 t.* [Essays in 2 vols.]. Tula, Filin Publ., 1993, vol. 2: *Pojemy, proza* [Vol. 2: Poems, prose], pp. 315–317. (In Russ.)

Pasternak E.B. *Biografija* [Biography]. Moscow, Citadel' Publ., 1997, 728 p. (In Russ.)

Piksanov N.K. *Tvorcheskaja istorija «Gorja ot uma»* [Creative history of «Woe from the mind»]. Moscow, Nauka Publ., 1971, 400 p. URL: <http://feb-web.ru/feb/griboed/critics/tig/tig-001-.htm> (access date: 30.06.2021). (In Russ.)

Savinov R.V. *Jepistemologija neotomizma: uchenie R. Garrigu-Lagranza* [The epistemology of neotomism: the teaching of R Garrigou-Lagrange]. *Vestnik PSTGU. Serija I: Bogoslovie. Filosofija. Religiovedenie* [Bulletin of St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities. Series I: Theology. Philosophy. Religious studies], 2019, vol. 86, pp. 81–92. (In Russ.)

Sverhkratkij filosofskij slovar': Kratkoe izlozhenie knigi «Bukvy filosofii» [Ultra-short philosophical dictionary: A summary of the book “Letters of Philosophy”], A.I.S. Akulov. Saint-Petersburg, 1999, 52 p. URL: <https://terme.ru/termin/cel.html> (access date: 30.06.2021). (In Russ.)

Simonova S.A., Araslanova S.S. *Bibliotechnaja vse-lennaja H.L. Borhesa* [The Library Universe of H.L. Borges]. *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2016, № 2, pp. 255–257. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bibliotechnaya-vselenaya-h-l-borhesa> (access date: 05.07.2021). (In Russ.)

Sinyavskij A.D. *Nekotorye aspekty pozdnej prozy Pasternaka* [Some aspects of Pasternak's Late Prose]. *Boris Pasternak and his times. Selected papers from the second international symposium on Pasternak*. Berkeley slavic specialties Publ., 1989, pp. 359–371. (In Russ.)

Slavutin E.I., Pimonov V.I. *K voprosu o profeticheskoy strukture hudozhestvennogo teksta* [On the question of the prophetic structure of a literary text]. *Vestnik Literaturnogo instituta imeni A.M. Gor'kogo* [Bulletin of the Gorky Literary Institute], 2013, № 1, pp. 37–44. (In Russ.)

S raznyh toчек zrenija: «Doktor Zhivago» B. Pasternaka [From different points of view: «Doctor Zhivago» by B. Pasternak]. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1990, 288 p. (In Russ.)

Florenskij P. *Troice-Sergieva lavra i Rossija* [Trinity-Sergius Lavra and Russia]. *Filosofskoe Nasledie. Svyashhennik Pavel Florenskij* [Philosophical Heritage. The priest Pavel Florensky]. Sochineniya: v 4 t. Moscow, Mysl' Publ., 1996, vol. 2, 680 p. (In Russ.)

Frumkin K. (sost.) *Slovar` hajdeggerianskih terminov* [Dictionary of Heideggerian terms]. URL: <https://terme.ru/slovani/slovar-haideggerianskih-terminov-po-bytiu-i-vremeni.html> (access date: 30.06.2021). (In Russ.)

Hajdegger M. *Istok hudozhestvennogo tvorenija* [The source of artistic creation]. Moscow, Akademicheskij Proekt Publ., 2008, 528 p. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Heidegg/Ist_intro.php (access date: 26.09.20) (In Russ.)

Shhedrakova O.N. *Funkcionirovanie kategorii veshhi v poezii postsimvolizma. Na materiale rannej liriki B.L. Pasternaka*: dis. ... kand. filol. nauk [The functioning of the category of things in the poetry of post-symbolism. Based on the material of the early lyrics of B.L. Pasternak: DSc thesis]. Moscow, 2006, 215 p. (In Russ.)

Shherbit'ko A.V. *Kniga v povestvovatel'nyh strategiyax literatury XX veka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [A book in the narrative strategies of twentieth-century literature: DSc thesis, summary]. Moscow, 2013, 27 p. (In Russ.)

Jeko U. *Vertigo. Krugovorot obrazov, ponyatij, predmetov* [Vertigo. The cycle of images, concepts, objects]. Moscow, Slovo/SLOVO Publ., 2009, 408 p. (In Russ.)

Jenciklopedicheskij slovar' [Encyclopedic dictionary]. Brokgauz F.A., Efron I.A. Saint Petersburg, Brokgauz-Efron Publ., 1890–1907. URL: <https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/101185> (access date: 08.07.2021). (In Russ.)

Ern V.F. *G.S. Skovoroda. Zhizn` i uchenie* [G.S. Skovoroda. Life and teaching]. Moscow, Put' Publ., 1912, 342 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.04.2021; одобрена после рецензирования 08.06.2021; принята к публикации 18.08.2021.

The article was submitted 23.04.2021; approved after reviewing 08.06.2021; accepted for publication 18.08.2021.

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 148–154. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 148–154. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821.161.1.09"20"

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-148-154>

СИСТЕМА ТОЧЕК ЗРЕНИЯ В РАССКАЗАХ В.М. ШУКШИНА

Гузь Наталия Александровна, доктор филологических наук, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина, Бийск, Россия, gna@city.biisk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5871-3287>

Бабичева Юлия Геннадьевна, кандидат филологических наук, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина, Бийск, Россия, liraff1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6065-1380>

Аннотация. Цель работы заключается в изучении категории «точка зрения» в рассказах В.М. Шукшина в системном и разноплановом ее проявлении. Актуальность темы обеспечивается исключительной значимостью указанного термина в нарратологии. Исследование точки зрения на материале рассказов Шукшина проводится впервые. В статье кратко прослеживается история научного осмысления категории точки зрения в зарубежной и отечественной филологии и отмечается многообразие подходов и дефиниций в формулировке понятия. Для анализа авторы используют классификацию Б.А. Успенского и рассматривают точку зрения в рассказах В.М. Шукшина в психологическом, идеологическом (оценочном), пространственно-временном и фразеологическом планах. Также авторами статьи учитываются позиции Б.О. Кормана, Ю.М. Лотмана, В. Шмита и Ф. Штанцеля. Авторами отмечаются особенности повествования Шукшина, влияющие на проявление точки зрения в тексте. Для рассмотренных рассказов Шукшина характерна динамика и частая смена точек зрения, что свидетельствует о приеме «монтажа» и сходстве в этом плане с кинематографическими приемами. Авторами обобщается разнообразие способов и форм проявления точки зрения в исследуемом художественном материале. Точка зрения в рассмотренных рассказах характеризуется вариативностью в соотносении субъектов речи и субъектов сознания, чередованием внешней и внутренней составляющих, текстовой интерференцией и другими гибридными явлениями.

Ключевые слова: нарратив, точка зрения, В.М. Шукшин, повествователь, персонаж, вариативность, интерференция

Для цитирования: Гузь Н.А., Бабичева Ю.Г. Система точек зрения в рассказах В.М. Шукшина // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 148–154. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-148-154>

Research Article

THE SYSTEM OF POINTS OF VIEW IN VASILY SHUKSHIN'S SHORT STORIES

Natalia A. Guz, Doctor of Philological Sciences, Shukshin Altai State Humanitarian and Pedagogic University, Biysk, Russia, gna@city.biisk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5871-3287>

Yulia G. Babicheva, Candidate of Philological Sciences, Shukshin Altai State Humanitarian and Pedagogic University, Biysk, Russia, liraff1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6065-1380>

Abstract. The purpose of the work is to explore the point of view in Vasily Shukshin's short stories in its systematic and diverse manifestation. Topicality is provided by the exceptional significance of this category in narratology. The study of the point of view based on the material of short stories by Vasily Shukshin has been conducted for the first time. The article briefly traces the history of scientific understanding of the category of point of view in foreign and Russian philology and notes the variety of approaches and definitions in the formulation of the concept. The authors use the classification of Boris Uspenskij for analysis and consider the point of view in Vasily Shukshin's short stories in psychological, ideological (evaluative), spatial-temporal and phraseological terms. The positions of Boris Korman, Yuri Lotman, Wolf Schmid and Franz Karl Stanzel also take into account. The authors note the features of Vasily Shukshin's narration that affect the expression of the point of view in the text. Vasily Shukshin's short stories are characterised by a dynamic and frequent change of points of view, which indicates the technique of "montage" and similarities in this regard with cinematic techniques. The conclusions generalise the variety of ways and forms of expression of the point of view in the studied artistic material. The point of view in the considered stories is characterised by variability in the correlation of subjects of speech and subjects of consciousness, alternation of external and internal points of view, mutual transitions from one to the other, text interference and other hybrid phenomena.

Keywords: narrative, point of view, Vasily Shukshin, narrator, character, variability, interference

For citation: Guz N.A., Babicheva Yu.G. The system of points of view in Vasily Shukshin's short stories. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 148–154 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-148-154>

Точка зрения (англ.: *point of view*; нем.: *Standpunkt*, *Blickpunkt*; франц.: *point de vue*) – центральная категория композиции и одна из основных категорий теории повествования. Ее значимость обусловлена как названными позициями, так и исключительной ролью в формировании смысловых пластов и картины мира в тексте. По словам Ю.М. Лотмана, «...редкий из элементов художественной структуры так непосредственно связан с общей задачей построения картины мира, как “точка зрения”. Она непосредственно соотнесена с такими вопросами во вторичных моделирующих системах, как позиция создателя текста, проблема истинности и проблема личности» [Лотман: 321–322]. Вышесказанным обеспечивается актуальность изучения точки зрения. Но исследование этой категории затрудняется разнообразием подходов и отсутствием универсального определения понятия, расплывчатыми формулировками его сути, а также сложностью взаимодействия нескольких планов точки зрения в одном фрагменте.

Точка зрения разделяется на внутреннюю и внешнюю в соответствии со способом изложения событий и не всегда зависит от типа нарратора. Так, повествователь может быть «всезнающим» и передавать внутренние монологи персонажей, а может ограничиться лишь кругозором кого-то из героев либо занять позицию стороннего наблюдателя. Повествовательные возможности рассказчика ограничены его кругозором.

Проблема точки зрения стала предметом литературоведческой рефлексии в конце XIX – начале XX вв. Отсчет появлению термина (*point of view*) был дан в 1884 г. в книге «Искусство прозы» Г. Джеймса, который вкладывал в понятие психологический смысл. Наблюдения американского эссеиста были систематизированы английским литературоведом П. Лаббокком, который выделил два способа организации произведения: «панорамный», допускающий наличие прямой авторской оценки, и «сценический», исключая таковую [Lubbock].

В западном литературоведении наиболее значимые подходы к точке зрения сложились в русле структурализма в 1960-е годы и связаны с именами таких ученых, как В. Шмид, Л. Долежел, Н. Фридман, Ф. Штанцель. В. Шмид в широко известной монографии «Нарратология» формулирует понятие весьма общо: «Что такое “точка зрения” в нарратологическом смысле? Мы определяем это понятие как образуемый внешними и внутренними факторами узел условий, влияющих на восприятие и передачу событий» [Шмид: 67]. Для Ф.К. Штанцеля точка зрения – это «позиция, с которой рассказывается история или с которой воспринимается событие истории героем повествования» [Stanzel: 21].

Словарь терминов нарратологии дает собирательное представление: «*point of view*» – один из терминов,

которые «представляют нарративные ситуации» и обозначают «перцептуальную и концептуальную позицию» [Prince: 73]. Иногда понятие точки зрения отождествляется с терминами «перспектива» [The Longman Dictionary: 238] или фокализация [Женетт 2: 204].

В авторитетном издании «Современное зарубежное литературоведение» определение понятия заменяется его функцией: точка зрения «описывает способ существования» (*mode of existence*) произведения как самодостаточной структуры, автономной по отношению к действительности и к личности писателя» [Толмачев: 154].

В отечественной филологии объектом научной рефлексии в той или иной степени точка зрения стала в трудах Г.А. Гуковского, В.В. Виноградова, М.Ю. Лотмана, Б.О. Кормана. Взгляды этих ученых по данному вопросу учтены или развиты Б.А. Успенским в его работе «Семиотика искусства» (раздел «Поэтика композиции») [Успенский].

Ю.М. Лотман, отмечая, что понятие точки зрения аналогично понятию ракурса в живописи и в кино, определяет его как «отношение системы к своему субъекту», причем под «субъектом системы» подразумевается «сознание, способное породить подобную структуру и, следовательно, реконструируемое при восприятии текста» [Лотман: 320]. Б.О. Корман так разъясняет термин: «Точка зрения – зафиксированное отношение между *субъектом сознания* и *объектом сознания*» [Корман: 51].

Б.А. Успенский, внесший наибольший вклад в изучение точки зрения в отечественной филологии, формулирует данное понятие как бы мимоходом: «...различные точки зрения, то есть авторские позиции, с которых ведется повествование (описание)» [Успенский: 14]. Используя структурный метод, ученый классифицирует различные формы точек зрения, выделяя четыре плана их проявления: идеологический, фразеологический, пространственно-временной и психологический с последующими ветвлениями внутри уровней.

Авторы современных исследований точки зрения учитывают опыт предшественников и добавляют свои варианты в существующие классификации [Грицай; Мельникова].

Категория точки зрения характерна не только для литературы, но и для живописи, кинематографа. В философско-культурологическом плане работы Х. Ортеги-и-Гассета «О точке зрения в искусстве» (1924) и П.А. Флоренского «Обратная перспектива» (1919) являются близкими по своим позициям филологическим изысканиям.

Как видим, научный путь осмысления точки зрения далеко не прост и не однозначен в своих итогах.

В плане изучения точки зрения литература – самый сложный вид искусства. Будучи связанной пре-

жде всего с временными отношениями, она в условной форме воссоздает пространственные, ментальные и другие образы. Кроме того, установление субъекта сознания, которому принадлежит точка зрения в повествовании, является одним из необходимых условий понимания произведения.

В данной статье мы рассмотрим точку зрения в рассказах В.М. Шукшина в системном и разноплановом ее проявлении. Отметим, что ранее проблема точек зрения в творчестве Шукшина не рассматривалась.

Теоретико-методологической основой работы стала типология «точек зрения» Б.А. Успенского с учетом концепции автора и субъектно-объектных отношений Б.О. Кормана, концепции структуры текста Ю.М. Лотмана, теории повествования В. Шмида и Ф. Штанцеля. Базовый метод исследования – структурный.

Под точкой зрения в данной статье мы будем понимать позицию, с которой ведется повествование в психологическом, идеологическом (оценочном), языковом, пространственном, временном планах.

Точка зрения в произведениях В.М. Шукшина рассмотрена нами на материале рассказов «Мастер», «Солнце, старик и девушка», «Далекие зимние вечера», «Чудик», «Срезал», «Крепкий мужик», «Алеша Бесконвойный», «Забуксовал».

Обратимся к рассказу «Мастер». Тип повествователя однозначно не определяется: он выступает то как ограниченный «жил-был в селе Чебровка некто Семка Рысь...» [Шукшин: 405], то как всезнающий, когда изображает внутренний мир героя.

Внешняя и внутренняя точки зрения чередуются почти равномерно, причем внешняя как бы окольцовывает текст, а в нем внешняя и внутренняя точки зрения могут переходить друг в друга: повествователь начинает описывать ситуацию как бы со стороны («Как-то в выходной день Семка пошел опять к талицкой церкви») [Шукшин: 407], а потом происходит переход к внутреннему монологу героя, раскрывающему ход мыслей и чувства Семки. Структура фрагмента усложняется тем, что внутренний монолог Семки – это не только его душевный настрой, он включает в себя и оптическую – то есть внешнюю точку зрения, когда герой разглядывает церковь [Шукшин: 408].

Планы выражения точки зрения – идеологический, или оценочный, фразеологический, пространственно-временной и психологический – могут накладываться друг на друга, совмещаться. Так, во внутреннем монологе Семки проявляются и оценочный, и психологический, и пространственный планы.

Идеологический, или оценочный, план связан с системой ценностей, с мировоззрением, он – самый сложный, самый размытый, потому что он скла-

дывается не только из речи героя или его характеристики, но и из поступков и даже из фоновых описаний или деталей. У Семки он дан в динамике. Сначала это критическое отношение к односельчанам и какое-то немотивированное выпадение из общего строя повседневной жизни, да еще манифестируется пренебрежительное отношение к преумножению достатка. Это выражено как в его прямой речи – грубоватой и вызывающей, так и в характеристике повествователя и собирательной точке зрения односельчан. Переломный момент начинается с взглядывания героя в талицкую церковь. Он, конечно, подготовлен «рисунками» XVI века, но существует имплицитно – читателю еще не доступен внутренний мир Семки. Теперь в выражение идеологического плана героя входит слово «красота», и оно будет повторяться Семкой в его прямой речи – пять раз в диалогах (не в авторском пересказе) – и сопровождаться аргументами: *светло, празднично, сияние, чудо, гордость русско-го народа, радует*. И читателю становится понятно, что в «забулдыге» Семке скрыто мощное духовное начало: понимание воздействия красоты на человека, бескорыстие, а также жажда востребованности своего таланта.

Об идеологической, или оценочной, позиции повествователя мы можем судить прежде всего по тому, что во внутренних монологах Семки стиль изложения, лексика говорят о совмещении позиций повествователя и героя, то есть мы имеем дело с текстовой интерференцией, которая проявляется во влиянии речи одного субъекта сознания на речь другого, что говорит об их согласии, сближении во взглядах. Такого сближения нет у повествователя с другими персонажами. Более того, мы видим дистанцирование повествователя от других героев: так, неожиданным представляется в описании внешности митрополита словосочетание «вечно трезвый старик» [Шукшин: 410]; «вечно» обычно придает словосочетанию некую сниженность, отрицательную коннотацию, ведь чаще встречается «вечно пьяный», и здесь мы тоже видим сближение точек зрения повествователя и героя, так как неприятие трезвости свойственно, конечно, только Семке. В портрете Завадского повествователь отмечает ямочку на подбородке, что придает безупречной внешности («красивый мужчина с пышной шевелюрой») [Шукшин: 413] некую женственность и вкладывает в его слова предположение о мотивах строительства талицкой церкви, напроць уничтожающее ореол таинственности, возвышенности. Он читает в документе, что кто-то из князей Борятинских погиб от руки недруга и комментирует: «...возможно, передрались пьяные братья или кумовья...» [Шукшин: 414]. Все собеседники Семки соглашаются, что церковь красива, но у всех также находятся объективные причины переадресовать его просьбу, пока дело

не завершается справкой из Москвы. И при этом никого из них не в чем упрекнуть, ни одной выраженной отрицательной черты.

Итак, в оценочном, или идеологическом, плане доминирует сближенная позиция повествователя и героя, в ценностном плане связанная с духовностью, красотой и ее воздействием на человека, исторической памятью, трудом (последнее – в подробном описании процесса возведения стен и задумками Семки по их восстановлению). При этом характерно, что Семка предполагает не новшество сотворить, а завершить дело безвестного мастера. Но в рассказе не одна и не две точки зрения на одну и ту же ситуацию с церковкой. И даже упоминающийся XVI век воспринимается неоднозначно: для писателя он связан с благоустройством квартиры, имитирующим прошлое в его низовом, бытовом варианте, для Семки – это точка отсчета в его духовном прозрении. В таком случае принято говорить о неоднозначной картине мира в этом плане, что, в общем, соответствует реальности.

Психологическая точка зрения героя раскрывается во внутреннем монологе и в прямой речи. Внутренний монолог воссоздает процесс размышлений Семки, и мы видим, что он носит характер диалога с самим собой, ответы порождают новые вопросы. Частично психологические процессы воспроизводит «всезнающий» повествователь: *Семка почувствовал себя обескураженным, Семка отметил про себя, Семка стал думать, знал с детства и т. д.*

Пространственная точка зрения принадлежит преимущественно герою. Это сказывается в безымянности райгородка и «области», – для Семки гораздо важнее Чебровка, где он живет, и Талица, где стоит церковка, а безымянность районного и областного центров словно предваряют неудачу семкиной поездки. На глубинном уровне это обезличивание коррелирует с формализмом, который и стал главной причиной отказа. Пространство преимущественно горизонтальное, локальное, с конкретными пометами: *в 3-х верстах, до 5 км, косогор* – то есть обжитое, знакомое. Оно расширяется только в финале рассказа, когда Семка смотрит за речку, на луга. Особо выделяется внутреннее пространство церкви: своей вертикальной устремленностью и заполненностью, признаками, характерными для небесного: *свет, сияние, лучи, радость*.

Временной план выражен преимущественно точкой зрения повествователя и короткими конкретными интервалами: *летом, в то же лето, в выходной день, на другой день, в тот же день*. Собственно действие рассказа происходит в два дня. Но начало первого и последнего абзацев словно раздвигают его до неопределенного фольклорно-притчевого: начинается – *жил-был...*, завершается – *с тех пор...* [Шукшин: 415].

Фразеологическая точка зрения играет в рассказе очень значимую роль. Во-первых, она часто совмещается с идеологической, оценочной, пространственной, психологической. Во-вторых, рассказы писателя изобилуют диалогами и разнообразными способами передачи чужой речи. Для речи повествователя характерно, что она ведется и в духе, и (преимущественно) в тоне героя, для этого используются различные способы передачи чужой речи. Так, текстовая интерференция ослабляет позицию повествователя как объективной инстанции и создает многоплановость.

Роль пространственно-временной точки зрения в рассказах писателя определяется их жанровым своеобразием и спецификой повествования. У Шукшина повествование значительно преобладает над описанием, поэтому и пространственных локусов немного: *под Москвой, окраина далекой сибирской деревеньки, изба, лес* («Далекие зимние вечера»), *Урал, магазин, аэропорт, город, теплая мокрая земля, небо* («Чудик»), *двор, предбанник, баня, каменка, луга и дали за селом, изба* («Алеша Бесконвойный»). При этом пространство не описывается, а упоминается точечно, как место действия, а в рассказе «Забуксовал» оно вообще присутствует имплицитно. Исключение составляет только ранний рассказ «Солнце, старик и девушка», Пространственная точка зрения здесь принадлежит повествователю и выполняет роль смысловой параллели к мотиву угасания жизни героя: *закат, в описании которого обозначены горы, берег Катуня, небо, хребет Бубургана, вершины Алтая, скрывшееся солнце, долина в заполняющем ее сумраке и тумане* – и резкое сужение пространства: *дом, уголок возле печки, краешек стула, лавка, на которую в последний раз лег старик*. Иногда пространственная точка зрения выражается не обозначением локуса, а метафорическим представлением пространства: *«Она хоть и небольшая, церковка, а оживляла деревню (некогда сельцо), собирала ее вокруг себя, далеко выставляла напоказ»* [Шукшин: 440–441]. Такое изображение расширяет пространственные границы и по горизонтали, и по вертикали, церковка предстает как центр и средоточие деревенской жизни. По замечанию Ю.М. Лотмана, значимо только то, что имеет антитезу. В финале рассказа светлому образу церковки противопоставлено то, во что ее превратили: *«безобразная груда кирпича»* [Шукшин: 446], и пространственная точка зрения повествователя приобретает однозначно оценочный смысл: *«Мотоцикл вырлил из деревни, воткнул в ночь сверкающее лезвие света и помчался...»* [Шукшин: 446]. Здесь значим мотив бегства и мотив преступления.

Временная точка зрения также принадлежит повествователю, нейтральна в оценочном плане и обозначает незначительные промежутки: день или время суток. В редких случаях временная точка зрения

повествователя является и психологической точкой зрения героя. Так, в рассказе «Далекие зимние вечера» тягостное ожидание ребятишками прихода с работы матери воссоздано сразу во временном, психологическом, оценочном и фразеологическом планах: «Нудно течет пустое тоскливое время. За окнами начало синеть» [Шукшин: 40]. Субъект выражения временного плана – повествователь, психологическая и оценочная точки зрения – Ваньки и его сестренки, фразеологическая – повествователя, но с включением речевого элемента героя: «нудно». В начале рассказа «Алеша Бесконвойный» «суббота» упоминается восемь раз, и только единожды это временная точка зрения героя, на которую накладывается психологическая и оценочная: «В субботу он просыпался и сразу вспоминал, что сегодня – суббота. И сразу у него распускалась в душе тихая радость» [Признание в любви: 284]. В дальнейшем на протяжении всего рассказа временной план передается повествователем как последовательность действий героя (*вышел во двор, нарубил дров, натаскал воды, разжег огонь, вымыл* и т. д.) – внешняя точка зрения, но сопровождается интроспекцией повествователя во внутренний мир Алешки.

Фразеологическая точка зрения героев обусловлена их отношением к объекту высказывания (то есть совмещается с оценочной) и индивидуальным стилем речи. Последний проявляется чаще всего в разговорной и просторечной лексике: *справно живут, помер* («Солнце, старик и девушка»), *«Ты по сопатке хошь?»* [Шукшин: 38], *пошамать нечего?* [Шукшин: 39], *аржаных лепешек* [Шукшин: 41] («Далекие зимние вечера»), *«Мчимся-то мчимся, елки зеленые...»* [Шукшин: 574] («Забуксовал»). Фразеологическая точка зрения нарратора чаще всего демонстрирует текстовую интерференцию, характерную для повествования не «в духе», а «в тоне» героя: *«старший добрался до десятого класса, остальной чеснок сидел во втором...»* [Признание в любви: 283], *«разболокся до нижнего белья»* [Признание в любви: 290]. Описывая, как разрисовывал Чудик коляску (внешняя точка зрения), повествователь использует уменьшительно-ласкательные суффиксы, характерные для внутреннего видения детского мира героем: *«Тут на глаза ему попала детская коляска. По верху колясочки Чудик пустил журавликов... по низу – цветочки разные, травку-муравку, пару пестушков, цыпляток...»* [Шукшин: 297].

Психологическая точка зрения героя вводится повествователем в разнообразных формах: диалогах, прямой речи, вкрапленной в повествование, несобственно-прямой речи, через интроспекцию повествователя во внутренний мир персонажа, через внутренний монолог героя и др. Например, сочетание несобственно-прямой и прямой речи в одном фраг-

менте: *«А девушка думала о том, как она вернется скоро в далекий милый город, привезет много рисунков... А ее друг, талантливый, настоящий художник, непременно будет сердиться: “Опять морщины!.. А для чего? Всем известно, что в Сибири суровый климат и люди там много работают. А что дальше? Что?..”»* [Шукшин: 27]. Соположение интроспекции и прямой речи: *«Девушка знала, что она не бог весть как даровита. Но ведь думает она о том, какую трудную жизнь прожил этот старик. Вон у него какие руки... Опять морщины! “Надо работать, работать, работать...”»* [Шукшин: 27]. Иногда проникновение во внутренний мир персонажа не только проясняет его психологическую точку зрения, но и параллельно сопровождается выводом повествователя: *«Но она чувствовала сейчас какой-то более глубокий смысл и тайну человеческой жизни и подвига и, сама об этом не догадываясь, становилась намного взрослей»* [Шукшин: 30]. У Шукшина проникновение всезнающего повествователя во внутренний мир героя не означает симпатию к нему или близость позиции: *«Шурыгин подумал зло и непреклонно: – И нечего ей стоять, глаза мозолить»* [Шукшин: 444].

В речи повествователя может выражаться психологическая точка зрения персонажей, в приводимом примере – ребятишек: *«Мать со стуком свалила в сених белье, вошла в избу. Она, наверно, очень устала и замерзла за день. Но она улыбается. Родной, веселый голос ее сразу наполнил всю избу, пустоты и холода в избе как не бывало»* [Шукшин: 41], *началась светлая жизнь* [Шукшин: 42]. Встречаются примеры, когда, описывая одного персонажа, автор воссоздает психологическую точку зрения другого: *«Наташка старается, прикусив язык; вся выпачкалась в муке. Она даже не догадывается, что вот эти самые лепешечки можно так поджарить на углях, что они будут хрустеть и таять на зубах. Если бы в камельке горел огонь, Ванька нашел бы случай поджарить парочку»* [Шукшин: 42–43].

Идеологическая, или оценочная, точка зрения персонажей, в силу их характеров, выражается чаще всего прямо и однозначно: *«Но вот бывает; плохо с утра, вот что-то противно, а выйдешь с коровами за село, выглянет солнышко, загорится какой-нибудь куст тихим огнем сверху... И так вдруг обогрет тебя нежданная радость, так хорошо сделается, что станешь и стоишь, и не заметишь, что стоишь и улыбаешься. Последнее время Алеша стал замечать, что он вполне осознанно любит. Любит степь за селом, зарю, летний день... То есть он вполне понимал, что он – любит. Стал стучаться покой в душе – стал любить. Людей труднее любить, но вот детей и степь, например, он любил все больше и больше»* [Признание в любви: 293–294]. Оце-

ночная же точка зрения повествователя, создающая текст «в тоне» или, реже, «в духе» героев, проявляется достаточно редко, но в разных формах. Наиболее прямолинейно – в финале рассказа «Срезал»: *«Хоть любви, положим, тут не было. Нет, любви не было. Глеб жесток, а жестокость никто, никогда, нигде не любил еще»* [Шукшин: 462], при этом в «никто, никогда, нигде» совмещаются и позиция повествователя, и народная точка зрения. Оценочная точка зрения повествователя может проявляться в атмосфере ситуации и не проецироваться на персонажей: *«Стройные березки молча обступили пришельцев и ждут. Березка тихо вздрагивает и сыплет крохотными сверкающими блестками. Сталь топора хищно всплескивает холодным огнем и раз за разом все глубже вгрызается в белый упругий ствол. Березка охнула и повалилась набок»* [Шукшин: 44]. Пожалуй, самым многозначительным в оценочном плане в рассмотренных рассказах является описание разрушения церкви в рассказе «Крепкий мужик». Сначала *«...Стена, противоположная той, на какую сваливали, вдруг разодралась по всей ширине... Страшная, черная в глубине, рваная щель на белой стене пошла раскрываться. Земля вздрогнула, как от снаряда. Все заволочло пылью»* [Шукшин: 442]. На наш взгляд, здесь можно провести параллель с евангельскими строками: «И вот, завеса в храме разодралась надвое сверху донизу, и земля потряслась... [Евангелие от Матфея, 27:50]. Завеса в иудейском храме разделяла святилище и Святая Святых. Ее разрыв толкуется многозначно, но в целом двояко: в позитивном ключе – как устранение преграды между Богом и людьми, в негативном – как богооставленность разрушенного храма. Последнее объяснение можно соотнести с ситуацией шукшинского рассказа.

Смещение точек зрения в тексте нарратора в рассказах Шукшина реализует «принцип неопределенности», обуславливающий максимально глубокое проникновение сознания персонажа в речь нарратора, взаимообратимость позиций нарратора и персонажа.

Итак, для нарратива в рассказах Шукшина (своеобразие повествования принципиально важно для категории «точка зрения») характерно следующее: субъективированное повествование (то есть развернутый речевой план героев), соположение аукториального и персонажного повествования, повествование «в тоне» героев, разнообразие типов повествователя (всеведущий, объективный наблюдатель, ограниченный).

Точка зрения в рассмотренных рассказах характеризуется вариативностью в соотносении субъектов речи и субъектов сознания (могут совпадать, могут не совпадать), чередованием внешней и внутренней точек зрения, взаимопереходами одной в другую; текстовой интерференцией и другими гибридными яв-

лениями, когда один и тот же фрагмент отсылает нас и к речи повествователя, и к речи персонажа, при этом между ними стираются границы, наконец, взаимодействием субъектных планов повествователя и героя. В проявлении точки зрения доминирует не внешнее действие, а изменение во внутреннем мире персонажа, которое, в свою очередь, продуцирует внешнее действие.

Для рассмотренных рассказов Шукшина характерна частая смена точек зрения, что схоже со сменной ракурсов в кино (есть исследования о «монтаже» в творчестве писателя и в кинематографе). Совмещение или наложение точек зрения требует от читателя самостоятельного суждения и создает коммуникативную ситуацию.

Внутренний монолог свидетельствует о значительной роли психологического начала, следствием этого является уменьшение количества внешних деталей, и вообще меняется иерархия в художественном мире произведения. При психологизации внешние детали работают на изображение внутреннего мира персонажа, они сопровождают и обрамляют психологические процессы. И тогда событие становится стимулом, а поступок – итогом определенной внутренней работы или проявлением душевного состояния.

Чередование и совмещение планов выражения точки зрения, разнообразие форм их выражения, диалогичность повествования создают динамичность и, если так можно выразиться, стереоскопичность, объемность, неоднозначность художественного мира выдающегося писателя.

Итак, категория «точка зрения» в рассказах Шукшина актуализирует художественную ситуацию, является важным смыслообразующим и структурообразующим компонентом прозы писателя.

Список литературы

Грицой Н.А. «Точки зрения» в эпике А.П. Чехова: специфика поэтики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2011.

Женетт Ж. Повествовательный дискурс // Женетт Ж. Фигуры: в 2 т. / пер. с франц. М., 1998. Т. 2.

Корман Б.О. Целостность литературного произведения и экспериментальный словарь литературоведческих терминов // Проблемы истории критики и поэтики реализма. Куйбышев, 1981.

Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970.

Мельникова Е.А. Способы выражения точки зрения в художественном тексте: автор и герой в произведениях Б.К. Зайцева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.

Толмачев В.М. Точка зрения // Современное зарубежное литературоведение: Энциклопедический

справочник / ред.-сост. И.П. Ильин, Е.А. Цурганова. М., 1996.

Успенский Б.А. Поэтика композиции // Успенский Б.А. Семиотика искусства. М., 1995.

Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003.

Шушкин В.М. Признание в любви: рассказы, стихотворения, очерки. Барнаул: ООО «Алтайский дом печати», 2019.

Шушкин В. Собрание сочинений: в 3 т. М.: Молодая гвардия, 1985. Т. 2.

Lubbock Percy. The Craft of Fiction. New York, 1963.

Prince G. A Dictionary of Narratology. Aldershot (Hants), 1988.

The Longman Dictionary of Poetic Terms, ed. by J. Myers, M. Simms. New York; London, 1989.

Stanzel F.K. Theorie des Erzählens. Göttingen, Vandenhoeck und Ruprecht, 1991.

References

Gricaj N.A. "Tochki zrenija" v jepike A.P. Chehova: specifika pojetiki Avtoreferat dissertacii kand. filol. nauk ["Points of view" in the epic of A.P. Chekhov: the specifics of poetics: CSc thesis, summary]. Tver, 2011. (In Russ.)

Zhenett Zh. Povestvovatel'nyj diskurs [Narrative discourse]. Zhenett Zh. Figury: in 2 vols., trans. Moscow, 1998, vol. 2. (In Russ.)

Korman B.O. Celostnost' literaturnogo proizvedenija i jeksperimental'nyj slovar' literaturovedcheskih terminov [Integrity of a Literary Work and an Experimental Dictionary of Literary Terms]. Problemy istorii kritiki i pojetiki realizma. Kuibyshev, 1981. (In Russ.)

Lotman Ju.M. *Struktura hudozhestvennogo teksta* [The structure of literary text]. Moscow, 1970. (In Russ.)

Mel'nikova E.A. *Sposoby vyrazhenija tochki zrenija v hudozhestvennom tekste: avtor i geroy v proizvedenijah B.K. Zajceva: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Ways of expressing point of view in a literary text: the author and the hero in the works of B.K. Zaitseva: CSc thesis, summary]. Moscow, 2012. (In Russ.)

Priznanie v ljubvi: rasskazy, stihotvoreniya, ocherki V.M. Shukshina [Declaration of love: stories, poems, essays by V.M. Shukshin]. Barnaul, ООО "Altajskij dom pečati" Publ., 2019. (In Russ.)

Tolmachev V.M. *Tochka zrenija* [Point of view]. *Sovremennoe zarubezhnoe literaturovedenie: jenciklopedičeskij spravocnik*, ed. by I.P. Il'in, E.A. Curganova. Moscow, 1996. (In Russ.)

Uspenskij B.A. *Pojetika kompozicii* [The poetics of composition]. Uspenskij B.A. *Semiotika iskusstva*. Moscow, 1995. (In Russ.)

Shmid V. *Narratologija* [Narratology]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2003. (In Russ.)

Shukshin V. *Sobranie sochinenij v treh tomah* [Collected works in three volumes.]. Moscow, Molodaja gvardija Publ., vol. 2, 1985. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.05.2021; одобрена после рецензирования 29.06.2021; принята к публикации 18.08.2021.

The article was submitted 15.05.2021; approved after reviewing 29.06.2021; accepted for publication 18.08.2021.

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 155–160. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 155–160. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821(44).09”19”

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-155-160>

ПРЕДВОСХИЩАЯ Ж.-Ж. РУССО: ЕСТЕСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ В РОМАНЕ «ПИСЬМА ПЕРУАНКИ» Ф. ДЕ ГРАФИНЬИ (1747)

Морозов Артем Дмитриевич, Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, morozov-msu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5645-7646>

Аннотация. В статье анализируется бестселлер XVIII века, роман «Письма перуанки» («Lettres d’une péruvienne», 1747) Франсуазы де Графиньи, который во многом предвосхищает идеи Ж.-Ж. Руссо, в том числе о естественном состоянии. В процессе анализа показывается, что главная героиня – молодая пленная перуанка, попавшая во Францию, – воплощает концепт «благородного дикаря»; в отличие от цивилизованных европейцев, она наделена высокими моральными качествами, критически оценивает современные институты и нравы, стремится к природе, при этом полученные знания о мире не приносят ей счастья. Обращение Ф. де Графиньи к перуанской теме обусловлено общим интересом к Империи инков, которая считалась в эпоху Просвещения образцовой, организованной по законам природы, а также стремлением показать, как и в случае с Ж.-Ж. Руссо, достоинства дикарей и недостатки цивилизованных европейцев. Личные контакты между обоими писателями подтверждают их интеллектуальное влияние друг на друга. Делается вывод, что «Письма перуанки» явились результатом философских веяний в середине XVIII века: роман стоит у истоков концепта естественного состояния, ставшего в дальнейшем одним из основных положений руссоизма.

Ключевые слова: французская литература XVIII в., Ф. де Графиньи, Ж.-Ж. Руссо, естественное состояние, «благородный дикарь», цивилизация, перуанцы.

Для цитирования: Морозов А.Д. Предвосхищая Ж.-Ж. Руссо: естественное состояние в романе «Письма перуанки» Ф. де Графиньи (1747) // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 155–160. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-155-160>

Research Article

ANTICIPATING JEAN-JACQUES ROUSSEAU: THE STATE OF NATURE IN THE NOVEL “LETTERS FROM A PERUVIAN WOMAN” BY MADAME DE GRAFFIGNY (1747)

Artem D. Morozov, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, morozov-msu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5645-7646>

Abstract. The article deals with the novel “Letters from a Peruvian Woman” (Lettres d’une Péruvienne, 1747) by Madame de Graffigny, which anticipates many ideas of Jean-Jacques Rousseau, including the notion of state of nature. The main character, a young Peruvian woman, who was taken away to France, embodies the concept of the “noble savage”. Unlike civilised Europeans she has high moral qualities, critically evaluates the institutions and customs of her time, and she aspires to the state of nature, though knowledge about this world did not make her happy. Madame de Graffigny uses the Peruvian theme according to the general interest in the age of Enlightenment in the Inca Empire, which was considered as idyllic society, organised under the laws of nature. She tries, like Jean-Jacques Rousseau, to display merits of savages and demerits of civilised Europeans. The intellectual influence of Madame de Graffigny and Jean-Jacques Rousseau on each other is confirmed by their personal contacts. As a result, we claim that the novel “Letters from a Peruvian Woman” was influenced by advanced philosophical ideas of the mid-18th century – this text stands at the origins of the concept of the “state of nature”, which eventually became one of the main terms of Rousseauism.

Keywords: 18th-century French literature, Madame de Graffigny, Jean-Jacques Rousseau, state of nature, noble savage, civilisation, Peruvians

For citation: Morozov A.D. Anticipating Jean-Jacques Rousseau: the state of nature in the novel “Letters from a Peruvian Woman” by Madame de Graffigny (1747). Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 155–160 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-155-160>

Естественное состояние, о котором писал Жан-Жак Руссо, основано на представлении о «золотом веке» человечества в далёком прошлом. По мнению философа, в первобытные времена, когда отсутствовало социальное неравенство, люди отличались скромностью, состраданием и благожелательным отношением друг к другу. В «Рассуждении о науках и искусствах» (1750) он описывает естественное состояние в идиллическом ключе: «Размышляя о нравах, нельзя не вспомнить с наслаждением картины простоты обычаев первобытных времён. Это – прекрасное побережье, украшенное руками одной только природы, к которому беспрестанно обращаются наши взоры и от которого отдаляешься столь неохотно. Когда люди были невинны и добродетельны, они хотели, чтобы боги были свидетелями их поступков, и они жили с богами под одной и той же крышею» [Руссо 1998: 41]. В дальнейшем, с появлением частной собственности, развитием наук, искусств и цивилизации в целом, как считает философ, люди утратили свои природные достоинства, а потому должны «учиться» им у народов, стоящих на «начальном этапе» человеческой истории.

В девятой книге «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо повествует о культурной жизни Парижа середины 1750-х гг. В одном из эпизодов он описывает критику, которая обрушилась на Д. Дидро в связи с его драмой «Побочный сын, или Испытания добродетели»: по сюжету она напоминает комедию «Истинный друг» К. Гольдони, а потому после премьеры, состоявшейся в 1757 г., драматурга обвинили в плагиате. Там же он отмечает: «У г-жи де Графиньи даже хватило злости распусть слух, будто я порвал с ним из-за этого. Мне казалось, что справедливость и великодушие требуют, чтобы я публично доказал противное» [Руссо 1961, 1: 401]. Речь идёт о Франсуазе де Графиньи (Françoise de Graffigny, 1695–1758), французской писательнице, драматурге, хозяйке литературного салона в Париже. Среди её произведений – повесть «Испанская новелла, или Плохой пример, породивший столько добродетелей, сколько и пороков» («Nouvelle espagnole ou Le mauvais exemple produit autant de vertus que de vices», 1745), сказка «Принцесса Азероль, или Высшая мера постоянства» («La Princesse Azerolle ou l'Excès de la constance», 1745), несколько комедий, в том числе «Зиман и Зениза» («Ziman et Zénize», 1747), «Фаза» («Phaza», 1747), «Сения» («Cénie», 1750), «Сатурналии» («Les Saturnales», 1752), «Дочь Аристида» («La fille d'Aristide», 1758). Особой популярностью пользовался роман «Письма перуанки» («Lettres d'une péruvienne», 1747), сочетающий любовную интригу с критикой современного общества.

«Письма перуанки» начинаются с описания империи инков в XVI веке. На храм Солнца в Куско, где воспитывается молодая и прекрасная перуанка Зилия,

нападают испанские конкистадоры и похищают её накануне замужества с принцем Азой. Девушка оказывается в плену и при помощи кипу, вязи узелковых шнуров, являющейся местной формой письма, повествует возлюбленному о своих злоключениях. Пережив нападение французского фрегата в океане, Зилия становится пленницей капитана Детервиля, который влюбляется в неё с первого взгляда и пытается вызвать ответное чувство. Затем, попав во Францию, девушка поражается «чудесам» цивилизации (книгам, каретам, зеркалам, фонтанам, фейерверкам), но также критически сравнивает порядки и нравы новой страны с перуанскими в пользу последних. Насильственно отторгнутая от родины перуанка, не зная французских обычаев и языка, обречена на полное одиночество. Выход из душевной изоляции она находит в процессе плетения кипу, а затем в сочинении писем по-французски, которые становятся для неё терапевтической практикой и средством самовыражения.

В конце концов Зилия в совершенстве овладевает французским языком, приобретает верных друзей и становится финансово независимой благодаря перуанскому золоту, отвоёванному Детервилем. Из пассивной жертвы она превращается в полноценного участника событий, но её обучение и познание окружающего мира не приносят ей счастья. «По мере того, как я постигала его, новый мир открывался перед моими глазами. Предметы принимали другую форму, а каждое разъяснение оповещало меня о новом несчастье. Разум, сердце, зрение – все способствовало моему заблуждению» [Графиньи: 92], – признаётся она в письме, узнав, что государство инков – не единственное в мире, и теперь она находится в далёкой от Перу стране. Не меньше разочарования приносят Зилие и законы христианского мира, запрещающие ей любить Азу, так как они кровные родственники: «С горечью в душе я попросила объяснений – моего плача даже не слушали. Меня не могут принять в столь чистое общество, если я не откажусь от намерения, которое мною движет, не отрежусь от своей любви, то есть, не поменяю своего существа» [Графиньи: 177].

По мере знакомства героини с миром внешним, начинает расширяться и её внутренний мир: оказавшись в цивилизованной стране, она испытывает душевные переживания, ранее ей неведомые. Не понимая причин грусти любящего её Детервиля, она с наивной жестокостью вынуждает его узнать местопребывание своего жениха и способствовать их встрече. Однако приехавший в Париж Аза совсем другой: он признаётся, что его, как и Зилию, похитили; оказавшись при испанском дворе, он перешёл в католическую веру, чтобы жениться на другой девушке. Пережив душевную катастрофу, героиня понимает, какие муки испытывал безответно любящий её Детервиль, и это приносит ей новые страдания. Зилия

осознаёт, что излечить муки своего благодетеля она не сможет, так как Аза, несмотря на предательство, продолжает составлять смысл всей её жизни: «Сердце моё принадлежит ему и будет принадлежать до самой смерти», – пишет она Детервилю в одном из последних посланий. – «Моя жизнь принадлежит ему: пусть он отнимет её или любит меня!» [Графиньи: 178].

В дальнейшем Зилия уединяется в своем загородном доме под Парижем, откуда призывает Детервилю отречься от любовных страстей и приехать к ней, чтобы вместе познать радости вечной и взаимной дружбы. Живя просто и добродетельно на лоне природы, поддерживаемая дружбой ставших ей близкими людей, героиня выбирает одиночество и «удовольствие быть» (*le plaisir d'être*), обнаруживая сходство с руссоистскими представлениями о счастье. В письме от 4 ноября 1764 г. Ж.-Ж. Руссо отмечал, что «на земле можно быть счастливым лишь в той степени, в какой ты удаляешься от внешнего мира и приближаешься к себе». Спасительную функцию мечта приобретает тогда, когда она помогает избавиться от прошлого и будущего, доставляющих страдания, а переживание мгновения здесь и сейчас – и есть истинное счастье» [Лукьянец: 80]. К этому же выводу пришла и перуанка, которая до душевной катастрофы предавалась горестным мыслям о прошлом и, как сама она пишет, «жила лишь в будущем – настоящее более не представлялось [...] достойным того, чтобы брать его в расчёт» [Графиньи: 92].

Эти и другие поступки и мысли героини во многом обусловлены её положением «благородного» (*noble*), или «добраго дикаря» (*bon sauvage*), пытающегося жить в гармонии с собой и окружающим миром. Под «благородным» дикарём понимается концепт, получивший развитие в трактатах Ж.-Ж. Руссо, в частности – в «Рассуждении о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (1755) [Францев: 60]. Сравнивая диких туземцев с цивилизованными гражданами, философ приходит к выводу, что первые, несмотря на их «дикость», с точки зрения морали значительно превосходят последних. Дикарь, чьи главные ценности в жизни – покой и свобода, «живёт в себе самом», современный же человек – «вне самого себя» [Руссо 1998: 138], полностью завися от мнения окружающих. Честность, искренность и другие прекрасные качества дикаря врождённые и объяснимы его близостью к природе. С развитием цивилизации человек утратил свои естественные достоинства, а потому «мы обладаем теперь, несмотря на такое обилие философии, гуманности, вежливости и высоких принципов, одною только внешностью, обманчивою и пустою: честью без добродетели, разумом без мудрости и наслаждениями без счастья» [Руссо 1998: 139].

Помимо верности, искренности, доброты перуанка в романе Ф. де Графиньи от природы наделена на-

блюдательным философским умом. В одном из первых посланий, когда ей кажется, что она умирает, героиня описывает своё состояние в материалистическом ключе: «Трудолюбивая природа уже готовилась придать другую форму порции материи, принадлежащей ей в виде моего тела» [Графиньи: 43]. В другом письме, предвосхищая теорию Ж.-Ж. Руссо о происхождении языков, а именно тезис, что речь есть «первое общественное установление» [Руссо 1961: 221], перуанка также считает, что речь, «без сомнения, является изобретением людей, поскольку у разных народов она разная» [Графиньи: 87].

Несмотря на осведомлённость героини о разных сферах жизни, для первых читателей она оставалась дикаркой, интерес к которой связан с теорией естественного права. Вытекающие из представлений о вечной и неизменной природе человека (исходного пункта этой теории) его права воспринимались как естественные, существующие все зависимости от законов, установленных цивилизацией, а потому и как самые справедливые. Как пишет М.В. Разумовская, живой интерес и нескрываема симпатия к перуанцам связаны с тем, что в глазах писательницы и её современников они занимали промежуточное положение между относительно цивилизованным человеком Востока, уже понятным европейцам, и совсем диким американцем [Разумовская: 103]. Перуанцы воспринимались как потомки древних инков, система правления которых в XVIII веке считалась идеальной вследствие разумной организации по законам природы.

Показательно, что, начиная с переиздания 1752 г., письмам перуанки предшествует «Историческое вступление», в котором излагаются основные сведения об общественной жизни инков, их религиозных представлениях, обычаях и нравах. Источником послужили «Подлинные комментарии об истории государства Инков» И.Г. де ла Веги (1609), переведённые на французский язык в XVII веке. В частности, из сочинения позаимствованы описания молодёжи, которая «воспитывалась со всей заботой, требуемой благословенной простотой их нравов», а также идеи разумной организации государственной жизни, при которой «покорность не страшила умы, так как с раннего детства люди убеждались в её необходимости и в том, что к ней не примешивались ни тирания, ни честолюбие» [Графиньи: 27]. Там же говорится о наивности перуанцев, которые приняли захватчиков за детей божества, а потому преподносили им несметные дары в знак почтения и стали жертвами алчного народа.

Впрочем, предпосылая «Письмам перуанки» историческое введение, автор не ставил своей целью строго следовать фактам перуанской хроники, позаимствовав из нее лишь то, что характеризует перуанцев с положительной стороны, и поэтому не посчитал уместным

упоминать, например, о человеческих жертвоприношениях или кровопролитных войнах между племенами. В первую очередь Ф. де Графиньи стремилась изобразить реально существовавшее утопическое государство инков, противопоставив их гуманность, простоту и близость к природе европейской цивилизации, что нашло непосредственное отражение во «французской» части романа. Помимо Ф. де Графиньи значительный вклад в популяризацию знаний о перуанцах в XVIII веке внесли естествоиспытатели; один из них – Ш. М. де ла Кондамин – в 1735–1745 гг. руководил экспедицией в Перу для измерения длины меридиана на экваторе, а в 1745 г. вышли его «Мемуары о некоторых древних памятниках Перу времён инков». Помимо романа о Зилии перуанская тема звучит в утопической поэме в прозе «Крушение плавучих островов, или Базилиада знаменитого Пильпаи» Э.-Г. Морелли (1753), в дидактическом романе «Инки, или Крушение империи Перу» Ф.Ж. Мармонтеля (1777).

Местом действия в первых трех письмах в романе Ф. де Графиньи служит Перу, а именно храм Солнца в Куско (предположительно Кориканча) и его окрестности. Судя по тому, что на храм нападают испанцы, описанные события происходят в 30-е гг. XVI в., когда началась колонизация империи инков отрядом Ф. Писарро. В дальнейшем Ф. де Графиньи переносит читателя в современную ей Францию. Это можно понять, например, по цитируемой Зилией книге 1751 г. «Размышления о нравах нашего времени» Ш.П. Дюкло: «В одной из лучших книг я прочла, что “светское остроумие заключается в том, чтобы приятно говорить о пустяках, не позволять себе ни в коем случае рассудительных речей, разве что, когда грациозность выражения извиняет их, и, наконец, прикрывать свой ум, если уж вынуждены его проявить”» [Графиньи: 138].

Допущенный в романе анахронизм, судя по отзывам первых читателей, не имел для них принципиального значения. Впрочем, ещё на начальной стадии написания романа литератор и друг Ф. де Графиньи Ф.А. Дево советовал ей «осовременить» перуанку, представив героиню жительницей индейской деревни, похожей на страну Эльдорадо из повести Вольтера «Кандид, или Оптимизм». «Огромная равнина, окружённая неприступными горами. Земля была возделана так, чтобы радовать глаз и вместе с тем приносить плоды; все полезное сочеталось с приятным; дороги были заполнены, вернее, украшены изящными экипажами из какого-то блестящего материала; в них сидели мужчины и женщины редкостной красоты [...] Деревенские детишки в лохмотьях из золотой парчи играли у околицы в шары [...] это были самородки золота, изумруды, рубины, из которых меньший был бы драгоценнейшим украшением трона Могола» [Вольтер: 191–192], – так описана утопическая страна в произведении Вольтера. От предложения Ф.А. Дево, как от-

мечает И. Шоуолтер, писательница отказалась, поскольку считала, что «общее впечатление от величия империи инков куда важнее исторической точности, и что роман нуждается лишь в той степени правдоподобия, что и опера» [Showalter 2004: 188].

Ж. Ноэль, автор одной из первых монографий, посвящённых творчеству Ф. де Графиньи, задавался вопросом: «...отчего это странное название и экзотический антураж» [Noël: 46] романа? По его мнению, они навеяны «Персидскими письмами» Ш.Л. де Монтескье, которые породили целый ряд эпистолярных романов с экзотическим флёром. О хорошем знании Ф. де Графиньи «Персидских писем» говорит уже тот факт, что в «Предупреждении» читателю она прямо цитирует слова главного героя Рика: «Как можно быть персом?» [Графиньи: 21]. Этим же вопросом в «Персидских письмах» герой передаёт удивление парижан, когда те узнавали, что он родом из Персии. В предисловии к «Письмам перуанки» эта цитата подкрепляет критику предвзятого отношения к другим народам и европоцентризма в целом: «Предрасположенные в собственную пользу, мы признаем достоинства других племён постольку, поскольку они подражают нашим нравам, а их язык походит на нашу речь» [Графиньи: 21].

Помимо любовной истории, роман Ф. де Графиньи содержит критику современных французских, в целом – европейских институтов и нравов. «Ни в одной из разнообразных провинций, которые мы пересекли, я еще не видела таких высокомерных и развязных дикарей» [Графиньи: 80], – вынуждена констатировать перуанка, едва оказавшись в светском обществе. Для французов Зилия предстаёт как экзотическая игрушка, лишённая человеческих чувств, а потому она вынуждена терпеть их насмешки и косые взгляды. В своих посланиях перуанка рассуждает о трагическом положении людей в цивилизованном обществе. Она считает, что тщеславное желание неразумных французов казаться лучше, чем они есть на самом деле, заставляет их жертвовать покоем и честью; склонность к излишествам, несмотря на отсутствие самого необходимого, развратила их разум, сердце и характер, которые они скрывают под такими же порочными масками.

Причина, по которой французы лишены положительных качеств, как считает Зилия, – в их неправильном воспитании. Неестественность и неразумность французского общества героиня противопоставляет правильным, естественным нравам своих соотечественников. Зилия не только осуждает цивилизованных французов, но и оплакивает их несчастья, пытается оправдать и полюбить их, потому что считает, что они не созданы природой злыми: «Но не думай, мой дорогой Аза, что французы, в целом, рождены злыми. [...] От природы они чувствительны и наделены добродетелью» [Графиньи: 152]. В подтвержде-

дение этого Зилия заявляет, что когда она рассказывала французам о своих соотечественниках, то все её слушали с умилением, если бы они жили среди перуанцев, то стали бы намного лучше. В изображении «благородного дикаря», противопоставленного испорченному цивилизацией европейцам, роман Ф. де Графиньи поднимает вопрос общественного устройства, доказывая, что современные еврейские порядки далеки от совершенства, а жизнь по естественным законам – вот идеал, к которому должны стремиться все просвещённые народы.

«Счастлив народ, принявший за руководство Природу, за принцип – истину, а за побуждение к действию – добродетель!» [Графиньи: 153], – восклицает перуанка, считая возможным это лишь в разумном и справедливом государстве. Именно таким идеальным государством в романе представлена Империя инков. По словам героини, в её стране никогда не было бедных – правящий Капа-Инка заботился обо всех, тогда как европейские монархи благоволят лишь придворным. В отличие от справедливого распределения земли и совместной её обработки, почитаемой перуанцами за счастье, во Франции невозможно приобрести без золота то, что по законам природы принадлежит всем людям поровну. Налоги в европейской стране распределены неравномерно, и большая часть населения, чтобы выжить, вынуждена прибегать к милосердию других. Искренность, сострадательность и другие прекрасные качества перуанцы унаследовали от своей религии, в отличие от французов, вера которых проявляется не в поступках, а в заученных наизусть принципах религии и исполнении обрядов.

Примерно в одинаковом с перуанкой положении оказались герои Ш.Л. де Монтескьё, которые путешествуют по Франции и критически оценивают чужие «варварские», как они считают, порядки и нравы со своими «цивилизованными». И всё же сравнивая эти два романа, можно заметить, что доли любовного и социально-критического элемента в них (и в количественном, и в качественном отношении) неравнозначны. «Персидские письма» являются по сути политико-философским сочинением, а любовная линия в нём, связанная с наложницами Узбека, иллюстрирует тираническое государство в миниатюре. В «Письмах перуанки» же любовный сюжет самоценен, а те немногие письма, которые содержат критику французского общества, создают образ не только чувственной, но и мудрой героини. Показательно, что художник Ж.-Б. Готье-Даготи в посвящённом Ф. де Графиньи биографическом очерке 1770 г. среди достоинств «Писем перуанки» в первую очередь отмечал любовно-чувственную и только потом рационально-критическую сторону их содержания: «Этот роман, произведение сердца и ума, имел успех, которого он полностью заслуживает. Любовь изображе-

на в нём в самых ярких красках, а нравы, характер и смешные черты нашего народа списаны с натуры»; «...за исключением “Персидских писем”, никогда не было столь изящного и правдивого критического сочинения» [Gautier-Dagoty: 154].

Решение Зилии жить за городом, фактически на лоне природы, обусловлено как неприятием ей цивилизации, так и стремлением вернуться к естественному состоянию. Показательно восхищение героини лесом, описание которого – в лучших традициях сентиментализма: «Как прекрасен лес, мой дорогой Аза! Когда в негоходишь, всеобъемлющее очарование распространяется на все чувства и смешивает их свойства. Кажется, что видишь свежесть прежде, чем её чувствуешь» [Графиньи: 74]. В другом месте, описывая виды из кареты во Франции, перуанка явно противопоставляет природу цивилизации: «Без сомнения, мой сердечный друг, Природа вложила в свои творения непостижимую прелесть, с которой не сравнится даже самое тонкое искусство. Все увиденные чудеса, изобретённые человеком, не вызвали во мне того восхищения, которое я испытываю, любуясь окружающим» [Графиньи: 73].

Сходство идей в «Письмах перуанки» Ф. де Графиньи и трудах Ж.-Ж. Руссо отмечали ещё их современники. В 1752 г. швейцарец И. Изелин, встретившийся тогда же и с Ф. де Графиньи, и с Ж.-Ж. Руссо в Париже лично, отметил в своём дневнике, что «хоть она [де Графиньи] и говорит так много против доброго Руссо, она не перестаёт выражать аналогичные чувства в своих “Письмах перуанки”» [Showalter: 21]. В заметках от 1751 г. одного из поклонников Ф. де Графиньи Г. Тюрго также содержится косвенное сравнение её произведения с тем, о чём рассуждал Ж.-Ж. Руссо в связи с естественным состоянием. Критикуя финал романа, Г. Тюрго косвенно предлагает переписать его в духе «Рассуждения о науках и искусствах», впрочем, не называя сочинения и его автора конкретно: «Пусть Зилия взвесит все преимущества дикого и цивилизованного человека. Предпочтень дикие – просто смешно. Пусть же она их опровергнет» [Showalter 1978: 21].

Читал ли сам Ж.-Ж. Руссо «Письма перуанки» – достоверно неизвестно, но определённо знал Ф. де Графиньи и высоко оценил другое её произведение, а именно комедию «Сения». В «Письме к д'Аламберу о зрелищах» (1758), рассуждая о роли женщин в современном театре и излишней идеализации в нём героинь, он оставил следующий комментарий в сноске: «Не по недомыслию упоминаю я здесь “Сению”, хотя очаровательная пьеса эта написана женщиной. Всей душой стремясь к истине, я не могу умалчивать о том, что противоречит моему взгляду, и не той или иной женщине, а женщине вообще отказываю я в талантах мужчины. В частности, талантом автора “Сении”

воздаю я должное тем охотней, что она недоброжелательно говорит обо мне, так что дань уважения, которую я ей приношу, чиста и бескорытна, как все похвалы, вышедшие из-под моего пера» [Руссо 1961: 103].

Сама же Ф. де Графиньи, судя по её письмам, относилась к философу двойственно: признавая его литературный талант (показательно, что сам Ж.-Ж. Руссо помогал ей в сочинении комедии «Сатурналии»), она тем не менее воспринимала руссоистские идеи настроенно и даже с некоторой долей скепсиса. В ответном письме от 31 января 1751 г. к Ф.А. Дево, который возмущался «Рассуждением о науках и искусствах», Ф. де Графиньи говорит и о своём отношении к этому сочинению Ж.-Ж. Руссо, и упоминает их общего знакомого Ф. Тьерри: «По причине того, что я менее фанатична, чем ты, мне не хочется ни придушить, ни высечь г-на Руссо, но в какой-то степени я с тобой согласна. Мне вполне по нраву, что сказал ему Тьерри. Он мой лотарингский доктор. Руссо его друг. Тот подарил ему своё сочинение, а Тьерри ему сказал: “Друг мой, твою речь я положу вглубь сундука и не буду доставать её 20 лет. В течение этого времени я ещё хочу любить искусства”» [Showalter 1978: 37].

Личные контакты между Ж.-Ж. Руссо и Ф. де Графиньи дают возможность предполагать, что они в той или иной степени интеллектуально влияли друг на друга. Знание философом «Сении» говорит о его знакомстве или по меньшей мере о его интересе к творчеству писательницы, уже прославившейся своими «Письмами перуанки». Интересно, что в 1761 г. Ж.-Ж. Руссо опубликовал свой эпистолярный роман «Юлия, или Новая Элоиза», в котором так же, как и в «Письмах перуанки», любовная интрига переплетается с критикой цивилизации и прославлением природы, а главные герои воплощают концепт естественного состояния. Впрочем, явные переклички взглядов Ж.-Ж. Руссо и Ф. де Графиньи связаны и с тем, что они – современники, находившиеся под влиянием общего комплекса просветительских идей, ставшего в итоге одним из основных положений «руссоизма».

Список литературы

- Вольтер. Кандид, или Оптимизм // Философские повести и рассказы. М.; Л.: Academia, 1932. Т. 1. С. 134–266.
- Графиньи Ф. де. Письма перуанки / пер. и предисл. О. Сергиево-Посадской. Вашингтон, 2004. 246 с.
- Лукьянец И.В. «Мечтатель» в творчестве Руссо и Дидро // Другой XVIII век. М.: Экониформ, 2002. С. 75–83.
- Разумовская М.В. Перуанка в романе мадам де Графиньи // Латинская Америка. 1976. № 6. С. 99–108.
- Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения: в 3 т. М.: Гослитиздат, 1961. 2265 с.

Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 1998. 416 с.

Францев Ф.С. Культурный миф о «естественном человеке» Ж.-Ж. Руссо: исторический и современный аспекты // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2014. № 6 (47). С. 59–70.

Gautier-Dagoty J.-B. Madame de Graffigny. Galerie française ou Portraits des hommes et des femmes célèbres qui ont paru en France. Paris, 1770, pp. 153–156.

Noël G. Une «Primitive» oubliée de l'école des «cœurs sensibles»: Madame de Graffigny, Paris, Plon, 1913, 399 p.

Showalter E. Française de Graffigny: Sa vie et ses œuvres. Oxford, The Voltaire Foundation, 2004, 571 p.

Showalter E. Madame de Graffigny and Rousseau: Between the two discours. Oxford, Voltaire Foundation at the Taylor Institution, 1978, 191 p.

References

Vol'ter. *Kandid, ili Optimizm* [Candide: Optimism]. *Filosofskie povesti i rasskazy* [Philosophical tales and short stories]. Moscow; Leningrad, Academia Publ., 1932, vol. 1, pp. 134–266 (In Russ).

Grafin'i F. de. *Pis'ma peruanki* [Letters from a Peruvian woman], translated with an introduction by O. Serгиеvo-Posadskaya. Washington, 2004, 246 p. (In Russ).

Luk'ianets I.V. «*Mechtatel'*» v tvorchestve Russo i Didro [“A dreamer” in works by Rousseau and Diderot]. *Drugoi XVIII vek* [Another 18th century]. Moscow, Ekoniinform Publ., 2002, pp. 75–83 (In Russ).

Razumovskaia M.V. *Peruanka v romane madam de Graffin'i* [A Peruvian woman in Mme de Graffigny's novel]. *Latinskaia Amerika* [Latin America], 1976, № 6, pp. 99–108 (In Russ).

Russo Zh.-Zh. *Izbrannye sochineniia* [Selected works]: in 3 volumes. Moscow, Goslitizdat Publ., 1961, 2265 p. (In Russ).

Russo Zh.-Zh. *Ob obshchestvennom dogovore. Traktaty* [On the social contract. Treatises]. Moscow, Kanon-Press-Ts, Kuchkovo pole Publ., 1998, 416 p. (In Russ).

Frantsev F.S. *Kul'turnymif o «estestvennom che-loveke» Zh.-Zh Russo: istoricheskii i sovremennyi aspekt* [On historical and modern aspects of the cultural myth of J.-J. Rousseau's “natural man”]. *Poisk: Politika. Obshchestvovedenie. Iskusstvo. Sotsiologiia. Kul'tura* [Search: Politics. Social studies. Art. Sociology. Culture], 2014, № 6 (47), pp. 59–70 (In Russ).

Статья поступила в редакцию 11.04.2021; одобрена после рецензирования 27.06.2021; принята к публикации 18.08.2021.

The article was submitted 11.04.2021; approved after reviewing 27.06.2021; accepted for publication 18.08.2021.

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 161–164. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 161–164. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821(7).09”19”

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-161-164>

ПРОЗА КЕЙТ ШОПЕН В КОНТЕКСТЕ АМЕРИКАНСКОГО ТРАНСЦЕНДЕНТАЛИЗМА

Шмелева Татьяна Николаевна, кандидат филологических наук, Ивановский государственный энергетический университет им. В.И. Ленина, Иваново Россия, tanyale@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9558-3269>

Аннотация. В данной статье анализируются типологические параллели между художественной системой американской писательницы Кейт Шопен и философским учением трансцендентализма. Как и большинство писателей второй половины XIX в., Шопен не могла не испытывать воздействия идей, определявших особенности духовной атмосферы Америки, в частности идей Ралфа Уолдо Эмерсона. Философско-эстетическая концепция Эмерсона провозглашала индивидуальную свободу как высшую ценность, отмечала интуитивную природу творчества. Также американский трансцендентализм призвал привлекать внимание ко всем, даже низменным сферам жизни, наделял искусство особой ролью в познании мира. Эти положения оказались особенно близки К. Шопен и получили своеобразное воплощение в ее творчестве. Так, Шопен обращается к изображению обыденных картин американской жизни во всем их многообразии. Искусство в ее произведениях становится способом проникновения в глубинную сущность бытия. Сквозной темой творчества писательницы было осознание ее героинями собственной значимости, необходимости внутренней свободы и самореализации, что перекликается с эмерсоновским постулатом «доверия к себе». Тем не менее идеи трансцендентализма, вошедшие в культурный обиход эпохи, сочетались у Шопен с ее индивидуальным мировосприятием, что выразилось в особом ироническом подтексте ее произведений.

Ключевые слова: американская литература, Кейт Шопен, женская проза, гендер, Ралф Уолдо Эмерсон, трансцендентализм, «доверие к себе»

Для цитирования: Шмелева Т.Н. Проза Кейт Шопен в контексте американского трансцендентализма // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 161–164. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-161-164>

Research Article

KATE CHOPIN'S PROSE IN THE CONTEXT OF AMERICAN TRANSCENDENTALISM

Tatyana N. Shmeleva, Candidate of Philological Sciences, Lenin Ivanovo State Power Engineering University, Ivanovo, Russia, tanyale@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9558-3269>

Abstract. The article deals with the typological parallels between Kate Chopin's literary-artistic system and philosophical doctrine of transcendentalism. As well as the majority of the writers of that time Kate Chopin could not avoid the influence of the ideas determining the peculiarities of cultural atmosphere in America, Ralf Waldo Emerson's ideas in particular. Emerson's philosophical and aesthetic conception proclaimed individual freedom the highest value, pointed out the intuitive nature of creative work. American transcendentalism encouraged to depict even mundane life events, empowered the art with a special role in the discovery of the world. These provisions were especially close to Kate Chopin and were rather peculiarly embodied in her works. Thus, Kate Chopin depicted mundane events from American life in all their diversity. In her works art is a way to penetrate into the deepest core of existence. The cross-cutting theme of Kate Chopin's writing was her heroines' understanding of their own significance, the necessity of freedom and self-realisation and that coincides greatly with Emerson's "self-reliance" doctrine. Nevertheless, transcendentalism ideas being a part of cultural code of the time combined in Kate Chopin's works with her individual worldview and that reflected in special ironic implication of her prose.

Keywords: American literature, Kate Chopin, women's prose, gender, Ralf Waldo Emerson, transcendentalism, "self-reliance"

For citation: Shmeleva T.N. Kate Chopin's Prose in the Context of American Transcendentalism. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 161–164 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-161-164>

Художественное наследие Кейт Шопен (1850–1904) вызвало много различных толкований. На протяжении долгого времени творчество Шопен относили к литературе «местного колорита», поскольку в ее креольских рассказах был живо отражен исчезающий быт старого Юга, ярко переданы особенности диалекта и красота пейзажа. После выхода в свет романа К. Шопен «Пробуждение» (*The Awakening*, 1899) на автора обрушилась яростная лавина критики. В произведении подвергалась сомнению традиционная парадигма отношений к женщине и ее восприятие, что сочли крайне непристойным, а издательство, сотрудничающее с писательницей, поспешило расторгнуть контракт, и большинство ее последующих произведений были опубликованы более полувека спустя. Постепенно страсти утихли, о романе забыли, а имя Кейт Шопен вплоть до середины XX века изредка упоминалось в обзорах литературы Юга США среди других женщин-писательниц. Общий тон этих оценок можно проиллюстрировать словами американского исследователя Джея Хаббела: «Их (южных писательниц. – *Т. Ш.*) произведения в целом были сентиментальны и относятся к низкопробной литературе» [Hubble: 433].

Литературное наследие Шопен заново открыл для американского читателя Пер Сейерстед, опубликовавший в 1969 году ее произведения со своей вступительной статьей. С тех пор не ослабевает читательский и исследовательский интерес к ее произведениям, а по мотивам ее романа «Пробуждение» (*The Awakening*, 1899) снимаются фильмы и даже поставлена опера.

Современные исследователи творчества К. Шопен (такие как И.В. Морозова [Морозова И.В.: 156], Т. Боннер [Bonner: 146], П. Скаггз [Skaggs: 636], Б. Колоски [Koloski: 122]) отмечают, что для понимания особенностей ее стиля необходимо помимо романтической, реалистической, натуралистической, литературных традиций учитывать глубинную взаимосвязь художественного мышления Шопен и американского трансцендентализма, главным теоретиком которого был Ралф Уолдо Эмерсон (1803–1882).

Проблема влияния идей Эмерсона на Шопен может быть рассмотрена в различных аспектах. В данной работе мы попытаемся проследить те принципы и начала, которые говорят об их определенной литературно-эстетической общности.

Философско-этическая концепция Эмерсона оказала значительное влияние на американскую литературную традицию. Основные идеи своей теории Эмерсон изложил в эссе «Природа» (*Nature*, 1836), развивая и дополняя их в своих последующих работах. Принципы и положения, сформулированные там, оказались чрезвычайно значимыми для американско-

го романтизма, став для него своеобразным философским базисом.

Т.Л. Морозова в своей работе «Спор о человеке в американской литературе» подробно анализирует художественный и исторический контекст, способствовавший появлению эмерсоновской доктрины «доверия к себе» (*self-reliance*) [Морозова Т.Л.: 61–93]. По сути, идеи Б. Франклина (1706–1790) о «самосоздании» (*self-made*), изложенные им в «Автобиографии», получили свое дальнейшее развитие в философии Эмерсона. Его концепция явилась, по сути, синтезом традиционного для Америки индивидуализма и романтического начала, проистекающего из неизбежного конфликта личности, живущей по принципу «доверия к себе», и общества. Провозглашая идею нонконформизма, Эмерсон утверждал, что человек не должен приспособляться и отказываться от своего «я» ради благополучия и комфорта. Настоящий художник также должен руководствоваться принципом «доверия к себе»: «Шекспиром не станешь, сколько бы ни изучал Шекспира. Делай то, что предназначено тебе, и если тебе это удастся, большей смелости нельзя и вообразить» [Эмерсон: 55]. Следующее высказывание Кейт Шопен по поводу характера ее литературного дара созвучно эмерсоновскому представлению об интуитивной природе творчества: «Я целиком завишу от бессознательного выбора. Это истинно до такой степени, что так называемый процесс отделки неизменно оказывался губителен для моей работы, и я ее избегаю, предпочитая неуклюжую неподдельность искусственности» [Коренева: 721].

Первым отечественным обстоятельным исследованием наследия Эмерсона, содержащим анализ его поэтики, эстетики и мировоззрения, стала монография Э.Ф. Осиповой. Исследовательница обращает внимание на такое важное обстоятельство, как перенос акцентов в выборе объекта изображения. В отличие от ранних романтиков (например, художников «Гудзонской школы», Брайанта, Купера) Эмерсон считал достойным писателя любую сферу. По его мнению, «темой искусства должна стать вся американская жизнь в максимальном разнообразии ее проявлений» [Осипова: 75]. Кейт Шопен также в своих произведениях воссоздает картины повседневной жизни, наполненные внутренним трагизмом обыденности (например, новеллы «Развод мадам Селестин» (*Madame Celestin's Divorce*, 1893), «Ложь доктора Шевалье» (*Doctor Chevalier's Lie*, 1893), «Пара шелковых чулок» (*A Pair of Silk Stockings*, 1896) и многие другие). Для нее характерно умение изображать реальную жизнь без прикрас, способность увидеть то героическое, что скрыто в простых людях, их истинное нравственное величие.

Известно, что Кейт Шопен была хорошо знакома с творчеством А. Доде (1840–1897) [Koloski: 121].

Хотя неясно, вдохновляли ли ее образы и книги французского писателя, параллель между историей Доде, изложенной в сказке «Козочка господина Сегена» из сборника «Письма с мельницы» (весь 1865 год рассказы из этого сборника печатались в газетах «Эвеман» и «Фигаро», а отдельным изданием появились в 1869), и сюжетом первого произведения Шопен «Освобождение: притча о жизни» (*Emancipation: A Life Fable*, 1869) лежит на поверхности. В своем произведении Доде проповедует смирение: каждому в жизни отведена своя роль, и разумнее всего довольствоваться этим. Своевольная козочка господина Сегена возмечтала о вольной жизни и покинула дом хозяина, где ее кормили и охраняли. Однако мечты о свободе оказались всего лишь иллюзией, и козочка гибнет в схватке с волком. К жанру притчи обращались многие американские писатели: Ирвинг, Купер, Готорн, Мелвилл. Притча – необыкновенно емкий жанр, дающий возможность особого вневременного отражения действительности. Одно из своих первых произведений Шопен пишет именно в этом жанре. В своей притче она рассказывает историю о зверьке, рожденном в неволе. Он и не подозревает о свободной жизни. Случайно ему удается выбраться из клетки. Жизнь на воле полна лишений и неизвестности, но зверек выбирает именно такую жизнь, отказываясь вернуться в клетку. Аналогии сюжета и созвучно полемичный исход конфликта отчетливо наблюдаются в произведениях Доде и Шопен. Отечественный критик М.М. Коренева полагает, что здесь «Шопен недвусмысленно раскрывала свое понимание жизненных императивов, неосознанно проецируя тематику множества своих будущих произведений» [Коренева: 713]. Эта притча коррелирует и с учением Эмерсона, который уверял американцев рассчитывать на свои силы, формировать в себе стремление к свободе.

Эволюция взглядов писательницы становится наиболее очевидной при сопоставлении ее первого произведения с работами, написанными, когда она уже достигла писательского мастерства. Так, в 1894 году Шопен создает шедевр своей малой прозы – новеллу «История одного часа» (*The Story of an Hour*). В данном произведении Шопен получили развитие тенденции, намеченные в ее первом литературном опыте (интерес к проблеме свободы личности), и в то же время четко обозначился поворот к новому: на первый план выдвигается вопрос, в какой мере желание женщины к самоутверждению может реализоваться в жизни. В рассказе речь идет о случайном открытии героиней, что она может и должна иметь сферу личностной свободы и самореализации. Получив ложное известие о гибели мужа, миссис Маллард испытывает естественное чувство искреннего горя. Внезапно совершенно противоположное чувство рождается в ее душе – чувство облегчения и даже радости. «Свобод-

на! Свободна душой и телом!» (*Free! Body and soul free!*) [Chopin: 1] – говорит она снова и снова, предвкушая новую жизнь, свободную от подчинения. Когда через час муж целый и невредимый возвращается домой, миссис Маллард умирает. Концовка новеллы полна иронии и неоднозначности. Как констатирует врач, причиной смерти героини стала «радость, которая убивает» (*joy that kills*).

После выхода в свет романа «Пробуждение» он подвергся жесткой критике. Однако в потоке критических рецензий встречались и пронизательные мысли, отмечающие типологические особенности произведения. Так, один из критиков назвал роман «новоорлеанской версией известной трансценденталистской сказки о пробуждении или погружении души в жизнь» [Gilbert: 21]. Примечательно, что Эдна читает Эмерсона, когда рушится ее привычная картина мира. Думается, что внутренняя связь романа Шопен с учением трансцендентализма не исчерпывается прямым упоминанием Эмерсона. Эдна пыталась преодолеть чувство бессмысленности своего существования, преисполненного условностей и зависимости. В своих действиях она полагалась исключительно на веление своего внутреннего голоса, воплощая принцип «доверия к себе»: «*She was blindly following whatever impulse moved her*» [Chopin 1997: 55]. Своей индивидуальной свободой Эдна дорожит больше всего: «*But whatever came, she had resolved never again to belong to another than herself*» [Chopin 1997: 133]. Критичное отношение Шопен к эмерсоновской концепции выражено в романе имплицитно. Стремление Эдны вырваться из тесного мирка обыденности не приводят в итоге к обретению ею смысла жизни и гармонии. Самоубийство героини в конце романа становится символом невозможности разрешения конфликта между требованиями, налагаемыми на замужнюю женщину обществом, и ее стремлением к самореализации вне сферы семьи в той общественной парадигме.

Любопытную трактовку темы поиска героиней Шопен индивидуальной свободы дает Т. Боннер в работе «Кейт Шопен: Традиция и момент». Боннер полемизирует с Пером Сейерстедом, рассматривающим образ Эдны Понтелье как воплощение женской эмансипации. Исследователь замечает, что наличие эмерсоновской темы подразумевает более широкое толкование проблемы самоутверждения женщины как «более глубокого, даже космического поиска своей сути» (*a deeper, even cosmic concern for the self*) [Bonner: 146]. Таким образом, судьба героини превращается в развернутую метафору человеческой души в поисках гармонии и счастья.

Искусству американский философ отводил особую роль в познании мира и экзистенциальных проблемах. Его задача, согласно Эмерсону, состояла в проникновении вечного содержания в душу человека. Именно

искусство, обладая способностью интуитивного озарения, может пробудить душу и стремление к познанию. «Привычка, простая обыденность закрыли глаза человека на совершенство мира; искусство призвано открыть их» [Leonard: 299]. Тема искусства встречается в произведениях К. Шопен неоднократно. Приобщение к искусству способствует изменению мировосприятия героев на интуитивном уровне. Искусство и творчество становятся выходом для героев Шопен, способом преодолеть навязываемые границы. Так происходит и в романе «Пробуждение». Росту самосознания главной героини сопутствует ее увлечение живописью, общение с пианисткой, чьи экспромты Эдна часто слушает.

Несмотря на очевидные аналогии в творчестве К. Шопен и философской концепции Р.У. Эмерсона, влияние трансцендентализма на писательницу не носило безусловный характер. Эстетические воззрения К. Шопен, трактовка ею миссии искусства, особое внимание к внутреннему «я», стремление познать трансцендентную сущность бытия, растворенную в повседневности, соответствуют эмерсоновской концепции. Тем не менее в отличие от Эмерсона Шопен свойственно ироничное осознание тщетности и изначальной обреченности попыток преодоления противоречий между личностью и обществом, как правило, подобные конфликты для ее героев оказывались неразрешимыми.

Список литературы

- Коренева М.М. Кейт Шопен // История литературы США: в 4 т. М.: ИМЛИ РАН, 2003. Т. 4. С. 708–758.
- Морозова И.В. Концепция Бога и природы в творчестве Кейт Шопен // Христианство и американская культура: тезисы докладов междунар. науч. конф. общества по изучению культуры США. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2000. С. 156–157.
- Морозова Т.Л. Спор о человеке в американской литературе. М.: Наука, 1990. 334 с.
- Осипова Э.Ф. Ральф Уолдо Эмерсон: Писатель и время. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. 136 с.
- Эмерсон Р.У. Доверие к себе // Писатели США о литературе: в 2 т. М.: Прогресс, 1982. Т. 1. С. 36–59.
- Bonner T. Kate Chopin: Tradition and the Moment. Southern Literature in Transition: Heritage and Promise. Tenn., Memphis State University Press, 1983, pp. 141–149.
- Chopin K. The Awakening. N. Y., Harper Collins, 1997, 341 p.
- Chopin K. The Story of an Hour. URL: <https://archive.vcu.edu/english/engweb/webtexts/hour/> (дата обращения: 15.06.2021).
- Gilbert S. The Second Coming of Aphrodite. Chopin K. The Awakening and Selected Stories. N. Y., Penguin Books, 1986, pp. 7–33.
- Hubble J.B. The South in American Literature, 1607–1900. Durham, NC, Duke University Press, 1954, 987 p.
- Koloski B. Hope, Violence, and Balance in Kate Chopin's at Fault // Вызовы и ответы XXI века. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2003. С. 120–129.
- Leonard G.J. Emerson, Whitman, and Conceptual Art. Philosophy and Literature, 1989, vol. 13, № 2, pp. 297–306.
- Skaggs P. Kate Chopin. The Heath Anthology of American Literature. Second Edition. Toronto, D.C. Heath & Company, 1994, vol. 2, pp. 635–637.

References

- Koreneva M.M. *Keit Shopen* [Kate Chopin]. *Istoriia literatury SShA: v 4 t.* [The History of Literature in the USA: in 4 vols]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2003, vol. 4, pp. 708–758. (In Russ.)
- Morozova I.V. *Kontseptsiiia Boga i prirody v tvorchestve Keit Shopen* [The Concept of God and Nature in Kate Chopin's Works]. *Khristianstvo i amerikanskaiia kul'tura: tez. dokl. mezhdunar. nauch. konf. obshchestva po izucheniiu kul'tury SShA* [Christianity and American Culture: Abstracts of International Scientific Conference of the USA Culture Studies Society]. Moscow, MGU im. M.V. Lomonosova Publ., 2000, pp. 156–157. (In Russ.)
- Morozova T.L. *Spor o cheloveke v amerikanskoi literature* [The Dispute about Man in American Literature]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 334 p. (In Russ.)
- Osipova E.F. *Ralf Uoldo Emerson: Pisatel' i vremia* [Ralf Waldo Emerson: The Writer and the Time]. L., Publ. Leningr. Un-ta, 1991, 136 p. (In Russ.)
- Emerson R.U. *Doverie k sebe* [Self-Reliance]. *Pisateli SShA o literature: v 2 t.* [American Writers about Literature: in 2 vols.]. Moscow, Progress Publ., 1982, vol. 1, pp. 36–59. (In Russ.)
- Статья поступила в редакцию 27.04.2021; одобрена после рецензирования 16.06.2021; принята к публикации 18.08.2021.
- The article was submitted 27.04.2021; approved after reviewing 16.06.2021; accepted for publication 18.08.2021.

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 165–169. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 165–169. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821(44).09''19/20''

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-165-169>

ГЕОМЕТРИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ МАРСЕЛЯ ПРУСТА

Таганов Александр Николаевич, доктор филологических наук, Ивановский государственный университет, shishtag@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3270-1277>

Аннотация. Рассматриваются особенности художественной системы в творчестве французского писателя рубежа XIX–XX веков Марселя Пруста. Изучаются основы его эстетических взглядов, которые проявляются на уровне структурной организации романного цикла «В поисках утраченного времени». Специфика повествования, где главную роль играет непроизвольная память, позволяет говорить об особой геометрии художественного пространства этого произведения. Она обусловлена отказом Пруста от «плоскостной психологии» в пользу «психологии во времени». Показывается, как на подобном основании благодаря мнемоническому механизму образуется сложное соединение спонтанно возникающих пространственных фрагментов с временными моментами бытия и появляется хронотопная структура романа, построенная по принципу относительности, где время становится, по сути, четвертым измерением пространства.

Ключевые слова: литература Франции, непроизвольная память, художественное пространство, художественное время, хронотоп, геометрия художественного пространства.

Для цитирования: Таганов А.Н. Геометрия художественного пространства в творчестве Марселя Пруста // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 165–169. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-165-169>

Research Article

THE GEOMETRY OF ARTISTIC SPACE IN THE WORKS BY VALENTIN LOUIS GEORGES EUGÈNE MARCEL PROUST

Alexander N. Taganov, Doctor of Philological Sciences, Ivanovo State University, shishtag@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3270-1277>

Abstract. The article considers the peculiarities of the artistic system in the works by the French writer of the turn of the 19th–20th centuries, VLGE Marcel Proust. The foundations of his aesthetic views, which are manifested primarily at the level of the structural organisation in the novel cycle “In Search of Lost Time” are studied. The specificity of the narrative, where the main role is played by involuntary memory, allows us to speak about the special geometry of the artistic space in this work. It happens due to Proust’s rejection of “plane psychology” in favour of “psychology in time”. It is shown how on such a basis, thanks to the mnemonic mechanism, a complex connection of spontaneously arising spatial fragments with the temporal moments of existence arises and the chronotopic structure of the novel, built on the principle of relativity, is constructed where time becomes, in fact, the fourth dimension of space.

Keywords: French literature, involuntary memory, artistic space, artistic time, chronotope, geometry of artistic space.

For citation: Taganov A.N. The geometry of artistic space in the works by Valentin Louis Georges Eugène Marcel Proust. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 165–169 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-165-169>

Обращение к проблеме геометрии художественного слова и использование естественно-научной терминологии для литературоведческой сферы, будучи явлением крайне редким, кажется парадоксальным лишь на первый взгляд и может оказаться вполне уместным [Федякин 2005]. Следует признать, однако, что эта тема в современном литературоведении остается практически неразработанной. Геометрия художественного пространства способна проявляться по-разному. Словесная художественная система, являясь структурой образов, возникает на основе архитектурной и композиционной организации языка. Художественное слово материально, оно обладает пространственной протяженностью, имеет графическую и звуковую оформленность.

Так, в романе «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» Стерн прибегает к графической символике в рассуждениях об искусстве. Объясняя композицию романа, он использует графические рисунки, которые призваны проиллюстрировать строение отдельных книг романа. Все они образуют достаточно извилистые линии, отличающиеся от прямой. Иллюстрации автора позволяют говорить об особой геометрии романа Стерна, выстроенного не в рамках просветительского здравого смысла, но чувственно-ассоциативного восприятия жизни, разрушающего линейную повествовательно-композиционную структуру.

Своеобразное продолжение этой темы можно найти в творчестве Бальзака. Эпиграф романа «Шагреневая кожа» отсылает нас к упомянутому произведению Стерна. Он представляет собой графическое изображение причудливо извивающейся линии, возникающей в результате жеста, свершенного одним из персонажей стерновского романа, капралом Тримом. Размышляя над проблемами холостой жизни и замужества в разговоре с дядей Тоби, капрал демонстрирует преимущества свободы холостой жизни с помощью упомянутой линии, описанной в воздухе концом палки. Обращение к невербальным средствам выражения, очевидно, свидетельствует о том, что автор сознает сложность развития жизни и невозможность выразить ее с помощью слов. Кроме того, важно, что линия принимает особую форму, отражая характер жизненных явлений, не укладываемых в прямолинейные схемы. Эпиграф Стерна, таким образом, создает интертекст, позволяющий говорить о своеобразной геометрии художественной мысли Бальзака, во многом заданной его «философскими этюдами».

На протяжении многих лет творчество Бальзака пытались уложить в однолинейные аксиологические схемы. Вместе с тем думается, что подобный подход, действующий в рамках традиционной линейной, «евклидовой» геометрии творчества, не исчерпывает всей сложности и многообразия пробле-

мы. Здесь необходима иного рода геометрическая модель, учитывающая искривленность жизненного пространства, а главное – причудливые изгибы художественной мысли, позволяющие видеть сближение и пересечение творческих и экзистенциальных линий там, где они, казалось бы, невозможны *a priori*. Бальзаковское творчество построено по принципам не классической геометрии, но геометрии, предполагающей существование нетрадиционно понимаемого трехмерного жизненного пространства. Начиная, как правило, с максимально достоверного отображения объективной данности, которое выстраивается через линейную повествовательную конструкцию, Бальзак в определенный момент отходит от «прямой» линии «реалистического» повествования, переходя к извилистой кривой, подобной той, что изображена в эпиграфе к роману, порождаемой сложными, по сути, мистическими представлениями писателя о жизни, которые возникают на основе его мироощущения, заданного мистическими учениями, прежде всего – теориями Сведенборга.

Размышления о геометрии художественного слова могут быть продолжены на основании многих других текстов, где она проявляет себя достаточно зримо. Учитывая графическое оформление текста, можно говорить о своего рода геометрии движения, возникающей в известном стихотворении В. Гюго «Джинны», о геометрии случая в поэме С. Малларме «Бросок костей».

Проблема особого геометрического рисунка актуальна и в случае прустовского художественного творчества. На сегодняшний день имеется огромное количество работ, посвященных автору «Поисков», однако специальных трудов, исследующих эту тему, не существует. Между тем она представляется вполне актуальной, так как позволяет выявить важные особенности структуры художественной системы прустовского произведения. Пруст-писатель часто мыслит геометрически. В одном из эпизодов «Поисков» он замечает: «Подобно тому, как геометр, который, снимая с вещей их видимые свойства, видит лишь их линейный субстрат, я не воспринимал то, что рассказывали люди, так как меня интересовало не то, что они говорили, а то, как они это говорили. Манера их речи представляла для меня интерес в той мере, в какой она позволяла раскрывать их характер или их смешные стороны» [Proust 1954: 718].

Художественное мышление Пруста во многом созвучно своему времени. Исследователи уже писали о близости его идей к теориям Бергсона, Фрейда, к новейшим теориям в области физики [Baudry 1984; Megay 1976; Vettard 1922].

Специфика геометрии художественного слова Пруста проявляется отчетливее всего на уровне пространства романного цикла «В поисках утраченного

времени», который, как известно, построен на повествовании от имени главного героя и одновременно повествователя Марселя, своего рода alter ego автора. Его главная цель – вернуть «утраченное время», то есть время, предшествующее моменту написания книги в целом или отдельных ее фрагментов, иными словами – вернуть всю ту реальность, которая переживалась героем на разных этапах его существования и которая представляет собой содержание его жизненного опыта. Сложность подобной задачи заключается в том, что эта реальность в большинстве случаев оказывается забытой, то есть «утраченной». Рассказчик пытается вернуть ее с помощью памяти.

В свое время американский исследователь Джо-зеф Натаниэль Фрэнк в известной статье «Пространственная форма в современной литературе» (1945) совершенно справедливо отмечал, что разговор о пространственных формах по отношению к Прусту, заявляющему, «что его роман должен запечатлеть “форму, которая обычно остается невидимой, форму времени”», сам по себе может показаться странным: «Почти все, писавшие о Прусте, считают его художником времени *par excellence*, литературным интерпретатором бергсоновского “реального времени”, которое дано непосредственно в интуиции и – в отличие от абстрактного, хронологического времени рационального мышления – позволяет нам вступать в контакт с абсолютной реальностью» [Фрэнк 1987: 203]. Однако, по убеждению Фрэнка, «остановиться на этом – значит упустить из виду то, что Пруст считал самым существенным в своем романе» [Фрэнк 1987: 203].

Рассудочная память героя выстраивает мир прошлого, мир его родного городка Комбре как некий чертеж: «Так вот, на протяжении долгого времени, когда я просыпался по ночам и вновь и вновь вспоминал Комбре, передо мной на фоне полной темноты возникало нечто вроде освещенного вертикального разреза <...> на довольно широком пространстве мне грезилась маленькая гостиная, столовая, начало темной аллеи, откуда появлялся Сван <...> и передняя, где я делал несколько шагов к лестнице, по которой мне так горько было подниматься, – лестница представляла собой единственную и притом очень узкую поверхность неправильной пирамиды, а ее вершиной служила моя спальня со стеклянной дверью в коридорчик <...>» [Пруст 1999: 86–87].

Очевидно, что эта реальность присутствует в сознании героя как некое пространство или череда пространств, соседствующих друг с другом. Рассудочная память выстраивает ушедшую в прошлое реальность по принципам традиционной, линейно-плоскостной геометрии. Однако такого рода геометрия не способна привести рассказчика к желаемому результату.

Известна метафора Пруста, с помощью которой он определяет архитектуру своего романа – «как

церковь» («comme une église») [Proust 1954: 1032]. Писатель, который берется за книгу, способную воспроизвести пережитый жизненный опыт, должен «преодолевать ее, как усталость, принимать, как строгое правило, возводить, как храм, соблюдать ее, как порядок, завоевывать, как дружбу, вскармливать, как ребенка, создавать ее, как мир, не оставляя в стороне ни одну из тех тайн, что, скорее всего, найдут объяснение даже не здесь, а совсем в другом мире, предчувствие которого и есть то, что более всего волнует нас в искусстве» [Пруст 1999: 360].

Архитектура церкви имеет свою геометрию. Она предполагает не только внешнюю линию форм, но и внутреннее духовное пространство. Следует отметить, что эта мысль в различных вариантах неоднократно возникает у Пруста. Так, в 1913 году, объясняя замысел первого тома своего романа, Пруст писал: «Известно, что существует плоскостная геометрия и геометрия пространственная. Так вот, для меня роман – не только плоскостная психология, но психология во времени» [Proust 1971: 557].

Внешнее и внутреннее пространства соединяются у Пруста согласно его воззрению на человеческую личность. В личности человека соприсутствуют внешнее и внутреннее «я». Очертания реального пространства воспринимаются внешним «я» в каждый реальный момент и через переживание внутренним «я» переходят в прошлое. В результате они «утрачиваются», забываются в форме реально чувственного восприятия, однако на уровне подсознания сохраняются как внешние пространственные контуры, так и его аффективное содержание. На уровне сознания пространство может восстановиться в рамках трехмерной плоскостной геометрии. На уровне подсознания действует иная геометрическая модель: пространственные контуры настоящего (например, чаепитие с пирожным мадленкой в рамках пространства парижской квартиры) через механизм произвольной памяти, опирающейся на узнавание сходных ощущений, возвращает пространство прошлого, ставя его на место пространства настоящего в том виде и в том объеме, которое оно приобретало в результате переживания внутренним «я» (чаепитие в детстве в родном городке Комбре).

При этом внутреннее пространство возникает в иных пространственных рамках, присутствует в нем как явление, преломленное через призму переживания. Мир детства, мир Комбре, выстраиваемый внутренним «я» героя, задан двумя линиями-направлениями столь противоположными, «что мы выходили из дому через разные двери, смотря по тому, в каком направлении мы собирались идти: по направлению к Мезеглиз-ла-Винез, которое иначе называлось “направлением Свана”, так как дорога здесь проходила мимо его имения, или по направлению к Германту» [Пруст 1999: 187].

Долгое время два направления воспринимаются как противоположные и обозначают два несоприкасающихся пространства: «Тогда “идти на Германт“, чтобы попасть в Мезеглиз, или наоборот, показалось бы мне столь же бессмысленным, как идти на восток, чтобы попасть на запад» [Пруст 1999: 188]. Однако впоследствии оказывается, что эти два направления в реальности взаимообратимы. Внутреннее «я» выстроило их по-своему, по своей геометрии. При этой перестройке происходит трансформация пространства. Возникающие таким образом пространственные модели выстраиваются по принципу относительности. Так образуется пространство всего романа: оно из линейного, трехмерного превращается в многомерное. «Психология во времени» порождает художественное пространство, которое не может быть описано с помощью плоскостной геометрии, в параметрах трехмерного измерения. Весь роман композиционно выстроен по законам, противоречащим линейному повествованию, предполагающему смену хронологически поданных событий, образующих столь же последовательно сменяющиеся друг друга пространства. В противоположность такому принципу в произведении Пруста присутствуют произвольно возникающие пространственные формы, размещающиеся друг в друге по принципу внешнее/внутреннее пространства. Их совмещение в романе предполагает наличие не только трех традиционных геометрических измерений, но еще и четвертого – Времени. Это особенно явно прослеживается, когда речь идет о людях: «Каждый из нас не только чувствует, что мы занимаем определенное место во Времени, но это самое место он распознает и измеряет весьма приблизительно, как измерил бы то место, что мы занимаем в пространстве, поскольку люди, даже не обладая особой проницательностью, при виде двух незнакомцев, оба из которых носят черные усы или гладко выбриты, могут сказать, что одному из них около двадцати лет, другому около сорока» [Пруст 2001: 374].

Таким образом, персонажи романа воспринимаются Прустом как пространственные тела. Он описывает их с геометрической точки зрения. Так происходит в знаменитом эпизоде приема у герцогини Германтской, когда герою приходится с трудом распознавать в облике и поведении приглашенных узнаваемые черты прежних знакомых: «Однако постепенно, по мере того как я всматривался в расплывшиеся контуры лица, нечеткие, словно изменчивая память, которая уже не в силах удержать прежние формы, мне удалось отыскать нечто, позволившее понемногу отсечь все эти квадраты и шестиугольники, что возраст налепил на ее щеки. Впрочем, женские щеки украсились не только геометрическими фигурами» [Пруст 2001: 258].

Д. Фрэнк по этому поводу писал: «Вместо того чтобы погрузиться в поток времени и наблюдать ге-

роев, изображаемых в линейной последовательности, в непрерывном ряду событий, читатель оказывается перед разнообразными моментальными снимками, сделанными на разных этапах жизни героев, “неподвижных в момент восприятия”» [Фрэнк 1987: 205]. Пруст, по мнению Фрэнка, понял, что «чистое время», то есть некий миг, охватывающий сразу и прошлое, и будущее, «очевидно, уже совсем не время как таковое, оно адекватно процессу восприятия в определенный момент времени, иначе говоря, оно – пространство» [Фрэнк 1987: 205]. Сопоставление отдельных пространств, рождаемых произвольной памятью рассказчика, и создает в конечном итоге ощущение времени: «Другие люди все время меняют свое местоположение по отношению к нам. Однако в неощутимом, но вечном движении мира мы воспринимаем их неподвижными в момент видения, ибо он слишком короток для того, чтобы мы уловили движение, увлекающее их все дальше и дальше». Но когда мы совмещаем облики людей в разных пространствах, вернее, разные пространственные контуры людей, мы видим разницу и таким образом ощущаем ход времени.

«Мы не смогли бы рассказать про наши отношения даже с малознакомым нам человеком, не выстроив в определенном порядке самые разные места, в которых протекала наша жизнь. Так каждый человек – и я сам тоже был одним из них – измерялся для меня длительностью времени, необходимого ему для обращения, причем не только вокруг себя, но вокруг других, а прежде всего сменой положений, какие последовательно занимал он по отношению ко мне» [Пруст 2001: 358].

Собственно, то, что Пруст выстраивает на уровне своей романной структуры, как нельзя лучше выявляет суть заимствованного Бахтиным из теории относительности Эйнштейна понятия хронотоп, где время оказывается, по сути, четвертым измерением пространства. Все это требует использования не «плоской», а «пространственной психологии» [Пруст 2001: 359], которая в свою очередь порождает и необходимость отказа от плоскостной геометрии художественного слова Пруста.

Список литературы

- Пруст М.* Обретенное время. СПб.: Амфора, 2001. 382 с.
- Пруст М.* По направлению к Свану. СПб.: Амфора, 1999. 540 с.
- Федякин С.* «Геометрия» художественного пространства Николая Заболоцкого // Николай Заболоцкий: проблемы творчества. М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2005. С. 290–296.
- Фрэнк Д.* Пространственная форма в современной литературе // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 194–213.

Baudry J.-L. Proust, Freud et l'autre. Paris, Editions de Minuit, 1984, 156 p.

Megay J.N. Bergson et Proust. Paris, Vrin, 1976, 170 p.

Proust M. A la recherche du temps perdu. T. 3. Paris, Gallimard, 1954, 1324 p. (Bibliothèque de la Pléiade).

Proust M. Contre Sainte-Beuve précédé de Pastiches et mélanges et suivi de Essais et article. Paris: Gallimard, 1971, 1022 p. (Bibliothèque de la Pléiade).

Vettard C. Proust et Einstein. La Nouvelle Revue française, 1922, № 107, pp. 246–252.

References

Prust M. *Obretennoe vreme* [Time retrievevide]. Sankt-Peterburg, Amfora, 2001, 382 p. (In Russ.).

Prust M. *Po napravleniu k Swanu* [Towards Swann]. Sankt-Peterburg, Amfora, 1999, 540 p. (In Russ.).

Fediakin S. *Geometriia khudozhestvennogo prostranstva Nikolaia Zabolotskogo* [The geometry of Nikolai Zabolotsky's artistic space]. *Nikolai Zabolotskii: problemi tvorchestva*. Moscow, Izd-vo Literaturnogo instituta im. A.M. Gorkogo, 2005, pp. 290–296. (In Russ.).

Frenk D. *Prostranstvennaja forma v sovremennoi literature* [Spatial Form in Modern Literature]. *Zarubezhnaia estetika i teoriia literatura XIX–XX vv.* Moscow, Izd-vo MGU, 1987. pp. 194–213. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 11.05.2021; одобрена после рецензирования 20.06.2021; принята к публикации 18.08.2021.

The article was submitted 11.05.2021; approved after reviewing 20.06.2021; accepted for publication 18.08.2021.

ПРИЕМ «ГЕОЦИТИРОВАНИЯ» В НАРРАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ Г.Ф. ЛАВКРАФТА (на материале романа «Случай Чарльза Декстера Варда»)

Васильева Эльмира Викторовна, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет им. С.М. Кирова, Санкт-Петербург, Россия, elmvasilyeva@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4195-5658>

Аннотация. В статье рассматривается специфика нарративной стратегии американского писателя Г.Ф. Лавкрафта в романе «Случай Чарльза Декстера Варда» (1927), вводятся понятия «геоцитирования» и «геоцитаты». Под «геоцитатой» понимается топонимическая аллюзия, то есть имплицитная отсылка к прецедентному тексту, зашифрованная в топониме (напр., упоминание Трансильвании как «геоцитата» из романа Б. Стокера «Дракула»). Используя «геоцитаты» и иные формы аллюзии, Лавкрафт превращает средневековые легенды, а также произведения предшествующей готической традиции в литературе – романы М. Шелли, Р.Л. Стивенсона, Г. Майринка, Б. Стокера и др., – в значимый контекст для его собственного романа, добиваясь тем самым эффекта единого художественного пространства. Ориентируясь в этом гипертекстовом пространстве, подготовленный читатель способен восстановить логику фрагментарного повествования и предугадать исход коллизии. Сложность замысла и мастерство, проявленное Лавкрафтом в его реализации, позволяет поместить «Случай Чарльза Декстера Варда» в ряд прогрессивных модернистских текстов первой трети XX в. и дает основания для пересмотра места самого Лавкрафта в истории литературного процесса в США.

Ключевые слова: Г.Ф. Лавкрафт, новоанглийская готика, гипертекст, «геоцитирование», нарративная стратегия

Для цитирования: Васильева Э.В. Прием «геоцитирования» в нарративной стратегии Г.Ф. Лавкрафта (на материале романа «Случай Чарльза Декстера Варда») // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 170–176. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-170-176>

Research Article

“GEOREFERENCING” AND HOWARD PHILLIPS LOVECRAFT’S NARRATIVE STRATEGY (on the material of “The Case of Charles Dexter Ward”)

Elmira V. Vasileva, Candidate of Philological Sciences, Saint-Petersburg State Forest Technical University, St. Petersburg, Russia, elmvasilyeva@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4195-5658>

Abstract. The article approaches the narrative strategy employed by a famous American horror-writer Howard Phillips Lovecraft in his only novel “The Case of Charles Dexter Ward” (1927) and introduces new terms – “georeferencing” and “georeference.” By the latter we mean a toponymical allusion, i. e. an implicit reference to the precedential text incorporated in a toponym (e. g. the author mentions Transylvania to make a georeference to Bram Stoker’s “Dracula”). Lovecraft employs georeferencing and other forms of literary allusions to medieval legends, as well as to famous gothic novels written by his predecessors Mary Wollstonecraft Shelley, Robert Louis Stevenson, Gustav Meyrink, Bram Stoker, etc. to create a meaningful context for his own novel. His goal is to create a common hypertextual universe, which can and will be productively navigated by a prepared reader. This strategy makes it possible for the reader to uncover hidden logics behind the fragmentary discourse and even foresee the outcome of the central battle between the principal characters. Lovecraft’s sophisticated intention and expert plot-structuring allows us to view “The Case of Charles Dexter Ward” as a daring Modernist writing of the period, as well as to reassess Lovecraft’s reputation and cultural impact on the US literature of his time.

Keywords: Howard Phillips Lovecraft, New England gothic, hypertext, “georeferencing”, narrative strategy

For citation: Vasileva E.V. “Georeferencing” and Howard Phillips Lovecraft’s narrative strategy (on the material of “The Case of Charles Dexter Ward”). Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 170–176 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-170-176>

Г.Ф. Лавкрафта (Lovecraft, 1890–1937) часто называют одним из последних великих мифотворцев, и такое определение представляется вполне оправданным. Учившийся у британских, американских и европейских мастеров «темной» прозы (М. Шелли, Э.А. По, лорда Дансени, А. Мэкона, Б. Стокера, Г. Майринка и др.) «затворник из Провиденса» создал на базе готического романа XVIII–XIX вв. собственный субжанр, получивший название «лавкрафтианские ужасы». Отталкиваясь от опыта своих кумиров, Лавкрафт тем не менее отказался от одной из основ классической готической эстетики – смутного страха, навеянного прикосновением к неким сакральным тайнам бытия. Его узнаваемая художественная манера базируется на разработанной им самим идее «космического ужаса»¹, которая предполагает письмо «крупными мазками»: Лавкрафт помещает своих героев в фантазмагорический мир ожившего кошмара, населенный забытыми богами и древними монстрами, существующий по недоступным пониманию законам магии, безразличный к человеку и его ограниченными концепциям мироздания.

В психологической точности описания эмоциональных реакций героев, столкнувшихся с этим непостижимым и пугающим миром, писатель выступал последователем Э.А. По, чья доктрина единства эффекта была созвучна эстетической программе Лавкрафта, также ставившего «атмосферу» художественного текста превыше стройной фабулы [Васильева: 118–119]. Эта установка, впрочем, не отменяет того, что и на структурно-композиционном уровне тексты Лавкрафта обнаруживают новаторский подход их автора, однако исследователи редко обращаются к технике лавкрафтовского письма, больше сосредотачиваясь на мифотворческой составляющей, на сложном юнгианском символизме, на авторефлексивных элементах творчества Лавкрафта (включая волнуемый американских коллег вопрос о сексуальности писателя) и т. д.

Одной из особенностей стиля Лавкрафта можно назвать перманентное состояние продуктивного диалога с литературными предшественниками, которое временами тяготило самого писателя, беспокоившегося по поводу интеллектуальной и художественной зависимости от авторов прошлого. Эта рефлексия отражена в одном из его личных писем: «Есть мои “По-произведения” и мои “Дансени-произведения”, – но увы! – где мои Лавкрафт-произведения?» [цит. по: Елисеев: 41].

Пусть узнаваемый стиль Лавкрафта и сформировался во многом из подражания на уровне стилистики и частичного заимствования на фабульном уровне, называть его плагиатором некорректно: в отличие от многих авторов, беззастенчиво пользовавшихся чужими художественными наработками, Лав-

крафт отнюдь не стремился замаскировать источник заимствования, а открыто превращал свои сочинения в игровой гипертекст с эксплицитным ссылочным аппаратом. На рубеже XX–XXI вв. подобная литература стала «мейнстримом», но в 1920–30-е гг., на которые пришелся пик творческой активности Лавкрафта, такой способ организации материала – и управления читательским восприятием – был совершенно новаторским, и, по нашему мнению, лишь в силу личностных черт писателя² произведенная им художественная революция не получила должного внимания. В настоящем исследовании мы рассмотрим принципы взаимодействия с предшествующей традицией и, в частности, оригинальный прием «геоцитирования» на примере единственного романа Лавкрафта «Случай Чарльза Декстера Варда» (*The Case of Charles Dexter Ward*, 1927, опубл. 1941).

В романе повествуется о молодом человеке по имени Чарльз Декстер Вард, который в ходе генеалогических изысканий узнает о том, что его предком был чернокнижник и некромант XVII–XVIII вв. Джозеф Карвен, в 1692 г. бежавший от сейлемской «охоты на ведьм» в Провиденс. Постигая историю Карвена, а также сущность его магических занятий по чудесным образом сохранившемуся дневнику колдуна, Чарльз находит способ вернуть предка к жизни, проведя особый ритуал. Однако занятия черной магией и воскрешение демонического колдуна оборачиваются катастрофой для главного героя и начинают представлять угрозу для всего мира.

Главный исследователь творчества Лавкрафта С.Т. Джоши выделяет два принципиальных источника сюжета романа. Первый из них – рассказ самого Лавкрафта «Кошмар в Ред Хуке» (*The Horror at Red Hook*, 1925), в жанровом отношении соответствующий как городской готике, так и детективу, и повествующий о распространении древнего восточного культа на территории Бруклина первой трети XX в. Другой источник – роман английского писателя У. Де Ла Мэра (de la Mare, 1873–1956) «Возвращение» (*The Return*, 1910), главный герой которого одержим душой пирата, жившего в XVIII в. [Joshi, Schultz: 32–33]. Несмотря на то, что эти тексты во многом послужили отправной точкой для написания «Случая Чарльза Декстера Варда», ни один из них не был интегрирован в гипертекстовую систему романа по причине их малой известности. Как будет показано далее, одной из основных функций гипертекста в романе было управление читательским восприятием, и поэтому для (гео)цитирования использовались только широко известные тексты.

Первый и наиболее очевидный прототекст – «Загадочный случай доктора Джекила и мистера Хайда» (*The Strange Case of Dr Jekyll and Mr Hyde*, 1886) Р.Л. Стивенсона. Сходство своего сочинения с рома-

ном Стивенсона Лавкрафт подчеркивает уже в названии, притом дважды. С одной стороны, он обыгрывает полисемию английского существительного *case*, которое, в зависимости от контекста, может принадлежать юридическому («дело», «прецедент»), медицинскому («заболевание», «история болезни», «клинический случай», «пациент», в т. ч. «психически больной пациент»), научному («доказательство», «аргументация») дискурсам. В романе Стивенсона, как и в более позднем романе Лавкрафта, актуализируются сразу два значения слова *case*. Детективную интригу, связанную с таинственным протее доктором Джекила Хайдом, пытается распутать нотариус Атерсон, что усиливает юридический компонент смешанной жанровой принадлежности романа (акцентируя внимание на этом аспекте, название романа можно было бы перевести на русский язык как «Дело о докторе Джекиле и мистере Хайде»). С другой стороны, пугающим изменениям в состоянии здоровья – как физического, так и психического – доктора Джекила в романе уделяется значительное внимание, что позволяет говорить и о сознательном включении Стивенсоном медицинских коннотаций.

В романе Лавкрафта также наличествует двойная детективная коллизия. Роман начинается с упоминания о таинственном исчезновении пациента психиатрической клиники Чарльза Варда, за чем следует подробное описание событий, предшествовавших исчезновению, составляющих основное содержание романа. Помимо этого присутствует и элемент медицинского детектива / медицинского готического романа, находящий отражение в самом названии произведения: читателя интересует не только сам факт исчезновения пациента, но и то, что привело его в клинику в состоянии, описанном Лавкрафтом: «По признанию врачей, этот случай поставил их в тупик... безумие [Чарльза Декстера Варда] не походило ни на одну душевную болезнь...» [Лавкрафт 2019б: 7–8].

Второе указание на связь «Случая Чарльза Декстера Варда» со «Случаем доктора Джекила и мистера Хайда» содержится во второй части названия романа Лавкрафта: в то время как у Стивенсона «доктор Джекил и мистер Хайд» – это *один человек, который был двумя*, у Лавкрафта «Чарльз Декстер Вард» – это *два человека, которые стали одним*. Успех экспериментов Варда приводит героя к трагедии, схожей с той, что постигла доктора Джекила: восставший из мертвых Карвен оказывается проклятием для своего воскресителя и убивает его, как только перестает испытывать в нем необходимость. В некотором отношении оба романа представляют собой близкие друг другу варианты нарратива об утрате контроля.

Сходство между романом Лавкрафта и романом Стивенсона – художественный прием, посредством которого Лавкрафт рассчитывал направлять своего

читателя: благодаря авторским «подсказкам» – зашифрованным в тексте отсылкам к знакомому тексту – тот мог предугадать исход противостояния Варда и Карвена. В пользу такого объяснения настойчивой аллюзивности говорит и наличие других отсылок к текстам авторов-предшественников в «Случае». Наиболее интересна в этом отношении четвертая глава третьей книги, в которой описывается путешествие Чарльза Варда в Старый Свет. На этом этапе читатель еще не имеет всех необходимых сведений для того, чтобы понять, каковы цели Варда и какими соображениями продиктован его экзотический маршрут, но топонимические аллюзии, которые мы далее будем условно называть «геоцитатами», помогают нам восстановить скрытый автором контекст.

Из родной Новой Англии Вард отправляется в Великобританию, откуда сообщает родителям о том, что нашел квартиру на Рассел Стрит в Лондоне. Выбор адреса в самом романе объясняется близостью к Британскому музею. Однако эта локация упоминается еще по одной причине. (Грейт) Рассел Стрит – старая улица в историческом районе Лондона Блумсбери, иногда называемого кварталом писателей, ведь исторически сложилось, что в этом районе находились крупные издательства, а многие авторы выбрали его для проживания. Особый интерес для Лавкрафта, очевидно, представляла чета Перси Биши и Мэри Уолстокрафт Шелли, которые проживали на Грейт Рассел Стрит зимой – весной 1818 г., то есть в то самое время, когда в маленьком столичном издательстве вышел роман «Франкенштейн, или Современный Прометей» (*Frankenstein, or the Modern Prometheus*, 1818). Лавкрафт высоко оценивал это произведение, считая его одним из ключевых текстов английской готической традиции: «Миссис Шелли написала еще несколько романов, в том числе довольно недурного «Последнего человека», но так и не смогла повторить успех своего первенца, овеянного настоящим космическим ужасом» [Лавкрафт 2019а: 524].

Влияние «Франкенштейна» на творчество Лавкрафта прослеживается в мистифицированном образе научного знания как магии нового времени, который писатель создавал во многих своих новеллах и которым наполнил свой роман. Единственная разница в сравнении с первоисточником Шелли – в последовательности этапов внутренней эволюции / деградации героев: Виктор Франкенштейн приходит в науку через увлечение оккультизмом; Чарльз Вард, напротив, отталкивается от научного знания, но становится некромантом. Оба героя не видят разницы между двумя сферами деятельности, которые они пытаются совместить, и эта амбивалентность подхода усиливает эффект как во «Франкенштейне», так и в «Случае Чарльза Декстера Варда», добав-

ля готическую эстетику в тексты, которые в противном случае могли быть прочитаны как научно-фантастические.

Сходство Франкенштейна и Варда проявляется и в амбициозности, и в той одержимости, с которой они преследуют поставленные цели. Сравним пассажи из двух текстов.

Вспоминая свои кощунственные эксперименты, Франкенштейн так описывает капитану Уолтону момент озарения: «Я исследовал причинные связи перехода от жизни к смерти и от смерти к жизни, как вдруг среди полной тьмы блеснул внезапный свет... Я держал в руках то, к чему стремились величайшие мудрецы от начала времени» [Шелли: 61].

Чарльз Вард, очевидно, испытывает схожее состояние, поскольку в беседе с доктором Виллетом также отчетливо звучит прометеева тема, – именно Варду предстоит изменить жизнь человечества и его представления о мироздании: «Он стремился как можно скорее постигнуть забытые знания и искусства древних для уяснения сути работ Карвена и надеялся когда-нибудь сделать полное сообщение о предметах, представляющих необычайный интерес для всего человечества, и прежде всего для науки. Даже Эйнштейн, заявлял он, не смог бы глубже изменить понимание сущности мироздания» [Лавкрафт 2019б: 81].

Ясно видя перед собой цель – бессмертие человечества, – герои самозабвенно предаются занятиям, сам характер которых позволяет читателю удостовериться в постепенной деградации человечности в них самих. Франкенштейн наблюдает за процессами разложения. Шелли не уточняет, где именно он находит мертвые тела для этих и последующих экспериментов, но фраза «кладбище представлялось лишь местом упокоения мертвых тел» [Шелли: 60] проливает некоторый свет на источник материала. Вард также занимается осквернением могил в родном Провиденсе, оправдывая свои действия научной необходимостью. И Франкенштейн, и Вард истребляют в себе человечность ради великой миссии, которая, как им кажется, полностью их оправдывает.

Скрытая отсылка к роману Шелли, представленная в «Случае Чарльза Дектера Варда» в виде геоцитаты, выполняет таким образом две функции. Сравнивая события романа Лавкрафта и его центрального героя с событиями и героем романа Шелли, читатель получает возможность заполнить пробелы, «достроить» в своем воображении сюжет и предугадать дальнейшее развитие событий. Вторая, менее очевидная функция связана с тем, что благодаря этой отсылке Лавкрафт помещает действие своего романа в чужую художественную вселенную: читатель может предположить, что Вард приезжает в Лондон, чтобы ознакомиться с бумагами самого Франкенштейна – пожалуй, самого известного литературного «воскресителя».

В пользу такой гипотезы говорит и то, что прием геоцитирования настойчиво используется Лавкрафтом и далее. Писатель сплетает в единую сеть художественные вселенные любимых им мистических романов и романов ужасов, превращая сеттинг в значимый контекст.

Покинув Лондон, Вард отправляется в Париж, где снимает квартиру недалеко от улицы Сен Жак. Эта локация связана в большей степени со средневековым легендарным, чем с художественной литературой, хотя источником вдохновения для Лавкрафта вполне мог стать такой текст, как «Белый доминиканец» (*Der weiße Dominikaner*, 1921) Майринка.

В Средние века улица Сен Жак вела к разрушенной впоследствии церкви Сен-Жак-де-ла-Бушри – месту сбора паломников, отправлявшихся на богомолье в Испанию по Пути Святого Иакова (отсюда и название церкви и улицы). Если верить легенде, то именно отсюда в середине XIV в. отправился в Сантьяго-де-Компостела и Николя Фламель – алхимик и оккультист. По преданию, им двигали не столько религиозные соображения, сколько надежда найти среди еврейских беженцев человека, знакомого с арамейским языком и Каббалой, который помог бы ему с расшифровкой попавшей в его руки таинственной «Книги иудея Авраама». Сторонники мистического прочтения биографии Фламеля полагают, что его паломничество увенчалось успехом, потому что вскоре после возвращения в Париж Фламель стал одним из богатейших людей во Франции, обладателем разнообразной недвижимости в столице и за ее пределами, видным благотворителем и меценатом. На его пожертвования была построена и церковь Сен-Жак-де-ля-Бушри, в которой его как одного из самых щедрых дарителей с почестями похоронили в 1418 г.

Легенда о Николя Фламеле – один из важных культурных мифов европейского Средневековья, в основе которого лежит биография реально существовавшего человека, впоследствии обросшая значительным количеством фантастических подробностей, включая написанные якобы самим Фламелем книги, в которых описывались и его странствия, и его алхимические опыты. Притягательность легенды кроется в двух ее аспектах. В первую очередь, она воспринимается как история обычного человека, успешно открывшего границу непознанного, прикоснувшегося к великим и сакральным тайнам бытия и сумевшем извлечь свою выгоду из них. Во-вторых, это красивая история о вечной жизни, доступной каждому: считается, что, открыв философский камень, Фламель сумел изготовить «эликсир бессмертия» и для себя, и для жены Пернель. По легенде, инсценировав собственную смерть во Франции, супруги Фламель удалились от мира и уехали в Индию, где продолжили постигать тайные доктрины.

Неудивительно, что Лавкрафт на некоторое время помещает своего героя в район Парижа, тесно связанный с историей Николая Фламеля. Чарльз Вард – мастер-алхимик начала XX в., ищущий ответы на вопросы, которые никто не осмеливался формулировать до него. Как и средневековый мистик Фламель, Вард осознанно выходит за пределы рационально постижимого знания и остро нуждается в наставнике, который сможет указать ему верный путь. Именно за наставничеством он едет в Европу, проходя маршруты великих чернокнижников прошлого. Как и Фламель, Вард одержим идеей вечной жизни, хотя его цель состоит не в том, чтобы обрести бессмертие самому, а в том, чтобы вернуть к жизни Карвена.

Литературные герои, относительно которых выстраивается нарратив Чарльза Декстера Варда, объединены общей темой преодоления смерти: Франкенштейн создал искусственного человека из фрагментов мертвых тел, Фламель продлевал собственную жизнь, Рабби Лёв (он же Махараль из Праги) посредством Каббалы вдохнул жизнь в глиняного гиганта Голема, созданного им для защиты еврейского народа. Скрытая отсылка к этой легенде и вдохновленному ею роману Майринка «Голем» (*Der Golem*, 1914) содержится в следующей упомянутой Лавкрафтом локации. Из Парижа его герой отправляется в Прагу к мудрецу Йозефу Наде, который в действительности является старинным другом Карвена Саймоном Орном. Предположив, что Саймон Орн / Йозеф Наде и есть создатель легендарного Голема³, читатель может дополнительно убедиться в справедливости своих догадок о целях Варда, а также предугадать финал его авантюры.

Оформившаяся в XVIII–XIX вв. и получившая литературное закрепление лишь в начале XX в. легенда о Рабби Лёве и Големе обладает значительным сходством с романом Шелли о Франкенштейне: в обоих случаях герой осмеливается присвоить себе прерогативу Творца, за что жестоко расплачивается, поскольку созданное им существо оказывается лишь гнусной пародией на человека, не поддающимся контролю чудовищем. Художественное чутье Лавкрафта позволило ему уловить преемственность, существующую между двумя источниками, и вписать свой текст в выделенное им единство.

Из Праги герой Лавкрафта отправляется в Нойштадт. Об этом пункте следования Варда автор упоминает лишь вскользь, не сообщая о том, какой именно Нойштадт имеется в виду, поскольку на территории Германии есть несколько городов разного значения, носящих это название. С географической точки зрения ближе всего к чешской границе расположен Нойштадт-ин-Захсен, и хотя Саксония вполне могла бы дополнить список «магических» мест старой Европы, составляемый Лавкрафтом, по целому

ряду причин, начиная с фаустовского мифа⁴ и заканчивая дрезденским периодом в творчестве любимого им Гофмана, непосредственно саксонский Нойштадт не связан с какими бы то ни было общеизвестными источниками – легендарными или литературными. С другой стороны, Нойштадт-ан-дер-Вайнштрассе, расположенный в земле Рейнланд-Пфальц, то есть на значительном удалении от Праги и Вены, известен богатым фольклором, а также старинной историей о колдуне Йоганне Кохлере: в конце XVI в. жители региона страдали от эпидемии чумы крупного рогатого скота. В то время чума ассоциировалась с разгулом нечисти и вампиризмом, что приводило к панике среди суеверных горожан. Колдун и некромант Йоганн Кохлер взялся избавить Нойштадт от эпидемии и от нежити с помощью древнего языческого ритуала – так называемых «костров необходимости», однако проведенный им обряд не возымел действия, и уже в 1605 г. сам Кохлер был приговорен к сожжению за занятия черной магией [Summers: 161].

Если Лавкрафт отсылал читателя к рейнландскому Нойштадту и именно к этой легенде, то можно утверждать, что посредством этой «геоцитаты» он ввел в повествование тему вампиризма, подготавливая тем самым читателя к следующей локации и последнему пункту назначения Чарльза Варда в Европе – Трансильвании, где герой гостит в замке барона Ференци. Под этим именем скрывается второй друг и поделник Карвена чернокнижник Эдвард Хатчинсон. В письме родителям Вард сообщает, что замок «расположен на крутом склоне в горах, заросших густым лесом, и простой люд избегает этих мест» [Лавкрафт 2019б: 86]. Последний комментарий можно было бы посчитать излишним, поскольку само место действия – удаленный замок в Трансильвании – однозначно указывает на преемственность романа Лавкрафта по отношению к тексту Стокера «Дракула» (*Dracula*, 1897), а также на связь образов Хатчинсона и самого inferнального графа. В эссе «Сверхъестественный ужас в литературе» (*Supernatural Horror in Literature*, 1925–1927) писатель назвал роман «Дракула» «почти эталонным образцом современного воплощения ужасающего вампирского мифа» [Лавкрафт 2019а: 564], что резко контрастирует с его общей крайне невысокой оценкой творчества Стокера. Действительно, литературное наследие ирландского романиста отнюдь не равноценно, и на фоне откровенно слабых в художественном отношении «Логова белого червя» и «Камня семи звезд» «Дракула» выгодно выделяется как оригинальностью концепции, так и полнотой ее реализации.

В «Случае Чарльза Декстера Варда» вампирская линия реализована откровенно небрежно. Автор приводит выдержки из вымышленных статей в новоанглийских газетах, в которых сообщается о пугающих

случаях вампиризма в окрестностях Провиденса. Читатель понимает, что это явление связано с экспериментами Варда и, в частности, с успешным опытом воскрешения Карвена, однако в целом отсылка к вампирскому мифу в перегруженном аллюзиями романе представляется неоправданной с точки зрения художественного эффекта.

Подытоживая, отметим, что все рассмотренные выше романы ужасов и европейские легенды (каждая из которых также связана с более поздней европейской хоррор-литературой) Лавкрафт сплетает в единый гипертекст, составной частью которого становится и его «Случай Декстера Варда». Каждая аллюзия, каждая «геоцитата», использованная им, выполняет роль художественной гиперссылки, связывающей сюжет его романа с другими известными читателю романами ужасов сюжетами. Этот прием позволяет Лавкрафту вести скрытый диалог с читателем, помогая тому ориентироваться в перипетиях сюжета и при необходимости восстанавливать полную картину по оставленным автором подсказкам. Дополнительным результатом становится особый эффект, при котором, благодаря «геоцитатам» и содержащимся в тексте намекам, у читателя складывается впечатление, что действие «Случая» происходит в той же художественной вселенной, в которой разворачивались события «Франкенштейна», «Странного случая доктора Джекила и мистера Хайда», «Дракулы», «Голема» и т. д. Последняя особенность обнажает очень прогрессивное для любителя отношение Лавкрафта к литературе: понимая, что его любимые писатели при написании своих произведений вдохновлялись сторонними источниками – легендами или более ранними художественными текстами других авторов, он чувствовал себя увереннее, используя разные ипостаси «чужого слова» в собственном романе, откровенно указывая источник заимствования. Эта нарочитая сделанность «Случая Чарльза Декстера Варда» повышает статус романа, позволяя перевести его из категории легких произведений для подросткового чтения в категорию сложных текстов, впитавших художественные достижения модернистской литературы, а в его авторе увидеть одного из провозвестников крупных литературных экспериментов второй половины XX в.

Примечания

¹ Концепция «космического ужаса», вдохновленная теоретическими построениями авторов «черной» литературы XIX в., но существенно дополненная Лавкрафтом, была подробно разработана им и представлена в программном эссе «Сверхъестественный ужас в литературе» (*Supernatural Horror in Literature*, 1927).

² По этому вопросу высказывалась переводчица Лавкрафта Н.А. Бавина: «...Лавкрафт нередко тер-

зался сомнениями в подлинной ценности многих своих новелл, в их способности оказывать воздействие на читателя, и ему настолько удавалось заражать своими сомнениями других, что некоторые его вещи, причем из лучших (например, «Хребты безумия»), были напечатаны только после его смерти» [Бавина: 8].

³ Отметим, что согласно пражской легенде Рабби Лёв дал Голему имя Йозеф. Это имя дважды встречается в романе Лавкрафта: англо-саксонский вариант этого имени («Джозеф») носит inferнальный предок Чарльза Варда Карвен; наконец, проживающий в Праге чернокнижник Саймон Орн берет себе имя «Йозеф Наде».

⁴ Включение, пусть и косвенное, Лавкрафтом элемента фаустовского мифа в роман «Случай Чарльза Декстера Варда» кажется вполне логичным, ведь фигура Фауста наравне с фигурами Николая Фламелья и Махаралы из Праги входит в своеобразный триумвират чернокнижников позднего средневековья.

Список литературы

Бавина Н.А. Лицом к лицу пред пропастию темной / Лавкрафт Х.Ф. Некрономикон. М.: Энигма, 2011. С. 9–19.

Васильева Э.В. «Зверь в пещере» Г.Ф. Лавкрафта: опыт прочтения // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 117–121.

Елисеев Г.А. Лавкрафт. М.: Вече, 2013. 448 с.

Лавкрафт Г.Ф. Сверхъестественный ужас в литературе / Лавкрафт Г.Ф. Зов Ктулху: повести, рассказы, сонеты. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2019. С. 497–593.

Лавкрафт Г.Ф. Случай Чарльза Декстера Варда / Лавкрафт Г.Ф. Иные боги и другие истории. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2019. С. 5–176.

Шелли М. Франкенштейн, или Современный Прометей. М.: Эксмо, 2007. 288 с.

Joshi S.T., Schultz D.E. An H. P. Lovecraft Encyclopaedia. Westport; London, Greenwood Publishing Group, 2001, 339 p.

Summers M. The Vampire in Europe. London; New York, Routledge, 2013. 360 p.

References

Bavina N.A. *Litsom k litsu pred propastiiu temnoi* [Face to Face afore a Dark Abyss]. Lavkraft Kh.F. *Nekronomikon* [Necronomicon]. Moscow, Enigma Publ., 2011, pp. 9–19. (In Russ.)

Vasil'eva E.V. "Zver' v peshchere" G.F. Lavkrafta: opyt prochteniiia [Howard Phillips Lovecraft's *The Beast in the Cave: An Interpretation*]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2021, vol. 27, № 1, pp. 117–121 (in Russ.).

Eliseev G.A. *Lavkraft* [Lovecraft]. Moscow, Vechе Publ., 2013, 448 p. (In Russ.)

Lavkraft G.F. *Sverkh"estestvennyi uzhas v literature* [Supernatural Horror in Literature]. Lavkraft G.F. *Zov Ktulhu: povesti, rasskazy, sonety* [The Call of Cthulhu: novellas, tales, sonnets]. Moscow, Inostranka Publ., Azbuka-Attikus Publ., 2019, pp. 497–593. (In Russ.)

Lavkraft G.F. *Sluchai Charl'za Dekstera Varda* [The Case of Charles Dexter Ward]. Lavkraft G.F. *Inye bogi i drugie istorii* [The Other Gods, and Other Tales]. Moscow, Inostranka Publ., Azbuka-Attikus Publ., 2019, pp. 5–176. (In Russ.)

Shelli M. *Frankenshtein, ili Sovremennyi Prometei* [Frankenstein, or The Modern Prometheus]. Moscow, Eksmo Publ., 2007, 288 p.

Статья поступила в редакцию 23.05.2021; одобрена после рецензирования 16.06.2021; принята к публикации 18.08.2021.

The article was submitted 23.05.2021; approved after reviewing 16.06.2021; accepted for publication 18.08.2021.

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 177–182. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 177–182. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821.161.1.09”20”

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-177-182>

«ДОКТОР ЖИВАГО» Б.Л. ПАСТЕРНАКА В ИТАЛЬЯНСКОЙ КРИТИКЕ 1950-Х: ДИСКУССИЯ В ЖУРНАЛЕ «IL PONTE»

Полонская Софья Владимовна, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, polonskaya.sofya2014@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается история первой публикации романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго», её влияние на формирование мнения о Пастернаке как крупном прозаике, а также – потенциальной роли в дальнейшем на получение автором Нобелевской премии в 1958 г. Как известно, первая публикация имела место в Италии. Именно от итальянских деятелей культуры Джан Джакомо Фелетринелли (первого издателя романа) и Петро Цветеремича (его переводчика) зависело, как именно будет воспринят роман за рубежом, где о Пастернаке в 1957 г. знали не так много: Шведская академия первоначально отказывалась выдвигать писателя в качестве нобелиата из-за недостаточной известности в широких литературных кругах. После издания «Доктора Живаго» существенным являлось то, какого будет содержание первых рецензий на данное произведение. В работе дан обзор первых рецензий на роман в итальянской прессе, в частности – дискуссия, развернувшаяся в независимом ежемесячном издании «Иль Понте». Автор статьи отмечает, что высказались такие известные в литературных итальянских кругах деятели культуры, как Гульельмо Петрони, Карло Кассола, Манлио Канкони. Их мнения не остались без внимания, были восприняты широкой общественностью.

Ключевые слова: «Доктор Живаго», дискуссия о Пастернаке в «Иль Понте», итальянская рецепция романа Пастернака, Шведская академия, Нобелевская премия, итальянская критика.

Для цитирования: Полонская С.В. «Доктор Живаго» Б.Л. Пастернака в итальянской критике 1950-х: дискуссия в журнале «Il Ponte» // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 177–182. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-177-182>

Research Article

“DOCTOR ZHIVAGO” BY BORIS PASTERNAK IN ITALIAN CRITICISM OF THE 1950S: A DISCUSSION IN THE MAGAZINE “IL PONTE”

Sofya V. Polonskaya, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, polonskaya.sofya2014@yandex.ru

Abstract: the article will focus on the history of the first publication of the novel “Doctor Zhivago” by Boris Pasternak, on its influence on the formation of opinion about Boris Pasternak as a truly major prose writer, as well as on the potential role in the further receipt of the Nobel Prize by the author in 1958. As one knows, the first publication took place in Italy. It is from Italian cultural figures Giangiacomo Feltrinelli (the first publisher of the novel) and Pietro Antonio Zveteremich (its translator) it depended on how the novel would be received abroad, where Boris Pasternak had not been well-known by the late 1957 – the Swedish Academy initially refused to nominate the writer as a Nobel laureate due to insufficient fame in wide literary circles. After the publication of “Doctor Zhivago”, it was essential to determine what the content of the first reviews of this work would be. The paper reviews the first reviews of the novel in the Italian press, in particular, the discussion that unfolded in the independent monthly magazine “Il Ponte”. Such well-known cultural figures in Italian literary circles as Guglielmo Petroni, Carlo Cassola, and Manlio Cancogni spoke out. Their opinions were not ignored, they were accepted by the general public.

Keywords: “Doctor Zhivago”, discussion about Boris Pasternak in Il Ponte, Italian reception of Boris Pasternak’s novel, Swedish Academy, Nobel Prize, Italian criticism.

For citation: Polonskaya S.V. “Doctor Zhivago” by Boris Pasternak in Italian criticism of the 1950s: a discussion in the magazine “Il Ponte”. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 177–182 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-177-182>

Цель нашей работы – показать, как был воспринят роман Пастернака «Доктор Живаго» в итальянской критике по самым свежим следам его первой публикации. Рецепция главного прозаического сочинения писателя именно в Италии особенно важна, поскольку здесь он был впервые издан, причем в переводе. И ясно, что в перспективе награждения его автора Нобелевской премией, которое состоялось уже через год, взгляд на роман, сформированный ведущими итальянскими критиками, мог оказать существенное влияние на его восприятие и Шведской академией, литературным сообществом в целом. Необходимо иметь в виду и особенности политико-идеологического контекста итальянской рецепции романа. Его публикация и последующая критическая дискуссия имели место в разгар холодной войны в одной из ведущих стран Запада. Вместе с тем в итальянской интеллектуальной среде ярко было представлено левое, просоветское идейное движение. Да и сам первый издатель романа Джанджакомо Фельтринелли, как известно, являлся коммунистом. И в то же время вся история с «Доктором Живаго» обернулась одним из самых выразительных пропагандистских столкновений в истории холодной войны. Все это задавало особое идейное напряжение в итальянских дискуссиях о сочинении второго русского писателя-нобелиата.

В свое время переводчик романа на итальянский Петро Цветеремич сказал: «Не опубликовать такую книгу – значит совершить преступление против культуры» [Борис Пастернак и власть: 347–348]. А официальный эксперт Нобелевского комитета по славянской словесности Антон Карлгрен назвал Пастернака «единственным европейцем» «в современной русской литературе» [Марченко: 478]. Среди тех, кто способствовал закреплению за ним статуса писателя мирового уровня, было несколько известных итальянских деятелей культуры. Один из них – Серджио Д'Анджело, благодаря которому рукопись «Доктора Живаго» и оказалась у её будущего первого издателя, – уже упомянутого Фельтринелли.

Именно в Италии случилось фактическое «рождение» Пастернака как крупного прозаика. «В стране, которая под любым знаменем остается конформистской... людям нравится читать о том, как протестуют и сражаются другие», – подчеркивал итальянский поэт Джованни Джудичи [«Доктор Живаго»: 212]. На момент начала работы над «Доктором Живаго» Пьетро Цветеремич уже неоднократно имел дело с творчеством ряда русских писателей, а переводческая «гонка», развернувшаяся вокруг романа В. Некрасова «В родном городе», ознаменовала нарастающий интерес у зарубежных издательств к советским произведениям [Гардзонио: 10].

Издательство Фельтринелли выражало заинтересованность в издании романа, аргументируя свою мысль

следующим: «... тот факт, что этот голос принадлежит человеку, не связанному с активной политической деятельностью, в глазах западного читателя делает его слова более искренними и достойными доверия» [Борис Пастернак и власть: 79]. Иначе говоря, при качественном переводе на Западе «Доктор Живаго» мог рассчитывать на успех. 18 июня 1957 г. Цветеремич завершает перевод, 25 июня получает письмо от Б. Пастернака, где тот заявляет: роман должен быть «издан и прочитан» [Пастернак: 233–234] как можно скорее.

Стоит отметить, что практически сразу же после издания романа на него обратили внимание журналы диаметрально противоположных политических взглядов: как левого, так и правого толка. Ярким представителем левого фланга было независимое ежемесячное издание «Иль Понте», которое провело опрос по поводу романа среди видных литературных деятелей. Редакция обозначила несколько тем для дискуссий, которые помогли бы понять, в чём заключается художественная ценность «Доктора Живаго» и насколько основательны запросы на получение его автором Нобелевской премии. Последнее было тем более актуальным, что анкетирование «по делу Пастернака» проводилось между номинацией его кандидатуры в 1957-м и присуждением премии осенью 1958-го.

Стоит отметить, что первоначально многие представители левонастроенной интеллигенции в Италии восприняли «детище» Пастернака с известного рода настороженностью. Так, уже первый участник дискуссии в «Иль Понте» Карло Кассола ссылается на мнение Густава Херлига, высказанное в журнале «Иль Мондо» в январе 1958 г., о том, что роман «не во всем удачен», «перегружен персонажами» и отличается «хаотичной композицией», а сугубо лирическая природа пастернаковского таланта лишает «Живаго» «эпического духа» [«Доктор Живаго»: 157].

«Иль Понте» старается избегать формулировок, заставляющих рассматривать произведение исключительно с политической точки зрения, поэтому предлагает такие вопросы, которые органично сочетают идеологию (проблема соотношения романа с социалистической действительностью) и литературную эстетику (является ли роман декадентским, насколько он вписывается в парадигму советской литературы, что перенимает от русской эпической традиции XIX века). Хотя на первый взгляд именно политические аспекты темы привлекали к себе повышенное внимание участников дискуссии, наиболее глубокие и значимые наблюдения итальянской критики относятся все же к особенностям сугубо художественного мира романа, к его поэтике.

Специфика ответов на перечисленные вопросы в целом зависела от того, каких взглядов придерживается адресат: левых или же правых. В послевоенной Италии и левые, и умеренно правые (като-

лики, христианские демократы) возлагали большие надежды именно на деятелей культуры как на силу, способную минимизировать последствия «фашистской чумы», поднять – посредством «гуманизации» – общий культурный уровень страны. В этой части их намерения были близки друг другу. Возможно, поэтому в статьях многих критиков о «Докторе Живаго» представители полярных политических лагерей не рассматривали его однозначно «справа» или же однозначно «слева». Их восприятие было неоднозначным. Итало Кальвино писал: «Мое отношение к «Доктору Живаго» совмещает в себе и восхищение, и несогласие» [«Доктор Живаго»: 176]. Такого рода амбивалентность оценок была производной, возможно, от масштабности и внутренней сложности самого романа, достойного Нобелевской премии.

Дискуссия в журнале «Иль Понте» вылилась в череду эссе, весьма показательных для характеристики рецепции романа в контексте Нобелевской премии, а также восприятия его места в большой истории литературы.

Вернемся к фигуре Карло Кассолы. Он ответ на вопрос о том, можно ли считать «Доктора Живаго» «романом века», связывает с эволюцией собственного восприятия произведения. Первоначально ему казалось, что это всего лишь «сборник отрывков, обманувших ожидания» [«Доктор Живаго»: 156]. Однако, полностью ознакомившись с романом, он кардинально изменил своё мнение. Эссе Кассолы ценно тем, что даёт подробное объяснение, почему «самый прекрасный роман столетия» может казаться с точки зрения «предписаний жанра» не совсем удачным. То, что считалось слабостью Пастернака-эпика (композиционные неточности, немотивированные, обусловленные лишь прихотью автора пересечения персонажей, алогичность сюжета и т. п.), критик считает его достоинством, доказывая, что эти элементы поэтики у автора «Живаго» имеют совершенно иную функцию, чем в традиционном романе: они обусловлены сугубо лирической природой художественного мира данного сочинения. Тем самым критически переосмысливается и, по сути, опровергается расхожее суждение о том, что Пастернак, будучи по своей природе исключительно лириком, по-настоящему художественно может описать только природу, а вся поэтика его сюжетной прозы выглядит блёкло и неестественно. Известно мнение А.А. Ахматовой о романе: «Люди неживые, выдуманные. Одна природа живая» [Чуковская]. Оспаривая подобную точку зрения, Кассола подчеркивает: «природная поэтичность» «Доктора Живаго» даёт ему преимущество над романом, «хорошо сделанным по привычным канонам», и нарочито интеллектуальной литературой. Для него категорически неприемлемы оценки, основанные исключительно на соответствии произве-

дения «качественной» технике романного повествования, а не на сути его художественного послания.

Кассола категорически отвергает дух декаданса. Из-за него оказываются «утрачены простые гуманистические основания поэзии». А проблема современной литературы в том, что она потеряла способность к искреннему выражению чувств и эмоций. Рецензент называет роман антидекадентским, точнее, находящимся «за пределами пропасти декаданса», выделяет критерий «современности» произведения, который зависит главным образом от правдоподобности описания и «поэтизации содержания», называет «Доктора Живаго» «единственной по-настоящему современной книгой». Он сочувственно ссылается на слова писателя Гвидо Пьевене о том, что появление «Доктора Живаго» можно считать «признаком кризиса всех прежних, фальшивых способов слышать, представлять и понимать» [«Доктор Живаго». Антология статей: 159–161].

Существенно, что для Кассолы роман Пастернака – это отнюдь не плод «внутренней эмиграции» автора, а часть советской литературы. Он подчеркивает, что та, в свою очередь, хотя и остается малоизвестной европейскому читателю, благодаря таким сильным романам, как «Доктор Живаго», может стать серьезным противовесом полной цинизма и снобизма литературе западного общества. По мнению рецензента, «Доктор Живаго» не имеет ничего общего с сочинениями великих европейских модернистов – Сартра, Камю, Манна, – потому что их произведения запечатлевают современный мир в моменте его эмоционального отчаяния и краха. А герои Пастернака душевно чутки, искренни и открыты вовне; становится понятно, что общий «посыл книги – надежда» [«Доктор Живаго»: 160].

Своим подчеркнутым лиризмом «Доктор Живаго» подтачивает модель, заложенную русской романной традицией XIX века. Однако сочинению Пастернака свойственна подмеченная Кассолой «природная поэтичность», которая делает его истинным продолжателем традиции Чехова и Толстого. Одновременно роль природы в «Живаго» перестаёт быть второстепенной для его смыслового наполнения: «Можно было бы сказать, что природа, наравне с историей, один из главных героев романа Пастернака» [«Доктор Живаго»: 158]. Итало Кальвино, в свою очередь, в собственной рецензии на «Доктора Живаго» скажет об этом так: «когда речь идет об отношениях между индивидуумом и другим», у Пастернака «другой» – это «и не народ, и не ближний, а история в сочетании с природой» [«Доктор Живаго». Антология статей: 177].

Заключение Кассолы во многом симптоматично для левого итальянского интеллектуала-гуманиста, сочувствующего социализму, но далеко не склонного,

в отличие от ортодоксальных коммунистов, во всем поддерживать догму советской идеологии и политические жесты Москвы. Для него роман Пастернака – в каком-то смысле живой сейсмограф духовного состояния общества, в котором он был создан. И уже потому он не может быть однозначно антисоветским. По логике критика, подобные обвинения со стороны советского официоза не просто несправедливы – они рикошетом бьют по нему самому. Был отвергнут роман, который мог бы «явить собой серьезную политическую мощь» в пользу советской культуры. Но партийные бонзы, устроившие гонения на Пастернака в СССР, «сослужили плохую службу не только репутации своей страны, но и самому советскому режиму» [«Доктор Живаго»: 162].

Второй рецензент и участник дискуссии, Паоло Милано, прежде всего называет слабым и неспособным передать ярко выраженную «тональность оригинала» итальянский перевод, выполненный Пьетро Цветеремичем. Милано вообще отвергает обличенные оценки, которыми во многом была предопределена постановка вопросов в дискуссии, и демонстрирует способность, откинув схемы, обратиться к глубинной природе пастернаковского текста как художественного феномена.

Для него наивен сам вопрос, можно ли назвать «Живаго» «романом века», поскольку ничего, кроме риторики, за этим не стоит. Задача вдумчивой критики не в том, чтобы дать оценку, хорош или плох роман, – ее задача, насколько возможно, его понять.

Милано предлагает свой инструментальный понимание: обращение к контексту всего творчества Пастернака и к внутренней структуре его романа.

Он проводит краткий экскурс по творчеству писателя: от ранних стихов до романа о Живаго, к которому нет смысла задавать вопросы, требующие четкого однозначного ответа, поскольку воплощенное в этой книге «искусство шире поставленных вопросов» [«Доктор Живаго»: 168].

Милано предлагает принципиально важный интерпретационный ход, который, по сути, снимает обвинения со стороны ходовой критики в том, что эпическая техника и романная наррация в «Живаго» очень несовершенны. Он показывает, что подобные утверждения лишены смысла, поскольку текст здесь имеет синтетическую структуру, его эпическая поэтика неразрывно связана со стихами Юрия Живаго, кодирующими, предопределяющими (в том числе ретроспективно) и комментирующими собственно повествовательную ткань. Отсюда, к примеру, и такой «недостаток» романа, как вроде бы немотивированные повторы, эпизоды, «рассказанные дважды». Метафоры в стихах отсылают читателя к прозаическим сценам. При этом критик настаивает также на важности «интерпретации поэтических произве-

дений, введенных в роман, в сравнении с отдельными стихотворениями, не связанными с сюжетом романа» [«Доктор Живаго»: 169].

Такой контекстуальный подход не мог оставить в стороне и собственно биографические аспекты, связанные с романом. Потому для Милано особенно важно подчеркнуть, что к «Доктору Живаго» Пастернак приходит через глубокий личностный кризис.

Впрочем, вдумчивость и ответственность за критическое высказывание заставляют диспутанта воздержаться от однозначных суждений и осторожно заключить: роман ещё не прошёл проверку временем.

Известный писатель, критик и сценарист Гульельмо Петрони, в свою очередь, разделяет мнение Карло Кассолы: «Живаго» – «произведение высочайшего художественного уровня». И он также озабочен тем, что подходы к роману зачастую оказываются просто неадекватными, применяя архаичную методичку к оценке сочинения модернистской природы: «Современная критика с помощью традиционного инструментария и настроя пытается оценить художественную новизну нашей эпохи» [«Доктор Живаго»: 170].

Петрони считает роман безусловно достойным Нобелевской премии, поскольку это книга «отчаянной смелости, демонстрирующая нам своё отчаяние» [«Доктор Живаго»: 172]. Как полагается левому интеллектуалу, Петрони вводит критерий истинной «прогрессивности», который зависит от способности того или иного произведения продемонстрировать глубокий анализ современного общества и человека. «Доктор Живаго» целиком соответствует этому критерию. И уже потому не может быть назван «декадентским» романом, разве что под «декадансом» понимать «усовершенствование и осознание необходимости упорядочивания существующих ценностей» [«Доктор Живаго»: 172].

Следующий участник дискуссии – Манлио Канконьи – сразу отказывается от формата эссе, желая четко и понятно ответить на поставленные вопросы журнала.

Художественная ценность романа настолько велика, что не нужно пытаться вписать его в рамки определённой эпохи, как это делает большинство критиков. Интересно, что Канконьи не увидел в романе «осуждения режима, горестных скитаний социального класса, разрушения западной культуры, смытой революцией» [«Доктор Живаго»: 173]. То есть «прекрасный рассказ о любви» ему удалось оценить практически полностью вне политического контекста.

Роман достоин Нобелевской премии, не вписываясь в устоявшиеся каноны и открывая путь к глубокому пониманию истории, чуждому дешевой тактике поверхностных политических смыслов.

Критик подчеркивает сугубо гуманистическую природу Пастернака – и именно в ней, во многом пе-

рекликаясь с Кассолой, видит отличие русского писателя от великих модернистов Запада. Канконьи настаивает: если герои Томаса Манна – это «абстракции и символы», а художественное «я» у протагонистов Пруста и Андре Жида – «сосуд (а иногда и ночной горшок)», то Юрий Живаго в полном смысле слова – «человек» [«Доктор Живаго». Антология статей: 174]. На протяжении всего повествования читателя не покидает ощущение «реальности» природы и времени в романе.

Касаясь вопроса о связи реализма и историзма, Канконьи останавливается на укорененности Пастернака в традиции русской прозы XIX в., но отмечает при этом принципиальные его отличия от, скажем, эпика Льва Толстого, обусловленные особой лирической стихией романа.

В «Живаго» герои прописаны не так чётко, как у Толстого, но Пастернак развивает толстовское видение проблемы соотношения личности и истории. Есть «настоящая история» – стихия, овладевающая людьми, не задумывающимися об этом. История не принадлежит отдельным личностям – она принадлежит народу.

Юрий погружён в гущу политических и исторических событий, но, как и большинство людей, ничего не понимает. Однако «принадлежать истории» – это необязательно «понимать», равно как и необязательно «находиться на службе у власти» [«Доктор Живаго»: 175]. Живаго отражает мироощущение большинства представителей интеллигенции того времени: вынужденная бездейственная рефлексия. Потому он и предстаёт человеком, начисто лишённым воли. И в этом критик видит особую верность реальности. Сам Пастернак ощущал в себе неспособность противостоять режиму, отсюда – пассивное отношение к истории и политике, однако «даже такая действующая напролом тирания, как сталинская, не может задушить жизнь» [«Доктор Живаго»: 176]. А потому именно политическое давление парадоксальным образом помогло Пастернаку впоследствии воспарить над «толпой» из Союза писателей.

Наконец, Итало Кальвино среди прочего также подхватывает пунктиром проходящую сквозь всю дискуссию нить сопоставления Пастернака с западными собратьями по цеху. Но, в отличие от Кассолы и Канконьи, соотносит своего героя не с «классическим» модернизмом первой половины века, а с тем, что оказывалось остроактуальным именно в 1950-е. Для него Пастернак продолжает заложенную Камю линию так называемого «l'étranger» («постороннего») и частично разделяет близкую французскому экзистенциализму идею о «насилии как характеристике нашего времени». Но Кальвино настаивает при этом на национальном своеобразии Пастернака, отличающем его творчество от художественных ми-

ров западных писателей: в «Докторе Живаго» явно прослеживается свойственное русскому сознанию представление о жизненном испытании, инициации (в романе это революция) как о пути, который в конечном счёте приводит к глубокой религиозности главного героя.

Сказанное классиком итальянской литературы во многом смыкает смысловый круг дискуссий о Пастернаке в стране первой публикации его романа. Синтез универсального и национального в конце концов оказывается одним из лейтмотивов критического осмысления этого художественного феномена. Именно данный тезис, в конце концов, отзовется в итоговой формулировке Нобелевского комитета, который в 1958-м присудит Пастернаку премию «за его выдающиеся достижения... в области великого русского повествовательного искусства» [Марченко: 501].

Список литературы

«А за мною шум погони...»: Борис Пастернак и власть. Документы 1956–1972. М.: РОССПЭН, 2001. 431 с.

«Доктор Живаго»: Пастернак, 1958, Италия: антология статей / сост. С. Гардзонио, А. Реччия; под общ. ред. М.А. Ариас-Вихиль. М.: Река времен, 2012. 420 с.

Гардзонио С. Пьетро Цветеремич – читатель и переводчик романа «Доктор Живаго» // «Доктор Живаго»: Пастернак, 1958, Италия: антология статей / сост. С. Гардзонио, А. Реччия; под общ. ред. М.А. Ариас-Вихиль. М.: Река времен, 2012. С. 9–17.

Марченко Т.В. Русские писатели в зеркале Нобелевской премии. М.: Азбуковник, 2017. 671 с.

Пастернак Б. Полное собрание сочинений с приложениями: в 11 т. Москва: Слово, 2005. Т. 10. 678 с.

Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой: в 3 т. Москва: Время, 2007. Т. 2: 1952–1962. 829 с.

References

«A za mnoyu shum pogoni...»: Boris Pasternak i vlast'. Dokumenty` 1956–1972 [“And behind me the noise of the chase ...”: Boris Pasternak and the authorities. Documents 1956–1972]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001, 431 p. (In Russ.)

«Doktor Zhivago»: Pasternak, 1958, Italiya: antologiya statej [“Doctor Zhivago”: Pasternak, 1958, Italy: anthology of articles], compiled by S. Gardzonio, A. Reccia; ed. by M.A. Arias-Vikhil. Moscow, Reka vremen Publ., 2012, 420 p. (In Russ.)

Gardzonio S. P`etro Czveterekich – chitatel` i perevodchik romana «Doktor Zhivago» [Pietro Zveterekich - reader and translator of the novel “Doctor Zhivago”]. «Doktor Zhivago»: Pasternak, 1958, Italiya: antologiya statej [“Doctor Zhivago”: Pasternak, 1958, Italy: anthology of articles], compiled by S. Gardzonio, A. Reccia, ed.

by M.A. Arias-Vikhil. Moscow, Reka vremen Publ., 2012, pp. 9–17. (In Russ.)

Marchenko T.V. *Russkie pisateli v zerkale Nobelevskoj premii* [Russian writers in the mirror of the Nobel Prize]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2017, 671 p. (In Russ.)

Pasternak B. *Polnoe sobranie sochinenij s prilozheniyami* [Complete Works with Appendices]: in 11 volumes. Moscow, Slovo Publ., 2005, vol. 10, 678 p. (In Russ.)

Chukovskaya L.K. *Zapiski ob Anne Akhmatovoj: v 3 t. T. 2: 1952–1962* [Notes about Anna Akhmatova: in 3 vo-

lumes]. Moscow, Vremya Publ., 2007, vol. 2: 1952–1962, 829 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 18.05.2021; одобрена после рецензирования 22.06.2021; принята к публикации 18.08.2021.

The article was submitted 18.05.2021; approved after reviewing 22.06.2021; accepted for publication 18.08.2021.

**ЧЕЛОВЕК ОТЧУЖДЕННЫЙ В РОМАНАХ А.А. АСТВАЦАТУРОВА
«НЕ КОРМИТЕ И НЕ ТРОГАЙТЕ ПЕЛИКАНОВ» И Х.К. ОНЕТТИ «КОРОТКАЯ ЖИЗНЬ»**

Ковалев Борис Вадимович, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, bvkovallev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1904-1844>

Жуков Андрей Павлович, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, andreszh@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5012-5421>

Аннотация. В статье сопоставляются методы описания «человека отчужденного», ландшафта и межличностных взаимоотношений в романе современного российского писателя А.А. Аствацатурова «Не кормите и не трогайте пеликанов» (2019) и в романе уругвайского прозаика Х.К. Онетти «Короткая жизнь» (1950). Целью работы является выявление точек соприкосновения между текстами уругвайского и российского авторов в рамках герменевтического подхода. В ходе исследования между текстами А.А. Аствацатурова и Х.К. Онетти обнаруживается ряд сходств на нарратологическом, композиционном, философском и социально-психологическом уровнях. Особое внимание уделяется разбору и комментированию диалогов из романов А.А. Аствацатурова и Х.К. Онетти. Коммуникация персонажей текстов непродуктивна, герои отчуждены и друг от друга, и от «почвы», а духовное в них находится в непримиримом конфликте с телесным. Монтевидео и Санта-Мария Х.К. Онетти как локусы выступают латиноамериканскими аналогами Санкт-Петербурга А.А. Аствацатурова. Сопоставляются «карнавальные» финалы романов. Делается вывод о типологическом сходстве А.А. Аствацатурова и Х.К. Онетти как авторов, придерживающихся пессимистических взглядов на реальный мир и моделирующих фикциональные миры в попытках преодолеть гнетущую тоску действительности. Авторы заимствуют приемы и стратегии выстраивания текстов у таких писателей, как У. Фолкнер, Дж.Д. Сэлинджер и Ж.-П. Сартр.

Ключевые слова: Аствацатуров, Онетти, современная российская проза, уругвайская литература, латиноамериканский роман

Для цитирования: Ковалев Б.В., Жуков А.П. Человек отчужденный в романах А.А. Аствацатурова «Не кормите и не трогайте пеликанов» и Х.К. Онетти «Короткая жизнь» // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 183–193. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-183-193>

Research Article

**AN ALIENATED PERSON IN THE NOVELS “DO NOT FEED OR TOUCH THE PELICANS”
BY ANDREY ASTVATSATUROV AND “A BRIEF LIFE” BY JUAN CARLOS ONETTI BORGES**

Boris V. Kovalev, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, bvkovallev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1904-1844>

Andrey P. Zhukov, Candidate of Philological Sciences, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, andreszh@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5012-5421>

Abstract. The article compares the methods of describing the “alienated person”, landscape and interpersonal relationships in the novel “Do not Feed or Touch the Pelicans” by the contemporary Russian writer Andrey Astvatsaturov and in the novel “A Brief Life” by the Uruguayan prose writer Juan Carlos Onetti Borges. The aim of the work is to identify the points of contact between the texts of the Uruguayan and the Russian authors within the framework of the hermeneutic approach. The research reveals a number of similarities in the authors’ poetics at the narratological, compositional, philosophical and socio-psychological levels. Particular attention is paid to the analysis and commenting of dialogues in Andrey Astvatsaturov and J.C. Onetti. The communication of the characters in the texts is unproductive, the characters are alienated from each other and from the “soil”, and the spiritual in them is in irreconcilable conflict with the bodily. Montevideo and Santa Maria with J.C. Onetti as loci are Latin American analogues of St. Petersburg with Andrey Astvatsaturov. The “carnival” finals of the novels are compared. The conclusion is made about the typological similarity of Andrey Astvatsaturov and J.C. Onetti as authors who hold pessimistic views of the real world and model fictional worlds in an attempt to overcome the oppressive longing of reality. The authors borrow techniques and strategies for text arrangement from authors such as William Cuthbert Faulkner, Jerome David Salinger, and Jean-Paul Charles Aymard Sartre while working on his novels. The question is raised

about the further observation of the evolution of the poetics of Andrey Astvatsaturov and the subsequent comparison of his new texts with the novels of J.C. Onetti.

Keywords: Andrey Astvatsaturov, Juan Carlos Onetti Borges, contemporary Russian prose, Uruguayan literature, Latin American novel

For citation: Boris V. Kovalev, Andrey P. Zhukov. An alienated person in the novels “Do not Feed or Touch the Pelicans” by Andrey Astvatsaturov and “A Brief Life” by Juan Carlos Onetti Borges. *Vestnik of Kostroma State University*, 2021, vol. 27, № 3, pp. 183–193 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-183-193>

I

Уругвайский писатель Хуан Карлос Онетти (1909–1994) и российский прозаик Андрей Алексеевич Аствацатуров (род. 1969) – представители разных поколений, взглядов и континентов. Однако при внимательном прочтении их романов – «Короткой жизни» (1950) и «Не кормите и не трогайте пеликанов» (2019) – открываются возможности для сопоставления методов этих авторов, становится очевидной общая культурная традиция, неотъемлемыми частями которой являются оба текста. Представляется уместным рассмотреть тексты уругвайского и российского писателей в следующих аспектах: какие литературные ориентиры и методы являются общими для Онетти и Аствацатурова, каким образом реализуется описание взаимоотношений человека с ландшафтом и человека с человеком, а также представляется необходимым выявить точки соприкосновения текстов на композиционном и социально-психологическом уровнях.

Аспект, важность которого очевидна и несомненна для обоих авторов, – глубокая и сложная взаимосвязь человека и ландшафта. Особую роль играют локусы: Санкт-Петербург в случае Аствацатурова и Санта-Мария (перелицованные Монтевидео и Буэнос-Айрес) для Онетти. Следует сказать, что в мире, не столько в географическом смысле, сколько в историко-культурном, есть несколько городов, которые несут «бремя Европы»: не являясь «собственно Европой», они обладают существенными и зримыми признаками города Старого Света, которые выделяют его из массива других городов, находящихся на той же территории. Признаки эти могут быть связаны с политической историей, архитектурой, миграционными процессами, движением и формированием общественной мысли, мифологией и климатом, однако признаков, сколь бы убедительными и неоспоримыми они ни были, никогда не будет хватать для полного признания города «европейским». Чуждые Европе, они чужды и своей территории, несмотря на то, что в определенный период времени могут быть столицами своих стран. Такими Санкт-Петербург и Монтевидео – родные города исследуемых нами авторов.

Г. Садулаев в рецензии на роман А. Аствацатурова «Осень в карманах» (2015) отмечает: «Остальная Европа уже давно умерла и живёт в загробном мире, в Элизиуме, в полях счастливой охоты. Никто не заметил. И то, что держит ещё изображение Европы

на этой земле, мираж Европы – это наша вера, наши грёзы. Мы сним себе Европу, только поэтому она есть» [Садулаев 2015]. Старый Свет не самостийен, от него остается лишь декорация, цепь означающих. И Санкт-Петербург как образ, как концепция – одна из последних таких декораций. В романе «Не кормите и не трогайте пеликанов» (2019) идея развивается, и «в Санкт-Петербурге, в самом европейском городе нашей необъятной Российской империи...» [Аствацатуров 2019: 323], как отмечает персонаж Аствацатурова, стираются даже эти хрупкие означающие. Если в «Осени в карманах» Париж отличался от Петербурга, то в «Пеликанах» (2019) зимний Лондон и зимний Петербург – это, в сущности, один и тот же город, одно и то же состояние героя, тоска как свойство эссенции: и если герой тоскует везде, не все ли равно, что написано на табличках: «Сент-Джеймский парк» или «Марсово поле», «Хитроу» или «Пулков», «Хэмпстед» или «Площадь Мужества», «Букингемский дворец» или ДК Ленсовета?

Санкт-Петербург намного ближе к Лондону и Парижу, с точки зрения географии, чем Монтевидео, однако проблемы отчужденности и семантической выхолощенности европейской идеи остро ощущаются и в уругвайской литературе. Как отмечается в научной литературе, к 1914 г. в Уругвае резко изменился состав населения: «белых» стало около 90 %, а «городской мир, столь непохожий на ту почвенную, самобытно могучую Латинскую Америку, которую мы теперь знаем по книгам Габриэля Гарсиа Маркеса, Алехо Карпентьера, Жоржи Амаду и Мигеля Анхеля Астуриаса, нуждался в своем эпосе. В 1920–40-е годы появилось немало писателей, рисовавших быт Буэнос-Айреса и Монтевидео – людских муравейников, социальных котлов, бурлящих ненавистью и утраченными иллюзиями. Но аргентинской и уругвайской городской прозе, которую сравнительно мало знают за пределами Латинской Америки, не хватало духовной масштабности, углубления внутрь человека, страдающего и вызывающего горячее сочувствие писателя» [Тертерян: 9]. Отчужденность личности от хтонической культуры, «европейского» города от своей территории, с одной стороны, и от самой Европы, с другой, – все это стало основой прозы Х.К. Онетти. Однако проблема утраты иллюзий и тотального несовпадения мыслимого и действительного воспринимается им еще острее.

Онетти сам создает город-означающее, вернее, пере-создает – и из замысловатого смешения Буэнос-Айреса и Монтевидео в романе «Короткая жизнь» рождается «Санта-Мария», уменьшенная копия самых европейских из всех латиноамериканских столиц.

Отчужденный ландшафт рождает отчужденных людей, а оттого взаимоотношения между ними (человеком и человеком, человеком и городом) больны и обречены на непонимание и на «не-услышание». В рамках герменевтического подхода мы считаем возможным рассмотреть и сопоставить столь далекие тексты, поскольку их авторы – носители схожей психологии, выработанной городским пространством, а в тексте закодирована та картина мира, в зависимости от которой (даже неосознанно) находится автор.

II

Говоря об общих чертах в поэтике А.А. Аствацатурова и Х.К. Онетти, необходимо отметить общность генезиса их локусов. Несмотря на географические и хронологические различия предмета их текстов, литературная почва, из которой прорастают и Санта-Мария, и Санкт-Петербург, одна – это округ Йокнапатофа У. Фолкнера.

И. Тертерян так суммирует мнения исследователей о фолкнеровском следе в поэтике Онетти: «Критики не раз писали о сходстве Санта-Марии и фолкнеровской Йокнапатофы. Онетти не возражал – он высоко ценил Фолкнера и в 40-е годы переводил на испанский язык его рассказы. Вымышленный мир у Онетти есть художественная модель реального мира, позволяющая укрупнить, выделить самые важные черты, залить их режущим светом анализа и оценки» [Тертерян: 14]. Переводчик рассказов Фолкнера, Онетти внимательно изучает метод создания локуса – и на латиноамериканской почве создает собственный город.

И для Онетти, и для Аствацатурова метод Фолкнера является ориентиром. Они выстраивают свои локусы по образу и подобию Йокнапатофы, но не копируют ее. И Онетти, и Аствацатуров опираются на Фолкнеров метод построения локуса, но вносят в него свои изменения. Рассмотрим их.

И Йокнапатофа, и Санта-Мария по природе своей «полувыдуманные»: являясь предметом авторской фантазии, они вписаны в реальный ландшафт. Фолкнер вписывает свой округ в американский юг, а именно в штат Миссисипи, и сопровождает его для вящей достоверности статистическими сводками и картой («Авессалом, Авессалом», 1936). Однако создателем Йокнапатофы является собственно автор без посредников и коррелятов. Санта-Марию же выдумывает один из персонажей Онетти – Браузен из «Короткой жизни» (1950). Уругваец, вынужденный жить в Буэнос-Айресе, придумывает небольшой город, в котором есть все атрибуты типичного

латиноамериканского европеизированного города. Там есть пристань, центральная площадь с гостиницей, верфь, а описание редакции носит автобиографический характер для Онетти. У Санта-Марии есть и «конкретное» месторасположение: недалеко от Росарио, близ колонии швейцарцев, местечко Колония-Суиса [Тертерян: 13].

Интересно сопоставить и топонимику: «Йокнапатофа» является «индейской» стилизацией, тем самым Фолкнер укореняет свою местность в индейской почве. Слово «Yoknapatawpha» происходит от двух слов из языка чикасо: yosona и petopha, что означает «раскол земли» [Aiken, Charles: 10]. Кроме того, по словам самого Фолкнера, это соединение означает «вода течет медленно через плоскую землю» [Aiken, Charles: 11]. Семантика разделения, раскола, отчуждения присутствует уже на уровне топонимики. Этимология же «Санта-Марии» – христианская, а значит, чуждая автохтонным латиноамериканским культурам, однако и она обращена к истории. «Санта-Мария-дель-Буэн-Айре» – полное наименование Буэнос-Айреса, данное ему в 1536 г. П. де Мендосой. Однако, как пишет Тертерян, «онеттианская Санта-Мария походит и на Монтевидео, и на другие города Латинской Америки. Детальное описание памятника Браузену-Основателю в романе «Верфь» могло бы относиться к любой конной статуе, обязательно украшающей площадь латиноамериканского города» [Тертерян: 9].

Онетти – переводчик Фолкнера – наследует детали, форму фолкнеровской Йокнапатофы, Аствацатуров – исследователь Фолкнера – семантику. Причем аствацатуровская рецепция округа в некотором смысле более точная: его «йокнапатофа» – это не только урбанистический Петербург, Невский, Каменноостровский и Черная речка, но и Комарово (с административной точки зрения – курортный район города). Локус размыт, он не ограничивается урбанистическими пейзажами, хотя в «Пеликанах» (2019), безусловно, преобладает городской ландшафт: «Тут и широченные автобусы, щедро размалеванные рекламой...» [Аствацатуров 2019: 323], «Неоновые фонари, разгоняющие сумерки, мрачное здание общежития времен Хрущева с фальшивыми колоннами и треугольной крышей» [Аствацатуров 2019: 181] и пр. С Комарово связаны воспоминания о детстве, определяющие взрослого Аствацатурова-персонажа. В «Осени в карманах» ребенок кричит бабушке, что «хочет на кладбище» [Аствацатуров 2015: 29]. Герой вскормлен культурой кладбищ – описанные в начале романа, они служат своеобразными пролегоменами к общему эсхатологическому настроению текста. В «Пеликанах» (2019) эсхатологию вытесняет пост-эсхатология, однако «мотивировщиком» того или иного философского насыщения текста выступает именно почва: Санкт-Петербург, Комарово.

Характеризуя Монтевидео, Марио Бенедетти писал: «...латиноамериканского в Монтевидео немного. Любой европеец охотно признает, что наша столица – самая европейская в Латинской Америке. Однако уругвайский писатель признает это без всякой охоты, потому что в глубине души ему не нравится этот псевдоевропейский налет, ставший для нас чем-то неизбежным и постыдным» [Бенедетти 1967]. В этом смысле Санта-Мария Онетти – близнец Монтевидео, а Санкт-Петербург Аствацатурова – их близкий родственник. Псевдоевропейский налет преодолевается синтезом автохтонного и европейского, и Онетти, и Аствацатуров препарируют мир означающих, мир европейского шаблона, отыскивая в своих городах как отличное от Европы, так и общее с нею. Отметим, проблема самоидентификации latinoамериканских писателей, само понятие принадлежности к latinoамериканской культуре волновали многих писателей, в том числе М. Варгаса Льосу [Прадо: 147; Варгас Льоса: 139].

Именно в «Пеликанах» (2019) Санкт-Петербург уравнивается с «настоящим» европейским городом – Лондоном. Такой же холодный, пустой, враждебный к главному герою. «Пешеходы и дома им глубоко безразличны. Им нет дела ни до чего и ни до кого» [Аствацатуров 2019: 50]. Однако герой Аствацатурова отмечает, что «здесьшний Бог – это не Бог пространства, как у нас, а Бог времени, или даже само Время, дрейф сущего». В сущности – это один и тот же Бог, разделяющий и отчуждающий людей-пеликанов: не по «временной» шкале, так по «пространственной». И все же герой не может находиться в Лондоне, его влечет обратно почва. При всей враждебности города по отношению к человеку, враждебность *родного* города переносится легче. «Я вливаюсь в этот разбухший поток жизни и чувствую, как мои ноги, руки, туловище наполняются новой странной силой, а голова – глупым приятным добродушием» [Аствацатуров 2019: 349], – таков финал романа. Герой не бежит пространства, герой сливается с ним, принимает его как единственное условие и форму своего существования.

Принятие героем Онетти Санта-Марии мотивируется уже тем, что город – плод его фантазии. Однако Санта-Мария – это синтез, итог поиска самобытности, это не город-штамп, но результат ухода от штампа. Санта-Мария – это сформированный Онетти, самостийный latinoамериканский европеизированный город, при этом более живой, чем реальные Монтевидео и Буэнос-Айрес; это мир, где проявляются первоосновы бытия: голод, смерть, любовь.

Герои обоих авторов стремятся преодолеть односторонность мира. Выход они находят в единении с городом, с почвой – они пересоздают свои города: Онетти Монтевидео и Буэнос-Айрес превращает в камерную Санта-Марию, Аствацатуров

же переосмысливает Санкт-Петербург. В этом отношении синонимичны оптимистические «карнавальные» финалы «Короткой жизни» (1950) и «Пеликанов» (2019). Шум, огни, бесконечное движение Невского проспекта, описанные в финале романа Аствацатурова, сопоставимы с карнавалом в конце романа Онетти. Движение, карнавал суть символы жизни. И пока человек жив, он способен любить, бороться, испытывать радость, хотя знает, что «часы неумолимы и наступит такое утро, когда все границы для него будут закрыты и все маски сорваны» [Тертерян]. Человек жив, если находится в движении именно в своем городе, ибо только город, сформировавший его и давший ему жизнь, может обеспечить ее продолжение.

III

Решение проблем взаимоотношений человека и ландшафта – процесс трудный, но могущий завершиться успехом. Все не так оптимистично, когда речь идет об отношениях людей друг с другом.

А.А. Аствацатуров показывает, что «человек человеку пеликан», показывает разобщенность людей, неспособность к адекватной коммуникации. Персонажи Аствацатурова не могут и не хотят услышать друг друга. Особенно характерен диалог из первой главы. Разберем этот эпизод, выявляя механизмы работы диалога.

«– Вас же просили меня не встречать! – взвизгнул возле моего уха хриплый старческий голос. Я дернулся от неожиданности и обернулся...

– Что, простите? – не понял я.

– Просил же, несколько раз просил – меня не встречать! – повторил с напором мужчина.

Я подумал, что это какой-то сумасшедший...

– Я же просил! – возмутился мужчина. Он достал из кармана платок и вытер пот со лба.

– А с чего это вы взяли, что я именно вас встречаю?...» [Аствацатуров 2019: 21]

Далее оказывается, что возмущенный мужчина – знакомый профессор героя, который давно уехал из СССР. Внутри короткого вышеприведенного фрагмента проблемы коммуникации уже две. Первая: «экстрадиетическая» [Женетт 1998]. Профессор думает, что персонаж Аствацатурова встречается его в аэропорту, однако это не так. Герой понимает его не с первого раза, но и профессор совсем не сразу понимает Аствацатурова.

Вторую коммуникационную проблему можно условно назвать «интрадиетической». Профессор думает, что недопонимание возникло между ним и принимающей стороной: он просил, чтобы его не встречали, а его тем не менее встречают. Двойная ошибка профессора.

«– Вы что, меня не слышите?

– Я не вас встречаю, – ответил я сухо и нетерпеливо. – Проходите...

Тут подошла Катя.

– Привет, милый. – Она подставила щеку для поцелуя. Щека оказалась холодной. – Дай-ка я на тебя посмотрю.

– Еще раз повторяю, – вмешался профессор, – мне не нужно никаких провожатых! Езжайте по своим делам.

(«Да что ж ты никак не уйдешь-то»)» [Аствацатуров 2019: 22].

В коммуникацию вмешивается третий актант – Катя, и именно в тот момент, когда, как *ождается*, связь между главным героем и профессором должна наладиться. Герой Аствацатурова проявляет вежливость, пропускает профессора, позволяя ему пройти – попытка установления *человеческих* взаимоотношений. Однако и она не может увенчаться успехом. В этот раз помехой служит появление Кати. Актуализируется роль встречающего – правда, встречаемым оказывается не профессор.

Подставленная для поцелуя щека оказывается холодной. Актуализируется отчуждение и разобщенность на тактильном уровне. У персонажа нет возможности ответить приветственной репликой – помешает профессор, а коммуникация на уровне жестов и тактильного взаимодействия также налаживается не лучшим образом.

Видя Катю, профессор не успокаивается и пытается донести свое сообщение до нее, но первая реакция на его слова – не Кати. Реплика остается брошенной, ответ дается не адресатом (не Катей, а Аствацатуровым) и не на вербальном уровне (герой подумал, но не сказал фразу).

«Я прижался к ней, подумал: он сейчас все сам поймет – и тотчас же почувствовал желание. Мимо нас прошли люди, и кто-то задел меня сумкой.

– Это еще что за debil?! – Катя отстранилась и кивнула головой в сторону профессора.

(«Блин. Началось...»)» [Аствацатуров 2019: 22].

Герой не отвечает профессору, полагая, что тот «сам все поймет». Персонаж снова ожидает понимания, думая, что значение сообщения, передаваемого профессору, достаточно ясно без активной вербализации. Фокус внимания персонажа окончательно перекладывается на Катю.

Однако героиня реагирует не на действия героя и не на реплику профессора: ее привлекает внешнее, его оболочка, его тело – план выражения. После риторического вопроса (не лучшего способа наладить коммуникацию, ибо на такой вопрос мы априори не ждем ответа) она *отстраняется* от героя, который хотел прижаться к ней, и переключается на профессора.

«Я виновато поглядел на него, мол, извините, не могу с ней совладать, растерянно улыбнулся и развел руками.

– Что ему от тебя надо? – прищурилась Катя и, повернувшись к профессору, прикрикнула: – А ну брысь отсюда!» [Аствацатуров 2019: 23]

Персонаж Аствацатурова продолжает коммуницировать с профессором на уровне намеков и *ожиданий*, однако герой вновь обманывается. Он показывает, что не может совладать с Катей, то есть не может донести до нее сообщение о том, как следовало бы в рамках установленных норм себя вести, а значит, он не может повлиять на ее поведение, контролировать его. Обратим внимание, что следующая реплика Кати («Что ему от тебя надо») обращена не к профессору, на которого ранее был переключен фокус ее внимания, а к Аствацатурову. Впрочем, затем она столь же быстро возвращается к профессору, обращаясь к нему отнюдь не в рамках приличия (она еще не знает, что он профессор, хотя вряд ли слово «брысь» применимо к кому-нибудь, кроме кошек).

Еще одним диссонансом заканчивается весь фрагмент: ехидное Катино «Щаззз» обрывает этот абсолютно бесполезный и непродуктивный для актантов, но чрезвычайно важный для читателей диалог, призванный показать отчужденность одного человека от другого и неспособность героев к плодотворной внятной коммуникации.

Разобрав один из характерных диалогов романа, мы показали, что и самые близкие герои не могут установить внятную и понятную одноуровневую коммуникацию; даже форма выражения простых и примитивных потребностей героев носит неявный характер.

«Короткая жизнь» Онетти (1950) также исполнена сложно построенных, но часто непродуктивных диалогов. Характерно, что один из наиболее показательных в этом отношении диалогов также представлен в начале текста:

«– С ума посходили, – снова сказала женщина, словно припоминая, словно переводя.

Я слышал ее через стену и представлял, как движутся ее губы, когда она обращается к холодильнику, дышащему брожением и морозом, или к соломенной шторе, отделяющей комнату с еще не расставленной мебелью от вечерней зари. Я рассеянно слушал отрывистую речь, не веря тому, что говорила женщина» [Онетти 2020].

Сделаем поправку на то, что выше представлен перевод. Для чистоты и точности анализа следовало бы подвергнуть внимательному рассмотрению испаноязычный текст, однако сопоставление перевода с оригиналом не выявило различий, могущих в корне изменить представление читателя об этой реплике и ее восприятию персонажем.

Женщина находится за стеной, она в буквальном смысле сокрыта от одного из реципиентов, но и сама ее речь неточна, она «словно припоминая, словно переводит». О восприятии смысла, а не формы ее слов

сообщает сам повествователь: он не верит ей (отметим, впрочем, что слушал он рассеянно, недостаточно сосредоточенно).

«Когда голос, шаги, затрапезный халат и толстые руки – так я представлял ее – перемешались из кухни в комнату, мужчина односложно и не совсем серьезно поддакивал. Зной, который женщина рассекала, становился потом еще плотнее и тяжело оседал в квартирах, в лестничных пролетах, во всех уголках дома.

Женщина ходила взад-вперед по однокомнатной квартирке, а я слушал ее из ванной, стоя, и на голову мою почти бесшумно лилась вода.

– Хоть сердце разорвись, честное слово, – произнес голос чуть напевно, прерываясь в конце фразы, словно что-то мешало высказать все до конца. – Молить не стану. Что хотел, то и получил. У меня тоже есть гордость. Хотя мне хуже, чем ему, да.

– Ну, ну, – успокаивал ее мужчина.

Минуту-другую я слушал, как они молчат, а в стаканах позвякивают кусочки льда» [Онетти 2020].

Перед нами сцена подслушивания. При этом мы не знаем, что именно герой подслушивает, но знаем, что слышимое ему не нравится. Из дальнейших объяснений мы поймем, что значит этот диалог, но при первом чтении нам ничего не ясно.

Герой не просто находится за стеной, образ стены – метафорический, главный герой в силу ряда причин не может принять участие в диалоге. Читатель в синхронии не может понять, почему, но из последующих разъяснений выяснится, что причины эти отнюдь не только этические, но, в первую очередь, психологические. Герой не может принять участие в диалоге, так как он боится стать коммуникантом, боится проговорить, актуализировать волнующую его тему – и, более того, боится даже предпринять попытку, ибо она может оказаться непродуктивной. Как мы видим из разговора мужчины и женщины, акт коммуникации и без подслушивающего реализуется довольно вяло.

Ключевая формальная характеристика голоса женщины – отрывистость, семантическая – неясность. Мужчина-собеседник явно не настроен продолжать акт коммуникации, однако он пытается как умеет соблюсти форму вежливости – и не то поддакивает собеседнице, не то утешает ее.

Несмотря на довольно специфические обстоятельства (отнюдь не каждый диалог – подслушанный), можно смело утверждать, что перед нами типический онеттианский диалог: обилие недоговорок, недомолвок, восстанавливаемых (впрочем, не всегда) из контекста, большое количество маркеров эмоций и чередование, в категориях Успенского, постороннего и всевидящего наблюдателей [Успенский 1970]. В приведенном фрагменте это чередование мотивировано самой ситуацией, но в дальнейшем Онетти использует ту или иную

степень погружения в психологический мир героя в зависимости от степени отстранения этого героя от повествователя.

Отметим упоминание позвякивающих кусочков льда – изящная метафора как для передачи напряженности обстановки, так и для подчеркивания отчуждения героев друг от друга. Вода в том или ином агрегатном состоянии, будь то лед в стакане во время разговора, река за окном, на которую смотрит герой, борясь с бессонницей, или испарина, выступающая на лбу персонажа, который слышит неприятные вещи и боится услышанного, – вода у Онетти служит маркером тяжелого психологического отчуждения. Именно одно из состояний воды, посредством которого описывается состояние героя, и продолжает фрагмент: «А я стоял голый за тонкой стенкой, и капли воды испарялись на мне, потому что я не брал полотенце и смотрел в полумрак комнаты, где сгустившаяся жара окутала и придавила чистую простыню. Я стал сознательно думать о Гертруде, о милой длинноногой Гертруде, о моей Гертруде со старым, побелевшим шрамом на животе, о том, как она молчит и моргает, проглатывая гнев, будто слюну, и как прикалывает золотую розу к нарядному платью, – словом, о Гертруде, которую я знал наизусть» [Онетти 2020].

Читатель начинает погружаться в контекст, на него сыплется все больше фактов, однако ничто не указывается прямо – и в этом высшая стадия отчуждения: герои отстранены не только друга от друга, но и от читателя.

Из дальнейшего описания становится ясно, что речь идет о Гертруде, которая перенесла тяжелую операцию и с новым обликом которой герою предстоит смириться. Последующие анализ и комментирование диалогов кажутся излишними. Рассмотрев два принципиально разных по коммуникативной ситуации и числу актантов диалога, мы приходим к выводу, что Онетти также чередует вербальный и невербальный способ коммуникации, реплики внешние перебиваются репликами внутренними, в диалог инкорпорируются стилистически неоднородные слова и высказывания и проч., однако главной общей чертой для диалогов Аствацатурова и Онетти остается подчеркнутая тотальная разобщенность героев, их невозможность в силу ряда коммуникативных и психологических обстоятельств услышать друг друга.

Различие же носит нарратологический и композиционный характер. Онетти выдерживает большую дистанцию между читателем и героями, чем Аствацатуров. Степень «вовлечения» в текст в «Пеликанах» (2019) несравнимо выше, чем в «Короткой жизни» (1950). Может быть, отчасти это объясняется различием художественных задач при выстраивании образа героя-повествователя. Герой А. Аствацатурова намного ближе автору, чем Браузен – Онетти.

IV

Тело и телесность играют исключительную роль в романах обоих авторов. Тело – это оболочка, форма; и в мире бесконечных нечетких означающих оно становится важным инструментом коммуникации, а порой – полноправным актантом, и примеры тому мы видели в предыдущей главе. Человек отделен от человека постольку, поскольку дух одного отделен от духа другого. Однако что есть человеческое тело, когда дух в смятении, а тоска – главное и единственное состояние души?

Тело и в тексте Аствацатурова, и в тексте Онетти выступает проводником экзистенциальных проблем героев. Посредством телесных взаимоотношений реализуются акты коммуникации, общения, – так подразумевается, так ожидается. В действительности отчужденные нравственно и духовно, герои Аствацатурова и Онетти претерпевают ту же проблему отчуждения и на телесном уровне: тело враждебно другому телу, а окружающая действительность враждебна всем телам.

Тело – плохой инструмент коммуникаций, ничем не отличающийся, с точки зрения эффективности, от диалогической речи. Решение посредством телесного экзистенциальных проблем не может быть достигнуто. Особенно характерными для творчества Онетти в этом отношении являются рассказы «Манящая бездна ада» и «Такая печальная». В первом рассказе героиня рассчитывает вызвать ревность мужа и тем самым вернуть их отношения на прежний, сравнительно счастливый и продуктивный уровень – для этого она рассылает ему и его коллегам порнографические открытки со своим участием. При этом к любовникам она не испытывает ничего, кроме отвращения, ее цель – коммуникация с мужем, доставить сообщение до адресата. В рассказе открытый финал: до конца не ясно, возвращается к ней муж или нет, следовательно, сделать вывод об эффективности этого метода мы не можем [Онетти 2020]. В «Такой печальной» семейные отношения героини рушатся из-за того, что она изменила мужу – и родила не от него [Онетти 2019]. Брак сохраняется, однако атмосфера в доме напряженная, продуктивная коммуникация невозможна. Чтобы решить проблему тотального одиночества, героиня пытается переспать с садовником, но он оказывается неспособен удовлетворить ее запросы [Онетти 2019]. Рассказ заканчивается тем, что героиня убивает ребенка, мужа и себя. «Короткая жизнь» (1950) также изобилует примерами дискommunikации на телесном уровне, начиная от стартового конфликта с Гертрудой и ее грудью и заканчивая бесконечной теснотой мегаполиса, избавиться от которой – цель Браузена.

Итак, тело у Онетти не может служить качественным коммуникатором, а если такая попытка и пред-

принимается, то интеракция не приносит желаемого эффекта, а чаще ведет к усугублению экзистенциального кризиса.

Для героев же Аствацатурова обращение к телесному – это способ сместить фокус с экзистенциального, пустого, неощутимого на материальное, априори существующее. Особенно важен образ Кати. Она сама телесность, при этом Катя пуста. По существу, она лишь героиня песни М. Елизарова «Остановите свингер-пати» [Аствацатуров 2020]. Подчеркиваются ее «холодные ноги», «упругое, сильное тело», «крепкая грудь» [Аствацатуров 2019: 333] и пр. Единственный способ взаимодействия с Катей – через тело. Именно поэтому практически каждый человек, встречающейся с Катей, рано или поздно спит с ней. Невозможностью общения на другом уровне объясняется ее постоянная смена любовников; Катя спит даже с другом персонажа Аствацатурова Гвоздевым, хотя в итоге и признается, что «было не очень» [Аствацатуров 2019: 28] (ср. неудачный сексуальный опыт героини «Такой печальной» с садовником [Онетти 2020]). Однако окружающий мир враждебен как к духу героев, так и к телу. Используется прием Сэлинджера. В эссе «Улыбка чеширского кота» А.А. Аствацатуров так характеризует этот прием: «Все эти формы (люди, предметы) видятся героине [«Лапы-растяпы»] отчужденными и враждебными... Сцен, где человек не вполне «удачно» контактирует с вещами, в рассказе много. Сгорает ланч, пачкается лицо Мэри Джейн... Вещи у Сэлинджера абсурдны, самодостаточны и независимы по отношению к человеку. Человек выглядит одиноким, заброшенным в пустом мире равнодушных форм» [Аствацатуров 2015: 37]. И в «Пеликанах» (2019) тело героя постоянно кто-то задевает («Мимо нас прошли люди, и кто-то задел меня сумкой» [Аствацатуров 2015: 21]), герой регулярно ощущает физическую боль, причиняемую не только другими людьми, но и вещами: «Мимо проходят пассажиры, кто-то задевает мой рюкзак», «Холодный свет электрических ламп неприятно режет глаза [Аствацатуров 2019: 178], «С разгона почти врезаюсь в низкорослого мужичка» [Аствацатуров 2019: 193] и т. д.

Тело – последний и наиболее очевидный способ реализации человека в окружающем мире. В «Пеликанах» (2019) героям не хватает пространства. Если герои находятся в помещении, то оно непременно тесное: «заповедный закуток на кафедре», кафе на Караванной, «душное, плотно заставленное пластмассовыми стульями» [Аствацатуров 2019: 204]. Однако особенно эта проблема актуализируется в зимний период: «Зимой мы занимаем куда больше места, чем весной и летом. Человек – особенно если он проживает в Питере – всегда старается занять больше места,

чем ему положено... зимой мы кажемся значительнее, существеннее, сущностнее. Нас легче заметить, разглядеть, отличить друг от друга» [Аствацатуров 2019: 325]. Образ полупустой, но тесной маршрутки – важная и точная метафора. Люди, с одной стороны, отчуждены друг от друга, а с другой стороны, любая попытка взаимодействия оборачивается «толкотней в маршрутке», взаимной неприязнью и дискомфортом. В «Короткой жизни» (1950) герои тоже страдают от недостатка пространства в большом городе: «Все, кто населяет людские муравейники Нового Света... ненавидят монотонный, убогий, мелочный быт буржуазного города: конторы, рекламные агентства, банки, тесные квартирники» [Тертерян: 13]. Стремление заполнить пустоту, как внешнюю, так и внутреннюю, придать себе большую сущностность и актуализироваться в пространстве объединяет героев Аствацатурова и Онетти. Они не хотят «измельчаться», теряться в городе до полного самоуничтожения – они стремятся заполнить собою пространство, ибо только этот путь им видится единственным для утверждения собственного бытия, своего права на бытие.

Особое отношение к телу и телесному у Онетти и Аствацатурова восходит к философии Сартра, современником которого был первый и изучал которого второй. По Сартру, тело представляет себе как понятие проблему уже потому, что мыслится нами как отдельная от нашего сознания, как некая «вещь» [Сартр: 109]. Тело всегда описывается и познается нами лишь как объект – вещь среди вещей. Отсюда вытекает невозможность нашего сознания как-то отождествить и соотносить себя с таким образом тела. А ошибочность такого описания нашего тела в том, что, мысля его всегда как вещь, мы на самом деле имеем в качестве образа нашего тела в своем сознании лишь всегда тело «другого». «Тело других для меня всегда лишь это среди этих». Как уточняет Чачанидзе, «тело указывает лишь на мое свойство, но не имеет отношение к моему бытию-для-себя» [Чачанидзе: 194].

Особенно отметим следующую мысль Сартра: «Я существую своим телом – таково его первое измерение бытия. Мое тело используется и познается другим – таково его второе измерение. Но поскольку я есть для другого, он раскрывается во мне как субъект, для которого я – объект. Речь идет здесь, собственно, как мы видели, о моем фундаментальном отношении с другим. Следовательно, я существую для себя как познанный другим, в частности, в самой моей фактичности. Я существую для себя как познанный другим в качестве тела. Такого третье онтологическое измерение моего тела» [Сартр: 109].

«Человек существует для себя как познанный другим в качестве тела», – именно на этом утверждении строится один из конфликтов «Короткой жизни» (1950): принять новое тело Гертруды значит

принять новую Гертруду. Катя для героя Аствацатурова также существует как тело, как способ отстраниться от экзистенциальных проблем, подменить коммуникацией на уровне телесного более сложные механизмы взаимодействия, реализация которых невозможна в силу всеобщего отчуждения. Каждое измерение бытия тела рождает проблемы: герои Аствацатурова и Онетти не могут принять себя (персонаж Аствацатурова, которого дразнили «очкастой коброй» и попытка которого в «Осени в карманах» усовершенствовать свое тело в фитнес-зале провалилась; Гертруда, потерявшая часть груди в «Короткой жизни» (1950) и др.), не могут наладить взаимодействие с другими телами (хотя упорно стремятся к этому) и не могут быть приняты как тело другими телами.

Онетти, чьи идеологические и философские взгляды синонимичны сартровским, и Аствацатуров, который, по собственному признанию, в определенный период жизни сочувствовал левой идее, выстраивают сложные коммуникативные системы, основываясь на сартровском понимании телесного. Они актуализируют проблемы восприятия тела другим и тела самим собой. Несмотря на разницу эпох, культурный, философский багаж обоих авторов похож: они используют приемы Фолкнера, Сэлинджера и Сартра. Различие лишь в том, что для Онетти они были современниками – живыми объектами изучения, а для Аствацатурова – объектами изучения, принадлежащими к предыдущим поколениям интеллектуалов.

Таким образом, мы увидели, что персонажи текстов Аствацатурова и Онетти отчуждены не только на духовном уровне, но и на телесном, а механизмы выстраивания эффекта отчуждения подобны и восходят к общим литературно-философским первоисточникам.

V

В отечественной традиции принято считать Онетти пессимистическим автором. Тертерян пишет: «Все попытки устроиться, обрести покой, домашний уют, уверенность в будущем внутри социального мира, давно и полностью растратившего свой потенциал человеческого счастья, обречены на поражение». [Тертерян: 14]. Не менее трагично трактует творчество Онетти и Межиковская: «Человеческое отчаяние, цинизм и безнадежность Онетти и пытается перенести на героическую почву, придать им универсально-трагический характер. И именно этот трагически-героический регистр важен для полного понимания писателя... Несомненно, писатель сумел преодолеть абстрактную тезисность экзистенциалистской философии «человеческого удела» [Межиковская: 496]. Самые дорогие для Онетти мотивы – юность и человеческое братство – изнутри освещают его мрачный мир, и писателя никогда не покидает готовность к беском-

промиссному мятежу, пусть и безнадежному, но сопротивлению. «“Когда я сажусь писать, наступает час правды, а правда – не для волшебных сказочек”, – таково его кредо» [Межиковская: 497].

Герои «Короткой жизни» (1950) страдают от враждебности всего и вся по отношению к ним, однако все же пытаются преодолеть «зону отчуждения». Парадокс: мрачный и безрадостный в общем, Онетти обнаруживает невероятный оптимизм и веру в человека в частности. Характерен карнавальная финал романа: «Я могу спокойно уйти; перехожу сквер, вы идете рядом, мы доходим до угла и идем вверх по безлюдной улице, обсаженной деревьями, ни от кого не убегаю, не ища ни с кем встречи, немного волоча ноги, скорее от счастья, чем от усталости» [Онетти 2020]. Люди разрознены и потеряны, но каждый из них, запертый в своем одиночестве, может сделать шаг навстречу другому и, метафорически говоря, если не слиться с другим в единое целое, то, по крайней мере, идти рядом. Карнавал, с одной стороны, позволяет человеку обособиться, скрыться под маской, но с другой стороны, именно карнавал позволяет ему прожить новую, иную жизнь, хотя бы на короткое время спрятаться от горькой обыденности, от враждебного окружающего мира.

Единением человека с миром, ландшафтом и пространством заканчиваются и «Пеликаны» (2019). Ситуация, и с сюжетной, и с философской точек зрения, похожа на онеттианскую. Голова главного героя, шагающего по Невскому, наполняется «глупым приятным добродушием» – это, конечно, не счастье, которое нельзя обрести во всей полноте его в этом враждебном пространстве, но тот позитивный максимум, на который способен человек. Онеттианское «скорее счастье» и аствацатуровское «глупое приятное добродушие» суть субституты августианинского покоя и умиротворения в реалиях современного околоевропейского города. И герои Аствацатурова, и герои Онетти предпринимают попытки сближения, разрушения одиночества – и лучшим и редчайшим результатом оказывается то состояние души, что описывается в финале.

Впрочем, отметим, что одиночество героев, несмотря на вышеприведенные сходства, не совсем одинаково. На поэтику Аствацатурова влияние оказала протестантская этика, воспринятая Аствацатуровым-филологом и осмысленная Аствацатуровым-писателем. Человек от рождения проклят и не может ни купить спасение, ни вымолить его, все, что в его силах, – самореализовываться через труд и уповать на спасение. Отсюда же вечная отчужденность и неустроенность героя. Перед нами сугубо кальвинистская задача – встроить героя в поток жизни, в Замысел, в предопределение, в общее, не зависящее от него движение. Отсюда же – интерес к тому, что было до че-

ловека и что будет после. Характерно в этом отношении описание Лондона. Хитроу некогда был стоянкой первобытных людей, а на мраморе вокзала Ватерлоу мы видим древнейшие водоросли; в конце концов, Лондон сам был в доисторические времена морем, потому вся образность этой части сведена к водной стихии. Герой иногда встраивается в общий поток, иногда – нет, однако сам факт встраивания зависит не от него – все вокруг решается помимо его воли.

Онетти же неконформист, социалист, переживший потрясение и разочарование Гражданской войны в Испании и смену нескольких режимов в Уругвае и Аргентине. Веривший в возможность коренной перемены жизни общества, он постиг горькое разочарование, видя провал социалистов в Испании и гнетущую социальную и политическую неустроенность Латинской Америки. Человек в его тексте несвободен, попыткой создания сравнительно свободного пространства как раз и является Санта-Мария. Однако это «частная», а не глобальная попытка, и только в личном, частном человеке может быть обретен подобие свободы, подобие счастья.

Однако и теологическое, и социологическое, преломляясь в художественных текстах, приводят к похожим результатам и выводам. Общий пессимизм авторов сменяется локальным оптимизмом – оптимизмом частной личности, которая, пытаясь принять враждебную действительность, может на короткий миг обрести подобие счастья.

Хуан Карлос Онетти скончался в Испании в 1994 году. Оптимизм в его текстах так и остался скорее эпизодическим, однако отрицать его присутствие невозможно. Андрей Алексеевич Аствацатуров жив и здравствует по сей день, и только грядущие тексты покажут, будет ли «разрастаться» его оптимизм по отношению к человеку и межличностным взаимоотношениям или возобладает общая пессимистическая тенденция. Однако несомненно, что как в текстах Х.К. Онетти, так и в сегодняшних текстах А.А. Аствацатурова есть место и оптимистическим, и пессимистическим настроениям.

Таким образом, суммируя все вышесказанное, мы приходим к следующим выводам:

1. Идеи родной территории, принадлежности героя к ландшафту, тотальной зависимости от него оказываются ключевыми и для Аствацатурова, и для Онетти.
2. Литературным ориентиром в деле выстраивания собственных локусов для обоих писателей служит метод У. Фолкнера.
3. Персонажи текстов Аствацатурова и Онетти отчуждены не только на духовном уровне, но и на телесном; механизмы выстраивания эффекта отчуждения подобны, они восходят к общим литературно-философским первоисточникам (Ж.-П. Сартр).

4. Онетти и Аствацатуров чередуют в своих текстах вербальный и невербальный способ коммуникации: реплики внешние перебиваются репликами внутренними, в диалог инкорпорируются стилистически неоднородные слова и высказывания и проч., однако главной общей чертой для диалогов в текстах Аствацатурова и Онетти остается подчеркнутая тотальная разобщенность героев.

5. Несмотря на пессимистический настрой, свойственный обоим авторам, в их текстах находится место для локального оптимизма – радости частной личности, которая, пытаясь принять враждебную действительность, может не короткий миг обрести подобие счастья. «Карнавалы» финалы их романов служат тому подтверждением.

6. А.А. Аствацатуров и Х.К. Онетти моделируют фикциональные миры в попытках преодолеть гнетущую тоску действительности, заимствуя при этом приемы выстраивания текстов у Ж.-П. Сартра, У. Фолкнера и Дж. Д. Сэлинджера.

Список литературы

Аствацатуров А.А. И не только Сэлинджер. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. 312 с.

Аствацатуров А.А. Не кормите и не трогайте пеликанов. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. 350 с.

Аствацатуров А.А. Осень в карманах. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. 287 с.

Аствацатуров А.А. Открытая книга. URL: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/63635/episode_id/2215601/video_id/2240843/ (дата обращения: 15.10.2020).

Женетт Ж. Фигуры: в 2 т. М.: Изд.-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 1, 2. 944 с.

Межиковская Т.И. Литература Уругвая // История литератур Латинской Америки. Т. 4: Очерки творчества латиноамериканских писателей XX в. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 452–511.

Онетти Х.К. Короткая жизнь. Верфь. Повести и рассказы. М.: Радуга, 1983. 408 с.

Онетти Х.К. Такая печальная. URL: http://rulibs.com/ru_zar/prose_contemporary/onetti/1/j12.html (дата обращения: 15.10.2020).

Садулаев Г. Осень Европы. URL: <https://finbahn.com/герман-садулаев-эстонский-писатель-в-3/> (дата обращения: 03.10.2020).

Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологии. М.: ТЕРРА-Кн. клуб: Республика, 2002. 638 с.

Тертерян И. Короткая жизнь. Предисловие. М.: Радуга, 1983. 408 с.

Успенский Б.А. Поэтика Композиции. Структура художественного текста и типология композиционной формы. М.: Искусство, 1970. 224 с.

Чачанидзе Г.Д. Проблема телесности в философии Ж.-П. Сартра // Сумма философии. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. Вып. 6. С. 190–195.

Aiken, Charles S. Faulkner's Yoknapatawpha County: Geographical Fact into Fiction. *Geographical Review*, 1977, pp. 1–21.

Benedetti M. «Prologo» a Un sueño realizado y otros cuentos. Montevideo, 1967.

Onetti J.C. La vida breve. URL: https://edisciplinas.usp.br/pluginfile.php/385619/mod_resource/content/1/Ferro.%20Juan-Carlos-Onetti-La-Vida-Breve.pdf (access date: 03.10.2020).

Onetti J.C. Tan triste como ella. URL: <https://www.literatura.us/onetti/triste.html> (access date: 03.10.2020).

Prado B.C. El escepticismo identitario en la obra de Mario Vargas Llosa. Mario Vargas Llosa: cartografías del amor y del poder. Sofia, Editorial Universitaria San Clemente de Otjíd, 2015, pp. 142–159.

Vargas Llosa M. A Writer's Reality, ed. by Myron I. Lichtblau, Syracuse, Syracuse UP, 1991, pp. 139.

References

Astvaturov A.A. *I ne tol'ko Selindzher* [Not just Salinger]. Moscow, AST Publ., 2015, 312 p.

Astvaturov A.A. *Ne kormite i ne trogaite pelikanov* [Do not feed or touch pelicans]. Moscow, AST Publ., 2019, 350 p.

Astvaturov A.A. *Osen' v karmanakh* [Autumn in pockets]. Moscow, AST Publ., 2015, 287 p.

Astvaturov A.A. *Otkrytaia kniga* [The open book]. URL: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/63635/episode_id/2215601/video_id/2240843/ (access date: 15.10.2020).

Zhenett Zh. *Figury* [Figures]: in 2 vols. Moscow, Izd.-vo im. Sabashnikovykh Publ., 1998, vol. 1, 2, 944 p.

Mezhikovskaia T.I. *Literatura Urugvaia* [The literature of Uruguay]. *Istoriia literatur Latinskoj Ameriki* [The history of Latin American literature]. Vol. 4: *Ocherki tvorchestva latinoamerikanskikh pisatelei XX v.* [Essays on the creativity of Latin American writers of the twentieth century]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2005, pp. 452–511.

Onetti Kh.K. *Korotkaia zhizn'. Verf': povesti i rasskazy* [A short life. Novels and short stories]. Moscow, Raduga Publ., 1983, 408 p.

Onetti Kh.K. *Takaia pechal'naiia* [So sad like she is]. URL: http://rulibs.com/ru_zar/prose_contemporary/onetti/1/j12.html (access date: 15.10.2020).

Sadulaev G. *Osen' Evropy* [The autumn of Europe]. URL: <https://finbahn.com/герман-садулаев-эстонский-писатель-в-3/> (access date: 03.10.2020).

Sartre Zh.-P. *Bytie i nichto: Opyt fenomenol. ontologii* [Being and nothingness]. M., TERRA-Kn. klub, Respublika Publ., 2002, 638 p.

Terterian I. *Korotkaia zhizn': Predislovie* [A short life: The introduction]. Moscow, Raduga Publ., 1983, 408 p.

Uspenskii B.A. *Poetika Kompozitsii. Struktura khudozhestvennogo teksta i tipologiia kompozitsionnoi formy* [Poetics of Composition. The structure of the literary text and the typology of the compositional form]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1970, 224 p.

Chachanidze G.D. *Problema telesnosti v filosofii Zh.-P. Sartra* [The problem of corporeality in the philosophy of Sartre]. *Summa filosofii* [The sum of philosophy.

Issue 6]. Ekaterinburg, Publ. Ural. un-ta, 2006, vol. 6, pp. 190–195.

Статья поступила в редакцию 23.04.2021; одобрена после рецензирования 12.06.2021; принята к публикации 18.08.2021.

The article was submitted 23.04.2021; approved after reviewing 12.06.2021; accepted for publication 18.08.2021.

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 194–201. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 194–201. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821(7).09”20”

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-194-201>

«ЖУРНАЛИСТСКИЙ КРИМИНАЛЬНЫЙ РОМАН» ТРУМЭНА КАПОТЕ «ОБЫКНОВЕННОЕ УБИЙСТВО» В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ «НОВОГО ЖУРНАЛИЗМА»

Хитарова Татьяна Александровна, кандидат филологических наук, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, Краснодар, Россия, khitarova2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3734-3475>

Хитарова Елена Георгиевна, кандидат филологических наук, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, khitarova2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3090-2841>

Аннотация. Успех «нового журнализма» в США в 60-е годы прошлого века оказал воздействие и на литературный процесс. Роман Т. Капоте «Обыкновенное убийство» представляет собой попытку создания новой формы художественно-публицистического романа, в котором сочетаются признаки документальной литературы и журналистики. Так возникает жанр «криминального журналистского романа». Автор включается в расследование криминального преступления. В ходе анализа выявлены общие типологические признаки, характерные для криминального романа. Изучены подходы Т. Капоте к работе над текстом, перекликающиеся с журналистскими профессиональными методами: интервью, репортаж, очерк. Было проведено сравнение с ранее изданными произведениями, позволяющее локализовать данный роман в иное время на новом художественном уровне. В исследовании также определяются точки соприкосновения и расхождения оценки романа в зарубежной и отечественной критике. Роман позволяет сфокусироваться не только на реальных криминальных событиях, но и на нравственном состоянии американского общества в предложенных временных рамках. Романная форма отличается от журналистского репортажа, возникает особая форма художественного произведения: журналистский роман – расследование. Синтез литературы и журналистики оказался плодотворным и для документальных романов Нормана Мейлера.

Ключевые слова: криминальный журналистский роман, новый журнализм, журналистское расследование

Для цитирования: Хитарова Т.А., Хитарова Е.Г. «Журналистский криминальный роман» Трумэна Капоте «Обыкновенное убийство» в контексте проблемы «нового журнализма» // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 194–201. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-194-201>

Research Article

“THE JOURNALISTIC CRIMINAL NOVEL” “IN COLD BLOOD” BY TRUMAN GARCIA CAPOTE IN THE CONTEXT OF “NEW JOURNALISM” PROBLEM

Tatyana A. Khitarova, Associate Professor, Kuban state agrarian university named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia, khitarova2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3734-3475>

Elena G. Khitarova, Associate Professor, Kuban state university, Krasnodar, Russia, khitarova2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3090-2841>

Abstract. The success of the “new journalism” in the United States in the 60s of the last century had an impact on the literary process. Truman Garcia Capote’s novel “In Cold Blood” is an attempt to create a new form of fiction and nonfiction novel, which combines the features of nonfiction and journalism. So there is a genre of “criminal journalistic novel”. The author is involved in the investigation of a criminal case. The analysis reveals common typological features of a crime novel. Capote’s approaches to the text are investigated, which are similar to journalistic professional methods – interview, reportage, essay. A comparison with previously published works was accomplished, which localises this novel in a different epoch at a new artistic level. The study also identifies the points of contacts and variances in the evaluation of the novel in Western and Russian criticism. The article offers conclusions. Capote’s novel “In Cold Blood” allows to be focused not only on real criminal events, but also on the moral state of American society in the proposed time frame. The novel differs from the journalistic reportage, there is a special form of a work of art-a journalistic novel-investigation. The synthesis of literature and journalism also proved fruitful for Norman Kingsley Mailer’s nonfiction novels.

Keywords: criminal journalistic novel, new journalism, investigative journalism

For citation: Khitarova T.A., Khitarova E.G. “The journalistic criminal novel” “In Cold Blood” by Truman Garcia Capote in the context of “new journalism” problem. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 194–201 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-194-201>

В литературном процессе Америки XX – первой четверти XXI века принято выделять следующие этапы развития художественно-документальных жанров:

1. Начало XX столетия – «разгребатели грязи» (Э. Синклер, Дж. Риис, Н. Блай и другие журналисты изданий Дж. Пулитцера и У.Р. Херста).

2. Использование публицистических приемов в литературе «потерянного поколения» 1920–30-х годов (Дж. Дос Пассос, Э. Хемингуэй, Т. Драйзер и др.).

3. «Новая журналистика» 1960-х годов (Т. Вулф, Н. Мейлер, Т. Капоте и др.).

4. Художественно-документальная литература конца XX – начала XXI веков (Т. Коновер, А. ЛеБлан, Л. Дэш и др.).

Первые образцы «литературы факта» появились уже в конце 1910-х годов. Среди них – «Десять дней, которые потрясли мир» Дж. Рида (1919). В России в 1920–30-е годы выходят: «103 дня на Западе» Б.А. Кушнера (1928), «Последний святой» М.В. Горева (1928), «В дебрях Уссурийского края» В.К. Арсеньева (1926), «История одного литейщика» А. Лужаева (1929 и 1931) «Дэн Ши-хуа» С.М. Третьякова (1930), а также фельетоны М.Е. Кольцова, А. Зорича и др., памфлеты Д.И. Заславского, В.Б. Шкловского, очерки и репортажи Л. Рейснер. Как следствие – появление новых или обновленных жанровых форм на документальной основе: художественно-публицистические жанры, репортаж, путевые записки, биографический жанр, журналистское расследование, социальный очерк.

В американской литературе 1930-х годов документальный факт проник в романы Эптона Синклера и Синклера Льюиса, Джона дон Пассоса, в повести Шервуда Андерсона, Эрскина Колдуэлла, рассказы Эрнеста Хемингуэя. В массовой литературе появился жанр «правдивого» рассказа (а также романа, повести). Американский исследователь документалистики 30-х годов Уильям Скотт выделяет такие формы документальной литературы, как реальные истории безработных, социологические исследования, репортажи, документальные книги с видеорядом. Их объединяет стремление авторов к объективности изложения. Документализм дает возможность фактографически представить реальную модель жизни, как бы в фокусе движущейся съёмочной камеры, в ракурс повествования при этом входит и жизнь людей самого низового слоя социума. Наблюдаются попытки «погружения» авторов в социальную среду своих персонажей, идентификации себя с объектами изображения: бродягами, рабочими, жителями трущоб, различного рода маргиналами, – вплоть до ухода в трущобы или переселения в дикую природу. Журналистский нарратив имеет как свойства литературы (художественный стиль, сюжет, голос авто-

ра), так и журналистики (фактографическая точность, злободневная актуальность).

В своей статье «Документальная литература» Е.А. Стеценко приводит примеры такого рода литературы в США: Томас Майнхен «Мальчики и девочки бродяжничают по Америке» (*Boy and Girl Tramps of America*, 1934), Мэксин Дэвис «Потерянное поколение. Портрет американской молодежи сегодня» (*The Looost Generation. A Portrait of American Youth Today*, 1936), в которых ставится проблема молодежной среды; или книга Эдмунда Уилсона «Американский страх» («*The amtrikan Zitters*», 1932), где использован прием прямого репортажа с места событий [Стеценко: 702].

Я.Н. Засурский во введении к шестому тому «Истории литературы США» обращает особое внимание на роль романов Дон Пассоса (1896–1970) в развитии документальных жанров в Америке: «Дон Пассос уже отказался от формы традиционного романа... В своей трилогии «США» писатель одновременно использует документальные источники и новые эстетические возможности кино» [Стеценко: 12].

Закономерно, что документализм способствовал демократизации литературы, поскольку «документальная литература сделала видимыми людей, которые раньше находились в тени, представила картину общества глазами его жертв» [Стеценко: 704].

Важно заметить, что ожидаемый конечный результат такого рода литературы факта – обоснованные выводы о социальных причинах явлений, в отдельных случаях – рекомендации по их устранению.

Оба эти качества – форма документального расследования с непосредственным участием самого писателя и тенденция к демократизации объекта изображения – наблюдаются в криминальном документальном романе Т. Капоте «Обыкновенное убийство», или «Хладнокровное убийство» (*In Cold Blood*, 1965), представляющем собой новаторскую форму «криминального романа» и обратившемуся к проблемам социальных причин и обстоятельств, порождающих преступления. До 30-х годов эти вопросы не ставились столь отчетливо, хотя в литературе рубежа веков они уже звучали в форме социального прогнозирования в научно-фантастических романах Г. Уэллса, особенно в романе «Машина времени». Наиболее важным этапом в развитии художественно-документальной литературы США считается период «новой журналистики», когда был создан жанр «документального романа» (*nonfiction novel*), с его принципом фиксации внимания на реальном уголовном преступлении. В этом есть значительная заслуга Трумэна Капоте (1924–1984).

«Новый журнализм» (или паражурнализм, или «литература сырого факта») рождается в Америке в «критическое десятилетие» 1960–1973 годов – время бур-

ных общественно-исторических событий (война во Вьетнаме, студенческое и негритянское движение, уотергейтский скандал). В американской литературе это ознаменовало рождение «гибридных форм», сочетающих приемы журналистики и литературы. Документальная журналистика в Америке в 1960–70-е годы получила второе определение – «нарративная». К этому времени определилась ее тематическая направленность:

- осмысление событий Второй мировой войны: в романе Дж. Херша «Хиросима» (1946), Курта Воннегута «Бойня № 5, или Крестовый поход детей» (1969);
- война во Вьетнаме: политические репортажи Н. Мейлера «Армии ночи» (1968);
- политические разоблачения: в романах О. Брайена «Вслед за Каччато» (1978), Б. Вудсворда и К. Бернстолпа «Вся президентская рать» (1971);
- расовая проблема: в романе Дж. Болдуина «Имени его не будет на площади» (1972);
- истории криминального характера на основе фактов: роман Т. Капоте «Обыкновенное убийство» (или «Хладнокровное убийство» (1965)), а также написанная под его влиянием книга Н. Мейлера «Песнь палача» (1980), «Преступление в мотеле “Алжир”» Дж. Херша (1968).

Криминальный роман сохраняет занятые позиции и сегодня. В особую категорию можно вынести книги, освещающие реальные криминальные события: «Whitey on trial» М. МакЛин и Дж. Лайбермана – о преступлениях и пожизненном заключении гангстера Джеймса «Уайти» (беленького) Балджера (2014); «The only living witness» С. Мишо и Х. Эйнсворта – о преступлениях и казни серийного убийцы Теда Банди (1999); «Who killed my daughter» Л. Данкан – о расследовании писательницы убийства своей дочери (1992); «Homicide: a year on the killing streets!» Д. Саймона – о его опыте работы с полицейскими (1991). В этой категории документальной литературы влияние романа «Обыкновенное убийство» более всего очевидно. Принципиальное новаторство Т. Капоте как писателя заключается в успешной попытке создать новый литературный жанр в духе времени, представляющий синтез романа и приемов различных журналистских жанров: репортажа, интервью, очерка.

Этот вопрос входит в общую проблему документализма в литературе и находит освещение в работах таких отечественных литературоведов, как Ю. Тынянов [Тынянов], Е. Местаргазе [Местергази], П. Палиевский [Палиевский]. Исследований, посвященных творчеству Т. Капоте, у нас пока недостаточно. Обычно он рассматривается в составе «Литературы американского Юга» или же в составе «Американской литературы после Второй мировой войны». В разное время о нем писали: Ю.Я. Лидский [Лид-

ский], Р.Д. Орлова [Орлова, Орлова], М.И. Туровская [Туровская]. Первый опыт прочтения романа Т. Капоте «Хладнокровное убийство» представлен Р.Д. Орловой (Орлова). До конца XX века монографии и диссертационные исследования о нем на русском языке отсутствовали. Свидетельством растущего интереса к творчеству Т. Капоте становится появления диссертационных исследований С.А. Бозриковой, А.Б. Юрьева [Бозрикова, Юрьев]. Новый подход к типологии жанра детектива в аспекте постмодернизма предлагается в диссертационном исследовании Т.Н. Амиряна «Конспирологический детектив как жанр постмодернистской литературы: Д. Браун, А. Ревазов, Ю. Кристева» (2012).

Научным событием стал выход шестого тома коллективной монографии «История литературы США» (2013) со статьями Е.А. Стеценко «Документальная литература», «Массовая литература», статьями П.В. Балдицына «Журналистика США в 20–30-е годы», «Джон Рид», концептуально важными для понимания общего контекста творчества Т. Капоте. К настоящему времени зарубежными исследователями разработана типология жанра документального романа. В отечественной науке типологические черты жанра как гибридного, сочетающего в себе приемы журналистики и литературы, выделены в диссертационном исследовании С.А. Бозриковой, а именно:

- опора на реальные и подтвержденные факты, что является ведущим принципом журналистики;
- аналитическое исследование события. При этом используются два метода: первый из них традиционный – интервью с участниками или ознакомление с документальными реальными источниками. Второй прием – журналистское расследование, то есть погружение в исследуемую среду при реальном участии автора-повествователя;
- авторская интенция (оценка) событий. Если и не в прямой форме, но отношение автора к криминальным событиям и их участниками отчетливо выражено. Это более характерно для литературного произведения, хотя в определенной мере может наблюдаться и в художественно-публицистических жанрах журналистики, например судебных очерках;
- построение сюжета романа по литературному принципу, то есть с членением на традиционные элементы от экспозиции до эпилога;
- превалирование литературно-художественного стиля, с использованием художественных языковых и литературных приемов: внутренних монологов, диалогов, тропов, развернутых диалогов, внутренних монологов и т. д.);
- значительный объем, что превышает возможности журналистского жанра даже в его художественно-публицистических разновидностях [Бозрикова].

Объем выделяет роман Трумэна Капоте из массы других документально-публицистических литературно-журналистских явлений. Автор диссертации указывает на принципиальное различие между новым криминальным романом и традиционным детективным жанром: «такой документальный роман погружает читателей в мир преступников и жертв: здесь более важны переживания персонажей, мотивы их поведения, эффект воздействия преступления на участников истории» [Бозрикова: 4].

Для анализа образцов документального криминального романа (nonfiction novel), в том числе и романа Т. Капоте «Хладнокровное убийство», вполне применимы и те принципы «новой журналистики», которые были сформулированы Томом Вульфом в его «Антологии новой журналистики»:

1. Scene by scene construction – то есть, рассказывая о чем-то, выстраивать эпизод за эпизодом; быть свидетелем, а еще лучше – непосредственным участником событий, брать их из первых рук.

2. Dialogue – воспроизводить диалоги (которые сильнее монологов и представляют персонажей объемнее) как можно полнее (как, например, у Диккенса).

3. The point of view – использовать точку зрения третьего лица (как Генри Джеймс), включая поток сознания (как у Джойса). То есть обращаться с участниками событий так, как писатели обращаются с персонажами в романе. Смотреть на события как бы изнутри сознания того или иного участника, для чего узнавать: какие мотивы ими движут? о чем они думают?

4. Status details – описывать «привычки, склад характера, мебель в доме, одежду... как человек относится к детям» – короче говоря, все-все-все. Ибо это не мелочи, а «символы статуса человека в самом широком смысле слова» [Бозрикова].

Однако оперативность освещения события – основной принцип работы СМИ – в случае создания романа синтезированного жанра не может быть выдержан. Капоте писал роман «Обыкновенное убийство» («In Cold Blood») шесть лет. Все это время он продолжал встречаться с преступниками, собирал новые факты и получал впечатления от этих встреч. Завершилась история присутствием Капоте на казни, по просьбе одного из убийц. Эффект личного присутствия, применяемый в такой журналистской форме, как репортаж, в подобном романе создается автором намеренно, с помощью мнимой беспристрастности повествования, нейтральной авторской манеры, при которой трудно определить, на чьей стороне симпатии создателя текста и осуждает ли он преступников, в то время как в детективном романе этот вопрос решается однозначно. Когда после убийства Раскольников прячется в квартире жертвы и не открывает дверь, то его судьба в этот момент волну-

ет нас гораздо больше, чем раскрытие преступления. В детективном же романе нерв повествования связан с поиском преступника и раскрытием преступления. Хотя эта манера повествования создана до Т. Капоте, но он усовершенствовал и изменил ее и применяет в условиях другой реальности и на новом художественном уровне.

Таким образом, роман Т. Капоте «Хладнокровное убийство» представляет особую разновидность документального романа (true crime novel), то есть это роман о реальном уголовном преступлении, в русской версии – «документальный криминальный роман». Жанр такого романа по-разному определяется в американской и отечественной критике: американские критики используют термины «crime novel» или «true crime (nonfiction crime) novel». В отечественном литературоведении обычно используется термин «документальный криминальный роман». Аналитический анализ и комментарий практически не применяется, что характерно для информационной журналистики. При этом среда – социально-историческая, бытовая – рисуется и воссоздается в традициях классической реалистической прозы. Представлены в соответствии с классической формулой реализма и «типические характеры в типических обстоятельствах». Только обстоятельства ужасны, и самое страшное, что они документально – реальные.

Реалистические приемы повествования (описание) применены Т. Капоте при создании портретов, интерьеров, пейзажей. Однако при этом автор, при отсутствии комментариев, как бы отождествляет себя с наблюдающей и фиксирующей кинокамерой, то есть применяет приемы документального фильма, хотя само преступление не показано, есть только кадр похорон убитых. Планов будет несколько, применен кинематографический принцип укрупнения кадра:

Дальний план:

The village of Holcomb stands on the high wheat plains of western Kansas, a lonesome area that other Kansans call "out there." Some seventy miles east of the Colorado border, the countryside, with its hard blue skies and desert-clear air, has an atmosphere that is rather more Far West than Middle West. The local accent is barbed with a prairie twang, a ranch-hand nasalness, and the men, many of them, wear narrow frontier trousers, Stetsons, and high-heeled boots with pointed toes. The land is flat, and the views are awesomely extensive; horses, herds of cattle, a white cluster of grain elevators rising as gracefully as Greek temples are visible long before a traveler reaches them.

Более близкий ракурс:

Holcomb, too, can be seen from great distances. Not that there's much to see - simply an aimless congregation of buildings divided in the center by the main-line tracks of the Santa Fe Rail-road, a haphazard hamlet bounded on

the south by a brown stretch of the Arkansas (pronounced "Ar-kan-sas") River, on the north by a highway, Route 50, and on the east and west by prairie lands and wheat fields. After rain, or when snowfalls thaw, the streets, unnamed, unshaded, unpaved, turn from the thickest dust into the direst mud. At one end of the town stands a stark old stucco structure, the roof of which supports an electric sign - dance - but the dancing has ceased and the advertisement has been dark for several years. Nearby is another building with an irrelevant sign, this one in flaking gold on a dirty window - Holcomb bank. The bank closed in 1933, and its former counting rooms have been converted into apartments. It is one of the town's two "apartment houses," the second being a ramshackle mansion known, because a good part of the local school's faculty lives there, as the Teacherage. But the majority of Holcomb's homes are one-story frame affairs, with front porches.

Ближний план включает школу в Холкомбе. Становится понятно, что здесь живут преуспевающие люди, чьи дети получают прекрасное образование.

Крупный план составляют портреты погибших и их убийц, интерьеры в доме Клаттеров и других жителей поселка. Любовно выписан интерьер самой красивой комнаты в доме – спальни Нэнси. Воздушный вид этой девичьей келье придает бело-розово-голубой колорит. Зефирная безмятежность обстановки вступает в невыносимый контраст с последующими событиями. Жизнь убийц составляет резкий контраст с этой красивой обстановкой обеспеченного американского дома, с яблоневым садом, носящим название Эдем. А эти молодые убийцы с искалеченной психикой явились совсем из другого, отнюдь не райского пространства.

Крупным планом даны также портреты действующих лиц – одинаково беспристрастно как жертв, так и преступников, – в том числе и последний «коллективный портрет» переставшей существовать счастливой и благополучной семьи, помещенной в четыре заваленных цветами гроба. Авторская интенция не окрашена эмоциями, констатируется факт: «зрелище было ужасно».

Использование фактографического материала в романе «Хладнокровное убийство» обнаружило присутствие кинематографических приемов. Ж.Г. Коновалова, автор статьи «Кинематографические приемы в документальном романе Т. Капоте «Хладнокровное убийство» (2013) выделяет следующие приемы: смена планов, панорамная съемка, параллельный и последовательный монтаж [Коновалова]. Все это сближает поэтику журналистского романа факта с кинороманом. Книга очень кинематографична и впоследствии дважды экранизирована – в 1967 и 1996 годах.

В предисловии к роману Т. Капоте поясняет свои задачи и способы их выполнения методом «сбора

информации», подчеркивая документальность романа как принцип изображения и его синтетическую жанровую природу»: «Весь материал книги или взят из официальных документов и интервью с людьми, непосредственно причастными к событиям, по большей части – результат многочисленных расспросов, которые я производил в течение долгого времени...»; «Я пытался создать журналистское повествование, но представить факты с помощью приемов художественной литературы, чтобы невымышленная история звучала как роман»; «Я хотел написать журналистский роман, нечто масштабное, обладающее убедительностью факта, глубиной и свободой прозы, точностью поэзии» (перевод М. Гальпериной) [Капоте: 6].

Роман имеет подзаголовок: «A True Account of a Multiple Murder and Its Consequences» («Правдивое описание убийства нескольких человек и его последствия»). В основе его лежит реальное криминальное происшествие: ночью 15 ноября 1959 года Перри Смит и Ричард Хикок ворвались в дом фермеров Клаттеров в Холкомбе в штате Канзас с целью ограбления и убили всю семью, включая двоих детей. В критике мало обращают внимания на эпиграф к роману, но в нем сама суть проблемы наказания убийц в трактовке автора. Эпиграф, отнесенный ко всем персонажам романа, как жертвам, так и убийцам, – это цитата из «Баллады о повешенных» средневекового поэта Франсуа Вийона: «Мы жили, как и ты. Нас больше нет. Не вздумай осуждать – безумны люди. Мы ничего не возразим в ответ. Взглянул и помолись, а Бог рассудит» [Капоте: 8].

Цитатный эпиграф связан не только с одинаковой формой наказания преступников – казнь через повешение, но и с идейной задачей повествования, и с манерой повествователя. Т. Капоте стремится фактографически точно показать жизнь всех, кто попадает в поле зрения его «камеры-обскуры», но не ставит задачей выносить какие-то заключения и тем более делать выводы о степени виновности, как и анализировать причины случившегося («не вздумай осуждать – безумны люди»). Сначала он, как в журналистике, накапливает материал. Переход количества в качество случится только в заключительных главах романа. При этом в криминальном романе-расследовании в центре внимания традиционно должны быть жертвы преступления – семья безвинно убитых людей. Капоте же одинаково объективно и беспристрастно показывает как членов семьи, их соседей, друзей и других благонамеренных граждан, так и преступников, объединяя их в единое понятие – «люди Америки». Внимание, уделенное жертвам, жизнь которых оборвалась уже в конце первой части, недостаточно для полного рассказа о людях Америки. Но дальше пойдет рассказ обо всех других людях, оставшихся

жить, и в первую очередь о самих преступниках – Перри и Дике (до момента их казни). Таким образом, убийцы становятся не объектом преследования и разоблачения, как традиционно принято в криминальном романе, а основными персонами дальнейшего повествования. Их образы созданы уже в первой части, причем с помощью тех же приемов, что и образы «благонамеренных граждан» – портрет, семья, рассказ о них, включающий подробные биографические сведения. Отсутствует только интерьер и описание внешней среды жилища по той причине, что эти люди «не укоренены» в реальности, в отличие от семьи Клаттеров и их соседей, у них нет собственных домов, имений, хозяйства. Положение их в обществе иное – они отщепенцы. Имущественный критерий и отличает их от «благонамеренных» граждан: у них, как и у их семей, нет материальных ценностей.

В обществе «развитого капитализма», или «обществе потребления», факт наличия материальной собственности становится главным критерием личности человека. Это объективный факт реальной социально-исторической среды – Америки 50–60-х годов XX века, общество которой разделено на две основные категории – элиту и массу – именно по этому имущественному критерию. По имущественному признаку разделяются и герои романа. Как бы бесстрастно ни велось повествование о них, они разделены на тех, кто «имеет», и тех, кто «не имеет». Прием фиксации событий как бы с помощью объективной съемочной камеры выявил факт, который был предсказан еще Гербертом Уэллсом в научно-фантастическом романе-антиутопии «Машина времени» (1895): наступление такого исторического момента развития общества потребления, когда «элои» (элита) становятся пищей для «марлоков» (низшие слои, масса).

Таким образом, криминальный журналистский роман позволяет дать анализ не только и не столько причин данного реального криминального события, но и социальный срез состояния американского общества в целом. Вопрос о том, укоренилась ли подобная литературная форма, не имеет однозначного ответа. Но по отношению к ряду других текстов роман Капоте сыграл роль прецедентного текста, так как они созданы по его типу и с явной на него оглядкой. О степени успешности попытки Т. Капоте создать качественно новую литературно-публицистическую форму можно судить по быстрому появлению последователей и приверженцев. Первый среди них – Норман Мейлер (1923–2007), который обращается к теме войны во Вьетнаме в 1967 году. Материал к публицистической книге «Армии ночи» собирался в течение года. Весной 1968 года роман был издан. По форме это документ и размышления писателя об американской оппозиции официальной военной политике по отношению к Вьетнаму. Книга Капоте

перекликается через полтора десятилетия и с криминальным документальным романом Нормана Мейлера «Песнь палача» (1979).

В своей диссертационной работе Т.Н. Амирян употребляет термин «детективный нарратив». В составе такого текста он выделяет две подгруппы: «черный роман» и роман, заключающий тайну. По отношению к роману Т. Капоте допустимо первое определение: это «черный роман» с мало мотивированным кровавым убийством. По наблюдению Т.Н. Амиряна, «в детективном «рассказе» история состоит из двух наложенных друг на друга временных пластов: расследование преступления и причины, приведшие к нему» [Амирян].

Т. Капоте показывает преступление как уже свершившийся факт, имеющий результат. Основное внимание уделено расследованию причин, приведших к нему. И здесь он будет рядом с совершившими злое деяние молодыми людьми до последних минут их жизни, присутствуя по просьбе Перри при казни. Вопрос о том, искореняется ли преступление подобным образом, остается открытым и только предложен для размышления читателям. Но объективная реальность дает отрицательный ответ: преступления продолжают, так как сохраняется социальная их подоснова. Неизменна и природа человеческая, порождающая определенный процент аномальных личностей.

Проделанный анализ романа «Хладнокровное убийство» Т. Капоте позволяет прийти к заключению, что автором были реализованы две основные творческие задачи: создать художественно-документальный роман новой формы и привлечь внимание общественности к проблеме смертной казни, которую этот роман поднимает.

Об устойчивости созданной жанровой формы говорит растущий интерес к ней в настоящее время. В центре внимания оказались истории обычных, ничем не знаменитых людей в реальных обстоятельствах. Как пример – книга У.В. Меджор «Запах денег» (1999). Повышенный интерес наблюдается и к военной тематике – документальная книга Дж. Литтелла «Чечня. Год третий» (2009). И не угасает внимание к тематике катастроф и стихийных бедствий. Наглядно это видно в книге Э.Э. Натт «Крушение леди Мэри» (2011).

Т. Капоте удалось создать качественно новую форму романа XX века – документального криминального «журналистского романа-расследования», в основе которого лежит модель «журналистского расследования». Непосредственное влияние заключается в появлении аналогов жанра. Более сложное влияние романа Капоте – на возникновение идеи нарративного журналистского повествования, основанного на точке зрения повествователя.

Список литературы

Амирян Т.Н. Конспирологический детектив как жанр постмодернистской литературы: Д. Браун, А. Ревазов, Ю. Кристева: дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 330 с.

Бозрикова С.А. Нарративная структура романа Т. Капоте «Хладнокровное убийство»: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Самара, Самарский гос. ун-т, 2015. 18 с.

Вулф Т. Новая журналистика и антология новой журналистики / под ред. Т. Вулфа, Э.У. Джонсона; пер. с англ. Д. Благова и Ю. Балаяна. СПб.: Амфора, 2008. 574 с.

История литературы США / отв. ред. Е.А. Стеценко. М.: ИМЛИ РАН, 2013. Т. 6: Литература между двумя войнами. Кн. 1. 855 с.; Кн. 2. 967 с.

Капоте Т. Обыкновенное убийство. М.: Прогресс, 1968. 198 с.

Коновалова Ж.Г. Кинематографические приемы в документальном романе Т. Капоте «Хладнокровное убийство» // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2013. № 2. С. 197–206.

Литературная история США: в 3 т. М.: Прогресс, 1977–1979.

Лидский Ю.Я. Трумэн Капоте // Очерки об американских писателях XX в. Киев: Наукова думка, 1968. 267 с.

Местергази Е.Г. Литература non-fiction/non-fiction: экспериментальная энциклопедия: (русская версия). М.: Совпадение, 2007. С. 7–8.

Орлова Р.Д. Трумэн Капоте // История американской литературы / под ред проф. Н.И. Самохвалова. М.: Просвещение, 1971. Ч. 2. С. 297–300.

Орлова Р.Д. Убийство становится обыкновенным // Новый мир. 1966. № 9. С. 256–261.

Палиевский П.В. Документ в современной литературе. Литература и теория. М.: Советская Россия, 1978. 288 с.

Тынянов Ю.Н. Литературный факт // Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977.

Туровская М.И. Герои «безгеройного времени». Заметки о неканонических жанрах. М.: Искусство, 1971.

Юрьев А.Б. Национально-культурная специфика американского юга и ее отражение в художественной литературе как переводческая проблема: на материале произведений Т. Капоте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 19 с.

Truman Capote In Cold Blood: Penguin 2000. URL: https://royallib.com/book/Capote_Truman/In_Cold_Blood_A_True_Account_of_a_Multiple_Murder_and_Its_Consequences.html (дата обращения: 30.05.21).

References

Amiryan T.N. *Konspirologicheskii detektiv kak zhanr postmodernistskoi literatury: D. Braun, A. Revazov, Yu. Kristeva*: dis. ... kand. filol. nauk [Conspiracy detec-

tive as a genre of postmodern literature: D. Brown, A. Revazov, Yu. Kristeva]. Moscow, 2012, 330 p. (In Russ.)

Bozrikova S.A. *Narrativnaia struktura romana T. Kapote "Khladnokrovnoe ubiistvo": avtoref. ... dis. kand. filol. nauk* [The narrative structure of the novel: "In Cold Blood" by T. Capote]. Samara, Samarskii gos. un-t, 2015, 18 p. (In Russ.)

Vulf T. *Novaia zhurnalistika i antologiya novoi zhurnalistiki* [New journalism and anthology of new journalism], ed. by T. Vulf, E.U. Dzhonson, trans. by D. Blagov, Iu. Balaian. SPb., Amfora Publ., 2008, 574 p. (In Russ.)

Istoriia literatury SShA [The History of American Literature], ed. by E.A. Stetsenko. Moscow, IMLI RAN Publ., 2013. Vol. 6: *Literatura mezhdv dvumia voiami* [Literature between the two wars]. Iss. 1. 855 p.; iss. 2. 967 p. (In Russ.)

Kapote T. *Obyknovennoe ubiistvo* [In Cold Blood]. Moscow, Progress Publ., 1968, 198 p. (In Russ.)

Konovalova Zh.G. *Kinematograficheskie priemy v dokumental'nom romane T. Kapote "Khladnokrovnoe ubiistvo"* [Cinematic techniques in the documentary novel by T. Capote "Murder in cold blood"]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Uchenye zapiski Kazan University. Series: Humanities], 2013, № 2, pp. 197–206. (In Russ.)

Literaturnaia istoriia SShA [The Literary History of the USA]: in 3 vols. Moscow, Progress Publ., 1977–1979. (In Russ.)

Lidskii Iu.Ia. *Trumen Kapote. Ocherki ob amerikanskikh pisateliakh XX v.* [Notes about American writers of the XX century]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1968, 267 p. (In Russ.)

Mestergazi E.G. *Literatura non-fikshn, non-fiction: eksperimental'naia entsiklopediia: (russkaia versiiia)* [Non-fiction Literary Experimental Encyclopedia: (russian version)]. Moscow, Sovpadenie Publ., 2007, pp. 7–8. (In Russ.)

Orlova R.D. *Trumen Kapote. Istoriia amerikanskoi literatury*, ed. by prof. N.I. Camokhvalova [The History of American Literature]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1971, vol. 2, pp. 297–300. (In Russ.)

Orlova R.D. *Ubiistvo stanovitsia obyknovennym* [Murder becomes common]. *Novyi mir* [New world], 1966, № 9, pp. 256–261. (In Russ.)

Palievskii P.V. *Dokument v sovremennoi literature. Literatura i teoriia* [Document in the contemporary Literature. Literature and theory]. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1978, 288 p. (In Russ.)

Tynianov Iu.N. *Literaturnyi fakt* [Literature fact]. *Poetika. Istoriia literatury. Kino* [Poetry. The History of Literature. Cinema]. Moscow, Nauka Publ., 1977.

Turovskaia M.I. *Geroi "bezgeroinogo vremeni". Zametki o nekanonicheskikh zhanrakh* [Heroes of heroes-free time. Notes of unfinished genres]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1971. (In Russ.)

Iur'ev A.B. *Natsional'no-kul'turnaia spetsifika amerikanskogo iuga i ee otrazhenie v khudozhestvennoi literature kak perevodcheskaia problema: na materiale proizvedenii T. Kapote: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [National and cultural specification of the American South and its reflection in fiction as a problem of translation: PhD thesis]. Moscow, 2007, 19 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 26.04.2021; одобрена после рецензирования 18.06.2021; принята к публикации 18.08.2021.

The article was submitted 26.04.2021; approved after reviewing 18.06.2021; accepted for publication 18.08.2021.

СУДЬБА АФРИКАНСКОЙ МАСКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ФРАНКОЯЗЫЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ ЗАПАДНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АФРИКИ

Ляховская Нина Дмитриевна, доктор филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, samaki@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается отношение современных африканских писателей к традиционной зооморфной и антропоморфной маске. В 1960–70-е гг. XX в. для сторонников теории негритюда сакральная маска воплощала дух предков и неразрывную связь с традицией. В переходную эпоху (90-е гг. XX – начало XXI вв.) наблюдается процесс десакрализации маски и появляются произведения, в которых проводится мысль о гибели традиции. В статье последовательно рассматривается история возникновения и укрепления интереса к образу африканской маски как наиболее яркому символу африканских традиций со стороны деятелей культуры, искусства и науки и отражения этого символа в произведениях представителей франкофонной литературы Западной и Центральной Африки в разные временные периоды. В статье делается вывод о трансформации взглядов исследуемых писателей на будущее африканских традиций от восторженно-романтического (как, например, в лирике Л.С. Сенгора или Эно Белинги) отношения к образам прошлого и африканской традиции – маскам, культу предков – до отчаяния и горечи от осознания десакрализации традиционных объектов и образов и профанации традиции под давлением реалий современности (драматургия К. Кваюле). Отношение африканских писателей к образу маски, напрямую связанному с темами сохранения традиций и поиска литературными героями-африканцами своей идентичности, постепенно меняется, демонстрируя пессимистический взгляд франкофонных африканских писателей на будущее африканских традиций.

Ключевые слова: традиция, маска, зооморфизм, антропоморфизм, эстетический канон, десакрализация, бифуркация сознания.

Для цитирования: Ляховская Н.Д. Судьба африканской маски в произведениях франкоязычных писателей Западной и Центральной Африки // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 202–209. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-202-209>

Research Article

THE FATE OF AFRICAN MASK IN THE WORKS OF FRENCH-SPEAKING WRITERS IN WEST AND CENTRAL AFRICA

Nina D. Lyakhovskaya, Doctor of Philological Sciences, Gorky Institute of World Literatures, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, samaki@mail.ru

Abstract. The article examines the attitude of contemporary African writers to the traditional zoomorphic and anthropomorphic masks. In the 1960s–70s, for the supporters of the theory of negritude, the sacred mask embodied the spirit of ancestors and an inextricable connection with tradition. In a transitional era (the 1990s – the early 21st century), the process of desacralisation of the mask has been observed and such works appear in which the idea of the death of tradition is carried out. The article consistently examines the history of the emergence and strengthening of interest in the image of the African mask as the most striking symbol of African traditions on the part of cultural, art and scientific workers and the reflection of this symbol in the works of representatives of Francophone literature in West and Central Africa in different periods of time. The article concludes about the transformation of the views of the studied writers on the future of African traditions from an enthusiastic and romantic (as, for example, in the lyrics of Léopold Sédar Senghor or Samuel-Martin Eno Belinga) attitude to the images of the African past and tradition – masks, ancestor cult – to despair and bitterness from the awareness of the desacralisation of traditional objects and images and the profanation of tradition under the pressure of the realities of the present day (drama by Koffi Kwahulé). The attitude of African writers to the image of the mask, which is directly related to the themes of preserving traditions and the search of their identity by African literary heroes, is gradually changing, demonstrating the pessimistic view of Francophone African writers on the future of African traditions.

Keywords: tradition, mask, zoomorphism, anthropomorphism, aesthetic canon, desacralisation, bifurcation of consciousness.

For citation: Lyakhovskaya N.D. The fate of African mask in the works of French-speaking writers in West and Central Africa. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 202–209 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-202-209>

Маски – многовековой огромный пласт негритского искусства, традиционного Art Nègre, чрезвычайно разнообразный по материалу, технике изготовления и значению. У многих африканских народов известны маски-наголовники, маски-шлемы, маски-личины, до сих пор сохраняющие свою основную – религиозную – функцию, связывая мир живых с миром мертвых. Самые старые, по мнению искусствоведов, – это зооморфные маски, более новые – зооантропоморфные и антропоморфные.

Например, малинке, самый многочисленный народ в Кот-д’Ивуар, когда пришли с востока, из Ганы, принесли с собой технику обработки металла и металлических масок, воплощающие религиозные представления. Затем малинке научились обрабатывать дерево у местных племен сенуфо и гуру. Зооморфные маски малинке и бауле изображают животных (обезьян, слонов, буйволов, лошадей, черепах и других), они связаны с фольклором и посвящены культу предков. Эти маски изготавливались резчиками по дереву и окрашивались охрой или белой глиной. Стиль зооморфных деревянных масок и скульптур бауле объединяют три черты: геометризм, экспрессионизм и идеализированный натурализм.

Для африканцев сакральная маска была своего рода «машиной времени», средством кратчайшего пути в прошлое, к предкам. Она вызывала в субъективном и коллективном сознании всех членов племени и каждого в отдельности ощущение связи времен, присутствия прошлого в настоящем, синхронизации прошлого и настоящего, то есть обуславливала восприятие темпоральности как единого времени в тотальном жизненном потоке.

Визуальная коммуникация с масками предков помогала ощутить их дыхание, родство с ними: вспомним знаменитое стихотворение сенегальского поэта Бираго Диопа «Дыхание предков».

Как писал французский искусствовед Жан Габю в книге «Негрское искусство», «эти графические и скульптурные формы заключают в себе все законы, мораль, перечень ценностей, войн, побед... весь опыт, необходимый человеку для того, чтобы выжить в специфических условиях Черной Африки» [Gabus: 65].

Этот способ визуальной коммуникации практикуется и в настоящее время в тех лесных школах, где деревенская молодежь проходит обряд инициации.

Со времени установления государственности в странах Западной Африки (XII–XVII вв.) маски выполняли и светские, и некоторые административные функции, например при инаугурации верховных вождей и правителей, и даже театральные функции в честь знаменательных событий и праздников.

Однако в истории функционирования масок и их рецепции происходили изменения, особенно это кос-

нулось антропоморфных и зооантропоморфных масок. По словам В.Б. Мириманова, «гуманизация художественных образов, стремление к воплощению в искусстве человека как такового (в отличие от абстрактного вместилища духа) – следствие усиления светской власти, отодвинувшей на второй план власть тайных обществ, мистических страхов перед человеком в маске» [Мириманов: 139].

В начале XX в. в Европе резко вырос интерес к традиционному африканскому искусству. В результате экспедиций европейских путешественников и исследователей в Африку (один только немецкий этнограф Лео Фробениус организовал 12 экспедиций) в этнографических музеях Парижа, Берлина, Дрездена были представлены коллекции африканских артефактов (скульптура, мебель, украшения, ритуальные предметы, маски). Общеизвестно значительное, хотя и неглавное, влияние, оказанное негрским искусством (Art Nègre) на новаторские направления XX в. в живописи – фовизм и кубизм во Франции («Купальщицы» Андре Дерена, «Авиньонские девушки», «Портрет Гертруды Стайн» и другие работы Пабло Пикассо), немецкий экспрессионизм («Женщина с ананасом», «Женщина, сидящая а-ля негритянская скульптура» Эрнеста Теодора Кирхнера, «Натюрморт с масками и статуэтками» Эмиля Нольде).

Сенегальский искусствовед Сальва Бакр в 1987 г. в статье «Африканские маски» так романтично определил причину внимания художников европейского авангарда и в целом людей XX в. к традиционному африканскому искусству: «Посредством маски африканец стремился установить церемониал, способный выразить его страхи, тревоги перед силами природы, а по возможности – и бороться с ними. Маска внушает то страх и ужас, то ощущение тайны, а также олицетворяет дыхание предков, контролирующих некротимые силы диких животных джунглей и других созданий, угрожающих человеку. Этим можно объяснить восхищение современного человека африканским искусством, которое использует главным образом натуральные материалы, такие как слоновая кость, эбенное дерево и другие известные деревья, – это своего рода ностальгия по начальным этапам эволюции человека. Можно также объяснить это восхищение изяществом африканской пластики и стремлением к стилизации ее строгого стиля» [Bakr: 145].

В самой Африке, в ставших независимыми странах открывались центры народных ремесел, в которых осуществлялась связь с традиционным искусством. Одновременно развивалось так называемое аэропортное искусство, то есть изготовление на продажу, для туристов, например, масок, имитирующих традиционные культовые, но, разумеется, лишенные сакральности.

Глубинная одухотворенная связь с традицией, в частности с масками, ярче всего проявилась в 60-е и 70-е годы в африканской лирике. Многие африканские поэты посвящали свои стихи маскам как части материального и духовного наследия собственной аутентичной культуры, обладающей самоценностью в спектре мировой культуры. Как писал Л.С. Сенгор в 1964 г. в поэме «Для Калама», «на стенах исконные маски, чистые, и такие далекие, и такие живые» [Леопольд Седар Сенгор: 63].

Сборник «Африканские маски» камерунского поэта Самюэля Мартена Эно Белинга (род. в 1935 г.) – настоящий гимн маскам. Согласно Белинге, традиционные маски символизируют гармоничное единство человека, матери-земли и космических сил. Они выполняют роль посредников между человеком и невидимым миром, между человеком и бессмертными душами предков. В коротких, от 3 до 9 строк, миниатюрах, похожих на афоризмы или максимы, Эно Белинга взволнованно пишет о смысле масок и скульптур, эстетическом и духовном:

Это путь, вертикаль
Небо – земля – сердце человека
К свету

(Здесь и далее перевод автора) [Belinga 1972: 74].

Маски народа булу¹ символизируют преображение человека в его ничтожестве в творца, пронизанного светом любви:

Только сердце человека
Такого как мы
Видит сущность вещей и существ

Ослепительный свет
Озаряет наш темный путь
И только сердце человека
Знает путь к этому свету любви.

[Ibid.]

В противовес некоторым африканским поэтам, которые, как камерунец Франсис Бебей, например, считали, что неафриканцы не могут понять смысл и значение масок (см., например, его стихотворение «Маска Ифе»), Эно Белинга был уверен, что и неафриканцы, не посвященные, могут понять и эстетику, и эзотерику масок и скульптур, их сакральный смысл. В стихотворении «Терракота Ифе» он писал:

Ты не объект для культа,
Ты – сокровенное место,
Откуда исходят потоки
Потоки любви к всевышнему Свету.

[Ibid.]

В африканской франкоязычной прозе мы не встретим такого романтически-возвышенного восхищения масками, такого лирически взволнованного, даже патетического отношения к ним. В романах африканских писателей упоминание о масках, как правило, удосто-

веряет красоту девушки, возлюбленной героя, вообще красоту женщины. Например, конголезский писатель Анри Лопес в романе «В поисках Африк» [Lopes 1990], вспоминая оставленную на родине любимую девушку Кани, ограничивается замечанием, что она была похожа на маски Ифе (Ифе – город-государство народа йоруба в Нигерии в XII–XIX вв., один из крупнейших западноафриканских очагов древней цивилизации). Это были маски из сплава латуни и меди, известные красотой овальных лиц, аркообразных лбов, прямых носов и полных губ, и терракотовые розовые скульптурные женские головки.

Индивидуализация внешности объекта любви, детализация портрета, изображение специфической неповторимости не свойственны стилю африканских романистов. Так, например, Ф. Бебей в романе «Ашантийская куколка» [Bebey 1973], описывая Эдну, главную героиню книги, ограничивается лишь одним замечанием: «Она напоминала ашантийскую куколку». При этом он не имеет в виду красоту, потому что традиционные куклы Акуаба у народа ашанти – это продолговатые металлические фигурки на подставке, очень схематичные, с головой-диском, сужающимся книзу и едва помеченными носом и глазами, окольцованной шеей, цилиндрическим туловищем, условно обозначенными контурами рук. Акуаба символизировала плодородие, надежду и радость жизни.

Скорее всего, автор имел в виду то светлое впечатление радости и полноты жизни, которое производила на окружающих эта необыкновенно живая, общительная, энергичная и смелая девушка, рыночная торговка.

Еще одним подтверждением актуальности, насущного присутствия традиционных масок в сознании современных африканцев является получивший Гонкуровскую премию роман «Аллах не обязан» [Kiguma 2002] Ахмаду Курумы (1929–2003). Его герой, двенадцатилетний деревенский мальчик Бирахима, окончивший лишь начальную школу, волею обстоятельств оказывается в рядах детей-солдат, которых вербовали участники межэтнических конфликтов в Африке в середине 1990-х гг. Оторванный на несколько лет от семьи, в бесчеловечных условиях кровопролитных боев, Бирахима вспоминает лицо матери-калека, от которой он старался сбежать. Лицо матери казалось ему похожим на маску гуро, которую он видел дома: овальное, сужающееся книзу лицо (так называемый стиль *consave*, букв. вогнутый), выпуклый лоб, миндалевидные глаза, прямой довольно узкий нос, сжатые губы. Теперь это лицо, почти всегда залитое слезами, казалось ему одухотворенным, светлым.

На рубеже XX–XXI вв. в Африке, в переходную, «транзитную» эпоху, эпоху натиска глобализации, ломки традиционного уклада и традиционалистского универсально-целостного сознания, миксиризации

понятий, идей и даже моделей поведения, появился новый тип африканца с так называемым бифуркационным сознанием, возросшими индивидуалистическими амбициями, с нестабильной психикой, болезненно ощущающего несраставший шов соединения аутентичной и западной культур.

В литературах наметилась тенденция пессимистического взгляда на судьбу традиционной культуры и масок в частности. Убеждение в неизбежной гибели традиционной аутентичной культуры и, в частности, происходящей десакрализации и профанации африканской маски высказал ивуарийский писатель, драматург и режиссер Кофи Кваюле (род. в 1964 г.). Его пьеса «Хромая маска. Истории солдат» была поставлена автором в Бордо, в театре «Глоб», в 2003 г. Сопоставление названия пьесы и подзаголовок говорит о том, что автор хотел написать нечто вроде эпической комедии, а получилась театрализованная декларация автором своего кредо – исторической вины Запада, колониализма и в целом западной цивилизации в современном бедственном состоянии африканских государств и в гибели традиционной африканской культуры.

Действие пьесы начинается в безымянной африканской деревне во время Второй мировой войны в условной деревне (в любой из не оккупированных немцами стран: Кот-д'Ивуар, Чад, Габон, Убанги-Шари), где совершается традиционный ритуал с танцующей маской.

Эта маска связана с легендой о женщине в красной одежде, которая когда-то во время похорон собственной дочери танцевала поминальный танец и упала замертво. С тех пор ее соплеменники проводят поминальный ритуал-процессию, возглавляемую танцующей маской в красном одеянии, причем маской может быть и мужчина.

Внезапно ритуал прерывает появившийся французский офицер с сенегальскими стрелками. Он хочет набрать африканских солдат в ряды деголлевской «Свободной Франции» и почти дословно цитирует речь Де Голля 30 июля 1940 года: «Это не маленькая, карнавальная, нелепая война, на этот раз весь мир участвует в ней... И мой народ, униженный, но стойкий, призывает все свободные народы мира, начиная с вас, поскольку вы, как никто другой, знаете цену свободы, помочь нам» [Kwahulé 2003: 16].

Местная «королева», совершенно условная фигура, отвечает: «Когда мы были побеждены и съездили в колодцах нашего отчаяния, а наши слезы канули в глубину нашей слабости, мы не зывали ко всему миру. Скажите вашему шефу, что эта война – его война» [Kwahulé 2003: 16]. Эта точка зрения самого автора, которую он проводит и в романе 2010 г. «Господин Ки. Парижская рапсодия, чтобы смеяться обласкать время», а именно, что всякая война – абсурд,

а для африканцев, по его мнению, Вторая мировая война была чужой и непонятной, потому что они ничего не знали о фашизме и не понимали необходимости и значения борьбы с ним.

Офицер, как и «королева», тоже совершенно условный образ. Невозможно представить в реальности, чтобы резидент Де Голля мог так грубо и оскорбительно, грозя пистолетом, разговаривать с африканцами. Резиденты Де Голля, захваченные гитлеровцами, умирали под пытками, как генерал Делестрен или бывший мэр Лиона Жан Мулен, никого не выдав. Внимание офицера привлекает африканец в красной одежде. Он спрашивает, кто это, и, узнав, что это маска Предка, приказывает, грозя пистолетом, сорвать эти «лохмотья» и издевательски обращается к крестьянину-маске: «Добро пожаловать, Предок, в мир бедных людей!» [Kwahulé 2003: 18]

Крестьянин Голиба, стоящий голым перед капитаном, безмолвствует в шоке от кощунственных и безнаказанных действий француза. Унижение маски, публичное унижение и Предка, и его самого как человека – первая ступень в десакрализации маски в сознании Голибы.

Во второй сцене «Пароход» трагифарс с переодеванием продолжается. Офицер предстает в образе мажордома Шарля Александра, олицетворяющего колониальную политику «пряника». Он услаждает слух африканских рекрутов французскими шлягерами 30-х годов в исполнении певицы Пупинетты. А новобранцы пишут письма на родину (так представлены истории солдат), из которых ясно, что эта война – чужая для них, они просто подчиняются приказу, уступая силе – французскому начальству.

Сцена «Бой» воспринимается как бурлеск. Голиба почему-то оказывается один на один с немцами и, раненый в ногу, несомненно, погиб бы, если бы не явившийся как Deus ex machina Некто, похожий одновременно и на офицера, и на мажордома, который и убивает немца, спасая Голибу.

В сцене «Мари» Голиба оказывается в военном госпитале, и здесь наступает кульминация десакрализации маски в глазах ее охромевшего носителя. Он осознает, что, вернувшись в деревню, не сможет выполнять миссию маски и пользоваться уважением земляков. Обращаясь к однополчанину-африканцу, Голиба говорит: «Маска мертва, Сайдаллах. Что такое неполноценная маска? Что такое маска без ног? Что такое маска, которая не может танцевать? Я больше не маска. Маска умерла, Сайдаллах» [Kwahulé 2003: 40].

Переживая свою дефективность как маски, Голиба в это же время влюбляется в медсестру Мари-Изабеллу, как две капли воды похожую на певицу Пукинетту, таким образом продолжается фарс с переодеванием. Искус любви одолевает переживания Голибы,

он рвет письмо к отцу (которое писала за него Мари-Изабелла), где он пытался связать правду о своем участии в войне и нелюбовь к нему медсестры. В его сознании стирается память о маске предка и традиционных ценностях.

В сцене «Пакт» маска не только десакрализуется, но и Голиба становится травести, меняя маску Предка на маску правителя, подвергшись обольщению властью. Появляется все тот же Некто, господин Инкогнито, то есть маска колонизатора, который намеревается в своих целях использовать ставшие после войны независимыми колонии: «Ваша страна после этой войны, бесспорно, получит независимость. В благодарность за храбрость, которую ее сыновья доказали в этой трагедии... Нужны будут такие люди, как вы, Голиба, способные понять сложность современного мира, который открывается навстречу вашей юной и хрупкой стране... Тот, кто добьется власти, и есть верховная маска! Вам достаточно появиться, чтобы стать вашей маской, даже не танцуя... Власть заставит забыть о вашей инвалидности» [Kwahulé 2003: 62-63].

Не совсем еще утративший природную честность Голиба говорит соблазнителью, что не умеет читать и писать, что он просто хотел бы снова стать маской, чтобы заслужить любовь Мари, но, играя на тщеславии Голибы, Белый господин, демагог и фразер, преодолевает его смущение: «Весь вопрос – в наличии мечты... Мечтать не научат ни в какой школе. И потом, у меня есть друзья... Я попрошу их помочь вам. Они будут вам советовать, и все ваши мечты потекут потоками слов, прежде чем вы донесете их до подчиненных» [Kwahulé 2003: 63].

В заключительной сцене «Менестрель», имитирующей придворные празднества в средневековых феодальных государствах, Голиба, ставший президентом своей страны, подобно феодальному сюзеру, раздает своим вассалам, бывшим боевым товарищам, награды, медали и министерские должности. Офицер-мажордом – спаситель и советник, поженившиеся Голиба и Мари чокаются шампанским и танцуют под музыку Концерта для скрипки и гобоя до мажор, опус № 5, господина де Сен-Жорж.

Маска колонизатора, одного из двух протагонистов, позволяет увидеть интерлитературную аллюзию на комедию дель арте, жанровую разновидность комедии положений с элементами бурлеска и буффонады. Прежде всего пьесу Кваюле сближает с комедией дель арте крайний схематизм сюжетной интриги, впечатление импровизационной легкости, поверхностности композиции.

В этом аспекте Голиба – лирический герой, Пьеро (когда он без маски), его переживания и грусть «картонны», не подлинны. «Картонна» и Коломбина – Мари-Пупинетта с ее кокетством и показной наивно-

стью. В финале Голиба-Пьеро оборачивается Арлекином, слугой Хозяина, то есть Голиба – двулика маска. А маска колонизатора восходит к маске купца Панталоне и к маске Капитана в комедии дель арте.

В истории театра XX в. были неоднократные попытки обращения к комедии масок режиссеров-новаторов, таких как В.Э. Мейерхольд и Е.Б. Вахтангов.

В упомянутом выше романе «Господин Ки. Парижская рапсодия, чтобы смеясь обласкать время» К. Кваюле подтверждает свой тезис о гибели традиции как бы от противного. Если Голиба переживает в своем сознании отторжение от традиции, десакрализацию маски, то герой романа Кваюле, «проглоченный школами Франции», по его словам, стремится стать маской предка, воссоединиться с традицией, обретя таким образом гармонию своего внутреннего мира.

Роман не имеет ни фабулы, ни сюжета в классическом смысле. Некий безымянный ивуарийский студент от первого лица сообщает, что переселился из одной парижской мансарды в другую, более просторную, и узнал от консьержки, что прежний жилец, также ивуарийский студент, тринадцать дней назад покончил с собой, бросившись в метро под поезд. Она узнала это из новостей по телевизору, к своему величайшему изумлению, потому что этот студент (она называла его месье) был очень спокойный, вежливый юноша, только очень одинокий.

Рассказчик находит на столе магнитофонную ленту, словно нарочно оставленную на видном месте, и затем слушает запись голоса будущего самоубийцы, записывая услышанное без комментариев. Из записи рассказчик понимает, что прежний жилец-«рапсод» вспоминает свою родную деревню Джими и ее жителей, которых высокомерно считает дураками, пьяницами, невеждами или безумцами. Композиция этой «рапсодии» причудливая, мозаичная, отражающая спутанное сознание будущего самоубийцы-шизофреника с явными признаками раздвоения личности и навязчивой идеей стать маской предка.

Начальные воспоминания «рапсода» полны таких забавных, комических эпизодов из жизни обитателей Джими, что рассказчик недоумевает, как такой веселый парень мог покончить самоубийством. Однако дальше истории становятся все мрачнее, все отчетливее в них проступает лейтмотив – навязчивая идея будущего самоубийцы о смерти от колдовства его родственников и друзей. Одновременно все явственнее и спутанность сознания. Очень показателен в этом аспекте эпизод истории о жизни и смерти крестьянина по прозвищу Алеман (Allemand означает «немец» по-французски) и его жены, за скверный характер, озлобленность и сварливость прозванной Гестапо.

Алеман во время Второй мировой войны был трубочом во французских войсках Свободной Франции и обожал Де Голля. Перед его хижинкой развевался

французский триколор, а по утрам он напевал Марсельезу. Одновременно он восхищался и немцами, их храбростью, стойкостью и особенно дисциплиной. Алеман даже приветствовал приходящих к нему гитлеровским жестом, а дома у него было изображение свастики.

Однажды Гестапо, возмущенная ленью мужа, который предпочитал всем занятиям игру в кости, набросилась на Алемана с ругательствами, и он дал ей пощечину. Тогда она разорвала французский флаг (она ненавидела Де Голля, которым постоянно восторгался Алеман). Разъяренный Алеман стал избивать жену и, чтобы окончательно опозорить в глазах собравшихся соседей, сорвал с нее всю одежду, вплоть до набедренной повязки. Голая Гестапо пошла в дом и вышла оттуда со свастикой на интимном месте и сакральным фетишем-амулетом в руке, оберегом мужа, и разбила его, бросив в Алемана. Алеман вынес из дома свою старую трубу, стал на колени на клочки разорванного триколора и начал играть печальную мелодию. И вдруг за несколько секунд превратился в белого цыпленка, которого унес в когтях неизвестно откуда прилетевший ястреб. Гестапо впала в транс и стала танцевать, несмотря на начавшееся кровотечение. Это мстил кощунственно разбитый фетиш. С тех пор Алемана никто в деревне не видел, а Гестапо нашли утром повешенную на дереве колы вместе со свастикой.

Концовка истории свидетельствует о спутанном сознании «рапсода», в котором смешиваются реальные факты и ирреальные, воображаемые. Но рассказчик не комментирует эту историю. Однако затем он слышит, что в комнате студента появляется некто Месье Ки. Студент-«рапсод» обращается к нему с предложениями разделить обед, открыть окно. При этом консьержка говорила рассказчику, что к его предшественнику никто не приходил, за исключением ее дочери Сью Эллен, два раза в неделю убиравшей его комнату. Рассказчику не приходит в голову, что это случай проявившейся шизофрении. Из беседы с Ки (говорит один лишь будущий самоубийца) становится ясно, что у «рапсода» астма в тяжелой степени, и доктор сказал, что жить ему максимум три года. Рассказчик слышит его затрудненное дыхание, кашель и узнает, что болезнь обострилась три месяца назад, когда к «рапсоду» стала приходиться Маска Предка-Киноцефала. Об этой маске еще писал отец, а именно, что умер дядя, который должен был стать Маской Предка-Киноцефала, и теперь сын должен вернуться и выполнить эту миссию – стать сакральной маской в ритуальных церемониях.

Магнитная лента воспроизводит «диалог» Маски и «рапсода».

Маска: «...Я скажу Предкам,
Я скажу членам
Братства Предка-Киноцефала,

Я скажу в деревне
что я видел и что
после нескольких попыток
я говорил тебе о судьбе,
твоей судьбе отныне,
я им скажу, что тебе нужно время,
я скажу, что позволили тебе это время,
что ты наконец решился и
последуешь за мной,
так как никто не поймет
твоего отказа,
никто никогда
не отказывается от чести,
от памяти о Предке».

«Рапсод»: «Предок,
я уже говорил и еще раз скажу,
что я ничего не имею против того,
чтобы стать маской,
я об этом даже всегда мечтал,
я раздавлен честью
подняться так высоко, чтобы быть
вместе с Предками,
Братством,
деревней...
Просто сейчас
мне нужно время,
два месяца,
месяц,
неделю может быть.
чтобы отныне танцевать
на всех праздниках,
на всех началах и концах,
во имя рождения и смерти...»

[Kwahulé 2010: 125–126]

«Рапсод» переживает мучительную паническую атаку страха перед неизбежностью своей смерти, о чем свидетельствует аудиозапись: «Поторопимся, так как метро не ждет. А там Предок-Киноцефал, Предки, те из Братства, меня ждет весь мир» [Kwahulé 2010: 135].

Текст явно перегружен длинными монологами консьержки, скудоумной мешанки, живущей среди образов виртуальной реальности популярных американских телесериалов. Она настолько погружена в этот мир, что ей легче поверить в материализацию призрака-киноцефала, прильнувшего к двери ее комнаты, чем увидеть реальную драму собственной дочери, ставшей любовницей «рапсода».

Скучнейшие, банальные словоизвержения консьержки, кажется, введены только для того, чтобы как-то сбалансировать лихорадочный поток открытий будущего самоубийцы и ошеломляющую немому Сью-Эллен, объекта его любви. На самом деле Сью-Эллен вовсе не объект его любви. Об образности здесь вообще не приходится говорить. Сью-

Эллен – безмолвный и бесплотный призрак, обретающий некоторую, очень ограниченную телесность лишь в сексуальных видениях «рапсода». Но и маска – не объект его любви. Из его монологов можно понять, что он физиологически боится маски Предка, старается убежать от родственно-племенных «домогательств» в выполнении долга перед деревней. Об этом говорят его жалобные просьбы об отсрочке миссии: два месяца, месяц, неделю. При этом возникает ощущение «дежавю»: то ли апокриф о мадам Дюбарри, которая на эшафоте трогательно сказала палачу «Еще минуточку, пожалуйста», то ли отчаянный безумный возглас «Сейчас, сейчас, сейчас, сейчас...» Кириллова вслед взбешенному Верховенскому в «Бесах» Достоевского. Ясно, что все эмоции студента подавлены страхом перед неизбежной близкой смертью. Письмо отца о необходимости вернуться в деревню и стать Маской, по-видимому, активизировало гнездившееся в его сыне душевное заболевание.

Оба героя Кваюле, и невежественный крестьянин Голиба, и образованный студент не могут стать носителями традиции. И в пьесе, и в романе Кваюле главной общей темой становится вестернизация традиций, стирание в сознании современных африканцев сакральных смыслов традиций, в том числе масок, исчезновение «дыхания предков».

В ставших независимыми африканских странах местные традиции сразу стали восприниматься как национальные, ведь как писал Г. Померанц в книге «Выход из транса», «в прошлом Африки мы не находим ни сложившихся наций, ни всемирных, интернациональных связей (созданных только капитализмом). А в настоящем рядом с процессом формирования наций поднимаются волны субнациональных движений (трибализм, коммунизм, регионализм) и движений «паннациональных», охватывающих целые группы народов и создающих своеобразные кусты наций... Самобытность становящихся («новых») наций Азии и Африки тесно связана со старой, донациональной формой общения этнических единиц» [Померанц: 197, 209].

Задача сохранения аутентичного культурного наследия Африки, духовного и материального, связь с традицией, ее сохранения, сбережения стали доминирующей составляющей идейно-художественной парадигмы творчества всех современных африканских писателей и, шире, целью африканской интеллигенции.

Однако, как писал в той же книге Г. Померанц, «В странах Африки... условия не дают интеллигенции развернуться. Попав на родину, человек с дипломом довольно быстро становится ответственным работником, иногда прямо министром, и поглощается административной буржуазией» [Померанц: 251].

Политическая африканская элита, президенты очень часто используют традицию во всех ее видах демагогически, в узко эгоистических, прагматических целях, для удержания и усиления собственной власти. Это прекрасно показано в романах «Смех сквозь слезы» Анри Лопеса [Lopes 1982], «Звездные мальчики» Эмманюэля Донгалы [Dongala 1998], «В ожидании голосования диких животных» Ахмаду Курумы [Kouruma 1998].

Пессимистичный, горестный взгляд Коффи Кваюле на будущее традиций в Африке обусловлен определенными реальными обстоятельствами. Подзаголовок его пьесы «Истории солдат» говорит о том, что Кваюле хотел представить типичную историю профанации традиции, ее гибели как одного из вариантов ее судьбы.

Стоит отметить при этом, что личный жизненный опыт Кваюле, его творческий путь² дают основание для более оптимистического прогноза судьбы африканских традиций.

Примечания

¹ Белинга по этнической принадлежности булу.

² Начиная с 1992 года К. Кваюле осуществляет постановки собственных пьес, причем исключительно с африканской тематикой и спецификой, не только на родине, в Кот-д'Ивуар, но и на театральных площадках Франции (Париж, Лион, Бордо, Лилль, фестивали в Авиньоне), Германии (Берлин), Швейцарии (Женева, Лозанна), Италии (Рим), США (Нью-Йорк). Его пьесы переведены на английский, немецкий, итальянский языки, а первый роман Кваюле «Детское лицо» («Babyface», 2006) удостоен премии Ахмаду Курумы (от организации франкофолии).

Список литературы

- Мириманов В.Б.* Искусство Тропической Африки. М.: Искусство, 1986. 310 с.
- Померанц Г.* Выход из транса. М.: РоссПэн, 2010. 58 с.
- Леопольд Седар Сенгор. Избранная зарубежная лирика. М.: Молодая гвардия, 1969. 64 с.
- Bebey F.* La Poupée aschanti. Yaoundé, CLE, 1973, 221 p.
- Gabus J.* Art Nègre. P., 1965.
- Dongala E.* Les petits garçons naissent aussi des étoiles. Paris, Le serpent à plumes, 1998, 396 p.
- Belinga S.M.E.* Masques Nègré. Yaoundé, CLE, 1972.
- Kouruma A.* En attendant le vote des bêtes sauvages. Paris, Seuil, 1998, 368 p.
- Kouruma A.* Allah n'est pas obligé... P., Seuil, 2002, 224 p.
- Kwahule K.* Le masque boiteux. Histoires des soldats. P., Editions theatrales, 2003, 55 p.
- Kwahule K.* Monsieur Ki. Rhapsodie parisienne à sourire pour caresser le temps. P., Gallimard, 2010, 160 p.

Lopes E. Chercheur d'Afriques. P., Seuil, 1990, 301 p.
Lopes E. Le pleurer-rire. P., Présence africaine, 1982, 315 p.
Bakr S. Masques africaines. P., Lotus, 1987.

References

Mirimanov V.B. *Iskusstvo Tropicheskoj Afriki* [Art of Tropical Africa]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986, 310 p. (In Russ.)
Pomeranc G. *Vyhod iz transa* [Getting out of Trance]. Moscow, RossPen Publ., 2010, 583 p. (In Russ.)

Leopol'd Sedar Sengor. *Izbrannaja zarubezhnaja lirika* [Selected foreign lyrics]. Moscow, Molodaya gvardija Publ., 1969, 64 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.04.2021; одобрена после рецензирования 16.06.2021; принята к публикации 18.08.2021.

The article was submitted 30.04.2020; approved after reviewing 16.06.2021; accepted for publication 18.08.2021.

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 210–216. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 210–216. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821.161.1.09"20"

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-210-216>

ТЕМА ВОЕННОГО ДЕТСТВА В АЛТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.

(на примере произведений Л. Кокышева, Б. Укачина, Д. Каинчина и др.)

Текенова Ульяна Николаевна, кандидат филологических наук, Горно-Алтайский государственный университет, Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова, Горно-Алтайск, Россия, tekenovau@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4238-4383>

Аннотация. В статье на материале произведений алтайских писателей второй половины XX в. (Л. Кокышев, Б. Укачин, Ш. Шатинов, Д. Каинчин) автором предпринята попытка исследовать тему памяти и тему военного детства. В работе анализируются духовные ценности поколения поэтов и прозаиков, которые начали свой творческий путь в 1960-е «оттепельные» годы. В поле зрения автора вошли произведения, объединенные образом военного детства в далеком тылу, в статье предпринята попытка вписать исследуемый материал в контекст основных тенденций алтайского литературного процесса обозначенного периода. Обращается внимание на автобиографизм и ретроспективную точку зрения, мотивы жизни и смерти, голода и холода. В произведениях некоторых писателей отмечается сочетание художественного и публицистического начала, освещение суровой действительности глазами подростков.

Ключевые слова: алтайская литература, проза, рассказ, тема военного детства, мотив, память, автобиографизм, Кокышев, Укачин, Каинчин, Шатинов

Для цитирования: Текенова У.Н. Тема военного детства в алтайской литературе второй половины XX в. (на примере произведений Л. Кокышева, Б. Укачина, Д. Каинчина и др.) // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 210–216. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-210-216>

Research Article

THE TOPIC OF “WW2 REAR” CHILDHOOD IN ALTAI LITERATURE OF THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY

(on the example of the works of Lazar' Kokyshev, Boris Ukachin, Dibash Kainchin, etc.)

Ulyana N. Tekanova, Surazakov Gorno-Altai State University, Institute of Altaistics of the Republic of Altai, Gorno-Altai, Russia, tekenovau@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4238-4383>

Abstract. The article is based on the works of Altai writers of the second half of the XX century. (Lazar' Kokyshev, Boris Ukachin, Shatra Shatinov, Dibash Kainchin) The author made an attempt to investigate the theme of memory and the theme of wartime childhood. The work examines the spiritual values of the generation of poets and prose writers who began their career in the 1960s “thaw” years. The author’s field of vision includes works united by the image of a wartime childhood in the distant rear, the article attempts to fit the material under study into the context of the main trends in the Altai literary process of the indicated period. Attention is paid to autobiography and retrospective point of view, motifs of life and death, hunger and cold. In the works of some writers, a combination of artistic and journalistic principles is noted, the illumination of harsh reality through the eyes of adolescents.

Keywords: Altai literature, prose, story, wartime childhood theme, motif, memory, autobiography, Lazar' Kokyshev, Boris Ukachin, Dibash Kainchin, Shatra Shatinov

For citation: Tekanova U.N. The topic of “WW2 rear” childhood in Altai literature of the second half of the 20th century (on the example of the works of Lazar' Kokyshev, Boris Ukachin, Dibash Kainchin, etc.). Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 210–216 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-210-216>

В алтайской литературе для поколения писателей, которые пережили войну подростками, одной из самых главных констант становится память. И причина здесь не только в преклонении перед подвигами отцов и дедов, но и в особой атмосфере военного времени, которая чувствуется в каждой строчке исследуемых произведений писателей – «детей войны»: Л.В. Кокышева (1933–1975), Б.У. Укачина (1936–2003), Д.Б. Каинчина (1938–2012), Ш.П. Шатинова (1938–2009). Образ военного детства по проблемно-тематическому воплощению в творчестве этих писателей занимает главное место. Именно указанные авторы стали продолжателями того особого пласта алтайской литературы о Великой Отечественной войне, который был задан в свое время писателями-фронтовиками А.Ф. Саруевой, С.С. Суразаковым, И.П. Кочеевым, И.В. Шодоевым и др.

В данной работе исследуется, как в алтайской литературе представлены особенности детского восприятия войны в условиях тыла, отмечается, что на материале военного детства убедительнее всего рассматривался вопрос о нравственной природе войны. В рамках одной статьи невозможно дать полный анализ всех произведений, посвященных выбранной теме. Ограничимся поколением писателей, которые родились в 30-е годы XX в. и вступили на путь литературного творчества в период «оттепели» 60-х гг. Каждый из них на личном опыте испытал на себе все тяжести военного времени, тыловых работ, ощутил дыхание голода и смерти. В их произведениях нет кровавых ужасов и страданий, главный интерес сосредоточен в детских душах, во внутреннем мире человека – как правило, отрока, подростка, взрослеющего в годы войны.

В творчестве Лазаря Кокышева автобиографизм становится особенностью лирики и прозы, мыслится как необходимый элемент его художественных миров. Многие его произведения внутренне объединены одним характером, одной судьбой, ставшей отражением судьбы самого автора. Особо значимо стихотворение «Сакылта» («Ожидание», 1956), которое в поэзии Л. Кокышева занимает знаковое место. Кульминация стихотворения заставляет читателей вместе с подростками пережить страх, взглянуть на обыкновенную радость голодных детей от горячей вареной картошки, от тепла очага и счастья, что мама вернулась. Голод в тылу, как и другие испытания, не мог задеть человека в детских душах. Дети были в этом противостоянии не только объектами жалости и заботы, но и наравне со взрослыми являли примеры великодушия, сострадания и готовности отказаться от чего-то ради других:

*Ырысту бистер
Кажы ла кижиге
Изү картошко берер
Күүнибис келетен.*

Счастливые мы
Каждому человеку
Горячую картошку
Хотели дать.

[Кокышев 1983: 53–54;
здесь и далее перевод автора статьи]

В начале стихотворения появляются мотивы тьмы, тяжести, ожидания («ночь», «буран», «вьюга», «вихрь», «темное окно»). Дети остаются одни и ждут мать. Темная ночь, вой и свист ветра, вьюга, характеризующие внешнюю ситуацию, также угнетают детские души:

*Чөйө кыйгырган
Шуурганның үнин
Энемниг кыйгызы деп,
Кенерте угадыс.*

Протяжный свист (крик)
Голос метели
Как нашей матери крик
Послышался вдруг.

[Кокышев 1983: 52]

Необходимо отметить, что темноте противопоставляется блеск звезды (освещает дорогу матери), яркое пламя костра в печке.

*Көгөрө тонгон
Лылдыстар энемниг
Лолын жарыдын
Тургандый болотон*

Замерзшие до синевы
Звезды казались,
Как будто моей матери
Дорогу освещали.

[Кокышев 1983: 52]

Стихотворение состоит из трех частей, каждая из которых отличается окраской. Поэт противопоставляет места действия, чтобы читатель мог глазами детей увидеть разницу между ними. Первая – взгляд в суровый мир из окна. Этот мир кажется враждебным для детей (темнота, ночь, мороз, свист и вой ветра, страх). Во второй части появляется ощущение застывшего мира в замерзшей тишине – молчаливая луна, посиневшие от холода звезды, молчаливая собака, и этот внешний мир объединяет с миром детей жалкий писк голодных мышей, живущих за печью. О военном времени говорят только строки об отце, сражающемся далеко под Сталинградом. В третьей части с возвращением матери пространство небольшого домика наполняется теплом и ярким светом очага, смехом и радостью, счастьем детей. Символично, что мотив темноты проявляется при описании реальной жизни в военных условиях, а свет возникает в семье, в кругу близких и родных. Автор удачно использует такие антитезы, как *холод* и *тепло*, *тьма* и *свет*,

протяжная песня вьюги и бодрая песня закипающего чугушка с картошкой и т. д.

Кульм Огня (От) / Очага (Очок) является едва ли не первостепенным у алтайцев, к которому до настоящего времени относятся с великим почтением и обращаются как Огонь-Мать (*От-Эне*), Хозяйка Огня (*От-Ээзи*). В алтайской семье именно мать является хранительницей домашнего очага, продолжательницей рода. В алтайской литературе Огонь-Мать обретает глубокий символический смысл как начало всего сущего. Рождение этого образа связано с традиционным мировидением, миропониманием народа. В анализируемом стихотворении «Сакылта» Л. Кокышева яркое пламя в очаге в трудные военные годы символизирует веру в процветание жизни на Земле и используется метафорически как огонь человеческого, материнского сердца.

В романе «*Чөлдөрдиг чечеги*» («Цветок степей», 1968, 1980) Л. Кокышева образ давно погасшего и запорошенного снегом очага является вестником смерти (младшей дочери, затем и самой матери). Автор отмечает точную дату происходящего: «Февраль 1943 года». Чабанка *Дьелеш* оставляет маленьких дочек в холодном *айыле* (юрте) одних и, заблудившись в степи, возвращается домой еле живой только через два дня. В тексте наблюдаются страшные картины натуралистического плана: очоженевшие от холода маленькие девочки; запорошенный снегом очаг, образовавшийся сугроб в *айыле*, застывшая в казане скудная еда, следы от детских ногтей, пытавшихся выковырять эту замерзшую еду. Ключевыми в этом эпизоде являются образы очоженевших от мороза детей и метели, которые передают всю суровость мироздания и создают холодную, зловещую атмосферу военного тыла.

Мотив смерти пронизывает данную главу – запорошенный снегом очаг (погасший огонь); сугроб, нанесенный через дымоход в *айыл*, возникая как реальное событие, обретает символическое значение приближения смерти. Часть жилища «побелела», очаг запорошило снегом, то есть *айыл* погибает, в нем теряются последние «черные пятна» жизни. Маленькая Клара тихо умирает от болезни, затем последует смерть матери. Создается образ некоего антимира: как будто весь мир находится на грани смерти. Отсюда и образная параллель: черный *бакрас* (казан), *түнүк* (дымоход) – белый сугроб, накрывший почти все пространство юрты. В описании мотива смерти в системе образных средств языка автор применяет синестезию, которая представляет неотъемлемый компонент художественного мышления Лазаря Кокышева.

Сплетение тематических мотивов детства и войны, жизни и смерти получает дальнейшее развитие в романе «Арина», автобиографической повести «Дети гор» и некоторых стихотворениях, где автор

раскрывает мотив детства и войны через образы подростка и коня. В алтайской литературе образ коня/аргамака является национальным образом-символом. Алтайец и конь – понятия неразделимые. Конь является единственным и верным другом мужчины-алтайца. Когда мальчику исполнилось 12 лет, дядя дарил ему коня или ружье в знак того, что мальчик становится мужчиной. В героических эпосах алтайцев один из самых значимых – мотив рождения богатыря и его коня, мотив встречи героя и его коня. На протяжении всей жизни они становятся единым целым (жизнь и смерть богатыря и его коня взаимосвязаны).

В художественной литературе образ-символ коня олицетворяет также время (прошлое, настоящее и будущее), а бег коня-аргамака обозначает его быстротечность.

Для многих стихотворений Лазаря Кокышева существенна ретроспективная точка зрения. Например, «*Адалар түжсөт*» («Снятся отцы», 1963), «*Кер ат*» («Гнедой конь», 1963). В поэтических строках этих стихотворений слышится голос рано повзрослевшего ребенка, звучит трагедия утраченного детства и мотив непосильного детского труда, тема отцовства, жалость к матери и другим женщинам-колхозницам. Как известно, «история становления своей личности» есть один из значимых признаков, выявляющих внутренний автобиографизм художественного произведения [Медарич: 1998]. Через всю жизнь писатель пронесет память о военном детстве, о придавленных горем похоронок и беззвучным плачем женщинах. Именно память позволяет остаться детям военных лет настоящими людьми.

Обратимся к стихотворению «*Кер ат*» («Гнедой конь») Лазаря Кокышева, который отличается особым образом представленного в нем национального мира (образ Алтая как образ большой и малой родины: горы, перевал, конь и мальчик-подросток и т. д.).

Лирического героя взволновала встреча со старым конем. Память открывает в прошлом самые яркие, обжигающие душу мгновения, он осознает смысл пройденного пути. В центре стихотворения поместилось одно событие, которое переворачивает душу читателю (анализируемый эпизод также встречается в автобиографической повести «Дети гор»). Лирический герой обращается к коню, с которым во время войны ему довелось работать: пахать, возить мешки с зерном. Он приветствует его как старого друга и разговаривает с ним: «*Ээн бе, кер ат, озогы нөкөрүм*» («Здравствуй, гнедой конь, мой старый друг»); «*Адалар фронтко жүре берерде, / Аш тартканыс, санаанга кирет пе? // Кезикте күчин жетпей барганда, // Чөжүп туратан, санаанга кирет пе?*» («Когда отцы ушли на фронт / Зерно возили, помнишь ли? // Иногда, когда у тебя сил не хватало, / Артачился ты, помнишь ли?») [Кокышев 1983а: 112].

Лирический герой словно пытается разрешить мучительное противоречие между той болью, которую принесла война, и духовным подъемом при встрече со старым другом Гнедым конем в мирное время. Эта встреча заставила героя пережить в душе все заново. Еще жива память о тех годах лихолетий: выбившаяся из сил исхудавшая лошадь не могла подняться на перевал, и мальчик кричит от беспомощности и боли, бьет палкой по ее хребту. Обратим внимание, что строфы стихотворения строятся на взаимоисключающих понятиях: «*Арканы торгылта кыйгырып алала*» («Прокричав на весь лес, что эхом отзывалось») и «*Көгөргөн туулар килеп тургандый / Көксимде кыйгыдан жаңыланып турган*» («Синеющие горы, как будто от жалости / Эхом отзывались от крика в душе»). Мальчик от боли и бессилия ругался, а конь «тяжело стонал», «хрипел», «в тихой дороге (от всего сердца) плакал, как задавленный и сильно измученный человек». Они оба, и конь, и мальчик, как будто испытывают друг друга: кто кого перетерпит, выдержит. Теперь, через много лет, встретив старого друга, лирический герой просит прощения у коня за то, что ударил тогда, накричал. Память о военном детстве не отпускает поэта, она необходима всегда, чтобы люди помнили, поскольку именно она закладывает нравственный фундамент: «*Уур жүрүмнөн мал да ыйлаан, / Улустын бегине эм де кайкайдым*» («От трудной жизни даже кони плакали, / Силе и крепости людей все еще удивляюсь») [Кокышев 1983а: 113]. Мальчик раньше времени вступает в самостоятельную жизнь: работает наравне со взрослыми, своими маленькими трудностями помогает матери прокормить младших братьев и сестер. Он проходит суровое обучение и воспитание в этой школе жизни, но учителем и судьей в данных строках выступает не суровая совесть, а конь. В этом стихотворении одновременно слышатся два голоса – голос взрослого и голос подростка. Встреча с конем, другом детства, возвращает лирического героя из настоящего в прошлое.

В данном стихотворении автором используется прием народной поэтики – вершинный перевал предстает как символ вершинной сути человеческого бытия [Казагачева 2002: 13]. С большим трудом мальчик и конь сумели преодолеть этот перевал, который в жизни лирического героя и самого поэта становится символическим. Именно через этот перевал подросток придет в большой мир, и путь этот оказался непростым.

Обратим также внимание на образ коня в других произведениях писателя. Подростки работали «седоками», и вместе с ними Карá: «*Карá тискинди силкип, адын камчылап жат. Ол тонгуп турган жылангаи буттары аттын бууып турган колтугына сугуп алган, онын учун атты тапшылаар аргазы жок. Ат*

Караныг жылангаи буттарын соотпоско тургандый, колдорын торт кыймыктатпай туру» («Кара трясет поводьями, бьет кнутом лошадь. Свои замерзшие босые ноги он засунул под мышки коня, поэтому не может ногами подгонять лошадь. Конь, как будто не хочет остужать босые ноги Кара, он даже не пошевелил передними ногами») [Кокышев 1980а: 168]. Колхозницы устали, нервничали, нужно было выполнять план, а лошади еле плелись. Для маленького седока казалось, что нет ничего страшнее и мучительнее в этом мире, чем крики этих изможденных женщин. Им тоже холодно, трудно: «– *Жорт! Камчыла!...*» («– Езжай! Бей кнутом!...») [Кокышев 1980а: 168].

Между автором стихотворений о военном детстве и отдельными сюжетами романа и повести «Дети гор» ощущается биографическое единство. Но самое важное, в них наблюдается становление подростка в суровых условиях военной колхозной жизни и последовательное раскрытие внутреннего мира мальчика Карá, близкого самому автору. Силой своей памяти Лазарь Кокышев обращается к миру своего детства, через который прошел сам, несмотря на трудности военной жизни.

Обращение к памяти позволяет поэту не просто отдать дань погибшим отцам, но и осознать самого себя, понять систему своих ценностей. Криком души звучат строки из стихотворения «Адам» («Мой отец»): «*Сталинград алдында, жалбышту согушта / Адам жыгылган... бурьлып келбеди. // ...Азыгысты бистин алган болзо, / Оштүнинг огынан айса / Жыгылбас эди...*» («Под Сталинградом, в огненном бою / Отец упал... не вернулся назад. // ...Если бы наши продукты (он) взял, / От пули врага может быть / не упал бы») [Кокышев 1983б: 28]. Эти строки заключают в себе целый комплекс переживаний, оставшихся в душе рано повзрослевшего лирического героя с тех военных лет. Отец поэта погиб на фронте в 1942 г. В стихотворении «Адалар түжелет» («Сняты отцы») звучат строки в начале и в конце: «*Жуу јеринде божогон адалар // Јаантайын менин түјсүмө киргилейт...*» («Отцы, погибшие на местах войны // Постоянно мне снятся») [Кокышев 1983в: 106]. С первых же строк создается «реальный» план стихотворения. Тема войны засела в душе поэта очень глубоко, и он постоянно чувствует ответственность за каждое слово, которое он говорит за погибших на фронте отцов: «– *Бистин учун / Тирү уулдардын // Јурген жүрүмин / Көрблик – дешикелейт. // Бистин учун / Айдатан поэттин // Бичиген үлгерин / Угалык – дешикелейт*» [Кокышев 1983в: 106]. Лирический герой словно смотрит на все происходящее со стороны. Ему часто снятся отцы, не вернувшиеся с поля боя. Вечерами их тени собираются у окна, тихо заходят в дом, ищут в высоких шкафах его книги, в которых поэт должен от их имени сказать все невысказанное, наболевшее. Сыновья должны прожить жизнь

достойно за своих отцов. Автор приемом кольцевого обрамления соединяет время настоящее и военное.

Многие события из жизни автора нашли яркое отражение и в повести «*Туулардан келген балдар*» («Дети гор», 1966). В ней встречаются эпизоды, создающие бытовые ситуации – игры в войну. Мальчишки делились на две команды и тоже боролись против фашистов. Во всех произведениях о детстве Лазаря Кокышева звучит сыновняя благодарность к матери, желание облегчить ее тяжелую жизнь.

Парадоксальное сплетение тематических мотивов детства и войны, жизни и смерти получает развитие и в повести «*Өлтүрген болзом тороны*» («Убить бы мне голод», 1979) Бориса Укачина. Одной из главных особенностей данного произведения является сочетание художественного и публицистического начала по принципу ретроспекции («бихронизма»), которое справедливо заметил Г.В. Кондаков: «Б. Укачин освобождается от канонов, регламентаций повествовательного жанра и создает своеобразное эссе, в котором сплавлены исторические, биографические, фольклорные, этнографические, литературные, публицистические планы» [Кондаков 2004: 181]. Герой-рассказчик повести размышляет, вспоминает, живет в двух временных потоках своего времени (детства и взрослой жизни). Автор раскрывает действительность «через самосознание, через моменты собственной судьбы... дистанция между автором и “образом автора” – минимальна» [Киндикова: 112].

Для маленького *Барыса* дружба между подростками стала школой жизни. Предоставленные сами себе, они целыми днями охотились на сусликов, а благодаря шкуркам этих маленьких зверьков ребята материально помогали своим матерям. Но для их общего друга *Текемея* все закончилось трагически. Его смерть (самоубийство) приносит детям новый ряд переживаний (непонимание внезапной отчужденности и холодности матери к своему ребенку). В повести наблюдается размытость грани между взрослостью и детскостью. Это осознает и сам автор. Время в художественном пространстве произведения представлено как «образ перевернутого и ускоренного времени, как бы наперекор естественному времени детства и юности» [Петров: 2015]. *Борбок-Кара*, как старший из подростков, был для остальных лидером, способным зрело понимать настоящую жизнь. Он по-своему преподает мальчикам суровое, порой даже жестокое воспитание в условиях военного времени.

Вот как вспоминает о своем военном детстве в мемуарной повести «*Время и Жизнь*» (2013), опубликованной после смерти писателя, Дибаш Каинчин: «*Мен, нөкөрүм Садаң Жыманла кожо, уулчагаштар, ол Жаан-Кобыда өлгөн чаап турган энелериске ойногончо једип барарыс. «Бата-а, кижји слер кире болгон болзо...» – деп, кандый бир келин үшкүрер. Чындап*

та, бис ле кире јаш балдар болгон болзо... Бис ошкош салдым-бош... А бис дезе «кижи түрген јаанайтан болзо» дейдис... Јаш бистерге ой комудын суккалак. Бис «иши», «норма», «калан-налог», «ач-торо» деп сөстөрдү билбезис. «Санааркаш», «комудал» дегени та не сөстөр... Биске јакшы. Ненин учун дезе бис мынан јакшыны да, мынан јаманды да көрбөгөнис. Билбезис. Биске јакшы, јакшы...» («Мы вместе с другом Садаң Диманом, мальчишки, играя, приходили к матерям, косившим сено на Большом Логе. Какая-нибудь женщина вздохнет: “Ой, нам бы быть в вашем возрасте...” И вправду, если бы были они нашего возраста... Быть свободными, как мы... А мы говорили, “скорее бы мне вырасти”. На нас, малышей, время еще не надело свои хомуты. Мы не знали слов “работа”, “норма”, “налог”, “голод”. Что за слова “переживание”, “жалоба”... Нам хорошо. Потому что мы ничего лучше этого, ничего хуже этого не видели. Не знаем. Нам хорошо, хорошо») [Каинчин 2013: 29].

Когда началась Великая Отечественная война, будущему писателю исполнилось всего 3 года. Как известно, психика детей этого возраста лучше защищена от ужасов и трудностей военного времени. Они не понимали, что где-то далеко на западе идет ожесточенная война, что их отцы на фронте. Писатель – первый и единственный ребенок в семье. Отец на фронте, бабушка и мама оберегали мальчика от всех невзгод. Позднее Дибаш Каинчин напишет рассказ «*Кайчи*» («Сказитель», 1984), где повествование идет от первого лица, и в поступках главного героя (самого маленького мальчика из группы детей), его размышлениях концентрируется авторская позиция. Каждый вечер (осенью и зимой) они собирались в *айыле* сказительницы Казак Кокпоевой и слушали героические сказания. Мир сказок увлекал детей, уводил из реального мира и заставлял забыть голод и холод. Маленький герой понимал, что его отец, как и богатыри из алтайских сказаний, сражается с врагами. Однажды мальчик, погоняя теленка из пастбища-болота, вдруг замечает свою тень: она была огромной и словно хотела обнять все село. Тогда мальчик представляет себя богатырем: его конь *Кан-Деерен* – это прутик между ногами, а другой прутик – лунно-стальной меч. Телята от восторженного крика мальчика ринулись в деревню, а за ними маленький богатырь. Он тоже воин, тоже солдат, как и его отец, сражающийся за свою родину.

В рассказе «*Байкал и Саксабай*» (1984) Д. Каинчина друзья летом все свое свободное время тоже проводили в охоте за сусликами (иногда и кротами). По возрасту они были еще маленькими, поэтому были предоставлены сами себе. Военные годы повлияли на более раннее взросление детей, в зависимости от ситуации, обстановки. Но когда их добычу взрослые оценивали по достоинству, Байкал и Сакса-

бай чувствовали себя настоящими охотниками, у них появлялись гордость и самоуважение: «*Эр кемине јеткенин бу болбой деп бодоорын...*» («Вот ты и возмужал, наверное, думаешь (стал мужчиной)...») [Каинчин 1984: 59]. Мальчишки даже не совсем понимали, что выполняли большую и ответственную работу – сокращали численность грызунов, а также они облегчали заботу матерей – думать, чем же прокормить сегодня семью. События происходят в теплое летнее время, ничто, кроме охоты на сусликов, не беспокоит ребят, и только в последних строках рассказа читатель узнает, что действия происходят во время Великой Отечественной войны: «– *Алдырбас! – деп, Саксабай јүзүрүк бажына штанын өрө тартат. – Адаларыс удабай јуунан јангылап келер. Эликті биске аткылап бергилеер...*» («– Ничего! – на ходу Саксабай подтягивает штаны. – Наши отцы скоро вернутся с войны. Косулю они нам подстрелят...») [Каинчин 1984: 62].

Если в произведениях Дибаша Каинчина дети 3–7 лет в военные годы свободно играли и не совсем понимали происходящее в силу своего малолетнего возраста, то у Шатра Шатинова старшие подростки осознанно помогали родному колхозу, а маленькие тоже не осознавали тяжести войны.

Писатель также обращается к сложным вопросам темы военного детства. Герои повести были в том возрасте, когда не совсем понимали всю трагедию Великой Отечественной войны: им было по три – десять лет. Многие сверстники писателя, в том числе и он сам, знали о войне понаслышке (от старших, слушали сводки в газетах, рассказы демобилизованных после ранения солдат). Но эта война все же определила жизнь детей алтайских деревень, наложила отпечаток на сознание главного героя по имени *Кылык*, который эти чувства сохранил на всю жизнь. Небольшой отрезок времени в художественном пространстве повести, в рамках которого происходят события, связанные жизнью подростков, локализуется одним летом 1944 г. в маленькой деревеньке под названием Мечин («Созвездие Плеяды») и завершается словами: «Это было 31 августа 1944 года. Завтра школа» [Шатинов: 428].

В повести тоже наблюдается раннее взросление детей, когда мир взрослых требовал от подростков резкого взросления для выполнения тяжелых работ. Уже с первых же строк образ романтически-возвышенного описания окружающей природы превращается в реалистически-сниженный. Этот образный контраст не только ощущается, повествователь противопоставляет физическому признаку села, находящегося «под покровом печали и тоски» звонкий смех детворы. Как замечает автор, единственное и неожиданное в этом селе, которое внезапно бросается на глаза – это дети, большинство которых не знали в лицо своих отцов, пото-

му что родились, когда они ушли на фронт: «Но потом то, что вдруг внезапно бросается в глаза и доносится до уха – это множество играющих маленьких детей. Раздающийся их радостный и пронзительный смех радовал эту покрытую печалью деревню и давал надежду на будущее» [Шатинов: 331].

Взрослые называли детей коротким словом «*ач-јурен*» («голодное семя»). Как подчеркивает и сам автор: «И вправду, если пристально разглядеть лица, телосложение, одежду деревенских детей, то это слово им очень подходит» [Шатинов: 332]. Все они были худыми, их лица выглядели «*ач-куу*» (дословно «голодно-бледные»), так как и питание, и одежда у детей были скудными. Но тем детям, кому уже за десять лет, это слово «*ач-јурен*» уже не подходит. Они были полноценными колхозниками, тружениками тыла и уже зарабатывали свои «трудодни».

В палитре писателя преобладают особенности зрительной синестезии как особой формы метафоры – краски черного и белого, временами сглаживающие бледный (выцветший) оттенок темных тонов, которые оттеснили все признаки счастья и любви в юные годы. Вытопанные пригорки, черная дорога, белый песок, глина – все тонет в темноте голода, борьбе за выживание, безысходной тоске военного времени. Вся эта картина построена автором на «точных зрительных очертаниях предметов или на игре света и тени; либо на звуках...» [Жирмунский: 321].

В пространственно-временном аспекте повести мир – родная земля, вода – идеальный локус. Повесть имеет два названия: «*Эрјине*» (Сокровище») и «*Ак-Ойбоктын повези*» («Ак-Ойбокская повесть»), которые созвучны названиям родных и дорогих сердцу мест самого писателя. Привлекают внимание основные художественные детали, которые служат средством создания местного колорита: «Показавшиеся конусообразные, как сопки, дымоходы *айылов* села Мечин, стоящей на открытой поляне, запахи дымом, и почувствовалась жизнь. Когда идешь по деревне, то прежде всего обратишь внимание на выцветшие серые и обветшалые дома без крыш, *айылы*, кровли которых заросли сине-зеленым мхом, несколько полуразрушенных огородов, на кривые улочки» [Шатинов 2005: 331; перевод автора статьи].

Атмосферу произведения облегчает и осветляет детское восприятие войны: события в повести в то сумрачное время происходили в «глубоком тылу». Где-то на западе шла Великая Отечественная война. Если подростки постарше понимали всю тяжесть и горе войны, то младшие находили время для игр, потасовок, небольших ссор. Они переживали намного легче, чем взрослые. Иногда в этом спокойном, гармоничном мире жизнь казалась простой и понятной. Но это только внешние впечатления. Всех объединяло ожидание близких и родных с фронта.

Алтайская литература изначально, со второй половины XIX в., развивалась в контексте историко-духовного развития российской империи, а затем жизни СССР, «национальная духовность развивалась в контексте славянской, а позже советской ментальности» [Палкина 2015: 6–7]. Но именно приход в алтайскую литературу писателей – выпускников Литературного института им. М. Горького способствовал более глубокому изображению панорамной национальной картины жизни алтайского народа, интенсивному развитию богатого и содержательного художественного языка в тесной связи с традиционным мировидением, миропониманием народа, что нашло отражение и в исследованных произведениях. Автобиографические произведения, проанализированные в данной статье, показывают, что «военное детство» в реальной жизни всплывает в памяти зачастую фрагментарно, но при этом достаточно широко представлено в художественном пространстве произведений. Писатели, которым пришлось испытать на себе все трудности «военного детства», в своих произведениях раскрывают общенародное страдание в контексте национального мировидения своего народа.

Всех алтайских поэтов и писателей этого поколения (Л. Кокышев, Д. Каинчин, Б. Укачин, Ш. Шатинов) объединяет сплетение тематических мотивов детства и войны, которые раскрываются через образы-символы огня/очага, коня, перевала; мотивы преклонения перед матерями, героически выстоявшими это трудное время, памятью о погибших отцах (образ отца тоже является одним из значимых и важных), темноты и света. Это обусловлено личными потерями писателей, отсюда и складывается образ «идеализированного» высокого отца, образ которого сложился только в сознании сыновей. Как известно, «жесткая позиция жизни и смерти, мира и войны трансформируется в психологический комплекс, когда мучающая память оказывается залогом человеческой нравственности» [Петров: 23].

Источники

Каинчин Д.Б. Айлыбыс жангыс өзөктө. Горно-Алтайск, 1984. 231 с.

Каинчин Д.Б. Ой лө жүрүм. Горно-Алтайск, 2013. 119 с.

Кокышев Л.В. Чөлдөрдин чечеги. Горно-Алтайск, 1983. 495 с.

Кокышев Л.В. Я вас любил: Стихи и поэмы. Горно-Алтайск, 1983. 391 с.

Шатинов Ш.П. Ылдар ла кылдар. Горно-Алтайск, 2005. 428 с.

Список литературы

Жирмунский В.М. Введение в литературоведение: курс лекций. М.: URSS, 2009. 461 с.

Казагачева З.С. Опыт прочтения прозы Д. Каинчина в ракурсе эпических традиций // Сердце слова. Горно-Алтайск, 2002. 159 с.

Киндикова А.В. Творчество Бориса Укачина: тематическое и жанровое своеобразие. Горно-Алтайск, 2005. 172 с.

Кондаков Г.В. Борис Укачин // История алтайской литературы. Горно-Алтайск, 2004. Кн. 2. 390 с.

Медарич М. Автобиография // Автоинтерпретация: сб. статей. СПб.: СПбГУ, 1998.

Палкина Р.А. Алтайская литература как художественная система. Горно-Алтайск, 2015. 266 с.

Петров И.В. «Война вошла в мальнишество мое...»: образ подростка в поэзии 1950–1960-х годов // Филологический класс. 2015. № 1 (39). С. 17–23.

References

Zhirmundskii V.M. *Vvedenie v literaturovedenie. Kurs lektsii* [Introduction to Literary Studies. Lecture course]. Moscow, URSS Publ., 2009, 461 p.

Kazagacheva Z.S. *Opyt prochteniiia prozy D. Kainchinva v rakurse epicheskikh traditsii* [The experience of reading D. Kainchinva's prose from the perspective of epic traditions]. *Serdtshe slova* [Heart of the Word]. Gorno-Altaiisk, 2002, 159 p.

Kindikova A.V. *Tvorchestvo Borisa Ukachina: tematicheskoe i zhanrovoe svoeobrazie* [Boris Ukachin's creativity: thematic and genre originality]. Gorno-Altaiisk, 2005, 172 p.

Kondakov G.V. *Boris Ukachin* [Boris Ukachin]. *Istoriia altaiskoi literatury* [History of Altai Literature]. Gorno-Altaiisk, 2004. Iss. 2. 390 p.

Medarich M. *Avtobiografiia* [Autobiography]. *Avtointerpretatsiia: sb. statei* [Auto-interpretation: collection of articles]. SPb., SPbGU Publ., 1998.

Palkina R.A. *Altaiskaia literatura kak khudozhestvennaia sistema* [Altai literature as an artistic system]. Gorno-Altaiisk, 2015, 266 p.

Petrov I.V. "Voina voshla v mal'chishestvo moe...": obraz podrostka v poezii 1950–1960-kh godov ["War has entered my boyhood...": the image of a teenager in poetry of the 1950s – 1960s]. *Filologicheskii klass* [Philological class], 2015, № 1 (39), pp. 17–23.

Статья поступила в редакцию 18.02.2021; одобрена после рецензирования 19.07.2021; принята к публикации 18.08.2021.

The article was submitted 18.02.2021; approved after reviewing 19.07.2021; accepted for publication 18.08.2021.

«ПОГРАНИЧНАЯ СИТУАЦИЯ»: ЧУВАШСКАЯ ПРОЗА РУБЕЖА XX–XXI ВЕКОВ

Никифорова Вера Витальевна, кандидат филологических наук, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Чебоксары, Россия, vera.nikiforova@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализировано состояние чувашской прозы середины 1980-х – первого десятилетия 2000-х гг. В ходе исследования было установлено, что в чувашской художественной словесности на данном этапе происходят напряженные поиски современных ориентиров, новых форм и содержания. В национальной прозе выявились следующие существенные изменения: открылись ранее запретные темы (социальное дно, культ личности, ситуация в Советской армии и афганская война) и появились новые жанровые разновидности (эротические, мистические, интеллектуальные произведения); литература с усложненной формой письма (постмодернистские произведения); расширились возможности и диапазон традиционной литературы (развивались лирико-философская, лирико-психологическая, женская проза, углубился психологизм); отмечился повышенный интерес к национальному (истории, мифологии) и т. д. Автор статьи приходит к выводу, что рубеж XX–XXI вв. в чувашской литературе является неким переходным периодом, в течение которого определяются черты новой прозы, свободной от прежней идеологии.

Ключевые слова: рубеж XX–XXI веков, чувашская проза, «пограничная ситуация», переходный период, реализм, постмодернизм.

Для цитирования: Никифорова В.В. «Пограничная ситуация»: состояние чувашской прозы рубежа XX–XXI веков // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 217–221. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-217-221>

Research Article

“BORDER SITUATION”: CHUVASH PROSE OF THE TURN OF THE 20TH-21ST CENTURIES

Vera V. Nikiforova, Candidate of Philological Sciences, Chuvash State Institute for the Humanities, Cheboksary, Russia, vera.nikiforova@yandex.ru

Abstract. The article analyses the state of Chuvash prose in the mid-1980s – the first decade of the 21st century. In the course of the study, it was found that at this stage there is an intense search for modern landmarks, new forms and content in the Chuvash artistic literature. The following significant changes were revealed in the national prose – topics previously hushed up (social bottom, Stalinism, abuse in the Soviet army and the Afghan War) went public and new genre varieties (erotic, mystical, intelligent works) appeared; the possibilities and range of traditional literature expanded (lyrical-philosophical, lyrical-psychological, women’s prose developed, psychologism deepened); literature with a complicated form of writing (postmodern works) has appeared recently; there has been an increased interest in the Chuvash national (history, mythology), etc. The author of the article comes to the conclusion that the turn of the 20th-21st centuries in the national Chuvash literature there has been a kind of transition period, during which the features of new prose, free from the previous ideology, are determined.

Keywords: turn of 20th-21st centuries, Chuvash prose, «border situation», transition period, realism, postmodernism.

For citation: Nikiforova V.V. “Border situation”: Chuvash prose of the turn of the 20th-21st centuries. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 217–221 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-217-221>

Рубеж веков представляет собой особенное социокультурное явление. В целом для таких периодов всегда характерны эсхатологические мотивы, стремление переосмыслить историю и себя в этой истории. Исследователи отмечают: «Нестабильность, давно замеченная в пограничных ситуациях природного или социального характера, явно наблюдается и при “хронопереходах”. Вроде бы понятно, что абсолюта нуля в нашей обозримой истории не существует, тем не менее с приближением нового века и окончанием старого, несмотря на условность хронологических исчислений, вместе с цифровым обнулением происходит и психологическое “сбрасывание”, своеобразная “перезагрузка” сознания (особенно европейского)... При этом вольное или невольное подведение итогов ведет к обобщениям, к поискам новой идентичности, к постановке новых целей и задач, что обостряет противоположные тенденции в разных сферах деятельности» [Ивинских].

При осмыслении понятия «рубеж веков» ученые выявляют факторы, свидетельствующие о кризисе духовного (в частности – художественного) сознания (усталость и исчерпанность; парадигмы начала и конца, смерти и возрождения, разрушения и творения) [Бочкарева].

Обозначенный «хронопереход» осложняется в нашей стране изменениями, вызванными перестройкой. Драматические перемены в обществе отчетливо отразились в культуре и литературе всех народов России, повлияли на их дальнейшее развитие. В чувашском литературоведении данный период практически не изучен, что и объясняет актуальность настоящей статьи. Изучение художественного опыта литератур народов России конца XX – начала XXI вв. представляет возможность осмыслить его теоретически. В числе новейших работ по данной проблеме следует назвать работу Т.Л. Кузнецовой «Коми проза конца XX – начала XXI века: опыт художественных поисков» [Кузнецова].

Термин «пограничная ситуация» введен немецким философом и психиатром К. Ясперсом [Больнов] и распространился в других гуманитарных науках благодаря своей смысловой наполненности. На рубеже XX–XXI вв. идеи экзистенциализма приобретают новое звучание, не говоря уже о буквальном значении данного выражения.

Постперестроечные изменения, калейдоскоп событий, снятие различного рода запретов вызвали в чувашской литературе начала 1990-х гг. на передний план литературу с публицистической направленностью. Года три в писательской среде сохранялась некоторая растерянность: казалось, что впереди множество возможностей.

Но то, что в развитии литературы начинается новый период, что должны произойти большие перемены, чу-

вашские писатели осознали в конце 1980-х гг. [Айташ]. В начале 1990-х гг. они начали задаваться вопросом – по какому пути должна идти вперед чувашская литература [Львов]. Тогда же более всего востребованными оказались жанры рассказа и повести. Но краткая форма в данный период приобретает большую глубину.

На передний план выходит внутренний мир отдельной личности. В связи с этим, одновременно с развитием публицистичности, много внимания уделяется области чувств и переживаний героев. Развивается психологическая проза (Хв. Агивер, А. Волков, Е. Лисина, Е. Осипова, А. Тарасов, Б. Чиндыков и др.), лирическая проза (В. Игнатъев, А. Ыхра, И. Ахрат).

Дух времени наиболее заметно смогло выразить молодое поколение, пришедшее в литературу вместе с перестройкой. Молодежь организовала выпуск сборников произведений молодых авторов «Утӓм» (Первые шаги, 1988; Шаги, 1990). Ей доверили выпуск новых номеров республиканских журналов «Тӓван Атӓл» (Родная Волга) и «Ялав» (Знамя) в 1988 г. (№ 10). В перестроечную эпоху возникла очередная волна возвращения к национальному вопросу, что, разумеется, отразилось и в литературе. На страницах газет и журналов бурно обсуждались проблемы, связанные с «чувашскостью» (чӓвашлӓх): вопросы преподавания и статуса чувашского языка, двуязычия, некоторое время чувашский язык изучают на предприятиях и в высших органах власти и т. д.

В 1980-е гг. ярко проявился талант молодых прозаиков Б. Чиндыкова, А. Тарасова, В. Степанова, В. Эктеля. Это была новая, во многих случаях ломающая традиции проза, в которой не было даже отзвука на связь с методом соцреализма. Молодые авторы интересовались деталями, осмыслили небольшое событие в контексте вечности, обнажали душу героя, воспринимали жизнь отдельного человека как часть жизни Вселенной (рассказы «Hotel Chuvashia», «Хӓретнӓ ҫӓмарта» («Пасхальное яйцо») Б. Чиндыкова; «Сутнӓ пӓрттри юлашки каҫ» («Последняя ночь в проданном доме») А. Тарасова; «Ҫӓлен» («Змей») В. Степанова и др.). В начале 1990-х гг. в литературу входят Г. Максимов, А. Тарасов, Е. Нарпи, А. Мышкина, Н. Ильина и др. Они стоят на стороне извечных ценностей (дом, семья, нравственность и т. д.), но обновляют содержание традиционной прозы, углубляют психологизм, предпочитают философское осмысление существующей действительности.

На рубеже двух веков прослеживается разнообразие форм, жанровых разновидностей, смешение стилей. Наибольшие изменения произошли в жанре романа. Появились новые формы: интеллектуальный (постмодернистский) роман – роман-киллер «Эфемпроптера каҫӓ, е ФАУст-2» («Эфемероптерова ночь, или ФАУст-2») В. Степанова и метафорический эскиз «Ай, мантарӓн, хир мулкачи» («У нас

колесница одна») Г. Федорова; этнофэнтези «Пи-хампар йытти» («Господа Пигамбара пёс») В. Степанова; социально-политический роман «Упи каşман сырминчен» («Над медвежьим врагом») Ю. Сана. Традиционные формы приобрели новые краски (роман-фантазмагория «Тайлак сын тёлёк» («Сон шизофреника») и романчик (памфлет) «Редиска монуменч» («Монумент Редиски») Н. Максимова) и др.; развивался исторический роман.

В 1990-е гг. в литературе начинают всё чаще изображаться негативные стороны современности, развивается «чёрный (жестокий) реализм»: авторы изображают разрушение деревни, пьянство и безработицу на селе и в городе, неуважение людей друг к другу [Федоров: 379]. Это было время, когда ценность денег сильно возросла и сильно упала цена человеческой жизни. Сами писатели признавались, что в жизни не осталось места для позитива, что и выразилось в литературе [Станьял, Камышова: 40]. Герой нового времени размышлял о своем месте в жизни (роман Н. Максимова «Пурна́сри выр́ан» («Место в жизни»)), пытался обрести духовно-нравственную опору (повесть Н. Мартынова «Пёр ухмахан юратна́ сáмахё» («Любимое слово одного дурака»)) и др. Духовную ситуацию катастрофического времени, психологию современника, его растерянность и неспособность найти свое место в жизни, пожалуй, так отчетливо могли отразить именно асоциальные элементы (алкоголики, безработные, преступники и т. д.), которые все чаще выходили на передний план в произведениях (творчество Д. Гордеева, Н. Симунова, С. Павлова и др.). В начале второго десятилетия негативизм в целом был преодолен, обозначились контуры «героя нового времени», который в состоянии преодолеть жизненные трудности и повести нацию за собой (Ю. Сан и др.).

Вместе с крушением старых идеалов, уничтожением малых деревень и ростом городов рушатся и прежние социальные связи. Писатели часто пытаются понять причины разрушения родственных нитей, напомнить о том, что может случиться с каждым из нас (А. Волков, В. Петров, и др.). В произведениях важное место занимает осмысление национальных особенностей. М. Сунтал, в частности, в книге прозы «Аса шапна́ чун» (Пораженный громом) размышлял о загадке чувашской души, характере человека, ценностях национальных и общечеловеческих. В философских сказках автор обратился к чувашской истории, судьбе народа. Чаще всего Сунтал реконструирует смысл известных пословиц и поговорок, интерпретирует значения того или иного явления, понятия, значимого для чувашей.

Важнейшим объектом внимания прозаиков в данный период стала история. Многие писатели обратились к осмыслению периода культа личности (А. Ар-

темьев, Д. Гордеев, Л. Таллеров, Г. Максимов и др.). Не переставала волновать все новые поколения россиян Великая Отечественная война. На чувашской земле не было боевых действий, тем не менее память о войне была жива в сердцах и тех, кто прошел эту войну, и тех, кто в тылу помогал приближать победу (В. Алендей, В. Эльби, Г. Орлов, З. Нестерова и др.). Писатели в целом начинают преодолевать одностороннее изображение событий войны, анализируют её с другой точки зрения: как война изменила психологию человека, тяжелейшие условия жизни в тылу, рассматривают проблемы исторической памяти, взаимоотношений личности и истории.

В конце XX в. в прозе начинает осмысливаться Афганская война (1979–1989), её последствия и отражение в психологии и судьбе участников события, их близких (рассказы и повести А. Хмыта, Л. Сарине, Д. Гордеева). В начале XXI в. эту тему на ином уровне интерпретирует А. Хмыт в романе-диалогии «Леш тёнченрен» («С того света»).

В указанное время активизировалась и женская проза (аналогичная ситуация сложилась и в поэзии, и в драматургии). Женская проза (В. Эльби, А. Павловская, З. Нестерова, Н. Петровская, Е. Осипова, Л. Сарине, Л. Сачкова, Ю. Силэм, У. Эльмень и др.) отстаивает традиционный набор ценностных позиций: семья, дети, дом.

Сатирическая проза развивалась в творчестве В. Енеша, Ю. Терентьева и др. В рассказах и повестях Ю. Терентьева сильно ощутимы черты антиутопии. Писатель осмысливал не только чувашскую действительность, но и изменения, происходящие во всей стране. В фантастической прозе (Г. Ефремов, Г. Краснов, Н. Максимов, М. Сунтал, В. Енеш и др.) появились новые жанровые разновидности – повести мистико-фантазмагорические (Н. Петровская) и лирико-философские (В. Степанов).

Отдельные произведения Б. Чиндыкова, В. Степанова, прозу Г. Федорова правомерно рассматривать в русле постмодернизма. Б. Чиндыков усвоил опыт многих культур и при этом сумел выработать свой неповторимый почерк. Он чутко уловил «духовную ситуацию времени», в котором живет. Недаром книгу «Сурёёр хысёанхи апатлану» (Ужин после полуночи, 1992) в критике определили как «манифест 80-х гг.» [Толматов]. Б. Чиндыков первым начал открыто ставить «чувашские вопросы». С его небольшой статьи «Уроки чувашского», опубликованной в газете «Молодой коммунист» в 1984 г. началось обсуждение назревших проблем в печати [Чиндыков]. Молодой автор писал в целом о ситуации в образовании, но в ходе дискуссии, которая состоялась позже, стали подниматься и другие важнейшие вопросы: место чувашского языка в современном мире, его историческое значение и т. д.

Перу В. Степанова принадлежат «мистико-эротический триптих» («Натали», «Реципиент», «Фаворит»), «роман-киллер на получувашском языке» «Эфемероптерова ночь, или ФАУст-2», этнофэнтези, мистические, фантастические рассказы, монологи от лица известных личностей, эссе на философские и исторические темы. В романе-этнофэнтези «Господа Пигамбара пёс» прозаик попытался понять загадку своего народа, его духа, реконструируя древние мифологические пласты и древнюю его историю с сегодняшней точки зрения.

Особый интерес представляет метафорический эскиз («ытарлă эскиз», авторское определение) Г. Федорова «У нас колесница одна» (1992–2015). Он состоит из семи повестей. Этот цикл повестей правомерно соотнести с жанром интеллектуального романа. В нем – одна общая идея, общие герои, общее историческое и культурное пространство [Никифорова]. Прозаик анализирует драматизм XX в. в национальном варианте, исторические его катаклизмы в чувашском преломлении (период колхозного строительства, репрессии и т. д.). В произведении изображается тяжелая жизнь чувашского крестьянина, шире – человека, который оказался один на один со своей судьбой.

«Проза чутко реагирует и на отдельные запросы рыночной конъюнктуры, предлагая читателю острофабульные произведения, густо засыпанные эротическими сценами и эпизодами («Шум» В. Эктеля, «Грешная женщина» Ю. Силэм)» [Артемьев: 235].

В конце XX в. в русской культуре литературоцентризм сдает свои позиции [Мартынов: 33]. Аналогичный процесс происходит и в чувашском культурном пространстве. Во всех литературах бывшего СССР протекали, видимо, схожие процессы, что было связано с социально-историческими изменениями в стране. Эти процессы нельзя назвать полностью естественными. Со снятием запретов в общество хлынул поток низкопробных иностранных кинофильмов; однодневных бульварных романов, различного рода шоу и т. д. Общество само в какой-то мере заменило литературу другими видами своей деятельности, а поспешило сказать, что значение литературы поменялось. Иными словами, речь идет не о конце литературы как таковой, а об изменении акцентов в наборе культурных ценностей.

Таким образом, можно сделать вывод, что рубеж XX–XXI вв. в чувашской литературе является неким переходным периодом, в течение которого происходит смена литературной парадигмы в целом, меняется содержание, очерчиваются контуры новой прозы. В начале обозначенного периода на первый план вышла публицистическая проза. Она осмысливала изменения, произошедшие в жизни страны и общества. Одновременно возрос интерес к отдельной личности, активно развивалась психологическая проза. До сере-

дины 1990-х гг. самым востребованным жанром чувашской прозы был рассказ. Он стал более кратким по объему, но приобрел большую глубину. Чуть позже динамично развивается роман. Появились новые жанровые модификации: интеллектуальный роман, этнофэнтези, социально-политический роман. Видоизменился исторический роман, который, наряду с повестью и рассказом, немалое влияние уделил периоду культа личности и Великой Отечественной войны. Обновление содержания и формы чувашской прозы связано, прежде всего, с поколением авторов, пришедших в литературу вместе с перестройкой.

Список литературы

Айташ Ю., тата ыт. те. Паянхи литературăна мён ситмест? // Ялав. 1989. № 4. С. 24–26.

Артемьев Ю.М. Чувашская литература: учебник для 10–11 классов русскоязычных школ. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2003. 238 с.

Большов О.Ф. Пограничные ситуации // Философия экзистенциализма. URL: https://mir-knig.com/read_232074-1 (дата обращения: 08.07.2021).

Бочкарева Н.С. Формы выражения кризисного сознания в литературе и культуре рубежа веков // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 2 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-vyrazheniya-krizisnogo-soznaniya-v-literature-i-kulture-rubezha-vekov> (дата обращения: 06.07.2021).

Ивинских Г.П. «Имена» столетий и феномен рубежа веков как социокультурный вариант // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imena-stoletiyi-fenomen-rubezha-vekov-kak-sotsiokulturnyy-invariant> (дата обращения: 06.07.2021).

Кузнецова Т.Л. Коми проза конца XX – начала XXI века: опыт художественных поисков. М.: ИМЛИ РАН, 2020. 272 с.

Львов П., тата ыт. те. Мёпле сұл-йёрпе каймалла? Сёнейкерелу тата паянхи чăваш литературинчи меслетпе асталăх ыйтăвёсем // Ялав. 1991. № 12. 24–26 с.

Мартынов В. Пестрые прутья Иакова: Частный взгляд на картину всеобщего праздника жизни. М.: МГИУ, 2008. 140 с. (Современная русская философия. № 2).

Никифорова В.В. Интеллектуальная проза в чувашской литературе: поэтика творчества Георгия Федорова // Чувашский гуманитарный вестник. 2009. № 4. С. 124–138.

Станьял В.П., Камышова Н.Н. Чăваш халăх сыравси Денис Гордеев: пурнăсёпе пултарулахён тёрленчкё. Шупашкар: ЧПГ АИ, 2013. 76 с.

Толматов В. 80-мёш сұлсен манифесчё // Хыпар. 1993. Июнь 10-мёш.

Федоров Г.И. Чăваш литератури (1945–1985): вёрену пособийё. Шупашкар: ЧПУ, 2004. 516 с.

Чиндыков Б. Уроки чувашского // Молодой коммунист. 1984. Октябрь 23, 25.

References

Ajtash Ju., tata yt. te. *Pajanhi literaturăna mên çit-mest?* [What is missing in modern literature]. *Jalav* [Banner], 1989, № 4, pp. 24–26. (In Chuvash).

Artem'ev Ju.M. *Chuvashskaja literature* [Chuvash literature]. Cheboksary, Chuvash. kn. izd-vo Publ., 2003, 238 p. (In Russ).

Bol'nov O.F. *Pogranichnye situacii* [Border situation]. *Filosofija jekzistencializma* [Philosophy of Existentialism]. URL: https://mir-knig.com/read_232074-1 (access date: 08.07.2021). (In Russ).

Bochkareva N.S. *Formy vyrazhenija krizisnogo soznaniya v literature i kul'ture rubezha vekov* [Forms of expression of crisis consciousness in literature and culture of the turn of the century]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of the Perm University], 2010, vol. 2 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-vyrazheniya-krizisnogo-soznaniya-v-literature-i-kul'ture-rubezha-vekov> (access date: 06.07.2021). (In Russ).

Ivinskih G.P. *“Imena” stoletij i fenomen rubezha vekov kak sociokul'turnyj variant* [The “names” of centuries and the phenomenon of the turn of the century as a socio-cultural variant]. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences], 2014, № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imena-stoletiyi-fenomen-rubezha-vekov-kak-sotsiokulturnyy-invariant> (access date: 06.07.2021). (In Russ).

Kuznecova T.L. *Komi proza konca HH – nachala XXI veka: opyt hudozhestvennyh poiskov* [Komi prose of the late XX-early XXI century: the experience of artistic searches]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2020, 272 p. (In Russ).

L'vov P., tata yt. te. *Mênle çul-jërpe kajmalla? Çë-njêrkely tata pajanhi chăvash literaturinchi mesletpe âstalâh yjtävësem* [Which way to go? Perestroika and problems of method and Skill in Modern Chuvash Literature]. *Jalav* [Banner], 1991, № 12, pp. 24–26. (In Chuvash).

Martynov V. *Pestrye prut'ja Iakova: Chastnyj vzgljad na kartinu vseobshhego prazdnika zhizni* [The motley rods of Jacob: A private look at the picture of the universal holiday of life]. Moscow, MGIU Publ., 2008, 140 p. (In Russ).

Nikiforova V.V. *Intellektual'naia proza v chuvashskoi literature: poetika tvorchestva Georgiia Fedorova* [Intellectual prose in Chuvash literature: poetics of George Fedorov's creativity]. *Chuvashskii gumanitarnyi vestnik* [Chuvash Humanitarian Bulletin], 2009, № 4, pp. 124–138.

Stan'jal V.P., Kamyshova N.N. *Chăvash halâh çyравçi Denis Gordeev: purnăçëpe pultarulâhën têrlenchêkê* [People's Writer of the Chuvash Republic: an essay on life and creativity]. Cheboksary, ChPGĀI Publ., 2013, 76 p. (In Chuvash).

Tolmatov V. *80-mêsh çulsen manifeschê* [Manifesto of the 80s]. *Hypar* [News], 1993, Ijunên 10-mêshê. (In Chuvash)

Fedorov G.I. *Chăvash literaturi (1945–1985)* [Chuvash literature (1945–1985)]. Cheboksary, ChPU Publ., 2004, 516 p. (In Chuvash).

Chindykov B. *Uroki chuvashskogo* [Chuvash lessons]. *Molodoj communist* [Young Communist], 1984, Oktjabr' 23, 25. (In Russ).

Статья поступила в редакцию 14.02.2021; одобрена после рецензирования 26.04.2021; принята к публикации 10.05.2021.

The article was submitted 14.02.2021; approved after reviewing 26.04.2021; accepted for publication 10.05.2021.

ЛОГОС НАРРАЦИИ В ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ РОМАНЕ

Ивденко Наталья Владимировна, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, janeaere@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию связи нарративной стратегии и жанровых черт филологического романа. Стратегия реализует «событие» общения субъекта и адресата наррации. Также она является маркером жанровой разновидности. В результате стратегия оказывается связанной с категориями жанра и дискурса. На основе трудов разных ученых рассматривается проблема соотношения этих понятий. Выдвигается гипотеза о том, что логос наррации служит «медиатором» между стратегией и жанровыми признаками филологического романа. На основе учения Ч. Пирса о типологии знаков проводится исследование логоса наррации в произведениях В.И. Новикова «Роман с языком» и Д. Лоджа «Хорошая работа». В результате анализа выявляется присутствие иконического и метаболического логоса в романе Новикова, эмблематического – в романе Лоджа. Особенности дискурсивности в этих произведениях свидетельствуют о ее связи с жанровыми чертами филологического романа (игра с читателем, ирония, провокационность и поиск идеального реципиента). Будучи показателем нарративной модальности (один из элементов стратегии), логос наррации становится «медиатором» между стратегией и особенностями рассматриваемого жанра.

Ключевые слова: В.И. Новиков, Д. Лодж, теория литературы, нарративная стратегия, филологический роман, логос наррации, жанр, нарративная модальность

Для цитирования: Ивденко Н.В. Логос наррации в филологическом романе // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 222–227. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-222-227>

Research Article

LOGOS OF NARRATION IN A PHILOLOGICAL NOVEL

Natal'ya V. Ivdenko, Kuban State University, Krasnodar, Russia, janeaere@mail.ru

Abstract. The article is devoted to studying connection of the narrative strategy with the features of a philological novel. The strategy realises “event” of communication between the subject and the addressee of the narration as well as it is a marker of the genre variety. As a result the strategy turns out to be associated with the categories of genre and discourse. On the basis of the works of different scientists, the problem of the correlation of the concepts is considered. The hypothesis is put forward that the logos of narration serves as a «mediator» between the strategy and genre features of a philological novel. On the basis of Charles Sanders Peirce’s doctrine about the typology of signs, the logos of narration in Vladimir Novikov’s novel «A Romance with Language» and David John Lodge’s novel «Nice Work» is explored. The analysis reveals the presence of iconic and metabolic logos in Vladimir Novikov’s novel while emblematic, in Lodge’s novel. The features of discursiveness in the novels testify to its connection with the genre features of a philological novel (playing with the reader, irony, provocativeness and the search for an ideal recipient). As an indicator of narrative modality (it is one of the elements of the strategy), the logos of narration becomes a «mediator» between the strategy and the characteristics of the genre in question.

Keywords: Vladimir Novikov, David John Lodge, theory of literature, narrative strategy, philological novel, logos of narration, genre, narrative modality

For citation: Ivdenko N.V. Logos of narration in a philological novel. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 222–227 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-222-227>

С 90-х гг. XX в. в гуманитарных науках произошел «нарративный поворот» [Брокмейер, Харре: 29–42]. Это объясняется утвердившимся в научном знании представлением о том, что искусство имеет коммуникативную природу. Литературное произведение стало восприниматься как триада, состоящая из отправителя информации (автор), ее получателя (читатель) и объекта, о котором говорится в сообщении (герой). Ц. Тодоров писал, что оно «одновременно является историей и дискурсом» [цит по: Жиличева: 33]. В научной же литературе все чаще стали объединяться термины «жанр» и «дискурс»: «В литературоведческих исследованиях правила, свойственные дискурсу, изучаются обычно в разделе “жанры”» [Тодоров: 367]. В связи с таким подходом к художественному произведению стал повышаться интерес к нарративным стратегиям (В.И. Тюпа, О.А. Ковалев, Г.А. Жиличева, А.А. Джундубаева и др.). Они становятся эффективным инструментом анализа литературных жанров, в том числе и «непроявленных», таких как филологический роман, который появился еще в XX в. и не утратил популярности до сих пор (А.О. Разумова, О.Ф. Ладохина, Я.С. Гребенчук, Т.С. Семенкина и др.) [Разумова: 1]. Однако здесь необходимо отметить, что возникает проблема определения и соотношения понятий жанра и дискурса, а также связи жанра и стратегии. Последнее особенно актуально в связи с тем, что основные вопросы о «соотношении жанра и нарратива до конца не прояснены» [Жиличева: 71].

Что касается жанра и дискурса, то вопрос об их взаимодействии был высказан в трудах разных ученых (М.М. Бахтин, Ж. Женетт, Г.К. Косиков, Жиличева, Тюпа и др.). Так, Бахтин писал, что жанр определяется следующими параметрами: целью, предметом и ситуацией высказывания [Бахтин б: 371]. Необходимо отметить, что, по словам Тюпы, философ не имел в своем распоряжении термина «дискурс» и поэтому в работах по металингвистике ему приходилось пользоваться категорией жанра, хотя названная триада относится именно к дискурсу: «Предмет, цель и ситуация – это характеристики дискурса, а не жанра» [Тюпа 2013: 17]. Как видно, в данном случае происходит неразделение указанных понятий.

Сам же Тюпа сообщает, что жанр является «исторически продуктивным типом высказывания, реализующим определенную коммуникативную стратегию эстетического по своим “предмету, цели и ситуации” дискурса» [Тюпа 2013: 43]. Из сказанного ясно, что теоретик разъединяет рассматриваемые понятия. Более того, он указывает на иерархию между ними и называет жанр «инвариантом одноименного дискурса» [Тюпа 2013: 16]. Также исследователь дает два определения последнему, одно из которых звучит следующим образом: «Дискурс – это единичное (моно-текстовое) коммуникативное событие, обладающее

инвариантной жанровой структурой своей текстуальности» [Тюпа 2013: 19].

Жиличева усматривает решение вопроса о соотношении жанра и дискурса в установлении взаимосвязи принципов повествования и жанровых особенностей как в плане стиля, так и в плане дискурсивной организации произведения [Жиличева: 71]. Примерно такую же мысль озвучивает Косиков, указывая на связь жанра с принципами повествования, которые должны зависеть от него [Косиков: 65].

Из перечисленного видно, что дискурс и жанр взаимодействуют. Они тесно связаны с нарративными стратегиями, которые есть разновидность коммуникативных стратегий. Более того, по словам Тюпы, жанр – это «некоторая коммуникативная стратегия», которая объединяет субъекта и адресата высказывания в их отношении к тому, о чем говорится, то есть к предмету речи [Тюпа 2013: 43]. Также нарративные стратегии реализуют «событие» общения субъекта и адресата наррации, воплощают принципы повествования и являются своеобразным маркером жанровой разновидности. Они генетически связаны с жанром: первоначальные стратегии стали основой для возникновения литературы как жанровой системы. Притом, по словам Жиличевой, без учета жанровых особенностей анализ стратегий будет неполным, а говорить о «смысловых эффектах нарративных структур» станет невозможно [Жиличева: 71].

Таким образом, целью данной статьи является анализ связи нарративной стратегии и жанровых особенностей филологического романа на материале произведений В.И. Новикова «Роман с языком» (2000) и Д. Лоджа «Хорошая работа» (1988).

Филологический роман относится к «промежуточным» жанрам [Разумова: 1]. Он находится на стыке художественной и научной литературы. До сих пор нет точного определения ему, но, по словам Новикова, «филологическим... можно считать роман, где филолог становится героем, а его профессия – основой сюжета», где «фабула... переплетена с филологической рефлексией» [Новиков 1999: 195; Новиков 2001: 8]. Именно такими предстают «Роман с языком» и «Хорошая работа». В них говорится о судьбе творческой интеллигенции, о ее месте в социуме, о влиянии профессии на жизнь ее представителей. Также поднимаются сложные научные вопросы, решаемые на примерах этих же текстов. Кроме того, в них, как и во всех произведениях исследуемого жанра, присутствуют игра с читателем и поиск идеального реципиента, способного максимально точно понять авторский замысел. Ведь «скрещивание» литературы и филологии требует от читателя определенного круга знаний. Эти черты, как и другие признаки филологического романа (см. ниже), проявляются на разных уровнях произведения, в том чис-

ле и в речи нарратора, в том, как он пользуется языковыми средствами. Последнее неразрывно связано с логосом наррации, представляющим собой знаковую модальность дискурсии. По сути, это «постоянный вид использования языка» [Уайт: 11]. Отсюда видно, что логос наррации и выбор говорящим языковых средств находятся в прямой зависимости. Это подтверждается и выводом Тюпы о том, что семиотическую модальность определяет «направленность обращения пользователя к языку» в той или иной ситуации общения [Тюпа 2010: 94].

Логос наррации является вариативным признаком повествовательных практик, но соотносится со стратегией и играет значительную роль в ее определении. Особенно это касается художественного письма. Логос не только зависит от событийного содержания произведений, но и сам формирует его. Он также тесно и неразрывно связан с повествовательной модальностью, одним из трех элементов стратегии: «Это модальное позиционирование коммуникативного субъекта обнаруживается в тексте вектором дискурсивности, который может быть рассмотрен как базовый риторический принцип (логос) текстопорождения» [Тюпа 2010: 94]. Из сказанного следует, что логос наррации связан со стратегией, а значит, может оказаться «медиатором» между ней и жанровыми признаками филологического романа.

Основой учения о логосе стала типология знаков, разработанная Ч.С. Пирсом. Он выделил индексальный, иконический и символический типы знаковости. По словам Тюпы, под этими понятиями ученый имел в виду модальности, в которых применяются различные группы знаков [Тюпа 2010: 94]. Переложение типологии Пирса на ретиорику и нарратологию проблематично, так как «все слова... суть Символы» [Пирс: 212–213]. Но Тюпа предлагает использовать «два способа» выражения значения символов (наряду с остальными типами знаковости), открытых Пирсом, – иконический и индексальный [Пирс: 213]. Первый предполагает наличие аллюзий (в данном случае аллюзия понимается как риторическая фигура умолчания и соотносится с художественным символом), второй – «эмблематизацию» языка. В филологическом романе наблюдается смешение как минимум двух типов – иконического и символического (индексальные и иконические символы).

Так, в произведении Новикова «Роман с языком» иконическая знаковость выражается, во-первых, в характерном для нее наличии в речи говорящего необычных слов и словосочетаний, а также в создании неологизмов, которые нарратор изобретает прямо в ходе рассказа о своей жизни. Яркими примерами служат следующие фразы: «Междунамие – такое слово у меня придумалось однажды», «В воздухе наряду с ионами, протонами и электронами витают

маленькие театроны» [Новиков 2001: 71, 110]. Последнее – пример так называемой омонимичности текста, под которой понимается порождение новых значений слов и невыразимость смысла. Иконический логос – это первичность сигнала, а не значения. Он прежде всего призван воздействовать на адресата, вызывать в его сознании неготовые смыслы, то есть реализовывать имагинативную функцию речи. Выстраивая свой рассказ таким образом, нарратор совершает акт самопрезентации. Подобное поведение указывает на игру автора с читателем, что является одним из признаков филологического романа (необходимо помнить, что, по словам В. Шмида, все действия нарратора указывают и на абстрактного автора, так как говорящий является его созданием [Шмид: 76]). Словотворчество рассчитано на подготовленного читателя, который разгадает все авторские ребусы.

Воздействие на адресата оказывается и другими способами. В частности, рассказ ведется от первого лица с постоянным обращением к читателю, а точнее к нарратору, что создает атмосферу импровизации и «разговорности» стиля, характерных для иконической знаковости: «Но с чего ты взяла, что “дискурс” – это наукообразная ерунда? Здравсьте, пожалуйста!» [Новиков 2001: 105].

Следующая важная черта как филологического романа в целом, так и романа Новикова в частности – ирония. Нарратор постоянно подсмеивается над коллегами, над своим собеседником, над обществом в целом, над собой. Так, рассуждая о театронах, он сообщает: «Театрону нипочем ни здравый смысл, ни этическая ответственность, ни тем более научная логика... <...> Не весь мир театр, но наша деревня, наш филологический мирок таковым безусловно является. Я тоже понемногу учусь быть шутком гороховым, осваиваю незамысловатую технику плоского каламбурного балагурства» [Новиков 2001: 110]. Этот пример, как и приведенные выше, составляют языковую игру, потому что неодобрение и эффект обманутого ожидания (как в случае с измененной цитатой в примере) есть элементы иронии, а она сама и словотворчество – виды языковой игры.

Такой способ повествования втягивает читателя в «авантюру» текста, которая характерна для иконического логоса [Тюпа 2010: 119]. Все перечисленное свидетельствует о нестандартном речевом поведении говорящего субъекта и его провокационности по отношению к адресату наррации (последнее является еще одним признаком филологического романа). Из сказанного ясно, что в произведении Новикова «Роман с языком» присутствуют черты модальности мнения. Самым ярким ее доказательством служит возможность существования альтернативной позиции по отношению к позиции говорящего. В тексте это выражается многими способами, например в сле-

дующих словах: «У тебя другая точка зрения? Ну, а я вот такой вывод из своей завершающейся жизни вынес» [Новиков 2001: 60].

Отклонение от нормы обнаруживается также во взгляде нарратора на научную деятельность своих коллег: «Очень может быть, что все мои старания напрасны: абсолютное большинство коллег считает непреложной нормой мертвописание. Но ведь и у наших научных трудов хотя бы теоретически имеется читатель, а когда пишем учебники для студентов, то читатель просто за спиной стоит. Почему бы информацию ему не передать с речевым ускорением, не протянуть руку братской помощи?» [Новиков 2001: 186]. Это один из значимых эпизодов в речи нарратора, потому что здесь наблюдается смешение и переключение модальностей и, как следствие, переход к новому логосу – метаболическому. Метаболы являются символами «с вероятностным смыслом» [Тюпа 2010: 131].

В романе Новикова метаболой становится тильда. Говорящий обыгрывает значение этого термина. Он одновременно употребляется в своем прямом значении, намекает на изгиб женского тела, называет имя жены главного героя и свидетельствует о ее роли в жизни Андрея (он же главный герой и нарратор): «Знаешь, “тильда” – это название значка, при помощи которого в словарях повторяется слово или основа слова, для экономии места... “~” – такой симпатичный иероглиф, намекающий на изгибы горизонтально расположенного женского тела... Оказалось, что Тильда была моей основой...» [Новиков 2001: 68]. Из примера ясно видно «пересечение разнородных семантических рядов», что составляет основу метаболы [Тюпа 2010: 130]. Так реализуется полисемия текста.

Метаболическая дискурсивность имеет одно важное свойство: она направлена на кругозор адресата, на предполагаемый ответ от него. Также через нее воплощается модальность понимания. Слово нарратора, сказанное в такой модальности, тоже направлено на воспринимающее сознание, на ответ с его стороны. Говорящий не просто стремится «подстроиться» под адресата наррации, донести до него свою мысль, но и хочет быть услышанным. Об этом свидетельствуют многочисленные объяснения взглядов, мыслей нарратора, лингвистических и литературоведческих терминов и понятий, встречающихся в романе. Получается, читатель вступает в диалог с самим автором, который через фигуру говорящего «протягивает руку братской помощи» своему собеседнику. В этом заключается попытка сформировать идеального читателя, который способен правильно понять авторский замысел.

Поиск подготовленного читателя есть и в романе Лоджа «Хорошая работа». Он проявляется по-разному, в частности с помощью логоса наррации, который

у Лоджа представлен не так богато, как у Новикова, но это не умаляет важности его роли в формировании связи стратегии (через нарративную модальность) с жанровыми чертами филологического романа.

В произведении Лоджа присутствует эмблематическая дискурсивность. Главные ее признаки – однозначность и очевидность языковых знаков, ведущие к моносемии текста: «...эмблемы: словесные знаки с готовым смыслом» [Тюпа 2010: 109]. Самыми яркими примерами «однозначного» употребления языка в «Хорошей работе» служат образы завода и университета. Первый имеет такое описание, что, без сомнения, напоминает собой преисподнюю: «It was like a small pinnacle in Pandemonium, dark and hot...» [Lodge: 130]. Более того, в тексте есть отсылка к «Аду» Данте: «She surveyed the scene, feeling more than ever like Dante in the Inferno» [Lodge: 128]. В приведенном примере содержится установка на «подготовленность» читателя, на его знакомство с упомянутым произведением.

Что касается университета, то он назван в романе «башней из слоновой кости»: «There is a widespread feeling in the country that universities are ‘ivory tower’ institutions, whose staff are ignorant of the realities of the modern commercial world» [Lodge: 85]. Стиль жизни преподавателей и сам дух университета только подтверждают эти слова.

Таким образом, нарратор на протяжении всего романа стремится выработать у адресата повествования однозначное и неоспоримое представление о двух мирах – мире промышленности и мире университетской интеллигенции, – показать их различия и невозможность сотрудничества и взаимопонимания между рабочими и преподавателями (описания, приведенные выше, закрепляют созданное впечатление). Здесь необходимо помнить, что эмблематическая дискурсивность нацелена на выработку у читателя «доверия к чужому слову, благоговейное приятие (авторитетное слово)» [Бахтин 5: 332]. Это прямо указывает на модальность убеждения. Самым ярким ее свидетельством становится концовка произведения, доказывающая невозможность дружбы между представителями рабочего класса и интеллигенции: «Physically contiguous, they inhabit separate world... There is a long way to go» [Lodge: 384].

Но модальность убеждения приводит к парадоксу: она предполагает наличие надежного нарратора, каковым говорящий не является. Он играет с читателем. Достаточно вспомнить споры Робин, Чарльза и Вика о пользе обществу, приносимой рабочим классом, и «бесполезности» университетов. События романа постоянно опровергают слова героев, а легковёрный читатель попадает в ловушки, расставленные говорящим. Нарратор оказывается «адвокатом дьявола», «разыгрывает “вероотступничество”» интелли-

генции, показывая при этом ее торжество и так запутывая читателя [Масляева: 148]. Этому способствует модальность убеждения и в немалой степени описания завода и университета, которые изначально программируют восприятие читателя. С помощью эмблематического логоса нарратор навязывает стереотипы, а также, по словам О.Ю. Масляевой, «имитирует объективность, склоняет к жесткой логике и трезвым выводам, но – наводит на ложный след», заставляя поверить в истинность сказанного, подталкивая к неверным выводам [Масляева: 149].

Из сказанного можно сделать вывод, что в филологическом романе встречаются два типа знаковости – иконический и символический. В романе Новикова наблюдается соединение иконического и метаболического логосов наррации. «Авантюристность» текста и использование сложных образов свидетельствуют об ироничности говорящего, о его установке на провокационность, о стремлении вовлечь адресата наррации в языковую игру, о поиске идеального читателя, способного понять авторский замысел. Сосуществование двух типов дискурсивности указывает на одновременное присутствие модальности мнения и понимания. Также это говорит о слиянии элементов разнонаправленных стратегий в одном произведении. Эмблематический логос в романе Лоджа также свидетельствует о поиске идеального читателя и об игре с ним. Кроме того, он указывает на модальность убеждения, призванную обмануть адресата повествования. В результате логос наррации становится связующим звеном между элементами нарративной стратегии (модальность) и такими жанровыми признаками филологического романа, как игра с читателем, ирония, провокационность и поиск идеального реципиента.

Список литературы

- Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Изд-во Русские словари, 1997. Т. 5. 732 с.
- Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. 800 с.
- Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. М., 2000. № 3. С. 29–42.
- Жиличева Г.А. Нарративные стратегии в жанровой структуре романа (на материале русской прозы 1920–1950-х гг.): дис. ... докт. филол. наук. М., 2015. 429 с.
- Косиков Г.К. О принципах повествования в романе // Литературные направления и стили. М.: МГУ, 1976. С. 65–76.
- Масляева О.Ю. Поэтика трилогии Дэвида Лоджа (романы «Академический обмен», «Мир тесен», «Прекрасная работа»): дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2001. 173 с.
- Новиков В.И. Роман с языком. Три эссе. М.: Аграф, 2001. 320 с.

Новиков В.И. Филологический роман. Старый новый жанр на исходе столетия // Новый мир. 1999. № 10. С. 193–206.

Пирс Ч. Избранные философские произведения века / пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. М.: Логос, 2000. 448 с.

Разумова А.О. «Филологический роман» в русской литературе XX века (генезис, поэтика): дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 182 с.

Тодоров Ц. Понятие литературы // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 355–369

Тюна В.И. Дискурс / Жанр. М.: Intrada, 2013. 211 с.

Тюна В.И. Дискурсивные формации: Очерки по компаративной риторике. М.: Языки славянской культуры, 2010. 320 с.

Уайт Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века / пер. с англ. под ред. Е.Г. Трубиной, В.В. Харитоновой. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2002. 528 с.

Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

Lodge D. Nice work. London, Penguin books, 1989.

References

- Bakhtin M.M. *Sobr. soch.: v 7 t.* [Composition of writings: in 7 vols.]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1997, vol. 5, 732 p. (In Russ.)
- Bakhtin M.M. *Sobr. soch.: v 7 t.* [Composition of writings: in 7 vols.]. Moscow, Russkie slovari Publ., Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2002, vol. 6, 800 p. (In Russ.)
- Brokmeier I., Kharre R. *Narrativ: problemy i obeshchaniia odnoi al'ternativnoi paradigmy* [Narrative: Problems and Promises of an Alternative Paradigm]. *Voprosy filosofii* [Philosophy questions]. Moscow, 2000, № 3, pp. 29–42. (In Russ.)
- Zhilicheva G.A. *Narrativnye strategii v zhanrovoy strukture romana (na materiale russkoi prozy 1920–1950-kh gg.)* [Narrative strategies in the genre structure of the novel (based on the material of Russian prose of the 1920s – 1950s)]: dis. ... dokt. filol. nauk. Moscow, 2015, 429 p. (In Russ.)
- Kosikov G.K. *O printsipakh povestvovaniia v romane* [About the principles of narration in the novel]. *Literaturnye napravleniia i stili* [Literary schools and styles]. Moscow, MGU Publ., 1976, pp. 65–76. (In Russ.)
- Masliaeva O.Iu. *Poetika trilogii Devida Lodzha (romany «Akademicheskii obmen», «Mir tesen», «Prekrasnaiia rabota»)* [Poetics of David Lodge's trilogy (novels «Changing Places», «Small World», «Nice Work»)]]: dis. ... kand. filol. nauk. Nizhny Novgorod, 2001, 173 p. (In Russ.)
- Novikov V.I. *Roman s iazykom. Tri esse* [A Romance with Language. Three essays]. Moscow, Agraf Publ., 2001, 320 p. (In Russ.)

Novikov V.I. *Filologicheskii roman. Staryi novyi zhanr na iskhode stoletii* [Philological novel. Old new genre at the end of the century]. *Novyi mir* [New world], 1999, № 10, pp. 193–206. (In Russ.)

Pirs Ch. *Izbrannye filosofskie proizvedeniia veka* [Selected Philosophical Writings of the century], trans. K. Golubovich, K. Chukhrukidze, T. Dmitrieva. Moscow, Logos Publ., 2000, 448 p. (In Russ.)

Razumova A.O. «*Filologicheskii roman*» v russkoi literature XX veka (genezis, poetika) [«Philological novel» in Russian literature of the XX century (genesis, poetics)]: dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, 2005, 182 p. (In Russ.)

Todorov Ts. *Poniatie literatury* [The notion of literature]. *Semiotika* [Semiotics]. Moscow, Raduga Publ., 1983, pp. 355–369 (In Russ.)

Tiupa V.I. *Diskurs / Zhanr* [Discourse / Genre]. Moscow, Intrada Publ., 2013, 211 p. (In Russ.)

Tiupa V.I. *Diskursnye formatsii: Ocherki po komparativnoi ritorike* [Discourse Formations: Essays on Comparative Rhetoric]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2010, 320 p. (In Russ.)

Uait Kh. *Metaistoriia: istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka* [Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe], trans., ed. by E.G. Trubinin, V.V. Kharitonova. Yekaterinburg, Ural University Publ., 2002, 528 p. (In Russ.)

Shmid B. *Narratologiia* [Narratology]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2003, 312 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 19.05.2021; одобрена после рецензирования 16.07.2021; принята к публикации 18.08.2021.

The article was submitted 19.05.2021; approved after reviewing 16.07.2021; accepted for publication 18.08.2021.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 228–234. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 228–234. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 342.951

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-228-234>

О ПРАВОВОЙ ПРИТВОРНОСТИ В САНИТАРНО-ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЕ НА ФОНЕ ПАНДЕМИИ COVID-19

Бакулина Ирина Петровна, кандидат юридических наук, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, i.p.bakulina@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0971-0837>

Кириллов Дмитрий Александрович, кандидат юридических наук, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, kdakda@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1550-1962>

Аннотация. Санитарно-эпидемиологические процессы на фоне пандемии COVID-19 подтвердили распространенность в России правовой притворности. Правовая притворность долгое время официально упоминалась только в Гражданском кодексе РФ и оценивалась государством и обществом довольно нейтрально. Оценка особо не изменилась даже с недавним введением административной ответственности за притворный бухгалтерский учет, хотя номинально отраслевая оценка правовой притворности стала отрицательной. В статье отмечается, что на фоне антиковидных санитарно-эпидемиологических мер нейтральное отношение общества к правовой притворности поменялось на отрицательное и совпало с ее административно-правовой оценкой. Это делает актуальным устранение негативных последствий правовой притворности в санитарно-эпидемиологической сфере, определение правовых средств блокирования конфликтогенных факторов, предупреждение новых проявлений правовой притворности. Выявлено, что режим повышенной готовности во многом притворен, прикрывает «гибридный» режим сомнительной правовой природы с неразумным объемом правоограничений и недостаточностью государственных гарантий. Толкование Президиума Верховного суда ухудшает по сравнению с законом участь привлекаемых к ответственности за нарушение «антипандемийных» правил лиц. Всё это порождает социальную напряженность и недоверие к антипандемийным мерам государства как к притворным. В статье содержатся рекомендации по нейтрализации последствий притворности. Кроме того, усиление социальной напряженности на фоне пандемии COVID-19 дополнительно продемонстрировало существование притворных правовых явлений общесоциального свойства, в частности, в сферах федерализма, законности, а также солидарности государства и общества.

Ключевые слова: притворность, притворное правовое явление, санитарно-эпидемиологическое благополучие, режим повышенной готовности, гибридный режим, антиковидное законодательство, пандемия COVID-19

Благодарности. Работа выполнена при совместной поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Тюменской области, грант № 20-411-720006

Для цитирования: Бакулина И.П., Кириллов Д.А. О правовой притворности в санитарно-эпидемиологической сфере на фоне пандемии COVID-19 // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 228–234. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-228-234>

Research Article

ON THE LEGAL FEIGNFULLNESS IN THE SANITARY AND EPIDEMIOLOGICAL SPHERE AGAINST THE BACKGROUND OF THE COVID-19 PANDEMIC

Irina P. Bakulina, Candidate of Jural Sciences, Tyumen State University, Tyumen, Russia, i.p.bakulina@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0971-0837>

Dmitry A. Kirillov, Candidate of Jural Sciences, Tyumen State University, Tyumen, Russia, kdakda@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1550-1962>

Abstract. Sanitary and epidemiological processes against the background of the COVID-19 pandemic have confirmed the prevalence of legal feignfulness in Russia. For a long time, legal feignfulness has been officially mentioned only in the Civil Code of the Russian Federation and has been assessed by the state and society quite neutrally. The assessment has not changed much even with the recent introduction of administrative responsibility for feigned accounting, although the nominally in this branch of law assessment of legal feignfulness has become negative. Against the background of anti-COVID sanitary and epidemiological measures, the neutral attitude of society to legal feignfulness changed to a negative one and coincided with administrative and legal negative assessment of legal feignfulness. This makes it topical to eliminate the negative

consequences of legal feignfulness in the sanitary and epidemiological sphere; to determine the legal means of blocking conflict-causing factors; to prevent new manifestations of legal feignfulness. It is revealed that the high alert mode is largely feigned, covers up a “hybrid” regime of a dubious legal nature with an unreasonable amount of legal restrictions and insufficient state guarantees. The interpretation of the Presidium of the Supreme Court worsens, in comparison with the law, the legal fate of persons brought to justice for violating the “anti-COVID” rules. All this generates social tension and distrust of the anti-pandemic measures of the state as feigned ones. The article contains recommendations for neutralising the consequences of legal feignfulness. In addition, the increase in social tension against the background of the COVID-19 pandemic further demonstrated the existence of feigned legal phenomena of a general social nature, in particular, in the areas of federalism, legality, as well as solidarity of the state and society.

Keywords: feignfulness, feigned legal phenomenon, sanitary & epidemiological well-being, high alert mode, hybrid mode, anti-COVID legislation, COVID-19 pandemic.

Acknowledgments. This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research and Tyumen region, project 20-411-720006

For citation: Bakulina I.P., Kirillov D.A. On the legal feignfulness in the sanitary and epidemiological sphere against the background of the COVID-19 pandemic. *Vestnik of Kostroma State University*, 2021, vol. 27, № 3, pp. 228–234 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-228-234>

Одной из ординарных характеристик правовой действительности России является широкая распространенность притворных правовых явлений. В целом подобное положение вещей не представляется чем-то из ряда вон выходящим даже с позиций юридической науки [Уткина: 327–331] и практики [Бекетов, Борков: 33], поскольку, как представляется, отражает юридические реалии, предопределяемые уровнем развития общества [Зверева, Кириллов: 103], и в этом смысле особой угрозы правоохраняемым ценностям не несет.

Между тем значительным числом проявлений правовой притворности обернулись и предпринятые в России усилия по противодействию пандемии COVID-19. Учитывая высокую цену ошибок в подобных вопросах в сочетании с нередко непредсказуемыми последствиями правовой притворности, традиционно легковесное к ней отношение в деле противодействия пандемии представляется по меньшей мере рискованным.

К числу элементов социально-правового пространства, требующих в аспекте противодействия пандемии особого внимания, относится и санитарно-эпидемиологическая сфера. Главная роль в ее правовом регулировании принадлежит административному праву. Поэтому с позиций, прежде всего, науки административного права требуют исследования вопросы правовой притворности в санитарно-эпидемиологической сфере.

Следует определиться с административно-правовым содержанием понятия «притворность». Здесь прежде всего отметим, что термин «притворность», применяемый для обозначения основного свойства явлений с рассогласованными номинальной и реальной сторонами, появился в поле зрения науки административного права с включением в 2013 году в Федеральный закон «О бухгалтерском учете» (далее – «ФЗ о бухучете») дефиниции понятия «притворный объект бухгалтерского учета». Так, в соответствии со статьей 10 «ФЗ о бухуче-

те», «...под притворным... понимается объект, отраженный в бухгалтерском учете вместо другого объекта с целью прикрыть его (в том числе притворные сделки)»¹.

В ряду же актуальных для науки административного права категорий правовая притворность, если исходить из традиционной научной логики, должна была закрепиться еще в марте 2016 года, когда термин «притворный объект бухгалтерского учета» был включен в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)². Однако подобного закрепления не произошло. Несмотря на то, что с даты включения в КоАП РФ указанного термина прошло несколько лет, его анализ продолжает ограничиваться в основном подходами, основывающимися на положениях «ФЗ о бухучете» и отраженными в экономико-бухгалтерской литературе. О юридической же притворности продолжают говорить в основном цивилисты.

Попытка объяснить невнимание ученых-административистов как к термину «притворный объект бухгалтерского учета», так и к понятию «притворность» позволила выявить следующее. Исходя из досье к законопроекту от 29.09.2015 № 890123-6 о внесении изменений в КоАП РФ, понятие «притворный объект бухгалтерского учета» содержится в «ФЗ о бухучете». Из досье же к законопроекту от 18.12.2012 № 192810-6 о внесении изменений в «ФЗ о бухучете»³ следует, что понятие «притворный объект бухгалтерского учета» содержательно соответствует понятию «притворная сделка» из статьи 170 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – «ГК РФ»)⁴. Результаты проведенного нами в 2021 году опроса двадцати пяти ученых-административистов из шести субъектов РФ⁵ показали, что никто из них не подверг критическому сомнению тезис о том, что понятия «притворный объект бухгалтерского учета» и «притворная сделка» якобы содержательно соответствуют друг другу. Меж-

ду тем ложность тезиса «о соответствии» стала очевидной тридцати трем из тридцати трех студентов при целенаправленном учебном ознакомлении ими с конструкцией статьи 10 «ФЗ о бухучете». В ней притворная сделка обозначена как один из видов притворного объекта.

Таким образом, отождествлять притворный объект бухгалтерского учета с притворной сделкой некорректно. Как, кстати, и притворность в административном праве с притворностью в гражданском праве. И вот почему.

В административном праве нет «собственных» подходов к раскрытию содержания понятия правовой притворности, в силу чего достаточно сложно отказаться от логической опоры на подходы, устоявшиеся в гражданском праве. Между тем следует обратить внимание на одно немаловажное обстоятельство. Смысл его заключается в том, что сопоставление положений о притворности в гражданском праве и в административном праве позволяет обнаружить совершенно различающиеся аксиологические подходы государства к оценке притворности в каждой из названных отраслей права.

В гражданском праве как статья 170 ГК РФ, так и предшествовавшая ей статья 53 ГК РСФСР⁶ не содержат явного указания ни на негативную оценку притворности государством, ни на неблагоприятные для сторон последствия притворной сделки. Иными словами, действия, выразившиеся в совершении притворной сделки, а следовательно, и притворность сами по себе государством не порицаются. То есть притворность в гражданском праве аксиологически нейтральна.

Из административного же права с очевидностью явствует аксиологически негативная государственная оценка притворности и любых ее проявлений. Такая оценка находит отражение как в виде адресованного законодательством представителям негосударственной части социума прямого запрета оценивать притворные «объекты учета» в качестве реальных, так и в основном на аналогии закона запрете всему обществу на любую правовую притворность.

Между тем из сопоставления текстов пункта 2 статьи 10 «ФЗ о бухучете» и пункта 2 статьи 170 ГК РФ явствует, что базовое свойство притворности имеет значение для обеих отраслей. Кроме того, на административное право распространяется и базирующееся на логической конструкции притворной сделки универсальное терминологически-смысловое правило о притворности. Согласно последнему, бесспорное номинальное правовое явление, прикрывающее реальное правовое явление, именуется притворным, не имеет правового значения и с точки зрения правовых последствий актуализирует прикрываемое (реальное) правовое явление [Зверева, Кириллов: 102].

Также заметим, что исследования правовой притворности в зарубежных научных источниках ограничиваются лишь сферой частного права [Conaglen: 122–125] и связаны в основном с притворными сделками, совершаемыми в целях недобросовестной налоговой экономии или сокрытия реальной субъектности правообладателей [Perriello: 944–951].

Упомянутая выше негативная административно-правовая коннотация притворности распространяется и на санитарно-эпидемиологическую сферу. В силу этого, как представляется, проявления правовой притворности в данной сфере следует оценивать как нежелательные и преодолевать. В связи с необходимостью противодействия пандемии актуальность оценки правовой притворности в санитарно-эпидемиологической сфере, на наш взгляд, возрастает.

Приступая к правовой характеристике текущей санитарно-эпидемиологической обстановки, необходимо отметить следующее. В силу отсутствия верифицированного научного знания о пандемии COVID-19, а также ряда других факторов, с общеправовой точки зрения пандемия в первой половине 2020 года имела признаки форс-мажорных обстоятельств. Мировым эпидемиологическим сообществом пандемия воспринята как обстоятельство с повышенным уровнем чрезвычайности, что представляется совершенно обоснованным. Заболевание требовало особых подходов к блокированию его распространения, неординарных политико-государственных решений по борьбе с пандемией, консолидации усилий различных институтов, что, в свою очередь, требовало создания обстановки реальной социально-государственной солидарности.

Оценка новизны и негативной непредсказуемости ситуации, восприятие ее как содержащей риски не только национального масштаба, но и для всего мирового сообщества привели к тому, что в ряде государств были приняты особые чрезвычайные законы и предпринят комплекс разъяснительных и иных сопровождающих мер. К примеру, во Франции государство явным образом продемонстрировало населению, что воспринимает пандемию как особую чрезвычайную ситуацию, требующую всеобщей мобилизации усилий в сочетании с широким кругом обязательных для всех ограничений. При этом в информационном пространстве в отношении ограничительных мер особым образом артикулировались их крайняя необходимость, разумная достаточность, всеобщая обязательность и временная ограниченность сроков действия периодом пандемии.

Управленческие решения, принятые в 2020 году в отношении пандемии государственными структурами России, были принципиально иными. Учитывая реальную обстановку и набор правовых средств, наиболее логичным в условиях социальной неопределенности с высоким уровнем эпидемиологических

рисков представлялся бы режим чрезвычайного положения. Однако введен данный режим не был. Основным же специальным административно-правовым режимом для минимизации негативных последствий распространения пандемии в России и разрешения связанных с этим социальных, экономических и правовых ситуаций официально (номинально) стал режим повышенной готовности.

Между тем оценка реального административно-правового режима, который установился на территории Российской Федерации в результате введения режима повышенной готовности, указывает на признаки правовой притворности. Так, после введения режима повышенной готовности почти во всех регионах страны, хоть и с разной степенью интенсивности, имели место проявления именно чрезвычайности протекания социальных процессов, то есть предпосылок для введения именно режима чрезвычайного положения. Несмотря на то, что такой режим введен не был, фактические обстоятельства потребовали от региональных публичных органов решительных действий, направленных главным образом на снижение скорости распространения пандемии. При этом почти повсеместно были введены «высокоинтенсивные» ограничения прав и свобод людей и организаций. Необходимым правовым условием введения части из таких ограничений является объявление режима чрезвычайного положения. Тем самым с точки зрения текущего законодательства фактически было установлено нечто вроде смешанного правового режима, а именно, введены ограничения прав и свобод, характерные для режима чрезвычайного положения, но без соблюдения других его условий [Шуруханова, Комовкина: 228–231]. В частности, здесь отсутствуют меры государственной поддержки и государственные гарантии, которые предусмотрены статьей 29 ФКЗ «О чрезвычайном положении»⁷ и являются обязательными при введении режима чрезвычайного положения. Кроме того, ряд введенных ограничений до сих пор не имеют «законодательного прообраза».

Такой, говоря условно, «гибридный» режим текущим законодательством не предусмотрен. Следовательно, формально он незаконен. Однако, являясь реально действующим, в том числе ввиду опоры на ряд юридических составов правонарушений, «создаваемых» судами [Уткина: 329–330], «гибридный» режим фактически правомерен.

В порядке дополнительной характеристики «гибридного» режима необходимо заметить следующее. С точки зрения ряда исследователей, публичными органами в рамках такого режима нередко принимались не вполне адекватные управленческие решения. Отмечается незаконность ограничений органами исполнительной власти субъектов РФ прав и свобод в период пандемии при отсутствии перечня подобных мер

принуждения в федеральном законодательстве [Попова: 17–18]. Принимавшиеся на региональном уровне в рамках «гибридного» режима ограничительные меры нередко входили в противоречие с конституционными гарантиями прав и свобод граждан. В результате ситуационного использования текущего законодательства созданы предпосылки к возникновению рисков не только злоупотребления чрезвычайными полномочиями, но и сохранения новых ограничительных мер после завершения пандемии. Высветилась проблема недостаточности федерального контроля за оправданностью введения государственных ограничений прав граждан на конкретных территориях [Варламова: 21–28].

Справедливую критику многих исследователей вызвало практически повсеместное внедрение такой меры, как самоизоляция здорового населения. Обосновывая неконституционность подобной меры, авторы ряда работ указывают на то, что мера, не будучи закрепленной на федеральном уровне, словно по горизонтальному согласованию между собой, применялась и применяется органами исполнительной власти большинства субъектов РФ. При этом, согласно Конституции РФ, региональным законодателям не может быть делегировано нормотворчество, относящееся исключительно к ведению федерального законодателя. Справедливая критика авторов ряда работ также касается неопределенности круга запретов и ограничений, поскольку конкретный перечень запретов и ограничений, которые могут применяться в случае чрезвычайных ситуаций, вызванных инфекционными заболеваниями, федеральными законами не установлен [Агальцова, Иманова: 60–70].

На фоне осложненной санитарно-эпидемиологической обстановки из положений, приведенных в предыдущем абзаце, можно вывести сразу несколько проявлений правовой притворности. Так, например, с новой силой заявили о себе:

– кризис отечественного федерализма [Родионова: 103–107]. На фоне пандемии очевидны не согласующиеся с Конституцией РФ реалии – в основном налицо, на наш взгляд, унитарное государство с централизованным управлением и несколькими регионами с признаками субъекта федерации [Тимченко: 984];

– кризис законности. Правосознание большинства россиян, включая руководителей и должностных лиц всех уровней, тяготеет к приоритету не закона (в смысле верховенства, единственного источника правоограничений, обязательности для всех), а политической воли носителя властных полномочий [Авдеев: 57] и т. п.

Правовая притворность, отдельные проявления которой в условиях пандемии охарактеризованы выше, повлекла, на наш взгляд, две группы последствий. С одной стороны, возможно, отказ от прямо-

го (непритворного) введения режима чрезвычайного положения позволил государству не допустить паники среди населения. С другой же стороны, государство, по нашему мнению, столкнулось с неожиданно негативным восприятием населением именно притворности, выразившейся в возложении на общество обязанностей, не свойственных официально объявленному режиму повышенной готовности, без предоставления каких-либо закрепленных гарантий компенсации или возмещения возможных потерь, которые сопряжены с исполнением возложенных обязанностей. ореол негатива по отношению к административной «режимной» притворности позже был перенесен значительной частью населения и на многие связанные с пандемией меры, предпринимаемые государством (вакцинирование, масочный режим и т. п.).

Также следует заметить, что на фоне пандемии, на наш взгляд, проявилось и требующее дальнейшего изучения избирательное отношение общества к притворным правовым проявлениям со стороны государства. Это отношение выглядит явно нейтральным в ситуациях, неактуальных для наиболее значимых личных ценностей, и негативным в ситуациях, создающих угрозы наиболее значимым личным ценностям.

Для регулирования новых правил поведения в условиях режима повышенной готовности были внесены изменения, в частности, в КоАП РФ и в Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ). Некоторые из этих изменений представляют не только общенаучный интерес, касающийся применения новелл и действия норм, но и узконаучный интерес с позиций правовой притворности.

Так, статья 6.3 КоАП РФ дополнена в апреле 2020 года пунктом 3 с материальным составом, где в качестве объекта посягательства появилась даже жизнь человека, чего ранее в КоАП РФ не бывало. Пункт 2 статьи 236 УК РФ также претерпел изменения. В результате сегодня налицо отсутствие бесспорных критериев для разграничения этих разноотраслевых юридических составов.

Заметим, что с точки зрения нашего понимания принципа отраслевой относимости объектных оснований дифференциации публичной ответственности, мы не считаем правильным перенос из уголовного права в административное право не только такого объекта правовой охраны, как жизнь человека, но и отдельных параметров здоровья человека. Поэтому текст пункта 3 статьи 6.3 КоАП РФ, по нашему мнению, должен быть изменен, по крайней мере в части ответственности граждан и должностных лиц.

Между тем уже более года текст пункта 3 статьи 6.3 КоАП РФ изложен в «первозданном» виде и содержит состав правонарушения, в котором в качестве альтернативного дополнительного объекта, в частности, ука-

зана жизнь человека. Здесь, на наш взгляд, не следует исключать того, что идея законодателя о привлечении людей к административной, а не уголовной ответственности в случае наступления смерти и причинения вреда здоровью связана с возможными врачебными ошибками по причинам недостатка знаний о новом заболевании, а следовательно, и опыта лечения, особо напряженного графика работы медперсонала, дефицита информации, наступления последствий особо стрессовых ситуаций и т. п. Данное обстоятельство, безусловно, представляет интерес в различных аспектах, однако мы ограничимся лишь правовой притворностью.

Если исходить из буквального значения текстов законоположений пункта 3 статьи 6.3 КоАП РФ и пункта 2 статьи 236 УК РФ, то, очевидно, при возникновении неустранимых сомнений в выборе для правовой оценки ситуации одного из двух названных законоположений такой выбор, исходя из смысла статьи 3 УК РФ, должен быть сделан в пользу пункта 3 статьи 6.3 КоАП РФ. Здесь неустранимость, что вполне логично, должна истолковываться в пользу лица, привлекаемого к публичной ответственности. К аналогичному выводу приводит и применение одного из правил о конкуренции норм, в частности, нормы, криминализирующей деяние, и нормы, согласно которой деяние не преступно.

Между тем совершенно иной подход демонстрирует Президиум Верховного Суда РФ (ВС РФ), указав в пункте 15 Обзора судебной практики от 30.04.2020, что предусмотренные пунктом 3 статьи 6.3 КоАП РФ «действия (бездействие)... повлекшие... смерть человека» «...в случае наступления последствий в виде смерти человека действия (бездействие) виновного следует квалифицировать по части 2 статьи 236 УК РФ»⁸. Тем самым Президиум, прямо игнорируя положение пункта 3 статьи 6.3. КоАП РФ, предлагает истолковывать материально-правовые нормы не в пользу привлекаемого к ответственности лица, искажать волю законодателя и т. п. Надеяться на то, что приведенная выше правовая позиция Президиума ВС РФ всё-таки сама по себе не отменяет действие пункта 3 статьи 6.3. КоАП РФ и, соответственно, «как бы» не исключает его применения на практике, навряд ли перспективно.

В контексте проблематики текущей статьи ВС РФ в анализируемом пункте обзора фактически дезавуирует законоположение пункта 3 статьи 6.3 КоАП РФ, квалифицируя его как притворное, и, существенно повышая уровень возлагаемой на нарушителя репрессии, формулирует правовоположение, которое подлежит применению вместо притворного законоположения. В принципе, для ВС РФ демонстрация правовой притворности законоположений с повышением в своих правовоположениях объема публичной репрессии в отношении привлекаемого к ответственности лица

«сверх законного» не является редкостью. Подобные факты воспринимаются социумом в целом достаточно нейтрально и в совокупности стали самостоятельным элементом системы источников права [Уткина: 327–328]. Между тем, как было указано выше, в санитарно-эпидемиологической сфере общее правило об обычно нейтральной социальной оценке правовой притворности перестает действовать. На фоне пандемии оценка нередко превращается в негативную, потому исключение подобных противоправных «вольностей» представлялось бы более конструктивным.

Определенные сложности имеются и в разграничении ряда иных введенных в законодательство в период пандемии составов административных правонарушений. Между тем явно выраженных проявлений притворности в ходе реализации соответствующих норм, на наш взгляд, не имеется.

Представляется целесообразным уточнение отдельных положений о регулировании отношений в санитарно-эпидемиологической сфере, в том числе в целях уменьшения поводов для проявления правовой притворности.

1. Общественные отношения в сфере охраны жизни и наиболее важных атрибутов здоровья человека вряд ли могут быть объектом административного правонарушения со стороны физического лица. Наличие такого объекта правовой охраны, очевидно, отражает признак общественной опасности, характерный для преступления. В силу этого ответственность для физических и должностных лиц за причинение вреда жизни, а также тяжкого и средней тяжести вреда здоровью должна быть, на наш взгляд, исключена из КоАП РФ, что, в свою очередь, в части такого объекта охраны, как «жизнь», согласуется с правовой позицией Президиума ВС РФ, изложенной в пункте 15 «Обзора»⁹.

Потому в пункте 3 статьи 6.3 КоАП РФ следует исключить из круга лиц, ответственных за совершение административного правонарушения, граждан и должностных лиц, ограничив круг правонарушителей только юридическими лицами. Кроме того, такое последствие, как причинение легкого вреда здоровью, из пункта 3 статьи 6.3 КоАП РФ логично перенести в пункт 2 указанной статьи, сделав его «альтернативно материальным».

2. До 2020 года составы административных правонарушений, посягающих на санитарно-эпидемиологическое благополучие населения, предусматривали ответственность за деяния, которые создавали лишь угрозы такому благополучию, то есть были формальными. Изменения, внесенные на фоне пандемии в статью 6.3 КоАП РФ, принципиально поменяли подход к конструированию составов правонарушений в данной сфере, сделав часть из них материальными. В связи с этим, а также учитывая последовательное

возвращение в 2012–2021 годах в уголовное право института административной преюдиции, представляется целесообразным при тождестве или схожести административно-правовых и уголовно-правовых составов в санитарно-эпидемиологической сфере шире применять возможности данного института. Это позволит существенно уменьшить число предпосылок проявлений правовой притворности, связанных с замещением законоположений правоположениями.

3. В целях совершенствования подходов к определению границ дифференциации публичной ответственности врачей, целесообразно разработать общую концепцию ответственности врача за профессиональные ошибки с четким разграничением составов административных правонарушений со смежными составами преступлений. Учитывая при этом потенциал института административной преюдиции, представляется необходимым как можно более широкое применение его возможностей именно в сфере врачебной ответственности. Помимо повышения уровня культуры в вопросах дифференциации ответственности, соответствующие меры, как и в общем для санитарно-эпидемиологической сферы случае, повлекут существенное сужение круга поводов к проявлениям правовой притворности.

Полагаем, что затронутые в настоящей статье вопросы могут оказаться полезными как для дальнейшего правового анализа санитарно-эпидемиологической сферы, так и для исследования вопросов притворности в административном праве в целом.

Примечания

¹ О бухгалтерском учете: Федеральный закон от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 12.12.2011. № 50. Ст. 7344.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях // Собрание законодательства Российской Федерации. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

³ О внесении изменений в статьи 4.5 и 15.11 КоАП РФ: Пояснительная записка к проекту ФЗ от 29.09.2015 № 890123-6.

⁴ О внесении изменений в Федеральный закон от 6 декабря 2011 года № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете»: Пояснительная записка к проекту ФЗ от 18.12.2012 № 192810-6.

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

⁶ 21 из 25 опрошенных, или 84 %, указали, что научного интереса к цивилистике не имеют.

⁷ Гражданский кодекс РСФСР // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

⁸ О чрезвычайном положении: Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ // Со-

брание законодательства Российской Федерации. 04.06.2001. № 23. Ст. 2277.

⁹ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2: утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 6 (июнь).

Список литературы

Авдеев Д.А. Форма правления в России (краткий конституционный очерк): монография. Тюмень: Тюменский государственный университет, 2015. 244 с.

Агальцова М.В., Иманова Т.В. Самоизоляция: анализ законности и конституционности антивирусных мер // Закон. 2020. № 5. С. 60–70.

Бекетов О.И., Борков В.Н. Фальсификация доказательств по делу об административном правонарушении // Уголовное право. 2017. № 5. С. 31–38.

Зверева П.К., Кириллов Д.А. От концепта «притворная сделка» к концепту «притворное правовое явление» // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 2. С. 100–105.

Попова Н.Ф. Меры административного принуждения, применяемые для обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения // Российская юстиция. 2021. № 3. С. 16–19.

Родионова А.К. Институциональный концепт «федерализм» и его роль в решении проблем политической жизни государств // Вестник ЗабГУ. 2015. № 2. С. 103–109.

Тимченко Д.В. О некоторых особенностях российского федерализма с позиции неинституционального подхода // Молодой ученый. 2016. № 9. С. 983–986.

Уткина А.В. К вопросу о понятии «правоположение» в юридической науке // Вестник Нижегородской академии МВД России. Сер.: Юридическая наука и практика. 2011. № 3. С. 327–331.

Шуруханова Д.Н., Комовкина Л.С. Административно-правовое регулирование режима повышенной готовности // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 4. С. 223–237.

Conaglen M. Sham and Trusts (2013). SHAM TRANS-ACTIONS, E. Simpson, M. Stewart, eds., pp. 122-140, Oxford University Press, 2013, Sydney Law School Research Paper No. 14/99. URL: <https://ssrn.com/abstract=2524195>.

Perriello L.E. 'Sham Trusts: A Comparative Study', (2017), 25, European Review of Private Law, Issue 5, pp. 941–965, URL: <https://kluwerlawonline.com/journalarticle/European+Review+of+Private+Law/25.5/ERPL2017059>

References

Avdeev D.A. *Forma pravlenija v Rossii (kratkij konstituci-onnyj ocherk)* [The form of government in Rus-

sia (a brief constitutional essay)]. Tyumen, Tyumen St. Univ. Publ., 2015, 244 p. (in Russ.)

Agal'tsova M.V., Imanova T.V. *Samoizoljatsiia: analiz zakonnosti i konstitutsionnosti antivirusnykh mer* [Self-isolation: analysis of the legality and constitutionality of anti-virus measures]. *Zakon* [Law], 2020, № 5, pp. 60–70.

Beketov O.I., Borkov V.N. *Fal'sifikatsiya dokazatel'stv po delu ob administrativnom pravonarushenii* [Falsification of evidence in the case of an administrative offense]. *Ugolovnoe parvo* [Criminal law], 2017, № 5, pp. 31–38. (In Russ.)

Zvereva P.K., Kirillov D.A. *Ot kontsepta «prитворnaia sdelka» k kontseptu «prитворnoe pravovoe iavlenie»* [From the Concept of “Fraudulent Transaction” to “Feigned Legal Phenomenon”]. *Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Surgut State University Bulletin], 2021, № 2, pp. 100–105. (In Russ.)

Popova N.F. *Mery administrativnogo prinuzhdeniia, primeniaemye dlia obespecheniia sanitarno-epidemiologicheskogo blagopoluchiiia naseleniia* [Administrative enforcement measures used to ensure the sanitary and epidemiological well-being of the population]. *Rossiiskaia iustitsiia* [Russian justice], 2021, № 3, pp. 16–19 (In Russ.)

Rodionova A.K. *Institucional'nyj koncept «federalizm» i ego rol' v reshenii problem politicheskoi zhizni gosudarstv* [The institutional concept of “federalism” and its role in solving the problems of the political life of state]. *Vestnik ZabGU* [ZabSU Bulletin], 2015, № 2, pp. 103–109 (In Russ.)

Timchenko D.V. *O nekotorykh osobennostyakh rossijskogo federalizma s pozicii neoinstitucional'nogo podhoda* [On some features of Russian federalism from the perspective of a neoinstitutional approach]. *Molodoj uchenyj* [Young scientist], 2016, № 9, pp. 983–986. (In Russ.)

Utkina A.V. *K voprosu o ponyatii «pravopolozhenie» v yuridicheskoi nauke* [On the question of the concept of “legal position” in legal science]. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* [Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2011, № 3, pp. 327–331. (In Russ.)

Shurukhanova D.N., Komovkina L.S. *Administrativno-pravovoe regulirovanie rezhima povyshennoi gotovnosti* [Administrative and legal regulation of the high-readiness mode]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the MIA of Russia], 2020, № 4, pp. 223–237. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.06.2021; одобрена после рецензирования 11.07.2021; принята к публикации 18.08.2021.

The article was submitted 14.06.2021; approved after reviewing 11.07.2021; accepted for publication 18.08.2021.

СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В ЦЕНТРАЛЬНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Ульянов Михаил Владимирович, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник, Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия, m.ulyanov2@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы преступности международных мигрантов. Интерес к данной проблематике возрос в 2020 г. и 2021 г. в связи с реализацией мер, направленных на ограничение передвижений лиц. Учитывая неравномерность распределения миграционных потоков по территории Российской Федерации, в статье анализируется ситуация в Центральном федеральном округе, наиболее привлекательном в миграционном отношении. Изучены сведения государственной статистической отчетности в период десяти лет – с 2011 г. по 2020 г. Используются два основных показателя – количество выявленных иностранных граждан и лиц без гражданства, совершивших преступления, – и их удельный вес в общем количестве выявленных лиц. Изучены сведения в целом по преступности, категориям преступности и в разрезе отдельных статей УК РФ. Особое внимание уделено ситуации в Москве. Приведены статистические сведения судебных отчетов в Москве по осужденным иностранным гражданам. По результатам исследования отмечены общие тенденции преступности иностранных граждан и оценена степень общественной опасности. В качестве одного из выводов указано, что данная категория преступников вносит существенный вклад в криминальную ситуацию Центрального федерального округа. В частности, в Москве высока доля иностранных граждан среди лиц, совершивших в период десяти лет убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилование, кражу, грабеж, разбой, дачу взятки.

Ключевые слова: миграционная преступность, иностранные граждане, преступность, миграция, латентность, правоохранительные органы, осужденные, удельный вес

Для цитирования: Ульянов М.В. Состояние преступности иностранных граждан в Центральном федеральном округе // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 235–243. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-235-243>

Research Article

MIGRANTS AND CRIME IN RUSSIA'S CENTRAL FEDERAL DISTRICT

Mihail V. Ul'janov, Candidate of Jural Sciences, Leading Researcher of the Research Institute of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia, m.ulyanov2@yandex.ru

Abstract. The article deals with the issues of criminality of international migrants. Interest in this issue has increased due to the implementation of a range of restrictive measures related to the movement of persons in 2020 and 2021. Taking into account the uneven distribution of migration flows across the territory of the Russian Federation, attention is paid to studying the situation in the Central Federal District, which is the most attractive in migration relation. The data of the state statistical reporting for the period of ten years from 2011 to 2020 are analysed. Two main indicators are used – quantitative indicators for identified foreign citizens and stateless persons who have committed crimes, and their share in the total number of identified persons. The information on the subjects of the Central Federal District as a whole on crime, categories of crime and in the context of individual articles of the Criminal Code of the Russian Federation has been studied. The attention is focused on the situation in Moscow. The indicators of court reports in Moscow on convicted foreign citizens were used. General tendencies of criminality of foreign citizens are noted, the degree of public danger is assessed. As one of the conclusions, it is indicated that this category of criminals makes a significant contribution to the criminal situation in the Central Federal District. In particular, in Moscow there is a high proportion of foreign citizens among those who have committed murder, deliberate infliction of grievous bodily harm, rape, theft, robbery, brigandage, and bribery in the period of ten years.

Keywords: migration crime, foreign citizens, crime, migration, latency, law enforcement agencies, convicts, share

For citation: Ul'janov M.V. Migrants and crime in Russia's Central Federal District. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 235–243 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-235-243>

Ограничительные меры, направленные на обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения, принимаемые в 2020 г. и 2021 г., актуализировали исследования миграционной преступности. Предметом изучения ряда научных статей в этот период стали прогнозирование рисков преступности иностранных граждан и оценка изменений их преступной активности [Афанасьева; Хаминский; Урда].

Итоги 2020 г. показали, что в целом по стране удельный вес выявленных граждан других государств и лиц без гражданства, совершивших преступления, остался на уровне предыдущих лет и составил 3,4 % (29 222) от всех выявленных лиц (852 506).

Нередко к данному показателю апеллируют для обоснования позиции, согласно которой современная миграционная ситуация находится в стабильном состоянии, а меры в сфере противодействия нелегальной миграции в достаточной степени эффективны. Между тем относительно такой категории, как иностранные граждане, анализ статистических сведений без учета географии преступности не показателен. Преступность международных мигрантов неравномерно распределена по территории Российской Федерации ввиду выборочности миграционных потоков, что определяет в конечном счете ее специфику и отражается на качественных и количественных характеристиках.

Необходимость учета неравномерности территориального распределения при анализе статистической картины состояния противодействия преступности мигрантов-иностранцев подтверждается результатами отдельных научных исследований [Проблемы: 82].

Специфика функционирования территориального социально-криминологического комплекса определяет особенности состояния преступности [Ростов], что говорит о целесообразности исследования ситуации в конкретном регионе.

В истекшее десятилетие одним из самым привлекательных в миграционном отношении оставался Центральный федеральный округ (далее – ЦФО), дававший ежегодно порядка трети к миграционному приросту по всей стране. В 2019 г. за счет международных передвижений население округа увеличилось на 95 057 (2017 г. – 73 592, 2018 г. – 55 513) человек, в то время как в целом по Российской Федерации прирост составил 285 103 (2017 г. – 211 878, 2018 г. – 124 854)¹. Количество натурализованных иностранных граждан в Российской Федерации в 2020 г. составило 656 347, из них 142 268 приобрели гражданство в ЦФО².

Следует согласиться с тем, что субъекты ЦФО относительно сходны по своим базовым социально-экономическим условиям, инфраструктуре, демографическим характеристикам. Между тем Московский

регион (Москва и Московская область) имеет значительные особенности [Бахарев: 612].

В 2020 г. в ЦФО было выявлено 13 537 иностранных граждан и лиц без гражданства, совершивших преступления, что составило 7,9 % всех выявленных в округе лиц. Для сравнения: в Северо-Западном федеральном округе доля иностранных граждан и лиц без гражданства составила 4,9 % (3 659), Южном – 3,3 % (3 010), Уральском – 2,5 % (2 113), Северо-Кавказском – 1,8 % (677), Дальневосточном – 1,6 % (1114), Приволжском – 1,5 % (2 456), Сибирском – 1,2 % (1 527)³.

Напомним, что в период 2011–2020 гг. показатели преступности по Российской Федерации имели нисходящий тренд, аналогично характеризовалась и преступность иностранных граждан. На территории ЦФО удельный вес выявленных иностранных граждан в общем количестве выявленных лиц, совершивших преступления, снизился с 9,7 % (19 469) в 2011 г. до 7,9 % (13 537) в 2020 г. Самые высокие показатели отмечены в 2013 г. когда доля превысила десять процентов (19 898).

Снижение в первую очередь связано с изменением количественных показателей преступности в Московском регионе.

Так, в Московской области доля иностранных граждан снизилась с 20,8 % (9 245) в 2011 г. до 12,2 % (4 836) в 2020 г.

В Москве также отмечалось незначительное снижение. Самые высокие показатели были зафиксированы в 2013 г., когда иностранные граждане составили четверть всех выявленных лиц (24,8 %, 9 221), низкие – в 2019 г. (17,1 %, 5 024).

В ряде иных субъектов ЦФО, напротив, доля выявленных иностранных граждан и лиц без гражданства увеличилась (Брянская, Белгородская, Тверская, Воронежская, Тульская, Рязанская, Владимирская, Курская, Орловская и Ивановская области). Особенно заметное увеличение произошло в Калужской области. Если в 2011 г. здесь было выявлено 215 иностранных граждан, совершивших преступления, что составило 3,7 % среди всех выявленных лиц, то в 2020 г. – уже 384, или 7 % (см. табл. 1 и 2).

Очевидно, что преступность мигрантов высоколатентна. При этом преступления, относящиеся к категории особо тяжких, обладают в целом более низкой степенью латентности по сравнению с преступлениями средней и небольшой тяжести⁴. Поэтому не удивительно, что доля выявленных мигрантов-иностранцев, совершивших особо тяжкие преступления, заметно выше показателя по всей преступности.

Самый высокий показатель за прошедшее десятилетие отмечен в 2016 г., когда особо тяжкие преступления совершили 1 873 иностранных гражданина, доля в общем количестве – 28,2 %.

Таблица 1

Сведения о выявленных гражданах других государств и лицах без гражданства, совершивших преступления, по ЦФО в период 2011–2020 гг.

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
<i>Центральный ФО</i>	19 469	18 918	19 898	18 374	18 653	16 500	15 616	14 583	13 287	13 537
Белгородская обл.	207	239	245	266	383	326	398	309	323	243
Брянская обл.	272	284	387	496	591	478	450	394	366	218
Владимирская обл.	259	216	266	281	360	331	282	248	240	236
Воронежская обл.	258	273	281	335	452	526	392	356	329	290
Ивановская обл.	97	117	126	112	140	148	106	108	98	104
Калужская обл.	215	286	341	376	449	481	410	399	363	384
Костромская обл.	54	50	43	73	65	91	42	36	46	51
Курская обл.	148	145	167	259	269	255	217	178	219	152
Липецкая обл.	146	114	165	164	237	207	175	152	118	123
г. Москва	7068	7069	9221	8163	8021	6655	6254	5507	5024	5553
Московская обл.	9245	8712	7182	6028	5778	5179	5317	5513	4867	4836
Орловская обл.	107	107	85	128	146	153	122	105	79	73
Рязанская обл.	86	99	174	177	214	178	208	166	161	134
Смоленская обл.	398	531	528	676	436	468	408	372	307	302
Тамбовская обл.	92	89	78	108	115	155	114	118	111	132
Тверская обл.	208	194	224	331	461	403	292	245	251	293
Тульская обл.	204	198	214	223	257	194	211	199	214	260
Ярославская обл.	405	195	171	178	279	272	218	178	171	153

Таблица 2

**Удельный вес выявленных граждан других государств и лиц без гражданства, совершивших преступления, по ЦФО в период 2011–2020 гг.
(в % от общего количества выявленных лиц)**

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
<i>Центральный ФО</i>	9,7	9,7	10,1	9,5	8,9	8,6	8,5	8,2	7,8	7,9
Белгородская обл.	2,7	3,5	3,5	4,0	5,1	4,9	6,4	4,8	5,0	3,8
Брянская обл.	2,7	3,1	4,1	5,6	6,2	5,8	5,9	5,4	5,2	3,2
Владимирская обл.	2,6	2,2	2,6	2,9	3,5	3,5	3,1	3,0	3,4	3,3
Воронежская обл.	2,0	2,4	2,4	2,9	3,6	4,2	3,0	2,9	2,9	2,6
Ивановская обл.	1,3	1,7	1,8	1,6	2,0	2,5	1,9	1,9	1,9	2,0
Калужская обл.	3,7	4,7	5,4	5,3	6,1	7,6	6,4	6,5	6,5	7,0
Костромская обл.	1,0	1,0	0,9	1,5	1,3	1,9	0,9	0,8	1,1	1,3
Курская обл.	1,9	1,8	2,1	3,3	3,3	3,5	3,1	2,7	3,5	2,5
Липецкая обл.	2,2	1,6	2,3	2,3	3,1	2,9	2,4	2,3	1,9	2,0
г. Москва	20,9	21,4	24,8	21,8	19,9	18,1	18,8	17,2	17,1	18,5
Московская обл.	20,8	20,6	18,2	15,7	13,8	12,9	13,5	13,9	12,6	12,2
Орловская обл.	1,9	2,0	1,6	2,6	2,8	3,6	3,0	2,8	2,2	2,1
Рязанская обл.	2,0	2,2	3,0	3,1	3,6	3,1	3,8	3,2	3,0	2,6
Смоленская обл.	4,8	6,6	6,7	8,5	5,7	6,9	6,1	5,8	4,7	4,7
Тамбовская обл.	1,2	1,3	1,1	1,6	1,5	2,2	1,8	1,8	1,7	1,9
Тверская обл.	2,5	2,3	2,6	3,7	4,6	4,5	3,6	3,0	3,3	3,8
Тульская обл.	2,6	2,8	3,0	3,4	3,7	3,1	3,2	3,0	3,4	4,2
Ярославская обл.	4,9	2,5	2,4	2,5	3,4	3,6	3,0	2,8	2,8	2,5

Таблица 3

Сведения о выявленных гражданах других государств и лицах без гражданства, совершивших особо тяжкие преступления, по ЦФО в период 2011–2020 гг.

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
<i>Центральный ФО</i>	1295	1357	1609	1682	1828	1873	1431	1295	1150	1279
Белгородская обл.	15	19	15	14	34	28	74	32	24	23
Брянская обл.	21	21	17	18	27	45	55	31	30	17
Владимирская обл.	26	30	33	23	39	53	33	22	19	28
Воронежская обл.	15	15	28	48	84	111	42	55	29	26
Ивановская обл.	6	13	7	3	17	28	15	17	23	24
Калужская обл.	41	38	41	52	76	78	71	50	51	41
Костромская обл.	5	4	3	8	13	30	8	8	14	14
Курская обл.	12	11	9	22	17	15	18	20	37	23
Липецкая обл.	8	7	14	8	24	22	32	18	8	21
г. Москва	565	561	791	786	708	688	473	501	474	544
Московская обл.	483	563	552	575	578	482	404	423	318	362
Орловская обл.	4	3	3	11	19	53	34	9	10	17
Рязанская обл.	13	11	10	12	13	22	26	11	9	6
Смоленская обл.	10	14	16	25	31	22	29	21	21	23
Тамбовская обл.	6	3	2	13	7	18	12	17	18	31
Тверская обл.	28	20	36	35	50	75	35	28	28	46
Тульская обл.	17	13	22	14	35	26	23	10	18	24
Ярославская обл.	20	11	10	15	56	77	47	22	19	9

Таблица 4

**Удельный вес выявленных граждан других государств и лиц без гражданства, совершивших особо тяжкие преступления, по ЦФО в период 2011–2020 гг.
(в % от общего количества выявленных лиц)**

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
<i>Центральный ФО</i>	11,8	13,1	15,1	15,3	16,7	18,2	15,8	15,0	13,4	14
Белгородская обл.	5,4	6,5	4,6	4,3	10,2	9,8	24,2	12,9	10,8	8,9
Брянская обл.	3,8	4,1	3,4	3,5	5,8	10,0	16,9	9,5	10,1	5,1
Владимирская обл.	4,8	5,9	6,5	5,1	8,2	12,7	9,3	7,1	6,6	8,6
Воронежская обл.	3,3	4,0	6,3	12,4	17,4	21,3	10,0	11,2	7,0	5,6
Ивановская обл.	1,9	4,0	2,4	1,1	7,5	10,1	6,5	7,8	9,2	9,3
Калужская обл.	9,0	9,7	10,1	11,4	15,9	19,4	20,2	14,9	14,9	11,8
Костромская обл.	1,4	1,6	1,2	3,3	6,3	13,7	4,5	5,3	8,1	8,2
Курская обл.	4,0	3,8	3,3	8,1	7,7	5,9	7,6	8,4	14,7	10,0
Липецкая обл.	2,9	2,7	4,7	3,3	10,0	9,5	10,7	7,2	4,3	10,8
г. Москва	23,6	23,6	29,2	25,8	24,7	24,7	19,9	22,2	20,9	23,2
Московская обл.	18,9	23,8	24,7	23,9	22,3	20,1	18,9	19,1	15,1	15,3
Орловская обл.	1,6	1,5	1,6	8,4	13,7	28,5	21,4	6,3	7,2	10,8
Рязанская обл.	5,8	5,2	4,5	4,9	4,8	9,4	12,1	5,5	4,5	2,8
Смоленская обл.	2,9	3,6	4,1	5,7	6,7	6,1	8,8	7,1	5,4	6,8
Тамбовская обл.	2,3	1,0	0,7	4,7	2,9	7,4	6,4	9,4	8,2	15,2
Тверская обл.	5,4	3,9	6,8	7,1	10,0	17,6	11,1	8,7	8,6	14,4
Тульская обл.	3,8	3,2	5,7	3,7	10,4	9,1	8,5	4,3	6,9	8,0
Ярославская обл.	4,6	2,7	2,4	3,7	13,3	23,3	13,5	9,2	7,2	2,8

В отдельных субъектах ЦФО удельный вес выявленных мигрантов-иностранцев, совершивших особо тяжкие преступления, мог составлять до четверти всех выявленных лиц. Например, в Белгородской области в 2017 г., Орловской области в 2016 г. и Москве с 2013 г. по 2016 г. В большинстве субъектов удельный вес ежегодно увеличивался (см. табл. 3 и 4).

Следует оговориться, что традиционно наибольший удельный вес иностранных граждан отмечается среди лиц, совершающих преступления против порядка управления, прежде всего, предусмотренные ст. 322 («Незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации») и ст. 327 («Использование заведомо подложного документа») УК РФ. Между тем данные преступления мало свидетель-

ствуют об общественной опасности, так как связаны с особым социально-правовым статусом иностранцев [Методика: 25–28].

В разрезе статей УК РФ резко выделяются показатели преступлений, предусмотренных ст. 131 (изнасилование) УК РФ и ст. 162 (разбой) УК РФ.

Так, например, в 2020 г. в ЦФО был выявлен 91 иностранный гражданин, совершивший изнасилование, что составило 23,9 % всех выявленных лиц. Из них – в основном в Москве, где доля иностранных граждан составила 41,3 % (43), и Московской области при доле 24,6 % (28).

В 2020 г. было выявлено 357 иностранцев, совершивших разбой, что составило 19,2 % всех выявленных лиц. Из них – также в основном в Москве

Таблица 5

Выборочные сведения о выявленных гражданах других государств и лицах без гражданства, совершивших преступления, по ЦФО в период 2011–2020 гг. по статьям УК РФ

УК РФ	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
ст. 105, 106, 107 (убийство)	194	166	201	173	166	193	125	111	119	98
ст. 30, 105, 106, 107 (покушение на убийство)	30	28	37	38	37	21	31	24	17	12
ст. 111 (умышл. причинение тяжкого вреда здоровью)	422	449	426	404	396	373	343	343	320	321
ст. 131 (изнасилование)	164	157	132	135	123	106	76	97	85	91
ст. 30, 131 (покушение на изнасилование)	29	27	48	35	27	27	21	21	21	20
ст.158 (кражи)	4385	4591	4569	4251	4862	4369	3674	3608	3606	3595
ст.161 (грабеж)	1194	1308	1405	1054	1128	1013	846	728	649	651
ст.162 (разбой)	580	724	767	634	658	654	521	460	397	357
ст.209 (бандитизм)	7	5	7	1	9	23	3	6	0	2
ст.213 (хулиганство)	53	58	60	54	50	28	29	31	11	52
ст. 228 ¹ (незакон. произ-во, сбыт наркотич. ср-в...)	722	741	874	999	1092	1138	839	675	640	790

Таблица 6

Удельный вес выявленных граждан других государств и лиц без гражданства, совершивших преступления, в ЦФО в период 2011–2020 гг. по статьям УК РФ (в % от общего количества выявленных лиц)

УК РФ	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
ст. 105, 106, 107 (убийство)	9,9	8,7	11,0	9,9	10,5	11,6	9,4	9,2	10,3	8,0
ст. 30, 105, 106, 107 (покушение на убийство)	9,8	11,2	13,4	15,2	14,1	9,4	12,0	10,2	8,4	5,7
ст. 111 (умышл. причинение тяжкого вреда здоровью)	7,5	8,3	8,3	8,2	8,6	8,5	8,6	9,2	8,8	8,8
ст. 131 (изнасилование)	25,7	25,9	25,7	28,7	27,1	23,1	19,1	30,2	24,9	23,9
ст. 30, 131 (покушение на изнасилование)	43,3	32,1	50,0	46,1	33,8	31,0	28,8	35,0	46,7	33,3
ст.158 (кражи)	6,7	7,2	7,4	7,3	7,6	7,9	7,4	7,3	7,6	7,6
ст.161 (грабеж)	10,6	12,4	13,9	11,8	12,5	12,0	10,2	9,2	9,0	9,0
ст.162 (разбой)	14,6	19,9	21,7	20,0	20,6	21,2	20,6	20,4	18,9	19,2
ст.209 (бандитизм)	14,3	13,9	24,1	2,7	22,0	59,0	16,7	22,2	0	22,2
ст.213 (хулиганство)	6,7	8,9	8,3	8,4	10,1	7,2	9,0	8,1	3,4	13,2
ст. 228 ¹ (незакон. произ-во, сбыт наркотич. ср-в...)	11,1	12,2	14,0	15,5	16,1	18,7	16,1	13,4	12,7	15,0

Таблица 7

Количество осужденных граждан государств СНГ и иных государств по Москве в период 2011–2020 гг.⁶

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2018	2019	2020
Всего	3371	6117	3941	4146	3656	3657	2722	2808	2672
Небольшой тяжести	151	2785	403	358	313	383	384	515	962
Средней тяжести	1315	1408	1425	1286	1232	1417	921	861	648
Тяжкие	1446	1443	1679	1830	1616	1471	1098	1076	806
Особо тяжкие	459	481	434	672	495	386	319	356	256

Таблица 8

Удельный вес осужденных граждан государств СНГ и иных государств по Москве в период 2011–2020 гг. (в % от общего количества осужденных)

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2018	2019	2020
Всего	18,1	21,9	19,8	19,9	17,0	17,6	15,9	15,6	18,2
Небольшой тяжести	16,0	26,7	14,5	13,2	10,3	11,4	11,9	13,1	23,1
Средней тяжести	16,3	17,8	20,3	19,7	19,0	20,2	16,8	16,6	16,3
Тяжкие	18,8	19,0	20,4	19,7	16,4	16,9	16,0	15,4	15,3
Особо тяжкие	24,8	24,0	23,5	28,9	23,4	22,8	19,6	18,9	20,3

Таблица 9

Количество осужденных граждан государств СНГ и иных государств по Москве в период 2011–2020 гг.

Виды преступлений		2011	2012	2013	2014	2015	2016	2018	2019	2020
Всего по составам УК РФ		3371	6117	3941	4146	3656	3657	2722	2808	2672
против жизни и здоровья (гл. 16)		195	311	213	203	159	162	161	149	128
Из них	Убийство (ст. 105)	45	50	44	48	34	39	34	31	22
	Умышл. прич. тяжкого вреда здор. (ст. 111)	122	129	139	131	111	106	102	105	84
против свободы, чести и достоинства... (гл. 17)		19	30	21	27	19	13	9	18	8
против половой неприкосновенности... (гл. 18)		127	105	95	101	71	71	54	96	59
Из них	Изнасилование (ст. 131)	102	81	62	76	44	53	31	52	27
	Насил. дейст. сексуального хар-ра (ст. 132)	23	20	24	15	20	14	16	37	27
против конституционных прав... (гл. 19)		13	33	19	14	15	12	8	7	2
против семьи и несовершеннолетних (гл. 20)		0	3	0	1	0	0	0	5	3
против соб-сти (гл. 21)		2011	3140	2360	1981	1840	2013	1531	1534	1134
Из них	Кража (ст. 158)	756	1704	896	790	778	945	737	789	567
	Грабеж (ст. 161)	781	849	857	631	561	568	418	331	275
	Разбой (ст. 162)	317	376	406	342	295	281	206	220	142
в сфере экономич. деят. (гл. 22)		38	13	16	25	22	40	28	54	29
против интересов службы... (гл. 23)		2	1	0	0	0	0	1	0	0
против общест. без-ти (гл. 24)		44	61	46	46	33	53	38	27	20
против здоровья населения... (гл. 25)		669	623	754	1147	981	761	593	407	333
Из них	Нез. оборот нарк. средств (ст. 228–234.1)	622	572	714	1107	949	734	560	391	327
против безопасности движения... (гл. 27)		56	74	78	48	42	55	54	143	146
в сфере компьют. инф. (гл. 28)		0	4	3	4	3	4	0	0	0
против основ конституц. строя... (гл. 29)		0	3	0	3	0	2	8	4	0
против гос. власти... (гл. 30)		72	70	141	221	153	106	29	35	38
Из них	Дача взятки (ст. 291)	72	67	141	220	153	91	28	34	34
против правосудия (гл. 31)		3	4	3	7	6	7	3	0	3
против порядка управления (гл. 32)		121	1640	192	318	312	358	205	329	769

Таблица 10

Удельный вес осужденных граждан государств СНГ и иных государств по Москве в период 2011–2020 гг. (в % от общего количества осужденных)

Виды преступлений		2011	2012	2013	2014	2015	2016	2018	2019	2020
Всего по составам УК РФ		18,1	21,9	19,8	19,9	17,0	17,6	15,9	15,6	18,2
против жизни и здоровья (гл. 16)		17,3	12,0	19,4	19,5	17,1	18,2	17,5	15,9	17,7
Из них	Убийство (ст. 105)	22,1	17,8	19,4	20,4	16,0	26,5	21,0	19,7	21,8
	Умышл. прич. тяжкого вреда здор. (ст. 111)	17,4	18,3	19,3	20,4	18,8	17,2	17,7	17,4	17,8
против свободы, чести и достоинства... (гл. 17)		27,9	29,4	36,2	49,1	38,8	30,2	20,9	33,3	27,6
против половой неприкосновенности... (гл. 18)		41,5	40,1	46,3	47,4	33,0	32,7	29,0	35,6	33,3
Из них	Изнасилование (ст. 131)	50,0	52,9	46,3	57,1	42,3	49,1	41,9	48,1	48,2
	Насил. дейст. сексуального хар-ра (ст. 132)	31,1	28,6	51,1	37,5	28,6	17,9	25,0	33,3	31,4
против конституционных прав... (гл. 19)		6,1	15,0	21,8	12,4	11,6	11,1	11,4	10,3	7,7
против семьи и несовершеннолетних (гл. 20)		0,0	0,5	0,0	25,0	0,0	0,0	0,0	1,5	1,0
против соб-сти (гл. 21)		20,3	21,1	23,0	21,6	19,4	20,4	19,0	17,6	17,0
Из них	Кража (ст. 158)	19,4	20,2	21,1	21,8	19,3	21,2	20,1	19,6	17,9
	Грабеж (ст. 161)	27,2	29,9	29,9	25,4	22,5	23,2	21,4	18,7	20,0
	Разбой (ст. 162)	28,8	32,1	34,6	31,1	28,0	29,3	28,3	27,6	24,2
в сфере экономич. деят. (гл. 22)		12,3	9,4	12,0	11,2	10,0	10,2	6,3	11,3	6,7
против интересов службы... (гл. 23)		6,3	5,3	0,0	0,0	0,0	0,0	5,9	0,0	0,0
против общест. без-ти (гл. 24)		10,8	12,1	12,1	11,2	8,6	13,4	10,6	7,8	9,0
против здоровья населения... (гл. 25)		14,7	13,3	13,1	15,4	12,1	11,0	10,3	9,9	11,2
Из них	Нез. оборот нарк. средств (ст. 228–234.1)	14,1	12,6	12,7	15,3	11,9	10,8	9,9	9,8	11,2
против безопасности движения... (гл. 27)		10,3	12,0	13,5	10,1	12,3	12,6	14,0	9,6	10,7
в сфере компьют. инф. (гл. 28)		0,0	16,0	14,3	25,0	37,5	44,4	0,0	0,0	-
против основ конституц. строя... (гл. 29)		0,0	20,0	0,0	20,0	0,0	6,7	28,6	22,2	0,0
против гос. власти... (гл. 30)		16,4	19,8	34,1	40,1	33,3	29,9	12,7	11,2	16,1
Из них	Дача взятки (ст. 291)	37,5	40,1	50,5	58,7	59,3	50,0	31,5	29,1	28,3
против правосудия (гл. 31)		3,3	3,7	3,6	6,4	6,1	5,5	3,0	0,0	3,9
против порядка управления (гл. 32)		22,7	57,2	25,0	31,3	33,1	38,5	37,8	44,8	54,0

при доле иностранных граждан в 27,1 % (196) и Московской области при доле 23,4 % (111).

Высок удельный вес иностранных граждан и лиц без гражданства среди лиц, совершивших сбыт наркотических средств. Так, в 2020 г. в Москве они составили 26,5 % (327) всех выявленных лиц, в Тамбовской области – 25 % (30), в Тверской области – 21,2 % (40), в Ивановской области – 19,3 % (21), в Московской области – 12,9 % (193) (см. табл. 5 и 6).

Как видим, наиболее напряженная ситуация складывается в Москве, что нацеливает на внимательное изучение показателей преступности мегаполиса.

Наиболее точные сведения, позволяющие подойти к объективной оценке ситуации, представлены в отчете Управления Судебного департамента в г. Москве. Судебные отчеты лишены многих недостатков, присущих статистическим отчетам правоохранительных органов, и отражают более точные сведения о личности преступника. Поэтому удельный вес осужденных иностранных граждан в среднем выше удельного веса иностранных граждан, выявленных правоохранительными органами на стадии предварительного расследования.

Так, в Москве в период 2011–2020 гг. ежегодно осуждалось в среднем более трех с половиной тысяч граждан государств СНГ и иных государств, которые составляли порядка 18 % от всех осужденных лиц⁵.

Наибольший удельный вес иностранных граждан – среди осужденных за преступления особой тяжести. В среднем в период 2011–2020 гг. почти 23 % ежегодно (см. табл. 7 и 8).

Ежегодно иностранными гражданами являлись порядка 17 % осужденных судами Москвы за преступления против жизни и здоровья (глава 16 УК РФ). Среди осужденных за наиболее тяжкие среди преступлений данной главы (убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью) иностранным гражданином был каждый четвертый.

Гражданами других государств являлись порядка трети осужденных за преступления против половой неприкосновенности (гл. 18 УК РФ). Наиболее значительное количество осужденных было в 2011 г. (127), наименьшее – в 2018 г. (54). Самая значительная доля отмечалась в 2014 г. (47,4 %), наименьшая – в 2018 г. (29 %).

При этом ежегодно каждый второй, осужденный за изнасилование (ст. 131 УК РФ) в Москве в период 2011–2020 гг., был иностранным гражданином и каждый третий осужден за насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ).

Иностранные граждане составляли порядка 20 % осужденных за преступления против собственности (глава 21 УК РФ). Значителен удельный вес иностранцев среди осужденных за грабеж (ст. 161 УК РФ), порядка четверти ежегодно (см. табл. 9 и 10).

По результатам изложенного следует сделать следующие выводы.

1. Криминологическое прогнозирование преступного поведения иностранных граждан затруднено в связи с высокой латентностью преступности иностранных граждан, а также процессами натурализации (ежегодно более 400 тысяч иностранцев получают гражданство Российской Федерации).

2. В период 2011–2020 гг. по ЦФО удельный вес выявленных граждан других государств и лиц без гражданства в среднем составлял 8,9 % ежегодно. Самые высокие показатели отмечались в 2013 г., когда количество выявленных иностранных граждан, совершивших преступления, составило 19 898, или 10,1 % всех выявленных лиц. Высокий удельный вес выявленных иностранных граждан отмечался в Москве, Московской, Калужской, Орловской и Воронежской областях, низкий – в Костромской, Смоленской и Тамбовской областях. В то же время ввиду высокой латентности преступности иностранных граждан указанные показатели позволяют говорить лишь об общих тенденциях и исключают возможность в полной мере оценить степень общественной опасности данной категории преступников. Необходимо изучение в разрезе отдельных категорий преступности и конкретных преступлений.

3. О том, что иностранные граждане вносят существенный вклад в криминальную ситуацию Центрального федерального округа, свидетельствуют показатели удельного веса выявленных иностранных граждан, совершивших те преступления, которые обладают низкой степенью латентности. Так, доля иностранных граждан, совершивших особо тяжкие преступления, в период 2011–2020 гг. по ЦФО в среднем составляла 14,8 % ежегодно. При этом удельный вес мигрантов-иностранцев, совершивших изнасилование, в среднем ежегодно составлял 25,4 %, разбой – 19,7 %, незаконное производство и сбыт наркотических средств – 14,5 %, убийство – 9,9 %.

4. Криминогенная ситуация в Москве свидетельствуют о необходимости принятия дополнительных мер в сфере противодействия незаконной миграции. В период 2011–2020 гг. среди осужденных лиц 18,2 % в среднем составляли граждане государств СНГ и иных государств. Самые большие показате-

ли относятся к 2012 г., когда в Москве было осуждено 6 117 иностранных граждан, которые составили 21,9 % всех осужденных лиц. Высока доля осужденных граждан в указанный период за убийства – в среднем 20,5 %, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью человека – 18,3 %, изнасилование – 48,4 %, кража – 20,1 %, грабеж – 24,2 %, разбой – 29,3 %, дача взятки – 42,8 %.

Примечания

¹ Бюллетень «Численность и миграция населения Российской Федерации». URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 11.05.2021).

² Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – декабрь 2020 года с распределением по странам и регионам. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/22689602> (дата обращения: 11.05.2021).

³ Здесь и далее сведения о выявленных лицах по форме государственной статистической отчетности 2–ЕГС (492) (кн. 3) «Сведения о лицах, совершивших преступления», утвержденной Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 02.07.2012 № 250.

⁴ Подробнее о латентной преступности см.: Кривенцов П.А. Латентная преступность в России: криминологическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015; Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности: монография / под ред. С.М. Иншакова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015.

⁵ Отчет Управления Судебного департамента в г. Москве о составе осужденных, месте совершения преступления за 2011–2016 гг. и 2018–2020 гг. (форма 11).

⁶ Сведения за 2017 г. отсутствуют.

Список литературы

Афанасьева О.Р., Гончарова М.В. Преступность мигрантов как объект криминологического исследования // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 1 (81). С. 41–45.

Бахарев Д.В. Причины и закономерности преступности в регионах Центрального федерального округа России: теоретические основания, методика и результаты пространственного анализа // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 3. С. 608–623.

Методика анализа состояния противодействия преступности иностранцев: пособие / О.А. Евланова и др. М.: Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2014. С. 25–28.

Проблемы противодействия незаконной миграции в Российской Федерации: монография / под общ. ред. Р.В. Жубрина, О.А. Евлановой; Университет прокуратуры Российской Федерации. Москва: Проспект, 2019. 392 с.

Ростов К.Т. Методология регионального анализа преступности в России: дис. ... докт. юрид. наук. Санкт-Петербург, 1998. 422 с.

Урда М.Н. Управление рисками миграционной преступности в условиях пандемии // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 3. С. 62–70.

Хаминский Я.М. Проблемы роста преступной активности в среде трудовых мигрантов на фоне пандемии коронавирусной инфекции // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 6. С. 62–70.

References

Afanas'eva O.R., Goncharova M.V. *Prestupnost' migrantov kak ob"ekt kriminologicheskogo issledovaniia* [Crime of migrants as an object of criminological research]. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation], 2021, № 1 (81), pp. 41–45.

Bakharev D.V. *Prichiny i zakonomernosti prestupnosti v regionakh Tsentral'nogo federal'nogo okruga Rossii: teoreticheskie osnovaniia, metodika i rezul'taty prostranstvennogo analiza* [Causes and patterns of crime in the regions of the Central Federal District of Russia: theoretical foundations, methods and results of spatial analysis]. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* [Criminological journal of the Baikal State University of Economics and Law], 2015, vol. 9, № 3, pp. 608–623.

Metodika analiza sostoiianiia protivodeistviia prestupnosti inostrantsev: posobie [Methodology for analyzing the state of counteraction to crime of foreigners: manual], ed. by O.A. Evlanova et al. Moscow, Akad. Gen. prokuratury Ros. Federatsii Publ., 2014, pp. 25–28.

Problemy protivodeistviia nezakonnoi migratsii v Rossiiskoi Federatsii [Problems of combating illegal migration in the Russian Federation], ed. by R.V. Zhubrin, O.A. Evlanova. Moscow, Prospekt Publ., 2019, 392 p.

Rostov K.T. *Metodologiia regional'nogo analiza prestupnosti v Rossii: dis. ... dokt. iuridich. nauk* [Methodology of regional analysis of crime in Russia: DCs thesis]. Sankt-Peterburg, 1998, 422 p.

Urda M.N. *Upravlenie riskami migratsionnoi prestupnosti v usloviakh pandemii* [Migration crime risk management in a pandemic]. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii* [Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2020, № 3, pp. 62–70.

Khaminskii Ia.M. *Problemy rosta prestupnoi aktivnosti v srede trudovykh migrantov na fone pandemii koronavirusnoi infektsii* [Problems of the growth of criminal activity among labor migrants against the background of the coronavirus pandemic]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2020, № 6, pp. 62–70.

Статья поступила в редакцию 22.05.2021; одобрена после рецензирования 27.06.2021; принята к публикации 18.08.2021.

The article was submitted 22.05.2021; approved after reviewing 27.06.2021; accepted for publication 18.08.2021.

ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ: О НЕКОТОРЫХ ОБЩИХ ПРОБЛЕМАХ И РОЛИ ПРОКУРОРА В ИХ РЕШЕНИИ

Кобзарев Федор Михайлович, доктор юридических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, kobzarfm@yandex.ru

Аннотация. В статье в обобщенном виде рассматриваются проблемы, связанные с заключением, изменением, выполнением и прекращением действия досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовным делам. По результатам анализа данных проблем и публикаций по этим вопросам предлагаются различные варианты их разрешения. При этом основное внимание уделяется роли и значению в реализации норм данного института прокурора, недостаточности его полномочий по повышению эффективности применения досудебного соглашения. Автором поставлена задача сформировать комплекс предложений по совершенствованию правового регулирования порядка действий прокурора, его участия в доказывании соблюдения условий и выполнения обязательств подозреваемым, обвиняемым по досудебному соглашению, в доказывании вины соучастников преступления, совершенного лицом, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения. В исследовании использовались общие научные методы (анализ, дедукция) и частнонаучные методы (формально-логический, сравнительного правоведения и др.). В качестве выводов предлагается внести ряд дополнений в уголовно-процессуальный закон, в том числе в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, и ввести новую норму – статью 79.1 УПК РФ, а также принять определенные меры организационного характера.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, полномочия прокурора, статус лица, показания лица, отдельное производство, выделение уголовного дела

Для цитирования: Кобзарев Ф.М. Досудебное соглашение о сотрудничестве по уголовному делу: о некоторых общих проблемах и роли прокурора в их решении // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 244–248. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-244-248>

Research Article

PRE-TRIAL AGREEMENT ON COOPERATION IN A CRIMINAL CASE: ON SOME COMMON PROBLEMS AND THE ROLE OF THE PROSECUTOR IN THEIR SOLUTION

Fedor M. Kobzarev, Doctor of Jural Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, kobzarfm@yandex.ru

Abstract. The article deals in a generalised form with the problems associated with the conclusion, change, implementation and termination of the agreement on cooperation in criminal cases. Based on the results of the analysis of these problems and publications on these issues, various options for their solution are proposed. At the same time, the main attention is paid to the role and importance in the implementation of the norms of this institution of the prosecutor, the insufficiency of its powers to improve the effectiveness of the application of the pre-trial agreement. The author sets the task to form a set of proposals to improve the legal regulation of the procedure for the prosecutor's actions, its participation in proving compliance with the conditions and fulfillment of obligations by the suspect, accused under the pre-trial agreement, in proving the guilt of accomplices in a crime committed by a person in respect of whom the criminal case is allocated in a separate proceeding in connection with the conclusion of a pre-trial agreement. The study used general scientific methods (analysis, deduction) and private scientific methods (formal-logical, comparative law, etc.). As conclusions, it is proposed to make a number of additions to the criminal procedure law, including Part 2 of Article 74 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and introduce a new norm – Article 79.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, as well as to take certain organisational measures.

Keywords: pre-trial cooperation agreement, prosecutor's powers, status of person, testimony of person, separate proceedings, severance of criminal case.

For citation: Kobzarev F.M. Pre-trial agreement on cooperation in a criminal case: on some common problems and the role of the prosecutor in their solution. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 244–248 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-244-248>

Вопросы о полномочиях участников уголовного судопроизводства по уголовным делам, связанные с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, постоянно освещаются в правовой литературе, рассматриваются в диссертациях, их приходится систематически разрешать в правоприменительной практике. При этом нередко в теории как эти вопросы, так и другие положения, регламентирующие особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, носят дискуссионный характер, а в практической деятельности вызывают определенные трудности в выработке единообразного подхода к применению норм данного института, в том числе по определению полномочий участников уголовного судопроизводства.

Не являются исключением и полномочия прокурора. Исходя из этого, среди вопросов по содержанию полномочий прокурора следует выделить определение их связи с функциональным назначением этого участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения при заключении и в целом при реализации досудебного соглашения о сотрудничестве. Большинство исследователей полагают, что по крайней мере в досудебном производстве преобладающей и основной функцией прокурора после известной реформы 2007 года стала надзорная функция, состоящая в обеспечении постоянного, непрерывного, действенного надзора за процессуальной деятельностью органов расследования [Дикарев; Шадрин] (а точнее, надзора за исполнением законов при производстве предварительного расследования).

Как известно, внедренная с этого времени в уголовный процесс модель досудебного производства предусматривает существенное сокращение полномочий прокурора, снижение его роли как участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения (уголовного преследования). Прокурор в настоящее время фактически напрямую не осуществляет в досудебных стадиях функцию уголовного преследования, то есть не возбуждает уголовное преследование, не изобличает лиц в совершении преступлений, не преследует их посредством сбора доказательств и в целом не осуществляет процессуальную деятельность, направленную на установление события преступления, лица его совершившего и виновности этого лица в совершении преступления.

Вместе с тем действующим уголовно-процессуальным законом именно на прокурора возложена обязанность полного распоряжения судьбой досудебного соглашения о сотрудничестве. Возникают вопросы, во-первых, насколько эта обязанность совместима с его надзорной функцией и, во-вторых, соответственно, вопрос о достаточности полномочий по ее выполнению.

Исходя из надзорного предназначения прокурора, от него требуется по отношению к досудебному соглашению обеспечить:

- законность действий следователя по разъяснению подозреваемому, обвиняемому права на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве (которое не закреплено за этим лицом в законодательном порядке) и возможность реализации данного права;
- законность, обоснованность и мотивированность постановлений следователя как об отказе о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, так и о возбуждении ходатайства перед прокурором о заключении с подозреваемым, обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве;
- законность, обоснованность и мотивированность представления следователя о соблюдении подозреваемым, обвиняемым условий и выполнении обязательств, предусмотренных заключенным с ним досудебным соглашением о сотрудничестве.

Однако помимо этого прокурор лично разъясняет подозреваемому, обвиняемому существо условий досудебного соглашения о сотрудничестве и при его согласии, добровольности с участием защитника заключает соглашение посредством его подписания им, подозреваемым, обвиняемым и его защитником. И, соответственно, в последующем при наличии оснований в случае утверждения обвинительного заключения по уголовному делу выносит представление об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по данному уголовному делу.

Для выполнения всех перечисленных обязанностей, на наш взгляд, требуется совершенствование правовой регламентации института досудебного соглашения о сотрудничестве, в том числе посредством повышения роли и значимости прокурора. При этом, в первую очередь, возникает необходимость закрепления на законодательном уровне положения об обязательности для органов расследования законных требований прокурора как в целом, в силу дискретности надзорных полномочий [Буланова: 16, 203], так и, в частности, по отношению к рассматриваемому институту, к примеру, по истребованию уголовного дела у следователя.

Какие это меры? На наш взгляд, было бы целесообразным:

- согласиться с предложениями о предоставлении возможности подозреваемому, обвиняемому обращаться с ходатайством о заключении досудебного соглашения напрямую, минуя следователя, руководителя следственного органа к прокурору [Багаудинов: 11, 178];
- предоставить прокурору права самостоятельно без согласия следователя, руководителя следственного органа заключать досудебное соглашение;

– требовать от следователя выделять уголовное дело в отношении подозреваемого, обвиняемого, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, непосредственно после заключения (подписания) подобного соглашения;

– закрепить в УПК РФ право прокурора по истребованию материалов уголовного дела для проверки обеспечения соблюдения прав подозреваемого, обвиняемого на заключение соглашения о сотрудничестве, а также при проведении предварительного следствия в отношении таких лиц соблюдения условий заключенного соглашения о сотрудничестве;

– предоставить прокурору право на проведения опроса (отобрания объяснения) подозреваемого, обвиняемого для доказывания выполнения им условий и обязательств по заключенному соглашению;

– наделить прокурора полномочием по обеспечению стабильности и неизменности досудебного соглашения при изменении существа обвинения лица, заключившего такое соглашение (даже в сторону ухудшающего положение обвиняемого);

– предусмотреть возможность обжалования вынесенного прокурором постановления о прекращении действия досудебного соглашения о сотрудничестве только в административном порядке, т. е. вышестоящему прокурору.

Кроме этого, следует обратить внимание на оценку доказательств по рассматриваемым уголовным делам, в том числе прокурором, показаний лица, уголовное дело в отношении которого выделено в отдельное производство.

В связи с установлением определенного пробела в доказывании по уголовным делам предлагается внести дополнения в ч. 2 ст. 74 УПК РФ об указании в этой норме в качестве нового источника доказательств – показания лица, уголовное дело в отношении которого выделено, в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве.

Особенности статуса данного лица состоят в том, что обвиняемый по уголовному делу, выделенному в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения, при производстве допроса, проведенном в ходе досудебного производства и в судебном заседании по основному уголовному делу в отношении лица, обвиняемого в совершении преступления в соучастии с ним, приобретает в процессе по основному делу статус, который не может быть соотнесен ни с правовым положением свидетеля, ни с правовым положением обвиняемого, подсудимого¹.

По нашему мнению, при выборе его места среди других участников уголовного судопроизводства законодателем вполне правомерно осуществлено приближение субъекта досудебного соглашения к «свидетелям» обвинения или «особого свидете-

ля», и на него распространено большинство статусных характеристик свидетеля посредством помещенных нормы о нем в главу 8 УПК РФ «Иные участники уголовного судопроизводства». При этом обоснованием такого положения в значительной мере является то, что в процедуре заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и последующего контроля за исполнением обязательств по нему подозреваемым, обвиняемым основную роль выполняет прокурор как один из основных участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, он же поддерживает от имени государства обвинение перед судом и доказывает наличие исполнения данным лицом этих обязательств. Соответственно, этим можно в определенной степени объяснить приближенность лица, заключившего досудебное соглашение, к свидетелю со стороны обвинения [Кобзарев].

Также в законе обоснованно определено, что при даче показаний указанным лицом в рамках производства по основному делу в отличие от свидетеля этот субъект не предупреждается об ответственности за дачу заведомо ложных показаний и отказ от дачи показаний².

Исходя из этого, можно утверждать, что лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве – это совершенно новый участник уголовного судопроизводства. И, соответственно, его показания как вид доказательств не могут рассматриваться и оцениваться как показания подозреваемого, обвиняемого или свидетеля, определенными наряду с показаниями других участников уголовного процесса в качестве доказательств в ч. 2 ст. 74 УПК РФ.

Учитывая это положение и устоявшееся среди исследователей мнение о том, что перечень доказательств, определенных в ст. 74 УПК РФ, является исчерпывающим, представляется обоснованным предложение о необходимости внесения дополнений в эту норму. В частности, предлагается дополнить ч. 2 ст. 74 УПК РФ пунктом следующего содержания: «2.1) показания лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве».

Кроме того, в связи с этим в главу 10 УПК РФ, закрепляющую виды доказательств в уголовном процессе, необходимо дополнительно включить статью 79.1: «Показания лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве» и изложить её в следующем виде:

«1. Показания лица, уголовное дело в отношении которого выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглаше-

ния о сотрудничестве – сведения, сообщенные им на допросе, проведенном в ходе досудебного производства по уголовному делу или в суде в соответствии с требованиями статей 187–190 и 281.1 настоящего Кодекса.

2. Показания лица, указанного в части 1 настоящей статьи, могут быть положены в основу обвинения лишь при их подтверждении совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств».

Значимость этих дополнений в большой мере обусловлена исключением возможности признания показаний данного участника уголовного судопроизводства недопустимым доказательством, как полученного с нарушением уголовно-процессуального закона и, соответственно, указанные дополнения укрепят позицию прокурора, выступающего в качестве государственного обвинителя по основному уголовному делу.

Также целесообразно производство окончания предварительного расследования уголовного дела, выделенного в отдельное производство в связи с заключением с подозреваемым, обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве, осуществлять после завершения производства предварительного следствия по основному уголовному делу и выполнения им взятых на себя обязательств в ходе судебного разбирательства по этому делу [Качалова].

Как свидетельствует судебно-следственная практика, не редкостью являются факты отказа осужденного по выделенному уголовному делу в связи с заключением досудебного соглашения от дачи показаний или изменения показаний при рассмотрении судом основного уголовного дела. Подобные действия, хотя и влекут за собой наступление последствий, предусмотренных главой 40.1 УПК РФ, однако и указывают на недостижение целей заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, состоящих в содействии субъекта этого соглашения в раскрытии и всестороннем и полном расследовании преступлений, в его участии по доказыванию вины обвиняемых.

Надо полагать, что принятие этих мер по совершенствованию правового регулирования особого порядка досудебного производства позволят повысить эффективность реализации норм института досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовным делам.

Примечания

¹ По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Усенко: Постановление Конституционного Суда РФ от 20 июля 2016 г. № 17-П // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.08.2021).

² Следует иметь в виду, что такое лицо предупреждается об ответственности по ст. 307 и 308 УК РФ при даче показаний по уголовному делу, по которому он предоставил информацию о совершении преступления другими лицами, не являясь соучастником данного преступления, в качестве условия заключения досудебного соглашения.

Библиографический список

Багаутдинов К.Ф. Досудебное соглашение о сотрудничестве: актуальные проблемы оптимизации механизма реализации и совершенствования процессуального статуса его участников: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2020. 224 с.

Буланова Н.В. Прокурор в досудебных стадиях уголовного судопроизводства Российской Федерации: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 216 с.

Дикарев И.С. Система сдержек и противовесов в досудебном производстве по уголовным делам // Журнал российского права. 2018. № 3 (255). С. 78–89.

Качалова О.В. Оптимальный момент для рассмотрения уголовного дела с заключенным досудебным соглашением о сотрудничестве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 4 (34). С. 97–103.

Кобзарев Ф.М. К вопросу об определении процессуального статуса нового свидетеля обвинения в уголовном процессе // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25. № 2. С. 225–228.

Шадрин В.С. Реалии и перспективы осуществления конституционных норм в уголовном судопроизводстве // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Рос. Федерации. 2013. № 6 (38). С. 3–7.

References

Bagautdinov K.F. *Dosudebnoe soglashenie o sotrudnichestve: aktual'nye problemy optimizatsii mekhanizma realizatsii i sovershenstvovaniia protsessual'nogo statusa ego uchastnikov: dis. ... kand. iurid. nauk* [Pre-trial cooperation agreement: topical problems of optimization of the implementation mechanism and improvement of the procedural status of its participants: PhD thesis]. N. Novgorod, 2020, 224 p. (In Russ.)

Bulanova N.V. *Prokuror v dosudebnykh stadiiakh ugolovnogo sudoproizvodstva Rossiiskoi Federatsii: monografiia* [Prosecutor in the pre-trial stages of criminal proceedings in the Russian Federation]. Moscow, Iurlitinform Publ., 2015, 216 p. (In Russ.)

Dikarev I.S. *Sistema sderzhek i protivovesov v dosudebnoy proizvodstve po ugolovnym delam* [The system of checks and balances in pre-trial criminal proceedings]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian law], 2018, № 3 (255), pp. 78–89. (In Russ.)

Kachalova O.V. *Optimal'nyi moment dlia rassmotreniia ugolovnogo dela s zakliuchennym dosudebnym*

soglasheniem o sotrudnichestve [The optimal moment for considering a criminal case with a concluded pre-trial cooperation agreement]. *Iuridicheskaiia nauka i pravookhranitel'naia praktika* [Legal Science and Law Enforcement Practice], 2015, № 4 (34), pp. 97–103. (In Russ.)

Kobzarev F.M. *K voprosu ob opredelenii protsessual'nogo statusa novogo svidetelia obvineniia v ugovnom protsesse* [On the question of determining the procedural status of a new prosecution witness in criminal proceedings]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2019, vol. 25, № 2, pp. 225–228. (In Russ.)

Shadrin V.S. *Realii i perspektivy osushchestvleniia konstitutsionnykh norm v ugovnom sudoproizvodstve* [Realities and prospects for the implementation of constitutional norms in criminal proceedings]. *Vestnik Akademii General'noi prokuratury Ros. Federatsii* [Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office Ros. Federation], 2013, № 6 (38), pp. 3–7. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.06.2021; одобрена после рецензирования 22.07.2021; принята к публикации 18.08.2021.

The article was submitted 10.06.2021; approved after reviewing 22.07.2021; accepted for publication 18.08.2021.

ПОНЯТИЕ «ДОБРОСОВЕСТНОСТИ» В ПРАКТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА СПРАВЕДЛИВОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Травин Георгий Денисович, Высшая школа экономики, Москва, Россия, travingeorgiy@yahoo.com

Аннотация. В рамках настоящей работы рассматривается толкование и применение понятия «добросовестности» Европейским судом справедливости. Понятие, исторически игравшее значительную роль в национальных правовых системах государств-участников Европейского союза, сохраняет присущую ему функцию и используется для выполнения аналогичных задач также и на наднациональном уровне, хоть и с рядом особенностей. Актуальность подобного опыта обусловлена активизацией общемировых интеграционных процессов и лидирующей позицией, которую Европейский союз занимает в их общем развитии и, в частности, в расширении унификации материального права. В результате анализа ряда решений Европейского суда справедливости, содержащих интерпретацию положений вторичного права ЕС, обозначена роль, которую такое толкование «добросовестности» играет в гражданско-правовых отношениях в Европейском союзе как наднациональном образовании. Рассматривается судебная практика Европейского суда справедливости в области защиты прав потребителей и интеллектуальной собственности и делается вывод о возможности потенциального приложения иностранного опыта российским правоприменителем.

Ключевые слова: добросовестность, вторичное право Европейского союза, толкование, решения Европейского суда справедливости, потребительские правоотношения, правоотношения интеллектуальной собственности.

Для цитирования: Травин Г.Д. Понятие «добросовестности» в практике Европейского суда справедливости как инструмент регулирования гражданско-правовых отношений в Европейском союзе // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 249–256. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-249-256>

Research Article

NOTION OF GOOD FAITH IN EUROPEAN COURT OF JUSTICE PRACTICE AS A REGULATORY INSTRUMENT FOR CIVIL MATTERS IN THE EUROPEAN UNION

Georgiy D. Travin, Higher School of Economics, Moscow, Russia, travingeorgiy@yahoo.com

Abstract. This article analyses construction and application of the “good faith” concept by the European Court of Justice. Historically having played an important role in the national law of the EU member states the term functions with a similar but not identical purpose on the supranational level within the European Union law. Topicality of the referenced practices is based on the EU’s leading role in the general globalisation and unification of substantive law. After an analysis of the European Court of Justice judgements constructing EU Secondary law provisions which refer to “good faith” the role said construction plays in regulation of civil matters in the European Union as a supranational authority is outlined. Case law on matters concerning consumer protection and intellectual property are analysed and a conclusion on probability of applying foreign practices to Russian law is made.

Keywords: good faith, European Union Secondary law, construction, European Court of Justice judgements, consumer law matters, intellectual property law matters

For citation: Travin G.D. Notion of good faith in European Court of Justice practice as a regulatory instrument for civil matters in the European Union. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 249–256 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-249-256>

Понятие «добросовестности» представляет собой достаточно противоречивую юридическую концепцию. Несмотря на максимально абстрактный характер, нахождение на стыке нескольких дисциплин и отсутствие однозначного определения как правовой категории, «добросовестность» признается в большинстве мировых правовых систем и, получив наиболее широкое распространение в рамках обязательственного права, также используется и в иных частных и публичных отраслях.

Оно также играет значительную роль и в сравнительно молодом праве Европейского союза. В силу общей неопределенности содержания «добросовестности» его применение носит каузальный характер. В связи с этим для определения роли «добросовестности» в праве Европейского союза представляется необходимым обратиться к практике высшей судебной инстанции ЕС, Европейского суда справедливости.

Толкование понятия «добросовестности» Европейским судом справедливости.

Обзор решений Европейского суда справедливости, содержащих толкование, а также иные упоминания понятия «добросовестности» показали, что наиболее широкое применение рассматриваемая концепция получила в рамках общеевропейского законодательства о защите прав потребителей. Характерной чертой правоотношений между потребителем и субъектом предпринимательской деятельности является дисбаланс между реальными возможностями сторон обеспечить защиту своих интересов. Он объясняется положением потребителя в качестве стороны, как правило, действующей добросовестно, но обладающей низким уровнем правовой культуры и осведомленности о функционировании рынка соответствующих товаров, услуг или работ. Такое положение потребителя создает угрозу потенциальных злоупотреблений со стороны предпринимателя, осуществляющего свою деятельность на профессиональной основе, высокий уровень осведомленности и правовой культуры которого презюмируются.

Одно из правил, направленных на обеспечение защиты слабой стороны, установлено в Директиве 2005/29/ЕС о недобросовестной коммерческой практике по отношению к потребителям на внутреннем рынке. Ст. 5(2)(а) закрепляет противоречие требованиям профессиональной осмотрительности как основной критерий недобросовестной коммерческой деятельности. В ст. 2(h) «профессиональная осмотрительность» раскрывается как «уровень профессиональных навыков и осмотрительности, демонстрацию которого было бы разумно ожидать от субъекта предпринимательской деятельности в его отношениях с потребителем и соответствующий стандартам справедливой коммерческой практики (от англ. «fair market practice»), а также общему принципу до-

бросовестности применительно к сфере деятельности субъекта предпринимательской деятельности»¹.

Рассматриваемый спор возник в результате введения покупателя в заблуждение в отношении характеристик приобретенного им ноутбука SONY VAIO. Утверждалось, что покупатель не был должным образом осведомлен продавцом о наличии на компьютере предустановленного программного обеспечения, операционной системы Windows Vista. Кроме того, истец не имел возможности приобрести выбранный им компьютер без предустановленного программного обеспечения, а в возврате части покупной цены в размере эквивалента стоимости предустановленного программного обеспечения, то есть фактической оплаты только аппаратного обеспечения, ему было отказано.

Французский кассационный суд запрашивал разъяснение, как характеризовать действия продавца в настоящей ситуации: действовал ли он добросовестно, проявил ли достаточную степень профессиональной осмотрительности, следует ли считать его действия недобросовестной коммерческой практикой? В качестве основного критерия «добросовестности» Европейский суд справедливости установил соответствие действий продавца ожиданиям среднестатистического потребителя (от англ. “average consumer”)². Было установлено, что среднестатистический потребитель при покупке компьютерного оборудования приобретает компьютер уже готовым к использованию. Так как эксплуатация компьютера без операционной системы по большому счету невозможна, действия продавца в данном споре не нарушали требований, предъявляемых к добросовестности и профессиональной осмотрительности, следовательно, не могут считаться недобросовестной коммерческой практикой.

Подобная характеристика действий Sony Europe Limited основывалась на следующих критериях: во-первых, продавец ориентировался на разумные ожидания среднестатистического потребителя, во-вторых, информация о характеристиках составляющих потребительского товара была предоставлена им потребителю надлежащим образом, в достаточном объеме и соответствовала действительности, в-третьих, предоставив возможность вернуть товар и получить покупную цену после предъявления находящимся в заблуждении покупателем претензии в отношении товара, продавец проявил достаточную заботу о конечном потребителе.

И наоборот, если бы продажа компьютерного оборудования осуществлялась без предустановленной операционной системы, такая практика считалась бы недобросовестной, так как не соответствовала бы ожиданиям среднестатистического потребителя, приобретающего компьютер готовым к употреблению³.

Настоящее решение иллюстрирует конкретизацию Европейским судом справедливости абстрактной формулы о добросовестном поведении через формирование общих правил поведения субъекта розничной торговли на основании проверки ряда конкретных действий ответчика на соответствие их сформулированным судом критериям добросовестности. Согласно сформированному правилу, действия добросовестного продавца должны соответствовать разумным ожиданиям среднестатистического потребителя конкретного вида товаров, о существенных характеристиках которых или элементах которых потребителю должна быть предоставлена информация, достаточная для принятия взвешенного решения о приобретении или отказе от приобретения соответствующего товара; тем не менее если, несмотря на соблюдение всех требований профессиональной осмотрительности продавцом, покупатель, действуя добросовестно, все равно впадет в заблуждение относительно существенных характеристик приобретаемого товара и совершит сделку, которую бы не совершил в отсутствие заблуждения, продавец все равно должен проявить заботу о таком покупателе.

Еще одно правило, направленное на ограничение злоупотреблений предпринимателей в отношениях с потребителями, установлено в ст. 3(1) Директивы 93/13/ЕЕС о несправедливых условиях в потребительских договорах как «условие договора, которое не было напрямую согласовано сторонами, считается несправедливым, если оно противоречит требованию добросовестности и в значительной мере нарушает соотношение прав и обязанностей сторон по договору не в пользу потребителя». То есть условия договора будут считаться для потребителя обязательными, только если он непосредственно ознакомился с текстом такого договора. Законодатель в первую очередь имеет в виду распространенную практику заключения договоров присоединения на типовых условиях путем включения в их текст ссылок на внутренние документы субъекта предпринимательской деятельности⁴.

RWE Vertrieb AG, занимающаяся поставкой газа, заключала со своими клиентами два вида договоров: договоры со стандартными тарифами, в отношении которых типовые условия и тарифы устанавливались государством, компания дублировала соответствующие акты как свои внутренние документы, такие договоры заключались с большинством клиентов в обязательном порядке; договоры со специальными тарифами, в отношении которых типовые условия и тарифы устанавливались самой компанией, однако на практике именно компанией регулировались только тарифы, а типовые условия также дублировали установленные государством. Во втором случае поставщик получал возможность при условии пред-

варительного уведомления покупателя в одностороннем порядке изменять тарифы. В период с 2003 по 2005 гг. компания четыре раза повышала тарифы. При этом, несмотря на наличие соответствующего права расторгнуть договор в случае изменения его условий, у потребителей отсутствовала фактическая возможность найти другого поставщика.

Запрос немецкого суда сводился к разрешению вопросов о применимости Директивы⁵ и предоставления характеристики в отношении справедливости включенных в договор условий об одностороннем изменении его условий и добросовестности действий компании.

Для договоров присоединения характерно полное отсутствие у потребителя возможности реально влиять на условия договора. Таким образом, договор заключается в отсутствие переговоров на условиях, подготовленных предпринимателем. Зачастую потребитель встает перед выбором: заключать договор на невыгодных условиях или не заключать вовсе. В рассматриваемом споре в силу сильных монополистических тенденций на рынке коммунальных услуг, связанных с собственностью поставщиков на объекты инфраструктуры, необходимые для транспортировки газа для бытовых нужд, положение потребителя дополнительно усугубляется отсутствием альтернативных поставщиков. Таким образом, крупные энергетические компании могут обогащаться за счет потребителя, навязывая им невыгодные условия, злоупотребляя своей рыночной властью (от англ. «bargaining power»).

При разрешении настоящего спора потребитель снова стал «мерой всех вещей». Добросовестность предпринимателя определяется на основе действий, принятых им для обеспечения достаточной осведомленности потребителя. Среди таких действий: во-первых, использование в тексте договора однозначных формулировок, понятных потребителю; во-вторых, условия договора, имеющие существенное значение для потребителя, должны быть включены непосредственно в текст договора, а не содержаться в ином документе, ссылке на который такой договор содержит, даже если такие условия дублируют положения законодательства; в-третьих, перед подписанием договора потребителю должна быть предоставлена возможность ознакомления с полным текстом такого договора.

Данные требования призваны обеспечить принятие потребителем взвешенного решения о подписании договора на основании оценки им потенциальных последствий такого подписания⁶.

В рассматриваемом случае Европейский суд справедливости снова формулирует конкретные требования к предпринимателю, исходя из интересов потребителя. Простого информирования кли-

ента об условиях заключаемой сделки может быть недостаточно для его защиты. В связи с этим правоприменитель пытается обеспечить не просто доступ к информации и возможность ознакомления с ней, но также понимание и осмысление клиентом реального содержания подписываемого им договора, его прав и обязанностей, возникающих в результате подписания такого договора.

К сожалению, Европейский суд справедливости не может изменить экономических особенностей функционирования бизнеса в определенной сфере и на определенной территории, однако он в состоянии обеспечить достаточную информированность потребителей, а следовательно, своевременное обнаружение злоупотреблений и последующее их устранение уже в административном порядке. Резюмируя, можно отметить, что Европейский суд справедливости следует известной древнеримской формуле «*praemonitus, praemunitus*» («предупрежден – значит вооружен»).

Наиболее широкое распространение концепция «добросовестности» получила в договорном праве, однако им не ограничилась. В рамках общеевропейского права «добросовестность» также активно применяется в регулировании различных аспектов регистрации и использования прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. На приводимых далее примерах можно наблюдать различные приемы юридической техники, используемые законодателем при закреплении «добросовестности» в правовых актах. Например, закрепление наряду с обязательством действовать «добросовестно», также и запрет действовать «недобросовестно».

Ст. 3(с) Регламента 874/2004, устанавливающего правила публичного порядка (от англ. «*public policy*»), о введении в действие и функциях домена верхнего уровня .eu и принципах его регистрации содержит ряд требований к содержанию заявления о регистрации доменного имени, которое среди прочего должно включать заверение заявителя о добросовестности его действий и отсутствии нарушения такими действиями прав и законных интересов третьих лиц. Ст. 21(1)(b) дополняет это правило, устанавливая «недобросовестную регистрацию или использование» доменного имени в качестве основания отзыва такого доменного имени. При этом в ст. 21(3) как недобросовестные определяются действия: направленные на «продажу, передачу в аренду или передачу иным образом прав на доменное имя их реальному держателю, права которого признаются»; совершенные «с целью препятствовать использованию реальным держателем, права которого признаются, соответствующего доменного имени»; «с целью нарушения профессиональной деятельности конкурента»; «с целью

извлечения прибыли от привлечения пользователей, введенных в заблуждение относительно принадлежности доменного имени»; или «в случае если доменное имя является личным именем лица, никак не связанного с заявителем». Фактически таким образом устанавливается защита добросовестного держателя прав на определенное доменное имя⁷.

Interportal und Marketing GmbH, австрийская компания, занимающаяся администрированием веб-сайтов для торговли и продвижения различных товаров, зарегистрировала товарный знак “&R&E&I&F&E&N&”⁸ в отношении категории товаров «ремни безопасности» через уполномоченный регистрационный орган, находящийся в Швеции. Одновременно она также зарегистрировала еще несколько товарных знаков, используя аналогичное специфическое написание. Как было установлено судом, компания не планировала расширение своей деятельности в область маркетинга и торговли ремнями безопасности и только впоследствии объявила о намерении создания и дальнейшей эксплуатации интернет-площадки для торговли шинами⁹ под соответствующим доменным именем. Таким образом, торговый знак был зарегистрирован лишь с целью впоследствии зарегистрировать соответствующее ему доменное имя “reifen.eu”.

Параллельно с этим R. Schlicht произвел регистрацию товарного знака “ReiFen” в отношении категории товаров «моющие средства» на территории стран Бенилюкса с целью изготовления и продажи на территории ЕС и прилежащих стран средств для мытья окон¹⁰.

Суд первой инстанции вынес решение в пользу R. Schlicht’a, суд апелляционной инстанции принял решение о необходимости применения Регламента и направил в Европейский суд справедливости преюдициальный запрос о разъяснении изложенных выше положений. Содержащийся в Регламенте перечень форм проявления недобросовестности носит очень узкий характер, что затрудняет его применение к описанным обстоятельствам. Несмотря на очевидно недобросовестный характер действий Interportal und Marketing GmbH, формально они не могли быть охарактеризованы как злоупотребления из-за излишней конкретности формулировок Регламента¹¹.

Во-первых, в результате анализа текста регламента на нескольких официальных языках ЕС, включая английский, итальянский, испанский, польский, болгарский и т. д., было установлено, что перечень проявлений недобросовестной практики не является исчерпывающим, так как в формулировке используется вспомогательный глагол «может» и предложенные варианты являются лишь примерами¹².

Во-вторых, в качестве иных проявлений недобросовестной практики были обозначены: регистрация товарного знака исключительно с целью приобретения прав на него и без намерения в дальнейшем ис-

пользовать непосредственно для индивидуализации товаров или с намерением использовать его не по назначению, то есть в отношении товаров, иных, чем те, в отношении которых он был зарегистрирован; искажение и маскировка слова, являющегося именем нарицательным, используемым для определения группы товаров, с помощью использования специальных символов или правил транскрипции, закрепленных в ст. 11 Регламента, например, с целью регистрации прав на универсальный товарный знак; массовая регистрация значительного количества товарных знаков и соответствующих им доменных имен в течение короткого временного периода.

Таким образом, Европейский суд справедливости сформировал следующие критерии добросовестности применительно к действиям по регистрации прав на товарный знак: форма, в которой представлен товарный знак, наличие или отсутствие намерения использовать товарный знак в профильном сегменте рынка; корреляция регистрации товарного знака и доменного имени; регистрация заявителем большого количества товарных знаков, определяемых именами нарицательными. А также следующие критерии добросовестности применительно к действиям по регистрации доменного имени зоны .eu: факт регистрации заявителем большого количества доменных имен, определяемых именами нарицательными; корреляция регистрации доменного имени и регистрации товарного знака для этой цели; злоупотребление использованием специальных или пунктуационных знаков в соответствии с правилами ст. 11 Регламента¹³.

На основании изложенных критериев правоприменитель определяет намерения заявителя использовать зарегистрированный товарный знак или доменное имя по назначению или в иных целях.

Также стоит отметить, что ст. 3(с) устанавливает требование добросовестного поведения лишь на момент подачи заявления и регистрации, следовательно, не распространяется на ситуации, в которых у заявителя уже после получения статуса правообладателя возникло намерение недобросовестно использовать зарегистрированное доменное имя.

Злоупотребление правом традиционно понимается как недобросовестная реализация лицом своего права, в результате которого правам и законным интересам третьих лиц может быть причинен вред. По общему правилу, злоупотребление правом не допускается. Настоящее правило в отношении предприятий, занимающих доминирующее положение на едином рынке или контролирующих его существенную часть, закреплено в ст. 102 Договора о функционировании Европейского союза¹⁴.

Huawei, одна из крупнейших мировых телекоммуникационных компаний, на основании лицензионных договоров передавала право пользования разработанными ей технологиями другим компаниям на условиях FRAND. На данные технологии в соответствии с Европейской патентной конвенцией был получен так называемый стандарт-необходимый патент (от англ. “standard essential patent”)¹⁵. Одним из лицензиатов должен был стать еще один технологический гигант, компания ZTE, которая в преддверии заключения лицензионного соглашения с Huawei начала производство и распространение продукции, использующей лицензируемые ей технологии, на территории Европы. Подобная деятельность не была прекращена, даже несмотря на то, что стороны не смогли согласовать условия лицензионного соглашения и оно не было заключено. При этом Huawei не получала никакого вознаграждения в форме роялти или иных отчислений.

Немецкий суд в своем преюдициальном запросе ставил вопрос о том, следует ли рассматривать иск о наложении судебного запрета (от англ. “action for injunction”), направленный лицензиатом технологий в рамках стандарт-необходимых патентов, в качестве злоупотребления положением на рынке.

Споры, связанные со стандарт-необходимыми патентами, отличаются высоким риском усиления монополистических тенденций в рамках отдельной сферы предпринимательской деятельности при разрешении их в пользу лицензиара и значительным нарушением исключительных прав лицензиара при разрешении в пользу лицензиата.

В рассматриваемом споре в действиях Huawei отсутствовали признаки недобросовестности или злоупотребления. В своем решении Европейский суд справедливости сформулировал инструкцию для правообладателя, следование которой при возникновении спора в подобных обстоятельствах призвано обеспечить его добросовестное поведение. После обнаружения факта нарушения его прав правообладателю следует направить в адрес нарушителя уведомление с требованием о прекращении действий, нарушающих права, в котором также должно быть обозначено намерение подать иск о наложении судебного запрета на действия нарушителя в случае, если он не прекратит подобные действия. Такая последовательность действий направлена на защиту лиц, которым не было известно о принадлежности используемой технологии и факте нарушения. В таком случае между правообладателем и нарушителем заключается лицензионное соглашение, и использование технологии продолжается, но уже на возмездной основе¹⁶.

При разрешении настоящего спора Европейский суд справедливости не сформулировал конкретных критериев добросовестности, однако ясно указал на то, что при квалификации действий лица как добросовестных или недобросовестных решающее значение должны иметь их намерения. Установить на-

мерения

мерения может быть сложно, но в качестве основного объективного проявления намерений следует обратить внимание на действия лица после доведения до его сведения информации о наличии нарушения, направлены ли эти действия на устранение таких нарушений, урегулирование спора, легитимацию использования исключительных прав лицензионным соглашением, затягивание переговоров по заключению такого соглашения.

Роль каузального толкования «добросовестности» во вторичном праве Европейского союза.

Повсеместно, в том числе и в Европейском союзе, «добросовестность» используется законодателем как универсальный инструмент регулирования общественных отношений в целом и отношений с участием субъектов гражданского оборота в частности. Как видно из рассмотренных выше решений, в этой роли «добросовестность» уравнивает правоотношения, процесс нормальной реализации которых был нарушен. Характер таких нарушений во всем многообразии их проявлений, как правило, сводится к наличию диспропорции соблюдения интересов сторон. Ее возникновение неминуемо влечет отступление от социального идеала, достижение которого является основной целью правового регулирования и на обеспечение которого в целом направлено право. Существование «добросовестности» обусловлено неизбежным наличием недостатков любой правовой системы.

Во-первых, очевидно, что актуальное законодательство постоянно устаревает. С развитием технологий и воображения мошенников появляются и новые правоотношения, немедленное урегулирование которых и есть основная задача законодателя. Тем не менее эта задача не такая простая. Законодатель всегда разрывается между специальным и общим регулированием, через конкретные и эффективные правила или правила более абстрактные, но имеющие широкую область действия. В любом случае законодатель не всегда может предугадать вектор развития правоотношений, а если ему это и удастся, то только в предельно общих чертах. Таким образом, он всегда остается в позиции догоняющего. Подобная ситуация усугубляется неповоротливостью государственного аппарата.

Во-вторых, исчерпывающее регулирование полного спектра существующих правоотношений даже в статике, не учитывая уже обозначенной динамичности их развития, невозможно, в силу их безграничности и ограниченности только пределами человеческого восприятия и воображения.

Однако во всем своем многообразии любое правоотношение подразумевает наличие субъекта, который, в свою очередь вступая в такое правоотношение, руководствуется определенными намерениями.

При этом речь идет не о субъективной предварительной оценке результата реализации правоотношения и ее объективных проявлениях, а о соотношении модели реализации правоотношения, сформированной его субъектом, с моделью реализации правоотношения, воспринимаемой обществом в качестве должной, социального идеала, и решении такого субъекта своими действиями этого идеала достигать или не достигать, соответственно, действовать добросовестно или нет.

Однако, обращаясь к «добросовестности», законодатель отходит от юриспруденции в ее классическом понимании. Определение «добросовестности» как правовой категории значительно затруднено в силу ограниченности юридического инструментария и необходимости использования отдельных достижений иных научных сфер, включая философию с присущими ей наработками по морально-этическим вопросам и теории познания, а также поведенческую психологию для понимания особенностей восприятия субъектом собственных действий и их потенциальных последствий. Другой парадокс «добросовестности» заключается в мнимом понимании содержания понятия, с рядом трудностей в формулировании его определения, что можно считать одной из причин традиционного отсутствия определений «добросовестности» в законодательстве использующих эту концепцию стран.

Из восприятия добросовестности как «панюридического» понятия, определяемого не только юриспруденцией, но общественными науками в совокупности, и его неопределенности следует необходимость, во-первых, обличения неправовых научных достижений в доступную для использования в юриспруденции форму и, во-вторых, наполнения понятия содержанием через казуистическое толкование абстрактных правил о добросовестности. Эта цель достигается с помощью доктрины и судебной практики. От степени разработанности доктрины и разветвленности судебных решений зависит возможность успешного применения концепции «добросовестности» на практике. После оформления судами базового набора критериев «добросовестности» или ситуаций, характеризующих базовым набором элементов, как можно было наблюдать выше на примере практики Европейского суда справедливости, возможно уже использование «добросовестности» через применение этих критериев или по аналогии с отдельными элементами таких ситуаций.

Использование подготовленных Европейским судом справедливости критериев правоприменителем призвано создать универсальную схему оценки правоотношения через присущие любому правоотношению элементы. Несмотря на разнообразие этих составляющих и бесконечное число их комбинаций, среди них

все равно существуют постоянные, позволяющие объединить их в группы широкого порядка. Любое правоотношение подразумевает наличие субъектов, любой субъект, вступая в такое отношение, руководствуется определенными целями и своими действиями опосредует их достижение. Именно к этим намерениям субъектов и обращается «добросовестность», а законодатель через их анализ создает универсальный подход к правовому регулированию.

Добросовестность в данном случае выступает в качестве спасительного средства в борьбе законодателя с излишней перегруженностью нормативных актов.

Тем не менее у добросовестности есть и негативная сторона. Неопределенность термина подразумевает возможность его расширительного толкования. Баланс между волей законодателя на стадии правотворчества и судебским усмотрением на стадии правоприменения нарушается. Воля законодателя зачастую может исказиться через судебное толкование. Теоретически оно же может и ограничить произвол нижестоящих судов, но система, которая занимается самоограничением, по определению обречена на провал, так как не всегда можно рассчитывать на сознательность и добросовестность высшей судебной инстанции. Именно так и развивается ситуация в Европейском союзе, однако расширительное толкование Европейским судом справедливости положений вторичного права ЕС подчинено не столько усилению судебной власти, сколько расширению сферы действия европейского права и углублению интеграционных процессов.

Таким образом, Европейский суд справедливости в своей многослойности, обусловленной наднациональным характером Европейского Союза, представляет собой уникальную систему формирования судебной практики. В рамках своей правоприменительной деятельности он максимально приближается к деятельности уже правотворческой. Однако, несмотря на свою уникальность, Европейский опыт может быть очень полезен в силу новаторской роли, которую исторически выполняли правопорядки ведущих европейских государств для остальных стран континентальной системы права. Актуален он и для российского права в части определения направления развития защиты прав потребителей. В данной области отдельные нормы продолжают носить декларативный характер и могут лишь выиграть от формирования вокруг них правоприменительной практики аналогично европейскому опыту.

Примечания

¹ Directive 2005/29/EC of the European Parliament and of the Council of 11 May 2005 concerning unfair business-to-consumer commercial practices in the internal market // J L 149, 11.6.2005, pp. 22–39.

² Определение настоящего понятия также содержится в п. 18 преамбулы Директивы 2005/29/EC.

³ Решение от 7 сентября 2016 г., *Deroo-Blanquart v Sony Europe Limited*, C-310/15, ECLI:EU:C:2016:633

⁴ Council Directive 93/13/EEC of 5 April 1993 on unfair terms in consumer contracts // OJ L 95, 21.4.1993, pp. 29–34.

⁵ В соответствии со ст. 1(2) Директивы она не применяется к договорам, условия которых отражают положения законодательства или международных договоров. Немецкому суду требовалось разъяснение относительно того, должны ли быть отнесены к этой категории договоры, условия которых формально согласуются сторонами в соответствии с принципом свободы договора, но при этом фактически дублируют условия, обозначенные законодателем как обязательные для включения в договор, описанные в рассматриваемой статье.

⁶ Решение от 21 марта 2013 г., *RWE Vertrieb AG v Verbraucherzentrale Nordrhein-Westfalen e.V.*, C-92/11, ECLI:EU:C:2013:180

⁷ Commission Regulation (EC) No 874/2004 of 28 April 2004 laying down public policy rules concerning the implementation and functions of the .eu Top Level Domain and the principles governing registration // OJ L 162, 30.4.2004, pp. 40–50

⁸ Согласно ст. 11 Регламента доменные имена, представляющие собой знаменательные слова и содержащие определенные искажающие знаки, считаются зарегистрированными в отсутствие этих знаков, то есть товарному знаку “&R&E&I&F&E&N&” корреспондирует доменное имя “reifen”.

⁹ В переводе с немецкого “die Reifen” означает «шины».

¹⁰ Название представляет собой аббревиатуру, образованную путем сложения начальных частей немецких слов “die Reinigung”, что означает «чистка», и “das Fenster” – «окно».

¹¹ Деятельность по недобросовестной регистрации доменных имен, содержащих принадлежащие иным лицам торговые марки, с целью воспрепятствовать их использованию такими лицами и с намерением последующей перепродажи «занятых» доменных имен по повышенной цене получила название киберсквоттинг (англ. «cybersquatting»). Деятельность по массовой регистрации и скупке доменных имен с целью дальнейшей спекуляции ими получила название доменнинг (англ. «domaining»).

¹² В английской версии в ст. 21 (3) Регламента “Bad faith, within the meaning of point (b) of paragraph 1 *may* be demonstrated, where: ...”, то есть «[Действия] *могут* считаться недобросовестными в значении п. b абзаца 1, если: ...»

¹³ Решение от 3 июня 2010 г., *Internetportal und Marketing GmbH v Richard Schlicht*, C-569/08, ECLI:EU:C:2010:311

¹⁴ Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union // Official Journal 115, 09/05/2008, pp. 47–390.

¹⁵ Особенностью стандарт-необходимых патентов является необходимость наличия прав на них как на техническое решение для производства, ремонта, эксплуатации или иного способа распоряжения широким кругом использующих его продуктов, конкурентных продуктам патентообладателя. Такая ситуация особенно актуальна для рынка телекоммуникаций. Например, операционная система Android, разработанная Google, которая помимо телефонов в рамках линейки Pixel (ранее Nexus), принадлежащей Google, также используется и конкурентами, включая Huawei. Такая же ситуация сложилась вокруг технологии Huawei в рассматриваемом споре. Для недопущения монополизации рынка и обеспечения высокого уровня качества продукции в определенной сфере компания, которой принадлежит определенная технология, имеющая особое значение для рынка, обязана включить ее в стандарт. В результате этого компания принимает на себя так называемые FRAND обязательства (от англ. «FRAND – fair, reasonable and non-discriminatory»), то есть, несмотря на обладание исключительными правами, выражает свою готовность заключать лицензионные соглашения и предоставлять права на запатентованные тех-

нологии на справедливых, разумных и недискриминационных условиях [Ворожевич: 25].

¹⁶ Directive 2002/47/EC of the European Parliament and of the Council of 6 June 2002 on financial collateral arrangements // OJ L 168, 27.6.2002, pp. 43–50.

Список литературы

Ворожевич А.С. Пределы осуществления исключительных прав на стандарт-необходимые патентуемые объекты и программное обеспечение. Условия FRAND // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2018. № 20. С. 11–26.

References

Vorozhevich A.C. *The limits of the exercise of exclusive rights to the standard-required patented objects and software. FRAND conditions* [Limits of exercising exclusive rights to objects reserved by standart essential patent and software. FRAND terms]. *Zhurnal Suda po intellektualnim pravam* [Journal of the Intellectual Property Rights Court], 2018, № 20, pp. 11–26.

Статья поступила в редакцию 09.04.2021; одобрена после рецензирования 13.06.2021; принята к публикации 18.08.2021.

The article was submitted 09.04.2021; approved after reviewing 13.06.2021; accepted for publication 18.08.2021.

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 257–263. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 257–263. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 347.77

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-257-263>

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ДЕЛАХ О НАРУШЕНИЯХ ЦИФРОВЫМИ ПЛАТФОРМАМИ КОНКУРЕНТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Жевняк Оксана Викторовна, кандидат юридических наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, zevnyak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5789-6747>

Аннотация. Статья посвящена влиянию экономических особенностей рынка цифровых платформ на применение конкурентного права. Целью работы является выявление особенностей экономических исследований, в том числе экономических экспертиз, в делах о нарушении антимонопольного законодательства владельцами цифровых платформ. Для этого исследуются экономические особенности рынка цифровых платформ и применение экономических исследований и экспертиз в делах о нарушениях конкурентного права цифровыми платформами. Выделены виды экономических исследований, проводимых в делах о нарушениях владельцами цифровых платформ антимонопольного законодательства и особенности экономических исследований, в том числе экономических экспертиз, проводимых в таких делах. Эти особенности определяются, прежде всего, спецификой платформенной экономики и заключаются в применении специальных методик квалификации экономических явлений.

Ключевые слова: экономика, право, цифровые платформы, конкурентное право, экономические экспертизы, экономические исследования; нарушения антимонопольного законодательства

Для цитирования: Жевняк О.В. Использование экономических исследований в делах о нарушениях цифровыми платформами конкурентного законодательства // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 257–263. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-257-263>

Research Article

USE OF ECONOMIC RESEARCH IN CASES OF VIOLATIONS OF ANTITRUST LAW BY DIGITAL PLATFORMS

Oksana V. Zhevnyak, Candidate of Jural Sciences, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia, zevnyak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5789-6747>

Abstract. The article is devoted to the influence of the economic features of the digital platform market on the application of competition law. Purpose – to identify the features of economic research, including economic expertise, in cases of violation of antimonopoly legislation by the owners of digital platforms. Thus, the economic features of the digital platform market and the use of economic research and expertise in cases of violations of competition law by digital platforms are investigated. Results. The types of economic research conducted in cases of violations of antimonopoly legislation by the owners of digital platforms and the features of economic research, including economic examinations, carried out in such cases, are highlighted. These features are determined, first of all, by the specifics of the platform economy and they consist in the use of special methods for qualifying economic phenomena.

Keywords: economics, law, digital platforms, competition law, economic expertise, economic research, antitrust cases.

For citation: Zhevnyak O.V. Use of economic research in cases of violations of antitrust law by digital platforms. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 257–263 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-257-263>

Введение

В настоящей статье исследуется вопрос об использовании экономических экспертиз и иных экономических исследований в антимонопольных делах, связанных с деятельностью цифровых платформ. Именно в сфере применения норм конкурентного права ярко проявляется взаимодействие экономики и права. Так, квалификация деяний, нарушающих антимонопольное законодательство, построена на использовании экономических категорий: рынок, границы рынка, доля на рынке, барьеры для вхождения на рынок, монопольно высокая и монопольно низкая цена. Эти и другие понятия, используемые в конкурентном праве, являются экономическими явлениями, и чтобы дать им надлежащую юридическую квалификацию, необходимы специальные познания в сфере экономики.

Что касается экономической деятельности цифровых платформ, то в настоящее время мир переживает платформенную революцию, нас «окружают» многочисленные цифровые платформы по продаже товаров, заказу услуг, поиску работы, бронированию отелей, поиску информации в поисковых системах, социальному общению в социальных сетях, осуществлению платежей, потреблению музыки, фильмов, иного контента и многие другие.

Под цифровой платформой следует понимать, во-первых, «инфраструктуру», технологическую площадку, набор программных продуктов, с помощью которых может быть установлено взаимодействие между двумя и более лицами через предоставление доступа к ним с различных устройств [Доценко, Иванов: 55–60]. Во-вторых, цифровую платформу можно рассматривать как форму ведения бизнеса по организации различного рода взаимодействий между двумя и более сторонами [Колоколов: 95–104; Маркова, Трапезников: 109–119]. В-третьих, цифровая платформа является особым видом рынка, на котором действуют свои экономические законы. Этот рынок экономисты называют двусторонним, или многосторонним, рынком [Eferin, Hohlov, Rossotto: 129–145; Rochet, Tirole: 645–667; Rysman: 125–143; Антипина: 12–19] и делают вывод о формировании новой платформенной экономики.

Деятельность цифровых платформ тесно связана с антимонопольным законодательством, так как многие из них занимают большую долю соответствующего рынка. На рынке цифровых платформ доминируют несколько гигантов: Google, Apple, Facebook, Amazon, Microsoft, Alibaba и другие. Кроме того, платформенная деятельность часто сопряжена с нарушениями в сфере конкуренции. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры антиконкурентной практики цифровых платформ¹, а также дела, возбуждаемые по всему миру национальными антимонопольными

службами. Для борьбы с рыночной властью цифровых платформ применяется существующее конкурентное законодательство, которое зачастую не учитывает специфику платформенной экономики. Для правильной юридической квалификации экономических явлений, происходящих на рынке цифровых платформ, правоприменителю необходимо прибегать к специальным познаниям в сфере платформенной экономики. Представляется, что экономические экспертизы, экономические исследования в таких делах являются необходимыми и имеют свою специфику.

Настоящее исследование посвящено влиянию экономики на правовые явления. Анализируется вопрос о влиянии экономических особенностей рынка цифровых платформ на применение конкурентного права. Цель, поставленная в статье, заключается в выявлении особенностей экономических исследований, в том числе экспертиз, в делах о нарушении антимонопольного законодательства владельцами цифровых платформ. Для этого исследуются экономические особенности рынка цифровых платформ и применение экономических экспертиз и иных экономических исследований в делах о нарушениях конкурентного права цифровыми платформами.

Основные особенности платформенной экономики

Исследователи пишут о сложившейся экономической теории рынка платформ и отмечают, что большинство традиционных методов экономического анализа не подходят для анализа многосторонних онлайн-платформ [Engels].

Экономика платформ обладает существенной спецификой. Наиболее важной ее особенностью является двусторонний, или многосторонний, характер платформенных рынков, что приводит к другим специфическим чертам. Так, среди характеристик многосторонних рынков выделяют их сетевые эффекты, которые связаны с тем, что увеличение числа участников на одной стороне платформы повышает индивидуальную полезность для каждого агента на этой же стороне платформы и приводит к росту индивидуальной полезности, получаемой на другой стороне платформы [Evans, Schmalensee: 151–179; Katz, Shapiro: 424–440].

Другой спецификой является многосторонний характер ценообразования, установление разных цен для участников, а также нулевые транзакционные издержки. Так, плата за услуги платформы может взиматься только с агентов, находящихся на одной стороне платформы, а для агентов другой стороны пользование услугами может являться безвозмездным или существенно более дешевым, с предоставлением скидок, в связи с тем, что от количества агентов именно на этой стороне платформы зависит уровень ее привлекательности для всех агентов. При этом со-

отношение цен для сторон не зависит от предельных издержек, цена может быть ниже их и даже быть отрицательной на той стороне, где участники имеют высокую чувствительность к изменению цены, и их присутствие на платформе привлекает на другой стороне большое число участников с низкой ценовой чувствительностью [Антипина: 12–19].

Особенности платформенной экономики углубляются цифровым характером крупнейших платформ. Цифровые рынки основываются на использовании больших данных и алгоритмов, что позволяет владельцам платформ отслеживать информацию о клиентах, их предпочтениях, пользоваться этой информацией для развития платформенного и смежных бизнесов. Доминирующие цифровые платформы захватывают смежные рынки услуг путем создания новых бизнесов, успешность которых они проверяют, используя информацию клиентов. Захват зачастую происходит и через приобретение смежных бизнесов.

Все эти и другие особенности платформенной экономики влияют на условия конкуренции на рынке цифровых платформ и уровень концентрации рынка. Так, концентрации способствуют такие факторы, как сетевые эффекты, экономия за счет масштаба; препятствуют такие факторы, как перегрузка платформ и возникающие в связи этим «заторы», связанные с ограничением емкости рынка. Кроме того, на концентрацию влияют уровень дифференциации платформ, а также затраты на «переключение». Высокий уровень дифференциации и простота переноса потребителем своих данных с одной платформы на другую способствуют развитию конкуренции [Evans, Schmalensee: 151–179]. В связи с изложенным, по мнению специалистов, меняются условия сделок, слияний и приобретений на этих рынках, меняется характер нарушений антимонопольного законодательства².

Таким образом, платформенная экономика обладает существенной спецификой, влияющей, в частности, на конкуренцию на рынке цифровых платформ и смежных рынках. Для правильной юридической квалификации экономических явлений на рынке цифровых платформ необходимы познания в сфере платформенной экономики.

Типизация экономических исследований, проводимых при рассмотрении антимонопольных дел, на примере дел с участием цифровых платформ

При рассмотрении дел о нарушении антимонопольного законодательства необходимо осуществлять юридическую квалификацию явлений, имеющих экономическое содержание. В литературе исследуются виды экспертиз в антимонопольных делах и стадии их назначения [Князева, Бондаренко, Падерина: 5–22; Шевчук: 382–387]. Представляется, что можно говорить о проведении экономических исследо-

ваний в таких делах как о более широком явлении, так как они осуществляются не только в рамках экономических экспертиз как процессуальных действий.

Так, при установлении нарушения антимонопольного законодательства Федеральная антимонопольная служба России (далее – ФАС) проводит анализ состояния конкуренции на товарном рынке, который является экономическим исследованием рынка, что требует наличия у служащих ФАС специальных познаний в сфере экономики. Это регулируется Приказом ФАС от 28 апреля 2010 г. № 220³. В нем, кроме того, есть упоминание об использовании результатов экономических экспертиз, заключений специализированных организаций, а также отдельных специалистов и экспертов в качестве одного из видов исходной информации для анализа рынка.

В антимонопольных делах могут участвовать эксперты в качестве участников административного процесса, причем как на стадии до возбуждения дела (статус такого эксперта, порядок его привлечения подробно не регламентирован), так и при рассмотрении дела специальной комиссией, созданной ФАС (этот этап регулируется ст. 42.1 Федерального закона «О защите конкуренции»⁴, ст. 25.9, 26.4 КоАП РФ⁵, Приказами ФАС от 19 июля 2019 г. № 980/19⁶, от 25 мая 2012 г. № 339⁷, от 25 мая 2012 г. № 345⁸).

Кроме того, акт ФАС, вынесенный по результатам рассмотрения дела, может быть обжалован в судебном порядке. При рассмотрении 20 % таких дел в арбитражных судах проводится судебная экспертиза в соответствии с АПК РФ, что повышает выигрыш дела на 49 %; инициатором проведения экспертизы выступает как ФАС, так и заявители [Князева, Бондаренко, Падерина: 5–22; Новиков: 33–38].

Помимо этого, лица, в отношении которых ведется антимонопольное дело, зачастую обращаются к экспертам вне рамок рассмотрения административного дела для обоснования своей позиции в переговорах с антимонопольным органом или же решения вопроса об обращении в суд с обжалованием актов ФАС⁹. Данные специалисты привлекаются, как правило, на основании гражданско-правового договора об оказании услуг или осуществляют исследование в рамках своих трудовых обязанностей будучи работниками заинтересованной стороны.

В таблице 1 приведены результаты типизации экономических исследований, проводимых в делах о нарушениях антимонопольного законодательства на разных стадиях. Можно выделить процессуальные и непроцессуальные экономические исследования в зависимости от того, проводятся они в рамках процессуальной формы или вне ее. Так, одним из видов процессуальных экономических исследований является экономическая экспертиза, а одним из ее подвидов – судебная экономическая экспертиза.

Типизация экономических исследований, проводимых в связи с рассмотрением дела о нарушении антимонопольного законодательства

Виды исследований Критерии сравнения	Внепроцессуальные экономические исследования	Процессуальные экономические исследования			
		Экономические исследования вне экспертизы	Экономическая экспертиза		
			Экономическая экспертиза, проводимая при рассмотрении дела ФАС		Судебные экономические экспертизы
			Экспертизы на стадии до возбуждения дела (расследования)	Экспертизы на стадии рассмотрения дела	
Лицо, проводящее исследование	Лицо, имеющее познания в сфере экономики, привлекается на договорной основе	Служащие ФАС, заключение эксперта – один из возможных исходных материалов	Эксперт, привлекаемый лицом, рассматривающим материалы о возбуждении дела	Эксперт как участник административного процесса, привлекаемый комиссией по рассмотрению дела о нарушении антимонопольного законодательства ФАС	Эксперт как участник судебного процесса, привлекаемый судом
Нормативная основа для проведения исследования	ГК РФ, ТК РФ	Приказ ФАС от 28 апреля 2010 г. № 220 «Об утверждении порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке»	Приказ ФАС от 28 апреля 2010 г. № 220 «Об утверждении порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке»	ст. 42.1 Федерального закона от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции», ст. 25.9, 26.4 КоАП, административные регламенты (утв. Приказами ФАС от 25.05.2012 г. № 339, № 345)	АПК РФ

Специфика экономических исследований в делах о нарушении антимонопольного законодательства цифровыми платформами

Проведя анализ ФЗ «О защите конкуренции» и ст. 14.31–14.33 КоАП, можно выявить примерный круг вопросов, которые могут быть установлены с помощью проведения экономической экспертизы или внепроцессуального экономического исследования:

– что является товарным рынком для данного субъекта (группы лиц), какие товары (работы, услуги) являются при этом взаимозаменяемыми, каковы границы рынка, в том числе товарные и географические;

– каков состав хозяйствующих субъектов, действующих на рынке цифровых платформ, каков объем рынка и доля данного субъекта на рынке;

– занимает ли владелец цифровой платформы доминирующее положение на соответствующем товарном рынке (может ли оказывать решающее влияние на общие условия обращения товара на соответствующем товарном рынке, может ли устранять с этого товарного рынка других хозяйствующих субъектов, может ли затруднять доступ на этот товарный рынок другим хозяйствующим субъектам);

– имели ли место отдельные виды злоупотребления доминирующим положением: устанавливал (поддерживал) ли монополю высокую или монополю низкую цену;

– являлось ли или могло ли являться результатом действий субъекта (согласованных действий, соглашений) недопущение, ограничение или устранение конкуренции;

– имеют ли место признаки ограничения конкуренции и другие.

Можно отметить, что состав вопросов, устанавливаемых с помощью экономического исследования, не обладает спецификой при рассмотрении дел в отношении цифровых платформ, так как современное антимонопольное законодательство не содержит специальных норм, посвященных цифровым платформам. Лишь в так называемом «пятом цифровом антимонопольном пакете» (проекте Федерального закона о внесении изменений в ФЗ «О защите конкуренции», разработанном с целью урегулирования антимонопольной практики цифровых платформ¹⁰) предлагается дать специальные критерии доминирования на рынке для цифровых платформ: возможность оказывать влияние на общие условия обращения товара на товарном рынке вследствие распоряжения инфраструктурой и (или) данными как «ключевым» ресурсом, а также сетевые эффекты. Этот проект также содержит специальные пороговые значения сделок по экономической концентрации, совершение которых требует согласования с ФАС. Эти изменения пока не приняты, поэтому дела рассматриваются на основании общих норм.

Представляется, что в любом случае специфика экономики цифровых платформ учитывается при проведении экономических исследований и экспертиз. Понятие рынка, определение его границ, степени влияния на рынок, справедливое ценообразование и другие категории, используемые в законодательстве, определяются спецификой платформенной экономики. Именно в ином подходе к содержательному определению

нию экономических категорий видятся особенности проведения экономических исследований и экспертиз в таких делах. Приведем лишь некоторые примеры, показывающие необходимость учета специфики платформенной экономики.

Так, например, если владелец платформы сам торгует товаром и оказывает влияние на соответствующий товарный рынок, перед экспертом может быть поставлен вопрос о том, что считать рынком для установления его доли на рынке, включать ли в него только рынок аналогичных платформ или еще и смежные рынки. Для определения границ рынка важна возможность владельца цифровой платформы влиять на другие рынки, которую он имеет, собирая данные о своих клиентах и их транзакциях и анализируя их с помощью автоматизированных алгоритмов.

Если осуществляется слияние нескольких платформ, сложно просчитать их возможное общее влияние на рынок после слияния. Это связано с сетевыми эффектами: чем больше участников на одной стороне платформы, тем дешевле платформа для них и, значит, привлекательнее для потенциальных участников этой же стороны; чем больше участников на одной стороне, тем привлекательнее платформа для другой стороны. Следовательно, влияние на рынок после слияния не может быть просчитано только путем сложения стоимости активов объединяющихся компаний.

Сетевые эффекты усложняют вопрос о возможном нарушении конкуренции при слиянии нескольких платформ, совершении сделок, направленных на экономическую концентрацию рынка. При решении этого вопроса важно просчитать экономию, которую получают платформы за счет их масштаба, понять, могут ли возникнуть перегрузки платформ, связанные с ограничением их емкости, выяснить, каковы затраты на перенос потребителем своих данных с одной платформы на другую и так далее.

Категория монополюно низкой цены на рынке цифровых платформ приобретает специфическое значение в связи с отмеченной выше особенностью ценообразования, установлением цен на уровне и даже ниже предельных издержек.

Таким образом, для юридической квалификации экономических явлений на рынке цифровых платформ необходимо использовать новую экономическую теорию цифровых платформ и новые методики экономического анализа многосторонних платформ. Экспертам и специалистам ФАС требуются познания в сфере экономики цифровых платформ. Для этого необходима разработка новых методик определения рынка, границ рынка, доминирования на рынке, справедливого ценообразования, изменение подходов к наполнению существующих в законе терминов применительно к цифровым платформам.

Выводы

1. Выделены виды экономических исследований, проводимых в делах о нарушениях владельцами цифровых платформ антимонопольного законодательства в зависимости от этапа их проведения, результаты типизации представлены в таблице 1.

2. Выявлены особенности проведения экономических исследований, проводимых в делах о нарушениях владельцами цифровых платформ антимонопольного законодательства, которые определяются, прежде всего, спецификой платформенной экономики и заключаются в применении иных методик квалификации экономических явлений, необходимых для применения законодательства о защите конкуренции.

Примечания

¹ О систематизации антимонопольной практики цифровых платформ см.: [Жевняк: 14–41].

² Анатолий Голомолзин о совершенствовании законодательства в условиях цифровой экономики // Официальный сайт ФАС России. 05.01.2019. URL: <https://plan.fas.gov.ru/external/news/28898> (дата обращения: 10.08.2021).

³ Об утверждении порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке: приказ ФАС от 28 апреля 2010 г. № 220 // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <http://base.garant.ru/12177774/> (дата обращения: 10.08.2021).

⁴ О защите конкуренции: (с изм. и доп.): Федеральный закон от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ // Гарант.ру: информационно-правовой портал: (Официальная публикация: Российская газета. 27.07.2006 г.). URL: <http://base.garant.ru/12148517> (дата обращения: 10.08.2021).

⁵ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <http://base.garant.ru/12125267/> (дата обращения: 10.08.2021).

⁶ Об утверждении регламента подготовки и ведения дел об административных правонарушениях в центральном аппарате ФАС России: Приказ ФАС от 19 июля 2019 г. № 980/19 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335100/ (дата обращения: 10.08.2021).

⁷ Об утверждении административного регламента ФАС по исполнению государственной функции по возбуждению и рассмотрению дел о нарушениях антимонопольного законодательства Российской Федерации: приказ ФАС от 25 мая 2012 г. № 339 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_134063/ (дата обращения: 10.08.2021).

⁸ Об утверждении административного регламента Федеральной антимонопольной службы по исполнению государственной функции по установлению доминирующего положения хозяйствующего субъекта при рассмотрении заявлений, материалов, дел о нарушении антимонопольного законодательства и при осуществлении государственного контроля за экономической концентрацией: приказ ФАС от 25 мая 2012 г. № 345. КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_134008/ (дата обращения: 10.08.2021).

⁹ Примеры таких обращений см.: ФАС объяснила высокую оценку доли «Яндекса» и ГК «Везет» на рынке такси // РБК. 15.06.2020. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/15/06/2020/5ee744019a7947783537f26e (дата обращения: 10.08.2021).

¹⁰ Пятый «цифровой» антимонопольный пакет поправок // Официальный сайт ФАС. 19.12.2019 г. URL: <https://fas.gov.ru/p/presentations/582> (дата обращения: 10.08.2021).

Список литературы

Антипина О.Н. Платформы как многосторонние рынки эпохи цифровизации // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 3. С. 12–19. DOI 10.20542/0131-2227-2020-64-3-12-19.

Артюшенко Д.В. Некоторые вопросы экспертного обеспечения производства дел о нарушении антимонопольного законодательства // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. № 12 (4). С. 18–26. DOI 10.30764/1819-2785-2018-13-4-18-26.

Доценко А.В., Иванов А.Ю. Антимонопольное регулирование, цифровые платформы и инновации: дело GOOGLE и выработка подходов к защите конкуренции в цифровой среде // Закон. 2016. № 2. С. 31–45.

Жевняк О.В. Антиконтурная практика цифровых платформ и меры реагирования по российскому и зарубежному законодательству // Право и политика. 2021. № 5 (205). С. 14–41. DOI 10.7256/2454-0706.2021.5.33888. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33888 (дата обращения: 10.08.2021).

Князева И.В., Бондаренко И.В., Падерина К.В. Экспертные процедуры и возможности при рассмотрении дел, связанных с нарушением антимонопольного законодательства // Современная конкуренция. 2017. Т. 11. № 5 (65). С. 5–22.

Колоколов В.А. Инновационные механизмы функционирования предпринимательских структур // Менеджмент в России и за рубежом. 2002. № 1. С. 95–104.

Кузнецова С.А., Маркова В.Д. Проблемы формирования бизнес-экосистемы на основе цифровой плат-

формы: на примере платформы компании 1С // Инновации. 2018. № 2 (232). С. 55–60.

Маркова В.Д., Трапезников И.С. Современные формы партнерства в бизнесе // Мир экономики и управления. 2016. Т. 16. № 4. С. 109–119. URL: <https://lib.nsu.ru/xmlui/handle/nsu/13200> (дата обращения: 10.08.2021).

Новиков В. Кто и когда выигрывает в антимонопольных процессах? // Конкуренция и право. 2014. № 3. С. 33–38.

Шевчук Е.И. Актуальные проблемы применения специальных знаний в ходе расследований правонарушений в сфере антимонопольного законодательства // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5. № 4. С. 382–387. DOI 10.33619/2414-2948/41/55.

Eferin Y., Hohlov Yu., Rossotto C. Digital platforms in Russia: competition between national and foreign multi-sided platforms stimulates growth and innovation. Digital Policy, Regulation and Governance, 2019, vol. 21, № 2, pp. 129–145. DOI 10.1108/DPRG-11-2018-0065.

Engels B. Data portability among online platforms. Internet policy review, 2016, vol. 5, № 2. DOI 10.14763/2016.2.408.

Evans D.S. Platform Economics: Essays on Multi-Sided Businesses. Chicago, Competition Policy International (CPI), 2011, 449 p. URL: <https://www.competitionpolicyinternational.com/assets/Hot-Tubs/SSRN-id1974020.pdf> (дата обращения: 10.08.2021).

Evans D.S., Schmalensee R. The Industrial Organization of Markets with Two-sided Platforms. Competition Policy International, 2007, № 3 (1), pp. 151–179.

Katz M.L., Shapiro C. Network Externalities, Competition, and Compatibility. American Economic Review, 1985, № 75 (3), pp. 424–440.

Rochet J., Tirole J. Two-Sided Markets: a Progress Report. The RAND Journal of Economics, 2006, vol. 37, № 3, pp. 645–667.

Rysman M. The Economics of Two-Sided Markets. Journal of Economic Perspectives, 2009, vol. 23, № 3, pp. 125–143.

References

Antipina O.N. Platformy kak mnogostoronnie rynki epokhi tsifrovizatsii [Platforms as multi-sided markets of the digital age]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia* [World economy and international relations], 2020, vol. 64, № 3, pp. 12–19. DOI 10.20542/0131-2227-2020-64-3-12-19. (In Russ.)

Artiushenko D.V. Nekotorye voprosy ekspertnogo obespecheniia proizvodstva del o narushenii antimonopol'nogo zakonodatel'stva [Some Aspects of Forensic Support in Antitrust Investigations]. *Teoriia i praktika sudebnoi ekspertizy* [Theory and Practice of Forensic Science], 2017, № 12 (4), pp. 18–26. DOI 10.30764/1819-2785-2018-13-4-18-26. (In Russ.)

Dotsenko A.V., Ivanov A.Iu. *Antimonopol'noe regulirovanie, tsifrovye platformy i innovatsii: delo GOOGLE i vyrabotka podkhodov k zashchite konkurentsii v tsifrovoi srede* [Antitrust law, digital platforms, and innovations: GOOGLE case and the development of approaches to the protection of competition in the digital environment]. *Zakon* [Law], 2016, № 2, pp. 31–45. (In Russ.)

Zhevniak O.V. *Antikonkurentnaia praktika tsifrovyykh platform i mery reagirovaniia po rossiiskomu i zarubezhnomu zakonodatel'stvu* [Anti-competitive practices of digital platforms and response measures in the Russian and foreign legislation]. *Pravo i politika* [Law and policy], 2021, № 5 (205), pp. 14–41. DOI 10.7256/2454-0706.2021.5.33888. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33888 (access date: 10.08.2021). (In Russ.)

Kniazeva I.V., Bondarenko I.V., Paderina K.V. *Ekspertnye protsedury i vozmozhnosti pri rassmotrenii del, svyazannykh s narusheniem antimonopol'nogo zakonodatel'stva* [Expert procedures and opportunities related with trial of antitrust cases]. *Sovremennaiia konkurentsiiia* [Journal of Modern Competition], 2017, vol. 11, № 5 (65), pp. 5–22. (In Russ.)

Kolokolov V.A. *Innovatsionnye mekhanizmy funktsionirovaniia predprinimatel'skikh struktur* [Innovative mechanisms for the functioning of entrepreneurial structures]. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom* [Management in Russia and abroad], 2002, № 1, pp. 95–104. (In Russ.)

Kuznetsova S.A., Markova V.D. *Problemy formirovaniia biznes-ekosistemy na osnove tsifrovoi platformy:*

na primere platformy kompanii 1S [The problems of formation a business ecosystem based on a digital platform: using the example of 1C company platform]. *Innovatsii* [Innovations], 2018, № 2 (232), pp. 55–60. (In Russ.)

Markova V.D., Trapeznikov I.S. *Sovremennye formy partnerstva v biznese* [Modern forms of partnership in business]. *Mir ekonomiki i upravleniia* [World of Economics and Management], 2016, vol. 16, № 4, pp. 109–119. URL: <https://lib.nsu.ru/xmlui/handle/nsu/13200> (access date: 10.08.2021). (In Russ.)

Novikov V. *Kto i kogda vyigryvaet v antimonopol'nykh protsessakh?* [Who Wins and When in Antitrust Proceedings?]. *Konkurentsiiia i parvo* [Competition and law], 2014, № 3, pp. 33–38. (In Russ.)

Shevchuk E.I. *Aktual'nye problemy primeneniia spetsial'nykh znanii v khode rassledovaniia pravonarushenii v sfere antimonopol'nogo zakonodatel'stva* [Current problems of use of special knowledge during the investigation of offenses in the sphere of the antitrust law]. *Biulleten' nauki i praktiki* [Bulletin of Science and Practice], 2019, vol. 5, № 4, pp. 382–387. DOI 10.33619/2414-2948/41/55. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.05.2021; одобрена после рецензирования 06.07.2021; принята к публикации 18.08.2021.

The article was submitted 14.05.2020; approved after reviewing 06.07.2021; accepted for publication 18.08.2021.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 264–268. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 264–268. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 811.16

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-264-268>

ИТОГИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРОЕКТА ПО ИЗДАНИЮ ТРУДОВ Г.З. ШКЛЯРА

Неганова Галина Дмитриевна, кандидат культурологии, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, g_neganova@ksu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3247-1440>

Курцова Вероника Николаевна, кандидат филологических наук, Институт языкознания имени Якуба Коласа Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Республика Беларусь, vkurcova@gmail.com

Аннотация. В конце декабря 2017 г. во исполнение заключенного ранее международного договора о сотрудничестве между Костромским государственным университетом и Центром исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, был утвержден трехлетний план работы, в который вошел проект, нацеленный на систематизацию, научную интерпретацию и подготовку к печати наследия Г.З. Шкляра – талантливого лингвиста, в середине XX в. много сделавшего в белорусском языкознании, российской лингвистике, гебраистике. В ходе проекта установлены неизвестные ранее факты биографии Г.З. Шкляра, обобщены результаты его научной деятельности во время работы в Белорусской академии наук (1930-е гг.) и Костромском пединституте (1940–1960-е гг.). Ученый-лингвист активно трудился в области белорусистики: участвовал в составлении белорусско-русского и русско-белорусского словарей, занимался исследованием полонизмов в белорусском языке, работал над внесением изменений в действовавшее белорусскоязычное правописание, над созданием вузовских учебников по современному белорусскому языку. Совместно с С.Л. Рохкинд создал первый в СССР «Идиш-русский словарь (Еврейско-русский словарь)». Исследования в области русского языка в основном были диалектологической направленности. Г.З. Шкляр заложил основы картотеки Костромского областного словаря. В статье рассматриваются результаты международного проекта, освещаются мероприятия, посвященные презентации книги избранных трудов Г.З. Шкляра.

Ключевые слова: Костромской государственной университет, Институт языкознания имени Якуба Коласа, Г.З. Шкляр, презентация книги «Г.З. Шкляр. Выбранные працы. Моўная спадчына», славянское языкознание, белорусский язык, русский язык.

Для цитирования: Неганова Г.Д., Курцова В.Н. Итоги международного проекта по изданию трудов Г.З. Шкляра // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 264–268. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-264-268>

Research Article

RESULTS OF THE INTERNATIONAL PROJECT ON PUBLISHING THE WORKS OF GERTSEL' SHKLYAR

Galina D. Neganova, Candidate of Cultural Studies, Kostroma State University, Kostroma, Russia, g_neganova@ksu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3247-1440>

Veranika N. Kurcova, Candidate of Philological Sciences, Yakub Kolas Institute of Linguistics of the Center for Research of Belarusian Culture, Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus, vkurcova@gmail.com

Abstract. At late December 2017, in pursuance of the previously concluded international agreement on cooperation between Kostroma State University and the Centre for Research of Belarusian Culture, Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus, a three-year work plan was approved. It included a project aimed at systematisation, scientific interpretation and preparation for publication of the heritage of Gertsel Shklyar, a talented linguist who, in the mid-20th century, contributed a lot to Belarusian linguistics, Russian linguistics, hebraistics. In the course of the project, previously unknown facts of Gertsel' Shklyar's biography, summary of the results of his scientific activities during his work at the Belarusian Academy of Sciences (the 1930s) and Kostroma Pedagogic Institute (the 1940s–60s) were disclosed. The linguistic scientist worked actively in the field of Belarusian studies – he participated in the compilation of the Belarusian-Russian and Russian-Belarusian dictionaries, studied Polonisms in the Belarusian language, worked on amending the existing

Belarusian-language spelling, on the creation of university textbooks on the modern Belarusian language. Together with Sof'ya Rokhkind, he created the USSR's first "Yiddish-Russian Dictionary (Jewish-Russian Dictionary)". Research in the field of the Russian language was mainly dialectological. Gertsel' Shklyar laid the foundations for the card index of Kostroma regional dictionary. The article examines the results of the international project, highlights the events dedicated to the presentation of the book of selected works by Gertsel' Shklyar.

Keywords: Kostroma State University, Yakub Kolas Institute of Linguistics, Gertsel' Shklyar, Presentation of book "Gertsel' Shklyar. Selected works. Language heritage", Slavic linguistics, Russian language, Belarusian language.

For citation: Neganova G.D., Kurcova V.N. Results of the international project on publishing the works of Gertsel' Shklyar. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 264–268 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-264-268>

Успешно завершился проект по изданию трудов Герцеля Залмановича Шкляра, ученого, научная деятельность которого связана с Белорусской академией наук (1930–1941 гг.) и Костромским педагогическим институтом имени Н.А. Некрасова (1941–1966 гг.) – ныне Костромским государственным университетом. Реализация проекта, инициированного учебно-научной исследовательской лабораторией «Лексикология и лексикография» ИГНиСТ КГУ, проходила согласно международному договору о сотрудничестве между Костромским государственным университетом и Институтом языкознания имени Якуба Коласа Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси. С российской стороны в проекте участвовали профессор кафедры отечественной филологии Н.С. Ганцовская и старший научный сотрудник Г.Д. Неганова, с белорусской стороны – директор Института имени Якуба Коласа И.Л. Копылов и заведующая отделом диалектологии и лингвогеографии В.Н. Курцова. Образовавшаяся международная исследовательская группа в короткие сроки смогла подготовить материалы, освещающие минский и костромской периоды жизни и научной деятельности лингвиста. Результатом работы стало академическое издание «Г.З. Шкляр. Выбранные працы. Моўная спадчына» (Мінск: Беларуская навука, 2020) [Шкляр].

Г.З. Шкляр много сделал в белорусском языкознании и гебраистике в 1930-е гг. и в российской лингвистике в 1940–60-е гг. Однако до недавнего времени мало что было известно о талантливом ученом. Если о его российском (костромском) периоде в 2014 г. рассказывалось в совместной публикации Н.С. Ганцовской и В.К. Сморгочкова [Ганцовская, Сморгочков], то о работе ученого в Белорусской академии наук имелась лишь краткая информация в «Российской еврейской энциклопедии»: «ШКЛЯР Г. (? – ?), лингвист. Работал в еврейском отд-нии АН БССР. Публиковал науч. ст. в журн. и сб-ках, участвовал в дискуссиях о яз. идиш. Автор работ: "Идише диалектология" (сб. "Цум 15-тн Йортог Октябер револуцие". Минск, 1932), "Кегн нацдемизм ин дер советишер идишер шпрах-бойунг" ("Против нацдемизма в советском

языковом строительстве". "Юнгер арбетор". Минск, 1934) и др. Опубликовал совм. с С. Рохкинд "Идиш-русишер вертербух" ("Еврейско-рус. словарь". Минск, 1940)» [РЕЭ], а в хрестоматии «История белорусского языкознания (1918–1941)» сообщается, что достоверных сведений о жизни и деятельности Г.З. Шкляра не установлено [Запрудскі, Кулеш]. Ценную информацию относительно биографии и некоторых фактов работы ученого в Белорусской академии наук выявил В.К. Сморгочков, обнаруживший в архиве КГУ его личное дело, когда занимался изучением истории Костромского университета. В процессе подготовки материалов для книги белорусскими исследователями велись изыскания в Центральном научном архиве НАН Беларуси и Государственном литературно-мемориальном музее Якуба Коласа; в результате были найдены документы, проливающие свет на минский период биографии ученого.

Из биографических материалов известно, что Герцель Залманович Шкляр родился в г. Борисове в 1904 г. Высшее образование получил в Белорусском государственном университете, после окончания которого в 1930 г. был принят на работу в Белорусскую академию наук (с 1936 г. – АН БССР), где исследовательскую работу совмещал с преподавательской. Обзор сделанного им за десятилетие, подготовленный В.Н. Курцовой на основе архивных документов Национальной академии наук Беларуси, свидетельствует, что это был период чрезвычайно активной научной деятельности, плодотворный и богатый по своим результатам [Курцова]. Совместно с другими языковедами работал над «Толковым словарем еврейского языка», на базе которого Г.З. Шкляр и С.Л. Рохкинд создали первый в СССР «Идиш-русский словарь (Еврейско-русский словарь)» [Рохкинд, Шкляр]. Помимо гебраистики, активно трудился в области белорусистики: участвовал в составлении белорусско-русского и русско-белорусского словарей, занимался исследованием полонизмов в белорусском языке, работал над внесением изменений в действовавшее белорусскоязычное правописание, над созданием вузовских учебников по современному белорусскому языку, также им было написано исследование «Я. Колас в истории белорусского языка», публика-

ция которого планировалась в специальном сборнике АН БССР в 1941 г. Кроме того, во время работы в Академии наук Г.З. Шкляр подготовил диссертацию «Особенности языка Литовского статута», защита которой не состоялась из-за начавшейся войны. В книге избранных трудов Г.З. Шкляра, подготовленной в соответствии с проектом, публикуются написанные им разделы для учебников «Сінтаксіс беларускай мовы» («Синтаксис белорусского языка», 1939 г.) и «Курс сучаснай беларускай мовы (фанетыка, марфалогія, лексіка)» («Курс современного белорусского языка (фонетика, морфология, лексика)», 1940 г.).

В Костроме ученый оказался во время эвакуации из Минска, но связи с АН БССР сохранялись и в послевоенный период. Обнаруженные документы дают основания полагать, что в годы войны, уже работая в Костромском учительском институте (с 1949 г. пединститут, впоследствии университет), он занимался исследованиями «Происхождение и лексический состав белорусского языка» и «Янка Купала в истории белорусского языка». Установлено, что до 1948 г. он подготовил еще одну диссертацию – «Польские элементы в современном белорусском языке», на которую был получен положительный отзыв профессора А.В. Миртова – крупного специалиста в области истории языка и диалектологии, члена Диалектологической комиссии Академии наук СССР, в то время заведовавшего кафедрой русского языка Ярославского педагогического института. В 1953 г. Г.З. Шкляр завершил написание монографии «Белорусско-польские словарные отношения (к вопросу о языковом родстве славянских наций)». Не издававшаяся ранее, в сокращении и с комментариями Н.С. Ганцовской она включена в книгу избранных трудов лингвиста. Одной из последних публикаций по белорусскому языку была его работа «Звательная форма как средство выражения обращения в современном белорусском языке» (1960 г.). Судя по спискам использованной литературы, Г.З. Шкляр был в курсе научных изысканий белорусских ученых.

Исследования лингвиста в области русского языка в основном были диалектологической направленности. В книгу включены следующие его работы: «К вопросу о происхождении народных говоров Костромской области», «Словарные особенности говоров Костромской области и их отражение в языке писателей-костромичей (по материалам картотеки Костромского областного словаря)», «Язык старокостромской деловой письменности и народные говоры Костромской области», «Особенности говоров Костромской области и задачи преподавателей русского языка», «Великая Отечественная война и фольклор Костромской области». Г.З. Шкляр заложил основы картотеки Костромского областного словаря.

Презентация книги так же, как и проект в целом, стала международным мероприятием. Международный круглый стол, который планировался на базе Костромского государственного университета в октябре 2020 г., был отменен в силу известных ограничительных обстоятельств, и презентация прошла в два этапа. В Минске знакомство с книгой совмещало прямую встречу с аудиторией и онлайн-контакт, в котором участвовала российская сторона, главным образом представители Костромского государственного университета. Презентация состоялась 16 февраля 2021 г. в рамках Недели родного языка. Как проходило мероприятие и, главное, о чем книга, что известно научному сообществу о Г.З. Шкляре, подробнее можно узнать на сайте Института языкознания имени Якуба Коласа [Курцова: URL].

Минскую презентацию подготовили совместно Институт языкознания имени Якуба Коласа и Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа. Усилиями сотрудников библиотеки была организована специальная выставка академических изданий, разработок, опубликованных в 30-е гг. XX в., в том числе и тех, в которых представлены исследования Г.З. Шкляра.

На белорусской части мероприятия выступающие рассказывали не только о том, какой след в белорусской и еврейской науке оставил Г.З. Шкляр, но и как создавалась книга «Г.З. Шкляр. Выбранные працы. Моўная спадчына». На условиях работы Герцеля Залмановича в Академии, на атмосфере, которая царил в академических учреждениях Беларуси в 30-е гг. минувшего столетия и на результатах научной деятельности лингвиста, а также на вопросе о том, заслуживает ли этот ученый быть в пантеоне белорусских исследователей, сосредоточилась в своем выступлении В.Н. Курцова. Об истории и наличии архивных документов, связанных с функционированием Академии в передвоенный период, в частности связанных с деятельностью Института еврейской пролетарской культуры, которые хранятся в Центральном научном архиве НАН Беларуси, поведал присутствующим Д.А. Крент. Вместе с историком К.В. Сытько он помогал искать материалы, где встречается имя Г.З. Шкляра. И.О. Гапоненко, доктор филологических наук, профессор, один из рецензентов состоявшегося издания, отметила важность книги как публикации, которая не только возвращает в историю гуманитарной науки по существу неизвестное имя исследователя, но и помогает по-новому оценить исторические факты, события почти столетней давности. Крайне важна книга как источник, позволяющий увидеть особенности использования теоретико-методологической базы исследований в области белорусского языкознания на этапе его становления.

В научной биографии Г.З. Шкляра особое место занимают его контакты с Якубом Коласом (К.М. Мицкевичем), бывшим вице-президентом АН БССР, редактором учебников, в которых автором, а также одним из редакторов был Г.З. Шкляр. На презентации книги «Г.З. Шкляр. Выбранные працы. Моўная спадчына» присутствовала М.М. Мицкевич, внучка Якуба Коласа по отцовской линии. Мария Михайловна получила большое удовлетворение от участия в мероприятии. Она была очень удивлена и обрадована, поскольку благодаря книге научная деятельность ее знаменитого деда, классика белорусской национальной литературы Якуба Коласа, была пополнена новыми историческими фактами.

Значительное место в совместной презентации заняли выступления представителей костромской стороны, принявшие в ней участие в режиме онлайн. Ректор КГУ А.Р. Наумов в своем выступлении отметил, что с выходом книги возвращается к жизни не только память о талантливом исследователе Г.З. Шкляре, который много сделал в области белорусоведения и русской диалектологии, но и его работы, фактически неизвестные в славянской филологии, и выразил надежду, что блестящее начало плодотворного международного сотрудничества будет продолжено и дальше. Много интересного о работе над книгой и о самом учёном рассказали костромские участники проекта. Особенно ярким стал рассказ профессора Н.С. Ганцовской. Будучи студенткой, она слушала лекции преподавателя Г.З. Шкляра и под его руководством проходила диалектологическую практику.

Презентация книги в Костромском государственном университете состоялась 24 мая, в День славянской письменности и культуры. Открыл мероприятие ректор А.Р. Наумов, в официальной части выступили также ректор КГУ им. Н.А. Некрасова в 1989–2014 гг. Н.М. Рассадин и заведующий кафедрой отечественной филологии ИГНиСТ КГУ А.К. Котлов. Белорусской стороной был представлен в видеозаписи доклад В.Н. Курцовой «Книга Г.З. Шкляра – увековечение памяти белорусско-го и русского ученого» (на белорусском языке). О работе над проектом и о содержании книги рассказали Г.Д. Неганова (об истории создания и структуре книги), Н.С. Ганцовская (о представленной в избранных трудах Г.З. Шкляра его монографии «Белорусско-польские отношения (к вопросу о языковом родстве славянских наций)»), доцент кафедры отечественной филологии Е.В. Цветкова (об отражении научно-педагогической деятельности ученого в публикациях костромского периода). Н.С. Ганцовская поделилась личными впечатлениями о Г.З. Шкляре как ученом и как учителе. Выступление профессора кафедры отечественной филологии М.А. Фокиной было посвящено вопросам обучения

славянским языкам студентов университета. Сотрудник музея КГУ Л.М. Битколова, долгое время работавшая с В.К. Сморгочевым, в своем сообщении представила его как историографа и биобиблиографа Г.З. Шкляра. Интересными и эмоциональными были рассказы-воспоминания о семье Г.З. Шкляра директора ИУЭФ КГУ, доктора экономических наук, профессора М.И. Беркович, библиографа Костромской областной универсальной научной библиотеки Н.Ф. Басовой, доктора экономических наук, профессора А.И. Тяжова и других участников круглого стола. Завершилось мероприятие выступлением студентов и преподавателей кафедры отечественной филологии – чтением на белорусском языке стихов классиков белорусской литературы Я. Купалы, М. Богдановича, Я. Коласа.

В презентации, организованной лабораторией «Лексикология и лексикография» ИГНиСТ КГУ, приняла участие научная библиотека университета. Для проведения мероприятия был предоставлен зал фонда редкой книги – гордость библиотеки. Главный библиотекарь И.А. Проворова подготовила выставку, освещающую костромской период научной деятельности Г.З. Шкляра.

Подводя итоги успешно завершившегося международного проекта, можно надеяться, что с изданием книги избранных трудов Г.З. Шкляра имя этого талантливого исследователя займет достойное место в истории российской и белорусской науки.

Список литературы

Ганцовская Н.С., Сморгочев В.К. У истоков систематического изучения костромских говоров: Герцель Залманович Шкляр // Русские народные говоры: прошлое и настоящее: материалы всерос. науч.-практ. конф. «Вторые Громовские чтения», Кострома, 17–18 окт. 2014 г. Кострома: КГУ, 2015. С. 122–130.

Запрудскі С.М., Кулеш Г.І. Гісторыя беларускага мовазнаўства (1918–1941): дапаможнік. Мінск: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, 2008. 259 с. URL: <https://elib.bsu.by/ldap-login> (дата обращения: 30.05.2021).

Курцова В.М. Г.З. Шкляр: праз лютэрка архіўных дакументаў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі // Шкляр Г.З. Выбранные працы. Моўная спадчына / уклад.: В.М. Курцова [і інш.]; навук. рэд.: В.М. Курцова, Н.С. Ганцоўская. Мінск: Беларуская навука, 2020. С. 12–33.

Курцова В.М. Прэзентацыя кнігі «Г.З. Шкляр. Выбранные працы. Моўная спадчына». URL: <https://www.iml.basnet.by/naviny/01-03-2021-prezientacyjanknihi-%C2%ABh-z-skliar-vybranyja-pracy-mounajaspadcyzna%C2%BB> (дата обращения: 01.06.2021).

РЕЭ – Российская еврейская энциклопедия. URL: <http://rujen.ru/index.php> (дата обращения: 30.05.2021).

Рохкинд С., Шкляр Г. Еврейско-русский словарь. Минск: Изд-во Акад. наук БССР, 1940 (1941). 519, [1] с.

Шкляр Г.З. Выбранные работы. Моёная спадчына / уклад.: В.М. Курцова [і інш.]; навук. рэд.: В.М. Курцова, Н.С. Ганцоўская. Мінск: Беларускае навука, 2020. 259 с.

References

Ganczovskaya N.S., Smorchkov V.K. *U istokov sistematičeskogo izučeniya kostromskix govorov: Gercel' Zalmanovich Shklyar* [At the origins of the systematic study of Kostroma dialects: Herzel Zalmanovich Shklyar]. *Russkie narodny'e govory: proshloe i nastoyashhee: materialy vseros. nauch.-prakt. konf. «Vtory'e Gromovskie chteniya»* [International Scientific Conference “Second Gromov Readings”], Kostroma, 17–18 okt. 2014. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2015, pp. 122–130. (In Russ.)

Zaprudski S.M., Kulesh G.I. *Gistoryja belaruskaga movaznavstva (1918–1941)* [History of Belarusian Linguistics (1918–1941)]: dapamozhnik. Minsk, Belarusian State University Publ., 2008, 259 p. URL: <https://elib.bsu.by/ldap-login> (access date: 30.05.2021). (In Belarus.)

Kurcova V.M. G.Z. *Shklyar: praz ljusterka arhiwnyh dakumjentaŭ NacyJanal'naj akademii navuk Bjelarusi* [G.Z. Shklyar: through the mirror of archival documents of the National Academy of Sciences of Belarus]. *Shklyar G.Z. Vybranyja pracy. Mownaja spadchyna* [Se-

lected works. Language heritage], comp. V.M. Kurczova; ed. by V.M. Kurczova, N.S. Ganczoŭskaya. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2020, pp. 12–33. (In Belarus.)

Kurczova V.M. *Prezentacyja knigi “Shklyar G.Z. Vybranyja pracy. Mownaja spadchyna”* [Presentation of the book “Shklyar G.Z. Selected works. Language heritage”]. URL: <https://www.iml.basnet.by/naviny/01-03-2021-prezentacyja-knihi-%C2%ABh-z-skliar-vybranyja-pracy-mounaja-spadcyna%C2%BB> (access date: 01.06.2021). (In Belarus.)

Rossijskaya evrejskaya enciklopediya [Russian Jewish Encyclopedia]. URL: <http://rujen.ru/index.php> (access date: 30.05.2021). (In Russ.)

Roxkind S., Shklyar G. *Evrejsko-russkij slovar* [Hebrew-Russian Dictionary]. Minsk, Akademiya nauk BSSR Publ., 1940 (1941), 519, [1] p. (In Yiddish, in Russ.)

Shklyar G.Z. *Vybranyja pracy. Mownaja spadchyna* [Selected works. Language heritage], comp.: V.M. Kurczova; ed. by: V.M. Kurczova, N.S. Ganczoŭskaya. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2020, 259 p. (In Belarus., in Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.06.2021; одобрена после рецензирования 08.07.2021; принята к публикации 18.08.2021.

The article was submitted 10.06.2021; approved after reviewing 08.07.2021; accepted for publication 18.08.2021.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Направляемый в редакцию материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других изданиях. Статьи, оформленные не по требованиям, не принимаются к рассмотрению!

Все материалы следует представлять в редакцию по электронной почте:

e-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Научные статьи принимаются в редакцию в течение всего года, публикуются в порядке живой очереди по мере наполнения портфеля редакции. Особые случаи с очередностью публикации статей решаются главным редактором.

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word**. Статью в редакцию необходимо прислать в форматах: *.doc, *.docx, *.rtf. Обязательно прикладывается файл статьи в формате *.pdf. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович).

Все статьи проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее **80%**.

Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

Минимальный объем текста статьи с – **не менее 10 000 знаков**. Максимальный объем текста не должен превышать **30 000 знаков (не более 16 страниц)**, включая все сведения об авторе, аннотацию и список литературы с references. Ограничения не распространяются на научные публикации, объем которых, превышающий требования, мотивирован логикой доказательств и количественными показателями публикуемых источников.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК

© **Инициалы и фамилия, 2019**

Аффилиация(и) автора: организация, где проводилось исследование,
г. Город, Страна

Название (жирным шрифтом, строчные буквы)

*Информация о финансировании (ссылки на гранты и пр.)
указывается после названия статьи курсивом*

Аннотация: 150–200 слов.

Аннотация к научной статье представляет собой краткую характеристику текста с точки зрения его назначения, содержания, вида, формы и других особенностей. Она передает главную, ключевую идею текста до ознакомления с его полным содержанием. Научная аннотация условно делится на три части:

- 1. Презентация вопроса или проблемы, которым посвящена статья.*
- 2. Описание хода исследования.*
- 3. Выводы: итоги, которых удалось достичь в результате проведенного исследования.*

В аннотации не допускается привлечение дополнительной информации (биографические данные, историческая справка, отступления, рассуждения и т.д.). В тексте аннотации не должны использоваться очень сложные предложения, изложение строится в научном стиле.

Ключевые слова: 7–10 слов, разделенных запятой.

Информация об авторе: Фамилия Имя Отчество, ORCID автора, ученая степень, ученое звание, место работы полностью: название организации, улица, дом, индекс, город, страна.

E-mail:

Дата поступления статьи: указывается дата отправки статьи в формате: 08.08.2008.

Дата приема статьи к публикации: заполняется в редакции.

Для цитирования: Фамилия И.О. Название статьи // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. XX–XX (страницы будут указаны в редакции). DOI:

Далее вся информация должна быть представлена на английском языке:

© Vladimir A. Smirnov, 2019.

Affiliation(s), Moscow, Russia

Name of the article

Information about financing (links to grants, etc.) is indicated after the title of the article in italics

Abstract: 150–200 word.

Keywords: 7–10 word, separated by a comma.

Information about the author:

E-mail:

Article received: August 08, 2019.

Published:

For citation: Smirnov V.A. Name of the article. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. XX–XX (In Russ.). DOI:

Текст статьи¹ Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи
Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи
статьи Текст статьи... [Анненков: 467].

Примечания (следуют после текста статьи)

¹ К сожалению, современное переиздание перевода Перцова книги Тэна лишено того изобилия фотоснимков и иллюстраций, которыми было богато снабжено его первое издание 1913, 1916 гг.

² О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642. URL: <http://www.consultant.ru/document/cons/> (дата обращения: 11.04.2019).

³ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 2. Оп. 2. Д. 253.

Список литературы

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

References

Annenkov P.V. *Zamechatel'noe desiatiletie. 1838–1848. Iz literaturnykh vospominanii* [A wonderful decade. 1838–1848. From literary memories]. *Vestnik Evropy*, 1880, vol. 2, № 4, pp. 457–506. (In Russ)

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ПРИМЕЧАНИЙ, БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК, СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ И REFERENCES

Примечания

В статье допустимы примечания, которые приводятся после текста, нумеруются арабскими цифрами (в виде верхних индексов) и представляют собой разъяснения, указания на переводы и пр.

Просьба не путать примечания со списком литературы!

Архивные материалы и законодательные материалы также оформляются в виде примечаний.

Архивные материалы:

Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 198. Оп. 7. Д. 68. Л. 22.

Законодательные материалы:

Об организации страхового дела в Российской Федерации: Федеральный закон от 27 нояб. 1992 г: (в ред. от 21 июля 2005 г. № 104-ФЗ) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307 (дата обращения: 28.10.2019).

Библиографические ссылки

Ссылки в тексте статьи оформляются *квадратными скобками* с указанием фамилии автора и страниц. После фамилии автора ставится знак «:» (двоеточие), а далее номер страницы [Коровин: 187].

Книга или статья одного автора: [Лебедев: 28], двух и трех авторов: [Шмидт, Князьков: 52]. Если в книге четыре, пять и более авторов, то она описывается под заглавием [Методика: 34].

Для многотомных изданий и изданий из нескольких выпусков указывается номер тома или выпуска: [Толстой, 12: 415]; [СРНГ, 44: 170].

Для описания книги под заглавием в тексте приводится первое слово или словосочетание (если первое слово определение) названия книги: [Необъявленная война: 102].

В том случае, если в списке литературы есть несколько авторов с одной фамилией, в квадратных скобках необходимо указать фамилию и инициалы автора [Мережковский Д.С. 1990, 3: 256].

Если в списке литературы приводятся две и более публикации одного автора, после фамилии автора указывается год издания, а уже далее страницы [Коровин 2019: 187].

Несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, оформляются добавлением буквенной аббревиатуры к году: [Андреева 2019а: 10]. В этом случае необходимо сделать соответствующее указание в списке литературы: *Андреева В.Г.* Личные интересы героев и мотив ожидания в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019а. № 1 (178). С. 8–12.

Список литературы

После статьи следует список литературы. Он должен быть представлен *в алфавитном порядке*.

Сначала приводятся все русскоязычные источники в алфавитном порядке, после – все источники на иностранных языках.

Фамилия и инициалы автора в списке литературы выделяются *курсивом*.

Между фамилией и инициалами на протяжении всей статьи, в том числе в списке литературы, ставится неразрывный пробел (инициалы при этом пробелом не разделяются). К примеру: Смирнов (**н.п.**) В.А.

Книга одного автора

Хазова С.А. Ментальные ресурсы субъекта: феноменология и динамика. Кострома, КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. 386 с.

Книга двух и трех авторов

Если в книге два или три автора, то указывают всех.

Божиллов И., Тотоманова А., Билярски И. Бориллов синодик. София: Паблшинг компани, 2010. 386 с.

Книга четырех или более авторов

Если у издания четыре, пять и более авторов, то оно описывается под заглавием, за косой чертой указывают фамилии первых трех авторов с добавлением «и др.»

Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студентов / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева и др.; под ред. Е.С. Полат. М.: Академия, 2002. 272 с.

Книга, описанная под заглавием

Жизнь и приключения Максима Горького / сост. И. Груздев. М.; Л.: ГИЗ, 1926. 164 с.

Многотомное издание

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худ. лит, 1928–1958.

Один том из многотомного издания

Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 12. 596 с.

Статьи из сборников

Панкратова Т.М. Образ семьи как механизм ее успешного функционирования // Психологическое благополучие современной семьи. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. С. 119–122.

Королева Е.М., Крюкова Т.Л. Роль диадического копинга в супружеских отношениях // Семья, брак и родительство в современной России; под ред. А.В. Махнач, К.Б. Зуева. М.: Институт психологии РАН, 2015. Вып. 2. С. 105–113.

Статьи из журналов

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

Статьи из газет

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. 1993. 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2003. 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 336–337.

Диссертации и авторефераты диссертаций

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 497 с.

Иностранные источники

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's *There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn* and Plautus' *Aulularia*. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

Материалы из сети Интернет

Симонова И.А. Ф.В. Чижов и А.А. Иванов. URL: http://ruskline.ru/analitika/2008/03/12/f_v_chizhov_i_a_a_ivanov (дата обращения: 20.06.2019).

Ранчин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре XVI–XVIII вв. // Образовательный портал «Слово». Филология. [Б. г.]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Список литературы должен содержать не менее 10 источников по теме исследования, желательно присутствие в нем источников на иностранных языках.

Редакция рекомендует включение в список литературы новых научных исследований (за последние пять лет). Все художественные тексты, воспоминания и пр. также включаются в список литературы.

References

После списка литературы на русском языке в статье должен быть представлен транслитерированный список литературы: References.

Транслитерируются только источники, написанные кириллицей; французские, немецкие, итальянские, польские и пр. источники не переводятся, а остаются в references неизменными.

Для выполнения транслитерации необходимо использовать специальную программу.

✓ Зайти на сайт <https://translit.ru> и выбрать в верхнем правом разделе в появляющемся списке под ▼ позицию LC. Вставить в специальное поле весь текст библиографии на русском языке и нажать кнопку «В транслит».

✓ Затем копировать транслитерированный текст в готовящийся список References.

✓ Далее необходимо отредактировать полученное и добавить переводы на английский язык:

– перевести на английский язык название статьи, книги, журнала и др. и вставить его в квадратных скобках [] после соответствующих названий;

– заменить знак «//» на точку;

– заменить знак «/» на запятую;

– перевести на английский язык место издания (например, было М. – после редактирования: Moscow);

– заменить знак «:» (двоеточие) после названия места издания на запятую;

– после транслитерации названия издательства добавить Publ.;

– при необходимости исправить обозначение страниц: вместо 235 с. – 235 p., вместо S. 45–47 – pp. 45–47;

– курсивом выделить название источника и название журнала;

– в конце транслитерированной библиографической ссылки необходимо добавить указание на оригинальный язык статьи (In Russ.)

Примеры транслитерации источников

Проскурина В.Ю. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: НЛО, 2006. 332 с
Proskurina V.Iu. *Mify imperii. Literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II* [The myths of the empire. Literature and power in the era of Catherine II]. Moscow, NLO Publ., 2006, 332 p. (In Russ.)

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М.: Прогресс, Универс, 1994. 2030 стб. (Репринт. изд. 1903–1909 гг.)

Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka*: v 4 t. [Dictionary of the living Russian language: in 4 vols.], ed. by I.A. Boduena de Kurtene. Moscow, Progress Publ., Univers Publ., 1994, 2030 col. (In Russ.)

Морозов И.Л. «Горестная профанация» (Неопубликованные письма П.В. Анненкова о революции 1848 г. в Париже) // Исторический сборник, 1935, № 4. С. 223–258.

Morozov I.L. “*Gorestnaja profanacija*” (*Neopublikovannye pis'ma P.V. Annenkova o revoljucii 1848 g. v Parizhe*) [“Woeful profanation” (unpublished letters of P.V. Annenkov about the 1848 revolution in Paris)]. *Istoričeskij sbornik* [Historical collection], 1935, № 4, pp. 223–258. (In Russ.)

Непомнящий В.С. Пушкин в свете очевидностей // Новый мир. 1998. № 6. С. 190–216.

Непомнящий В.С. *Pushkin v svete očevidnosti* [Pushkin in the light of evident facts]. *Novyi mir*, 1998, № 6, pp. 190–216. (In Russ.)

Методика воспитательной работы / Л.А. Байбородова, Л.К. Гребенкина, О.В. Еремкина и др.; под ред. В.А. Слостенина. М.: Академия, 2002. 144 с.

Metodika vospitatel'noi raboty [Methodology of educational work], L.A. Baiborodova, L.K. Grebenkina, O.V. Ermkina and etc., ed. by V.A. Slastenin. Moscow, Akademia Publ., 2002, 144 p. (In Russ.)

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 497 с.

Andreeva V.G. *Natsional'noe svoeobrazie russkogo romana vtoroi poloviny XIX veka*: dis. ... dokt. filol. nauk [National identity of the Russian novel of the second half of the XIX century: DSc thesis]. Moscow, 2017, 497 p. (In Russ.)

Шеметова Т.Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2011. 47 с.

Shemetova T.G. *Biograficheskiy mifo Pushkine v russkoi literature sovetskogo i postsovetskogo periodov*: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk [Biographical myth of Pushkin in Russian literature of the Soviet and post-Soviet periods: DSc thesis, summary]. Moscow, 2011, 47 p. (In Russ.)

Ранчин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре // Образовательный портал «Слово». URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Ranchin A.M. *Teoriya «Moskva – Tretij Rim» i ee mesto v russkoj kul'ture* [The theory “Moscow – Third Rome” and its place in Russian culture]. *Obrazovatel'nyj portal «Slovo». Filologiya* [Educational portal “Word”]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (access date: 27.08.2017). (In Russ.)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).
2. В указании дат используются сокращения типа г., гг., в., вв. (полностью слова «год», «годы» не пишутся). *Эти сокращения отделяются от даты неразрывным пробелом!*
3. Кавычки в тексте – елочки « », если появляются кавычки внутри кавычек, то используются лапки “ ”.
4. При первом упоминании автора в тексте приводятся инициалы, далее представляется только фамилия. *Инициалы с фамилией разделяются неразрывным пробелом.*
5. В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например: (рис. 2).
Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tiff (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).
6. Таблицы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например: (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование меньшего кегля, чем основной, но не менее 10.)
7. Формулы выполняются только в редакторе **MS Equation**.
8. Десятичные дроби имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), при перечислении каждая из десятичных дробей отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2021 – Т. 27 – № 3

Учредитель и издатель
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Костромской государственный университет»

Главный редактор
ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе КГУ

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-75265 от 07.03.2019 г.

Подписано в печать 28.08.2021.
Дата выхода в свет 28.10.2021.
Формат 60×90 1/8. Усл. печ. л. 34,3.
Уч.-изд. 35,6 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 131.

Подписной индекс: **18902**
Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, Костромская обл., г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 31-13-22**,
E-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна